000802445

В-3498
I-116299
КС 182
В 71

ФРИЦ ВОЛЬТЕРС

2045

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ АГРАРНЫХ ОТНОШЕНИЙ И АГРАРНОГО ВОПРОСА ВО ФРАНЦИИ 1700—1790 Г.Г.

Проверка

Перевод под редакцией
Н. М. ПОПОВА

82339

Ин. отд. Библиотека Института Живых Восточных Языков

ИСТОРИЧЕСКИЙ
Я Г У № 20115 Л Г У
К А Б И Н Е Т

Знание — сила
РСФСР

000802445
ЭФ СПБГУ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ▫▫ 1923 ▫▫ ПЕТРОГРАД

Staats-und socialwissenschaftliche Forschungen
herausgegeben von G. Schmoller und M. Sering, XXII Band, V Heft.
Fritz Wolters.
Studien über Agrarzustände und Agrarprobleme in Frankreich von 1700 bis 1790.
Leipzig, Duncker & Humblot, 1905.

Гос. Трест „ПЕТРОПЕЧАТЬ“ Тип. им. Володарского. Петроград. Фонтанка, 57.

Гиз. № 2544. Напечатано 2000 экз.

Б... ка
эко... ого
ф... а

Предисловие редактора.

Предлагаемая русскому читателю книга Фрица Вольтерса распадается на четыре самостоятельных очерка. Первый из них посвящен вопросу о распределении земельной собственности накануне революции. Во втором очерке автор дает обстоятельную историю аграрных идей в течении XVIII века. Третий рассматривает аграрное движение за время от 1750 до 1789 г. Наконец, в четвертом очерке дана история борьбы за церковные владения до 2 ноября 1789 г.

Работа Вольтерса не опирается на самостоятельные архивные исследования. Но зато он использовал громадный печатный матерьял источников и хорошо знаком со всей литературой вопроса. Поэтому книга Вольтерса представляет из себя прекрасное введение к изучению аграрного вопроса во Франции XVIII века и в частности связанных с ним социальных и экономических идейных течений.

Перевод первого, второго и третьей главы третьего очерка выполнен редактором перевода. Первые две главы третьего очерка и весь четвертый очерк переведены Любовью Алексеевной Косминской, безвременно скончавшейся в ноябре 1920 года, светлой памяти которой и посвящается издание этой книги.

Н. Попов.

Предисловие автора.

Намерение написать историю аграрной политики французской революции привело меня в 1900 и во второй раз зимой 1901-го года в Париж. Но чем более я углублялся в матерьялы этой истории, тем более я приходил к убеждению, что революционные правительства лишь осуществляли идеи, охватившие широкие массы народа и принявшие форму непреодолимых социальных требований. Нельзя правильно понять и оценить законодательные меры национальных собраний, не уяснив себе предварительно противоположностей, связанных с борьбой социальных и хозяйственных теорий и с аграрным переворотом последних десятилетий старого порядка.

Настоящая работа представляет из себя результат исследований в этой области предреволюционных отношений. Первый очерк появился в 1903 году в качестве диссертации Берлинского Университета. Четыре очерка, на которые распадается книга, представляют из себя четыре отдельных самостоятельных исследования; этим объясняются некоторые повторения, имеющиеся в книге. Я вполне сознаю, что в особенности первый и третий очерк могут быть значительно углублены и расширены путем архивных исследований. Тем не менее я надеюсь, что мне удалось установить основные линии аграрной эволюции, то-есть важнейшей стороны хозяйственного развития клонящегося к упадку старого порядка.

Считаю своим долгом выразить самую глубокую благодарность моему учителю и руководителю в жизни и науке проф. Курту Брейзигу за его живое участие в этом труде.

Выражаю также благодарность моим друзьям Фридриху Андрэ и Рудольфу Геккелю за помощь при чтении корректур.

Фриц Вольтерс.

Берлин-Нидер-Шенгаузен.
26 ноября 1904 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ОЧЕРК ПЕРВЫЙ.

стр.

Земельная собственность накануне революции 1

Глава первая. *Возможности приобретения поземельной собственности для буржуазии и крестьянства* 3

Глава вторая. *Распределение земли между отдельными собственниками. Средняя и мелкая земельная собственность.* 5

Глава третья. *Распределение земли между классами населения* 16

Приложение I. Сравнительная критика изданных А. де-Шармассом сельских наказов бальяжа Autun 25

ОЧЕРК ВТОРОЙ.

Теории земельного передела и земельного коммунизма во Франции XVIII-го века до Революции 35

Глава первая. *Развитие теорий до 1780-го года* 37

I. Возрождение естественного права. 37

II. Естественное право как исходная точка для аграрных теорий . . 39

III. Прообразы аграрных теорий XVIII века. Loi Agraire. 46

1. Утопии и дикари 46

2. Иезуитское государство Парагвай 49

3. Коммунистические общины и особенно семейные общины оверньских крестьян. 53

4. Loi Agraire 56

IV. Критика существующего общества 64

V. Пути и средства к реформе общества 69

1. Теория равного раздела земли 71

2. Теория аграрного коммунизма 76

Глава вторая. *Теории черного передела и аграрного коммунизма в произведениях десятилетия 1780—1790.* 85

I. Критика существующего порядка 87

II. Предложения и требования нового общественного строя. 93

1. Предложения черного передела 95

2. Коммунистические проекты 100

Глава третья. *Точки соприкосновения Loi Agraire с политическими вопросами в начале революции* 105

ОЧЕРК ТРЕТИЙ.

Аграрное движение 1750—1789 г.г.

Введение 121

Глава первая. *Происхождение аграрного движения и его литературное развитие* 123

I. Экономические теории и сельское хозяйство 1700—1750 г.г. 123

II. Влияние Англии и расцвет сельско-хозяйственной литературы с 1751 г. 128

III. Классицизм и сельское хозяйство. 139

стр.

Глава вторая. *Противоположные течения в экономических теориях и изменения в системе обработки земли* 145

I. Учение о народонаселении 145

1. Проблема убыли населения 145
2. Рост населения и национальное богатство. 149

II. Предпочтение мелкому землевладению 153

III. Новая интенсивная земледельческая культура. Крупное и мелкое производство. 161

Глава третья. *Влияние агрономических и экономических теорий* 179

I. Подъем сельского хозяйства и возникновение новых форм производства 179

1. Финансовый подъем 179
2. Распространение новых систем обработки 183
3. Попытки ввести новые хозяйственные формы 186

II. Аграрное движение и феодальные права 195

1. Феодальные права и сельское хозяйство в XVIII веке 195
2. Феодальная реакция 207

III. Аграрное движение и начало революции 218

1. Отношение правительства к сельскому хозяйству за время от 1750 г. до 1789 г. 218
2. Аграрные вопросы века в наказах 1789 года 233

ОЧЕРК ЧЕТВЕРТЫЙ.

Борьба за земельные владения французской церкви в XVIII веке до 2 ноября 1789 г. 257

Введение. 259

Глава первая. *Нападки на церковные владения со стороны законодательства и литературы* 261

I. Антицерковные тенденции в литературе и законодательстве . . . 261
II. Брошюры против церковных владений до ноября 1789 года. . . . 267
III. Представления о численном составе духовенства и размерах его владений. 275
IV. Теории относительно происхождения и употребления церковных владений 277
V. Духовные общины и единство и труд нации; духовенство и учение о народонаселении; церковные имения и земледельческая культура. 280
VI. Права короля на церковные владения 286
VII. Отношение корпоративных владений к государству; право собственности нации на церковные владения 289
VIII. Проекты сокращения или полной конфискации церковных владений; их новое употребление 292

Глава вторая. *Вопрос о церковных владениях в наказах 1789 года* 300

I. Воззрения наказов на право нации на церковные владения . . . 302
II. Пожелания наказов относительно нового употребления и управления церковных владений 306
III. Требования частичного или полного раздробления всего комплекса церковных владений. 312

Глава третья. *Разрешение вопроса о праве собственности на церковные владения первым Национальным Собранием* 318

Приложение II. Брошюры 1789 года за секуляризацию церковных владений и против нее 339

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ

ЗЕМЕЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Возможности приобретения поземельной собственности для буржуазии и крестьянства.

Поднимавшаяся в 12-ом веке буржуазия подготовила окончательную гибель общественному дуализму феодальной эпохи. Она неудержимо стремилась вырвать человека и землю из частной власти крупного землевладельца и подчинить их публичному господству государственной власти.

Так как королевская власть во Франции шла благодаря своим абсолютистическим тенденциям рука об руку с этими стремлениями, то борьба против феодальных землевладельцев привела сначала к освобождению крестьянства от крепостной зависимости, а позднее открыла дорогу буржуазным и крестьянским владельцам к приобретению земельной собственности.

Это привело в течение следующих столетий к большей мобилизации недвижимостей и положило начало более спльному раздроблению землевладения, что для некоторых частей страны может быть ясно показано уже в 15-ом и 16-ом веках [1].

В 17-ом и 18-ом столетиях значительная часть дворянства, вследствие пышной придворной жизни и небрежного управления своими имениями, стала разоряться [2] и тем дала буржуазии и крестьянству возможность приобретать дворянскую земельную собственность.

В начале 18-го века сомнительные финансовые операции шотландца Лоу привели к усиленной мобилизации земельной собственности.

Цены на все товары возросли тогда во много раз, но продукты сельского хозяйства имели то преимущество, что они сохранили высокие цены и после краха предприятий Лоу и тем самым дали в руки крестьянства некоторые средства для приобретения земельной собственности.

С другой стороны, буржуазный капитал в страхе отошел несколько от головокружительных и рискованных биржевых спекуляций и все более и более стал обращаться к сельскохозяйственным предприятиям. Дворянство

[1]) Babeau: Le village sous l'ancien régime (Paris, 1878), стр. 329.—Babeau: La vie rurale dans l'ancienne France (1883), стр. 114—116.—F. Frh. v. Reitzenstein, Agrarische Zustände in Frankreich (1884), стр. 12.

[2]) Об обеднении дворянства в 18-м веке смотри: Archives parlementaires, III, стр. 248. V, стр. 83, 273, 360, 505, 566 и др.—Tocqueville, L'Ancien régime (1877, стр. 117 (русск. перев.: Токвиль. Старый порядок). Taine, L'Ancien régime (1887), стр. 48, 51, 452 и сл. (русск. перев.: Тэн. Старый порядок).—Sully Prudhomme: Des causes de la decadence de la propriété foncière. Revue générale du droit, de la législation, I (1877), стр. 336.—Babeau: La vie rurale, стр. 171.

...ее более всего пострадало от смелой финансовой игры и во многих местностях вынуждено было пустить в продажу имения своих предков [1].

Наряду с дворянскими имениями мобилизация земельной собственности захватила и королевские домены. Правда, уже Кольбер сделал попытку выкупить все отчужденные домены, но издержки, связанные с многочисленными войнами Людовика XIV, вскоре снова заставили правительство возобновить их продажу несмотря на все прежние запрещения [2].

Таким образом французский крестьянин, который всеми фибрами своего сердца стремился к собственной земле и который готов был пойти на какие угодно лишения и жертвы для того, чтобы добыть ее, в первой половине 18-го века получил возможность приобрести некоторую, правда очень незначительную и обремененную разного рода повинностями, но за то ...мельную собственность [3].

Новый подъем крестьянских классов, который имеет место около ...века, еще более усилил стремление их покупать землю. Инвентари ...ди почти всех департаментов обнаруживают в эти десятилетия необычайное движение на земельном рынке, и, начиная с 1750 года, цены на землю ...безостановочно.

Занимающаяся спекуляцией буржуазия скупала дворянские и ...земельные земли, но лишь для того, чтобы перепродавать их большей ...крестьянам [4].

Апогей мобилизации земельной собственности приходится приблизительно на 1778—80 г.г. [5]; впоследствии мы увидим, что как раз в это время ...ет дворянская реакция (в экономическом отношении) против ...добывалой до этого момента форме.

Ниже мы ... распределение земли во Франции ...1789 г.

---

[1] M... ...; Babeau: Les classes sociales ... [illegible] ... [illegible] ... [illegible]

[illegible]

[illegible]. Распределение земли между отдельными собственниками. Средняя и мелкая земельная собственность

[illegible] по вопросу о характере аграрных отношений России к революции, с одной стороны, и недостаток фактического материала, с другой, дают в этом вопросе [illegible] столь различные результаты, что утверждения отдельных исследователей являются иногда совершенно противоположными.

Приверженцы одного направления, наиболее крупным представителем которого является Поль Буато (Paul Boiteau), считали правильными утверждения публицистов, думавших, подобно Вольне и Тарже, что от $\frac{2}{3}$ до $\frac{3}{4}$ или [illegible] всей французской территории принадлежали королю и 400.000 привилегированных, и держался мнения Лавуазье, что накануне революции во Франции существовало лишь 150.000 мелких собственников [1].

Во главе второго направления стоит Алексис Токвиль, который утверждает, что [illegible] в сравнительно короткий период от половины до двух третей современного [illegible] принадлежали уже были земельными собственниками, причем их земли составляли большую [illegible] территории [2].

Этому воззрению присоединился также и Георгиц фон Зибель, с тем [illegible] различием, что, по его мнению, в руках мелкого крестьянства находилась [illegible] не одна треть Франции [3].

К особой точке зрения стоит Н. И. Кареев. Он исходит из предпосылки, что крестьяне одновременно с освобождением от крепостного права были освобождены также и от земли, с которой его связывала до тех пор [illegible] зависимость к помещику. Это чрезвычайно облегчило феодальным господам [illegible] крестьянских дворов. Как известно, вообще весь этот процесс шел [illegible] во Франции, в отдельных же странах он протекал очень медленно.

[1] M. Marion, Les impôts directs sous l'Ancien Régime, principalement au XVIII siècle, Paris, 1910, стр. 1. M. Targe dans ses Observations sur l'Assemblée des Notables de 1787, стр. 5. Arthur Young, Travels during the years 1787, 1788 and 1789, Bury St. Edmonds, 1792, стр. 1.

[2] Tocqueville, Ancien régime, стр. 21 и Р. К. Буато, рецензировавший Токвиля, Revue des deux mondes, 1857, стр. 1. Работы, в которых напечатаны и Babeau, Les Classes rurales et la vie rurale sous l'Ancien régime, Paris, 1885, стр. 1. Основного мнения придерживается и Chassin, Les Cahiers de 1789, Paris, 1889, стр. 1. Cahiers de la sénéchaussée d'Angoulême, Paris, 1907

так что Великая революция наступила как раз во-время, чтобы спасти имения крестьян мелких собственников от полного поглощения крупным землевладением [1].

Все эти исследователи, на какой бы точке зрения они ни стояли, должны были считаться с авторитетным современником, который попытался дать на основании собственного изучения почти всех частей Франции картину сельского хозяйства того времени, который, обладая как всеми необходимыми для специалиста познаниями, так и верным взором человека, хорошо знакомого со светом, объездил в течение трех лет всю Францию вдоль и поперек, чтобы точнейшим образом изучить страну и население: я имею, конечно, в виду Артура Юнга [2]. Поэтому попытаемся представить себе результаты его исследований относительно распределения земли во Франции того времени и проверить их достоверность и правдоподобность, а вместе с тем и правильность воззрений упомянутых выше исследователей, на основании других современных той эпохе сведений и опубликованных в течение последних десятилетий исследований, покоящихся на разработке архивного материала.

Артуру Юнгу делали упрек, что он смешивает собственность на землю с другими формами землевладения [3]. В действительности же он точнейшим образом различает пять видов владения и обработки земли во Франции, а именно:

„1. Мелкие принадлежащие крестьянам на праве собственности участки земли.

2. Денежная аренда на подобие английской.

3. Операции с имениями, которые арендуются целиком за деньги и затем сдаются небольшими участками крестьянам.

4. Чиншевые имения.

5. Половники (métayers), обрабатывающие землю на половину или третп продукта" [4].

Нас занимает здесь прежде всего первый вид—крестьянское землевладение на праве собственности. Конечно, последнее почти никогда не следует понимать, как право полной личной собственности в нашем смысле слова, так как до революции лишь в немногих местностях Франции можно было найти аллодиальное крестьянское владение [5]. Земля почти всегда была обременена в пользу сеньера некоторыми взносами и повинностями, лежавшими на ней на основании старинных установлений, „cens et redevances": кроме того сеньер имел право взыскивать при продаже имения „lods et ventes" и в некоторых местностях мог, опираясь на „retrait lignager", „la retenue" или „retrait censuel et féodal", — осуществить право преимущественной покупки.

Все же земля, обремененная подобными повинностями, являлась, с точки зрения воззрений того времени, собственностью крестьянина. Если, напр.,

[1]) Kareiew. Les paysans, стр. 117—133: „Экспроприация крестьян продолжалась в течение XVIII века вплоть до самой революции".

[2]) Я могу считать себя свободным от необходимости давать оценку личности этого человека и масштаб для определения ценности его указаний и изображений ввиду того, что совсем недавно это сделал Adalbert Wahl в своих «Studien zur Vorgeschichte der französischen Revolution» (1901), стр. 91—111.

[3]) Kareiew, стр. 121.

[4]) Artur Jungs Reisen durch Frankreich und einen Teil von Italien in den Jahren 1787—90 (Zimmermann, Berlin. 1793—1795, 3 тома in 8°), II. стр. 192.

[5]) Ср. об этом удачный этюд Darmstaedter: „Ueber die Verbreitung des Grundeigentums in Frankreich vor 1789", стр. 494 и сл. в „Festgabe, C. Th. von Heigel zur Vollendung seines 60 Lebensjahres gewidmet von Th. Bitterrauf (München 1903), которой, к сожалению, появился в свет уже после сдачи в печать моей диссертации

каких прихода Grasy говорит о тех крестьянах, у которых „вследствие различных чрезмерных рент и сервитутов, лежавших на их земле, оставалась после их уплаты лишь одна треть урожая, причем из этой трети нужно было уплатить еще подати королю", то он определяет этих крестьян точно так же, как класс „propriétaires cultivateurs", ведущих собственное хозяйство собственников в противоположность классам не имеющих собственного хозяйства арендаторов и сельскохозяйственных батраков [1]. Главным признаком этого права собственности было полное право крестьянина свободно распоряжаться своим имением при жизни и после смерти. Формы владения, где этот признак отсутствует, не включаются в понятие крестьянской собственности: это — главным образом — имения мертвой руки, „main morte" и „domaine congéable". Само собою разумеется, исключаются все виды половничества и аренды на время.

Установив это, посмотрим, где можно проследить наличность крестьянской земельной собственности в старой Франции. Артур Юнг нашел ее во всех провинциях Франции, хотя во многих местностях преобладающими были другие формы владения.

Сильнее всего она была представлена в Кьерси, Лангедоке, Оверни, части Гиени, северной Лотарингии, Эльзасе и Фландрии [2]. Юнг приходит в большое изумление от массы мелких крестьянских земельных собственников и говорит, что в Англии нельзя составить даже малейшего представления о таком множестве. Вся площадь землевладения этих крестьян составляет, согласно его оценке, более одной трети всей поверхности Франции [3].

Эта оценка, как и все подобные ей у Юнга, весьма слабо обоснована в смысле соответствия фактическим отношениям. Они или составлялись совершенно приблизительно на основании его личных расспросов и наблюдений, или же покоятся на удивительной системе жаждущего истины исследователя, оценку которой мы предоставляем произвести самому читателю. Именно Юнг наносил свои обильные заметки геометрическим способом на сделанную из бумаги одинаковой толщины карту Франции, вырезал отдельные начерченные таким образом отрезки и взвешивал их, полагая, что на основании весового соотношения отдельных частей ко всей карте можно получить верные результаты относительно качества нации, числа крупных и мелких собственников и т. д. [4].

Таким образом общие указания Юнга, касающиеся всей Франции, не представляют большой ценности; тем большее значение имеют отдельные наблюдения, которые он тщательно заносил каждый день в свою записную книжку.

Но предварительно мы должны отклонить еще один делавшийся ему упрек в том, что он явился во Францию с сильным предубеждением против мелкого землевладения и что поэтому его взгляд был неспособен к правильной оценке отношений. В действительности дело обстоит как раз наоборот: он, по его же словам, до своей поездки полагал, что „мелкие участки, принадлежащие собственникам, весьма способны к культуре" и что собственник, свободный от уплаты арендных денег, в состоянии улучшить свой участок и вести на нем весьма интенсивное хозяйство [5].

---

[1]) Doléance de la paroisse de Grasy à Charmasse. Cahiers de doléances de l'Autunois (Autun, 1895), стр. 85 и сл.

[2]) Ibidem I, стр. 35 (Кьерси); 69 (Лангедок); 78 (Беарн); 83 (Гиень); [illegible] (Фландрия); 73 (Овернь); 113 (Артуа, Эльзас, берег Гаронны, Кьерси); 131 (Гиень, Лангедок, Ипренси, Беарн, Гасконь, небольшая часть Гиени, Эльзас, Фландрия, Лотарингия).

[3]) Ibidem II, стр. 268.

[4]) Ibidem II, стр. 290—292.

[5]) Ibidem II, стр. 290.

[illegible] раздела любого участка, следовательно, при 20—25 акрах [illegible] уже ничего нельзя сделать [1].

Наиболее нормальным для французского сельского хозяйства размером имения Юнг считает 250—350 моргенов плодородной земли и 400—600 моргенов вообще [2].

Однако во Франции крупным сельскохозяйственным предприятием считает [illegible] имение в 100—50, а во Фландрии, напр., и меньшим числом гектаров. [illegible] крестьянином с 10 гектарами, все же, что меньше 10 гектаров, составляет уже мелкое землевладение [3]. Если эти цифры перевести на земельные меры Юнга, получим, что крупное землевладение начинается с 200 моргенов, среднее — с 20 моргенов, все же, что не превышает 20 моргенов, относится к мелкому.

[illegible] во Франции, по мнению Юнга, еще *[illegible]*, представляло для себя, следовательно, с точки зрения Юнга, уже мелкое [illegible], тем, что для Франции мы приняли за низший предел среднего [illegible]. В его глазах уже неспособно было приносить какой-либо [illegible].

Из всего я думаю, если даже, принимая во внимание особые условия [illegible] сельского хозяйства 18-го века, придать за низший предел среднего [illegible] 30—50 моргенов, мы можем вывести заключение, что во Франции [illegible] существовало еще средних земельных собственников против [illegible] рассмотренных по сих пор типов Юнга говорит о действительных [illegible].

Вернемся теперь к именам за исключением упомянутых плодородных [illegible], находящихся в жалком положении, мы расследуем поздее для Юнга [illegible] крупны состоять в том, что у них [illegible] они были в лучшем числе [illegible] сельского хозяйства.

[illegible]

[illegible] Arthur Young, Travels during the years 1787, 1788 and 1789. Bury St. Edmunds, 1792, стр. 30. — „Имение называется [illegible] имение, которое не нуждается полного плуга, включая [illegible] рабочий, [illegible] с тремя плугами" Dessaix, Description [illegible] Les Basses Alpes, 1846, стр. 24. Bosc, [illegible], стр. 60, прим. 4. [illegible] [illegible] считает, что имение должно иметь, кроме земли в 12 гектаров еще [illegible] Mathieu de Dombasle принимает „Handwörterbuch [illegible] 1854, стр. 2. т. Mathieu принимает „Handwörterbuch [illegible] Landwirthschaft,

Либель и другие вывели отсюда ложное заключение, а именно, [illegible] *мелкая непривилегированная классовая собственность* [illegible] [1]).

Мы, конечно, вовсе не склонны утверждать, что Юнг, говоря о мелкой земельной собственности, *всегда* имеет ввиду имения в 30—40 гектаров.

Из его слов ясно, что во многих местах он, действительно, встречался с чрезвычайным расщеплением земли.

Ему неоднократно [2]) приходилось наблюдать так далеко зашедшее раздробление земли, что единственное фруктовое дерево и поле в десяток саженей составляли собственность и усадебную оседлость одной семьи и что поденщики, работавшие за 2 су в день, часто владели крохотным клочком собственной земли [3]).

Мелкие земельные собственники составляли, естественно, лишь верхний слой сельского, а иногда и промышленного пролетариата. Означало ли их существование зло для страны, этот вопрос является, по меньшей мере, весьма спорным; в настоящее время придерживаются скорее противоположного мнения. Опасность, которую они представляли, коренилась скорее в общих хозяйственных условиях, прежде всего в том перевороте в области всего сельскохозяйственного производства, который наступил около середины столетия.

Продолжим, однако, изучение вопроса о распределении земельной собственности и посмотрим, подтверждаются ли заключения, выведенные нами на основании известий Артура Юнга, дальнейшими доказательствами.

О размерах владений, находящихся в руках отдельных лиц, из наказов 1789 года мы не узнаем ровно ничего. Пытаясь разрешить вопрос о распределении земли, Жимель первый проник глубже в департаментские архивы с целью исследовать податные списки „vingtième“ 70-ых и 80-ых годов 18-го столетия. „Двадцатая“ падала исключительно на землевладение, и составлявшиеся для ее взимания списки сообщают точнейшие детали относительно размеров каждого отдельного владения, сословия и занятий собственника, падавших на землю налогов и т. д.

Когда работы Жимеля были опубликованы после его ранней смерти в 1890 г. [4]) его примеру последовали другие исследователи: Марион [5]), Блох [6]), Лекарпантье [7]) и русский ученый Лучицкий [8]): работы последнего имели особенно большое значение для ознакомления с хозяйственным положением всех классов в 18-ом веке.

Жимель в своих исследованиях обращал главное внимание на распределение общей массы собственности среди трех сословий населения и пытался

---

[1]) Sybel, I, стр. 25.

[2]) Young. II, стр. 192.

[3]) Ibidem. II, стр. 218.

[4]) В „Bulletin des Sociétés Savantes“ (1890).

[5]) M. Marion. Les rôles du vingtième dans le pays Toulousain (La Révolution Française. XXVII, 1894.

[6]) Camille Bloch. Etudes sur l'histoire économique de la France 1760—1789: La repartition de la propriété foncière à la veille de la Révolution dans quelques paroisses de la généralité d'Orléans (Paris, 1909).

[7]) G. Lecarpentier. La propriété foncière du clergé et la vente des biens nationaux [„Revue Historique, LXXVII (Sept.—Oct. 1901)].

[8]) I. Loutschisky. De la petite propriété en France avant la Révolution et a vente des biens nationaux [„Revue Hist. LIX (Sept.—Dec. 1893)“]. Та же работа на русск. яз.: „Крестьянская поземельная собственность и продажа национальных имуществ. Киев 1897.—Он же. La petite propriété en France avant la Révol. (Paris, 1897).—Он же. Крестьянская поземельная собственность во Франции накануне Революции, в особенности в Лимузене (Киев, 1900),—Ph. Sagnac. La propriété foncière et les paysans en France au XVIII s. d'après les travaux de M. I. Loutchisky [Revue d'Histoire moderne et contemporaine, III (Juillet—Aout 1901)].

доказать наличность значительного количества мелких земельных собственников вообще. Лучицкий стремился прежде всего установить, каковы были сословие и занятия отдельных владельцев, какая доля приходилась на долю всего крестьянства и как, в свою очередь, распределена была земля среди сельских классов [1].

Все указанные исследования охватывают пока лишь ограниченное количество старых провинций, потребуется несколько десятилетий напряженной работы, чтобы закончить обследование всех областей Франции. Но так как появившиеся до сих пор работы относятся к различным местностям, и в них была сделана попытка схватить типичные явления, то и полученные результаты позволяют сделать все же более надежные выводы относительно распределения земли, особенно среди крестьянства, чем это было возможно до сих пор на основании картинно окрашенной традиции.

Переходя к интересующему нас вопросу о средней поземельной собственности, мы находим, что обозначенные в податных списках термином „laboureurs", т.-е. ведущие самостоятельное хозяйство крестьяне, образуют, правда, немногочисленный, но зато крепкий средний слой сельского населения [2].

Начнем с юга и рассмотрим характерную для Тулузской области общину Rieumes. Мы увидим здесь, что крестьяне-собственники 20—70 и более моргенов (1,75597 моргена=1 гектару) составляли 8—9 всего сельского населения, следовательно около 40—45% всех крестьянских семей. [3] В средней Франции, напр., в Бургундии, 20% всего крестьянского населения владели даже по 40—100 моргенов [4]; в общинах Орлеанского округа крестьяне с именьями величиной от 10 до 50 моргенов имели в пять раз больше земли, чем буржуазия, дворянство и клир; они владели двумя третями имений величиной в 50—100 моргенов; третью имений в 100—200 моргенов; седьмой частью имений в 200—300 моргенов и такою же частью еще бо́льших владений [5]. Для севера Ланский округ дает нам пример, где в 75 деревнях около 6% всего сельского населения, следовательно 30% семейств, владели именьями величиной от 20 до 200 и более моргенов [6].

Если прибавить, что за исключением последних данных о Ланском округе наши расчеты относятся лишь к крестьянской части сельского населения и что известный процент средних деревенских собственников, несомненно, падает также и на буржуазию, то мы можем считать выводы отно-

---

[1]) Loutchisky, La petite propriété, стр. 40.

[2]) Чаще всего земледельцы (laboureurs) имеют участки от 20 до 50 арпанов... Преобладают обладатели крупной и средней крестьянской собственности (больше 20 арпанов). Sagnac op. cit., Revue d'Histoire Moderne et Contemporaine. 1901, стр. 164.

[3]) Loutchisky. De la petite propriété (Rev. Histor. 1895) стр. 97, таблица 2. „Средняя и крупная собственность занимают... в общем, лишь сравнительно небольшое место". Marion. Les ventes de vingtième dans le pays Toulousain. (Le Rev. Fr. 1894, стр. 413).

[4]) Община Roux в округе Semur:

Крестьяне-земельные собственники:	
Число моргенов.	% ко всему крестьянскому населению.
От 100 и более	5,5%
„ 80 до 100	1,2 „
„ 60 „ 80	4,8 „
„ 40 „ 60	9,7 „
	21,0 „

Община Pélos в округе Dijon.

Крестьяне—земельные собственники:	
Число моргенов.	ко всему крестьянскому населению.
От 100 и более	3,2%
„ 80 до 100	6,5 „
„ 60 „ 80	3,2 „
„ 40 „ 60	7,0 „
	19,9 „

(См. Loutchisky, ibid., стр. 88 и 89).

[5]) Biot, op. cit. стр. 112 и 113.

[6]) Loutchisky. La petite propriété. Paris. 1897. стр. 46.

крестьянъ [illegible] 18" грессии и изъ [illegible] работы [illegible].

В бургундскихъ общинахъ Бюхи и Рабютэ [illegible] если дать [illegible] принять во вниманіе [illegible] частью лишь очень мелкую собственность, [illegible] ленія, изъ нихъ около 26% кромѣ того, [illegible] не имѣли никакой земли [1].

Повидимому, не много [illegible] въ [illegible] Руссильонѣ, [illegible] Франшъ-Конте и Турени.

В первомъ въ 1768 году [illegible] общинѣ [illegible] съ небольшими разбитыми на 2962 парцеллы, по 7,59 [illegible] Турени въ 15 приходахъ изъ 2251 [illegible] 1287 [illegible] генов, и 387—менѣе, чѣмъ по 1 морген [2].

Въ [illegible] Лангедока и Гаскони можно [illegible] значительнаго числа чрезвычайно мелкихъ [illegible] области Тулузы они составляли [illegible] въ 1786 году 66% всѣхъ сельскохозяйственныхъ предпріятій [3].

Такимъ образомъ [illegible] данныя результаты [illegible] данные Юнга, и мы можемъ теперь [illegible] Франціи наканунѣ Революціи существовало [illegible] среднихъ и довольно большой [illegible] земельныхъ [illegible] которые принадлежали большей [illegible] крестьянскому [illegible].

Если, установивъ это, мы попробуемъ [illegible] земельныхъ собственниковъ при [illegible] совершенно точныхъ данныхъ, [illegible] дѣйствительности.

Жимель вновь предпринялъ [illegible] способомъ [illegible] слишкомъ недостаточной [illegible] факты [illegible] вывести путемъ [illegible] наканунѣ Революціи [illegible] относительно [illegible] Франціи [illegible] между [illegible] числомъ земельныхъ собственниковъ.

Распространяя [illegible] [illegible] [illegible]

Если присоединить к этому числу еще 100.000 освобожденных от этого налога, то получим круглую цифру в 4.600.000 земельных собственников до революции.

Лучицкий, признавая высокую научную ценность за этими исследованиями, указал на ряд ошибок и заблуждений Жимеля, подрывавших отчасти расчеты последнего [1]), затем он сам исследовал с помощью более совершенного метода списки „vingtièmes", которые были известны Жимелю лишь в извлечениях [2]), и пришел к выводу, что число земельных собственников относится к количеству параграфов кадастра, как 65,2 к 100. Поэтому, думает он число земельных собственников при старом порядке можно установить в 5.000.000 [3]).

Но Лучицкий получил это числовое отношение на основании исследования особенно сильно раздробленного округа Ланнэ. Можно ли его прямо применить ко всей Франции? Я думаю, едва ли!

Эти цифры мне кажутся слишком высокими. Ибо, если, согласно Лучицкому, среди 5 миллионов земельных собственников безусловно преобладали крестьяне, то при 25-миллионном населении во Франции 18-го века собственным участком облагаемой налогами земли владело бы около 4—4½ миллионов крестьян.

Сравним с этой картиной современную Францию.

Хотя, без сомнения, раздробление земельной собственности со времени революции во Франции значительно возросло [4]), все же при 34 миллионах жителей на 4.193.439 сельских хозяев [5]), стоящих во главе самостоятельных предприятий, приходится лишь 3.387.245 имеющих собственную землю [6]).

Следовательно, число крестьян-собственников перед Революцией должно было быть больше почти на миллион, чем в 1892 году: это предположение является совершенно невероятным уже само по себе, но против него говорит еще другое соображение.

Благодаря декрету от 27 и 28 мая 1791 года мы знаем, что количество активных граждан составляло тогда 4.298.360 [7]). В их число согласно закону от 13 января того же года на-ряду с теми, кто владел каким-либо движимым имуществом или только доходом, превышающим цену одного рабочего дня, входили также и все, кто владел „quelques richesses foncières" [8]).

Таким образом земельные собственники составляли только часть 4.298.360 активных граждан. Если мы примем во внимание, что число их в

---

[1]) Лучицкий. La petite propriété (1897) стр. 33—39.

[2]) Ibidem, стр. 40—48.

[3]) Ibidem, стр. 75—79.

[4]) Ср. Statistique de la France, publ. par le Ministre d'Agriculture. I (1840), стр. 111. L. de Lavergne. Economie rurale de la France depuis 1789 (1860), стр. 53.—Legoyt, Du morcellement de la grande propriété (1866), стр. 12.13.—Reitzenstein, Agrarzustände in Frankreich (1884), стр. 12.

[5]) Число сельских и городских землевладельцев составляло согласно анкете 1879—81 г. г. около 8.454.218 человек, для 1892 г. число их не было установлено. Statistique agricole de la France; Resultats généraux de 1892 (1897), стр. 348.

[6]) Там же, по таблицам на стр. 381, 385 и 386.— A. Toubeau принимает еще меньшее число сельских собственников: „Из 32 миллионов гектаров обрабатываемой земли и 50 миллионов способной к обработке, только 4 миллиона гектаров принадлежит крестьянам, которые обрабатывают свою землю без помощи наемных рабочих. Эти 4 миллиона гектаров разделены на 3.200.000 маленьких хозяйств, принадлежащих по меньшей мере 2.000.000 собственников. La population agricole et le personnel de l'Agriculture (La Révolution Socialiste, VIII (1888), стр. 259).

[7]) См. также: Decret relatif à la constitution des municipalités (11 Déc. 1789) Instruction § 1: „...активные граждане составляют лишь одну шестую часть всего населения". Duvergier, Collection des lois et decrets. I, стр. 67.

[8]) Titre II, article 2.

1790 и 91 годах благодаря продаже национальных имуществ и усилению земельной мобилизации увеличилось еще на несколько процентов, то, учитывая земли, находящиеся в руках вдов и несовершеннолетних, мы должны предположить, что количество землевладельцев до Революции едва ли могло превышать 4 миллиона [1].

Получив эти цифры, которые, как мне кажется, не слишком далеко расходятся с действительностью, мы должны обратиться теперь ко второму не менее важному вопросу о том, каким образом были распределены между тремя сословиями, на которые распадалось население, 51.725.095 гектаров, составлявших территорию Франции в 1788 году.

[1] Кавалье, данные которого имеют вид авторитетных, в своей книге „Du Morcellement. L. L. Société en France et en Angleterre" дает следующее распределение земли между собственниками:

21.456 семей,	владеющих в среднем	384	гектарами.
108,643 „	„ „	62	„
217,817 „	„ „	22	„
295,583 „	„ „	12	„
258,452 „	„ „	5	„
361,711 „	„ „	3	„
567,687 „	„ „	2	„
851,280 „	„ „	1,6	„
1.161,421 „	„ „	0,5	„
3.845,000 земельных собственников,	владеющих	44.750,000	„

ср. т. II. de Lavergne, Economie rurale (1860) стр. 52.—В 1826 г. министр финансов определил в палате пэров число земельных собственников до революции в 2.000,000, не указав, однако никаких источников, легших в основание этого расчета. См. Chassiron, Hist. de l'administration en France (1834) I, стр. 199—200.

ГЛАВА [illegible].

Распределение земли между классами населения

Историки Французской Революции, в которых мы уже имели [illegible] случае [illegible] своих указаниях на распределение земли между первыми [illegible] сословием и третьим сословием, опирались почти исключительно [illegible] всех дошедших свидетельств революционного времени [1]).

Наша обязанность должна заключаться здесь в том, чтобы прежде [illegible] находящиеся в нашем распоряжении источники и посмотреть, сможем [illegible] на этой основе прийти к надежному или по крайней мере [illegible] ответственности результату. Рассмотрим сначала данные наказов „Cahiers des doléances" 1789 года.

Ко всем их общим данным, относящимся ко всей стране [illegible] серии, необходимо подходить с чрезвычайной осторожностью. [illegible] стороны, нередко их можно свести к политическим и классовым [illegible] особенно тогда, когда составители пользовались наказами [illegible] другой стороны, они часто покоятся на перечислении отношений, господ[illegible] них в сравнительно узкой округе, на всю страну, что было вполне [illegible] при незначительности сношений в эту эпоху.

[illegible] В. не указывает точнее, откуда [illegible] заключил второе и общинам, одна пятая третьему сословию [illegible] деревень, одна пятая дворянству и одна пятая духовенству" [illegible], Б., 1887, стр. 3), ссылается прямо на [illegible] (Archives [illegible], I). В указанной книге можно найти [illegible] мнение, что довольно точное представление о состоянии собственности [illegible] наказы относительно территорий, [illegible] сословий, [illegible] к Тэне о том, что дворянство и духовенство владели [illegible] земли, можно противопоставить другое современное той эпохе известие, [illegible] притом взятое из [illegible] третьего сословия: „Духовенство пользуется приблизительно [illegible] частью производительной земли королевства.... Дворянство владеет [illegible] третью этой земли на ленном праве. В руках третьего сословия [illegible] почти две трети, включая сюда и ту [illegible], которое пользуется духовенством и которым [illegible] владеет.... На этой трети, владельцем которой является [illegible] сословие, должна лежать третьему сословию в вознаграждение за [illegible] производства, доходящая на последнее". Le [illegible] des Cahiers [illegible], 1789, стр. [illegible].

[1]) Об этом см. [illegible], Le grand de [illegible] Révolution, 1800, I, стр. [illegible]; [illegible], Les cahiers de [illegible] Cahiers de Paris (1888), II, Sér. III, 214. — [illegible], Les Cahiers et [illegible] (1891), стр. CXLIV. — Mavidal, Cahiers des [illegible] (Archives parlem., 1899), стр. I, прим. 1. — Карев, [illegible], I (Ленинград, 1906), стр. 57 [illegible]. — [illegible], стр. [illegible], 1901, стр. 5 [illegible]. — Наряду с полными наказами [illegible] сохранились также и их предложения для отдельных [illegible] кварталов. Несколько примеров такого характера имеется в [illegible] Archives [illegible], [illegible], I, 2, [illegible], 13, [illegible], 7.

Использование данных наказов для интересующего нас вопроса возможно лишь в тех случаях, когда мы сталкиваемся с местными известиями, то-есть большею частью, когда мы имеем дело с первичными наказами сельских общин и приходов. Сообщаемые ими цифры могут быть использованы даже тогда, когда данный наказ целиком является копией какого-либо оригинала, будь то наказ-образец или наказ соседней общины, потому что в таких случаях цифры вставляются всегда в соответствии с фактическими отношениями деревни или прихода [1]).

Прежде всего из массы известий мы устанавливаем одно обстоятельство, относящееся в равной мере ко всем провинциям, а именно, что леса и пустоши („Terres gastes, vaines et vagues") большею частью принадлежали привилегированным классам и короне.

В Провансе дворяне имели притязания кроме того и на горные пастбища, которыми пользовались для общего выпаса скота [2]).

Об этой провинции, чтобы начать с юга, мы не имеем других сведений за исключением разве того, что весь приход Brue принадлежал сеньеру de Roux: правда, последний сам впервые вызвал к жизни целое поселение, создав на до тех пор совершенно пустынной территории цветущую деревню [3]).

Еще менее можно узнать что-либо достоверное о старой области Гиени из наказов сенешальств Libourne и Bazas, опубликованных Марьоном: они дают лишь самые общие указания на то, что привилегированные с каждым днем приобретают все больше земли, чтобы иметь возможность еще лучше использовать преимущества своих привилегий, и что во многих приходах они владеют уже более, чем половиной земельных угодий [4]). Только наказ Saint Hippolyte говорит о своей территории, что последняя на две трети принадлежит дворянам и привилегированным [5]).

Более многочисленными являются, напротив, данные об Оверни, одной из немногих областей, где дворяне часто сами жили и хозяйствовали в своих имениях.

В руках привилегированных находятся здесь то половина, то две трети, иногда даже три четверти земли приходов, и притом, как часто с горечью замечают крестьянские наказы, самой лучшей и плодородной земли [6]).

---

[1]) См. об этом весьма ценные указания у Ал. Валя (op. cit., стр. 22), весьма облегчающие использование наказов Paris-hors-les-murs. Что касается до других, использованных мною наказов, то критический подбор их я выполнил, насколько смог, сам. Непонятно, как смогли французские исследователи, несмотря на огромное количество сочинений, использовавших матерьял наказов, пренебречь разбором ценности их, как источников: даже при поверхностном изучении легко бросаются в глаза черты сходства между отдельными cahiers, и издатели могли бы весьма облегчить научную работу посредством кратких указаний.—В приложении 1 я дам характерный пример взаимной зависимости наказов в бальяже Анжи.

[2]) Ch. de Vaugine. Arch. parl. VI, стр. 432.

[3]) Поэтому данный пример совершенно не годится для того, чтобы показать, что бедные крестьяне вовсе не имели земли.—См. Champion. La France en 1789 d'après les cahiers (1897), стр. 131. (Есть русский перевод)—Cahier de la paroisse de Brue. Arch. parl. VI, стр. 206.

[4]) Cahier de Saint-Hippolite.—Ch. de Saint-Laurent-des-Combes.—Ch. de Fougerolles: изданные Marion. Cahiers des paroisses des sénéchaussées de Libourne et de Bazas в Archives historiques de la Gironde. XXXV (1900), стр. 372, 373 и 389.—Ch. de Belleforêt. ibidem XXXVI (1901), стр. 451.

[5]) Loc. cit.

[6]) Ch. de S.-Babel: „900 моргенов принадлежит крестьянам: 800, большею частью лес,—дворянству; кроме того имеются еще церковные земли". Mége, Les Cahiers d'Auvergne (1899), стр. 260.—Ch. d'Orme: $^3/_4$—привилегированным. Там же, стр. 245.—Ch. de Trenoville-Marchal: $^2/_3$ сеньерам; ibidem, стр. 331.—(Наказы от Glaine и March[illegible]

82339
C00802445

На долю крестьян оставалась в общем лишь меньшая и худшая часть земли: наказ Saint-Julien-de-Coppel замечает, что в его приходе одна треть земли принадлежит дворянам, клирикам и богатым буржуа, две же трети принадлежат крестьянам [1]; немного севернее в Asnan все земли были поделены: здесь между крестьянами не было ни общинных земель, ни привилегированных владений [2].

В соседнем Лимузене некоторые приходы также жалуются на обширные размеры землевладения привилегированных сословий на их территории: в Vinadière более половины земли была дворянской или церковной собственностью, а в Chamberet даже три четверти. Однако эти жалобы выступают лишь в небольшой части из 39 известных нам наказов [3], и, может быть, это позволяет сделать заключение—правда, со всяческой осторожностью—о лучшем положении остальных приходов. Обращаясь дальше на северо-восток, в область Этэна, мы встретим там аналогично сложившиеся отношения. Наказы, которые упоминают о распределении земли, позволяют во многих случаях установить наряду с значительным землевладением привилегированных и заметную крестьянскую собственность. Конечно, „laboureurs-propriétaires" были в меньшинстве, и арендаторы дворянских и церковных земель составляли преобладающую часть крестьянского населения [4]. Данные баилиража d'Alençon за-

---

говорят в общей форме о том, что $^2/_3$ всего королевства принадлежат привилегированным; ibidem, стр. 203 и 220).—Ch. de S. Sauves: Бо́льшая часть принадлежит дворянству; ibid., стр. 510—511.—Ch. de Salbœuf: „Бо́льшая часть лучших имений принадлежит сеньерам", ibid., стр. 317.—Ch. de Beaumont: Бо́льшая и ценнейшая часть—собственность сеньеров, ibid. стр. 168.—Ch. de Montredon: Дворянству принадлежит бо́льшая половина; ibid. стр. 231.—Ch. de S. Donat: „Большинство жителей не имеет земли; другие имеют лишь немного ее и притом худшего качества"; ibid. стр. 271.—Ch. de S. Saturnin: „В [illegible] — лучшие и наиболее обширные земли", ibid., стр. 356.

[1] Ibidem, стр. 284.

[2] „... II. Приход d'Asnan не имеет никаких общинных земель... Собственность вся поделена между жителями;... в приходе нет ни одного крупного собственника: даже сам сеньер пользуется здесь лишь почетными правами". Ch. de la Paroisse d'Asnan, Arch. parl. IV, стр. 264.

[3] Ch. de Chamberet: $^3/_4$ земли принадлежит дворянам.— Ch. de Payrisat: „У дворянства и церкви значительные имения". Ch. de St. Solve: „Бо́льшая часть земли принадлежит дворянам". Ch. de St. Sornin-Leulac: „значительная часть в руках привилегированных". Ch. de Soudaine et la Vinadière: несколько больше половины принадлежит дворянству и церкви. M. Hugues, Etats généraux de 1789. Cahiers des Plaintes et Doléances des paroisses du Bas-Limousin. (Tulle 1892), стр. 42, 176, 182 и 186.—Только в общих выражениях говорит Ch. de Comborn, art. 17: дворянству и духовенству принадлежат $^2/_3$ королевства. Ch. de Lascaux, art. 17.—Ch. de Manzac: „Дворянство и духовенство владеют огромными имениями; стр. 55, 85 и 149.

[4] Ch. de la Paroisse d'Alençon: Половину территории составляет лес, которым владеет сеньер.—Ch. d'Annily: „Половина жителей имеет деревянные избушки с 1 морген огородной земли". Ch. de Barenton: „Значительная часть принадлежит 6 сеньерам". —Ch. de Condeau: „На 31 семью только 3 собственника, 1 арендатор, остальные поденщики".—Ch. de Cuny: 100 душ распадаются на 4 класса: 1) 9 семей с 40 человеками „propriétaires-non-cultivateurs" (буржуа, купцы, ремесленники); 2: 5 семей с 20 человеками „propriétaires-cultivateurs".—3) арендаторы неполн. 4) поденщики. Ch. de Lonlay-l'Abbaye, § 2: большая часть земли принадлежит духовенству и дворянству.—Ch. de Moulay: значительная часть принадлежит сеньерам. Ch. du Grand et Petit Maloy: $^2/_3$—собственность сеньеров.—Ch. de Morlaix: $^1/_3$—поденщики: $^1/_3$ земледельцы, владеющие и собственным хозяйством.—Ch. de Repas: „Бо́льшая часть—церковные имения, и весь и крестьянские земли".—Ch. de Rugé: „150 семей, но ни одна из них не имеет собственности".—Ch. de Saint-André-lès-Alençon: 5 семей, но ни у одной нет земли".—Ch. de St-Emiland: „Почти вся земля принадлежит церкви".—Ch. de Saizy: „... земельно-хозяйственные рабочие, все же имеются и „laboureurs-propriétaires".—Ch. de Sully en Puiché: „125 очагов, из которых 30—с домом и огородом или маленьким полем: 95 частью—собственные участки, частью арендные участки, частью виноград-

служивают быть отмеченными еще потому, что из наказов, упоминающих о распределении земельной собственности, только наказы этого бальяжа являются совершенно самостоятельными и независимыми [1]).

Богатые сведения имеем мы далее и для соседнего судебного округа Осерре, который обнимал части Нивернэ, Орлеанэ и Шампани. И здесь в приходах, сообщающих нам данные о своих земельных отношениях, дворянское и церковное землевладение заметно господствуют над землевладением третьего сословия. „Две трети", „большая и лучшая часть" и даже „пять шестых земли приходов" обозначаются в этих cahiers, как собственность привилегированных, на которой крестьяне работают больше в качестве сельско-хозяйственных рабочих (manouvriers), чем арендаторов [2]).

Все же и здесь представители третьего сословия, как буржуа, так и крестьяне владели в некоторых приходах половиной или близким к тому количеством пригодной для обработки земли (в каком количестве приходов обстояло так дело из тех, которые не поднимают жалоб на распределение земли?). А в приходах Vaux-sur-Yonne и Coursan почти все жители имели, несомненно, хотя бы и по небольшому участку земли [3]).

Несмотря на массу опубликованных уже первичных наказов, относящихся к Иль-де-Франсу, интересующие нас сведения становятся здесь опять более скудными, и то немногое, что имеется, говорит в равной мере как за, так и против положения, что третье сословие владело большею частью земли.

ников; из них „принадлежат сеньорам". Cahiers des paroisses et communautés du Bailliage d'Auxerre, publ. par A. de Charmasse (1895), стр. 9, 10, 24, 66, 85—89, 122, 124-5, 140, 142, 163, 165, 177, 178, 210, 221-227.

[1]) Ср. приложение I №№ I, II, IV, XIII, XXI, XXVI, XXXIX, XL, XLIII, XLIV, LII; из других самостоятельными являются по крайней мере те параграфы, которые говорят о распределении земли; напр., в №№ XXVII, XXXI, XXXIV, LVI.

[2]) Ch. de la paroisse de Bailly: „у жителей нет полей, лугов, лесов; лишь несколько арпанов виноградника" (§ 13).— de Beaumont: „у крестьян 20 моргенов; у сеньера же почти вся земля в 300 моргенов леса" (§ 3).—Ch. de Benoyoir: „Духовенству — большая часть земель" (§ 1).—Ch. de Bailly (Nièvre): из 172 жителей—25 хозяев, остальные—рабочие; из 32 только 3 с собственной землей" (§ 1). — Ch. de Cremilly: „Крестьяне владеют лишь 1/4 территории" (§ 3).—Ch. de Clichery-la-Ville: 112 очагов, почти все одного собственника, все сельские батраки. d'Egleny: У духовенства большая часть земель (§ 5).—de Guy: «У большинства только жилье, т. е. старые развалины» (§ 1). «Joux-le-Ville: Из 140 жителей—90 сельскохозяйственных батраков, только 12 собственников, остальные—арендаторы», и т. д.—Menou-Saint: у сеньера—большая часть земли» (§ 2).—Menou: Главным образом лес, принадлежащий сеньору; у крестьян немного тощей земли». Cahiers du bailliage d'Auxerre, изданные Delay в Bulletin de la Soc. de hist. et nat. de l'Yonne (1884) XXXVIII, стр. 135, 132, 136, 141, 202, 205—207, 256, 301, 318, 376 и 378. — Ch. de la paroisse de Parly: «Большая часть у сеньера» (§ 2).—Ch. de la Ville de S.-Bris: «15—3500 моргенов большую часть имеет дворянство и духовенство; остальное 20 буржуа и несколько бедных виноградарей». — Ch. de la par. de Vercley. «У третьего сословия—меньшая часть».—Villefargeau: «Почти все у сеньера» (§ 4). «Villiers-le-Sec: Тоже самое» (§ 1). Cahiers d'Auxerre XXXIX, стр. 20, 62, 82—131, 135. «Совсем вообще уделяют паказы Charbry, Escalps, Merey, Vincelles «Всему дворянству и духовенству 2/3 или 3/4 Франции»: XXXVII, стр. 176, 293, 384; XXXIX стр. 141.

[3]) Ch. de la par. d'Angy: «Буржуа Осерра владеют большею частью земли».— de Bazoches: «У жителей 250 моргенов».—de Chevannes: «У дворянства и духовенства только 1/10». (§ 1).—То же и в Ch. de Coulmerton (§ 1). de Coursan: «Почти все имеют землю» (§ 13).—XXXVII, стр. 107, 159, 198, 231. Ch. de la par. de Guisine: «Половина населения батраки, остальные—самостоятельные крестьяне» (§ 2 и 5).— le Soucière: «У сеньера только половина».—de Vaux-sur-Yonne: «Весьма сильное дробление на мелкие участки». XXXIX, стр. 14, 89, 114.—Характерным для местных влияний является следующий, так и находящееся в Ch. le Charbuy указ: „Оба эти сословия взяли более, чем двумя третями собственности в королевстве" — скобках прибавлено: „если в виду при до у них не соответствующей доли собственности" (XXXIX стр. 176).

Ибо в то время, как в приходе Tigery и в St. Prix в руках привилегированных была половина [1]), а в Soisy-sous-Etiolles даже три четверти всей территории [2]), в Viarmes и Pavout крестьяне в общем были богаче землей, чем привилегированные [3]).

Напротив, наказы от Viroflay в бальяже Meudon и Saint.-Forget в бальяже Montfort-l'Amaury снова жалуются на то, что деревенские жители в большинстве своем являются арендаторами и еще больше батраками и лишь в весьма незначительной мере собственниками [4]).

В самых северных провинциях наказы рассеивают мрак лишь в немногих местах. Наказы бальяжа Douai дают еще наибольшее количество данных, и, судя по ним, мы безусловно должны признать здесь преобладание за крестьянской собственностью, потому что она обнимала, насколько имеются сведения, большею частью две трети земли, между тем как дворянство и духовенство делили между собой остальную треть [5]).

Многочисленные наказы из современного департамента Па-де-Кале ставшие нам известными благодаря Лорике, дают едва два-три беглых замечания, которые приписывают церкви от трети до двух третей, иногда даже до трех четвертей всей земельной собственности провинции [6]).

Это соответствует общепринятому положению, что на севере и западе аббатства и церкви были богаче, чем во всей остальной Франции.

Ибо наказы одной из западных провинций, из области Алансона, также жалуются на то, что большая часть земли принадлежит, если не одному духовенству, то вообще привилегированным [7]).

---

[1]) Не $^2/_3$, как утверждает Шампьон (стр. 135, прим. 3) относительно Tigery.

[2]) Ch. de Tigery: «Пространство этого прихода составляет 885 арпанов, состоящих на половину из лесов, парков, садов, огородов и других угодий, служащих для удовольствий, которыми владеют сеньеры и привилегированные... „Arch. Parl V", стр. 131,—Ch. de Soisy-sous-Etiolles, § 3, тот же текст, только „площадь—2000 арпанов, три четверти покрыты... и т. д. Arch. Parl. V, стр. 120. В С.-При, за исключением леса земледельцы имели половину остальной площади. A. Rey, Les Cahiers de Saint-Prix (Paris 1892), стр. 153.

[3]) Ch. de Viarmes: „Из 1980 моргенов $^1/_3$ принадлежит сеньерам, $^2/_3$ ведущим собственное хозяйство крестьянам „Arch. Parl. V, стр. 188.—Ch. de Pavant: „Почти все жители являются собственниками небольшого клочка виноградника и пашни". V стр. 5.—Ch. de l'Isle St.-Denis: „350 моргенов принадлежит населению прихода, остальное (?)—монахам". Arch. parl. IV, стр. 625.—Chs. de Croissy-en-Brie и Bussy-St. Georges: „Большие парки и леса привилегированных" (без точного указания: текст говна дает). Arch. parl. IV, стр. 479 и 386.

[4]) Ch. de Viroflay: „Сельские жители имеют мало собственной земли, большинство арендуют". (§ 2)—Ch. de St. Forget: 4 арендатора, остальные безземельные батраки. Thénard. Les cahiers des bailliages de Versailles et de Meudon (Paris, 1889), стр. 260 и 305.

[5]) Ch. de la communauté de Nomain: „На 320 жителей 1016 бонье земли: владения аббатств=$^1/_3$ территории". (§ 13) Arch. pali. III, стр. 205.—Ch. de Tilloy: „Из 172 бонье 60 принадлежат аббатству Marchiennes" (§ 1, § 3), Arch. parl. III, стр. 225.—Ch. de Warlaing: „Из 120 бонье общины 40 принадлежат сеньеру" (§ 3), III, стр. 229.—Ch. de Benory: „Из 750 бонье 344 принадлежат сеньеру, 405—крестьянам" (§ 5), III, стр. 214.—Ch. de Raches: „Судя по § 3, крестьянская собственность, повидимому, преобладала и здесь". Arch. parl. III, стр. 193.

[6]) Ch. de la paroisse de Camiers, § 3, Loriquet, Les Cahiers de doléances de 1789 dans le département de Pas-de-Calais (1891), II, стр. 217.—Ch. du village de Mingoval, § 16, ibidem, I, стр. 411.—Ch. du village de Bailleul-sur-Berthoult, § 12, ibid., I, стр. 183.

[7]) Ch. de la par. de Beaufai: „Бо́льшею частью прихода владеют три дворянина". (§ 1). Duval, Les cahiers des paroisses d'Alençon (1887), стр. 26.—Ch. de Brullemail: „Привилегированные Алансонского округа владеют большею частью половиной земли в приходах" bidem, стр. 52.—Ch. de la Genevraie: „Привилегированные владеют большею частью земель приходов". Ibid. стр. 177.—Ch. de Mêle-sur-Sarthe: „Из 100 моргенов 69 привилегированным, 31—крестьянам". Ibid, стр. 207-208.—Ch. de Plantis: „Сеньеры. владеют большею частью земель, особенно монахи и священники" (§§ 10 и 40) ibid

Но и здесь можно найти несколько приходов, в которых преобладание оставалось за крестьянским землевладением [1]). Если мы в заключение, чтобы замкнуть круг наших наблюдений, рассмотрим отношения соседнего Мена (Maine), собрание сельских наказов которого обнимает 4 толстых тома, то и здесь мы найдем не менее разноречивые указания, чем в сборниках cahiers бегло изученных нами провинций.

Можно по крайней мере установить с достаточной ясностью, что в провинции Мэн, несмотря на преобладание привилегированных в северных и западных областях, крестьяне отнюдь не были лишены земельной собственности и в некоторых приходах держали в своих руках от одной до двух третей земли и даже, как в La Chapelle-Moche, три четверти. При обилии материала мне кажется ненужным входить в более близкое рассмотрение отдельных приходов, и поэтому я отношу многочисленные отдельные данные наказов в примечание, которое легко позволит более точно ориентироваться [2]).

стр. 306.—Ch. de St. Aquilin-de-Corbion: „Бо́льшая часть земли принадлежит сеньерам". ibid, стр. 326.—Ch. de Tellières-le-Plessis: „3/4 имений—собственность дворянства и духовенства". (§ 6). Ibid. стр. 414.

[1]) Ch. de Bonnefoy: „1/5 принадлежит привилегированным", ibid. стр. 43.—Ch. de St. Scolasse: „1/3 принадлежит привилегированным, ibid. стр. 391.—Ch. de Hilaire-sur-Rille: 1/4 у привилегированных, ibid, стр. 374.—В приходе Radon вся земля, повидимому, была в руках крестьян, ibid, стр. 308—309.

[2]). Ch. de par. d'Amne: „Дворянство и духовенство владеют большим количеством земли", стр. 17.—Asnière: „2/3 лучших имений у духовенства и некоторых дворян" (§ 1), стр. 43—44.—St. Aubin-du-Desert: „125 семей и 600 человек; 1/8 близки к нищенству: 6 7/8.—мелкие крестьяне и арендаторы", стр. 75.—St.-Aubin-Fosse-Louvain: „Вся земля у духовенства", стр. 82-85.—Avesnières: „386 семей; из них 3/5 совершенные бедняки; имеются дворянские имения", стр. 94-95.—Averton: „2/3 у духовенства, 2/3 у малосостоятельных крестьян, стр. 99-100.—Avéré: „У привилегированных 568 моргенов, тем не менее крестьяне платили 13.800 ливров налогов, были, следовательно, не бедняками (§ 1 и § 2), стр. 105,—La Basonge-de-Chéméré: „1/4 земли у дворянства: из 240-250 семей 1/4 вищих; из остальных лишь немногие владеют землей" стр. 147-148.—Bazougers: „219 очагов, из них 70 мыз с приблизительно 50 моргенами земли и 80 с 18—20 моргенами и 125 „bordages, petits lieux et simples loïers", крупных собственников нет", стр. 151-154.—La Bosse: „Большая часть у дворянства и духовенства" (§ 5), стр. 217.—Bonère: „То же самое (§ 3), стр. 220.—St. Célérin le Géré: „2/3 у духовенства. 60 моргенов у дворянства, остальное принадлежит крестьянам" (§§ 17, 18), стр. 317-318.—Champgenéteux: „У дворянства и духовенства много земли" (§ 9), стр. 373.—Changé-les-le-Mans: „1/3 лучшей земли у дворянства, духовенства и буржуазии, худшая земля (2/3) у крестьян" (§ 1), стр. 374.—la Chapelle-Moche: 1/4 земли у привилегированных, 7/8 у крестьян (§ 1), стр. 421,—Colombiers: „Дворянство и духовенство имеют много имений, но они встречаются и у крестьян (§ 18), стр. 498.—Belléé, Duchemin, Duboyer, Les Cahiers des paroisses du Maine. (Paris 1881—1893). I.—Cosmes: 3/4 у духовенства (§ 1) стр. 2.—Deux-Evailles: „Земля, повидимому, принадлежит крестьянам", стр. 252.—Fontaine Raoult: „19/20 леса принадлежат дворянству и духовенству, обработанной земли 7—8 мелким крестьянам", стр. 302-306.—Fougerolles: „Почти 2/3 земли у сеньера, остальное принадлежит мелким собственникам (§§ 2-3), стр. 309.—Gorron: „Земля главным образом принадлежит крестьянину", стр. 390—401.—Hardange: „Много имений у дворян, но и крестьянин не без собственной земли", стр. 442.—Hercé: „У дворянства нет земли, у духовенства много имений, но также и у крестьянства", стр. 444-447.—Ivigné: 2/3 у дворянства и духовенства, 1/3 у третьего сословия, стр. 503.—Loiron: „У духовенства есть имения, существует и крестьянское землевладение. Ibidem, II, 583—4.—St.-Loup-près-Sablé: „У духовенства половина земли, у крестьян небольшое количество или вовсе нет", (§ 3-8), стр. 2-3.—Loupfougères: у дворянства и духовенства много имений (§ 5), стр. 8.—Martigné: земля принадлежит бедным мелким крестьянам, стр. 95—98.—Mézières-sous-Ballon: 1/2 у церкви (§ 3), стр. 103.—Nouans: 150 семей, из них 75 бедняков, 3—4 собственника, а остальные мелкие арендаторы, (§ 1), стр. 239.—Nuillé-le-Vendin: „Почти все жители поденщики", стр. 255.—Olivet: „Духовенство владеет многочисленными имениями", стр. 264.—Pellerine: „Почти все у привилегированных" (§ 3), стр. 346.—St.-Pierre-la-Cour: „3/4 земли покрытые лесом и лугом принадлежит сеньеру; 1/4 (пашня) крестьянам", стр. 372-373.—Placé: „Имеются лишь арендаторы церковых земель (§ 5) стр. 385.—Preval: у дворянства и духовен-

Вот каковы данные, которые можно извлечь из известных нам крестьянских сельских наказов: едва ли мы сможем получить из них какое-либо целое впечатление. Мы должны принять во внимание, что большинство из них (и таких сотни) ничего не сообщает о распределении земли. Причина этого обстоятельства лежит или в том, что крестьяне не имели никаких побуждений жаловаться (в этот случай мне представляется на основании изучения различных сборников наиболее частным), или в том, что в одних местностях образцы [1]) наказов предусмотрели обоснованное цифровыми данными изображение хозяйственных нужд прихода или общины, а в других совершенно не затрагивали этого пункта или касались его только в самых общих тенденциозных выражениях.

Только таким образом с моей точки зрения можно объяснить, что известное число аланconских наказов совершенно одинаковым образом (за исключением, разумеется, цифр) начинаются с определения размеров территории в моргенах, с числа семей, распределения налогов, падающих на привилегированные и непривилегированные владения, между тем как этот ясный и сам собой напрашивающийся тип сжатого обзора хозяйственного фундамента общины ни разу, насколько мне известно, не попадается в многочисленных наказах департаментов Па-де-Кале.

С данными наказов в руках мы таким образом можем, правда, осветить вопрос в отдельных случаях, но не в состоянии выяснить его вполне [2]).

Общее впечатление, получаемое из чтения первичных наказов, все же сводится к тому, что третье сословие, и в его среде прежде всего сельское крестьянское население, имело в 1789 году весьма значительную долю в землевладении, но что собственность привилегированных классов казалась правовому чувству крестьянства все еще слишком большой.

Обратимся в заключение еще раз к статистическим трудам, разработавшим материал податных свитков, с целью посмотреть, не сможем ли мы почерпнуть из них более точные сведения относительно распределения земли между сословиями.

Мы уже видели, что в Гиени и Гаскони крестьяне всюду владели землей, но исследования не дают нам никаких данных, чтобы судить о количественном взаимоотношении между привилегированным и непривилегированным землевладением.

Более или менее точные сведения мы опять-таки имеем лишь для общины Rieumes; здесь из 4.306 моргенов дворянству принадлежало 668, церкви и духовенству 63, буржуазии 1.159 и крестьянскому населению 1.904 моргенов земли [3]).

Огромный перевес третьего сословия над обоими высшими, выступающий перед нами здесь в небольшом округе, бросается еще более в глаза во всем Нижнем Лимузене. Духовенство имело там 9600 моргенов, дворянство свыше

ства обширные имения, но, очевидно, имеется и крестьянская собственность" (§ 5), стр. 442. Ibidem, III.—St. Samson: „Многочисленные имения у дворянства; но земельная собственность имеется и у III сословия" (§ 1), стр. 69.—Tubeuf:—„Небольшое количество пригодной к обработке земли, повидимому, принадлежит крестьянам", стр. 224. Vaiges: „Много церковных земель" стр. 239.—Villaines-la-Juhel: „Немного церковных имений„, стр. 295, ibidem IV.

[1]) Я имею в виду здесь и подлинные наказы, которые были приняты соседними общинами, по крайней мере, в отношении формы.

[2]) Если Шампион (назв. соч., стр. 135—136) на основании десяти мест из наказов выводит заключение, что до революции крестьяне не имели почти никакой земельной собственности, то, опираясь на вышеприведенные цитаты, можно было бы также легко доказать, что они владели большею частью земли.

[3]) Лучицкий: De la propriété en France (Rev. Hist. 1885) стр. 96.

46.000, буржуазия свыше 80.000, и крестьяне свыше даже 171.000 моргенов [1]).

Такой же, хотя и не столь благоприятный для низших классов, характер носят поземельные отношения в округе Орлеана.

Из 35.707 моргенов, обнимавших 15 приходов, в руках духовенства было 1605, дворянства 11.321, буржуазии 6.881 и крестьянства 15.947 моргенов [2]). Таким образом привилегированным принадлежала приблизительно одна треть, а не привилегированным две трети. В Нормандии до сих пор также, повидимому, переоценивали размеры владений двух высших сословий до революции [3]): в округе Caudebec, напр., занимавшем 70400 гектаров, духовенство владело всего-на-всего 3001 гектаром, что составляет лишь 5,10% всей поземельной площади [4]).

Если этот пример ни в коем случае нельзя считать типичным для церковного землевладения на севере, то все же и в соседнем Лаонэ землевладение духовенства стоит позади землевладения других классов: в то время как дворянство имело там 30,1% земли, а буржуазия (19,4%) и крестьянство (30%) вместе 49,4%, владения духовенства сводились лишь к 20,5% [5]).

Некоторые общины в Артуа дают для третьего сословия менее благоприятную картину. В Neuville-Saint-Vaste, напр., духовенство имело 724, дворянство 96, буржуазия 799 и крестьянство 676 моргенов; в Rollincourt соответствующие цифры составляют: 363, 501, 148 и 185 моргенов; в Thelus богатое аббатство Saint-Vaast имело 986, буржуа 362, крестьяне 294 и вместе 656 моргенов [6]).

И все же это дало бы в среднем около 45% земли, находящейся в руках низших сословий, и это обстоятельство тем более замечательно, что, как было уже упомянуто, богатства церкви в северных областях считались значительно большими, чем в остальной Франции.

Этим исчерпываются наши источники. Таким образом, хотя мы имели возможность выбирать наши примеры почти изо всех местностей Франции, все же мы не в состоянии сообщить цифровые данные относительно распределения земли между сословиями французского народа до революции.

Но из имеющегося в нашем распоряжении материала, мне, я думаю, можем вывести с полной определенностью одно заключение, а именно, что значительная, а может быть и большая часть земли уже находилась к этому времени в наследственной собственности третьего сословия. При этом доля буржуазии была довольно велика [7]), доля же крестьянства еще значительно больше.

Земельная собственность обоих высших сословий была, конечно, при незначительности их численного состава и недостаточной хозяйственной активности все еще слишком велика для здорового развития французского сельского

---

[1]) Sagnac. La propr. fonc. (Revue d'Hist. Moderne et Contemp. 1901), стр. 164.

[2]) Bloch. Hist. économique (1900), стр. 104, по таблице; perches и 20 arpents „divers" не приняты во внимание.

[3]) De Beaurepaire, Renseignements statistiques sur l'état de l'agriculture (1889) стр. 19.

[4]) Lecarpentier. La propr. foncière („Revue Hist." LXXVII, 1901), стр. 72—73.

[5]) Loutchisky. La petite propriété (1897), стр. 72—73. Табл. № 7, обнимающая 51 деревню в Лаонэ.

[6]) Loutchisky op. cit. („Rev. Hist." 1895, стр. 101—104; по таблицам.

[7]) Относительно доли буржуазии в землевладении ср. еще H. Taupiac. Statistique agricole de Castelsarasin (Paris, 1865), стр. 323.—Bouchiste. Mémoires des intendants (1881), стр. 766.—F. Maurice. La question agraire et la misère en France (1888) стр. 21—22.—Tchernychev. Op. cit. стр. 120.—Young. Travels. Ed. cit. стр. 115—116.

мельства, частью вследствие неотчуждаемости, как это было с церковными землями и маноратами, частью вследствие стеснительных и нерасторжимых вещных прав, ограничивала свободную мобилизацию земли и свободу ее обработки и таким образом слишком уже препятствовала подъему более сильного и деятельного класса населения.

Наступившая революция попыталась изменить это положение: она прежде всего возвела в закон свободу труда и торговли, затем отменила феодальные права и пустила в продажу земли церкви и эмигрантов и, наконец, изменила законы о наследовании. Выяснение того, каким образом были осуществлены эти нововведения и каков был успех, достигнутый в этой области деятелями революции, составляет задачу истории аграрной политики в эпоху Французской революции.

ПРИЛОЖЕНИЕ I.

Сравнительная критика изданных А. де-Шармассом сельских наказов бальяжа Отэн (Autun).

В своих „Studien zur Vorgeschichte der französischen Revolution" Адальберт Валь, проделав обстоятельную критическую работу, доказал, что большинство наказов общин „Paris hors les murs" зависит частью от образцов, частью друг от друга.

Французские исследователи отметили, что такая зависимость совершенно естественна вблизи столицы, но что ее нельзя установить в той же степени для наказов более отдаленных провинций. В ответ на это Валь доказал аналогичное положение для наказов сенешальства Э (Aix) [1].

Многочисленные исследования наказов почти во всех провинциях Франции позволяют мне сделать здесь свой вклад в разработку этого вопроса, снова подтверждающий взаимную зависимость наказов в пределах одного округа.

Предположение, что накануне революции сельские общины следовали духовному руководству крупных и небольших городов своей области, является при тогдашнем состоянии крестьянского просвещения чем то почти само собою разумеющимся, но это обстоятельство подтверждается в достаточной степени и источниками.

Когда король обратился ко всем общинам своей страны с предложением изложить свои жалобы в особых Cahiers, немало крестьянских общин стали выжидать совещания соседнего города, чтобы или просто присоединиться к его жалобам, или, по крайней мере, получить хороший образец для изложения собственных тягот. Так жители прихода St. Eulalie, состоявшие исключительно из земледельцев [2], заявляют: „Присоединяясь к изложению жалоб, заключающемуся в „cahier des doléances" города Uzerche, чтение которого большинство из нас слушало вчера на общем собрании города и который был только что подвергнут разбору, мы ограничиваемся тем, что требуем" и т. д. [3].

[1] Wahl. Zu den ländlichen Cahiers der Sénéchaussée von Aix. Historische Vierteljahrsschrift, т. VI (1903), стр. 243—246.

[2] „Приход... состоит только из одних земледельцев". Ch. de S. Eulalie d'Uzerche в M. Hugues, Cahiers du Bas-Limousin, стр. 159.

[3] Hodeн, стр. 160

сходным образом заявляют о своем присоединении к постановлениям третьего сословия города Дижон общины Antully, Coulard, Glux, Morillon, Rigny-sur-Arroux, St.-Prix-sous-Beuvray, Sully-en-Royauté и Verrière-sous-Glenne [1]).

Такие отношения к городам могут быть доказаны в еще большем количестве случаев [2]): но не столь само собою понятной кажется зависимость одной или нескольких сельских общин от одной из соседних деревень. Однако достаточно лишь некоторой внимательности, чтобы установить подобную связь в огромном числе случаев.

Так наказы приходов Arnac-Pompadour, Beyssac, Concèze, Le Lonzac, le Meillards, Pierrefitte, Sadroc, St.-Bonnet-la-Rivière и St.-Pardoux-Fortigier в Нижнем Лимузене зависят все от одного образца, вероятно, от наказа Arnac-Pompadour [3]). Наказ Allassac составляет пару с наказом St.-Bonnet-l'Infantier [4]), а наказ Chamboulive с наказом St.-Jal [5]).

Нет недостатка в подобных родственных отношениях и в бальяже Дуэ, и прежде всего протокол общины Bouvignies является здесь источником для наказов Nomain, Landas, Beuvry и Tilloy [6]).

Наиболее поучительным примером этих родственных отношений крестьянских наказов являются Cahiers бальяжа Отэн: поэтому мы изложим ниже несколько подробнее их взаимную связь.

Некоторые из этих наказов, как мы уже упоминали, сами определенно ссылаются на заявления третьего сословия города Дижон; но этим вовсе не обусловливается еще зависимость *в форме составления наказа*; указанные общины просто собирали в городе необходимый опыт для изображения своих собственных горестей и печалей. Напротив, там, где имеется действительно рабская зависимость, источник, которым пользовались, почти никогда не называется. Так, напр., наказ Couches обнаруживает почти дословное сходство с наказом города Дижона, однако, совершенно не упоминает названия этого города.

Помещенная ниже сравнительная таблица должна уяснить их зависимость [7]).

---

[1]) A. de Charmasse, Cahiers du baillage d'Autun: Ch. d'Antully, § 5, стр. 63;—de Coulard, § 18, стр. 65;—de Glux, § 10, стр. 84;—de Morillon, § 10, стр. 152;—de Rigny-sur-Arroux, § 1, стр. 161;—de St.-Prix-sous-Beuvray, § 10, стр. 200;—de Sully-en-Royauté, § 1, стр. 227; de Verrières-sous-Glenne, § 10, стр. 241.

[2]) Интересны Doléances des agriculteurs de la ville de Limoges, изданные A. Leroux в Arch. Hist. de la Marche et du Limousin (1887), стр. 119—124. Они явным образом представляют из себя наказ-образец для сельских общин Лимузена (за исключением последнего абзаца). Составитель сам выражает надежду, что его идеи могут оказать влияние на наказы. Ср. отдел: „Mon voeu sera remplie“ и т. д.

[3]) Ср. Hugues, Chs. du Bas-Limousin: Ch. d'Arnac-Pompadour, стр. 24—31;—de Beyssac, стр. 32—36;—de Concèze, стр. 53—60;—de Luzac, стр. 94—98;—de Meillards, стр. 105—108;—de Pierrefitte, стр. 130—134; de Sadroc, стр. 147—150; de St.-Bonnet-La Rivière, стр. 151—154;—de St.-Pardoux-Fortigier, стр. 168—174.

[4]) Ibidem, стр. 8—16 и 155—158.

[5]) Ibidem, стр. 47—52 и 163—167.

[6]) Arch. parl., III: Procès-verbal de la communauté de Bouvignies, стр. 202; Ch. de Nomain, стр. 205;—de Landas, стр. 210;—de Beuvry, стр. 214;—de Tilloy, стр. 225.

[7]) Наказ третьего сословия Bourg de Couches напечатан у Шармасса, стр. 51, № XII. Наказы бальяжа Отэн обозначены издателем без перерыва римскими цифрами. Поэтому ниже в тексте при сравнении я пользуюсь простоты ради этими цифрами; арабские цифры обозначают параграфы наказов.—Наказ города Дижона напечатан в Arch. Parlem. III, стр. 140—147.

XII.	Cl. de Dijon. Mandats du Tiers-Etat §§ 1—7.		XII.	Cl. de Dijon.	
Doléances Plaintes et Remontr.		Doléances Plaintes et Remontr.	Justice.		Justice.
1		1	1	=	
2		2	2		—
3		3	3	=	2
4		4	4 (сокр.[6])	=	3
5		5	5	=	4
6		6	6		5
7		7	7	=	6
8	=	8	8 (сокр.)	=	7
9[2])		9	9		8
10		10	10	=	9
11		11	11	=	10
12		12	12 (сокр.)	—	10
13		13	13		
14	=	12	14	=	11 (сокр.)
15		13	15		—
16		14	16	—	12 (сокр.)
17		15	17		
18			18		—
19[3])		—	19[4])		
20	=	17	20[4])	на	13
21	=	18	21	=	14
22	=	19	22	=	15 (сокр.)
23	=	20	23	=	16
24	=	21	24	=	17
25	=	22	25		—
26	=	23	26 (сокр.)	=	18
27	=	24	27		—
28	=	25	28		—
29	=	26	29	=	19
30		27	30[4]) 31[5]) (сокр.)	=	20
31		—	32	=	21
32	—	29	33 местное пожелание		
33		30			
34		—	Clergé.		Clergé.
35		—			
36		31			
37	=	32	1 (сокр.)	=	1
38	=	33	2	—	2
39	=	34	3	=	3
40[5])	=	35	4	=	4
41		36	5 (сокр.)	—	5
42	—	—	6	=	6
43[5])		37	7 (сокр.)	—	7
44	=	—	8		8
45		39	9 (сокр.)	=	9
46		—	10	—	10
47		40	11		—
48		—	12		—
49		—	13	=	11

[1]) За исключением краткого заключительного предложения.
[2]) В XII более пространная редакция.
[3]) Этот § повторяется еще раз в Cl. du bailliage de Dijon, § 8, абзац 3, Arch. parl. III, стр. 130.
[4]) За исключением слов: „à l'imitation de la loi rendue par l'empereur".
[5]) Совпадает с chap. 1 § 21 Cl. du baill. de Dijon.
[6]) (сокр.) = сокращенно.

Более краткие извлечения.		Более пространные извлечения.				Дословные копии.			
V.	VI.	XI.	XVII.	XIX.	XLV.	XXV.	XXX.	X.	XLVIII[1]).
1	1 из	1 из	1 из			1		1	1
2	—	2	2			2		2	2
3	2	3	3			3		3	3
4	3	4	4			4		4	4
5	4	5	5			5		5	5
6	5	6	6			6		6	6
7	—	7	7			7		7	7
8	—	8	8			8		8	8
9	6	9 из	9 из			9		9	9
10	7	10	10			10		10	10
11	8	11				11		11	11
12	9	12							12
13	10	13							13
14	—	14							14
15	—	15							15
16	—	16							16
17	(?)	17							17
18	11	18							18
24	12	21							19
19	13	15							20
—	14	16							21
—	—	27							22
20	14	16							23
21	15	19							24
22	17	18							25
23	18	20							26
25 и 28	20	23							27
									28
									29
									30
									31
									32
									33
26	16	17 =	17	27		10	Параграфы, не зависящие от XLVIII.		
27	21	25 =	25	28					
	24	27 =	27 [2])	29					
	25	26 =	26 [2])	30					

Дословно совпадает с XI и XVII, потому не воспроизведен Шармасом.

Дословно совпадает с XI и XVII за исключением 4 последних параграфов.

и т. д. дословно вплоть совпадает с XI.

Согласно § 2 вполне присоединяется к наказу XLVIII.

и т. д. дословно совпадает с XLVII.

Первые семь параграфов наказа города Дикона под заглавием „Mandats du Tiers-Etat", не содержащиеся в наказе Couches, образуют с незначительными выпусками содержание наказа общины Montrogе, принадлежавшей к приходу Couches:

[1]) V Ch. de la paroisse de Briou, ibid., стр. 24—47; VI Ch. de la communauté de Broye, стр. 27—31; XI Ch. de la com. de Cordesse, стр. 46—51; XVII Ch. de la paroisse de Dracy-Saint-Loup, стр. 74—78; XIX Ch. de la com. d'Etange, стр. 81—82; XLV Ch. de la com. de Saint-Forgeot, стр. 179—180; XXV Ch. de la com. de Laisy, стр. 118—120; XXX Ch. de la com. de Milay, стр. 137—138; X Ch. de la par. de la Comelle-sous-Beuvray, стр. 37—46; XLVIII Ch. de la com. de Saint-Léger-sous-Beuvray, стр. 187—196.

[2]) По форме совпадают: содержание—местного характера.

XXXIII [1]		Наказ города Дижона
1	=	1
2	из	2
3	=	3
4		4
5	=	5
6	—	6
7 №№ 1—7 и 9		7 №№ 1—7 и 8

Гораздо более широкое распространение, чем Дижонский наказ, получил наказ общины Saint-Léger-sous-Beuvray. При более близком сравнении этого довольно обширного произведения с наказами прочих общин бальяжа Отэн можно установить частью дословные копии с него, частью извлечения, частью опять-таки копии и извлечения из этих первых извлечений. Мы попытаемся возможно нагляднее показать эти совпадения: сравнительные отметки при параграфах в каждом столбце таблицы относятся к параграфам 1—33 наказа Saint-Léger.

(См. таблицу на стр. 28).

Этой генеалогией, однако, не исчерпываются семейства из племени XLVIII: в особенности, близнецы XI и XVII имели еще дальнейшие ответвления: их родственные отношения у этих последних отличаются несколько большей сложностью. И здесь наиболее наглядное представление дадут нам несколько сравнительных таблиц:

Извлечения				Из		
XLI		VII [2]		XI или XVII		XLVIII
1	—	1	из	23		—
2		2				
3	=	3		22		
4	=	4	"			
5		5				—
6	—	6	"	16		—
7 [3]	—	7 [4]	"	25		
8	—	8	=	10		
9	=	9	из	2		—
10	—	10	=	6		
11	—	11				—
12	=	12	из	8		—
13	—	13				—
14				—	из	14
15		14		—	из	16
16						—

[1]) Doléances de la communauté de Monthelon en la paroisse de Couches. Ch. ... стр. 143—148.

[2]) XLI Ch. de la com. de Roussillon, стр. 167—170; VII Ch. de la com. de Cel... стр. 31—33.

[3]) Здесь отсутствует добавление VII, 7 относительно церковных земель, но оно появляется в качестве особого параграфа № 22, соответствующего XLVIII, 5: но странное добавление за словами: „et d'abolir toutes les mains mortes": „en cas qu'il s'en trouve dans ladite paroisse": не встречающееся ни в XLVIII и ни в других наказах, приводит нас к предположению, что в основе всей разобранной нами группы лежит в качестве наказа-образца самостоятельная или не сохранившаяся на XLVIII брошюра.

[4]) За исключением добавления относительно церковных имений.

17		15	из		21	
18	-	16				
19	-	17				
20	=	18				
21	=	19		из	27 [1]	
22 [2]					из	5
23	жалоба местного характера					

Подобно тому как наказы Roussillon и Celle, вполне совпадающие друг с другом за исключением трех последних параграфов, зависят от нашего основного наказа через посредство производного источника, наказ Montelon ведет свое происхождение также от производного наказа:

XXXII [3]		XI или XVII		XVIII [4]
1	из	1		—
2	„	1		
3	„	22		
4		—		—
5		1		—
6	из	1		—
7	„	5		
8		—	из	—
9		—		—
10	=	13		—
11 — 13	=	16		
12	особый	орган	из	3
14		—	из	3
15	—	22		—
16	—	24		—
17	=	25		—

Еще сложнее, чем в этом случае, где некоторые параграфы заимствованы из совершенно чуждого нашей группе наказа Igornay, обстоит дело с частями у наказа прихода Tavernay:

LVII [5]		XLVIII		XI или XVII		V
1						
2	из	4		—		—
3	„	14		—		
4		—	из	3		—
5		—		—	из	7
6		—	=	11		—
7		—		10		—
8		15		—		—
9	из	24		—		
10		—	„	15		—
11		—		—	из	25
12		—	„	21		

[1] Общего характера.
[2] См. примечание 5 на предшеств. странице.
[3] Ch. de Montelon, стр. 141—143.
[4] Ch. de la Chaux-Pleurey et dépendances, стр. 145—146.
[5] Ch. de Tavernay, стр. 251—254.

13	из	33		—		—
14		—		—	из	28 (1 абзац)
15	„	27	и	4		
16	„	16				—
17		—		—	—	28 (2 абзац)

Если мы откажемся от гипотезы, что образцом для нашей группы служила неизвестная брошюра, то наши сопоставления делают вероятным предположение, что крестьяне какой-нибудь общины, напр., Tavernay, просмотрели уже готовые наказы соседних деревень и заимствовали из них параграфы, которые более всего отвечали их собственным пожеланиям, видоизменив их соответственно местным нуждам.

Сравнение остальных наказов бальяжа Отэн, не принадлежащих к производным от XLVIII, укрепляет вероятность этого факта.

Так параграфы наказов Dologne и Madelaine Epinac и Morlaix находятся друг к другу в следующем соотношении:

IX		XVII[1]		XXXIV [1]
1	=	1		—
2	=	2		
3	=	3		—
4	=	4		—
5	=	5		—
6	=	6		—

4	—	4
5	=	5
6	=	—
7	=	6
8		7
9		8 (собр.)
10	—	10
		12 »

LVI	LVII [2]
1	1
2	3 [3]
3	
4	—
5	
6 по содерж.	9
7	10
8	—
	8

9 и 10 местные пожелания.

Десять совпадают кроме того еще наказы XX, L и LXI [4]; XV и LIV [5]; а с перестановкой некоторых отделов и незначительными изменениями также XXXI и XLVII [6].

Таким образом, не считая тех из подвергавшихся до сих пор сравнению наказов, которые послужили источником для других, одинокими и самостоятельными остаются лишь след. №№:

I; II [7]), III, IV, VIII, XIII, XIV, XVI, XXI, XXII, XXIV, XXIV bis, XXVI, XXVIII, XXIX [8]), XXXVII, XXXVIII, XXXIX, XL, XLII, XLIII, XLIV, XLIX, LI, LI bis, LII, LIII, LV, LIX, LX и LXII, следовательно 31 из 63 сельских наказов бальяжа Отэн: это составляет в целом приблизительно 36 полноценных наказов в собрании Шармасса.

Конечно, и в них встречаются иногда родственные отзвуки: сравним, напр., выражения, которыми определяются выборы представителей от третьего сословия в наказах Couhard (XIII), Issy-l'Évêque (XXIV), Marchéseuil (XXVIII) и St.-Agnan-sur-Loire (XLII):

XIII § 11.: „...que les députés du Tiers-Etat y seront en nombre égal à ceux des deux autres ordres, qu'ils seront choisis librement parmi leurs pairs seulement, par voye du scrutin" и т. д. [9]).

---

[1]) Вслед за § 11 следует еще 8 местных жалоб под заголовком: „Doléances particulières de la paroisse de Neuvy".

[2]) LVI Ch. de la com. de Sully-en-Duche, стр. 223—227; LVII Ch. de la com. de Sully-en-Royauté, стр. 227—231.

[3]) Однако у LVII только вступление и заключение из LVI.

[4]) XX Ch. du village de Glux, стр. 83—84; L Ch. du village de St.-Prix-sous-Beuvray, стр. 199, 200; LXI Ch. du village de Verrière-sous-Glenne, стр. 240, 241.

[5]) XV Ch. de la com. de Curgy, стр. 69—71; LIV Ch. de la com. de Savigny-le-Jeune et Creusefond, стр. 214—216.

[6]) XXXI Ch. de la com. du Grand et Petit Moloy, стр. 138—140; XLVII Ch. de St.-Léger-du-Bois, стр. 185—187.

[7]) Этот наказ был составлен сиром Франсуа-Клод-Латиль.

[8]) Составлен нотарпусом Н. Венере.

[9]) стр. 64; в § 3 содержится сходный текст, стр. 65.

XXIV § 12. „Que le représentant de l'ordre du Tiers-Etat soit [illegible] choisis librement et parmi tous les pairs" и т. д. [1].

XXVIII § 3: „Que le Tier-Etat et les campagnes en particulier y soient convenablement représentés, par un nombre de députés [illegible] celui des deux autres ordres réunis, choisis librement parmis tous les pairs et par la voie du scrutin" и т. д. [2].

XLII § 7 № 2 „... lesquels députés seront choisis parmi tous les pairs, librement et par la voie du scrutin" и т. д. [3].

Но сходство этих фраз оправдать очевидно, лишь на изучении однородных или сходных сочинений о новом государственном строе, в обилии которого множество обращавшихся тогда во Франции заключать, исходя от таких мелочей, о взаимной зависимости совершенно разнородных и других отношениях наказов, значило бы заходить в своей критике слишком далеко.

Если мы в заключение спросим о результатах, достигнутых нашей критической работой, то, я думаю, мы должны притти к следующему выводу: благодаря детальной критике ценность многих сельских наказов, как источника, уменьшается, зато ценность других чрезвычайно возрастает. Сделалась в стороне незначительное количество наказов, работы копировавших свои образцы, мы можем установить, что даже те наказы, которые имели только один или несколько образцов, в состоянии были сделать из находившихся в их распоряжении параграфов отвечающие их желаниям и жалобам выбор, и, потому, несмотря на всю свою зависимость, могут дать весьма ценные данные для знакомства с крестьянскими отношениями. Ценность их повышается еще больше, если зависимые наказы содержат один или несколько самостоятельных или имеющих чисто местное значение параграфов. Наиболее высокую ценность в результате сравнительно-критического исследования получают ряд совершенно самостоятельных наказов. К этим наказам можно с самого начала относиться с величайшим доверием, и сообщаемые ими данные, разумеется, после весьма тщательной проверки отдельных параграфов, представляют для себя чрезвычайно важный вклад в сокровищницу исторического материала 18-го века.

[1] стр. 111.
[2] стр. 127.
[3] стр. 173.

ОЧЕРК ВТОРОЙ.

Теории земельного передела и земельного коммунизма во Франции XVIII-го века до Революции.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Развитие теорий до 1780 года.

1. Возрождение естественного права.

В Греции и Италии было время, когда учение Эпикура господствовало над умами огромного большинства мыслящих людей. Эпикур принадлежал к числу немногих философов древности, видевших идеал счастья человеческого рода в будущем, и, может быть, именно эта живущая в его сердце тоска по будущему и придавала его философии столь большую власть над умами не только в древности, но и в новое время. Ибо, как только Возрождение и Реформация разбили оковы средневековой догматики, идеи Эпикура сейчас же нашли сильные отклики в сердцах людей.

Но вместе с ними в духовную жизнь вошли также и их старые антагонисты, идеи стоиков.

Сделаем краткий обзор общего положения эпохи. С конца 15-го и начала 16-го века взаимоотношения европейских народов друг к другу стали иными, я сказал бы, более интернациональными; группы народов стали приходить к сознанию своей „национальности"; государственные тела сделались благодаря этому более компактными, взаимные отношения их получили большой удельный вес; чувство возросшего могущества сделало столкновения более частыми и интенсивными. Бедствия беспощадного способа ведения войны охватили Европу 16-го и 17-го веков; не было еще никаких твердых правил для урегулирования новых взаимоотношений между нациями.

Было вполне естественным, что человеческий дух стал отыскивать новые принципы для своей деятельности, которая до сих пор—в области государственных отношений—опиралась лишь на силу и выгоды текущего момента: он должен был найти право, которое возвышалось бы над суверенными государствами, право, которому были бы подчинены все люди, нормы которого обещали бы порядок и мир: необходимые для этого условия нашли в естественном праве.

Необходимость здесь, как и везде, была той плодородной почвой, которая вырастила новую идею; семя, из которого она произросла, дал зрелый плод античной философии. Таким образом с начала 17-го века стало подрастать покрывшее своею тенью более, чем два столетия, древо естественного права, с которого не один философ и политик надеялся сорвать ветку мира для всех народов.

„Греческие мыслители впервые формулировали идею естественного права": начиная с Гераклита и Архелая и кончая Зеноном и Эпикуром, древняя греческая философия не переставала спорить о том, „коренится ли

право в природе, или же оно возникает из человеческих установлений". Через стоиков и эпикурейцев эти учения впервые вступили в тесную связь с общим мировоззрением [1].

Для стоиков все проникающий вечный мировой разум является связью между мыслящими существами; так как люди находятся под властью единого закона Природы и Разума, то естественное их назначение состоит в том, чтобы жить друг для друга. „Общественное чувство непосредственно коренится в человеческой природе, и два основных условия общественности, справедливость и любовь к людям, также вызываются ею" [2].

Конечно, действительность совершенно не отвечала идеалу, основанному на этих чистых принципах, и поэтому стоики перенесли господство естественного права в то раннее счастливое время человеческого рода, о котором народ составил себе сказание о золотом веке. Согласно этому воззрению, лишь позднейшее извращение дало людям положительное право; последнее, по мнению стоиков, не имеет в отношении к существующему положению связующей силы в тех случаях, когда оно противоречит естественному закону [3].

Материализм Эпикура должен был решительным образом отбросить подобные воззрения. Мир возникает из чисто механического сталкивания и отталкивания атомов; живые существа вырастают из почвы; способные к жизни сохраняются, и среди них люди, которые первоначально живут в дикой естественном состоянии войны всех против всех, а затем соединяются в общество, исходя из мотивов выгоды.

Отдельные индивиды заключают между собой договор для достижения собственной безопасности, и этим сделан первый шаг к прогрессивному развитию культуры, к *золотому веку Горация*. Естественное право для Эпикура заключается в принципах этого первоначального общественного договора [4].

На этих очерченных здесь лишь кратко основных философских чертах естественного права и его дальнейшем развитии в римском jus gentium [5] философы и правоведы нового времени и попытались снова построить систему общеобязательного и вечного естественного права, сначала еще в связи с откровенным божественным правом.

В то время как ученый Гассенди, Гоббс, Спиноза, а позднее Сен-Ламбер, Гельвеций, Гольбах и большинство писателей 18-го столетия сделались ревностнейшими приверженцами эпикуреизма, Гроций, Локк и позднее Монтескье склонялись к стоицизму [6]. В лице Пуффендорфа обе системы смешались, а во второй половине 18-го века резкое разграничение их стало совершенно невозможным.

Наша задача должна прежде всего состоять в том, чтобы показать, каким образом аграрные теории 18-го века до революции заимствовали большую часть своего обоснования из учений естественного права. Корни этого заимствования в распространявшихся философами естественного права

---

[1]) W. Hasbach, Die allgem. philosoph. Grundlagen der von F. Quesnay und Ad. Smith. Begründeten politischen Ökonomie (Staats und soz.-wiss. Forsch. X. 2; Leipzig, 1890), стр. 3.

[2]) Zeller, Grundriss der Geschichte griech. Philosophie (Leipzig ² 1888), стр. 218.

[3]) Hasbach, op. cit. стр. 7.

[4]) Zeller, op. cit., стр. 226—233.—M. Guyau, La Morale d'Epicure et ses rapports avec les doctrines contemporaines (Paris, 1878), стр. 159—163.

[5]) „Понимание, которое вкладывал XVIII век в естественное состояние, естественное право и т. д. в сущности ничем не отличается от jus naturale античной юриспруденции". Kareev, Les paysans (Paris, 1899), стр. 296—7.

[6]) M. Guyau, op. cit. стр. 15—16.—W. Hasbach, 26—27.—Montesquieu, Esprit des lois l. XXIV. ch. X „De la secte stoïcienne".

...ваемых из естественного состояния человеческого общества на установление собственности.

II. Естественное право, как исходная точка для этических теорий.

Гассенди первый выдвинул вперед в 1624 году философию Эпикура и сделал ее популярной среди своих современников [1]). Он занимало в нем убеждение, что люди первоначально блуждали, как дикие звери, вели вечные раздоры из-за пищи, питья и женщин и желали их заключить договор, не обижать друг друга или в случае, если это все же произойдет, платить возмещение за нанесенные обиды. Власть, которая должна была наблюдать за выполнением договора, была передана, по его мнению, нескольким „мудрым", и только с этих пор отдельный индивид получил возможность владеть собственностью и называть какую-нибудь вещь своей („qu'un particulier pouvait avoir quelque chose en propre ou qu'il pust dire estre sien" [2]).

Долголетний друг Гассенди мрачный Гоббс развил эти мысли до их крайних следствий [3]). Если у первого людей сближала еще своего рода взаимная склонность, то у второго их гнали друг к другу лишь страх и себялюбие. В первоначальном естественном состоянии он видит лишь хаос без малейшего признака какого-либо естественного закона: последний возникает лишь с познанием разума, что ради наибольшей выгоды человек необходимо должен стремиться к миру. Стремление к этой цели Гоббс усматривает и в договоре отдельных индивидов между собой, из основ которого возникли естественные законы для всех последующих времен [4]).

Согласно теоретикам естественного права эпикуровского направления частная собственность юридически основывается только на общественном договоре, который был заключен людьми с целью обеспечения взаимной безопасности. Существовавшее до этого договора состояние знало лишь притязание сильнейшего на все, что ему доступно: правда, сюда привходит и как будто имеющее весьма социальный характер „право всех на все", но на самом деле оно означает лишь нужду слабейшего во всем. Поэтому Гассенди решительно возражает против басни о некогда существовавшем счастливом веке, а Гоббс хочет уничтожить всякую возможность такого предположения, объявив первоначальную сущность человека безусловно *необщественной*.

На прямо-таки противоположном воззрении строит свою систему Гуго Гроций; для него этическим принципом права является *общественная природа*, общественное влечение человека (socialis natura, appetitus socialis), которое заставляет его в „противность собственной пользе и скорее из благожелательного чувства к другим" образовать „мирное и разумно упорядоченное общество".

Первоисточником *гипотетического права* является не общественный договор: оно скорее опирается на интимнейшее социальное зерно человеческого

[1]) M. Guyau, op. cit., стр. 192—194.

[2]) Hasbach, op. cit. стр. 36—37.

[3]) Относительно загадочности Гоббса от Эпикура см. Энциклопедию сил. Neuchâtel, 1756), V, стр. 132—3. «Гоббс издал в Париже в 1642 г. трактат о гражданине, где среди других опасных мнений (sic!) он пытается, следуя морали Эпикура, установить, что основным принципом общежития является самосохранение и частная выгода; отсюда он заключает, что естественное состояние состоит в войне всех против всех».

[4]) M. Guyau, op. cit., стр. 195—200.

[illegible] и тем самым их пронизанности всю вселенную Мировой разум [1]. Более позднее *гражданское право* не может повелевать делать что-нибудь противоречащее ему, но оно в состоянии „ограничить естественную свободу, закрепить дозволенное с точки зрения естественного права и выступить с тем самым против естественных способов приобретения собственности" [2].

Пуфендорф с одной стороны следует принципу общественности Гроция, с другой же вводит в свою систему и себялюбивого человека Гоббса. Он принимает гипотезу об естественном состоянии, где свобода и равенство составляют содержание права. Люди отказались от этих обоих преимуществ, образовав благодаря своему внутреннему влечению к упорядоченному общежитию гражданское общество; в этом последнем они подчинены уже не первоначальным естественным правам, а новым гражданским [3].

У Гроция, как и у Пуфендорфа, уже существует представление о том, что до возникновения гражданского общества существовало общество естественное, которое опиралось на определенные правовые основы. У Локка это естественное общество получает дальнейшее развитие в виде патриархального семейного союза. Свобода и равенство, безопасность и жизнь, здоровье и даже собственность—вот естественно-правовые нормы, под защитой которых жили члены уже этого общества. Ибо путем труда каждый мог приобрести себе собственности на общую для всех землю. Но естественное равенство все же обеспечивалось тем ограничением, что каждый мог превратить в собственность лишь столько земли, сколько было необходимо для обеспечения его существования [4].

Только явный упадок и возрастающее число преступлений против жизни, свободы и собственности могли, по мнению Локка, современем побудить людей отказаться от этого естественно-правового общества и искать в политической организации более сильной защиты своих имуществ и большего возмездия за преступки.

Здесь ясно выступают наружу стоический идеал утерянного золотого века и низкая оценка гражданского общества, явившегося результатом вырождения человеческого рода. У Локка обращает на себя внимание то ударение, с которым он говорит о возникновении частной собственности из труда. Позднее мы еще встретимся с влиянием этой идеи. Оставив ее пока в стороне, мы должны констатировать, что представители стоического направления естественного права принимают гипотезу о *первобытном счастливом состоянии* общества, в котором господствует *свобода и равенство*.

Но из этого воззрения можно с равным успехом вывести как право отдельного индивида на частную собственность, так и „арифметически равномерное распределение вещей" и общность имуществ [5]. Так Гроций признает, что из разума, т.-е. из естественного права, вытекает общее право людей на все вещи, что никто не может получить на длительный срок преимущественного перед другими права на какой-нибудь предмет: „человек имеет право на то, чтобы его фактическое владение не нарушалось, только благодаря своей личности, а не в силу права на вещь и только до тех пор, пока продолжается

[illegible]

[1]) F. J. Stahl. Die Philosophie des Rechts (1856), I, стр. 163—165.
[2]) Hasbach. op. cit., стр. 36.
[3]) Ibidem, стр. 44—45.
[4]) Это ограничение, правда, отпадает, так как Локк считает в естественном обществе дозволенным обмен излишних продуктов земли на неподверженные порче предметы.
[5]) Этого мнения придерживаются также F. J. Stahl, op. cit., стр. 150; G. Adler, Geschichte des Socialismus und Kommunismus (Leipzig, 1899) I, стр. 214; Hasbach, op. cit., стр. 36.

[illegible] состояние" (Гроций, с. 2, § 2)[1]. Пуффендорф отрицает даже [illegible] ла и нарушает практического состояния, а Томазиус [illegible] определеннее Неттельбладт признают разумной положительную общность [illegible] ств.

Если после этих выводов мы еще раз сделаем краткий обзор того положения, которое заняла частная собственность в системах естественного права, то мы должны притти к заключению, что ее основы были скорее потрясены, чем укреплены. До момента возникновения общественного договора за ней отрицается всякое правовое существование (исключение составляет только Локк). Правовая основа, которую она получила затем благодаря созданию гражданского общества, также не опирается на достаточно высокие нравственные ценности, чтобы обеспечить себе незыблемое уважение. Ведь при основании общества, которое рассматривалось то как молчаливое соглашение, то как действительный сознательный договор, дело шло, не говоря уже о чисто утилитарных мотивах заключивших договор индивидов,—в одном случае об испорченных потомках счастливых и благородных поколений, в другом—о диких, варварских, даже совершенно необщественных существах. Не требовалось слишком смелых выводов, чтобы изобразить необязательными и вредными подобные правовые основы.

Если индивидуализм 18-го столетия построил на этом базисе свои огромные требования *в защиту* частной собственности, то мы не должны удивляться тому, что более слабое направление социализма, вызванное им к жизни с естественной необходимостью, отчасти использовало тот же самый фундамент для построений, направленных *против* частной собственности.

То обстоятельство, что из почти одинаковых предпосылок могли быть выведены совершенно различные следствия, опирается на логически-конструктивный характер самой философии естественного права. У нее, по словам Шмоллера, еще совершенно отсутствовала „идея исторического развития человеческих качеств и учреждений. Исходя из абстрактной природы человека, ее влечений и заложенных в нее Богом разумных качеств, считали возможным ставить индивидуальной и социальной жизни абсолютно истинные идеалы, конструируя их из разума" [2]). При этих условиях было совершенно естественно, что подобные рассудочные построения отвечали в большей степени желаниям мыслителей, чем исторической действительности.

Доказывать влияние естественного права на 18-ый век, — значит ломиться в открытую дверь. Каждая книга, трактующая о политических, экономических и моральных вопросах, полна отзвуков его идей. Но в то время, как физиократы и все представители индивидуалистического правового и хозяйственного порядка брали за исходную точку своих учений, а в их числе и учения о справедливости и незыблемости частной собственности, главным образом *общественный договор*, другая группа писателей, настроенная более социально, при разработке своих теорий охотнее обращалась *к состоянию, предшествовавшему общественному договору*, и, исходя из этого, стремилась отчасти вообще представить спорным право частной собственности, отчасти изобразить его господство в качестве несчастного, вызванного необходимостью гражданского состояния, бедствия которого должны быть или совершенно уничтожены или, по крайней мере, смягчены.

В сороковых годах 18-го века женевский правовед Бурламаки дал общую сводку естественного права. По отношению к праву собственности на землю и ее продукты он стал на ту точку зрения, что вследствие первоначального

[1]) F. J. Stahl, op. cit., 150—151.
[2]) Schmoller, Grundriss (1904), c. 1, 53.

равенства всех людей и существование в нем всех видов благ, даруемых землей[1]). Если в настоящее время это стремление каждого к общему положению всем, что принадлежит на земле, отрицало частной собственности, то в состоянии, по его мнению, следует относить к „благам первой необходимости", все те таким, которые уже не являются естественными, а поставлены людьми на место естественных[2].

Из этих мыслей легко можно вывести у всякого недовольного существующим порядком вещей желание, чтобы люди опять вернулись к первоначальным правовым отношениям. Бурламаки, правда, сам не выражал подобных пожеланий, но его выдающаяся по тщательности и честности работа[3] много способствовала распространению указанных естественно-правовых воззрений. Особенное значение имеет его влияние на своего соотечественника Руссо. По примеру Бурламаки[4]) последний находит возможным строить свою науку, только исходя из интимнейшей сущности природы, то есть, прежде всего из природы человека.

Только этим до известной степени психологическим путем считал он возможным прийти к познанию реальных основ (les fondements réels) человеческого общества. Примыкая к научному методу теоретиков естественного права, Руссо сосредоточил в себе, как в фокусе, все их идеи об естественном человеке, чтобы затем излучить эти идеи снова, пронизав их ярким светом всякой закоулки своего времени. Таким, каким он изобразил естественного человека в своем „Рассуждении о возникновении и причинах неравенства среди людей" (1754) — свободным существом, сердце которого живет в мире, а тело в здоровье, которое не знает ни добра, ни зла, ни пороков, ни добродетелей и живет в состоянии фактического равенства с своими братьями, без взаимной зависимости[5]), таким видели его и глаза его современников в течение почти целого полустолетия.

Но то, что у Руссо было еще чисто личной дедукцией и казалось ему доказанным объяснения сущности человеческой природы[6]), скоро стало казаться его современникам исторической реальностью, действительным прошлым[7]): во второй половине 18-го века эти положения укрепились тем более, что страстный язык Руссо сам взывал к чувствительным душам своих совре-

[1]) „Мы, следовательно, должны считать себя равными по природе и относиться друг к другу, как к таковым". Burlamaqui, Principes du droit naturel (Genève, 1749, I т. III 4), стр. 192, см. также стр. 42—43.

[2]) „Собственность... видоизменила право, которое первоначально всеми людьми имелось на все блага земли". Ibidem, стр. 46.

[3]) Ibid., стр. 45—47.

[4]) „Самым свежим, точным и методическим трудом по естественному праву является произведение Бурламаки". Encyclopédie (Neufchâtel, 1765) V, стр. 175.

[5]) Ср. Rousseau, Oeuvres (Paris, 1870), I, стр. 80 (Discours sur l'inégalité).

[6]) Ср. также Emile, Oeuvres II, стр. 295. „Даже по отношению к физическому неравенству Руссо полагал, что „в естественном состоянии неравенство едва существует и его влияние равняется почти нулю". Oeuvres, I, стр. 304.

[7]) „В изысканиях, которые можно сделать по этому поводу, — говорит Руссо в своем „Рассуждении о неравенстве", — следует видеть не исторические истины, а лишь условные и гипотетические рассуждения, пригодные скорее для того, чтобы осветить природу вещей, чем для того, чтобы показать их действительное происхождение, и похожие на гипотезы, ежедневно создаваемые нашими физиками относительно образования мира.

[8]) На эту точку зрения стал уже победоносный противник Руссо в соискательстве премии Дижонской академии, желая вернуть утерянное время „золотого века", когда неравенство в положении и имуществе было химерой. Abbé Talbert, Discours sur cette question: Quelle est la source de l'inégalité parmi les hommes? Est-elle conforme ou contraire à la loi naturelle? (Croix Littéraire, 1754), VII, стр. 48 и 52—58.

возникло образы единого живые как это, чтобы подобал сверхъ сколько-нибудь условию сомнения на о нереальности этой картины.

Таким образом для многих стало незыблемой догмой, что естественное общество жило под знаменем равенства или абсолютной общности, причем в первом случае его „кротких", благожелательных членов представляли себе живущими в одиночку, а во втором — объединенными в коммунистические патриархальные семейные союзы [1].

Это естественное состояние, так разрисовывали далее картину прошлого, было нарушено или насильственным и длительным захватом земли несколькими более сильными индивидами или постепенным ослаблением общественного духа. Люди были вынуждены поделить общую всем землю, и каждый стал теперь осуществлять право собственности на свою долю, в одних случаях потому, что он раньше других занял этот участок, в других потому, что он потребовал его себе в вознаграждение за тот труд, который он один вложил в него.

Так возникла частная собственность, отчасти непосредственно благодаря захвату [2], отчасти, как несчастное последствие повысившегося разделения труда [3]. В обоих случаях естественное равенство было нарушено, потому что люди увидели себя вынужденными заключить между собой общественный договор с целью обеспечить общими законами свою собственность. Но так как и неимущие вследствие этого были принуждены отказаться от своего „естественного права на все", то эти законы одновременно с частной собственностью до известной степени санкционировали и социальное неравенство, и оттого могло показаться, что они были установлены лишь „для защиты захватов богатых" как „средство, позволявшее могущественным построить свою независимость на рабстве других и в конце концов сосредоточить в руках немногих всю землю" [4].

Мыслители 18-го века, придерживавшиеся этих воззрений, должны были стремиться к тому, чтобы смягчить эту несправедливость гражданских законов и внести в них более сильную тенденцию к уменьшению социальных различий среди членов общества. Но при подобных стремлениях вовсе не нужно было нападать на принцип частной собственности на землю, точно также, как и на

[1]) Morelly, Code de la Nature (Ed. 1760), стр. 66.—Linguet, Histoire du siècle d'Alexandre (1762), стр. 22—23. — Idem, Théories des lois civiles (1767) II, стр. 367.—Deschamps, La voix de la raison contre la raison du temps (1770), см. Beaussire, Antécédents de l'Hegelianisme (1865), стр. 27—28. Mably, De la législation ou principes de lois, Oeuvres (Paris, Tan III) IX, стр. 14, 52—54.—Idem, Entretien de Phocion, IX, стр. 75—76.—В первой половине 18-го века сходные мысли высказывал уже Мелье, см. Testament de Jean Meslier (Ed. Rud. Charles, Amsterdam 1864) II, стр. 170.

[2]) Руссо в особенности дал всеобщее распространение и этой мысли своими известными словами: „Первый, кто, огородив участок земли, имел смелость сказать: это—мое, и нашел простаков, которые поверили ему, был истинным основателем гражданского общества". Впрочем, форма этой фразы взята у Паскаля: „Эта собака принадлежит мне, говорили эти бедные дети: вот мое место под солнцем. В этих словах началом общая картина узурпации всей земли". Pascal, Pensées, article XXV, § XXXIV. — Ср. также Linguet, Hist. du siècle d'Alex., стр. 24—25.—Idem, Théorie des lois, I стр. 59—60: „Самое законное, самое священное в настоящее время владение опирается одним концом на самый вопиющий захват".

[3]) Morelly, Code, стр. 66 и сл.—Talbert, op. cit., Choix Littéraire VII, стр. 62—63.—Condillac, Le commerce et le gouvernement, Oeuvres (Paris 1821), IV стр. 72. — Principes de tout Gouvernement (anonym. 1786) I, стр. 65.

[4]) Linguet, Théorie des lois, II, стр. 1—2 и 367.—Mirabeau, Ami des hommes Ed. 1759, 6 т.) I, стр. 6. — Principes de tout gouvernement, I, стр. 1—2.—Encyclopédie, статья Propriété XIII, стр. 491.—Rousseau, Contrat Sociale, livre I chap. 9; см. также Disc. sur l'inégalité: „Таково было или должно было быть возникновение общества и законов, которые придали новые силы богатому, безвозвратно разрушили естественную свободу, утвердили навсегда закон собственности и неравенства, искусный захват превратили в незыблемый закон и ради выгоды нескольких честолюбцев обрекли весь человеческий род на вечный труд, рабство и нищету. Oeuvres, I стр. 117.

возникший благодаря общественному договору гражданский порядок. Это произошло скорее вследствие полной перемены точки зрения. Как мы видели, право частной собственности согласно теории естественного права не было „естественным", но только гражданским, т.-е. правом, санкционированным общественным договором и установленными им законами. Но было ли, действительно, это воззрение единственно верным, или оно имело за себя лишь наибольшую правдоподобность? Был ли общественный договор действительно так безусловно связан с освящением права частной собственности? Конечно, нет. Напротив, некоторые мыслители пришли к убеждению, что первоначальное человечество имело перед собой несравненно более важную задачу, чем защиту захваченных владений немногих лиц. Отдельные лица, согласно этому мнению, объединившись в общество и отдав ему, как целому, все свои рабочие силы, получили взамен право требовать от общества, чтобы оно обеспечивало им пропитание. Но отсюда совершенно не видно, почему для достижения этой цели необходимо было разделить землю на частные владения, раз общая обработка полей должна была сделать более легким общее пропитание [1]).

Причины, побудившие людей вообще соединиться в общество, с этой точки зрения, состояли, конечно, уже не в страхе и не в стремлении обеспечить свои владения; действие социальных качеств (qualités sociales) считалось достаточно сильным, чтобы заставить людей соединиться в союз с целью помогать и поочередно служить друг другу. Общая работа, общая жатва! В этом заключались закон и счастье этого поистине первого общества [2]).

На вопрос о причине его гибели мы получаем прежде всего следующий ответ: разрушила это счастливое состояние и изменила естественные основы общества главным образом леность. Менее деятельные члены ожидали средств для своего существования от коллектива, отказываясь сами служить ему с должным рвением: они стали бременем для остальных членов, и тогда эти последние пришли к выводу, что единственным средством изгнать леность и дисциплинировать нерадивых является передача на будущее время плодов земли только тем, которые создают их своим трудом. Для того, чтобы собственная нужда могла развивать в каждом силу и деятельность, был издан закон, поделивший землю на одинаковые доли. Люди не понимали, „что всякий раздел, равномерный или неравномерный, будет означать для человека то, что Гораций называет „summi materia mali": они не видели той пропасти, которую вырывали под собственными ногами посредством этого злосчастного закона о разделе земли [3]). Ибо этот закон, являвшийся до известной степени вторым общественным договором, широко открыл дорогу для господства частной собственности, благодаря чему в человеческую душу скоро проложили себе путь властолюбие и корыстолюбие, и стало возрастать имуще

---

[1]) Mably, Doutes sur l'ordre naturel (1768), XI. стр. 32—33.—Helvetius, De l'esprit (1776, Oeuvres 1784), V. стр. 135—137. — Руссо также кратко упоминает об этой возможности: „Может случиться и так, что люди начинают соединяться еще до того времени, когда у них появилась собственность, и что, захватив затем достаточное для всех количество земли, они пользуются ею или сообща, или поделив ее между собой, на равные ли части или согласно установлениям верховной власти пропорциям. Каким бы способом ни произошло это приобретение, право каждого частного лица на его участок всегда подчинено праву общества на всю землю; без этого не было бы ни устойчивости общественного блага, ни реальной силы в осуществлении верховной власти". Du Contrat Social libre. I, chap. IX.

[2]) Morelly, Code de la Nature (1760), стр. 3 и сл.—Mably, De la législation (1776), IX, стр. 68—69.

[3]) Morelly, Code de la Nature, стр. 72.—Mably, De la législation, IX, стр. 70—71, 76 и 78. — Idem. Doutes sur l'ordre nat. XI, стр. 33 и сл.—Сходно Helvetius, Epître sur le plaisir à M. de Voltaire (Oeuvres, 1784), I. стр. 188—190.

ственное неравенство [1]; другими словами, существующий общественный порядок явился несчастным результатом ошибок законодательства и покоился на полном непонимании социального существа человеческой природы. С этой точки зрения человечество может снова обрести благодеяние только в том случае, если общество будет построено на совершенно иной основе, которую нужно создать заново.

Если мы теперь бросим короткий взгляд на пройденный путь, то придем к заключению, что в течение главным образом второй половины 18-го века теории о первоначальной общности имуществ и возникновении частной собственности получили дальнейшее развитие в том смысле, что воззрения на права и притязания отдельного индивида по отношению к обществу пошли по двум различным направлениям, носившим притом социалистическую окраску.

Одно направление, родоначальником и центральной фигурой которого являлся главным образом Руссо, признавало важнейшим правом индивида право частной собственности [2]; однако ударение здесь лежало не столько на обеспечении существующих отношений частной собственности, сколько на требовании возможно более правильного ее распределения среди людей; у другого направления, самыми яркими представителями которого были Морелли и Мабли, наиболее важным правом отдельного индивида была порука коллектива за поддержание его жизни и пропитание; на основе существующего гражданского правопорядка осуществление этого права казалось вообще недостижимым.

С этого момента мы сможем проследить раздельное течение обоих направлений во всех фазах развития социалистически окрашенных аграрных теорий (в противоположность индивидуалистическим теориям сторонников существующего государственного строя и физиократов). Они, правда, отделяются друг от друга не всегда достаточно отчетливо, а иногда совмещаются даже в одном лице. Но *главная цель первого направления* всегда сводится к тому, чтобы обеспечить каждому хотя бы и небольшую земельную собственность, и потому его основным требованием является, как мы увидим, *коммунизм по отношению к предметам раздела земли*. *Главная цель* второго состоит в обеспечении каждому индивиду необходимой для поддержания его существования доли в целом, а потому его основное требование—*коммунизм по отношению и к средствам производства и к средствам потребления*, или по отношению и к тому и другому вместе.

Прежде чем приступить к изложению этих теорий, мы, однако, для того, чтобы правильно понять их возникновение как раз в эпоху наибольшего подчеркивания индивидуальных прав, должны остановиться на том большом влиянии, которое оказали на 18-й век античные или новые государственные

---

[1]) „... за нарушением равенства последовал самый ужасный беспорядок: так захваты богатых, разбои бедных, всеобщая разнузданность, заглушая естественную жалость и еще слабый голос справедливости, сделали людей скупыми, честолюбивыми, злыми". Rousseau, Oeuvres, I, стр. 113 (Disc. sur l'inégal.); частная собственность, как источник всех войн, см. Morelly, Les îles flottantes ou la Basiliade (1753), II, стр. 69—70; как причина революций и всяческого нравственного зла: Id. e.a., Code de la Nature, стр. 95 и сл., 120 и сл., 131.

[2]) Ярче всего Руссо подчеркивает большую важность поддержания частной собственности по сравнению с поддержанием жизни отдельного индивида в своей статье: „Oeconomie politique": „III..... Несомненно, что право частной собственности является наиболее священным из всех прав гражданина и в некоторых отношениях даже более важным, чем сама свобода; потому ли, что оно тесно связано с сохранением жизни; потому ли, что имущество легче захватить и труднее защитить, чем личность, и вследствие этого необходимо относиться с большим уважением к тому, что может легче всего быть похищено; потому ли, наконец, что собственность является действительным основанием гражданского общества и наиболее верной гарантией обязательств гражданина и т. д." Encyclopédie (Ed. Paris, 1755, V, стр. 344).

образования и другие более мелкие общественные организации с равномерным распределением земли или полным аграрным коммунизмом, и прежде всего выяснить, каким путем наиболее важный из этих прообразов, римская „Lex Agraria", успела получить такое значение, что дала свое имя всему социалистическому движению 18-го века.

II. Прообразы аграрных теорий 18 века. Lex agraria.

1. Утопии и мифы.

Эпоха Возрождения дала удивленному взору человека возможность глубже заглянуть в мир мыслей и чувств древних греков и римлян. Факел земных радостей, который христианство старалось затушить в тоске по небесному свету, запылал снова перед действительной или воображаемой красотой античного мира.

Как отдельные личности, так и целые народы стали прислушиваться к самих себе, отыскивая нормы для своих действий и пути к наивысшему их выявлению.

Это мы наблюдали как в новом развитии естественного и международного права, так и в заключавшихся в нем основах социальных аграрных теорий. Исторический ход идей привел нас при этом к временам Эпикура и Зенона. Но эпоха Возрождения с ликованием ввела в круг мыслителей еще более великого философа: „божественного Платона" [1]). От него исходит целая волна государственных и социальных проблем, продолжающая звучать и по настоящее время.

Утопии Томаса Мора, Франческо Дони, Бонифацио, Рабле и Томаса Кампанеллы имеют своим первоисточником в конечном счете „Республику" Платона [2]). В свою очередь, Платон почерпал свои идеалы коммунистического государственного строя из тех представлений, которые составили себе о прошлом Гезиод, пифагорейцы и Эмпедокл.

Платон считал, что золотой век изобилия и невинности отошел в далекое прошлое: после окончательного крушения нескольких попыток, у него не оставалось надежды на то, чтобы он когда-либо снова возродился в будущем во всей своей красоте [3]).

У его последователей-гуманистов, представителей того течения, которому предстояло богатое и многообещающее будущее, прежде всего у Томаса Мора и Фомы Кампанеллы, сохранилась вера в осуществимость их рациональных и естественных государственных форм в будущем [4]), и в своих идеях, кажущихся совершенно утопическими, они желали ставить человечеству со-

---

[1]) „Platon, le divin Platon" называет его постоянно Жан Мелье.

[2]) Frout de Fontpertuis, Filiation des idées économiques et sociales de l'antiquité dans les temps modernes (Journal des Economistes 1871), XXIII, стр. 359 и XXIV, стр. 382 и сл.—G. Adler, Gesch. des Sozialismus und Kommunismus von Plato bis zur Gegenwart (Leipzig, 1899), I, стр. 152—153 и 180 и сл.—Nouveau Dictionnaire de l'Economie politique par L. Say (1891), I, стр. 298 (статья: „Campanella").

[3]) „Он предпочитает вернуться к строю, образец которого он находит в первобытном человечестве, как представляли его себе Гезиод, пифагорейцы и Эмпедокл, к общности имущества.... его идеал взят из прошлого". A. Espinas, La Philosophie sociale du 18-e siècle et de la révolution (Paris, 1898), стр. 56—G. Adler, op. cit. I, p. 37—Frout de Fontpertuis, op. cit. Journal des Economistes, XXIII, стр. 370 и 376.—Pöhlmann, Geschichte des antiken Sozialismus u. Kommunismus (1893), стр. 122.

[4]) L. Say, Nouveau Dictionnaire d'éco.. polit. (1892), II, p. 275—E. Gothein, Der christlich soziale Staat der Jesuiten in Paraguay (Staats- und sozialwissenschaftliche Forsch., IV, 4: 1883), стр. 3 и сл.—L. Reybaud, Des idées et des sectes communistes (Rev. des Deux-Mondes XXXI, 1842), стр. 5

и должно новые цели и задачи, выражение которых должно было стать [illegible] земное блаженство для всех существ.

Почва Франции была в конце 17-го и начале 18-го века чрезвычайно восприимчива к утопическим идеям: философия освободилась от схоластики и богословия и старалась возвести новое здание на основе разума. Математика и естественные науки позволили человеку глубоко заглянуть в мастерскую природы и тем самым дали ему господствующее положение в мире. Существующее казалось ему устарелым и неразумным по сравнению с тем, что он считал возможным создать из своего собственного я. Общественные и государственные установления обнаружили свою несостоятельность. Во вторую половину царствования Людовика XIV во Франции стал обнаруживаться политический и экономический упадок [1]), и гений нации должен был подумать о новых средствах и путях, чтобы влить в обессиленное государство свежие соки.

С верным инстинктом народного организма, который чувствует в себе богатые, хотя еще дремлющие силы, он воспринял идеи естественного права и выковал из них оружие, которое должно было сокрушить старый мир и создать план для нового.

На повороте 17-го и 18-го века правовые понятия естественного права и мечты утопий переплелись между собой: люди того времени хотели создать государственный строй на основании законов природы и разума и самыми яркими красками рисовали себе его реализацию в вымышленных или полуей тительных прообразах: картины законченных государственных организмов относили или к самым отдаленным частям света или к самому темному прошлому и делали из них масштаб для собственной государственной и общественной жизни.

Так возникли „Aventures de Jacques Sadeur" (1676), „L'Histoire des séverambes" Вераса д'Алле (1677), „Télemaque" Фенелона (1699), „L'histoire de l'île de Calejava ou de l'île des Hommes raisonables" (1700) „Dialogues ou Entretien entre un sauvage et le baron de la Hontan" Гедевиля (1704) [2]), „Voyages et aventures de Jacques Massé" Тассо де Пато (1710), „Voyages de Cyrus" Рамзея (1727), „Séthos" аббата Террассона (1731), „Les Mémoires de Gaudence de Lucques" (1746), „Naufrages des des Hollantes ou la Basiliade" Морелли (1753), „Les Césares" (1764), „Histoire naturelle et civile des Galligènes" (1770), „La découverte australe" Ретифа де-ла-Бретонна (1781), „Télèphe" Пеммейя (1784) и другие [3]).

Все эти более или менее утопические наброски и описания имели целью показать, что вдали от культурного мира существовали и продолжают существовать народности, ведущие под защитой законов природы счастливую и добродетельную жизнь.

Известия относительно невинности и райского житья дикарей, которые благодаря благочестивым миссионерам проникли из самых отдаленных стран в

---

[1]) Voltaire, Dîme royal (1707) (réimpr. de la Bibl. Nat. 1897), стр. 11 и сл.—Montesquieu, Lettres persanes (1721), Lettre 138—Ranke, Franz. Geschichte, [2] 1877), IV, стр. 316—324.—Taine, L'Anc. Rég. et la Rév. ([16] 1877), стр. 124.—Tocqueville, L'anc. Rég. et la Rév. ([3] 1877), стр. 249—251)—L. de Lavergne, Les économistes français au 18-e siècle (Paris 1870), стр. 64—65.

[2]) Гедевиль издал в новом переводе на французский язык утопию Томаса Мора: Leyde 1715, in 12° у Иьерр ван-дер-Аа; дальнейшие издания Мора в 18 веке см. у G. Adler, op. cit., I. 276—277.

[3]) Подробнее см. у R. Mohl, Literär. geschichtliche Uebersicht über die Staats-romane (Tübingen Ztschr. f. d. ges. Staatswissenschaft 1845).—Lichtenberger, op. cit., 37 и сл.—Kleinwächter, die Staatsromane.—G. Hugo, der Sozialismus in Frankreich im 17 und 18 Jahrhundert, d. utopia (Geschichte d. Soz. in Einzeldarstellungen, Stuttgart 1895, I. 1), 836 и сл.

Jetzt wurde [illegible] zum Lieblingsthema der Zeit. Jeder sah, wie es allen Kreisen [illegible] Interesse [illegible] Reisebeschreibungen [illegible] Man [illegible] Bericht [illegible] Augenzeugen [illegible] Beweis [illegible]. Auf diese Weise [illegible] Überzeugung, [illegible] Menschen [illegible] Naturzustand", [illegible] Wilden [illegible] Tugendhafte, [illegible] Unschuldige [illegible] Glückliche. [illegible] Montesquieu [2]), [illegible] Einigkeit [illegible] Gesetzen [illegible] Wir [illegible] Laster [illegible] Natur [illegible] Tugend [illegible] Kultur. [illegible] Rousseau [illegible] Thema [illegible] Discours sur l'origine de l'inégalité" [illegible] Wilden [illegible] Buffon [illegible] Tahiti [illegible] Lobeshymnen [illegible] Buffon [illegible] Falle [illegible] Epikur [illegible] Gesellschaft [illegible] Wilden [illegible] Tugend [illegible] Laster [illegible] Natur [illegible] Tugend [illegible] Kultur

более незаметно через своего ученика, герцога Бургундского, для блага своей родины [1]).

Книга, которую он написал для этого принца [2]), переносит нас во времена Гомера и, исходя из мотивов нравственного и политического поучения, заставляет сына Одиссея, Телемака, посетить ряд народов, продолжавших еще жить в счастливом состоянии золотого века.

На-ряду с критянами естественную простоту сохранили прежде всего жители страны „Бетики", находящейся у Геркулесовых столбов; все они пастухи или пахари; их единственными искусствами являются земледелие и скотоводство; железо употребляют они только для приготовления своих рабочих инструментов [3]). Община владеет землей, не распределяя ее на частные владения. Все остальные блага также считаются общими, и благодаря богатству страны никто от этого не терпит лишений [4]).

Среди обитателей этой счастливой страны царит неиспорченность нравов, доверие, послушание и отвращение к греху; государственный строй основывается на принципах *равенства и свободы*, и не существует других различий, кроме тех, которые проистекают из опыта стариков или мудрости юности [5]).

Таким образом еще на пороге 18 века аграрный коммунизм и правление „мудрейших" выступают перед нами в качестве идеала государственного строя.

У Фенелона это был народ из прошлого, но поток вызванных им подражаний повествовал в течение целого столетия о малокультурных народах Азии, Африки и Америки или неизвестных „пловучих островов" Тихого океана, организованных таким же или подобным образом.

На-ряду с этими утопиями и сказочными описаниями путешествий, которые для некоторых мечтательных сторонников равенства превратились в новую Библию благодаря содержавшейся в них крупице правды, в тридцатых годах 18-го века появились сведения о коммунистическом государстве, основанном в Америке носителями европейской культуры. Это государство находилось еще в полном расцвете и по описанию тех, которым удалось познакомиться с ним, осуществило блаженную утопию. То было Иезуитское государство в Парагвае.

2. Иезуитское государство Парагвай.

В то самое время, когда доминиканец Фома Кампанелла писал свой „Civitas solis" [6]) и путем учреждения коммунистической теократической республики желал сделать христианскую религию владычицей мира [7]), его самые заклятые враги иезуиты уже приступили к созданию подобного государственного строя в отдаленной Америке, также воодушевленные мыслью распростра-

---

[1]) Ranke, op. cit. IV, p. 330—337.—Frout de Fontpertuis, op. cit. Journal des Econ. XXIV стр. 385.

[2]) Телемак не был предназначен для публики и попал в печать только благодаря неверности одного из слуг. См. Aventures de Télémaque ou suite du 4-e livre de l'Odyssée d'Homère" (Dernière édition plus ample et plus exacte que precedentes. La Haye, 1700). Предисловие.

[3]) Ibid., стр. 272—275.

[4]) „... Они живут вместе, не производя раздела земли... все имущество является общим; древесные плоды, растущие на земле овощи, молоко стад настолько обильны, что у этих народов, при всей их бережливости, не возникает потребности в их дележе". Ibidem, стр. 277—278.

[5]) Ibid., стр. 278.

[6]) Первое издание 1620—1625 как часть „Philosophia realis" Кампанеллы.

[7]) E. Gothein, Der christlich soziale Staat der Jesuiten in Paraguay, стр. 4.—Lafargue, Thomas Campanella Gesch. des Soz. in Einzeldarstellungen II, 2 (1895) Кар. 2) гл. II, стр. 172 и сл.

[illegible] ...ницы, но весь мир [1].

...ого грандиозное предприятие ограничилось пределами небольшой территории в Парагвае, где иезуиты в период от 1610 г. 1768 гг. создали и поддерживали своего рода теократическое общество с 130.000—140.000 индейцев [2].

И далек от мысли дать здесь подробности и очерку государственного строя Парагвая; я хочу лишь набросать в основных чертах то представление, которое составилось в 18-ом веке об этом выдающемся отдельно взятом столько времени христианском государстве иезуитов. Оно имело всю возможность развиваться в течение многих десятилетий, прежде чем оно стало сколько-нибудь известно Европе. Только в начале 18-го века иезуиты решили познакомить весь мир с созданным ими государственным строем [3].

В своем официальном органе „Lettres édifiantes et curieuses“ [4] они стали вскользь перед лицом удивленной Европы свою республику и в то же время защищать ее самым энергичным образом против нападок [5].

Согласно этим сведениям, вся территория Парагвая делилась на известное количество поселений, которые находились под хорошим руководством приблизительно 150 иезуитов. Величина этих поселений была различна в зависимости от численности населения и качества почвы. В каждом селении земля тщательно обследовалась, и отдельные участки предназначались для наиболее подходящего производства: одни для пастбищ, другие для пашни.

Первоначально в государстве царил полный аграрный коммунизм, и поля предоставлялись жителям только для обработки, а скот для пользования, и то и другое не было предметом частной собственности [6].

Вместе с тем государством охранялась только известная часть всей земли в качестве общественного достояния республики, и каждой семье был предоставлен участок земли, при хорошей обработке вполне покрывавший ее потребности [7].

---

[1] „Этот Парагвай,—писал Лукашевич в середине 18-го века,—становится внушительной силой при господстве иезуитов; как говорят, вполне возможно, что в один прекрасный день эта новая сила завладеет всей южной Америкой .... и иезуиты сделают крупный шаг на пути к созданию всемирной монархии“. Journal de Monsieur. IX, стр. 121—122.

[2] Государство Парагвай делилось на приблизительно 30 „Bourgades ou Reductions Chrétiennes“. Первые из них основаны в 1610 году отцами Кастальдино и Маскета и должно соединить их в одну христианскую республику, „которая среди этого варварства явила бы прекрасные дни зарождающегося христианства“. P. de Charlevoix, Histoire du Paraguay (1756) I, стр. 220—230.

[3] Gothein, op. cit., стр. 52.

[4] Другими источниками, из которых 18 век черпал свои сведения относительно Парагвая, являются: De Charlevoix, op. cit. (Paris, 1766, в т. ч. в 12-ти); Mémoire imprimé à la fin des Voyages de Frézier, de de Hollande“, и также труды „знаменитого испанского историка Don d'Ulloa, цитированные у Rétif de la Bretonne. Le Thésmographe (1789), p. 250.—Abbé Andrès, Lettre à M. L'Abbé Prévost concernant les missions du Paraguay (Paris, 1785).

[5] „Mémoire Apologétique des missions établie par les peres jesuites dans la Province de Paraguay. Présenté au conseil royal et suprême des Indes par P. Gaspero Rodéro, contre un libelle diffamatoire, repandu dans toutes les parties de l'Europe“. Lettres Edifiantes II, стр. 198—210.

[6] Lettres édifiantes, II, стр. 147.

[7] De Charlevoix, Hist. du Paraguay (1756), I, стр. 241: „... С тех пор, как исчезла необходимость менять жилища, они наделили каждую семью участком земли, который может доставлять все необходимое ей, если он будет обрабатываться так, как их учили это делать“

в действительности и эти участки нельзя было назвать собственностью, так как индейцы могли распоряжаться ими только под строгим контролем всесильных иезуитов и только согласно желанию последних [1].

Общественные владения республики, так называемая „possession de Dieu", обрабатывались всеми сообща, и полученные с них продукты складывались в публичных магазинах, чтобы служить запасами на случай нужды и удовлетворять потребности церкви и всего культа, бедных и слабых, вдов и сирот и т. д. [2].

Согласно сообщению францисканца Буэна коммунизм потребления господствовал в весьма значительной степени. По его рассказам, жнецы собирали весь хлеб в общественные склады, и в начале каждого месяца управляющие последними передавали потребное для семей всего района количество хлеба особым квартирным начальникам. Последние, в свою очередь, распределяли то между отдельными семьями, „принимая во внимание количество членов". Таким же образом происходило и распределение требуемых мясных продуктов [3].

Личные продукты или на внешний товарообмен, и выручку делили равномерно между всеми обитателями отдельных селений [4].

Так, по описанию свидетелей 18-го века, было найдено верное средство изгнать бедность и нужду из среды этих христиан. Здесь не существовало ни бедных, ни нищих, все имели в одинаковом изобилии все необходимое для жизни, и если казалось, что кто-нибудь действительно нуждается, другие охотно делились с ним решительно всем [5].

Несравненно выше, чем этот экономический успех, расценивался успех моральный.

Честолюбие и жадность были совершенно неизвестны гражданам этого государства: раз все было общим, не возникало ни ссор, ни судебных процессов: умеренность, кротость, вера, единение и любовь царили среди этих новообращенных, „которые постоянно будили воспоминания о счастливом времени первых христиан": больше того, среди этих индейцев, „которые от природы имели склонность ко всякого рода недостаткам", царила такая чистота нравов, что, по мнению патера Факсардо, они не совершили ни одного смертного греха [6].

Восторженная Франция того времени с восхищением внимала всем этим рассказам: казалось, что нашелся, наконец, народ, который пользуется тихим, данным самой природой счастьем. Только немногим было ясно, что все порядки Парагвая были возможны исключительно благодаря строгой полицейской власти господствующей касты, и они, как напр. Кондорсе и Дидро, с озлоблением отзывались о „жестоких спартанцах в черных рясах [7].

---

[1]) „В конце концов известно все, что они (индейцы) извлекают из своих земель; точно также известно, что дает им их торговля, которая производится на глазах у тех, кто наиболее заинтересован в том, чтоб за этим следить". Ibid., стр. 245.

[2]) Ibid., стр. 245—247.

[3]) Lettres édifiantes, II, стр. 148.

[4]) Ibid., стр. 147. Торговлей занимались только сами иезуиты. Гуарани строго-настрого воспрещалось всякое общение с испанцами и даже употребление испанского языка. De Charlevoix, op. cit., I, стр. 239—240.

[5]) „...Различие между „моим" и „твоим" здесь совершенно неизвестно, и, так как у них никогда ничего не бывает своего, они всегда готовы делить то немногое, что имеют, с теми, кто нуждается, и часто работают больше для других, чем для себя". Ibid. 247—248.

[6]) Lettres édifiantes, II, стр. 145—248 и 211.—De Charlevoix, op. cit. I, стр. 239 и 254—268; II, стр. 86, 256, 259.

[7]) Duméril, Influence des jesuites sur le mouvement des idées du 18-e siecle, стр. 13.—„Хлеб и религия,—восклицает Кондорсе,—вот то, что иезуиты дали Парагваю.

Большинство, однако, обращало внимание не на средства, а лишь на достигнутую повидимому цель: счастье народа [1]).

Этим счастьем восторгались Монтескье, д'Аржансон, Рейналь, Ленге, Ретиф-де-ла-Бретонн и другие. Если где-нибудь на свете существовала счастливая нация, которая даже не знала название преступлений [2]), то, по их мнению, ее нужно было искать в Парагвае.

Их восхищение вызывал прежде всего коммунистический строй иезуитского государства; в этом строе они видели единственное средство, способное использовать все силы граждан для общего блага и снова привести людей к состоянию естественного равенства [3]); они выражали свою радость по поводу того, что из нового Лакедемона исключена частная собственность—этот „вечный источник войны и несчастий“ [4]).

В этом удивительном государстве, казалось, было осуществлено то, о чем даже и не смели думать Платон и другие политические мечтатели [5]): искренне сожалели, что в Европе уже нет той невинности и чистоты, которые позволили бы взять устройство Парагвая за образец для всех народов Старого света [6]); выражали лишь надежду, что этот маленький уголок земли удастся спасти от „ужасной раздирающей душу борьбы из-за собственности“ путем полной изоляции его от испанцев [7]).

Удивительная ирония истории состоит в том, что как раз учреждения иезуитов и в еще большей степени окрашенные в розовый цвет рассказы о них дали в руки противникам существующего общественного порядка аргументы, при помощи которых они доказывали достижимость своих идеалов. Иезуиты таким образом,—говорит Дюмериль,—помогли выковать меч, который неоднократно обрушивался на существующий общественный порядок и частную собственность [8]) и прежде всего поразил в сердце планы самих иезуитов.

Они раздавали каждому обитателю немного маису и много религии и наказывали кнутом каждого, который осмеливался сделать хотя бы один шаг, вымолвить единое слово без разрешения старшего отца... Очень мало хлеба и много религии. Вот все, что нам осталось бы без Генриха IV, Густава Адольфа и Нассауских герцогов. Зато, какой же смертью они погибли!“ Lettre d'un laboureur de Picardie (1789), Oeuv. (Paris, 1847—49). XI, стр. 27—28.

[1]) „Парагвай может нам дать другой пример! Эту попытку называли преступной... но всегда прекрасно управлять людьми, делая их счастливыми“. Montesquieu, Esprit, des lois, I, IV, гл. 6.

[2]) Linguet, Histoire impartiale des jésuites. Madrid, 1768 (2 т. in 12°) II, стр. 257—258. См. также стр. 242—244.—Rétif de la Bretonne, Le Thésmographe (1789), стр. 248—260. „Организация Парагвая“, говорит даже Вольтер, „силами одних испанских иезуитов в некотором отношении является торжеством человечества!“ Essai sur les moeurs; Oeuvres (1819 Beuchot), XVII, стр. 462.

[3]) Иезуиты заставили жителей Парагвая сделать общим все их имущество и все продукты: результатом этого устройства является то, что никто не нуждается ни в чем, и каждый чувствует, что он должен способствовать общему благу, по мере своих сил и т. д. D'Argenson, Considérations sur le gouvernement de France (1784), стр. 113 и сл.—„Это единственное общество на земле, в котором люди пользовались равенством—вторым из благ, так как первое благо есть свобода“. Raynal. Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des Européens dans les Deux-Indes. Genève 1782 (10 т. in 8°) IV, стр. 197—210.

[4]) Linguet, ibid. II стр. 247 и 400.

[5]) Ibid. II, стр. 232.—Нечто подобное говорит Вольтер: „Если что-нибудь может дать представление об этой колонии, так это—древнее управление Лакедемона. Тут все общее“ и т. д. Oeuvres, XVII, ст. 465.

[6]) d'Argenson, ibid., стр. 100 и 116.

[7]) Linguet, ibid., II, стр. 253.

[8]) V. Duméril, op. cit., стр. 14—15.

I. Коммунистическое общество и родовой строй. Земли общественного пользования.

Слухи о коммунистическом общественном строе Парагвая вызвали еще большую охоту обследовать все подобные общества в прошлом и настоящем [1].

У инков, перуанцев и других племен Америки были найдены непосредственные прообразы иезуитского государства [2]). Вспомнили, что у древних германцев большая часть земли принадлежала общине, и отдельным лицам пахотные участки предоставлялись для обрабатывания только на один год [3]).

Стали приписывать учрежденные Пэном неотчуждаемые семейные имения квакеров в Пенсильвании и строгий образ жизни самих квакеров [4]). Ретиф-де-ля-Бретонн написал „историю моравских братьев Лаузица в Германии". У последних Фэге находил те добродетели, которыми некогда отличались коммунистические союзы эссеев в Иудее, гимнософистов в Индии и общины первых христиан [5]).

„Никогда, говорит он в Энциклопедии (1765),—равенство не проводилось более совершенным образом, чем у моравских братьев. Если у них все блага являются общими, то не в меньшей степени это относится и к взаимному уважению и умению считаться друг с другом" [6])...

Высшей похвалы удостоил он также общество братьев „cordonniers et tailleurs", которое возникло в середине 17 века в самой Франции и члены которого проводили свою жизнь вместе в умеренности, труде и милосердии, не принуждая себя к этому никакой клятвой [7]).

После того как начали присматриваться к собственной стране, внимание вскоре было привлечено целым рядом коммунистических семейных союзов, которые вызвали чувство восторга даже у самого Вольтера; я здесь имею в виду крестьянские общины в Оверни.

Почти у всех народов мы наталкивались на пережитки первоначального коммунизма, корни которого восходят к периоду пастушеской жизни и началу оседлости. В настоящее время коммунистические учреждения сохранились главным образом среди славянских народностей, в крестьянских семьях. В 18-м веке они не успели еще окончательно исчезнуть и во Франции. В Оверни крестьянские семьи Киттар-Пинонов, Баритель, Боже, Бургад, Тарепте, Терм, Продель, Боннемуа, Турнель, Англад и другие продолжали жить еще полностью в коммунистическом быту.

---

[1]) «Мы так мало ценим выгоды коммунизма, так мало расположены помогать друг другу и жить в согласии, что мы считаем химерой все, что нам рассказывают об обществах достаточно разумных, чтобы сообща владеть своим имуществом и сообща работать. Между тем древняя и современная история нам дает несколько подобных фактов». (Encyclopédie (Ed. Neufchâtel 1765), X, стр. 704, втор. столб. (Статья Moraves, написанная Фэге).

[2]) Morelly. Naufrage des isles flottantes ou la Basiliad. (1753), I, стр. 5, прим, и прим. 165.—Idem. Code de la Nature (изд. 1760), стр. 41—48 и 73—74.—Raynal. Histoire des Deux-Indes 1782), IV, стр. 197.—Marmontel. «Incas» Oeuvres (Paris 1818-19) том. VII.

[3]) Montesquieu, Esprit des lois, lib. XVIII, гл. 22.—Abbé de Malvaux. Moyens de détruire la Mendicité en France en rendant les mendiants utils à l'Etat, sans les rendre malheureux и т. д. (1780 Châlons-sur-Marne et Paris. Bibl. St. Geneviève, R. 89 (963), стр. 21.

[4]) Mably, De la législation IX, стр. 105—107.—Raynal, op. cit. IX, стр. 9—14.—Montesquieu, Esprit des lois, lib IV, гл. 6.

[5]) Encyclopédie X (ed Neufchâtel 1765), статья Moraves, Фэге.

[6]) Ibid. стр. 704, 1 столб.

[7]) Ibidem

Среди них самыми многочисленными были Гарнье и Баратье — семьи же древними и наиболее известными — Китар-Пинон... Мы не можем с достоверностью сказать, были ли они свое происхождение от римских собственников, которые сохранили свою солидарность, или от свободных крестьян, которые, особенно в горных местностях, убежищем и защитой от феодальных притязаний создали образовали интересующие нас союзы, они наконец, от старинных сельских союзов [1]).

Несомненно, однако, что они были очень древнего происхождения. Уже в 18 веке считали, что они возникли в незапамятные времена, а существование их, кажется, доходит до 13 и даже 11 века. В их собственной семейной традиции отсылка на основание в 11 веке. А по новейшим исследованиям существование Пинонов может быть документально доказано для 780 года [2]).

Когда Пинонам стало грозить вымирание, они с 1610 году соединились с семьей Китар, которая в это время насчитывала 40 членов и равна по количеству слуг [3]).

Соединенные семьи составили нечто вроде республики. По своему строю своему эта республика не походила ни на семью патриархов, ни на строй кочевников, ни на общины первых христиан, ни даже на государства иезуитов в Калифорнии и Парагвае. Она была построена на древних *entraides*, но вместе с тем *fraternelles* правления [4]).

Все члены общины, также и женщины (sic!) пользовались правом голоса. Они избирали своих chefs не старшего и самого умного и вручали ему ведение всех дел.

Хотя этот „chef“ не пользовался никакими преимуществами в сравнении с другими членами общины, „Maîtresse“ общины выбиралась иногда женою того, который исполнял самую простую работу [5]).

Мужчины все сообща занимались полевыми работами: одни пахали землю, другие пасли скот, третьи возделывали виноградник и т. д., и в отношении прав все были равны между собою.

Земли, принадлежащие семье, никогда не делились между отдельными членами, но считались общим достоянием всех. Полученные с них продук-

---

Относительно этих воззрений см. Rozier, Cours complet d'Agriculture (Paris 1781), VII, стр. 712. (Стат. Pinons)— Legrand d'Aussy, Lettre sur la communauté Quintard-Pinon (1788, Bibl. Nat. Le 2 189), стр. 9—11.—E. Scal, Histoire d'une communauté d'Auvergne (Bulletin de la Société internationale des études pratiques d'économie sociale, tom VI, 1879), стр. 126 и сл., 138—141.—L. Play, Les ouvriers européens (Paris 1877—1879), V, стр. 188.

[2]) «Наиболее древние документы и архивы различных сеньерий дают возможность заключить, что эти общины возникли в очень отдаленные времена; во всяком случае, исходя из этих данных, можно с достоверностью утверждать, что они существовали уже в 13 веке». Rozier, op. cit. VII, стр. 709. «В Оверни мы находим древние семьи земледельцев, которые с незапамятных времен живут в подобном совершенном обществе: наиболее древними из них считают Китар-Пинонов, живущих в общинном быту около пятисот лет», Faiguet, стат. «Moraves» Encyclopédie (Neuchâtel 1765), X, стр. 704, втор. столбец.

[3]) «Мазнер думал отнести их происхождение к 10 веку... по Вальзину, соглашаясь в этом пункте с о. Анселемом, считает, что эти общества возникли в эпоху Каролингов... К концу VIII века,—продолжает он,—появляется община Пинонов. Хартия приорства Сокеланж относит ее образование к 780 г. и указывает, что она обязана нести повинности сеньеру Этьену, епископу Тераз. Escard, op. cit. стр. 140.—L. Play, op. cit., V, стр. 150, прим. 1.

[4]) H. de Surrel de St. Julien, Les associations communales de paysans en Auvergne. La Réforme sociale, t. X (1885), стр. 473.

[5]) Legrand d'Aussy, Lettre sur la communauté, стр. 2—5.

[1]) Faiguet, ibid. Encyclopédie, X, стр. 705, 1 стол. Rozier, Cours d'Agr. VII, стр. 710.—Legrand d'Aussy op. cit. стр. 5.

ных из общественных выбыли из „active“ продолжали [illegible] сходились на общей основе всем членам известного количества денег, которые они не тратили на свои личные удовольствия [1].

Если в семье оказывалось лишних членов, для которых нехватало места и работы для похода с земли, то их сажали в другие семьи, и через несколько получали 300 акров и дворами 200 акров отступного [2].

Более подробные описания семейных складчин Оверньи сообщил нам [illegible] [3]. Достигнутые ими успехи казались им [illegible] в 18 веке чрезвычайно выдающимися как в материальном так и моральном отношении.

Судьба почвы, которую они создавали, не давала им возможности сделаться сильными богатыми, но общее владение и общий труд обеспечивали каждому его существование и давали им время, возможность помогать всем, кто [illegible] [4]. Во всей Оверни бескрайные их интересы и многие упрекали их даже за то, что они делают слишком много и тем самым сеют этот ропот нищенства в стране [5].

Ещё удивляет их и поражает самостоятельность и уверья, что каждый из них, вступив добровольно или по принуждению общества от общины, имеет на [illegible] право, — прибавляет он, — среди них не может быть и речи о подобных, которые бесчестят человечество, в развращенности 18 века [illegible] [6].

Эти крестьянские общины обратили на себя внимание французского общества еще в начале 18 века. Любитель, интендант Оверни, вызвал у Людовика XIV запрос о том, почему сумма подушной для Пивоне (22 селения) была [illegible] в размере не свыше 600 ливров.

В 1739 году о них была составлена [illegible] [7]. В декабре того же года появилась [illegible] [8]. Восторженно превознесшие эти крестьянские общины [9] и с [illegible] [10] [illegible] [11].

Вольтер в энциклопедии Вольтер в своем „Dictionnaire philosophique“ и Руссо в „Contrat social“ поместили их похвальные [illegible] [12].

Новый интендант Оверни Мажера и его супруга устроили с Пивонами большой праздник в лесу, крестили у них детей и заставили правительство подарить им поляну с следующей надписью:

---

[1]) Faucon, hon.—Le [illegible] d'Auvergne, op. cit., стр. 1 и сл.

[2]) Feigeot, ibid. стр. 704 столб. 2.—Le grand d'Aussy, ibid. Также и немедленно возникшим поселениям общины получали разрешение и навсегда изгонялись из дому, подвергаясь своего рода отлучению. См. романтический рассказ конца последнего [illegible] у Le grand, op. cit., стр. 137.

[3]) Пивоны и другие крестьянские общины всегда заключали браки внутри своих родов, за исключением случаев крайней необходимости. Интересен тот факт, что церковь в средневековье и позже время разрешала им браки с очень близкими родственниками, во втором и третьей степени родства, без всяких затруднений. Bozier, Cours d'Agric. VII. стр. 709, столб. 2

[4]) „Сколько сознательной доброты, сколько сочувствия к человеческой нужде проявляют они! Пусть благоденствуют вечно эти частные лица, столь достойные счастья. Кто смог бы не пожелать им этого счастья и т. д. Le grand d'Aussy op. cit., стр. 6.

[5]) Feigeot, art. cit. Encyclop., X. стр. 705, столб. 1.

[6]) Bozier, Cours d'Agric., VII, стр. 711—712.

[7]) Напечатана у Escard, op. cit., стр. 130—132.

[8]) Lieberberger. op. cit., стр. 339.

[9]) Статья „Economie d rustique“

[10]) См. его произведение „L'ecol des [illegible]“. I, стр. 172 и сл.

„C[illegible] le Fléal social" [illegible]
Les Prix [illegible] sont revenus.
XII. Année d'Agriculture.
Des [illegible] prix de [illegible]

Лорат д'Ассн, мадам Жанлис и Шатобриан побывали в Оверни и их осенялых деревьями хуторах и вынесли впечатление, что в этой обители счастья и добродетели сияет иное небо и живет лучшее человечество [2]).

Мало-по-малу стало обнаруживаться, что и в других провинциях Франции существуют подобные общины крестьян, как, например, Флерио в Лотарингии, Дюкан в горах Амбера и С.-Нектера, Ардилла-де-ла-Дарди у подошвы гор Форез [3]).

Фэге нашел большое количество таких поселений в Бурбонне и Ниверне, у которых община составлялась „par an et par jour de commun sel, pot et fenestrance" [4]; и Розье насчитывал их в общей сложности свыше двухсот [5]).

Пример этих коммунистических семей и слава о „деревенском Сократе", нивернце Kliyoogg (Jaques Gougerj, который из своей собственной семьи и семьи брата образовал подобную же общину [6]), произвели настолько сильное впечатление, что Фэге и Ретиф-де-ла-Бретонн составили, опираясь на них, как мы впоследствие увидим, планы для новых общин, и что в первой половине 18 века несколько крестьянских и дворянских семейств, особенно в окрестностях Орлеана, пытались подражать устройству Киттар-Пинонов. Но большинство из этих общин были недолговечны, потому что у них не было тех добродетелей, какими отличались древние крестьянские семьи, а именно: бескорыстия, простоты и любви к труду [7]).

4. Loi agraire.

Рассмотренные нами до сих пор прототипы коммунистических обществ опирались в общем на вполне проведенную общественную собственность на

[1]) Legrand d'Assy, op. cit., стр. 9—10.

[2]) Legrand d'Assy, op. cit. стр. 5.—Escard, op. cit. стр. 127. Отзод о Пинонах Легранд д'Ассн поместит и в своем большом произведении: „Voyage fait en 1787 et 1788 dans la ci-devant Haute et Basse Auvergne etc." (Paris, Fan III de la Rép. franç. 3 т. in 8°, I. стр. 474—475, Lettre XXIX).

[3]) Rozier, стат. „Bousbot" Cours d'Agriculture II, (1782), стр. 426.—H. de Surel: St. Julien, op. cit. La Réforme Soc. X. стр. 47).

[4]) Ст. „Moraves" Encycl.

[5]) Rozier, ст. „Pinons", VII, стр. 708—709.

[6]) Rozier, ст. Kliyogg, VI (1785), стр. 119 и сл.—Hirzel, Le Socrate rustique (1772), стр. 104—170. В примечании на стр. 168—170 упоминается еще об одном коммунистическом семенном соединении в Haute-Provence, получившего от Людовика Святого звание дворян, чтены которого продолжали, однако, жить, как простые крестьяне.

[7]) „Несколько семейств дворян и крестьян безуспешно пытались им подражать. Первые выродились в общества для развлечения, вторые не могли добиться объединения и благоденствия, отличавших эти общины. Произошло это, по всей вероятности, отого, что ни те, ни другие не положили, подобно Пинонам, в основу своего счастья, благочестия, сострадания, бескорыстия, любви к труду и простоты. А без всего этого невозможно образовать человеческого общества и добиться в нем мира и благоденствия". Journal économique (1755). Cf. Escard, op. cit. стр. 132. . . . . „Называют еще одно такое общество, образовавшееся лет 20—30 тому назад, в нескольких милях от Орлеана". A. Faiguet, ст. „Moraves", Encycl. X, стр. 704, столб. 2.—Начиная с восьмидесятых годов, эти древние крестьянские союзы постепенно стали исчезать: „печальный результат буквы нашего муниципального уложения",—жалуется Розье. Rozier, Cours d'Agricul. VII, стр. 710.—Новейшее время всех их смело, но община „Sault" в Morvan существовала еще в сороковых годах 19 века; см. Louis Reybaud, Hist. des idées et des sectes communistes (Rev. des Deux-Mondes, том 31, 1842 стр. 14—15, прим. 2.

земли и ее продукты. Ознакомимся теперь с другой группой, влияние которой заключалось в идее равномерного распределения земли между всеми членами народа, в идее *черного передела*. Здесь с необычайной силой снова сказывается классицизм 18 века.

Как мы видели, философы естественного права снова обратились к Эпикуру и Зенону, авторы утопий брали за образец „Республику Платона". Фенелон написал „продолжение четвертой книги Одиссеи", а иезуиты в Парагвае думали, что американские дикари являются греками, изгнанными некогда кадмейцами из своей страны [1]).

В этом сказалось воздействие *древнейшей* традиции античного мира. Но несравненно большее влияние имело его историческо-политическая традиция. 18 век часто называют „неисторичным": но вряд-ли история имела когда-либо большее влияние на все отрасли политической, экономической и социальной жизни, чем в течение этого столетия.

Как бы ни уверяли философы и государственные люди, что разум и только разум является единственным строителем их новых храмов и дворцов, примеры, взятые из эпохи греков и римлян, соединявшей, по их мнению, счастье, силу, красоту и природу, оказывали непрерывное влияние на их мысли и поступки.

Еще в предшествующем столетии в области искусства и литературы во Франции началось второе победоносное шествие Афин и Рима [2]). В 18 веке оно завершилось на всех вершинах духовной и политической жизни.

В высших учебных заведениях юношество до такой степени пропитывалось античными воззрениями, что, по словам Мерсье, они потом в течение долгого времени не могли освободиться от обаяния судеб древних римлян и стать гражданами собственного отечества [3]).

Каждое десятилетие давало новые труды по истории греков и в особенности римлян [4]): в древней истории находили указания на все пятины и заблуждения человеческой жизни; не уставали читать Полибия, Фукидида, Плутарха, Тита Ливия, Саллюстия и Тацита [5]). Если бы Франция стала пренебрегать изучением истории этих двух народов, „этой высшей школы морали и политики", то в этом увидели бы большое несчастье [6]). Правда, презрение ко

[1]) La Fitau, Moeurs des sauvages americains compares aux moeurs des premiers temps, I, (1724). стр. 89 и сл. — См. также Duméril, op. cit. стр. 10.

[2]) „.... Афины и Рим вторично победили Галлию....", La Boétie, Discours sur la servitude volontaire. Это произведение было в 1789 снова напечатано в брошюре „Discours de Marius, plébéin et consul etc. par l'Ingénu, soldat dans le rég. de Navarre; le tout dédié aux Mânes de Chevert; см. Rion de Maillou, La Littérature et la Revolution (Revue de la Rév. XIV, 1889), стр. 207—211. „....то, что раньше мы встречали лишь на развалинах древнего Рима и Греции, то сейчас, ставши современным, сверкает в наших портиках и перистилях. Мы можем добиться совершенства и превзойти древних, только подражая им". La Bruyère I, l. c. ibid., стр. 215—216.

[3]) „Декады Тита Ливия так завладели моими мыслями, когда я их изучал, что мне стоило больших трудов и усилий, чтоб снова стать гражданином своей страны. До такой степени я был весь охвачен интересом к судьбам древних римлян. etc. ..." I, c. Rion de Maillou, ibid. XV, (1889), стр. 117 и сл. Mercier, L'an 2440 ou rêve s'il en fût jamais, (1772), стр. 3.

[4]) Очень показательна в этом отношении статья журнала „La Bigarrure" 1751 г.: „.... после возрождения наук во Франции у нас появилось свыше двадцати римских историй..... нет другой такой нации, про которую наши французы столько бы написали, как про римлян. Уж несколько лет, как они сделали себе из этого удовольствие и соперничают друг с другом в этом отношении", и т. д., том IX стр. 95.

[5]) Mably, De l'etude de la politique (Oeuvr. compl. Par. III) XIII. стр. 152—153.

[6]) Mably, Observations sur l'histoire des Grecs et des Romains, Oeuvr. IV, предисловие, стр. III—IV. — Montesquieu, Esprit des lois, кн. XI гл. XIII. — См. также

[illegible] века образцы [illegible]. Окончательно изучить [illegible] и самых разных [illegible] 18-го века нашлось [illegible] свободных [illegible]. Если даже картины, которые они нам рисовали, нередко бывали [illegible] исторической истины, в них [illegible] они [illegible] как [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] настанет [illegible] [illegible], если и не столь прельстивых как древние республики, то [illegible] [illegible] в [illegible] [illegible] более совершенных, чем существующие в настоящее время.

Было бы крайне [illegible] [illegible] [illegible] и другие детали [illegible] перебравшегося [illegible] [illegible] [illegible]

[illegible] Ликурга. Жизнеописание [illegible] в Плутарховых [illegible] Этюдах.

Отсюда относительно того [illegible] как нам [illegible] больше частью [illegible] веку до Р[ождества] Хр.

Так будто Франция в 18-ом веке достигла той же ступени развития, на которой находились Греция 4-го века: здесь, как и там, общ[ество] казалось, исчерпало свои [illegible] в общественной жизни, и в поисках за средствами [illegible] в обоих случаях обратились к [illegible] героическому прошлому.

В Греции Платон требовал возвращения к возможно более простым и естественным формам первого общества; к Ликурге и Мессении взывала частную собственность „отвращением от злого прародителя", под защитой которого люди когда-то грабили в мире и согласии; Эдем и другие идеализированные маловыгодные народы так же, как и [illegible] в 18-м веке иезуиты; и все без исключения произведения государства, которое надеялось, наконец, удовлетворить всем требованиям природы: прежнюю Спарту!

Итак конституцию здесь, правда, не [illegible] осуществили. Ле Пелетье, наделив всех детей согласно „Закону Установленной здравой системы", положил „естественное право", по которому каждый гражданин в своем отечестве, имеет одинаковое право на землю, в основу своего государственного строя.

Мы не станем здесь решать, в какой степени гражданские Спарты в экономическом отношении были равны между собой и на каких законах было построено в действительности это равенство [illegible].

Во всяком случае, 18-му веку мысль о роли Спарты в деле „социального искупления" досталась уже в весьма разработанном виде, и он принял это с радостью, вполне не сомневаясь в его исторической подлинности, из рук „древних", к которым питал глубокое уважение [3].

Тогда думали, что первоначально все Азия и Европа распадались на множество маленьких республик или монархий, построенных на принципе всеобщего равенства, где не [illegible] было лишь princeps inter pares [4].

Но постепенно в этих государствах равенство граждан стало исчезать, и лишь немногие мудрые законодатели были в состоянии удержать или восстановить его у своих народов. Самым значительным из этих законодателей в древнее время был Минос в Крите. Главным образом по его образцу Ликург впоследствии создал устройство Спарты [5].

Он уговорил своих сограждан воссоединить все владения и разделил затем всю землю на 30,000 участков для крестьян и 9,000 для горожан. Распределение он провел до того равномерно, что однажды, проходя по время

---

[1]) Сравн. [illegible] Les Communistes ou Socialistes du Xviii siècle. I (1853, кн. I, гл. 7.

[2]) См. по этому поводу Pelletan, op. cit., стр. 61–78 и 124. Fréd. de Fontpertuis, op. cit. (Journal des Economistes XXIV, 1871), стр. 474.—Fustel de Coulanges, Du droit de propriété à Sparte (Journal des Savants, 1880), стр. 99–109.—E. Meyer, Gesch. des Altertums (Stuttg. 1893) II, стр. 296 и сл. и стр. 564.

[3]) „Нет в светской истории ничего более засвидетельствованного и в то же время более невероятного, чем то, что относится к правлению Лакедемона и дисциплине, которую ввел там Ликург". Rollin, Histoire Ancienne (изд. 1740) II, стр. 20.

[4]) Condillac, Histoire Ancienne (Oeuvr. 1821) VIII, стр. 143–144. Mirabeau, Ami des hommes ou Traité de la population (нов. изд. 1759), I, стр. 270–274 и стр. 385–388.

[5]) Rollin, Histoire Ancienne (изд. 1740) II, стр. 21.—Montesquieu, Esprit des lois, кн. IV, гл. 6.—Mably, Observations sur l'histoire des Grecs et des Romains (Oeuv. compl.) IV, стр. 16. Abbé de Mably, Les moyens de donner le Monde en France, г. 1780, Châlons-sur-Marne, стр. 24–27.

Клеоменом и Полидом и видя совершенно одинаковые по объему скирды, он, улыбаясь, смог сказать своим спутникам: „Не кажется ли, что Лакедемон является наследством нескольких братьев, которые только что произвели его дележ?“ [1]).

Основываясь на этом экономическом равенстве, он затем установил политический строй, заключавший в себе все преимущества монархии, аристократии и демократии, и добился того, что Спарта соблюдала его законы в течение более 700 лет [2]), несмотря на непостоянство и беспокойство человеческого сердца, вечно жаждущего перемены и никогда не перестающего питать отвращение к однообразию. Преклонение перед этим смелым законодателем, который, по словам Мерсье, глубоко проник в человеческое сердце и обогатил его, видимо его ограбив, сделал его сильным и могучим, избрав его опорой полнейшее равенство, превзошло в 18-м столетии все границы [3]).

Согласно изречению Руссо, Ликург своим мудрым законодательством создал „республику скорее полубогов, чем людей“: казалось, в его стране человек вместе с воздухом вдыхает и добродетель [4]). Благодаря ему идеал государственного устройства, основанного на вечных, неизменных законах природы, стал действительностью [5]). В этой стране, не знавшей проклятия золота и богатства, роскошь, жадность, ссоры и процессы не имели места: благодаря равенству имуществ все имели все необходимое: наряду с равенством процветали добродетель и невинность, и таким образом была достигнута конечная цель всякого общества — счастье людей [6]).

Нельзя представить себе всю чрезмерность похвал Спарте и Ликургу, наполнявших все исторические, философские и экономические произведения 18-го века [7]: только немногие мыслители, как Кондерсе и Ленге, смогли преодолеть эти облака фимиама и осмелились указать на рабский характер спартанского хозяйства и назвать граждан-спартиатов ворами и лентяями, способными только есть, сражаться и производить детей [8]).

b) *Рим.* Хотя законодательство Ликурга при своем возникновении и не носило названия „Lois agraires“, но по своему характеру оно в 18-м веке было причислено к разряду последних [9]).

---

[1]) Rollin, ibid. стр. 23. Mably, ibid. стр. 20 и сл.—Abbé de Molvaux, ibid. стр. 21. d'Argenson, Considérations sur le gouvernement de France (1784). стр. 127.

[2]) Rollin, ibid. стр. 22.—Mably, ibid. стр. 19.

[3]) Mercier, Mon bonnet de nuit (1784) II, стр. 311—312.

[4]) „...это республика скорее полубогов, чем людей, настолько добродетели ее граждан казались выше всего человеческого. О, Спарта, вечный позор для пустой доктрины!“ Афины стали местопребыванием искусств, наук и испорченности... „Картина Спарты менее яркая. Там, по мнению других народов, люди рождались добродетельными, и сам воздух этой страны, казалось, дышит добродетелью“ и т. д. Rousseau, Discours sur les sciences et les arts (1750) Oeuv. I стр. 7 и сл.—Ср. также Voltaire, Leure à M. Bastide. „Ликург в очень короткое время поднял спартанцев на высшую степень человечности“. Espinas, op. cit. стр. 104, прим.

[5]) Mably, Entretien de Phocion sur le rappor de la morale et de la politique. Oeuv. X, стр. 16—47, 75—76, 160, 168, 223 и т. д.

[6]) Rollin, ibid. II, стр. 34.—d'Argenson, Journal et Mémoires (Изд. 1864) VI, стр. 427. Rousseau, Oeuvr. (1870) I, стр. 116, 122—126; II, стр. 7, 433; III, стр. 321, 327; V, стр. 242—243, 278.—Morelly, Code de la Nature. (1760) стр. 76. Helvétius, De l'homme. Oeuv. (1784) VI, стр. 213—215.—Mably, De l'étude de l'histoire. Oeuv. XII, стр. 5 и сл.—Chastellux, De la félicité publique (1776) I, стр. 68.—Retif de la Bretonne, L'Andropograph (1782) стр. 29.

[7]) Это воодушевление вызвало у Руссо намерение написать историю Лакедемона. Произведение было начато, но не окончено. Сравни его «Fragment d'une Histoire de l'ecédémone» над. A. Gansen; J. J. Rousseau, Fragments inédits. (Paris, 1882).

[8]) Linguet, Histoire du siècle d'Alexandre (1762), стр. 69—81.—Condorcet, Notes sur Voltaire (1789). Oeuv. IV, стр. 453.

[9]) „К аграрным законам можно причислить также законы евреев, египтян и

Понятие это возникло собственно из римских „Leges agrariae", под которыми следует понимать отчасти законы об единовременном разделе всего имеющегося комплекса земли (законы о разделе земли), отчасти законы об ограничении земельных приобретений (законы, ограничивающие приобретение земли).

18-й век черпал свое знакомство с римскими аграрными законами, помимо римских источников, главным образом, из двух произведений, из которых одно возникло в Германии еще в конце 17-го века, а другое—во Франции в начале 18-го, а именно из „Dissertatio de legibus agrariis" (1674), хорошо известной во Франции [1]), и из „Histoire des révolutions de la République Romaine" (1716—1720), написанной аббатом de Vertôt.

Набросим в общих чертах картину римского аграрного законодательства, как ее представлял себе 18 век.

Ромул, желая, как можно лучше обеспечить существование своего народа, разделил путем аграрного закона („Loi agraire") территорию своего нового государства на три части: первую он посвятил культу богов, вторую предоставил надобностям правительства и управления, третью же, самую значительную, он раздолил равномерно между 30 куриями. Каждый римлянин получил этим путем только два югера земли. Таким образом, было восстановлено среди граждан равенство имуществ, и все они стали принимать одинаковое участие в расходах общины [2]).

Но впоследствии в этих имущественных отношениях произошли огромные изменения. Земля, приобретенная путем завоеваний, уже не распределялась между гражданами; хотя на словах она предназначалась для общего пользования, на самом же деле ею овладели патриции; они сумели силою или хитростью, опираясь на свое богатство, вытеснить более бедных граждан даже из их собственных земель. Этим объясняется, что вскоре сенаторы и патриции завладели всеми общественными и частными землями, между тем как в руках плебеев осталась лишь самая незначительная часть территории [3]).

Результатом этой узурпации было все возрастающее недовольство народа. Этим воспользовался в 486 г. до Р. Х. Спурий Кассий, предложивший новую „Lex agraria", которая должна была вырвать у богатых несправед-

законы, которыми Ликург провел равный раздел земли между всеми гражданами с целью поддержать между ними равенство, ставшее для них источником объединения". Encyclopédie (Neufchâtel 1765) IX, стр. 650 (ст. „Lois agraires, Leges agrariae").

[1]) S. Butel-Dumont, Recherches historiques Sur l'administration des terres chez les Romains (1779), стр. 58, прим. 21.—Полное заглавие: „Dissertatio": C. B. D. Dissertatio Historico-Politica de Legibus Agrariis populi Romani quam sub praesidio viri nobiss. amplss... Dm. Ulrici Obrechti I. U. Doctorandi Historiarum quę inculta Argentinensium, Professoris ordinaris; Patroni, Fautoris et praeceptoris sui devotissimo observantiae atqu; obsequii cultu devererandi solemniter tuebitur. Dx octobr. MDCLXXIV Jo. Gorgius Ludovicus Zollmann. Hohenloicus auctor Argentorati. (Literis Joh. Will. Tidemanni) (Bibl. Nat. Paris Invent. F. 16, 586—16, 593).

[2]) Zollmann, Dissertatio de legibus agrariis (1674), стр. 4—5, гл. 1. Abbé de Vertôt, Histoire des Révolutions de la République Romaine (à la Haye, 1737; 3 тома в 12 ч.; я буду цитировать это 5-ое издание) I, стр. 10—11.—Montesquieu, Esprit des lois, lib. V, гл. 5—6.—Adam Smith, Recherches sur la Nature et les causes de la richesse des nations. (trad. de l'Angl; à la Haye 1778—1779, 4 тома in 8°) III, стр. 1[illegible]. Mably, Considerations sur l'histoire des Romains, Oeuvr. IV, стр. 263.—Condillac, Histoire ancienne (Oeuvr. 1821), VIII, стр. 181 и 236. Abbé de Malvaux, Moyens de détruire la Mendicité. (2 1780), стр. 21.

[3]) Abbé de Vertôt, ibid. I, стр. 240—241.—Condillac, ibid. VIII, стр. 236—237.—Bardou du Hamel, Des moeurs et des usages des Romains (à la Haye 1739), стр. 289.—P. L. Bauclair (Citoyen du monde), Anti-Contrat Social (à la Haye 1765), стр. 15.

ния. Присвоение ager'а и одних угодий ... [illegible] и их дальнейшего положения и защитить их от корыстолюбия патрициев. Сенат своей искусной политикой, жезлом Весты, но всякий последующий отказ к тому, что в течение всех последующих столетий борьба между богатыми и народными трибунами вращается вокруг аграрного вопроса.

Консулы большею частью старались отвлечь народ от его стремлений внешними войнами, но только зловещим возвращением домой, как только вспыхивала гражданская борьба из-за „Lex agraria“ [1].

Так развитие римского государственного строя протекало таким образом, всегда под знаком аграрного закона. Все политические права, которые мало-помалу отвоевали себе плебеи, рассматривались ими лишь как этапы на пути к конечной цели, к разделу земли [2].

Знаменитый Lex Licinia должен был, казалось, привести плебеев к желанному решению вопроса. С одной стороны, она и здесь была установить известные пределы для приобретения земли, по которым ни один гражданин не имел бы права владеть более, чем 500 югерами завоеванной земли, с другой стороны, она должна была осуществить новый раздел „ager publicus“, при чем каждому гражданину должно было достаться не менее 7 югеров.

Сенат, патрициат и народ присягою подтвердили закон, но как только у власти опять очутились знать, забыли, что присяга порой снова в унижению и нищете [3].

Аграрного закона этим не удалось похоронить. Тиберий Гракх и впоследствии брат его Гай приняли в руках при виде Италии некогда богатой, а „теперь населенной одними лишь рабами“. Их честолюбие и в то же время любовь к народу заставили их вспомнить о забытом „Lex Licinia“, но им показалось недостаточным снова урегулировать раздел „ager publicus“: они решили уничтожить всякое различие между бедным и богатым и восстановить нечто вроде равенства между гражданами [4].

Но и они потерпели крушение при проведении „Lex agraria“: такая же участь постигла потом трибуна Сервилия Рулла, врагом и противником которого был Цицерон [5].

---

[1]) Abbé de Vertot, Hist. I. стр. 236 и сл. 256 сл. 103 сл.—Condillac, Hist. VIII. стр. 274 сл. Dictionnaire universel des Sciences morale, économique, politique (1777) I. стр. 154. (Ст. „Accaire; les lois Agraires chez les Romains“).

[2]) Abbé de Vertot, ibid. II, стр. 1 и сл. и 276. „Ими, для того, чтобы обойти аграрный закон, патриции допустили leges Liciae и Sextiae, которые разрешали впервые браки между плебеями и патрициями и доступ плебеев к должностям“. Castellanx, De la Police publique (1776) I, стр. 165, прим. 2.

[3]) Zollmann, Dissertatio etc. 6—10 (гл. II). — Abbé de Vertot, ibid. II стр. 277—279. — Mably, Considérations Oeuvres. IV, стр. 203.

[4]) Zollmann, Dissertatio, стр. 10—14 (гл. III). „...Никто никогда не был большим республиканцем, чем этот трибун. Все, что он сделал в области раздела земли, имело целью лишь приблизить условия жизни бедных к условиям существования богатых и установить равенство между всеми гражданами“. Abbé de Vertôt, ibid. II стр. 345; см. также стр. 324—344.—„Гракх был назначен триумвиром вместе с своим тестем и братом, для того, чтоб заставить богатых граждан отдать земли беднякам“.—d'Arcenson, Essai dans le goût de ceux de Montaigne (1785) стр. 61.—См. также Cantou et Rouillé, Histoire Romaine depuis la fondation de Rome (Paris 1725—1758; 21 том in 4°) XIII, стр. 303 и сл.

[5]) Abbé de Vertôt, ibid. II. стр. 377—402 и III, стр. 190—210.—Mably, Considérations. Oeuv. IV. стр. 214 и сл.—Condillac, Hist. VIII. стр. 289—291; 347—348. Histoire raisonné des discours de M. T. Cicéron, avec des notes critiques, historiques etc. (Paris 1765, стр. 12 и сл. стр. IX „La loi Agraire“). Sabbathier, Dict. des auteurs class. (1766) I. стр. 461.

Мы проследили лишь главные основы и развитие „закона аграрного закона“ в античный период. Но для более подробного знакомства с этой великой борьбой между имущими и неимущими благодаря этим историческим изображениям классовой розни древнего Рима, выразившейся, главным образом, в борьбе за аграрный закон, стоит возродиться во Франции 18-го века и с самого начала нашего понятия „Loi agraire“ с такой совокупностью чувств любви и ненависти, которых сделало их в глазах их сторонников еще более желанной, а в глазах противников еще более ненавистной.

Необходимо протест Мабли против ложного описания аббата де-Вера о гибели братьев Гракхов, этого поэта-историка, которое питали умы эпохи Просвещения к этим новым героям.

Д'Аржансон рассказывает, как „мягкие и мечтательные души воображали, что они находятся в сходных (с братьями Гракхами) положениях и призваны совершить столь же великие подвиги; и если бы на пути пришлось столкнуться с непреодолимыми преградами, то какой прекрасной и славной была бы попытка преодолеть их“ [1].

„Loi agraire“ сделалась по самому своему существу хорошей и полезной мерой общества обязано было применять ее для защиты бедных против жадных богатых [2].

В попытках римского плебса добиться ее осуществления видели лишь чаяние простого народа, страдавшего от жестокосердия кредиторов из высших классов, и законное требование бедняков получить свою долю земли, которую они завоевали своею кровью. Рассказывали с сожалением, как это желание было потоплено в крови братьев Гракхов и Главка, погибших лишь потому, что слишком любили свое отечество [3]. Если верить историкам 18-го века, то вместе с аграрным законом было похоронено и с судьбой римского народа. Богатство и роскошь положили навсегда конец вопросу о справедливом разделе земли; ограничение права приобретения земли 500 югерами никем уже не соблюдалось.

В результате большая часть народа обнищала, а богатые погрязли в излишествах и безделии, что привело, в конце концов, к гибели римской республики [4].

Так рассуждали сторонники древних аграрных законов. Но с другой стороны, достаточно было признать требования раздела земли несправедливыми и гибельными для государства, чтобы увидеть именно в стремлении народа к аграрному закону причину гибели римской республики.

В таком случае в Lex agraria усматривали только средство честолюбивых народных трибунов добиться расположения плебса и выражали сожаление о том, что сенат в свое время имел слабость уступить Кассию в аграрном во-

[1] d'Argenson, Essai dans le goût de ceux de Montaigne (1785), стр. 58. „О священные тени Гракхов, вернитесь к нам, окружите трон королей, и пусть дух мудрости и человечности, которой воодушевлял вас, сообщится вождям народов, пусть укажет он им дорогу к верному счастью человечества!“ L'Anthropophage (1782), стр. 29.

[2] Montesquieu, Esprit des lois, ун. VII, гл. 2. — Mably, Doutes sur l'ordre naturel. Oeuvr. XI, стр. 12. — d'Argenson, Essai, стр. 60.

[3] L'Abbé de Vertôt op. cit. I, стр. 241 сл. — Linguet, Théorie des lois civiles (1767) II, стр. 171—173. — Mably, De la législation. Oeuvr. IX стр. 110. — Dictionnaire universel des sciences (1777) I, стр. 185.

[4] L'Abbé de Vertot, ibid. стр. IX—XIV. — Montesquieu, Considérations sur les causes de la Grandeur des Romains et de leur décadence (ed. Lausanne, 1770), стр. 24—27. — Adam Smith, op. cit. III, стр. 190—191. — Mably, Doutes sur l'ordre naturel (Oeuv. XI, стр. 14—15. — Beaulieu du Hamel, op. cit., стр. 290—291.

просвещения, хотя уступка и была только кажущаяся. Эти мнения, конечно, совпадали с воззрениями самих римских историков, ибо, как заявляет автор „Dissertatio de legibus agrariis“ в заключении своей последней главы: „Quae ratio gratiam et successum legibus agrariis conciliaverit. Unde invidia illarum et impedimenta processerint“, враждебное отношение к революционному распределению имущества между гражданами (aequalitas fortunae civium) и к единению всех сословий, как к результату этого равенства (concordia ordinum), воспрепятствовали успешному проведению столь справедливого и нужного закона. Мало того, само имя его стало настолько ненавистным, что даже благоразумные писатели не могли называть его иначе, как „sine infami nota“ [2].

Таким образом в 18-м веке „Loi agraire“ снова вступила в идейный мир людей, уже отягченная и любовью и ненавистью многих столетий. Вокруг нее уже сконцентрировались с одной стороны страх перед вечными государственными переворотами, отвращение к уравнительным тенденциям низших классов, а с другой все, что угрожало самым „священным благам“ имущих, все, что отвечало самым смелым надеждам неимущей массы. Цеплявшееся дворянское государство не в малой степени определило судьбу „Loi agraire“ в век просвещения и революции.

Кроме аграрных законов, 18-й век неустанно вынюхивал из дорогой для него сокровищницы античного мира все, что имело какое-либо отношение к социальным и социалистическим институтам. Сюда относили и военные поселения римских императоров и забытую философскую школу бакхнонитов, „изгнавших из своей среды злополучные понятия „моего и твоего“; сожалели даже об исчезновении вакханалий, умевших воскресить хотя бы на короткое время драгоценную и несравненную свободу [3].

Этим исчерпываются прототипы социальных аграрных теорий. Франция 18-го века извлекла на свет божий и окружила своим преклонением все, что можно было найти по этому вопросу в собственном отечестве и в отдаленных частях света, во всех государствах, существовавших в настоящем, прошлом и даже в воображаемых царствах будущего.

И в них, как уже было выше сказано, ясно намечаются предпосылки для разделения социальных аграрных теорий на две группы: группу теорий равного раздела земли и группу аграрно-коммунистических теорий; учения обеих групп обнимаются понятием „Loi agraire“ в широком смысле слова, и обе, с точки зрения сторонников неограниченной частной собственности, представляли из себя одного и того же врага, именно противника существующего общественного строя.

Действительно, критика существующего общественного строя, к которой мы сейчас перейдем, отличается одинаковой резкостью у представителей обоих направлений.

IV. Критика существующего общества.

В своих теоретических нападках на частную собственность, 18-й век в значительной степени исходил из моральных соображений. Богатство и роскошь

---

[2] Encyclopédie (Neufchâtel 1765) IX, стр. 650.—Chastellux, De la Félicité II, стр. 140.—Histoire raisonnée des discours de M. T. Cicéron (1765), стр. 50—52.

[3] Zollmann, Dissertatio, стр. 21—23. Здесь приведены все выдержки из римской литературы, направленные против аграрных законов.

[4] Zollmann, Dissertatio, стр. 18—20 (гл. V).—Encyclopédie (Paris 1751) II стр. 6.—Linguet, Historie du siècle d' Alexandre (1762), стр. 301.—Montesquieu, Esprit des lois кн. V, гл. 5 и сл.—различные законы об установлении и поддержании равенства в демократиях Греции и Италии.

он отвергал не столько потому, что имелись бедные, которые голодали и страдали, сколько вследствие твердой уверенности в том, что неравенство противоречит добродетели и служит вечным источником для пороков [1]).

Писателям-гуманистам XVIII века, проникнутым античными воззрениями и полагавшим, что причина и цель всех человеческих деяний состоит в стремлении к счастью и что величайшее счастье заключается в наивысшей добродетели, неравномерное распределение богатств должно было казаться величайшим несчастьем, так как оно являлось самым большим препятствием для разрешения лежащих на государстве задач [2]).

По их мнению, от этого страдали не только неимущие, но и имущие: излишества богатых с одной стороны и разбои бедных—с другой возбуждали необузданные страсти и заглушали сострадание и справедливость [3]).

Таким образом социалистически мыслящие писатели этого века считали неравномерное распределение благ „первым звеном в цепи пороков": за ним или лень и чванство, а к ним, в свою очередь, примыкали ненасытная роскошь и вечная жадность к непрерывному накоплению новых богатств [4]). Неизбежным последствием этого хищничества явилось то, что земля, бывшая когда-то в состоянии прокормить решительно всех людей, теперь уже не могла обеспечить им пропитания [5]).

Но еще худшее зло видели в том, что от этого пострадало наивысшее благо человека, его личная свобода: отчасти насилие, отчасти денежные спекуляции вызвали крайне неравномерное распределение земли, и так как вся территория находилась, по господствовавшему тогда убеждению, в руках немногих избранных, то вся остальная часть человечества была обречена на то, чтобы жить в зависимости от этой небольшой кучки людей в качестве поденщиков или арендаторов [6]).

Картина этой зависимости заключает в себе у некоторых писателей уже все черты современной теории обнищания.

Наемный рабочий должен прокормить трудами своих рук жену и детей. Его маленького непостоянного заработка должно хватить и на оплату портного, врача и священника. Земельным собственникам, дающим ему работу, нет никакого дела до этих тяжелых расходов: наоборот, они не только заставляют поденщика покрывать все расходы из своего жалкого заработка в 10—20 су, но пользуются незначительностью заработной платы для того, чтобы принизить его еще больше. „Чем больше рабочий нуждается, тем дешевле он продает свой труд: чем хуже его положение, тем менее продуктивна его работа. При установлении заработной платы эти деспоты сообразуются со

---

[1]) См. по этому вопросу Lichtenberger, Le socialisme au XVIII siècle (Paris, 1896), стр. 25.

[2]) Более обстоятельно см. Morelly, Code de la nature, стр. 141 и сл.—Rousseau, Lettres sur la vertu et le bonheur, Lettre II, Oeuvr. Strecker-Moulton (1861), стр. 141. L'objet de la vie humaine est la beauté de l'homme.

[3]) Срав.: Discours sur cette question: le bonheur est-il plus commun chez les Grands que chez les Petits (Premировано Марсельск. академией, напечатано в Choix Littéraire, VIII, стр. 3—28.—Raignal, Économie politique (Londres, 1763), предисловие, стр. VIII—IX: „. . . . поистине счастлив тот, кто может нести угнетение, находясь в непосредственном соприкосновении с несчастными. Но увы! это сладостное чувство почти неведомо нам, ибо роскошь, окружающая нас, по большей части препятствует нам испытывать его".—Rousseau, Oeuvr. I, стр. 6, 117, 124, 126.

[4]) Mably, De la législation, Oeuvr. IX, стр. 45—46; 80—81.—Rousseau, Discours sur les sciences, Oeuvr. I, стр. 12.—Idem, Économie politique, стр. 41.—Morelly, Naufrage des Isles flottantes ou Basiliade de Pilpai (Ed. 1753), стр. 6.

[5]) Mably, Droit, Oeuvr. IX, стр. 51—52.

[6]) Mirabeau, Ami des hommes (Ed. 1759), I, стр. 6.—Lemercier, Histoire des progrès des lois civiles (1767), II, стр. 2 и сл.—Physiocrates de Daire (1768), I, стр. 36.

...ленных со слабостью. Чем дальше, тем их [illegible] погибает в нетерпении, тем больше они лишаются того, что могло бы его поддержать. То, что дает ему их заработка, недостаточно для того, чтобы поддержать его жизнь, а в состоянии лишь отсрочить его смерть". Таким образом недостаточный заработок заставляет рабочего соглашаться на дальнейшее понижение заработной платы, а уменьшающаяся с каждым днем трудоспособность приводит его в нищете, „в сто раз худшей, чем рабство" [1]).

Но то, что вытекало из несоответствия между чрезмерным изобилием и крайней нищетой, не было еще самым большим злом. Самым ужасным в этом состоянии было то, что бедняк не мог выбраться из этого положения, не потеряв своей моральной порядочности [2]), и что сами законы до известной степени не позволяли нуждающемуся выйти из своей нищеты ценой хотя бы и самого напряженного труда [3]).

Признавая критерий естественного права в гражданских законах, находят, что они представляют из себя лишь насильственное средство, имеющее своей целью не что иное, как по мере возможности окончательно распасться разложившемуся т. е. первоначальному, естественному) обществу и стремящееся как бы увековечить и отрегулировать несовершенное [4]: в этих законах, предназначенных для защиты частной собственности, т. е. для увековечения неравенства, видели лишь „злой гений богатых в борьбе против бедных" [5]).

Их называли законом со стороны избытка против большей части человечества, так как с изобилием силы они обрушивались как раз на тех, кто более всего нуждался в их помощи. „Нет ни одного закона, который стремился бы к всеобщему благу", — восклицал Локк, и вся их божественность, которой они в мире пользуются, в конце концов приближает он, сводит лишь к тем, что они [illegible] направлены ли они в защиту рабства или против него, — составляются в интересах тех, кто держит в своих руках общественную собственность [6]).

Указывая критике законов направила свои нападки естественным образом и против тех, кто, опираясь на них, пользовался представляемыми ими исключительными преимуществами: это прежде всего были два высших человека, сосредоточивших в руках и среди принадлежащих к ним лиц находились такие, которые имели 10.000 моргенов земли, между тем как в народе были десятки тысяч, которые вместе не имели и ста, и бесчисленное множество таких, у которых не было ни вершка собственной земли. По словам Тукера, всей коллизией завладели каких-нибудь 200.000 индивидуумов, опирался на право свободного приобретения [7]).

---

[1]) I. [illegible] Th[illegible] [illegible] (17[illegible], II, стр. 161—4-3.—Также Mercier, L'ordre de Paris, II, стр. 94.

[2]) Mercier, L'[illegible] (1775), стр. [illegible] 10.

[3]) „Когда же истинно бедный рабочий, который не может вырваться, работая изо всех сил, из нищеты, не дерзновенно его законы его собственной страны". Mercier, ibidem, стр. 305, примечание. „Не крупное землевладение можно глаза бедняка; его раздражает невозможность иметь свою собственность благодаря жестоким законам". Ledru, Manuel de vol., II, стр. 386.

[4]) Morelly, Code de la Nature, стр. 58—59.

[5]) Linguet, Théorie des lois, I, стр. 183: „Равенство в правах, устанавливаемое гражданским состоянием, является неосуществимой мечтой, так как средства, которыми пользуются для поддержания его, сами способствуют его разрушению: общественная власть, которая помогает сильнейшему притеснять слабого, сама нарушает своего рода равновесие, которое установлено природой между ними". Russeau, Oeuvres, II, стр. 203 (Emile).

[6]) Linguet, ibid., II, стр. [illegible]-457.

[7]) Ange Goudart, [illegible] [illegible] de la France [illegible] entendu, [illegible] les [illegible] ranches

Чрезмерные богатства заразили сильных мира сего „несправедливостью“[1]. На них одних ложилась ответственность за то, что бесчисленное множество людей ежедневно преследовалось и притеснялось, вопреки всякому праву. Мелье еще в 20-х годах XVIII столетия так мучительно воспринимал притеснения со стороны феодальных и клерикальных землевладельцев, что считал мертвых счастливее живых и участь еще не родившихся куда более завидной, чем участь тех, которым еще суждено было родиться и страдать под тяжестью столь больших несчастий[2]. Раз таким образом стали нападать на высшие сословия, то, естественно, критика должна была в скором времени обрушиться и на самый государственный строй. Еще задолго до революции в глазах многих монархия была главной опорой существующего неравенства и его злополучных последствий. Монтескье учил, что основным принципом демократической республики является равенство, и при том не только в правах, но и в распределении земли; с напротив, честь представляет из себя основной принцип монархической конституции, неизбежным следствием чего является для нее сохранение наследственного дворянства, носителя этой чести.

Следствия монархического строя сказывались, по его словам, в наследственных субституциях, сохранявших имения за дворянскими родами; в „retrait lignager“, возвращавшем дворянским семьям путем аннулирования старых сделок земли, которые были проданы расточительными родичами; в привилегиях, распространявшихся на лица и на земли; в целом ряде преимуществ, которыми пользовалось только дворянство и которые нельзя было распространить на весь народ, не нарушая тем принципов государственного строя[3].

Недостатки этой формы правления сказывались чувствительнее всего в стеснениях земельной мобилизации, в бесконечном количестве неразрешенных процессов, в полной необеспеченности владения всяким купленным участком земли, и, наконец, в невыразимой тягостности положения всех, кто по условиям своей жизни был подчинен феодальным прерогативам[4].

Если Монтескье думал, что в его идеальной монархии все эти недостатки искупаются положительными чертами дворянства, то существующий государственный строй никоим образом не соответствовал идеалу последней, и его критики обращали, конечно, свое главное внимание на его теневые стороны.

Они считали потребности монархического правительства, которое, согласно их воззрениям, так же, как и частная собственность, своей единственной правовой основой имела первоначальное, освященное лишь давностью, насилие[5], слишком большими в сравнении с имевшимися в его распоряжении ресурсами;

---

[1] Vagrientaire, de la perfection des finances (Амстердам, 1756, том 3 в 12°, Bibl. Nat., Inv., R. 37, 194—196), I, стр. 42.

[2] Lingnet, Hist. du siècle d'Alexandre, стр. 333.

[3] Le Testament de Jean Meslier (Ed. Rud. Charles, Amst., 1864), I, стр. 5.

[4] Montesquieu, Esprit des lois, lib. V, гл. II и сл.

[5] Ibid.

[6] Ibid, lib., V, гл. IX.—См. также Lettres persanes, Lettre 122: „Гуманность правления весьма способствует размножению народа. Республики во все времена служили доказательством этого... Равенство граждан, приводящее обычно и к равенству имуществ, сообщает жизнь и подбодрение всем частям политического организма... Не так обстоит дело со странами, где власть самодержавна: там государь, придворные и некоторое число частных лиц владеют всеми богатствами в то время, как все остальные стонут под давлением крайней нищеты".

[7] Meslier, Testament (Ed. 1864), II, стр. 173.—„Королевская власть сильна постольку, поскольку прочно закреплены владения ее подданных. Причина ясна: как короли, так и собственники владеют на одинаковых основаниях ..., т.-е. на своем захвате, первоначально на насилии, освященном впоследствии преданиса-

и невероятная тяжесть, проистекавшая отсюда для всякого непривилегированного, конечно, не могла служить возмещением неравенства в землевладении, неразрывно связанного с сохранением сословных различий [1]).

Раздавались мнения, что длительное существование подобных отношений неизбежно повлечет за собою гибель государства. Ибо в глазах почитателей древних аграрных законов ничто так не вредило государству, как большое число безземельных граждан: с ростом числа безземельных увеличивалась опасность, что широкие массы населения потеряют всякий интерес к общественному благу и превратятся в безвольное орудие всякого могущественного человека, имеющего возможность купить их [2]).

Такие мрачные перспективы казались вполне правомерными каждому, кто вместе с Гольбахом полагал, что „некоторые европейские правительства следовали ненавистным правилам восточного деспотизма, и что жадные властители сделали своим принципом откармливать нескольких фаворитов кровью граждан с целью найти в этих общественных кровопийцах легкое и верное средство для удовлетворения своих собственных ненасытных страстей" [3]).

Как отличалось это состояние от естественного в том виде, как его себе представляли, и как мало давало оно выгод, которые должен был обеспечить людям общественный договор [4])! И разве нельзя было, с точки зрения естественного права, задать себе вопрос: не нуждается ли в изменении или улучшении общественный организм, у которого финансы истощены, торговля разрушена, народ обессилен невзгодами, где все репительно страдают и где в нравах сказывается постыдное огрубение [5])?

Из числа недовольных существующим строем многие давали на это утвердительный ответ, но большею частью останавливались в нерешительности, как только вопрос заходил о том, как помочь горю. Далеко не все подвергавшие существующий гражданский порядок строгой критике видели в его ниспровержении, или, вообще, в каком-либо существенном изменении средство улучшить положение дел, или же приходили к подобным заключениям только в теории.

Одни склонялись к отказу от реформы, примыкая к взглядам Гоббса и полагая, что гражданские законы не являются чем-то противоположным естественному праву, а представляют из себя лишь другую форму естественного закона. Все гражданское общество, по их мнению, при отказе от первоначального состояния было построено хотя и на совершенно измененных, но все же соответствующих естественному закону основах. Поэтому казалось, что попытка возвратиться к первоначальному порядку всегда будет напрасной: неравенство благ сделалось необходимым лекарством против еще больших страданий [6]). Так, например, если бы состояние каждого отдельного лица было

ниями гражданских законов".—Linguet, Théorie, I, стр. 60.—„Наследственная передача королевской власти и земель ничем не оправдывается с точки зрения естественного права. Нужно признать, что они покоятся на одних и тех же принципах гражданского права и т. д.". De Ramsey, L'essai philosophique sur le gouvernement civil, etc., loc. cit. Lichtenberger, op. cit., стр. 66—67.

[1]) Mirabeau, op. cit., I, стр. 274.—d'Holbach, Ethocratie ou le gouvernement fondé sur la morale (1776), стр. 120.

[2]) Helvétius, De l'homme (Oeuv., 1884), VI, стр. 203 и 205, прим.—Holbach, ibid., стр. 118, прим. 50.

[3]) Holbach, ibid., стр. 113.

[4]) Руссо определяет эти выгоды в нескольких словах: „... социальное состояние выгодно для людей лишь постольку, поскольку у каждого есть что-нибудь, и ни у кого нет излишка". Contr. soc., lib. I, гл. IX; см. также кн. II, гл. III.

[5]) Mercier, L'an 2440 (Londres, 1772), стр. 393, прим.

[6]) Abbé Talbert, op. cit., Choix Littéraire, VII, стр. 48, 59, 71 и 77.—Condillac, Histoire ancienne (Oeuvres, Paris, 1821), VIII, стр. 132 и сл. (гл. 14 и 15).

сведен к необходимому минимуму или было ограничено определенной нормой излишка, то при данных отношениях совершенно исчез бы всякий интерес к труду, и такая мера не принесла бы никакой пользы ни обществу, ни отдельному индивиду.

Наоборот, государство, в котором происходил бы ежегодный передел земли между гражданами, было бы самым несчастным и слабым, какое только можно себе представить.

Пример нескольких древних республик, по их мнению, ничего не доказывал, так как в них всегда существовало рабство, и поэтому там, как и всюду, одна часть населения могла предаваться наслаждениям за счет другой [1]).

Так рассуждали одни, ограничиваясь жалобами на то, что все равно нельзя было изменить. Другие считали изменение принципов общественного порядка вполне возможным, но боялись, как бы возвращение „общего достояния природы" в руки бедных, не оказалось еще более опасным, чем „постыдный маневр, посредством которого они были лишены этих богатств" [2]).

Ленге, например, больше всех бичевал существующий порядок, но как только речь заходила об изменении законов, он вдруг находил, что эти самые законы „вполне справедливы, так как они необходимы, и всякий нарушивший их бедняк подлежит наказанию, как преступник, потому что сомневаться в законном порядке, будь то корона или собственность, значит широко раскрыть ворота всякого рода пагубным беспорядкам" [3]).

Однако этот боязливый страх перед неизвестным звучал весьма робко, и XVIII век с его гордой верой во всемогущий разум и с его полным надежд оптимизмом был вообще весьма далек от подобного беспросветного отчаяния.

Мог ли он при свойственном ему презрении ко всему исторически сложившемуся остановиться в нерешительности перед несчастным положением вещей только потому, что оно было освящено бессмысленным временем, или потому, что страх требовал его поддержания [4])?

Не следовало ли скорее, после того, как, казалось, были найдены причины всех общественных бедствий и раскрыты все их несчастные последствия, загореться желанием разрушить все гнилое и найти средства к постройке нового здания?

Рассмотрим теперь орудия, придуманные мыслителями для этой цели.

V. Пути и средства к реформе общества.

Цель, которую ставило себе столетие революции, было равенство — „égalité"; лозунгом мощного потока политического и экономического индивидуализма были слова: „égalité des rangs et des conditions". Небольшая группа мыслителей, которая нас здесь интересует, ввела в эту формулу еще одно слово и

[1]) Principes de tout gouvernement (1768), II, 141—144.—Montesquieu, Lettres persanes, Lett. 104.

[2]) Linguet, Théorie des lois, II, стр. 349.—Его сомнение дальше становится еще сильнее: „Знаменитый философ (Платон) где-то утверждает, что счастливым можно считать лишь то государство, где разделение на „мое и твое" неизвестно. Быть может, утверждение это и правильно, но еще более справедливо то, что подобное государство является химерой". Ibid., стр. 390.

[3]) Ibid., II, стр. 350.

[4]) „Я задаюсь вопросом: почему произвольное учреждение, которого люди могли бы и не создавать, не может быть преобразовано, не нарушая естественного порядка вещей?" Mably, Oeuvres, XI, стр. 5. (Doutes sur l'ordre naturel de la société politique).

тем самым дала обильную пищу для социальной борьбы всему последующему столетию, а, может быть, и ряду других. Это слова „égalité des biens et des *fortunes*".

Если в неравенстве благ видели источник всех бед, то с другой стороны равенство казалось необходимым условием для достижения всеобщего счастья людей. Подтверждением этому служило первобытное состояние и, не в меньшей степени, различные государства из счастливого прошлого. Наибольшие кротость и человечность оказывались при этом у тех народов, которые почти не знали частной собственности [1]; если же углублялись в историю спартанцев и римлян после падения Тарквиниев, то источником их счастья считали равномерное распределение земли [2].

Гельвеций и вместе с ним многие другие были того мнения, что можно со спокойной душой уничтожить половину всех богатств государства, так как при приблизительно равном разделе среди граждан оставшейся половины он останется почти столь же счастливым и могущественным [3].

Так сильна была вера в равенство!

Уничтожить в корне неравенство и создать состояние равенства для всех вот в чем заключалось решение поставленной задачи.

Неравенство благ очевиднее и чувствительнее всего выступало вперед в главном факторе производства того времени, т.-е. в земле.

Как бы ни назывался новый порядок, который надлежало создать, „la république démocratique" (Монтескье)—„l'état naturel" (Мелье, Руссо, Морелли), „heureuse médiocrité des fortunes" (Мабли) или „l'état des mœurs" (Ренан), в основном дело шло об одной и той же проблеме. Нужно было выяснить, каковы должны быть владельческие отношения отдельных индивидуумов и общества к той территории, которую они занимают.

Как мы видели, мнения здесь коренным образом расходились: одни удовлетворял раздел земли, другие требовали земельного коммунизма.

Различен был также и срок, в который разные мыслители надеялись осуществить свой идеал. Преобладала, однако, мысль о более или менее медленной эволюции, при которой преобразование общества должно было совершиться или путем ряда целесообразных мер со стороны государства, или при помощи „sainte violence" законодателя типа Ликурга [4].

Но и у тех, кто считал насильственную революцию необходимой, кроме разве Мелье, все же чувствуется страх перед возможностью ее великих

---

[1] Morelly, Code de la Nature, стр. 162.

[2] Срав. для этого еще Mably, Oeuv. XII, стр. 37—38, 52 и сл., 78 и сл. и 220 и сл. (Le Traité de l'histoire).

[3] Helvetius, De l'homme. Oeuvres. VI, стр. 230—231, прим. 1 и стр. 237.

[4] Dom. Desclampes, La voix de la Raison, i. e. Berruyer, op. cit., стр. 138, 139 и сл.; очень характерно для XVIII века замечание Desclampes'a: „La révolution, безусловно будет иметь своим источником современный философский дух, хотя масса и не будет подозревать об этом", стр. 36—37. Mably, Oeuv. X, стр. 223 (Entretien de Phocion); VIII, стр. 291 (Du gouvernement et des lois de Pologne): XI, стр. 300—301 (Des droits et des devoirs du citoyen).

[5] Morelly, Code de la Nature, стр. 35. „Нет другого средства для исцеления кроме разве великой революции: но последняя может оказаться такой же страшной, как и то зло, которое она призвана исцелить". Rousseau, Lettr. 46 (Réponse au R. de Pologne; см. также!, стр. 116 (Disc. sur l'inég.) и Contr. Soc., liv. II, гл. VIII.— Ср. напротив, Мелье: „Я хотел бы, чтоб мой голос был услышан с одного края государства до другого или, вернее, с одного конца земли до другого. Я закричал бы изо всех сил: вы безумны, о, люди! Не безумие ли верить великим глупостям и без оглядки отдаваться на милость тиранам? Я сказал бы им: недаром так долго терпел над собой иго этих тиранов, полно не пытаться скинуть с себя их позорную власть" Le Testament (Ed. Amst., 1864), III, стр. 372—373.

I. Земледельческое население.

Большинство авторов, наблюдавших в XVIII веке сельскому хозяйству, в скором времени было перенесено и на его представителей—крестьян и сельских рабочих. В них видели не только единственных производителей всех необходимых для жизни продуктов, но считали, что именно эти люди сохраняют в неиспорченной среде культурного мира то, что осталось от первоначальной простоты человечества. Словом, на них смотрели, как на самый полезный и самый благородный элемент всего государственного организма [1].

И все же именно эта часть нации более всего страдала от нищеты: и занятие—обработка земли—до сих пор пользовалось наименьшим уважением среди других сограждан, и из плодов, которые она отвоевала у земли, на ее собственную долю едва приходилось самое необходимое.

„Эти несчастные существа,—восклицает Ленге,—которых мы называем сельскохозяйственными рабочими, не пользуются даже выгодами, даваемыми рабством. Вынужденные вырывать у земли дары, которые для них даже не назначены, влача под всеми государственными тяжестями, подвергаясь всем невзгодам непогоды, отвергнутые, презираемые, они, подобно зверям, не знают иных удовольствий, кроме пищеварения и продолжения рода.

Не знаю, сознают ли они, какой ценой платят за свою свободу, но думается мне, что в рабстве, которое мы считаем варварством, в сущности, не содержится столько варварства, как в том унижении личности, в котором прозябают сейчас, быть может, две трети всего человеческого рода" [2].

Но как же изменить это ужасное положение такой значительной части населения, как, главное, исправить крайне неравномерное распределение благ? К решению этой задачи пытались подойти сначала с отрицательными формулами, а именно: не задаваясь целью отнимать у собственников их богатств, хотели лишить их возможности накоплять их в безмерном количестве: не строя богаделен для бедных,—не ставить каждого гражданина в такие условия, при которых невозможно впасть в бедность [3].

Из этих принципов должны были затем естественно вырасти положительные мероприятия: должны были быть найдены средства разбить огромные владения на небольшие участки, делить большие состояния на все более мелкие части (de diviser et subdivier les fortunes) и этим способом влить свежие жизненные соки во все отвлечения народной жизни [4].

Считали долгом каждого правительства обратить все свое внимание на законы о разделе земли [5]. В создании подобного законодательства отнюдь не

[1]) „... Я могу, без страха быть опровергнутым, утверждать, что бедные работники... являются всюду самой полезной частью общества". Mirabeau, op. cit., стр. 216. „Дети все исходят из земли, то ценней, кто с наибольшим успехом работает над тем, чтоб извлечь из нее продукты, является самым первым членом общества". Ibid, стр. 337.—Mercier, L'an 2440, t. III, стр. 83 и сл., l. c.—Lichtenberger, op. cit., стр. 198.—J.-A. de Luc, Lettres physiques et morales sur les montagnes (à la Haye 1779); см. L'Esprit des Journaux, avril 1779, IV, стр. 18—19.

[2]) Linguet, Hist. du siecle d'Alex. (1762), стр. 228—230.

[3]) Rousseau, Economie politique в Encyclopedie (Ed. Paris, 1755), V, стр. 542.

[4]) Mercier, Tableau de Paris, I, стр. 31—32: „Страна наиболее сильна и независима тогда, когда земля ее производит максимальное количество продукта, иначе говоря, когда страна имеет максимальное количество земледельцев". Rousseau, Projet de Constitution pour la Corse. Oeuvr. et Corresp. inedites par Streckeisen-Moultou. Paris, 1861, стр. 127.

[5]) d'Argenson, Considérations sur le gouvernement de France (1784), стр. 24

видели „платоническую мечту", хотя и не надеялись, что она может быть осуществлена в ближайшем будущем [1].

Весь вопрос заключался в том, как употребить это полезное, но при социальной болезни народов всегда трудно применимое средство [2].

Нам известно, какого рода практические примеры думали найти в аграрных законах и с каким восторгом говорили об их плодотворном влиянии [3]). Но большинство из них носили, несомненно, характер довольно-таки насильственных переворотов, а поэтому Монтескье хотя и считал аграрные законы по существу весьма полезными, все же предостерегал против их применения [4]).

И миролюбивые реформаторы пятидесятых годов XVIII века почти нигде не предлагают внезапной революции путем аграрного закона.

Подымался, правда, вопрос, нельзя ли слить воедино интересы большинства граждан с интересами отечества, если вывести из употребления металлическую монету и произвести равный раздел земли, нельзя ли каждой семье по примеру лакедемонян отвести участок земли соответственно числу ее членов или разбить всю Францию по образцу 30 парагвайских „поселений" на 30 маленьких республик [5]).

Гудар в 1756 году успел даже высчитать, что, при делении всего континента на равные доли, на долю каждого француза пришлось бы $9^1/_2$ мортенов [6]).

Но никто и не помышлял о непосредственном проведении в жизнь подобных пожеланий. Как уже было сказано, сторонники равного раздела земли желали, по возможности, избегнуть всякого быстрого переворота.

Это приводило прежде всего к тому, что подлежащие введению новые аграрные законы не должны были иметь какой-либо обратной силы по отношению к уже существующей частной собственности, и что их действие должно было распространяться лишь на будущее время [7]). Благодаря этому отпадал один из прототипов исторических аграрных законов, единовременный раздел больших комплексов земли, и оставалась лишь другая форма, находившая свое выражение в большем или меньшем ограничении размеров земельной собственности и в мерах, направленных против ее накопления.

---

[1]) „Равное распределение счастья между гражданами предполагает менее неравное распределение национальных богатств. Итак, какое из европейских правительств способно произвести в настоящее время такое распределение. Вряд ли в ближайшем будущем найдется таковое. Однако изменения, совершающиеся повседневно в строе всех государств, во всяком случае доказывают, что возможность такого распределения не есть пустая платоническая химера". Helvétius, De l'homme, Oeuvres VII, стр. 72—75, см. также VII, стр. 14.

[2]) „... Я знаю один лишь способ—увеличить количество собственников и вновь разделить землю. Но произвести этот передел всегда невероятно трудно". Ibid., VI, стр. 201.

[3]) „Все великие законодатели древних народов чувствовали настоятельную необходимость аграрных законов: они предлагали их каждый раз, когда дело доходило до лечения недугов республики; это, может быть,—единственное специфическое средство, которое в состоянии остановить расстройство в области политической и гражданской жизни". Goudart, op. cit., I стр. 41.

[4]) Montesquieu, Esprit des lois, lib. VII, гл. 2, см. также lib. V, гл. 5.

[5]) Helvétius, Ibid., VII, стр. 55—58 и 102.

[6]) Goudart, Les intérêts de la France, I, стр. 13.

[7]) „При простом праве аграрные законы необходимы... Но никакие аграрные законы и никакой закон вообще не может иметь обратной силы: нельзя конфисковать законно приобретенные земли, в каком бы количестве они ни имелись, в силу позднейшего закона, воспрещающего владение сверх определенных размеров". Rousseau, Projet pour la Corse, Oeuvres inéd. par Streckeisen-Moultou, стр. 107—108.

Эти проекты ограничительных социальных законов были направлены против землевладения как различных корпораций, так и отдельных частных лиц.

В то время существовал уже „своего рода аграрный закон", направленный против части корпораций, а именно против духовных орденов и духовенства вообще: королевским декретом от августа 1749 г. им запрещалось приобретать новые земельные владения, „предназначенные природой для поддержания существования семей" [1]: имея в виду этот прецедент, надеялись, что аналогичный закон, распространенный на все корпорации, общины и цехи и даже частных крупных земледельцев, положит конец накоплению больших владений в руках отдельных лиц и приведет к постепенному раздроблению уже существующих комплексов [2]).

Рядом с этими предложениями могут быть поставлены проекты, допускающие владение и приобретение земли лишь до определенной, законом установленной нормы. С этой целью в каждом округе государства должен был быть произведен точный кадастр землевладения: вне пределов своего округа никто не должен был владеть землей, и обмен двух имений, по предложению Руссо, мог быть разрешен только в том случае, если оба они были по своим размерам равновелики, хотя бы и отличались качествами почвы [3]).

Этим путем рассчитывали осуществить контроль над разрешенной законом для каждого нормой земельной собственности, „как это некогда было в Римской республике". Дальнейшие, более обстоятельные предписания и даже указания на разрешаемые законом размеры землевладения в этих предположениях еще совершенно отсутствуют.

Гораздо более подробным и имеющим до известной степени практическое значение для ближайшего будущего был третий вид аграрных законов, занявших по отношению к частной собственности уже довольно решительное положение; я бы назвал их „законами об отчуждении пустующей земли".

Мы видели, как возникновение частной собственности в глазах социальных реформаторов получило, благодаря учению об естественном праве, характер насильственного захвата или печальной необходимости, явившейся результатом лени и испорченности.

Если же, сверх того, за частной собственностью признавали еще известное идеальное правовое обоснование, дающее собственнику возможность считать себя законным владельцем своей земли, то это правовое основание могло заключаться лишь в труде и заботах, прилагаемых им при обрабатывании своего клочка земли. Исходя из этой точки зрения, пришли к заключению, что смысл закона, установившего некогда частную собственность, мог, в

---

[1]) „Мы желаем использовать установившийся мир для того, чтобы ввести все больший и больший порядок во внутреннюю жизнь нашего королевства. Вот почему мы с особенное внимание уделяем тем опасностям, которые связаны с увеличением числа учреждений „мертвой руки". Мы считаем чрезвычайно опасной ту легкость, с какой эти учреждения приобретают земли, от природы предназначенные для существования и сохранения семейств". etc. Isambert, Récueil général des anciennes lois franç. XXII (1830), стр. 226 и след.

[2]) Mably, De la législation. Oeuvres. IX, стр. 144—157; см. также De l'étude de l'histoire: „Легко создать даже такие аграрные законы, которые воспрепятствовали бы жадности поглотить все владения и которые привели бы мало-по-малу к исчезновению всех чудовищных состояний, являющихся вечным источником несправедливостей, неурядиц, тираний и рабства и т. д. Oeuvres, XII, стр. 358—359.—Goudart, Les intérêts de la France (1756), I, стр. 157.

[3]) Goudart, op. cit., I, стр. 105—106.—Rousseau, Projet sur le gouvernement de la Corse, Oeuvr. de Streckeisen-Moulton, стр. 115—116.—Principes de tout gouvernement (1768), I, стр. 97—98.

сущности, заключается лишь в предоставлении прав на обработку земли [1]).

Таким образом обработка земли стала как бы условием частной собственности: земля только до тех пор может считаться неключительной собственностью владельца, пока она, благодаря его труду, дает плоды. При отсутствии этого условия всякие иные притязания должны отпасть [2]: поэтому необрабатываемая земля снова становится достоянием всех людей, подобно плодам, производимым одной природой, без затраты труда со стороны человека, которые согласно естественному праву, должны итти на пропитание всех [3]).

Во Франции в то время имелось еще достаточное количество необработанной земли. С горечью наблюдали, как сотни тысячи сельских жителей погибают в нужде и в нищете, между тем как крупные землевладельцы, „ради своего удовольствия, обращали плодородные земли в леса и пустыни или окружали свои замки широкими аллеями и длинными проспектами" [4]).

Если в обширных провинциях земля не обрабатывалась вследствие беспечности, жадности и невежества, то это объясняли тем, что богатые решили лишить землю ее изначального назначения [5].

Единственное средство сделать эту землю снова полезной для государства, казалось, должно было заключаться в попытке вернуть ее в руки мелких собственников; для достижения этой цели, нужно было, исходя из вышеизложенного, провести следующий принцип: необрабатываемая земля принадлежит тому, кто берется ее обрабатывать!

Этот принцип появился уже раньше, в XVI веке в „Decretale" Рауля Спифама, подложном сборнике законов Генриха II [6]). Исходя из той точки зрения, „что земля бесплодна только тогда, когда ее никто не хочет обрабатывать", Спифам сочинил эдикт, согласно которому необработанная земля принадлежит тому, кто первый возьмет ее во владение [7]. Все 304 эдикта „Decretale" тщательно изучались в XVII веке, и многие из них принимались за действительные указы Генриха II [8]. Этим, быть может, и объясняется распространенное в то время мнение, что во Франции уже существовали указы, действительно дарившие право на занятие необработанной земли [9]).

[1]) Право собственности на землю в том виде, как его у нас понимают, есть не что иное, как предпочтительное право на ее обрабатывание. Я думаю, что ни в одной стране закон, устанавливающий права собственности на землю, не мог рассматривать это право иначе, как простое преимущество тому, кто данную землю обрабатывает.-Principes de la Société (1765), I, стр. 80.—Почти дословное повторение приведенного места мы находим у Mercier, L'an 2440 (Ed. 1786, 3 том), I, стр. 278—279, прим.: „Владеть землей — это значит ее обрабатывать и т. д.".

[2]) Condillac, Histoire ancienne (Oeuvres, Paris 1822—1823, VIII, стр. 141.

[3]) „Всякий необработанный участок земли принадлежит одинаково всем людям: он является естественно общей собственностью, так как природа производит плоды для прокормления всех без различия, когда она производит их без участия человеческого труда". Ibid., стр. 140.—„Всякий необработанный участок является общей собственностью". Holbach, Ecclesiastique ou l'ancienneté fondée sur la nature, стр. 118.

[4]) Gouhart, op. cit., I, стр. 14—15.

[5]) Holbach, loc. cit.—Abbé de Mably, Observations sur la France, 3 rendit ce fameux édit sur les partages communaux (1786), стр. 417.

[6]) И для этого мы находим примеры опять-таки в древней истории: „Аммиан Александрийский сообщает нам о том, что все обработанные земли делились между членами этих коллегий... Необработанные земли давались первому, кто брался их обрабатывать, с условием отдавать ежегодно пятую часть урожая с деревьев" и т. д. Bardot de Habel, Des moeurs et des usages des Romains (1739), стр. 288.

[7]) Mercier, Tableau de Paris (Nouv. édit., 1783), VII, стр. 120.

[8]) Ibid., стр. 116—123.

[9]) „Principes [illegible] (Amsterdam 1765), I, стр. 80.

Словом, права собственности должно было отпрыкаться у каждого, кто не обрабатывал своих земель, так как общество ни в коем случае не могло уступить этого права во вред себе; за каждым, желающим возделывать заброшенные поля, следовало признать право владения на основе труда. Мало того, государство должно было в случае надобности открывать ему кредит, необходимый для возделывания соответствующей его силам площади [1]).

Вот к чему сводятся новые аграрные проекты: того, чего нельзя было достигнуть при их помощи, рассчитывали добиться посредством более справедливых законов о наследстве.

В течение всего XVIII века происходила, как известно, горячая борьба между действовавшим правом первородства и принципом равного раздела наследства.

Ничто, как говорит Гольбах, не являлось большим издевательством над идеей равенства, чем ежедневно повторявшиеся случаи, когда отец во имя интересов одного ребенка должен был жертвовать интересами других детей, или когда братья или сестры оказывались ограбленными перворожденных благодаря „coutumes barbares et injustes“ [2]). Требование равного раздела имущества между всеми наследниками в интересах равенства, т.-е. с целью раздробления крупной земельной собственности, было всеобщим. Хотели, по словам д'Аржансона, осудить на смерть даже завещания и субституции, чтобы поставить на место привилегий рождения преимущества, даваемые делами и заслугами [3]). Поскольку дело шло о разделе земли между правомочными наследниками, эти стремления не выходили из рамок существующих французских законов. Но социальные теоретики требовали более существенных ограничений личного права завещания.

Бусго, основываясь на Пуфендорфе, доказывал, что право собственности по существу своему кончается смертью собственника [4]; из этого вытекает, что не ему, а обществу принадлежит право распоряжаться наследством в интересах всеобщего блага и пользы. Мы отметим здесь только те проекты законов о наследовании, которые имеют в виду содействовать разрешению проблемы равного раздела земли.

Так, например, холостяк не должен был пользоваться правом завещания, и все его достояние должно было поступать в распоряжение общества, или если у него имелись внебрачные дети, перейти к ним [5]); единственная дочь богатого гражданина должна была получать лишь одну треть всего наследства, а остальные две трети должны были идти приемным сыновьям [6]).

Другие, еще более радикальные проекты требовали, чтобы в случае смерти члена малочисленной семьи из его имущества были обеспечены дети более бедной семьи [7]) или чтобы государство после смерти всякого богатого

---

[1]) Montesquieu, Esprit des lois, lib. XXIII, гл. 25.—d'Argenson. Mémoires (Ed. d'Argenson), V, стр. 313.—Idem. Considérations, стр. 25.—Malvaux, Les moyens de détruire la mendicité, etc. (1780), стр. 418—441.

[2]) Holbach. Ethocratie, стр. 121—122.—Монтескье уже в 1721 году говорит: „Дух тщеславия толкнул европейцев создать у себя несправедливое право первородства. Последнее неблагоприятно действует на рост населения, так как переносит внимание отца с всех детей на старшего... Наконец, оно уничтожает равенство граждан, которое так важно для благосостояния народа“ Lettres pers. Lettre 119.

[3]) d'Argenson, Journal et Mémoires (Ed. Rathéry, 1865), VII, стр. 338.

[4]) Rousseau, Статья „Econ. polit.“ в Encyclopédie (1755, Paris), V, стр. 344. Ср. стр. 6.

[5]) Rousseau, Projet pour la Corse, Oeuvres. Streckeisen-Moultou (1861), стр. 116.—d'Argenson, Journal et. Mem. (Ed. Rathery), VII, стр. 337—338.

[6]) Mably, De la législ. Oeuvres. IX, стр. 143.

[7]) Helvetius, De l'homme, Oeuvres. VII, стр. 86, прим. 1.

имущества, приказывал произвести расследование, какими средствами покойный составил себе состояние, и заставлял вернуть беднякам все, что было приобретено незаконным путем [1]).

Все эти идеи не были отчетливо разработаны и зарождались часто под впечатлением минуты. Так, например, аббат Рейналь считает приемлемым закон, который бы в звращал имущество всех умерших в общественный фонд с целью употребить его потом для поддержки бедных и для восстановления приблизительного имущественного равенства между гражданами [2]). Но при этом он продолжает оставаться одним из самых консервативных защитников существующего общественного строя.

Заканчивая обзор проектов, имевших своею целью установление имущественного равенства всех граждан, следует упомянуть еще о некоторых финансовых планах, так как они уже содержат в себе основную идею позднейшего социалистического прогрессивного налога [3]).

Составители этих планов полагали, что если обложить имущество граждан прогрессивным налогом на роскошь [4]), можно будет поменать крупным земельным приобретениям: как только площадь имений превзойдет определенное число моргенов, размеры падающих на них налогов превысят их доходность, и тем самым естественно исчезнет всякий интерес собственника к увеличению своего землевладения [5]).

Во всех рассмотренных до сих пор проектах, хотя при их осуществлении крупное землевладение и должно было претерпеть ряд насильственных мероприятий, дело шло все же не о принципиальной борьбе с правом частной собственности на землю вообще: частная собственность при условии возможно более равномерного распределения земли между всеми семьями должна была, напротив, остаться в силе в качестве основы гражданского общества: на этом равенстве частной собственности рассчитывали впоследствии построить новое здание человеческого счастья.

Обратимся теперь к тем теориям, которые отвергали и объявляли вредной частную собственность вообще, даже при условии ее наилучшего распределения.

2. *Теория аграрного коммунизма.*

Среди людей, стремившихся во второй и третьей четверти XVIII века к социальной реформе, число тех, кто пытался доказать необходимость или по-

---

[1]) Mercier, Tableau de Paris, I, стр. 35.

[2]) Raynal, Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des Européens dans les Deux-Indes. (Ed. de Pau. III), т. IX, кн. XVI, гл. 15.

[3]) Об обстоятельно социалистическом характере прогрессивного налога ср. Fr. de Cernuschi, Economie politique. Impôt progressif в Rev. des Deux-Mondes, II Ser. (1833), стр. 63 и след.

[4]) Mably, Du gouvernement et des lois de Pologne, Oeuvres, VIII стр. 193—194, и De la législ., IX, стр. 135.—136, напоминает (искажая, правда, факты) о римских налогах на роскошь, „от которых большие богатства должны были стать менее необходимыми, а любовь к славе и свободе более живой".

[5]) Helvétius, De l'homme. Oeuvres, VI, стр. 211.—Holbach, Ethocratie, стр. 126.—Самый обстоятельный и наилучшим образом формулированный план прогрессивного налога составил в XVIII веке Граслен в своем „Essai analytique sur la richesse et sur l'impôt" (Londres 1767, in 8°). Сравни I. Desmars, I. I. L. Graslin, un précurseur l'Adam Smith. (Paris, 1920), стр. 129 и сл. и Lichtenberger, op. cit. 315 и сл.—Аналогичную цель преследует другое предложение Гельвеция: „Единственное средство притти на помощь им (не собственникам) состоит в том, чтобы взимать с духовенства налог и употребить полученные таким образом средства на покупку мелких участков: распределяя последние ежегодно среди беднейших семей, можно было бы каждый год увеличивать число владельцев".

лезность почней имевы частной собственности и образования коммунистических общин, было еще очень невелико.

Мелье, Морелли, Депан, Мабли, Ретиф-де-ла-Бретонн и еще несколько неизвестных, вот и все, кого можно назвать [1]).

Как было уже сказано, для представителей коммунизма характерно стремление обеспечить существование каждого отдельного индивида: всякий человек, как бы жалок он ни был душой и телом, явл ется с их точки зрения созданием природы и объектом ее забот.

До тех пор, пока будет существовать „частная собственность, источник всех зол, от которых страдает человечество", они считали невозможным обеспечить пропитание и счастье для каждого человека.

Равный раздел казался им бесполезным, так как от него ничего не останется уже в третьем поколении: с какой стати вообще издавать аграрные законы и законы против роскоши, если „частная собственность неизбежно вызывает всевозможные пороки и извращения с целью уничтожать силой или хитростью мешающие ей законы".

В их глазах моральное зло неразрывно связано с социальным неравенством [2]). Чтобы искоренить и то и другое, необходимо восстановить основные черты истинной сущности человека — „деятельную любовь и развитие разума", на которых можно было бы построить дух общественности (sociabilité) и идею счастья.

„С этой точки зрения, говорит Морелли,—природа распределила силы между всем человеческим родом, даровав отдельным индивидам рода разные доли: но собственность на землю, являющуюся посредником ее даров, она оставила неподеленной. Мир представляет из себя стол, накрытый для всех сотрапезников: стоящие на нем кушанья принадлежат то всем, потому что все чувствуют голод, то немногим, потому что остальные насытились" [3]).

В этих словах находит свое выражение огромная вера всех коммунистов в избыток производительных сил природы, которая, по их мнению, всегда могла бы дать всем достаточное и даже более чем достаточное количество средств для счастливой и привольной жизни, если бы выполнялось необходимое условие: L'unité indivisible des fonds de patrimoine et l'usage commun de ses productions" [4]).

Конечно, это нужно было понимать не в том смысле, что люди могли собирать даваемые землей плоды без всякой затраты труда: наоборот, природа, по их мнению, устроила так, что желания людей всегда несколько превосходят их силы и поэтому побуждают их к непрерывной деятельности. Благодаря

---

[1]) Насколько, впрочем, сильно коммунистически мог чувствовать Руссо, показывает одно место из письма 1751 года, где он называет клеветой то, что ему приписывают владение земельной собственностью. Oeuvres (Paris, 1870), I, стр. 68 и прим. — Весьма характерен также один сатирический диалог Вольтера о Руссо: „А: Вы забыли, что Жан-Жак, один из отцов современной церкви, сказал, что „Первый, кто осмелился огородить и обработать участок земли, стал врагом человеческого рода", что его нужно было бы уничтожить, и что плоды принадлежат всем, а земля никому". *В*: Кто этот Жан-Жак? это, конечно не Иоанн Креститель и не Иоанн Богослов, не Иаков Старший и не Иаков Младший; это, должно быть, какой-нибудь остроумный гуни... или какой-нибудь шутник, захотевший посмеяться над самой серьезной для всего мира вещью" и т. д. Voltaire. Dict. philos. VI, стр. 52—53. (Статья Loi naturelle").

[2]) Mably. Des droits et des devoirs des citoyens. Oeuvres, XI, стр. 378—379. Derselbe. Du vrai système (1771), ... Beaussire. Op. cit., 126—128. Morelly. Code de la Nature, стр. 20—21.

[3]) Testament de J. Meslier (1734—1864). II стр. 222. Morelly. Op. cit., стр. 22[illegible]

...му все должны заниматься или черной работой, или же земледельческими умственным трудом [1].

Только в том случае, если все будут трудиться, и если, сверх того, сообразуясь с условиями природы, каждый сможет черпать из них все необходимое, сообразно своим потребностям, не опасаясь, что другой возьмет больше, чем он, подобно тому, как путешественники, которые утоляют свою жажду из источника, не завидуют тому, кто, страдая более от жары, выпьет большее количество бокалов живительной влаги [2].

То обстоятельство, что оба эти основных принципа, принцип труда и принцип общности имуществ, не заключают в себе никакого противоречия, было доказано с точки зрения коммунистов скотницами, первыми христианами, крестьянскими общинами Оверни, иезуитами Парагвая и даже старыми монашескими орденами [3].

Если и имеет различие выдержало у скотниц 300-летнее испытание, у крестьянских общин более, чем тысячелетнее, то почему нельзя было видеть, что общность имущества обеспечит всему человечеству счастье на многие века [4].

Упрекают ему, что труд заключается, стремящегося к установлению коммунистического рая петь, не оказался безрезультатным, считали самое приближение к нему возможным лишь на основе самой глубокой общности наше счастье и поддержание наших социальных свойств [5].

Если большое число людей ничего пока еще не хочет знать о коммунизме, то ведь больных и жаждущих, которые, ведь более всего страдают от социальных народных бедствий, привести его путем быстрого и радикального переворота на лучшие пастбища [6].

Основой этих надежд между является непоколебимая вера в естественное, необходимое развитие человечества в направлении к лучшему будущему и во все более и более полное торжествование человеческого духа.

Существует, думает Морелли, как в природе, так и в искусстве, как в области физических явлений, так и в области интеллекта и морали определенная точка чистого совершенства („point fixe d'intégrité"), к которой устремляются в своем постепенном развитии все существа.

Так как идея о золотом веке, когда среди людей господствовало полнейшее равенство, является общей почти всем народам, то он полагает, что подобное состояние „первичной невинности" существовало, может быть, в течение нескольких столетий, но существовало бессознательно, а потому было обречено на скорую гибель.

---

[1] M... Code de la nature, ou le véritable esprit de ses lois. Morelly, Basiliade, 1753, I, стр. 1.

[2] Morelly, Naufrage des Isles flottantes ou la Basiliade, 1753, I, стр. 1.

[3] M... Des... sur ... Oeuvr. XI, стр. 1—10. De... Alpes, Lavaux de ... Lausanne, l. c. Bernstein, стр. 27—28. „...Порядок и добрые нравы, царящие в сверенных общинах, древность их домов... доказывают равным образом как доброкачественность их устройства, так и возможность предлагаемой ассоциации. Целые народы, едва вступившие на путь цивилизации и всегда следующие тем же обычаям, дают нашему опыту эти доказательства. Словом, учреждение, существовавшее некогда в течение веков и продолжающее еще существовать почти на наших глазах, не может быть ни невозможным, ни химерическим". Faigniez, Moraves, Encyclopédie (1765), X, стр. 7...

[4] M... Lois. De la législat. naturelle, chapitre IX, стр. 66—67. — Faigniez, 26...

[5] Morelly, Ibid., стр. 47 и 52—54.

[6] Desc... Alpes, l. c. Bernstein, стр. 135—142. „Вовсе не нужно, чтобы стада овец знали, куда им нужно идти, чтобы найти пастбища, и что им нужно делать, чтобы обеспечить себе зимой достаточно, чтобы это знали пастухи" (стр. 135).

следствием этого явилась вырубка и разбой: лишь связанные с ними бедствия научили людей ценить их первичное состояние: тогда они попытались снова приблизиться к этому состоянию при помощи законов, которые были сначала полны всяких недочетов, но потом стали заменяться все лучшими. Несовершенные законы явным образом заменяются и будут заменяться новыми, менее ошибочными, и так дело будет итти до того тех, когда очищенный разум (la raison épurée) приучит себя не заблуждаться более в познании природы и научится беспрекословно отдаваться ее велениям. „В этот счастливый момент разумная тварь приобретет всю полноту морального совершенства, к которому она только способна. Провидение, очевидно, ведет человечество по этой лестнице (законов) к такой высоте" [1]).

Теперь посмотрим, как представляли себе указанный „prochain état" человеческого общества в области аграрных отношений. При этом мы должны иметь в виду, что, если на теориях черного передела сказался интерес эпохи к древним Leges agrariae, то на чисто коммунистические планы оказали сильное влияние утопии, строй иезуитского государства и коммунистические крестьянские общины.

Одно коренное различие делит коммунистические проекты на две группы: оно заключается в их отношении к государственной власти. Одни—Мелье и Мабли—знают лишь небольшие коммунистические общины, которые можно мыслить объединенными в большой мировой союз; другие—Морелли и Ретиф-де-ла-Бретонн—оставляют в своих системах известное место и для „государства", хотя делают это различным образом [2]).

Последовательный коммунизм неизбежно является в своем внутреннем существе демократическим и республиканским [3]). Таков был коммунизм Жана Мелье. При той огромной ненависти, которую накопил в себе в течение всей своей жизни этот бедный священник по отношению ко всему существующему, будь то церковь, королевская власть, сословия или частная собственность, было вполне естественно, что он в своем „Завещании" проповедовал полное искоренение всех этих учреждений [4]).

Его идеал состоял в том, чтобы все жители одного и того же города, местечка, деревни соединили все свое имущество, в первую очередь земельные участки, относились друг к другу, как братья и сестры, и жили вместе в общих жилищах, одинаково питаясь и одеваясь. Земля должна была обрабатываться общим трудом под руководством лиц наименее властолюбивых, и плоды должны были делиться поровну [5]). Руководителей он представлял себе в виде „мудрых и разумных магистратов", очевидно, выборных и сообща мирно и верно управляющих общиной [6]).

[1]) M. r. Hy, Code (Ed. 1755), стр. 126 и 128.

[2]) Мы, к сожалению, ничего не знаем о воззрении Дешана по этому вопросу. Две книги (II и IV) его труда „Le véritable législateur", в которых он хотел разработать далее свой коммунистический идеал, или были им не закончены, или же утеряны. См. Beaussire, op. cit., стр. 43—45.

[3]) Уже Вокнер выражает это в следующих словах: „Демократия могла бы быть лучшим из видов правления. Имущества были бы общими, граждане равными, и законы находились бы в безопасности; но как только в массе воцарится собственность, и частные интересы займут первое место среди членов общества, демократия не сможет на долгое время ни сохранить своих прав, ни поддержать порядка". Beaudeix, L'Anti-Contrat Social (1765), стр. 130.

[4]) См. об этом B. Mühl, „Jean Meslier communiste et révolutionnaire" в „Revue socialiste", VIII (1888).

[5]) Testament de Jean Meslier (Ed. 1864), II, стр. 210—214; 235—237; III, стр. 387.

[6]) Ibidem III, 381.—См. также M. Lot, op. cit. „Руководить центральным правительством и распределение богатств перешло бы не центральному правительству, а неза-

Подобный идеал ставит себе и Мабли. Отвечая своим противникам, которые спрашивают, что за жалкое зрелище будут представлять из себя общества, принудительно сведенные к небольшому числу семей, он в свою очередь с гневом задает вопрос, какую картину представляют из себя существующие государства, отдельные части которых сталкиваются и мешают друг другу, не будучи в состоянии образовать однородное тело: медленный упадок предвещает им верную гибель. Созерцая слабо развитую способность к познанию нашего духа и ограниченность человеческой внимательности, он полагает, что природа учит нас как раз тому, что мы не предназначены образовывать большие государства. „Что может быть смешнее,—говорит он,—чем большие общественные организмы, которые методически заблуждаются, которых никогда не просветляет опыт, которые в надежде исцелить свои страдания делают как раз то, что может только увеличить их" [1].

У этого наиболее последовательного теоретика коммунистического строя мы не находим дальнейшей разработки картины будущего общества и средств для его осуществления, за исключением разве надежды на естественное развитие законов: скорее мы найдем это у Морелли и Ретиф-де-ла-Бретонна.

Уже в 1753 г. в своем изображении государственного строя в „Новых островах" Морелли набросал картину коммунистического общества, во главе которого стоит мудрейший и наиболее благородный в качестве короля [2]. И в дальнейшей разработке своего коммунистического идеала в „Code de la Nature" он продолжает держаться монархии, как той государственной формы, которая обещает наибольшую точность и правильность жизни политического организма [3].

Правда, монархия Мабли имеет мало общего с обычным содержанием этого понятия: назначаемый в пожизненные главы нации выходит из среды начальников провинций, т.-е. лучших руководителей нации, которые в свою очередь выбираются на свои должности путем сложной избирательной системы [4].

Мы не можем здесь излагать тонкое, для практики даже слишком тонкое, построение сенатов и советов, так как они стоят в стороне от нашей задачи. Достаточно будет только упомянуть, что вся нация расчленяется на семьи, трибы, общины и провинции [5], и что в основе каждого деления лежит десятичная система [6].

Интересующие нас аграрные законы нового государства вытекают из трех основных принципов общественного строя Морелли. Эти принципы устанавливают, что:

1. „В обществе ничто не должно принадлежать кому-либо в отдельности и на правах собственности помимо предметов, необходимых для удовлетворения его потребностей, удовольствий и повседневной работы, при чем эти предметы тут же потребляются целиком.

висимым хозяйственным общинам". Rev. Soc., VIII, стр. 151.—Коммунистические общины Мелье впоследствии снова оживают в „Фаланстерах" Фурье. См. G. Adler. Ein vergessener Vorläufer des modernen Socialismus. „Die Gegenwart", т. XXVI (1884), стр. 185.

[1]) Mably, De la législat., Oeuvres, IX, стр. 82—89; см. также IX, стр. 63—64, где он также восхваляет выборных „магистратов".

[2]) Naufrage des isles flottantes ou Basiliade du celebre Pilpaï, poème héroique, trád de l'indien par Mr. M..... à Messine, 1753 (2 т. in 12°).

[3]) Morelly, Code, стр. 102.

[4]) Ibid., „Loix de la forme du gouvernement", стр. 187–195.

[5]) Ibid., „Loix distributives ou économiques (I—III), стр. 173.

[6]) Ibid., IV. „Le nombre dix et les multiples seront les terines de toute division de choses ou de personnes, c'est-à-dire que tous les dénombremens, toute distribution en seront composés de parties décimales", стр. 173—174.

2. Все граждане содержатся и получают работу за счет государства.

3. Взамен каждый из них должен с своей стороны содействовать общему благу соответственно своему возрасту, способностям и силам“ [1]).

Этим самым, разумеется, земля государства объявлялась общим достоянием всех его жителей. Для ее наилучшего использования в новом союзе каждая община получает возможно более закругленный участок. Если доля общины неплодородна, то ее жители посвящают себя ремеслам и снабжаются продовольствием соседними общинами; тем не менее они образуют для содействия обработке соседских полей свой „corps d'agricoles“, так как все граждане без изъятия (за исключением только физически слабых) обязаны в возрасте от 20 до 25 лет работать в сельском хозяйстве [2]).

Эти отряды земледельцев (corps d'agricoles) составляются из представителей всех ремесл и искусств, и каждый по достижении двадцатипятилетнего возраста имеет право снова вернуться к своему прежнему ремеслу, если он не предпочтет остаться верным сельскому хозяйству, пока позволяют ему его силы [3]).

Влияние утопии Томаса Мора явствует из всей структуры этой государственной рабочей машины; напротив, законы, регулирующие у Морелли потребление, указывают на глубокое родство с законами Парагвая.

Как там, так и в государстве будущего Морелли все продукты должны собираться в общественные магазины и оттуда правильно распределяться между гражданами; во внутренних отношениях не должно быть места никакой купле-продаже [4]); отдельные провинции должны снабжать друг друга продовольственными средствами; и если в Парагвае торговлю с испанцами могли вести только иезуиты, то и здесь торговлю излишками земледельческих продуктов с чужими нациями может вести только уполномоченный от государства.

Причина этой меры заключается в опасении, как бы частная собственность не проникла снова каким-либо способом в государство: „Необходимо серьезно позаботиться о том,—гласит закон,—чтобы эта торговля не ввела в государство хотя бы малейшую частную собственность“ [5]).

Законодательство Морелли, следовательно, сохраняя государство в его национальной и территориальной целостности, стремится произвести полный переворот в его внутренних отношениях. Если сравнить с этим коммунистический проект, присоединенный Ретиф-де-ла-Бретоном к его сельскому роману нравов [6]), мы увидим, каким образом оно без затруднений может быть вдвинуто в здание существующего государства. Причина этого кроется в том, что

[1]) Ibid., „Loix fondamentales et sacrées“, стр. 172.

[2]) Ibid., „Loix Agraires“, (I—III) 177—178.

[3]) Ibid., IV, стр. 178.—Несколько уклоняется в этом отношении план, который Морелли развил в одном из примечаний к Базилиаде, в качестве „краткого образца“. „Все сообща обрабатывают землю и собирают урожай и плоды в один и тот же магазин. В промежутке между этими операциями каждый занимается своей частной профессией“, I, стр. 107.

[4]) Ibid., „Loix distributives et économiques“, VI, стр. 174 и сл.—Basiliade, I, стр. 107, примеч.

[5]) Ibidem, XII, стр. 177.—См. также Basiliade, I, стр. 107—108. „7) Эта нация может без всяких затруднений вести торговлю с иностранцами,... при посредстве известного числа своих граждан, которым она передает средства для торговли, и которые доставляют товары общине“. Неверность компессии исключается, „потому что в этой республике не будет существовать ни одного из мотивов, обычно вызывающих неверность“.

[6]) Restif de la Bretonne, „Le paysan perverti etc.“ (La Haye [2]1776 [1]1775, 2 т.)—Самостоятельные планы Рестифа приходятся на 80-е годы.

Ретиф-де-ла-Бретонн копировал учреждение, уже существовавшее в тогдашней Франции: он сам называет семейные общины Оверни прообразом устройства своего „bourg d'Oudun“ [1]).

Его план также носит характер семейного договора, который обязывает членов и потомков дома R . . . . жить вместе, как братья и сестры, под руководством „старших сыновей первого сына“ (fils-aînés de l'Aîné), пока будет иметься достаточное количество земли для пропитания [2]).

Вся семья делится на несколько ветвей (souches), и каждой ветви отводится определенное количество пашни, виноградника и пастбища, обремененное лишь взносом в пользу священника, который не получает земли [3]).

Собранная жатва должна складываться в этой „маленькой Спарте“ в общие амбары и затем употребляться на общественное питание.

Несмотря на эти подходы, Ла-Бретонн не в состоянии провести в его теории более совершенного семейного коммунизма благодаря зависимости от своего прообраза. Правда, как у Пипонов в Оверни, ни один член его семейной общины в пределах общего родового владения не имел права обладать какою-либо частной собственностью в сфере производства и потребления, но сверх этой коллективной собственности, „обеспечивавшей равенство всем участникам в ней“, каждый из них мог обладать также и своей частной наличностью: последняя составлялась из премий за ревностную работу [4]) или из равного распределения доходов от продажи излишнего хлеба. Из этого запаса каждый должен был покупать себе книги, мебель и т. д. и даже мог приобретать *земли, лежащие вне общинных владений семьи* [5]).

Противоречие этого постановления принципам равенства и коммунизма, повидимому, не сознавалось Ретиф-де-ла-Бретонном. Что же касается до его веры в осуществимость своего плана, то он твердо надеялся на то, что коммунистические семьи станут скоро очень многочисленными, „так как их членам не придется более заботиться о пропитании“, и поэтому он считал возможным давать советы, каким образом следует заботиться о своевременном приобретении земли по соседству и как должно основывать новые поселения [6]).

Отношения этих семей к государству складываются, как было уже выше сказано, не иначе, как отношения любого частного хозяйственного общества: они должны были сообща платить подати, исходя из мысли, что государь является их защитником от внешних и внутренних врагов и подобен отцу большой семьи—народа [7]).

Все же в основе плана Ретиф-де-ла-Бретонна лежит мысль постепенно все дальше и дальше распространять коммунистические семейные общины и этим путем сделать всю нацию причастной к счастью равенства и общности имуществ. Эта черта совершенно отпадает в предложениях так называемых „maisons d'association“, о которых мы должны здесь еще упомянуть; здесь дело идет только о том, чтобы показать выгоды коммунистического объединения для более мелких союзов и добиться, по возможности, практических результатов.

---

[1]) Titre, I, 1. „Bourg будет организован по образцу овернских семейных общин“ Le paysan perverti (1776), III, стр. 193.

[2]) Ibid., III, стр. 193—194 (Tit. I, 1).

[3]) Ibid., стр. 194 (Tit. I, 2).—Доля священника должна составлять одну двадцатую. III, стр. 187—188.

[4]) Ibid., стр. 195—196 (Tit. I, 4).

[5]) Ibid., стр. 203 (Tit. V, 30, 32).

[6]) Ibid., стр. 204—205 (Tit. VI, 34—35).

[7]) Ibid., стр. 203 (Tit., III, 365).

Поэтому из них мы приведем лишь несколько пунктов, касающихся аграрного вопроса.

Так *Шамуссе* в своем „Plan d'une maison d'association" развивает проект широкого устройства госпиталей, которые должны были охватить все королевство; государство должно было дать им разрешение взять в свое пользование за очень небольшую плату сроком на 27 лет все необработанные земли, из которых владельцы не извлекали в течение пяти лет никакой пользы, и передавать их для обработки нуждающимся соответственного округа без уплаты налогов и „à moitié profit" [1]).

Гудар требует для этих земель своего рода принудительной ассоциации всех неимущих государства сроком на 6 лет, и подобные же планы выдвигает *Гойон-де-ла-Пломбани*, предлагая устраивать для каждых 30 приходов королевства по одному „maison d'association" [2]).

Не столько государственное попечение, сколько частные соглашения имеют в виду некоторые проекты *Фэге*, *Мерсье* и *Ретиф-де-ла-Бретонна*, о которых мы еще считаем нужным упомянуть. Исходя из беззаботной жизни крестьянских и монастырских общин, они хотели побудить горожан и светских людей объединяться в коммунистические общины, чтобы сообща пользоваться всеми преимуществами общественной жизни и, по возможности, избегать всех темных сторон существующего социального строя [3]).

На этом мы заканчиваем характеристику основных идей теорий аграрного коммунизма и черного передела и планов их проведения в жизнь до 1780 г.; писатели следующего десятилетия, в течение которого началась революция, черпают из этого уже наличного богатства; не прибавляя к нему новых теорий, они все же разрабатывают дальше отдельные части уже имеющихся учений. Однако, главное отличие их от их предшественников состоит во внутреннем духе их больших и малых произведений, почему я и считаю нужным произвести разрез на 1780 г. В то время как до этого года мечтами о счастье, которое дает людям равенство и общность имуществ, занята была, главным образом, спекулятивная философия, с 1780 г. этими идеями завладела политическая мысль, стремясь выковать из них оружие для борьбы с господствующими классами. Если до сих пор тон сочинений был в общем спокойным и объективным, хотя и проникнутым теплым чувством к страдающей части человечества, то теперь он становится резким и исполненным горького чувства по отношению к богатым притеснителям. Стремление к счастью порождает ненависть к предполагаемым виновникам несчастья. Желания, исполнимость которых философская мысль, большею частью со скорбью,

[1]) „Vues d'un citoyen" (Paris, 1757, 1 т. in 12º; Bibl. Nat. Invent. R. 25, 291—292; по Bussière, Etude hist. sur la Rév. du Périgord [1877]. Это произведение принадлежит Chamousset), стр. 205—207.

[2]) Goudart, op. cit. (1756), I, стр. 231—233.—Goyon de la Plombanie. L'Homme en société ou nouvelles vues économiques et politiques (Amsterd, 1763. 2 т. Kgl. Bibl. Berlin Re 1926) lib. 4, ch. II, т. I, стр. 186—262.—Это произведение было переведено также и на немецкий язык: „Der Mensch in der bürgerlichen Gesellschaft". Berlin, 1764: 2 т. in 8º Kgl. Bibl. Berlin, Re 1928.

[3]) Faiguet, art. „Moraves" в энциклопедии (Ed. Neuschât., 1765) X, стр. 705—706.—Retiff de la Bretonne, „La partie carré" в „Nouvel Abélard ou lettres de deux Amants (Neuchât., 1778) III, стр., 283 и сл.—Idem, „Le 20 épouses de 20 associés" в „Les Contemporaines" (Leipzig, 1781), II, стр. 404 и сл.—Mercier, Mon bonnet de nuit (²1784), III, стр. 123 и сл.—В 1790 г. г-жа Ролан также пришла к мысли вместе с несколькими друзьями основать коммунистическую общину. См. A. Rey, Le Naturaliste Bosc (Notes sur mon village, Paris, 1882), стр. 12. Как показывают недавно найденные Cl. Perroud бумаги Ролан, Бриссо сам набросал план этой общины. Un projet de Brissot pour une Association Agricole. La Revolution Française (1902), XLII, стр. 260 и сл.

подвергала сомнению, политическая мысль превратила в требования, которые *должны были* быть исполнены.

Если поэтому в эти годы и не имело места спокойное дальнейшее развитие аграрных теорий, а, напротив, мысли выходили из горячих голов весьма часто в довольно неясном и неоформленном состоянии, то все же вера в эти идеи стала сильнее и активнее. Никто не шевельнул бы даже пальцем для осуществления теории какого-нибудь Мабли, если бы его не воодушевила к тому пламенная вера Бабефа.

Наша дальнейшая задача должна состоять в том, чтобы изобразить черты, характеризующие отношение к земельной собственности, и усиливающуюся резкость нападок на существующий общественный строй в произведениях десятилетия Великой Революции.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Теории черного передела и аграрного коммунизма в произведениях десятилетия 1780—1790.

В 1758 г. Мабли заставляет лорда Стенгопа на возражение, что предлагаемые им Генеральные Штаты не могут быть созваны вследствие того глубокого политического невежества, в котором продолжает оставаться французский народ, отвечать: „В настоящее время, когда мы отнюдь не погрязли в отвратительном невежестве, когда в нашем распоряжении имеется метод исследования и мышления, с помощью которого можно исчерпать все исторические и политические истины, немедленно появятся тысячи брошюр, чтобы просветить общество относительно его интересов [1]).

И, действительно, он оказался прав: как только мысль о новом народном представительстве стала все глубже и глубже занимать французскую нацию, все направления и партии наводнили общество целой литературой брошюр, и во всех областях—политической, религиозной, хозяйственной и социальной—началась ожесточенная борьба мнений и интересов [2]).

С начала 80-х годов число этих брошюр непрерывно растет и в 1787—1790 г. г. доходит до нескольких тысяч [3]): не только Париж был наводнен ими, но этот род литературного движения получил необычайное развитие и в провинции, особенно в Дофинэ и Лангедоке [4]). Своей высшей точки оно достигло во время избирательной борьбы в 1788—1789 г. г.: указ от 25 февраля 1789 года, запретивший опубликование проектов и программ, имел также мало успеха, как и существовавшие законы о цензуре.

Эти брошюры, то носившие юмористический характер, то проникнутые самыми серьезными намерениями, для деревни на „patois“, для городских рабочих на „argot“ предместий и рынков, размножались все в большем количестве, и их влияние было настолько велико, что позволительно было задать вопрос, „смогли ли бы последние выборы в Генеральные Штаты вызвать французскую

---

[1]) Mably, Des droits et du devoirs du citoyen. Oeuvres XI, стр. 453.

[2]) Métra пишет уже в 1782 г. об „этих утверждениях, повторявшихся уже в течение 30 лет почти во всех брошюрах относительно морали, равенства, способности человека к совершенствованию, общности имущества, нерасторжимости брака и т. д.“. См. Lichtenberger, op. cit., стр. 358.

[3]) „... в настоящее время печатают решительно все, и в этой пучине с трудом удерживаются на поверхности лучшие произведения“. Письмо Дюбуа де Фоссе к Бабефу от 25 июня 1787 г. см. Advielle, Correspondance de F. Babeuf avec Dubois de Fosseux (во втором томе: „Histoire de Babeuf et du Babouvisme, 1884), стр. 184.— „Все типографии завалены работой, потому что все хотят использовать свободу печати“. Письмо Бабефа к жене 9 сентября 1789. Advielle, Hist. de Gr. Babeuf I, 63.

[4]) Documents, relatifs à l'histoire de Paris pendant la Revolution, I-re serie, Chassin, Les élections et les cahiers de Paris (1888) I, стр. 33–34. Ниже мы будем цитировать это собрание, как „Documents de Paris“

революцию без этих „feuillistes à deux sols, à six liards", включая сюда и Сиейса, Кондорсе и Мирабо [1]).

Лишь весьма незначительная доля этой огромной массы брошюр содержит в себе враждебные тенденции по отношению к основам существующего общественного строя, и даже в этих немногих брошюрах мы встречаем большею частью только случайные выпады против собственности вне всякой связи с какой-либо цельной системой.

Стремление к политической власти, к религиозному и хозяйственному освобождению образовывали тогда великие течения общественной жизни: правда, все эти течения были только потоками, вышедшими из одного источника, из стремления к свободе и равенству, чтобы вместе направиться широкой дельтой к далекому морю нового общественного порядка. Рукав дельты, который мы теперь собираемся проследить, был еще мал и короток, но уже стремителен в своем течении; особый интерес он приобретает именно потому, что в настоящее время по его расширившемуся руслу несутся почти самые большие волны общественного движения.

Чтобы составить себе ясный обзор общего содержания этого течения, мы откажемся от того, чтобы брать каждого автора в отдельности и анализировать его произведение [2]). Ибо, независимо от того, что это привело бы к бесчисленным повторениям, большинство из этих писателей слишком незначительны для того, чтобы претендовать на особое положение.

Наиболее значительными личностями из них были глубоко убежденный и сильный Бабеф, цинический и красноречивый Марешаль, пылкий Госселен, бурный Буассель, поверхностный Ла Бретонн и позднее ставший якобинцем Фоше [3]).

Сила их идей двигала вперед все течение.

---

[1]) Ibid., I, стр. 473—475. Издание брошюр продолжалось еще после 1789 г., хотя они и потеряли свое значение по сравнению с газетами, которые стали тогда издаваться в более крупных размерах. Ш. де-Ламетт сказал в заседании 12 января 1791 г.: „Один парижский книготорговец заявил мне, что, не зарабатывая ничего на печатании хороших произведений, он решился издавать брошюры и что его станки выпускают ежедневно до 20.000 экземпляров. Очень мало типографов, которые выпускают меньше". Moniteur (reimpr., 1860), III, стр. 115.

[2]) Lichtenberger в своей книге „Le Socialisme et la Revolution" (Paris, 1899 есть русский перевод Лихтенберже. Социализм и французская революция), стр. 31—57, попытался сделать это по отношению к большей части упомянутых здесь брошюр. Что же касается до его плана „дать одновременно с историей социализма возможно более полный перечень носящих более или менее социалистический характер произведений и фактов Французской Революции" (ibid, стр. 2), то он выполнен скорее в его второй части. Все же нельзя не поблагодарить автора за обилие данных.

[3]) При рассмотрении мест рождения писателей, проповедывавших до Французской революции аграрный коммунизм или земельный передел, может быть установлен факт, весьма интересный с точки зрения этнической психологии. Если соединить линией самые южные из этих пунктов, то она пройдет через Монконтур (Бретань)—Шартр—Шатильон-на-Сене (Бургундия)—Гренобль, и остальные будут находиться почти все севернее или восточнее этой линии, то-есть в областях, где несомненно преобладает германский элемент. Родились: Фегэ в Монконтуре, Плуко в Бейо, Госселен в Каене, Бонвиль в Эврё, Бриссо в Варвиле, Марешаль, Мерсье и Гельвеций в Париже, Обер де-Витри в Шельо (около Парижа), Деверите в Аббевиле, Бабеф в С.-Кентене (родине Кондорсе, недалеко от Нейона и Арраса, городов Кальвина и Робеспьера), Мелье в Мазерни (Арденнский деп.), Ленгэ в Реймсе, Морелли в Витри-ле-Франсуа (деп. Марны), Рестиф-де-ла-Бретонн в Саси (деп. Марны), Андре в Лигевиле (Вогезы), Ламбер в Шатильон-сюр-Сен, Шапюи в Салене, Марат в Невшателе (прусском!), Мабли и Кондильяк в Гренобле, Руссо в Женеве. Южнее этой линии только Буассель в Жуаё (Вивараз) и Фоше в Дорне (деп. Ньевр). Родина Дешана неизвестна, вероятно, однако, Рени в Бретани: см. Beaussire, op. cit., стр. 4.

I. Критика существующего порядка.

Когда мы от изучения философских произведений XVIII века переходим к разбору сочинений революционной эпохи, резко бросается в глаза одно обстоятельство, а именно, что нападки на существующий порядок становятся, я сказал бы, более личными. Если до этого момента упреки направлялись, главным образом, на „имущественное неравенство", на „гибельные сословные различия", на „монархический государственный принцип" *вообще*, то, начиная приблизительно с 1780 года, удары стали обращаться все больше и больше на „богатых, дворянство, клир и королей", на имущих и властвующих в самой Франции.

Слова „леность" и „себялюбие" стали неразрывно связанными с именами богатых землевладельцев и капиталистов. Их обвиняли в том, что они вполне сознательно стремятся свалить все социальное бремя („le fardeaux social") на бедных и только по отношению к последним применяют законы во всей их строгости; ибо, когда отечество находилось в опасности, бедняк должен был отправляться на чужбину воевать с людьми, „которых он не знал и которые его ничем не обидели"; ему приходилось выносить на себе всякое повышение цен на съестные припасы, но ни одному богачу не приходило в голову повысить его заработную плату [1]).

Для того, „кто был достаточно близок к жилищам несчастных, кто являлся свидетелем их страданий" казалось, что из всех богов остался только один бог, бог, разрешающий своим последователям все без угрызений совести, не нашедший до сих пор ни одного, кто бы не уверовал в него: „Преклоните ваши колени, смертные!" восклицает, глумясь, Марешаль: „Бог этот—золото!" [2]). Далее он изображает в своих пламенных псалмах богатых сибаритов: „у них нет жалости, а сердца их из камня" [3]) и громовыми словами возвещает им, что карающее небо скоро низвергнет с постов несправедливых управителей [4]).

Та огромная противоположность социальных интересов между имущими и неимущими, которую французская революция вскоре должна была выдвинуть на передний план общественной борьбы, впервые была резко поставлена в брошюрах, появившихся в течение нашего десятилетия; уже тогда были посеяны в сердцах семена, из которых в последующие десятилетия так пышно выросла ожесточенная ненависть этих противников друг к другу [5]).

---

[1]) Brissot, Théorie de loix criminelles (1781, 2 т. in 8), стр. XIV, пр.—Mercier, Tableau de Paris (1781), I, стр. 60—75 и 85—88.

[2]) Sylvain Maréchal, Fragment d'un poeme moral sur Dieu (à Athènes l'an I-ier du règne de la raison 1781; Bibl. Nat. Invent. Y. e. 27266), стр. 28 и 51.—Также и Mercier, Mon bonnet de nuit (1784): „Земля, бывшая моим печальным жилищем, оглашается криками и стонами: там ничтожное меньшинство притесняет огромное большинство; демон собственности заражает всех, к кому он прикасается. Богом является там золото, и на алтарях приносят в жертву любовь, человечность, самые ценные добродетели". II, 197—198.

[3]) Maréchal, Livre echappé au deluge ou Pseaumes nouvellement découverts; composés dans la langue primitive par S. Ar.-Lamech de la famille patriarchale de Noë; translaté en français par P. Laheheram parisi-politain (A. Sirapou à Paris chez l'editeur P. Sylvain Maréchal; l'an de l'ère Vulgaire 1784; 1 т. in 12°, Bibl. Nat. Invent. D. 2/9194), стр. 2—5.

[4]) Ibid., стр. 35—36 и 87.

[5]) „...отсюда (из этой жадности, которая не позволяет ни на минуту чувствовать себя удовлетворенным своим настоящим положением) ведет свое происхождение неравенство имуществ, чинов, положений, которое делит мир на *два больших класса*, бедных и богатых, собственников и неимущих". Ch. R. Gosselin, Reflections d'un citoyen adressés au Notables sur la question proposée par M. ... ran ... ol

Тогда получила широкое распространение мысль, что только немногие собственники могут, благодаря драгоценным привилегиям, наслаждаться радостью, здоровьем и счастьем и окружить себя всем, что украшает жизнь и смягчает природные страдания [1]). При этом думали, что число земельных собственников убывает с каждым днем, и вследствие этого Франция постепенно превращается в большую богадельню для бедных [2]). Нечего удивляться поэтому, что в крупной собственности видели общественный бич („fleau public"), благодаря которому из 25 миллионов жителей возлюбленного отечества „по крайней мере 18 миллионов умирают с голода" [3]). Нечего удивляться, если ненависть обращалась на тех, кто монополизировал в своих руках всю землю; кто обратил эту землю в рабское состояние после того, как люди давно уже освободились от рабства [4]): „на этих 6000 деспотов, которые всегда единодушны, когда дело идет о том, чтобы сделать что-нибудь злое, и никогда не могут столковаться, если нужно сделать что-нибудь хорошее", и которые мешают даже верховному вождю привести его народ в царство естественного равенства и свободы [5]).

Так возбуждалась ненависть к „врагам народа и нации", к дворянству, духовенству и вообще к крупным землевладельцам. Приравнивали, как в сожженной перед Парламентом брошюре „La Passion, la Mort et la Ressurrection". народ („les plebéiens") к Христу, дворянство—к фарисеям, духовенство—к первосвященникам, и с пламенными словами призывали народ потребовать, наконец, отчета у этих тиранов, которые, расхитив его достояние, стали торговать и его добродетелью [6]). Пока они не пожелают нести общественного бремени вместе с другими, их следует рассматривать не как членов нации, а как ее противников [7]). Начинает все громче и громче разда-

---

Et quoi consiste le bonheur des peuples et quels sont les moyens de le procurer? etc. (Paris, 1787, in 8°, Bibl. Nat. L. 39b 6302), стр. 9—11.—„При всяком делении, тройном, как во Франции, или четверном, как в Швеции, всегда существуют и будут существовать лишь *два действительно отличающихся друг от друга класса*, собственников и несобственников, из которых первые обладают всем, а вторые—ничем". Lambert, Cahier des pauvres (Paris, 1789, in 8°; Bibl. Nat. L b. 39/1588), стр. 12—13

[1]) Mercier. Tableau de Paris I, стр. 19.

[2]) „Количество собственников с каждым днем уменьшается... если не принять справедливых и быстрых мер, это обширное государство превратится в конце концов в большую богадельню". Lambert, Précis de vues generales en faveur de ceux qui n'ont rien pour mettre sous la sauvegarde de la bienfaisance publique" (Lons-le-Saunier, 1789 [22 janv.]; Bibl. Nat. L b. 39/6878), стр. 13.—Restif de la Bretonne, „Le Tesmographe ou idées d'un honnête homme sur un projet de reglement proposé à toutes les nations de l'Europe, pour operer une reforme generale des loix" (à la Haye et a Paris, 1789, in 8°; Bibl. Nat. Invent. R 24072), стр. 84.

[3]) Dufourny de Villiers, Cahier du quatrième Ordre celui des pauvres journaliers, des infirmes, des indigents etc. L'ordre sacré des infortunés (№ I, 25 avril, 1789 30 pp. in 8°) Kgl. Bibl. Berl. Pièces curieuses et rares, I, 29; R. 3610) стр. 17.—Aubert le Vitry, Quatre cris d'un patriote à la Nation (1789; Bibl. Nat. L. b. 39/7664), стр. 10.—La colère du Père Duchêne à l'aspect des abus: Documents de Paris, II, стр. 586—587.

[4]) Déveritè, La vie et les doleances d'un Pauvre-Diable pour servir de ce qu'on voudra aux prochains Etats-Généraux (2 ed., 1789, 140 стр., Bibl. Nat. L. b. 39/922) Chap. II, стр. 15—27.

[5]) La passion, la Mort et la Ressurection du peuple (à Jerusalem, 1789, 23 стр., in 8°; Bibl. Nat. L. b. 39/1077), стр. 13.—Noillac, Le plus fort de pamphlets, L'ordre de Paysans aux Etats-Généraux (26 févr. 1789; Bibl. Nat. L. b. 39/1235), стр. 38—39.

[6]) Bonneville, Le tribun du peuple; Letire I à la Nation Française (Kgl. Bibl. Berl. Pieces cur. et rar. II, 25; R. 3611), стр. 8.

[7]) „De la Différence... ou principes radicaux de la Constitution" (1789; Kgl. Bibl. Berl. Bibl. L. 3) стр. 6.

ваться клич о полном уничтожении этих „остатков анархии" („ces restes de l'anarchie"): ведь опыт всех веков учил тому, что корпорации всегда вызывали в государствах только раскол и борьбу интересов и приводили народы к гибели [1]). Надеялись, что теперь-то ступающая медленным шагом справедливость наций извлечет, наконец, из ножен свой карающий меч против представителей всяческого неравенства, и что тем, кто до сих пор презрительно обзывал простой народ словом „canaille", можно будет доказать, что этого названия заслуживают живущие за счет народа и жиреющие от его трудов бездельники [2]).

Эти веские нападки на имущих и особенно на высшие сословия в скором времени распространились и на личность самого короля; ведь некто иной, как он, поддерживал „согласно прекрасным принципам Макиавелли" весь этот гибельный строй, награждая придворных всеми преимуществами, чтобы сохранить их вокруг себя в качестве верных слуг [3]). Из учений естественного права было известно, что права короны и право частной собственности покоились на одном и том же противном справедливости основании и что с уничтожением одного должно было пасть и другое [4]); и так как частная собственность была найдена несправедливой и бесполезной, то и монархию стали уже по временам находить несовместимой с новым равенством, на наступление которого надеялись [5]). Ибо при господстве тиранов на земле нельзя было найти ни одного уголка, который мог бы послужить убежищем для свободы, и напрасна была надежда „хоть на мгновение воспользоваться своими правами человека" прежде, чем придется лечь в могилу [6]). Сильвэн Мареналь шел в своей ненависти к монархии так далеко, что проповедывал право открытого возмущения против власти королей и тиранов [7]). По его мнению, они обязаны давать отчет самому последнему из смертных, так как свой скипетр они получают не от неба, а только от народа; их права для него

[1]) Condorcet, Notes sur Voltaire (1789), oeuvres compl. (1847—1849), IV, стр. 490—491; François Boissel, Le catéchisme du genre humain pour l'éducation sociale, suivant le véritable ordre moral (1789, mai, 206 p. p. in 8°; Bibl. Nat. L. b 39/8072), стр. 127.

[2]) Aubert de Vitry, Les quatre cris d'un patriote, стр. 7. — Sénac de Meilhan, Considérations sur la richesse et sur le luxe (Paris, 1787 in 8°; Bibl. St. Geneviève R. 963 ca) Ch. XVII, стр. 154 и сл.—Avis aux Parisiens et appel de toutes convocations d'Etats-Généraux (1789), см. Chassin, op. cit., стр. 157.

[3]) „Искусство наживать состояние было искусством придворных. Король использовал эту склонность нации, столь полезную для увеличения его власти; он вырывал у народа все золото, чтобы дать его своим придворным, превратившимся в усердных слуг". Mercier, Tableau I (1781) стр. 18.—Les droits du Peuple (1788, 22 стр., in 8°; Bibl. Nat. L b. 39/698), стр. 13—20.

[4]) „Так как право частной собственности и права всех государей имеют одну и ту же основу, то пусть собственники знают, что они не смогут поколебать и ниспровергнуть прав ни одного из современных государей без того, чтобы не похоронить под его развалинами и то право, к которому они так ревниво относятся, свое право частной собственности". Leroy de Barincourt, La Monarchie parfaite (Geneviève et Paris, 1789, 292 стр. in 8°; Bibl. Nat. L. 39/61296), стр. 55, см. также и стр. 66: Seconde partie: „Faire connaître les causes du discredit, où paraît être en France la constitution monarchique".

[5]) „Нет истинной республики без равенства. Однако, странная вещь, хотят иметь республику, но не хотят равенства". Gosselin, Reflexion (1787), стр. 46, note h.—Lettre de Babeuf à Dubois de Fosseux du 8 juillet 1787. Advielle, стр. 195.—Condorcet, Notes sur Voltaire, Oeuv. IV, стр. 393 и 489—502.

[6]) Maréchal, Livre échappé (1784), стр. 86.

[7]) Idem, Fragment (1781), стр. 60 и Livre échappé (1784), Pseaume 28 „Des sociétés", стр. 79—81.—Также и „Droits du Peuple: „Несчастный государь... бойся, как бы постоянные вымогательства не пробудили бы в умах французов воспоминания о

священны лишь до тех пор, пока народ счастлив; если короли обращаются с народом дурно, то, отчаявшись, он должен поднять свою руку на их священные головы, сорвать короны и восстановить себя в своих старых правах.

„Наступит день,—восклицает он,—когда вы, монархи, без свиты, лишенные вашего легкомысленного великолепия, сами будете призваны на суд законов: народы станут судьями своих королей“ [1]). Так пророчески предвещает он падение „колеблющихся тронов“ и насмешливо заявляет, что люди могут обойтись даже без хороших королей [2]).

Эти враждебные государству тенденции могут быть прослежены еще дальше в 80-х годах, но я, думается мне, уже в достаточной степени охарактеризовал их, чтобы показать, насколько ожесточеннее стало отношение к существующему положению вещей.

Идея обнищания неимущих классов, которая, как мы уже видели, выплыла около середины века, стала под влиянием этих впечатлений разрисовываться в еще более мрачных тонах: на само общество, никогда в достаточной степени не заботившееся об общем пропитании, стали возлагать ответственность за то, что бедные в скором времени смогут обратиться к самым дерзким преступлениям и потребуют раздела земли [3]). „Каждый несчастный, который восходит на эшафот,—говорит Мерсье,—кажется мне обвинителем богатого“ [4]).

С точки зрения господствовавших тогда идей физиократов относительно хозяйственных преимуществ крупного землевладения, скоро, казалось, должен был исчезнуть последний мелкий крестьянин: где был в таком случае предел могущества крупных землевладельцев? Не следовало ли опасаться, что через некоторое время закон запретит иметь меньше, чем 7—8 моргенов земли, или что поденщик, имевший несчастье родиться таковым, будет принужден неизменно оставаться в этом жалком состоянии [5])? Систематическое обнищание сельского населения, как освященный государством закон! Эта мысль по своей безотрадности действительно могла заставить ее автора воскликнуть: „Горе! Я дрожу при мысли о жалкой участи, которая ожидает „le pauvre diable“!“

Но чем больше возникало подобных опасений, тем с большим, естественно, ударением начинали говорить о важности сохранить бедняка и прежде всего сельского рабочего; при этом вспоминали слова, приписываемые одному из китайских богдыханов: „Если в нашем государстве имеется человек, не

первом из твоего рода (Примечание: „Все знают, что Гуго Капет был простым узурпатором“...) ...разве естественное право не уполномочивает нас прогнать наших наемников, когда они плохо нам служат“. Doc. de Paris, I, стр. 12—13.

[1]) Fragment, стр. 64.

[2]) Livre échappé, стр. 18 и 48—49 (Psaume 18 „Contre les rois orgueilleux et aussi contre la royauté)—Дальнейшие нападки на королевскую власть см. в его „Apologues modernes à l'usage d'un Dauphin (Bruxelles, 1788, 118 стр., in 8°; эпиграф: „Женщинам и королям нужно говорить аполог иями“; Bibl. Nat. V². 7552). стр. 30—31 и 39.

[3]) Mercier, Tableau de Paris (1781), II, стр. 95—96.—Gosselin, Reflexions d'un citoyen (1787), стр. 12.

[4]) Mercier, ibid.

[5]) Déveritè, La vie et les doleances d'un pauvre diable (1789), стр. 125—126. Об эксплоатации промышленных рабочих Dufourny de Villiers говорит: „Я спрошу, наконец, депутатов торговых городов, не вынуждены ли промышленники получать свою прибыль из разницы, образуемой ценами сырья и ценами готовых продуктов, продаваемых потребителям, не заняты ли они непрерывно тем, что стесняют рабочего, исчисляют его силу, его пот, его радости и печали, его жизнь и т. д.“. Cahier du IV Ordre, стр. 14—15.

обрабатывающий землю,... то должен где-нибудь найтись другой, который работает вдвойне, или такой, которому недостает пищи или одежды“ [1]).

Самым священным для человечества вскоре было объявлено уже не качество, а количество: „сила, производительная основа и вечная опора всего существующего“ заключается в массе [2]). С этой точки зрения сто честных рабочих имеют, конечно, гораздо бо́льшую ценность, чем один богатый землевладелец: они ведь обогащают последнего и поддерживают его состояние, между тем как он способен лишь наслаждаться, да и эту способность он быстро истощает благодаря эксцессам. Мало того, десять, даже два человека всегда значат больше, чем один. С тем бо́льшим ожесточением указывалось на то, что соотношение имущих к неимущим тем не менее превосходит отношение одного к сто [3]).

Святость числа, как всегда, явилась тогда первым и лучшим оружием пролетариата. Но простое провозглашение наличности большей численности бедных не удовлетворяло: хотели иметь правовое обоснование этого факта, и оно было найдено в мысли, которая, как мы уже видели, выступала до 1780 г. у коммунистов резче, чем у сторонников черного передела: каждому индивиду общество должно гарантировать его пропитание! „La première loi est qu'il faut vivre“ [4]).

Все должны служить гарантией для каждого отдельного человека [5]): поддержание человека является священнейшей задачей общественного порядка, пробным камнем для каждого социального строя: все, что направлено на эту задачу, справедливо и хорошо; то, что не имеет никакого отношения к ней — безразлично, все же, что мешает ей, не только дурно, но бесчеловечно, противозаконно, несправедливо. Ибо, говорит Ламбер, землю пашут не деньги и не дворянские грамоты, а люди; обеспечение им самого необходимого является поэтому не благодеянием, а только справедливостью [6]). Снова были исследованы причины, приведшие к образованию гражданского общества, и было найдено бессмысленным верить в то, что оно возникло для защиты собственников [7]): напротив, задача общества должна сводиться к тому, чтобы восполнить собственность для тех, кто чувствовал недостаток к ней. В том же случае, когда допускали возникновение частной собственности путем общественного договора, в ней видели лишь „modification ambulatoire et versatile“ [8]). Во всяком случае, настоящей причиной образования человеческого общества было стремление к сохранению и пропитанию, представляющим, следовательно, из себя награду за ту жертву, которую принес каждый из вступивших в договор, согласившись на

[1]) Restif de la Bretonne, L'Andropographe ou idées d'un Honnête Homme (a la Haye, 1782; Bibl. Nat. Inv. R. 34071), стр. 29.

[2]) „Толпа, масса образует сущность человеческого рода; она составляет нации, образует их мощь, является силой, производящей все богатства, неизменной опорой всего существующего“ и т. д. L'élection des députés de la ville de Paris (1788—89; Bibl. Nat. L. l. 23/89), стр. 18.

[3]) Ibid., стр. 19.

[4]) Mercier, Tableau (1781), II, стр. 94. „...так, чтобы никто на всем протяжении государства не ощущал недостатка в необходимом и в источниках существования; вот безусловная обязанность законодательства“. Fauchet, De la religion nat. 1789, 3 т., in 8°; Bibl. Nat. L. b. 39/1763), стр. 217.

[5]) Boissel, Adresse de l'auteur du catechisme du genre humain aux utiles et vrais représentants de la nation française (1789, Bibl. Nat. L. b. 39/2245), стр. 7.

[6]) Lambert, Précis de vues générales en faveur de ceux qui n'ont rien (1789), стр. 6—7.

[7]) Dufourny de Villiers, Cahier du 4-e Ordre (1789), стр. 10.

[8]) Guffroy, Le Tocsin sur la permanence etc. (Paris, 1789; Kgl. Bibl. Brit. Pièces curr. et rar. VI, 10; R. 3615), стр. 74.

ограничение собственных прав в пользу целого. „Le besoin de chacun“.— вот то право, на основании которого каждый мог требовать своей доли [1]).

Таким образом, в существующем государстве каждому работнику должно быть обеспечено его существование и пропитание [2]): это в принципе означает не что иное, как то, что главной целью и вообще необходимой основой общества должна быть защита и поддержка слабого и нуждающегося [3]). Бабеф, напр., делает отсюда чрезвычайно последовательный вывод, что даже в том случае, если, как утверждают некоторые, силы и способности человека не равны, задача общественного договора должна состоять в том, чтобы запретить человеку пользоваться несправедливыми законами природы и заставить его делиться всем с братьями [4]).

Но этого „истинного Contrat Social“ в действительности не существовало; вся окружающая жизнь стояла к нему в полном противоречии: бедный был лишен всех своих имуществ и прав; все было отдано тому, который уже обладал многим; люди, так сказать, исчезли, и остались только вещи. Широкие массы народа деградировали до положения „hommes disponibles“, которое заставляло их из-за заработной платы, едва хватавшей на кусок хлеба, отдавать богатому землевладельцу свое время, силы и даже здоровье. Несмотря на это, никому не приходило в голову предложить законы, соответствующие истинным задачам общества [5]).

Поэтому хотели заставить народ вспомнить об его неотчуждаемых правах, чтобы он сам мог потребовать восстановления первоначального равенства, если богатые будут попрежнему отказываться от оказания почетной помощи бедным, которая бы спасла их от возврата к нищете [6]). Гражданин, которому общество не приходит на помощь в его нищете и отчаянии, *возвращается в естественное состояние* и получает право вернуть себе с оружием в руках те преимущества, от которых он мог отказаться лишь при условии получения больших выгод [7]).

---

[1]) „ ... Общество обязано дать обеспеченное существование тем из своих членов, которые не имеют никакой собственности и труд которых едва удовлетворяет их нужды... Это—цена той жертвы, которую они принесли, отказавшись от своих общих прав на продукты земли“. Marat, La constitution ou projet de la déclaration des droits de l'homme et du citoyen, suivi d'un plan de constitution sage et libre, par l'auteur de l'Offrande à la Patrie (Paris, 1789, 67 стр., in 8°; Bibl. Nat. L. b. 39/7221), стр. 14.—Guffroy, ibid., стр. 74.—Second, Essai sur les droits des hommes, des citoyens et des nations (1789, 60 стр., in 8°; Bibl. Nat. L. b. 39/2260), стр. 35.

[2]) Lambert, Cahier des pauvres (1789), стр. 4.—Gosselin, Reflexions d'un citoyen (1787), стр. 66.—Le cri générale de 1789 (² 1789), стр. 10—13.

[3]) „Очевидно, что главной целью, необходимым условием существования общества была защита и сохранение слабых и нуждающихся“. Dufourny de Villiers, Cahier du 4 Ordre (1789 avril), стр. 11.

[4]) Babeuf et Audifred, Le cadastre perpétuel (Paris l'an 1789 et le premier de la liberté français; 1 t., in 8°, XLVI + 192 стр.; Bibl. Nat. Invent. R. 27322; это произведение является перепечаткой циркулировавшей с 1787 г. рукописи; см. Avis de l'éditeur, стр. IX). Discours préliminaire, стр. XXVI—XXVII.—Также, но слабее, Marat, La Constitution (1789), стр. 13.

[5]) Second, Essai sur les droits des Hommes (1789), стр. 39.—Dufourny de Villiers, Cahier du 4 Ordre, стр. 18 и сл.—Lambert, Cahier des Pauvres, стр. 14.

[6]) „ .... мы стремимся доказать, что все, кто впал в нищету, имеют право потребовать восстановления первоначального равенства, если богатство будет упорствовать в отказе от оказания им помощи, приличествующей равным, помощи, которая не позволила бы этим равным снова впасть в возмутительную бедность, в состояние, до которого довело их накопившееся в течение предшествовавших веков зло“. Babeuf, Cadastre perpétuel, Disc. prélim., стр. XXXIV.

[7]) „ ... всякая власть, которая противится этому, является тиранической“, продолжает Марат, следуя этой странной цепи доказательств: „и судья, который осуждает его (борца за справедливость) на смерть, только жалкий убийца“. La Con-

II. Предложения и требования нового общественного строя.

Обратимся теперь к практическим пожеланиям, так как все общие требования обеспечить пропитание и „строй, который бы гарантировал трудящемуся жизнь и пищу“ [1]), представляют из себя до известной степени только форму, лишенную содержания: требования, имеющие в виду отдельного индивида, не имели никакой цены, пока они не принимали общественного характера: должно было установиться такое взаимоотношение между обществом и индивидом, которое обнимало бы взаимные услуги обеих сторон. Такое соотношение было найдено прежде всего в „праве на труд“.

В труде кроются источники, необходимые для сохранения как отдельного индивида, так и всего человеческого рода: поэтому долг личности—трудиться по мере своих сил, долг общества—доставить каждому работу. У рабочего, повторяют ту же мысль брошюры, нет другой собственности, кроме его собственных рук. Эта собственность, самая священная из всех („cette propriété la plus sacrée de toutes“), должна, по крайней мере, всегда пользоваться уважением, и государство должно озаботиться о том, чтобы к услугам ее носителей были всегда готовые мастерские [2]).

Мы не можем входить здесь в разбор различных предложений, стремившихся обеспечить право на труд путем устройства различных „Ateliers de travail“ или „de charité“, „commun régime de soin et de surveillance“ или „caisse nationale pour les subsistances de pauvres“ [3]).

По мысли их авторов, подобные учреждения должны были являться в большей или меньшей степени лишь паллиативными средствами, пока счастливая конституция не вернет „истинного царства нравственности и законов“, и справедливого распределения благ и счастья, а человечество не перестанет страдать от золота и жестокосердия богатых [4]).

Ибо окончательное разрешение вопроса о пропитании и о праве на труд казалось социальным реформаторам и этого десятилетия недостижимым на основе существующего общественного строя или, по крайней мере, на почве действующего законодательства. Они, как и их предшественники, думали, что первые причины этого вопроса следует искать в самом возникновении существующего гражданского порядка.

---

stitution (1789), стр. 15.—См. также ibidem, стр. 8: „чтобы сохранить свою жизнь человек в праве покуситься на собственность, даже на жизнь ему подобных“.

[1]) Lambert, Cahier des pauvres, стр. 15—16.

[2]) Fauchet, De la religion nationale (Paris 1789), стр. 217.—Aubert de Vitry, Les quatre cris d'un patriote, стр. 12.—Gosselin, Reflexions, стр. 17.—Теория о священном праве на труд встречается, как известно, также у физиократов и у Адама Смита. Объем настоящей работы не позволяет, к сожалению, проследить ее последние корни.

[3]) Наиболее подробный план находится у Фоше, op. cit., стр. 217—221; он требовал устройства маленькой мастерской для каждого прихода, средней—для каждого округа, крупной—для каждой провинции.—Lambert, Cahier des pauvres, стр. 4—5.—Babeuf, Cadastre perpétuel, Discours prél., стр. XXIV и др.—Мастерские, впрочем, имели своим прототипом учреждения старого порядка, не имевшие, правда, никакого успеха. В Наказах мы также встречаем многочисленные пожелания устройства „ateliers de Travail“, напр.: Ch. de Domfront, art. 20, Arch. Parl. I, стр. 724. Ch. d'Angoulême, art. 27; Ch. de la nobl. d'Artois, art. 4; Ch. du Tiers-Etat Juvénne, cap. Mendicité et ateliers de charité, A. стр. II; стр. 17, 83, 404; Ch. du Tiers-Etat d'Etampes, ch. VIII, art. 9; Ch. de la Noblesse de Digne, art. 86; du Clergé de Melun et Moret, art. 24, A. стр. III, стр. 289, 355, 736; Ch. de la paroisse de Bruyère-le-Châtel, art. 5; A. стр. 381;—Ch. du Baillage royale de Cusset, art. 12; Ch. du Clergé de Sézanne et Châtillon, chap. II, art. 6; A. стр. V, 644, 766 и т. д.

[4]) Aubert de Vitry, Les quatre cris, стр. 11.

Таким образом в брошюрах 80-х годов снова выплывает на поверхность весь поток естественно-правовых теорий. То, что сущность естественного общества покоится на равенстве, что цель природы заключается в том, чтобы снова вернуть человека к „сладкому блаженству равенства", что поэтому единственной задачей, к которой стоит стремиться, является „золотая посредственность" (précieuse mediocrité) и т. д., все эти стремления к золотому веку, возникновение и развитие которых мы проследили, выступают теперь еще более пламенно, но вместе с тем еще более неясно и запутанно [1]).

Было бы бесполезно прослеживать эти неопределенные представления; они не прибавят ничего нового к тому, что уже известно нам. Даже очень важное учение о возникновении частной собственности не получило в брошюрах дальнейшей разработки: их авторы исходят из того, что право собственности является не естественным, а гражданским правом, однако по отношению к причинам возникновения собственности мысль о мирном соглашении между людьми отступила на задний план, и, напротив, был решительно выдвинут вперед в качестве главной причины захват земли отдельными индивидами [2]).

Позднейшей мысли Прудона „La propriété c'est le vol" нехватало, в сущности, лишь одной формы.

На-ряду с воздействием естественного права нельзя не отметить также и влияния на составителей брошюр интереса к классической древности.

Никогда не было столь преувеличенных похвал ликургову и древнеримскому законодательству, никогда не было менее исторического отношения к ранним порядкам (хотя уже начали раздаваться голоса против), чем в это время. Неутомимые описания вытекающего из равенства блаженства древних должны были не только возродить тоску по этим счастливым временам, но и наглядно доказать справедливость и осуществимость новых социальных идей [3]). Но Ликурга в качестве инициатора равного раздела земли в Спарте оказалось недостаточно, и аграрный коммунизм получил в качестве своих наиболее ранних представителей Миноса для Крита и Пеласга для Аркадии [4]).

---

[1]) См., напр., Maréchal, Livre échappé au déluge (1784), стр. 99 и сл. („Tableau du temps passé") и „Notice sur l'auteur des Pseaumes", 8-я ненумерованная страница.—Gosselin, Reflexions (1786), стр. 18.—Second, Essay sur les droits des hommes (1789), стр. 95.—Lambert, Cah. des pauvres, стр. 3.—Retif de la Bretonne, L'Andropographe: стр. 28.—Olympe de Gouge, Le bonheur primitive de l'homme ou les rêveries patriotiques (Amsterdam et Paris, 1789, 126 стр., т. 8°. Bibl. Nat. Inv. R. 37, 5 9), стр. 7—24.—„Adresse des Cadets... du Provence au Roy" (1789; Kgl. Bibl. Berl. ibidem, II. 25, R. 3611), стр. 23.—Abbé André, Le Tartare à Paris (Paris, 1788, 154 стр., in 8°; Bibl. L. b. 39/905), стр. 122—123.

[2]) Babeuf, Cadastre perpétuel, Disc. prél., стр. XXIX.—Leroy de Barincourt, La Monarchie, стр. 45—47.—Boissel, Le Catéchisme du genre humain, стр. 29—30.—Brissot de Warville, Recherches philosophiques sur le droit de propriété et sur le vol considerés dans la nature et dans la société (Paris, 1780). Бриссо сам говорит об этом произведении: „Я хотел доказать здесь, что в естественном состоянии кражи не существовало... Мнение относительно кражи и собственности можно было поддерживать; я впоследствии нашел его у Монтеня и Руссо. Его можно доказать геометрически". Mémoires (Paris, 1877), стр. 39—40.—Несколько иного мнения придерживается Saige, Catéchisme du citoyen ou éléments du droit public français etc. (1788, 220 стр., in 8°; Bibl. Nat. L. b. 39/6664), стр. 55—62.

[3]) Brissot, Théorie des lois criminelles (1781), стр. 44.—Retif de la Brétonne, L'Andropographe (1782), стр. 68 и 170.—Abbé Pluquet, Traité philosophique et politique sur le luxe (Paris, 1786, 488 стр., in 8°, 2 т. Bibl. St.-Geneviève, R. 870/85), II, стр. 316 и 344.—Maréchal, Apologues à l'usage d'un Dauphin (1788), стр. 33.—André, Le Tartare à Paris (1788), стр. 119 и 129.—Babeuf, Cadastre (1789), Avis, стр. VIII—IX.—Gosselin, Reflexion d'un citoyen, стр. 44 и сл.—De la Liberté et des Fractions (1789), стр. 19—29 и 31—35.

[4]) „Одним из средств, применявшихся законодателями, ...может быть, первым наиболее отвечающим требованиям природы, была общность земли и продуктов

Рядом с этим были выдвинуты вперед в качестве поборников социальных идей евреи с аграрным законодательством Моисея и Иосии [1]), а китайцы должны были примириться с тем, что их заставили тогда процветать под действием благодетельных для народов законов [2]).

Обращаясь к рассмотрению планов практического осуществления социальных реформ, мы должны постоянно иметь в виду воздействие этих действительных или мнимых прототипов.

Различие между равным разделом земли и аграрным коммунизмом, взятое от предшественников и прототипов и перенесенное в брошюры, нашло здесь свое осознанное выражение [3]).

Начнем поэтому опять-таки с теории черного передела.

1. Предложения черного передела.

Надежда на то, что равное распределение земельной собственности принесет с собой для людей и большую чистоту нравов, казалось, оправдывала попытку любого государства приблизиться к этой желанной цели путем „ограничения крупного землевладения определенными справедливыми границами".

Однако, ставя таким образом определенные грани стремлению граждан к приобретению, все же не хотели применять тех мер, которые были введены у „перуанцев под властью инков", у „жителей Парагвая под господством иезуитов" [4]).

Госселэн, в особенности, полагает, что, „несмотря на все восхваления коммунистических общественных форм", полный отказ от личной собственности угасит всякую энергию и подчинит имущество, жизнь и действия массы людей, предназначенных от природы к самостоятельной деятельности, небольшой кучке деспотов и их прислужников [5]).

Состояние истинного счастья, казалось, может быть достигнуто только при помощи того, что каждому, как это сделал мудрый законодатель Спарты, будет уделена равная доля в земельной собственности, и „мы будем стремиться прикрепить людей к великому социальному целому *путем сохранения равен-*

получаемых от нее посредством общего труда. Следы этого учреждения заметны во всех примитивных обществах; оно послужило основой для общества, созданного Миносом в Крите и Пеласгом в Аркадии". Abbé Pluquet, Traité sur le Luxe (1786), II, стр. 12.—Gosselin, Reflexions, Preface, стр. 4.

[1]) Gosselin, Reflexions, стр. 44—48.

[2]) Ibidem, стр. 75—76, приложение C.—Pluquet, ibidem, II, стр. 14—17.

[3]) „Средства, применяемые политикой с целью помешать появлению в обществе граждан, лишенных средств, необходимых для их пропитания, сводятся к трем: 1) общности имущества, 2) равенству и неотчуждаемости земельной собственности", 3) для существующего строя—„полицейским регламентам" и т. д. Pluquet, ibidem (1786), II, стр. 24.—Leroy de Barincourt на вопрос, каковы будут пожелания действительно собранного народа, отвечает: „Собрать в одно целое всю собственность и разделить ее поровну или восстановить естественную общность даров Творца", La Monarchie parfaite (1789), стр. 43.

[4]) Retif de la Bretonne, L'Andropographe (1782), стр. 85 и сл.—Gosselin, Reflexions (1787), стр. 21.

[5]) Gosselin, ibidem, стр. 21—22.—См. также и Maréchal, Fragment (1781), стр. 65—66. В другом месте он, однако, склоняется скорее к коммунизму. Впрочем, понятие частной собственности носит также у Госселэна в значительной степени характер права пожизненного пользования; земля, в сущности, принадлежит обществу, понимаемому, как совокупность всего человечества, так что даже нация, обладающая излишком земли, должна уступить нужную долю тому государству, у которого нехватает земли для граждан, „под страхом быть принужденной к тому силой оружия". Reflexions, стр. 23—24.

сила, а не посредством обеспечения презренного существования и неизменности нищеты, как это было до сих пор" [1]).

Оплодотворяющие воды питания должны, как выражается Деверите, течь не по широкому гордому каналу, вызывая пышную растительность лишь по окаймляющим его берегам, между тем как остальная часть луга страдает от засухи, представляя из себя увядший газон, а по небольшим ручьям („filets d'eau"), орошая всю поверхность и превращая ее всю в цветущий сад [2]). Задача, следовательно, состояла в том, чтобы провести оросительную сеть по великому лугу всего человеческого общества. Но мы должны немедленно установить здесь уже сделанное ранее наблюдение.

Как только нужно было перейти к отысканию практических средств и путей, большинство критиков общественного строя умолкало, и здание будущего должно было опираться на плечи лишь немногих лиц, главным образом, Фоше, Госселэна, Буасселя, Марешаля и Бабефа.

Средства, к которым хотели прибегнуть эти немногие мыслители, имели прежде всего общую тенденцию к *постепенному раздроблению* крупных имений.

Первым из них являлась уже знакомая нам мера, состоящая в отобрании пустующих земель. Согласно теории, по которой частная собственность получала свое оправдание лишь в приносимой ею пользе для общества, собственники заброшенных земель должны были быть принуждены или снова обратить их под культуру за свой собственный счет или предоставить их в пользование ближайшей общине на 20 лет [3]). Другие хотели конфисковать в пользу всего народа вообще всю не подвергавшуюся в течение 10 лет обработке землю, чтобы заселить ее бедными колонистами, и, следуя римскому примеру, прежде всего выслужившими свой срок солдатами [4]).

Во вторую очередь должны были подвергнуться равному разделу домэниальные и церковные земли, которыми ведь правительство могло распорядиться по полному своему усмотрению [5]). Когда и этот источник будет исчерпан, останется раздробить лишь крупные комплексы частных землевладельцев. По мнению Госселэна, не было ничего легче, чем достигнуть этой цели.

Если бы только правительство согласилось жертвовать ежегодно по 10 миллионов на покупку всех продающихся имений, никто не смог бы конкурировать с ним, и этим путем оно в сравнительно короткое время смогло бы получить в свое распоряжение все имения для их равного раздела [6]).

На-ряду с этими активными, хотя и мягкими мерами, имелись в виду и пассивные средства ограничительных аграрных законов: Фоше вносит в свою

---

[1]) „С моей точки зрения... самым быстрым средством для уничтожения неравенства является обобществление всех имуществ с целью произвести равный раздел их по образцу спартанского законодателя. Тогда, раз все будет разделено поровну, лишь от нас самих будет зависеть жить в счасть, пользуясь выпавшей на нашу долю частью". Gosselin, ibid., стр. 23.—Saige, Catéchisme du citoyen (1788), стр. 16.—Кондорсе также требует законов, „чтобы разрушить неравенство богатств". Oeuvres, IX, стр. 351.

[2]) Déverité, La vie et les doléances (1789), стр. 55.

[3]) Fauchet, De la religion nationale (1789), стр. 220—221.

[4]) Gosselin, Reflexions, стр. 25—27... „Вот в чем состоял метод, которому постоянно следовала Римская республика и который помог ей больше, чем что-либо другое, достигнуть господства в тех странах, куда проникало ее победоносное оружие". Ibid., стр. 28.

[5]) „За разделом пустопорожних земель последует раздел домэниальных имений... То же самое нужно будет сделать и с церковными землями, которыми правительство может всегда распорядиться по своему усмотрению, несмотря на протесты духовенства". Следует доказательство. Ibid., стр. 28—29.

[6]) Ibid., стр. 30.

„Loi agraire“ три законодательных предложения: первое—о приобретении земли частными лицами, второе—о браках, третье—о наследовании [1]).

Общее предписание его закона сводится к тому, что всякий, имеющий 50.000 ливров земельной ренты, лишается права покупать землю. Однако закон не должен иметь обратной силы, сохраняя за каждым собственником его наличные владения.

Из этого принципа вытекало, что при продаже участка, приносящего 100.000 ливров ренты, последний должен был быть разделен по крайней мере на *две* равные части, и что покупатель мог приобретать лишь такое количество земли, чтобы совокупность его старых и новых владений не превышала установленной законом нормы [2]). Этим путем Фоше рассчитывал раздробить французскую территорию на мелкие участки и обеспечить полное господство мелкой собственности, неисчислимые преимущества которой для семейной жизни, торговли и промышленности он изображает в самых ярких красках [3]). Предлагаемые им законы о браке и наследовании имеют своею целью содействовать скорейшему достижению той же задачи и обусловлены поэтому общим принципом его аграрного проекта [4]). Супруги не должны иметь сообща более 50.000 ливров ренты: если один из них имеет такой доход, то другой ничего не должен привносить в брак; если же первый владеет меньшим количеством, то приданое второго может дополнить общий доход лишь до указанной нормы. Родители обязаны давать в приданое своим детям одну треть своего имущества, за исключением противоречащих закону случаев [5]).

Исходя из того же принципа, закон о наследовании должен был требовать равного раздела наследства между наследниками, если только благодаря этому доля каждого наследника не превысит разрешенной законом нормы собственности. В последнем случае остаток наследства должен был перейти к родственникам вплоть до пятой степени родства, а за их отсутствием—общине, которая после 20-летнего заведывания им должна была продать эти земли в общественную пользу. То же постановление было предусмотрено и для половины имущества бездетных родителей, между тем как остальной половиной они могли распорядиться свободно в порядке завещания [6]).

Авторов этих планов, Фоше и Госселэна, отличает от критиков общественного строя, отказывавшихся пред лицом суровой действительности от исполнения своих желаний или возлагавших свои надежды на медленное социальное воспитание человека, прежде всего глубокая вера в действительность их предложений [7]). Они полагали, что этим путем можно „быстро“ или в „несколько лет“ разделить всю территорию между всеми сынами Франции, или по крайней мере вступить на путь более справедливого распределения земель-

---

[1]) Abbé Fauchet, De la religion (1789), стр. 225 (3-e sect. § 4 „Loi agraire“).

[2]) „Всякий, кто владеет 50.000 земельной ренты, не должен приобретать других земель“. . . . „Согласно предлагаемому аграрному закону, земля с доходом в 100.000 ливров должна при продаже быть разделена по крайней мере на две части“. Ibid., стр. 225—226.

[3]) „Отметим здесь некоторые из бесчисленных преимуществ, которые воспоследуют от аграрного закона“. Ibid., стр. 230—231.

[4]) 3 sect. § 5. „Аграрный закон делает необходимым и соответствующий закон о браке“, Ibid., стр. 231.

[5]) Ibid., стр. 232—238. (Фоше требует здесь также имущественной общности для супругов, свободы брака, установления семейного совета, искоренения предрассудка относительно неравенства происхождения).

[6]) Ibid., § VI, стр. 239—247.

[7]) Напр. Boissel, Le Catéchisme du genre humain, стр. 87 и сл., 129.—Voeu de la Raison pour les paroisses, les curés et les pauvres à Louis XVI dans l'assemblée des Notables de son Royaume (1787 anonym., 133 стр., in 8°; Bibl. Nat. L. b. 39/6304), стр. 86—89.

ной собственности. „Таким образом, к счастью всех граждан, законодательство совпадает с духом Евангелия, с возвышенною моралью братства, которое является основанием и венцом общественного блага в мудро управляемом государстве“ [1]).

Однако у этого здания нового общества нехватало еще одного элемента: средств к его поддержанию, после того как оно будет отстроено. Госселэн и Бабеф дают разъяснения и по этому вопросу.

Бабеф высчитал, что каждая из 6 миллионов французских семей (считая на семью 4 члена) получит при равномерном распределении 66 миллионов моргенов культурной земли участок в 11 моргенов, который при хорошей обработке сможет обеспечить счастливое и достойное существование („médiocrité“) [2]).

Этот надел, согласно проектируемому новому гражданскому уложению, должен составить неделимое и неотчуждаемое пожизненное достояние отца семейства. Для того, чтобы не воцарилось вновь, как в Спарте, неравенство, после смерти главы семьи не должно происходить раздела наследства; точно также одно лицо не должно ни в коем случае владеть двумя наделами. Участок отца получает младший из сыновей; что же касается до других сыновей, то их, начиная со старшего, должно обеспечить новыми наделами государство. Наследство бездетных получают ближайшие безземельные родственники [3]). Этими способами надеялись достигнуть „неизменного счастливого состояния“.

Этим исчерпывается теория равного раздела земли [4]). Но прежде, чем перейти к аграрному коммунизму, мы должны особо рассмотреть один проект, который стремится установить своего рода промежуточное состояние между первым и последним, а также между этими двумя теориями и существовавшим общественным строем. Он принадлежит перу плодовитого Ретиф-де-ла-Бретонна.

Исходя не из естественного равенства, а из равенства гражданского („egalité citoyenne“), которое он „согласно морали Христа, а также Пифагора, Сократа и Платона“ объявляет лекарством против всех пороков и щитом

---

[1]) „Я утверждаю, что этим путем в течение немногих лет не только будет ликвидирован национальный долг, и народ вздохнет с облегчением, но что после того, как большинство крупных владений перейдут в руки короля, вся земля Франции будет приблизительно поровну распределена между ее сынами и покрыта счастливыми жителями, которые будут вечно благословлять отважного смертного, который, совершив эту революцию, станет виновником их счастья и благополучия“. Gosselin, ibid., стр. 31.—„Очевидно, что эти три закона, не затрагивая существующих владений богатых людей, стремятся помешать их росту; быстро раздробить их и распределить их в ближайшем будущем на более общественных началах ... таким образом законодательство совпадает с духом Евангелия“ и т. д. Fauchet, ibid., стр. 245.

[2]) Babeuf, Le Cadastre perpétuel, Disc. prelim., стр. XXXI—XXXII.

[3]) Babeuf, ibid.—Gosselin, стр. 35—36.

[4]) Довольно подробный план теории равного раздела содержится также в анонимной брошюре „De la propriété ou la cause du pauvre plaidée au tribunal de la Raison, de la Justice et de la Vérité“ (Paris, 1791, 76 стр., in 8°, Bibl. Nat. Invent. *E 5133; об ее авторе см. Aulard, Histoire politique de la Revolution franç. (1901), стр. 91, прим.). Хронологически она выходит из рамок нашего исследования, но опирается на те же философские и исторические основы. Следует лишь упомянуть, что при распределении земли она считает на каждого француза 7 арпанов, но для обработки предоставляет ему лишь 4½, сохраняя остальные для будущих поколений. Относительно правомерности предложения о разделе в ней говорится: „Равный раздел всех земель во Франции является необходимым следствием второй статьи декларации прав человека, провозглашенной Национальным Собранием и санкционированной королем“ (стр. 12).

всех добродетелей, ла-Бретонн признает необходимым сохранение строгого политического подчинения [1]).

Отсюда он выводит, что комиссары, которых после принятия его проекта государство должно назначить во всех городах, должны установить не всеобщее имущественное равенство среди всех граждан, а лишь особое равенство среди членов каждого отдельного класса населения. Всего он насчитывает шесть классов населения: крестьян (les habitants des Bourgs et villages), ремесленников (—dans les villes ou tout autre lieu... sans autre possession que leur art), купцов, художников, дворян и духовенство. В пределах каждого класса должна иметь место полная нивеллировка всех личностей; обязанности и повинности должны быть одинаковыми [2]): для поддержания этого состояния необходим коммунизм всех средств существования для членов каждого класса.

Правда, среди крестьян происходит раздел земельных угодий,—каждая семья должна получить надел соответственно числу рабочих рук, входящих в ее состав, но не для того, чтобы предоставить эти участки отдельным лицам на правах частной собственности, а исключительно ради их обработки. Продукты точно так же, как и скот, согласно тому же принципу принадлежат всему классу или делятся равномерно, или же употребляются на общие трапезы и одежду [3]).

Аналогично мыслится разделение труда и коммунизм потребления и в других классах: каждое сословие имеет в качестве средоточия своего труда обширные бюро, через посредство которых производится возможно более простым и честным образом обмен с другими классами [4]).

Во главе государства стоит монарх или суверенный магистрат. При этом ла-Бретонн хочет сохранить дворянство в качестве „classe à part“, как „une nation distincte dans l'état“ [5]). Повидимому, он сам сознавал заключающееся в этом внутреннее противоречие, и это обстоятельство побудило его составить новый план, который он обозначает по отношению к первому, как „diminutif“. В нем он совершенно отказывается от аграрного коммунизма и предлагает раздел земли, соответствующий званию каждого [6]).

Так герцоги должны были получить по герцогству, состоящему из 2 находящихся от него в ленной зависимости маркграфств, двух графств и т. д. с постоянным доходом; каждое господское имение должно было состоять из 1000 моргенов, имение, принадлежащее владельцу замка,—из 2000 м., баронии—из 3000 м. и т. д. [7]).

---

[1]) „Я сказал: гражданское равенство, ибо ясно, что политическое подчинение необходимо; предлагаемый режим устанавливает его в гораздо более строгой форме, чем оно существует при современном правительстве“. Retif de la Bretonne L'Andropographe (1782), стр. 82.

[2]) „ ... нужно уравнять всех жителей, установить для всех одинаковые повинности и обязанности, не по семьям, а по лицам, без каких бы то ни было различий“. Ibid., стр. 83.

[3]) Ibid., стр. 83, 86 и сл.

[4]) Ibid., стр. 84.

[5]) Ibid., стр. 85, 123 и сл., 135; он, правда, выражает пожелание, чтобы дворяне пожертвовали своим званием ради общего блага, но сам же говорит: „но так как на это нельзя рассчитывать, то из дворян можно было бы сделать особый класс, который также жил бы в коммунизме“ (стр. 85).

[6]) „ ... было бы весьма желательно, чтобы раздел был равным; но это невозможно, если не принять великого и прекрасного порядка Андрографа; но так как цель Тесмографа состоит в том, чтобы предложить минимум, раздел будет произведен в соответствии с положением лиц“. Idem, Le Thesmographe, стр. 87—88 (art. XVI „Partage des terres entre les Nobles et les Roturiers“).

[7]) Ibid., стр. 88—90 (art. XVII „Partage de la Noblesse“).

Все не принадлежащие к дворянскому сословию также должны были стать землевладельцами: величина их наделов должна была соответствовать числу членов семьи, с тем условием, однако, чтобы ни один надел не состоял бы из более, чем 18 моргенов хорошей земли, 36 средней и 72 плохой [1]).

Право распоряжения своим наделом было по плану Ретиф-де-ла-Бретонна для каждого почти неограниченным [2]). Однако, чтобы новый общественный строй благодаря этому не стал совершенно призрачным, он предложил возвратиться к предписанному Моисеем „Юбилею“ и производить каждые 50 лет новый раздел земли [3]). В случае, если избыток населения не позволял обеспечить каждого земельным наделом, государство должно было заблаговременно позаботиться основанием вблизи или вдалеке снабженных всеми необходимыми средствами колоний для молодежи [4]).

Таковы промежуточные планы Ла-Бретонна [5]): в отдельных пунктах они украшены массой деталей: почти каждая комнатка его нового царства расписана самым мелочным образом. Но, насколько Ла-Бретонн богат в мелочах, настолько он беден в смысле ясности и смелости мысли. У него нехватает последовательности, острой мысли и напряжения воли. Посмотрим, в какой мере найдем эти качества у сторонников чистого аграрного коммунизма.

2. Коммунистические проекты.

Мы видели, что сторонники равного раздела земли хотели оставить в силе своего рода ограниченную частную собственность, так как они этим путем рассчитывали сохранить хозяйственную энергию отдельных индивидов. Отыскивать доводы в пользу сохранения частной собственности побуждал боязливые души страх перед неизвестным или же чисто утилитарные соображения, хотя в глубине они сами были убеждены, что при сравнении имущественного коммунизма с правом частной собственности наибольшее оправдание и наибольшая выгода для человеческого общества остается за первым [6]).

Однако подобные мотивы не могли устоять перед убеждением, что всякий раздел земли, который был или еще будет вызван этим „ordre mercennaire homicide et antisocial“, является актом, изгоняющим „будущие поколения с земли, осуждающим живых на смерть от голода, холода и жажды и оставляющим только один путь к спасению от гибели—стать рабами земельных собственников, если только эти последние согласятся принять на этих условиях бедняка и не предпочтут повесить его, как вора, или посадить на кол и четвертовать, как убийцу [7]); они не могли устоять перед убеждением, которое отвер-

[1]) Ibid., стр. 92 (Titre „Repartition Roturière“ art. XXIII).

[2]) Каждый собственник может, по желанию, не подвергаясь каре, продать имеющуюся у него землю, если он хочет изменить свое сословие, и обратиться или к ремеслам или к торговле, при условии с пользой употребить полученную цену“ Ibid., art. XXIV.

[3]) Ibid., стр. 93 (Art. XXVIII „Régénération du partage“).—Восторженную похвалу субботнему году („Année Sabbatique“), см. также у Abbé de Malvaux, Moyens de detruire la Mendicité (²1780), стр. 21—23.

[4]) Ibid., стр. 93—94 (art. XXIX „Colonies“).

[5]) Сходный план, по которому каждому сословию должно быть дано определенное количество земли при помощи аграрного закона, в общих очертаниях намечается уже у Мабли. См. De la législation, Oeuvres, IX, стр. 144—157.

[6]) См., напр., Leroy de Barincourt, La monarchie parfaite, стр. 44, 48 и сл.

[7]) Boissel, Le Catéchisme du genre humaine, стр. 19, 24 и 27.

гало даже столь уважаемое законодательство Ликурга, так как оно оставило в силе „чудище фанатизма—частную собственность“ и рабство брака [1]).

Коммунистические новаторы начинавшейся революции были глубочайшим образом убеждены в том, что право частной собственности, в какой бы форме оно ни существовало, совершенно несовместимо с истинным счастьем человечества.

И так как для них всеобщее счастье составляло цель общества, то из этой несовместимости они выводили обязанность общества сломить это гибельное право. Если бы корни его лежали во внутреннем стремлении человека к богатству, то общество, по мнению аббата Андре, обязано было бы искоренить само это стремление в душе человека [2]).

Но эти гордые и возвышенные пожелания стоят меньше, чем действительно творческие мысли: „истинное и примечательное предсказание“ Марешаля о том времени, когда наиболее многочисленный класс государства, собравшись вместе, скажет великим и богатым: „Votre règne est passé!“, еще не принадлежит к последним. Оно предвещает лишь возврат навсегда первоначального состояния, т.-е. „самого совершенного и законного равенства, общей собственности на землю и истинной семейной жизни“; в этом предсказании стоит отметить лишь две особенности: во-первых, что Марешаль под веком „мира и равенства, свободы и невинности понимает *обобществление всего человечества от одного конца земли до другого*“; во-вторых, что он крепко верит в наступление этого состояния: „ибо, говорит он, для того времени, когда я пишу, все это—только *сказка* (un conte). Но воистину говорю я, наступит день, когда оно станет *историей*“ [3]).

Рядом с пророком Марешалем в интересующем нас столетии последовательным представителем аграрного коммунизма является собственно один только Бабеф [4]).

Его отношение к земельному переделу, изложенное им в предисловии к „Cadastre perpétuel“, нам уже известно. Он смотрел на все этого рода законы, как на паллиативное средство, которое должно избавить общество от худшего, пока не будет реализован социальный идеал, живший в его мечте. Еще за несколько лет до появления его „Cadastre“, у него уже сложилась картина коммунистического общества. Мы имеем некоторые сведения об этом из его переписки с секретарем Аррасской академии Дюбуа-де-Фоссе.

Последний, может быть, дал ему первый толчок формулировать определенно свои мысли, сделав ему подробные сообщения о „самой оригинальной и особенной брошюре из всех существующих“. Это произведение называлось „L'Avant-Coureur du changement du monde entier“ [5]) и содержало в себе подробное изображение („Tableau détaillé“) страданий, злоупо-

---

[1]) Ibid., стр. 122—124.

[2]) Abbé André, Le Tartare à Paris (1788), стр. 129.

[3]) Maréchal, Apologues à l'usage d'un Dauphin (1788), стр. 33—35, (Leçon 31 „Prédiction véritable et remarcable“).

[4]) Брошюра „Le Coup de Grace ou la France sauvée par le seul moyen qui soit au pouvoir des hommes par M. T. P.“, видящая спасение Франции в носящем слегка социалистический оттенок прогрессивном налоге, едва ли заслуживает упоминания.

[5]) Ее полное заглавие: „L'Avant-Coureur du changement du monde entier, par l'aisance, la bonne éducation et la prospérité générale de tous les hommes ou prospectus d'un mémoire patriotique sur les causes de la grande misère qui existe partout et sur les moyens de l'extirper radicalement, en 8 vol. in 8°.“. Lettre de Dubois de Fosseux à Babeuf du 26 sept. 1786; Advielle, Correspondance (1884), стр. 32.—Я, к сожалению, не смог разыскать этого произведения.

треблений и несправедливостей существующего общества, план создания нового общества и опровержение всех возражений противников [1]).

Будущее общественное состояние мыслилось неизвестным автором чисто коммунистическим: общая работа всех людей, общее потребление, общее воспитание и т. д. [2]). Существующие города и деревни должны были быть сравнены с землей, и в течение 50-летнего промежутка во Франции и других государствах должны были быть созданы 1000 городов в две мили в окружности, 100 художественных и промышленных мастерских, 1500 деревень и 330.000 сельских имений [3]).

Об устройстве „этих новых республик" мы не узнаем из переписки ничего больше, за исключением разве того, что они принесут с собой на землю блаженство, и Дюбуа-де-Фоссе шутя говорит, что было бы желательно, чтобы автор мог продолжить также и жизнь, дабы можно было бы вечно наслаждаться подобным счастьем.

Дюбуа прибавляет, что при величайшем напряжении своего внимания он не мог найти ни одного слова, судя по которому можно было бы предположить, что автор шутит [4]).

Эти сообщения были обращены к тому, кто менее всего мог видеть в них шутку. Бабеф сначала не останавливается на этом вопросе; но уже темы на соискание премии, предложенные им Аррасской академии 12 марта 1787 г. по просьбе его друга, показывают, как глубоко занимали его эти мысли.

Эти короткие вопросы звучат, как увертюра к его полной трагизма жизненной опере: „Каково должно было быть,—говорит он,—опираясь на всю совокупность имеющихся в настоящий момент познаний [5]), состояние народа, социальные учреждения которого были бы устроены таким образом, чтобы среди всех его членов без исключения господствовало *полнейшее равенство;* чтобы населяемая им *территория* не составляла ничьей частной собственности, а *принадлежала всем;* чтобы, наконец, все, вплоть до продуктов всех родов деятельности („jusqu'aux produit de tous les genres d'industrie"), были общими?

Получили ли бы подобные учреждения оправдание *в естественном законе*? Возможно ли существование подобного общества, и *выполнимо ли практически* абсолютно равное распределение?" [6])

Бабеф прибавляет, что он не поставил бы этих вопросов, не имея по этому поводу собственных разработанных мыслей, и кое-что в этом отношении заставляют его высказать сделанные Дюбуа из вышеупомянутой брошюры выдержки и спор по поводу софизма в уложении Фридриха II („le code Frédéric"), стремящегося доказать исключительное право короля на охоту и рыбную ловлю [7]).

---

[1]) Lettre de 19 mars 1787, Advielle, стр. 120—121.

[2]) Lettre du 5 avril, 8, 12, 16 juin 1787; ibid., стр. 129, 164, 169—174.

[3]) Lettre du 18 juin 1787; ibid., стр. 175—176.—Сходный план нашел A. Lichtenberger в рукописи несколько сумашедшего мечтателя, по имени Jean-Claude Chappuis, см. Le socialisme utopique (Paris, 1898, стр. 161 и сл.).

[4]) Lettre du 21 juin 1787. Advielle, ibid, стр. 180—181.

[5]) Не в малой степени он здесь имеет в виду „la connaisance moderne, que nous avons de moeurs naturelles". Ibid., стр. 193.

[6]) Lettre de Babeuf à D., d. F. du 21 mars 1787, стр. 117—118.

[7]) Воздух и вода суть блага, общие для всех людей; поэтому все, что заключают в себе эти два элемента, птицы и рыбы, дикие и бродячие животные, являются общим достоянием общества, живущего в данном месте политического тела. Кто является представителем этого тела? Его глава—король. Поэтому все эти блага принадлежат королю, и никто не может охотиться или ловить рыбу без его согласия, не платя ему известных налогов, которые он употребит на обществен-

Однако, помимо отрицательной критики существующего порядка, направленной прежде всего против „победоносного класса так называемых дворян“ (он называет их не иначе, как „soi-disant“ или „prétendus nobles“) [1]), здесь имеются лишь немногочисленные намеки на положительную разработку коммунистической системы.

Все же из них несомненно явствует, что и он стремился к всеобщему обобществлению человечества в форме коммунистического, охватывающего все народы мирового союза, о котором мечтали автор „Avant-Coureur du changement du monde entier“. Он отвергает все новые „законодательные сборники, изданные для той или другой провинции“, которые не в состоянии внести какие-либо перемены в то положение, при котором дети миллионера утопают в изобилии, в то время как дети его соседа родятся бедными и голыми и должны влачить жалкое существование, презираемые первыми [2]). *Все в целом* должно быть подвергнуто коренной реформе; и когда она будет выполнена, все будут рождаться одинаково богатыми на пользу всего общества; тогда не придется подвергать наказанию какие-либо преступления, кроме недостаточного участия в общей работе [3]).

Кроме этой общей картины намечены еще только два закона. Во-первых, каждая вступающая в брак пара должна получать всегда одинаковое приданое от общества, и, во-вторых, всякий умирающий должен иметь своим единственным наследником общество [4]).

Все здесь еще неясно и несовершенно; иного, впрочем, и нельзя ожидать от случайных выражений в переписке [5]). Но и тут Бабефа отличает от всех его предшественников и современников одна черта: соединение пламенной веры в истинность и осуществимость своей системы с сильнейшей волей провести ее практически в жизнь. В XVIII веке лишь Мелье, самый дальний из его предшественников, равен ему если не по силе своего оптимизма, то по фанатизму коммунистического мышления. Но в то время, как Мелье в отчаянной ненависти ко всему существующему покончил свою жизнь самоубийством, Бабеф верил, что уже настало время, когда „здравая философия“ сможет на благо человечеству воздвигнуть свое славное и вечное господство „над развалинами царства вредных предрассудков, жестокого фанатизма и опасных суеверий“ [6]).

Его нисколько не беспокоит, что короли должны будут сложить с себя свои короны, а все титулованные персоны—свои звания и чины: дело ведь идет о том, чтобы совершить великую революцию [7])!. Радостно приветствовал

ную пользу“. Lettre de Dubois de F. à Babeuf 2/VII 1787. A d v i e l l e, стр. 200—201. Бабеф отвечает 12 июля: „мог ли Фридрих иначе обосновать в своем уложении статью о земельной собственности!“ и, пронизируя, составляет аналогичный софизм относительно исключительного права короля на продукты земли. Ibid., 201—202.

[1]) Характерно в этом отношении письмо Бабефа к своей жене от 25 июля 1788 г. Он описывает бешенство народа в течение 14 июля и высказывает сожаление по поводу убийств, но вынужден одобрить их. „Это дурные нравы,—говорит он,—но властители превратили нас в варваров, потому что они сами являются варварами“. „Они пожинают и будут пожинать то, что посеяли, так как все это, повидимому, будет иметь ужасные последствия; и мы только в начале событий“. A d v i e l l e, Histoire de Babeuf, I, стр. 53—56.

[2]) Lettre de Babeuf à D. d. F du 8 julliet 1787; Correspondance, стр. 193—194.

[3]) Ibid., стр. 192.

[4]) Lettre de Babeuf à D. de F. du 15 julliet 1787, ibid., стр. 204.

[5]) „Время не позволяет мне продолжить мои рассуждения“,—говорит он сам с сожалением. ibid. стр. 204.

[6]) Lettre de Babeuf à D. de F. du 27 nov. 1786; ibid, стр. 48.

[7]) „Для всего этого, вероятно, окажется необходимым, чтобы короли сняли с себя свои короны, а все титулованные и важные лица сложили свои звания,

он все изменения, которые принес с собою 1789 год, и уже тогда он был вполне готов „сильным ударом собственного плеча посодействовать перевороту, который опрокинет и его собственный кухонный горшок". „Эгоисты объявят меня сумасшедшим, но мне это безразлично" [1]).

Эти слова вводят нас уже в самую гущу революционной эпохи. Теории превращаются в острые мечи в социальной борьбе классов и политической борьбе партий. „Loi agraire", аграрный закон, затрагивает самые больные места общества; одни грозят его именем, другие содрогаются перед ним, но никто не любит его, кроме бессознательных масс, которые только что начинают давать сами себе имя: „Четвертое сословие! L'Ordre sacré des infortunés"

должности, чины. Но какое мне дело до этого (sic!). Для того, чтобы совершить революцию, необходимо произвести великие перемены. Что сверх того означают все эти странные звания? Не являются ли они лишь суетными и химерическими впечатлениями, изобретенными честолюбием и утвержденными низостью?" и т. д. Lettre du 8 julliet 1787, ibid., стр. 192—193.

[1]) „... они тысячу раз правы, и я охотно подписываюсь под всеми этими изменениями" и т. д. Lettre de Babeuf à sa femme du 25 julliet 1789; l. c., Advielle, Histoire du Gr. Babeuf, I, стр. 56—57.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Точки соприкосновения „Loi agraire" с политическими вопросами в начале революции.

В то время, когда старые классы французского государства только что вступили в кровавую борьбу за власть и собственность, из общественного организма выделился новый противник, враждебный всем остальным: это было сословие неимущих („non-propriétaires"). В десятилетие, предшествующее революции, впервые сознательно выдвигается вперед противоречие между имущими и неимущими, как противоречие между двумя резко разграниченными друг от друга социальными группами [1].

Из систем, проповедывавших социальное равенство, явствовало, что у тех, кто не имеет никакой собственности, также существуют свои „естественные права", а у общества по отношению к ним — свои обязанности. Из существовавших гражданских законов ни один, казалось, не служил их интересам [2]: они едва защищали жалкое существование бедняков. С чувством глубокого сожаления приходилось отмечать, как благодаря этому они должны были затрачивать все свои духовные силы на добывание себе пищи и удовлетворение других элементарных потребностей и вследствие этого опускаться до состояния полного невежества и одичания, превращавшего их в низшую породу существ по сравнению с богатыми и образованными [3].

В 1788 году, с созывом Генеральных Штатов, начали думать, что настало наконец, время, когда будут восстановлены права этого забитого класса людей.

---

[1]) См. также Avis et motifs du 3-e bureau de l'Assemblée de Notables (1788). „Различного рода интересы соответствуют различным классам граждан; но так как число этих подразделений может быть увеличено до бесконечности, бюро сочло возможным ограничиться рассмотрением лишь двух резко отличающихся друг от друга классов: класса собственников и класса неимущих; класса городского и класса сельского". Arch. parlem., I série, I, стр. 437.

[2]) Если, рассматривая общественный договор, ограничиться лишь законами, уже составленными людьми, следует признать, что все они имеют в виду интересы собственников, ибо законы, обеспечивающие интересы неимущих, еще предстоит издать". Le cri général de 1789 (2 ed. Paris déc., 1789, 52 стр., in 8°; Bibl. Nat. L. b. 39/2746), стр. 10.

[3]) „Всюду, где неравенство возросло до такой степени, что вся собственность государства сосредоточилась в руках лишь одной части общества, остальные граждане... должны обращать все свои помышления на удовлетворение своих индивидуальных потребностей. Отсюда вытекает их глубокое невежество по отношению ко всему, что возвышается над этой областью; очевидное одичание, превращающее их в особую породу людей, отличающуюся... и т. д.". Saige, Catechisme du Citoyen (1788), стр. 15—16.—„Чернь в собственном смысле слова, всюду погрязшая в глубоком невежестве. Это — естественное следствие неравенства состояний, вызванного дурными законами" и т. д. Condorcet, Notes sur Voltaire (1788). Oeuvres IV стр. 531—2.—Leroy de Barincourt, La Monarchie parfaite (1789), стр. 42.

Но для того, чтобы добиться в политической борьбе известных социальных выгод, необходимо создать сомкнутую боевую линию. Поэтому обособление нового сословия произошло прежде всего в области политических отношений: дело шло об едином представительстве неимущих в национальном собрании.

Всемогущее естественное право проповедывало равенство всех людей и ценность каждой отдельной личности, рассматриваемой с точки зрения человеческого достоинства вообще. Исходя из этого положения, нельзя было связывать право гражданства с понятием реального или фиктивного богатства; оно, наоборот, должно было быть принадлежностью личности, как таковой. Кроме того полагали, что неимущие в силу уже своего безусловного численного превосходства имеют „несомненное и действительное основание называть себя нацией“ [1]).

В какой мере эта мысль была осуществлена при выборах в генеральные штаты, по этому вопросу имелись тогда весьма противоположные мнения в зависимости от точки зрения наблюдателя. В то время как одни думали, что примененная форма представительства является безусловно ошибочной, так как избирательное право было предоставлено не только одним собственникам, но и всем остальным сословиям [2]), другие утверждали, что целая треть нации была лишена какого бы то ни было представительства своих интересов и не получила непосредственных защитников своего дела в Генеральных Штатах [3]).

Требовавшийся, хотя и незначительный, избирательный ценз исключал в глазах последних всякое влияние широких масс на основании комбинации общества. Это равносильно было, как выражается один памфлет, желанию построить дом без камня, воздвигнуть леса без бревен, написать картину без полотна, красок и кисти, получить урожай без посева и производительной почвы [4]).

Если мы теперь спросим, что понималось тогда под этими „широкими массами“, „classe dernière“, „classe indigente“, „classe du pauvre peuple“, „classe la plus laborieuse“, то на этот вопрос мы сможем получить довольно обстоятельный ответ. Мне кажется, будет не лишено интереса привести здесь перечень различных профессий, которых относили к новому сословию.

---

[1]) „Не одни только собственники реальных или мнимых богатств составляют нацию. Право гражданства связывается, явным образом, не со средствами, не с богатствами, а с личностью“... Leroy de Barincourt, op. cit., стр. 41.—Doléances du pauvre peuple. Adresse aux Etats Généraux (1789 mai), см. Doc. de Paris, II стр. 589.—„Личность является наиболее священной, наиболее ненарушимой и ценной собственностью; эта собственность является единственной, которая должна определять отношения индивида к государству, к политической ассоциации французов“. Lettre en reponse à M. l'abbé Sieyes, стр. 39; см. Guffroy, Le Tocsin sur la permanence etc. (1789), стр. 69 прим.

[2]) „Что касается до настоящего представительства, то оно, несомненно, ошибочно, так как избиратели взяты из числа всех сословий и не ограничены одним классом собственников. Собственность сообщает главный интерес общественным делам“. Cahier de la Noblesse du baillage de Clermont en Beauvoisie. Arch. parl., I, стр. 753.

[3]) L'election des deputés de la ville et vicomté de Paris, rendue libre par des moyens plus simples, que ceux du reglement (1789 Avril, 86 стр., in 8°; Bibl. Nat. L. c. 23/89) стр. 15, 17—18 и 20.—Dévérité, La vie et les doléances (1789) гл. I: «Pourquoi le Pauvre-Diable ne serait point appelé aux Etats Généraux», стр. 1—13.—Pétition de 50.000 ouvriers et artisans de Paris adressée à M. Bailly, Sécr. du Tiers-Etat assemblé à l'archévêché, du dimanche 3 mai 1789 (8 стр. in 8°; Kgl. Bibl. Berl. Péces R. 3611, II. 12), стр. 4.

[4]) L'élection des deputés. Ibid.

Говоря вообще, сюда относили всех „бедных, слабых, несчастных, неимущих“, в частности же—половников (cultivateurs à moitié), поденщиков и других сельских рабочих, морских и речных грузчиков, дровосеков, пильщиков, землекопов (défricheurs ou remueurs de terre, appellés „Pionniers“) и каменщиков; далее, вообще всех тех, кто не получал твердого содержания, жил на заработную плату; тех, кто отказывался от солнечного света для того, чтобы вырывать у недр земли сокровища для дворцов богачей; тех, кому на горных вершинах тысячи раз приходилось смотреть смерти прямо в глаза, тех, кто, будучи запертыми в зачумленных каналах, благодаря своему мужеству, а еще более неведению, очищали воздух для богатых; тех, которые приготовляли металлы, краски, соли, минеральные кислоты, а сами впитывали в себя ядовитые и зачумленные испарения и этим медленно разрушали свои жизненные силы [1]).

Все эти граждане, число которых приравнивалось трети, половине и даже трем четвертям всей нации, не были, как тогда думали, представлены на Генеральных Штатах. Можно было бы утешить себя надеждой на то, что их интересы будут полностью и справедливо представлены третьим сословием. Но не без основания возникал вопрос, сможет ли третье сословие в то время, когда оно само еще не было в достаточной степени представлено в „Etats (soi disant) Généraux“, оказать им защиту и покровительство? Кроме того, как могут привилегированные,—„а третье сословие является таковым по отношению к неимущим“,—справедливо быть представителями непривилегированных [2])?

Поэтому уже в начале 1789 года стали требовать самостоятельного представительства для сословия неимущих; правда, для того „чтобы не задерживать открытия созванного собрания и не мешать его законодательной деятельности“, первоначально имели в виду ограничиться введением в состав Генеральных Штатов небольшого числа заслуживающих особого доверия лиц, избранных в чрезвычайном порядке для того, чтобы защищать права этого многочисленного класса страдающих людей и представлять если не с решающим (délibérative), то по крайней мере совещательным (consultative) голосом интересы этих „трудолюбивых, старательных и неутомимых людей, этих мужественных, терпеливых, покорных и богобоязненных отцов семейств, этих благодетелей человечества“ [3]).

Но затем для будущего представительства нации должно было быть введено новое разделение народа. Было предложено несколько проектов этого разделения.

---

[1]) Dufourny de Villiers, Cahiers du 4-e Ordre (1789, Avril), стр. 12—13.—Pétition de cinquante mille ouvriers (1789, mai), стр. 5—6.—Doléances du pauvre peuple (1789 mai), см. Doc. de Paris, II, стр. 589.

[2]) Dufourny du Villiers, ibid., стр. 14.—Сходно и в „Doléances du pauvre peuple“: „... среди представителей, избранных третьим сословием, ни один не принадлежит к нашему классу, и, повидимому, все было сделано в интересах богатых и собственников. Все эти собственники, которых можно по сравнению с нами назвать богатыми, найдут, несомненно, удовольствие в том, чтобы быть патронами и опекунами бедных... но нас могут совершенно позабыть, если мы по меньшей мере не изложим наших нужд и желаний“. Ibid., стр. 590.

[3]) Le cri général de 1789 ([2] 1789), стр. 26, прим. 1.—Dufourny de Villiers, Cahier du 4-e Ordre, стр. 20—21 и 25.—A la Commune de la Ville de Paris (1789), см. Doc. de Paris, II стр. 505.—Pétition de cinquante mille ouvriers (1789), стр. 7—8.—Lambert, Supplice au Roi et aux Etats Généraux, qui n'a pas pu être prise en considération pour sauver le droit du pauvre et pour l'intérêt commun de tous les Ordres (1789, 16 стр. in 8°; Bibl. Nat., L. b. 39/1709).—Еще более решительные требования см. Avis aux Parisiens, Doc. de Paris, I, стр. 156.

Уже в 1785 году аббат Бодо предложил разделить весь народ на 6 классов, именно: 1) король и его семья, 2) землевладельцы из дворянства и буржуазии, 3) арендаторы, половники и все самостоятельные хозяева, стоящие во главе сельско-хозяйственных предприятий, с их рабочими, далее—„les trois classes inférieures“: 4) ремесленники, 5) торговцы, 6) поденщики и наемные рабочие [1]).

Если в этом делении неимущие элементы города еще не объединены с неимущими элементами деревни, они все же выступают уже в качестве единств. В плане, составленном несколько лет спустя королевским прокуратором Ронзенаком, они сливаются в одно сословие „пролетариев городов и деревень“ („les prolétaires des villes et des campagnes“), при чем Ронзенак присоединил его в качестве пятого и четвертого сословия к хозяевам-собственникам („cultivateurs propriétaires“) трех существующих сословий [2]).

Однако эти подразделения не опирались на действительность, и люди, более зорко всматривавшиеся в социальное расчленение народа, стремились объединить всех неимущих в одно сословие в противоположность трем существующим сословиям [3]).

По их мнению, в действительности с этой точки зрения существовало лишь два класса: „класс бедных, обладающих только самым необходимым, и класс состоятельных, богатых, роскошествующих, пресыщенных“.

Но для того, чтобы, наконец, покончить посредством политического представительства, то-есть правовым путем, с древними тираническими злоупотреблениями варварских веков, в силу которых последний класс, не пользуясь никакими преимуществами, даваемыми обществом, должен был выносить на своих плечах бо́льшую долю налагаемых им тягот, казалось тогда необходимым присоединить бедных к существующим со́словиям в качестве четвертого сословия, в качестве „священного сословия несчастных“ [4]).

Если не обращать внимания на, правда, вовсе не маловажные ограничения, являвшиеся результатом неправильной организации управления и судопроизводства при Старом Порядке, то нельзя не признать, что выборы в Генеральные Штаты 1789 года были построены королевским указом от 24 января этого года, связывавшим избирательное право с очень незначительным цензом, на довольно широкой основе [5]).

---

[1]) Abbé Baudeau, Principes économiques (1785), стр. 15—18.

[2]) См. Chancel, L'Angoumois en l'année 1789 (Angoulême, 1847), стр. 534—535.

[3]) Пожелания о создании „quatrième Ordre des paysans“,—„des magistrats“ и т. д., встречающиеся в различных наказах и памфлетах, я здесь не принимаю во внимание, так как они исходят не из социальных различий, а лишь из различия профессий.

[4]) Noillac, Le plus fort des pamphlets (1789), стр. 45 и сл. и 67.—Doléances du pauvre peuple, стр. 4; см. Кареев, op. cit., стр. 361.—Doléance du cultivateur journalier, стр. 7, ibid.—Sophie-Rémi de Courtenai de la Fosseronde, Argument des pauvres aux Etats Généraux (1789, 15 стр. in 8°; Bibl. Nat. Nb. 39/1589), стр. 1.—Прежде всего Dufourny de Villiers, op. cit., стр. 7, 9 и 13. Полное заглавие произведения уже выражает это стремление: „Cahier du Quatrième ordre, celui des pauvres Journaliers, des Infirmes, des Indigents“ и т. д. „L'Ordre sacré des Infortunés; ou correspondance philantropique entre les Infortunés, les Hommes sensibles et les Etats Généraux; pour suppléer au droit de deputer directement au Etats Généraux qui appartient à tout Français, mais dont cet Ordre ne jouit pas encore. № 1, 25 Avril 1789“. Автор хотел сосредоточить в своих руках корреспонденцию относительно жалкого положения, доходов, рода занятий и т. д. четвертого сословия и предложить поступающие к нему памфлеты в качестве наказов этого сословия Генеральным Штатам; см. „Prospectus“, стр. 19—25.

[5]) „Это было почти всеобщее избирательное право“ говорит Олар, Политическая история французской революции (русск. перев. Кончевской, 2 изд.), стр. 34.

Все же, как мы видели, часть нации не была довольна этим избирательным правом и ожидала его расширения на измененных основаниях. В действительности же положение дел грозило принять совершенно иной оборот. Как только Национальное Собрание начал занимать вопрос о формах будущего народного представительства, обнаружилось, что на выборах 1789 года класс неимущих действительно не получил никаких или получил очень немногих защитников своих интересов.

Оставляя пока в стороне установление ценза для избирателей, мы должны отметить прежде всего, что Национальное Собрание стремилось связать пассивное избирательное право (l'éligibilité) исключительно с наличностью земельной собственности.

Вопрос о том, следует ли поставить земельную собственность условием пассивного избирательного права по отношению к народным представителям, был, как заявил 31 августа 1789 г. докладчик Конституционного Комитета Лалли Толендаль, всесторонне обсужден просвещенными людьми обоих направлений [1]). Сам Комитет склонился к тому мнению, что земельный собственник, все существование которого зависит от принадлежащей нации почвы и который поэтому более всего заинтересован в поддержании государства, в состоянии наилучшим образом представлять интересы всего народа.

Поэтому, он предложил,—дело шло о двухпалатной системе,—чтобы члены нижней палаты владели по крайней мере „une propriété immobilière quelconque", члены же сената—земельным участком установленной законом величины [2]).

Таким же образом высказался и второй докладчик Комитета Мунье [3]). В заседаниях 22 и 28 октября Дюпон-де-Немур и граф де-Вирьё внесли даже предложения, направленные на то, чтобы сделать из земельной собственности основу всего народного представительства, предоставляя активное избирательное право лишь земельным собственникам [4]).

Конституционный Комитет сделал, правда, шаг назад и в заседании 29 октября предложил в качестве условия пассивного избирательного права

---

[1]) Доводы в защиту всеобщего избирательного права мы знаем; приведем здесь некоторые аргументы против него. Граждане Нейльи-сюр-Марн полагали: „одни только собственники заинтересованы реально и постоянно в длительном благоденствии государства, так как остальные граждане находятся приблизительно в положении иностранцев, живущих в стране более или менее значительное число лет.... В качестве основы для активного и пассивного избирательного права следовало бы использовать *двадцатую*, так как она является в настоящее время единственным налогом, падающим на всех собственников". Arch. parl. IV, стр. 760.— Несколько иначе у Condillac—„... было бы абсурдом, если бы законодательство стало по-прежнему предоставлять право голоса тем, кому оно отказывает в средствах для существования, потому что оно заставило бы участвовать в суверенитете лиц, которые нисколько не заинтересованы в государстве... они, в сущности, являются врагами правительства, которое, отказывая им во всем, само обращается с ними, как с врагами". Hist. Anc. Oeuvres compl. VII, стр. 150.—Ср. также „Idées de l'Assemblée du département de Fontenay-le-Comte sur la Convocation des Etats Généraux (1788), напечатанные у Chassin, Les préparations des guerres de Vendée (1892), I, стр. 7—8.

[2]) Arch. parl., VIII, стр. 519.

[3]) Ibid. стр. 523.

[4]) „Чтобы быть избирателем, нужно владеть собственностью, имением. Административные дела охватывают отношения собственности, помощь бедным и т. д. Никто не заинтересован в них, кроме собственников... *Избирателями могут быть одни только собственники.* Не имеющие собственности не состоят в обществе, но общество принадлежит им". Disc. de Dupont, 22 oct. 1789; Arch. parl. IX, стр. 479.— „Граф де-Вирьё ... выражает сожаление, что условием не было выставлено требование собственности; он требует, чтобы этот принцип был положен в основу всего представительства". Ibidem, стр. 597.

ценз в 1 марку серебра (55 ливров); но правых партий это не удовлетворило, и они на-ряду с „un marc d'argent“ продолжали требовать земельной собственности.

Напрасно восклицал Демёнье, что это требование противоречит справедливости и всем изданным до сих пор Собранием декретам, напрасно говорил Тарже, что девятнадцать двадцатых нации не владеет никакой земельной собственностью и что благодаря этому условию почти все французы будут лишены народного представительства, что предпочтение, оказываемое имуществу, создает новую аристократию,—противники отвечали: земельный собственник несет все налоги и не может предоставить установление их тем, кто ничего не имеет; он один лишь привязан к земле, а вместе с тем и к интересам отечества, между тем как даже купец является гражданином всего мира, и т. д. [1]). Прибавка к „marc d'argent“ „et posséder une propriété territoriale quelconque“ была принята. Мирабо назвал ее „дурным законом“ [2]).

Уже предоставление избирательного права лишь тем, кто уплачивал налог в размере трехдневной заработной платы, принятое в заседании 22 октября, вызвало бурю негодования среди всех социально настроенных элементов. Указывалось, что господство собственности противоречит естественному порядку и что оно ставит на место аристократии дворянства аристократию богатства [3]).

Реакционная статья о марке серебра значительно усилила эту бурю. Брошюры и журналы снова наполнились тирадами против „тирании собственников“, и слова об „аристократии богатых“ стали лозунгом вождей низших слоев народа [4]).

„В десять лет,—восклицает Лустало в „Revolutions de Paris“,—эта статья снова приведет нас под иго деспотизма или вызовет революцию, предметом которой будут „Les loix agraires“ [5]).

Эту мысль между прочим развивает дальше в своем памфлете и Жюффруа. Единственное качество, необходимое, по его мнению, для народного представителя, состоит в том, чтобы сограждане признали его достойным этого поста; ему кажется „бессмыслицей“ требовать сверх того обладания земельной собственностью, „если только Национальное Собрание не сочтет необходимым проведение аграрных законов“. Подобное условие было бы возможно лишь в том случае, если бы „judaiquement parlant“ ввели юбилейный год и обеспечили за каждым французом действительную собственность на *6 моргенов*

---

[1]) См. речи Демёнье, Казалеса, Барер-де-Вьезак, Тарже, Пизон-дю-Галлан и др. в заседании 29 октября 1789. Ibid., стр. 598—599.—Казалес требовал не только „une propriété foncière quelconque“, но обладания участком, приносящим 1200 ливров дохода.

[2]) Ibidem.—Окончательно статья была принята 3 ноября. Стр. 654.

[3]) Заседание 22 октября 1789 г.: Аббат Грегуар нападает на эту статью, опасается аристократии богатых, указывает на права бедных и т. д.—Дюпор: „Эта статья придает большое значение имуществу, которое ничего не значит в естественном порядке. Она противоречит Декларации прав“.—Робеспьер: „... Из ваших декретов вытекает, что каждый гражданин имеет право принять участие в составлении законов; следовательно, выбирать и быть избранным без различия имущественного положения“.—Дефермон: „... Общество не должно быть подчинено собственникам, иначе народится аристократия богатых, которых меньше, чем бедных“. Ibid. стр. 478—479.—См. также Bouchez et Roux, Hist. parl. (1854), III, стр. 212—224; 246—7.

[4]) „Система Конституционного Комитета стремится в этом отношении нарушить принципы, чтобы на развалинах аристократии великих и министров установить аристократию богатых“. Guffroy, стр. 70.—Les quatre cris d'un patriote, стр. 5—11.—Ср. также Bouchez et Roux, op. cit., стр. 72 - 75.

[5]) Bouchez et Roux, op. cit., III, стр. 247.

земли, которые должны были бы выпасть на его долю при геометрическом делении королевства [1]).

Вся эта система Конституционного Комитета,—продолжает он,—ставящая частную собственность на землю выше свободы и личности, направлена лишь на то, чтобы внести в нацию гибельный раскол и создать новые привилегированные касты: она только увеличивает тяжесть принижающих различий, которые до сих пор всегда препятствовали народу возвыситься и получить большее значение, по сравнению с теми, которые презирали его для того, чтобы его порабощать" [2]).

Жюффруа рассматривает далее вопрос с точки зрения общественного договора; он видит в обсуждении конституции современной Франции возобновление „pacte social" между богатым, который не всегда обладает достаточной силой для того, чтобы защитить свое богатство, и сильным, но бедным, который не всегда хочет защищать слабость богатого и обеспечивать его имущество. Условия социального соглашения сводятся, по его мнению, к тому, что сильный бедняк должен взять под свою защиту слабость богача и взамен того получить от последнего долю земельных доходов [3]).

Если богатый землевладелец захочет *один* обсуждать ближайшее выполнение этого соглашения, то тем самым он, разумеется, нарушит договор, и бедняк не совершит никакой несправедливости, воспользовавшись своей силой для того, чтобы снова вернуть себе долю собственности, которую обеспечивает ему для поддержания его жизни природа самого союза в качестве неотчуждаемого права [4]).

Подобные требования не оставляют желать ничего большего в смысле ясности, и они до некоторой степени объясняют бешеную ярость правых, когда Конституционный Комитет попытался 3 и 7-го декабря 1789 года несколько смягчить статью о „марке серебра" [5]). Ибо, как только начало казаться, что демократические тенденции эпохи должны соединиться с идеями „Loi agraire", сопротивление владельческих элементов, естественно, должно было дойти до крайних пределов. Данных, которые бы оправдывали подобные опасения, существовало тогда, действительно, очень много и помимо угроз, заключавшихся в брошюре Жюффруа.

Благодаря энергичной деятельности публицистов, социалистические аграрные теории уже успели распространиться среди сельского населения, и один наказ (наказ прихода Фосс) уже потребовал поставить границы честолюбивым стремлениям богатых землевладельцев, распространявших свои имения за счет бедняков, и установить определенные пределы для приобретения земельных участков, как это было сделано в 1749 году с духовенством. Сеньер прихода должен был, примерно, владеть самое большее одной четверью или одной

---

[1]) Guffroi (Avocat, député des Etats d'Artois), Le Tocsin sur la permanence de la Garde Nationale, sur l'organisation des municipalités et des Assemblées provinciales, sur l'emploi des biens d'Eglise à l'acquit des dettes de la Nation, (Paris, 1789, конец октября, 124 стр. in 8°; Kgl. Bibl. R. 3615, Pièces VI, 10, стр. 68—69).

[2]) Ibid., стр. 70—71.

[3]) „При этом положении каковы суть, каковы могут быть условия общественного соглашения? Я защищу твою слабость, говорит сильный богатому французу, а ты взамен дашь мне некоторую частицу дохода от твоей собственности, или, другими словами: мы соединим силу и богатство, чтобы обеспечить этим путем взаимную помощь". Ibid., стр. 73.

[4]) Ibid., стр. 74.

[5]) Monit. № 103 и 107; II, стр. 293 и сл.; 326—27.—Bouchez et Roux, op. cit., III, 437—442.—Aulard, op. cit., стр. 68—69.

пятой площади прихода, а всякое другое частное лицо самое большее—одной шестой или седьмой [1]).

Тот же наказ требовал, чтобы крестьянам была предоставлена возможность владеть несколькими моргенами земли в качестве неотчуждаемой собственности [2]), а наказ Динана выражал пожелание, чтобы собственники невозделанных земель, согласно известному нам принципу, были принуждены обработать их или же предоставить их на правах полной собственности соседям, пожелавшим возделывать их [3]).

Артур Юнг рассказывает, что во владениях герцога де-Лианкур крестьяне действительно осуществили эту теорию на практике. После того, как вспыхнула революция, они, по его словам, объявили, что нацию составляют бедные и им принадлежат все необработанные участки; поэтому они без всяких дальнейших полномочий захватили эти участки в свое владение и приступили к их обработке [4]).

К этим, может быть, единичным мирным захватам вскоре присоединились кровавые насилия крестьянских восстаний во всех провинциях.

Социалистические брошюры усердно подливали масло в пылающий огонь; „Несчастный народ",—восклицает „Le Tribun du peuple" [5]),—ты сам построил эти раззолоченные дворцы, в которых твои враги гибнут от изнеженности; ты сам, страдая от голода, готовишь им роскошные обеды, которые возбуждают их сластолюбие! Ты сам приручил тех лошадей, под копытами которых они давят тебя, когда спешат на свои бесплодные свидания! Мужественно защищай до последнего издыханья неписанные законы народов, чтобы, по крайней мере, твои дети и внуки смогли наслаждаться изобилием и миром „Code fraternel" [6]).

Издеваясь, говорили высшим сословиям, что в их льстивом дружелюбии к простому народу видны лишь „гримасы собственной вины и трусости" [7]) и что народ от них же самих научился тому, что в политическом мире нет иного права, кроме права сильнейшего [8]).

---

[1]) Cahier de la paroisse de Fosses (Paris hors les murs),, art. 17. Arch. Parl., IV, стр. 593.

[2]) Ibid., стр. 564.

[3]) Cahier du Tiers-Etat de Dinan (en Brétagne), art. 13. „Что же касается до разного рода пустопорожних и заброшенных земель, то сеньеры, которые докажут свое право собственности на них, должны быть обязаны возделать их; если же этого не будет сделано, то пусть будет позволено соседям завладеть ими, чтобы разделить их между собой, разрабатывать их, извлекать из них доход и располагать ими на праве собственности". Arch. Parl. III, стр. 149.

[4]) Arthur Joung, Reisen durch Frankreich und Italien (Ed. Zimmerman, Berlin 1793), I, стр. 499 (6 jan. 1790).—Относительно распространения социалистических и естественно-правовых учений среди крестьянства см. также Burke, Reflexions sur la Révolution en France etc. (Trad. de l'anglais, 4 édit. Paris et Londres), стр. 479—481.

[5]) Автором брошюры „Le Tribun du peuple" является Бонвиль, позднее сотрудник „Cercle social". От него, вероятно, заимствовал Бабеф свое имя „Народный Трибун".

[6]) Le Tribun du peuple; lettre I à la Nation française (1789), стр. 8—9.—Такой же характер носит и Avis aux Parisiens: „Народы, помните о том бремени, которое вы несете. Посмотрите на окружающие вас замки, которые вы построили своим потом и кровью; дороги, вымощенные вами, служат для прелатов, бенефициариев, сенаторов и вельмож! Что получаете вы от них за все те благодеяния, которыми вы их осыпаете, за все то почтение, которое вы к ним проявляете?—Презрение!" См. Documents de Paris I. стр. 156.

[7]) Les quatre cris d'un patriote à la Nation (1789), стр. 7.

[8]) ... „в мире политики все делается, опираясь на силу, или, если угодно, при помощи закона более ловкого, который становится более сильным". Seconds, Essai sur les droits des Hommes (1789), стр. 40.

До сих пор деспоты и аристократы в глубине души смеялись над всеми непрерывно преподносившимися им теориями и системами относительно общественных договоров, соглашений и т. д.: они очень хорошо знали, что эти договоры или вовсе не существуют или являются лишь „делом силы" (ouvrage de la force). „Их система,—говорит Секондс,—заключалась в силе единения! К счастью, мы теперь хорошо знаем их рецепт и их тайну и надеемся не забыть ни того, ни другого" [1]).

Из глубоких народных недр стали раздаваться гордые и грозные слова, и многим собственникам должно было становиться очень не по душе, когда до их уха доходили слова Дюфурни-де-Вилье о „непреодолимой силе, создающей революции, силе необходимости" [2]).

Эту пропаганду пытались обезвредить огнем и мечом.

Парламенты осудили ряд брошюр: „Avis aux Parisiens", „La Passion, la Mort et la Resurrection du Peuple", „Avis aux députés des villes et des communes", „Les Gracches français" и др., при чем в качестве мотивов к их сожжению наряду с религиозными соображениями приводились указания на то, что они требуют равенства, не существующего вообще в природе [3]).

Но в еще большей степени пытались бороться с опасными пророками путем поучений: перед сельским населением развивались картины доброго старого времени: против „анонимных произведений" ему посылались циркулярные предупреждения, в которых доказывалось, что система равенства состояний и имуществ представляет из себя фантасмагорию и отнюдь не может быть выведена из установленных Национальным Собранием прав человека [4]).

Мне кажется важным остановиться несколько на этих возражениях против „Loi agraire": они ясно показывают, как велики были чувства страха и отвращения, вызывавшиеся тогда малейшей нападкой на принцип частной собственности.

Некоторые наказы считают уже необходимым снабдить своих уполномоченных директивами относительно идей равенства. Так, например, дворянство Санса и Вильнев-ле-Руа запрещает своим депутатам соглашаться на малейшую жертву какою-либо частною собственностью „под предлогом государствен-

---

[1]) Ibid, стр. 41.

[2]) Это первое условие, состоящее в поддержке и помощи бедным, неизбежно должно быть выполнено во всех случаях, какой бы ни был созыв и состав Генеральных Штатов, какого бы ни было распределение сословий, какой бы характер ни носила их работа: ибо, если разум и справедливость оказываются недостаточными, выступает непреодолимая нравственная сила, творящая революции, сила необходимости". Dufourny, Cahiers du 4e Ordre. стр. 9—10.

[3]) См. Doc. de Paris., I стр. 157—158 и 175—178.—Епископ Клермонский указал в заседании Национального Собрания 4 ноября 1789 г. на памфлет Буасселя „Catechisme du genre humain": ... „Что такое собственность супругов? Это—имущество, которое муж имеет от жены. Автор находит эту собственность столь же несправедливой, как и собственность на землю, и не видит иного средства уничтожения этой несправедливости, кроме раздела земли и общности жен". Arch. parl. IX, стр. 674,

[4]) ... „эти прекрасные дни исчезли, как сон. Религия уничтожена... проповедуют нападения на замки; *все эти беды имеют своим источником анонимные брошюры*: достопочтенные земледельцы, разве вы не обязаны своим благополучием единодушию вашего дворянства и вашего духовенства? Эти системы равенства званий и имуществ представляют из себя лишь химеру. Вас обманывают, когда обещают вам вырвать у ваших сеньеров и пастырей их собственность". Extrait du mandement de M. de Mesmer évêque de Trégnier. lu à la Seance du 15 oct. 1789, ibid., стр. 451.—„Когда собрание заявило, что все люди равны в правах... оно отнюдь не хотело сказать, что кто-либо имеет права на собственность других людей и т. д.". Lettre circulaire du comité patriotique de Brives aux habitants de la campagne. Monit. (Réimp. 1860) III, стр. 373.

ных интересов или возврата к первоначальному равенству, не совместимому со всяким благоустроенным обществом“ [1]).

Наказ Эссонн (Essonnes) пытается даже, правда не в особенно удачной форме, привести доказательства в пользу естественной необходимости неравенства и заключает их утешительным положением, что все имущества равны с точки зрения государственных повинностей, которые каждый несет по мере своих средств [2]).

Доводы, приводившиеся в брошюрах против социалистического равенства, нам уже отчасти известны.

Прежде всего возникало естественное опасение, что всякая перемена в владельческих отношениях принесет вред государству, при чем указывали на непрерывно возобновляющиеся беспорядки, к которым приводило стремление осуществить неправильно понятое равенство посредством аграрных законов: благодаря этому погибли не только наиболее блестящие царства Азии, но и гордая Римская республика [3]). Другие считали при водворении равенства неизбежной утрату активности; по мнению г-жи де Гуж (Gouges), оно создаст „богатых, лишенных пристанища, ученых без рвения к знанию, средних людей без силы, бедных без помощи“; все, томимые жаждой к подчинению, погибнут от ужасной анархии и отвратительного равенства [4]).

Старались ниспровергнуть даже основы естественного права и воззрения Руссо об общественном договоре, чтобы доказать бессмысленность имущественного равенства [5]).

Снова извлекли на свет божий аргументацию Локка, чтобы „укрепить приобретенное трудом и затратами право собственности поселянина на его землю и плоды“ и лишить силы „право на раздел“ [6]).

Наиболее замечательным в этой аргументации было то обстоятельство, что уже перестали обосновывать право частной собственности на гражданском общественном договоре, как это было до этого времени благодаря сильнейшему влиянию Руссо.

Выводы коммунистов показали, насколько слаба была эта позиция, и поэтому сторонники частной собственности стремились доказать, что по своей природе она находит себе оправдание в самом *естественном праве* [7]).

---

[1]) Cahier de la Noblesse, des Baillages de Sens et de Villeneuve-le-Roy: „Maintien général de la propriété“, art. 9. Arch. parl. V, стр. 754.

[2]) Cahier de la paroisse d'Essones prés de Corbeil, Idées générales sur les personnes et sur les biens en France. Arch. Parl. IV, стр. 519 ch. VII: „Равенство, как мы уже сказали, является основанием всех обществ; не то, которое существует лишь в воображении и желаниях, и не то, которое стремится уравнять имущественное положение, но лишь то равенство, согласно которому все люди, все подданные должны быть равными в глазах государства, в отношении государственных повинностей и т. д.“. Ibid., стр. 526.

[3]) Morizot, Appel au Roi (Paris, 1790, 128 стр. in 8° Kgl. Bibl. Berl. R 3616. Pièces cur. VII, 11), стр. 56—58. Sénac de Meilhan, Considérations sur la richesse, Chap. 24 „Des révolutions dans les fortunes“, стр. 330.—Leroy de Barincourt, La Monarchie, стр. 49—52.—Au peuple de Paris par un homme raisonable, 1790 (Kgl. Bibl., ibidem, III, 7), стр. 5—6.—Chanson, De la liberté et des devoirs de l'Homme, ouvrage du jour dédié a M. le Marquis de la Fayette (Paris 1789, 48 стр. in 8°; Kgl. Bibl. ibid. 3613; IV, 11) стр. 22—23.

[4]) Olympe de Gouge, Le bonheur primitif (1789), стр. 65—66.

[5]) Expositions des droits de l'Homme (Paris, 1789; Kgl. Bibl. Berl. R 3613, Pièces IV, 7) стр. 2—9, 27 сл.

[6]) Ibid., стр. 12—14.

[7]) „Собственность в общем представляет из себя владение, приобретенное путем труда без всяких захватов прав другого лица“. Ibid., стр. 14—15.

Утверждения Руссо и Монтескье о том, что в естественном состоянии все блага были общим достоянием всех людей, решительно отвергаются, и отказ от этой общности при вступлении в „état civil“ объявляется химерой. Так называемому „естественному праву на всё“ или правам, выведенным из общественного договора, памфлет, из которого мы заимствуем эти выводы, противополагает труд отдельного человека: „Труд является единственным основанием для владения в естественном состоянии; в гражданском мире нет никакого другого основания; и здесь только один лишь труд дает право на все блага, которыми владеют и которые приобретают“ [1]).

Этим путем пытались уже в теории обезвредить коммунистические следствия, вытекавшие из учения об естественном праве, чтобы избежать всяких идущих с этой стороны влияний на практическое законодательство. В Национальном Собрании при формулировании Декларации прав неоднократно и весьма определенно указывалось, что под равенством следует понимать равенство перед законом, а не равенство богатств и что можно лишь выразить сожаление, если безудержная фантазия неправильно понимает принципы Собрания, или некоторые выродившиеся умы, не желающие понять их, позволяют себе вызывать беспорядки [2]).

Существовали, однако, люди, полагавшие, что идея равенства проникла слишком уже глубоко в законодательство Национального Собрания; они упрекали его в том, что оно сделало предметом социального законодательства не человека в общественном состоянии, как поступали все бывшие ранее законодатели, а человека в естественном состоянии; принятая Собранием система была бы хороша, если бы она доказала равенство также и физических сил [3]).

Это недоверие к принципам Национального Собрания заходило в дворянских кругах уже в июле 1789 г. так далеко, что многие полагали, что руководящие в собрании лица, владевшие лишь небольшой земельной собственностью или вовсе не имевшие ее, решились напасть также и на нее и подвергнуть ее равному переделу. „Многие люди действительно ожидают этого“, говорит Юнг, сообщающий нам об этом [4]).

И, по крайней мере, для одного класса общества Старого Порядка эти опасения оказались вскоре совершенно основательными. С начала августа 1789 года начались прения по вопросу, не следует ли отнять у духовенства его земельные владения вместе со всеми принадлежащими к ним недвижимостями.

Напрасно предупреждали представители духовенства, что, если произойдет покушение на владения корпораций, никакая собственность не останется священной [5]), что, опираясь на этот пример, неимущие, если они будут господствовать в Национальном Собрании, объявят недействительными и уничтожен-

---

[1]) Ibid., стр. 16—18; 20—21.

[2]) См. речь Лалли-Толендаля от 12 июля 1789 г.; Arch. Parl. VIII, стр. 222. Декларацию прав Сиейса, ст. 19, стр. 423.—Проект Декларации VI бюро, статья 17, стр. 432.—Проект комитета пяти (Мирабо), ст. 17, стр. 439.—Статьи, предложенные Буаландри, ст. 7, стр. 468.

[3]) Etat actuel de France (Paris, 1790), январь; Bibl. Nat. L. b. 39/2759). стр. 31—32.

[4]) Art. Young, op. cit. I, стр. 284—285 (31 июля 1789).—Камилл Демулэн также описывает в „La France Libre“ страх дворянства и буржуазии перед Loi Agraire. В разговоре с дворянством буржуазия успокаивает себя тем, что по крайней мере в Национальном собрании этот закон не пройдет, так как неимущие не могут выбрать в него своих представителей. См. Aulard, Bourgeoisie et Démocratie. „La Revol. franç.“, XXXV (1898), стр. 194.

[5]) „Если предложение может уничтожить корпорации и захватить их имения, то никакой священной собственности больше не существует“; Речь Пеллерена (24 окт. 1789 г.) Arch. Parl. IX, стр. 518.

ными всякие права на частную собственность [1]; напрасно грозили епископ д'Изез и аббат Мори, что вслед за покушением на церковные земли народ может потребовать нового аграрного закона: церковные земли перешли в руки нации, и если они и не были разделены поровну, то все же идея возможно более равномерного распределения земли оказали известное, по крайней мере, влияние на законы, приводившие в исполнение постановление о продаже церковных владений [2]. Однако „Loi agraire" в целом, как противница существующего порядка, вызвала еще большую ненависть всех партий, боявшихся, что она вызовет войну неимущих против собственников [3].

Четвертое сословие, которое должно было защищать ее идейное содержание, в конце 1789 г. еще не получило никакой политической организации. Однако первые зачатки последней, знаменовавшие вместе с тем появление на мировой сцене нового социального движения, падают уже на начало 1790 года.

В феврале [4] этого года возник „Cercle Social", предложивший народу нести заявления о своих желаниях и скорбях в „Bouche de fer", воздвигнутую у Национального театра, дабы после их тщательного рассмотрения можно было подумать о средствах для помощи.

Содержание этой „Bouche de fer" появилось впервые в ноябре 1790 г. на столбах посвященной то же имя газеты, которая выступила вполне определенной сторонницей создания крупной организации, имевшей своей целью

---

[1]) „... Если мы можем придать обратную силу отмене законов, не будет больше граждан, которые могли бы быть спокойными по отношению к праву на свою собственность... Думаете ли вы, что, если лица, не владеющие земельной собственностью, когда-либо получат господство в Национальном собрании, права земельных собственников не смогут быть нарушены?" Речь Буажелена, архиепископа Э (31 окт. 1789 г.), ibid., стр. 619. Согласно Moniteur (réimpr. 1858) I, стр. 445 за последним предложением следовало: „Они отбросят ваши декреты, являющиеся вашими единственными правами на будущее".

[2]) „... Если нация имеет право вернуться вспять к возникновению общества, чтобы лишить нас нашей собственности, признававшейся и защищавшейся законами в течение более, чем 14 веков, то этот новый метафизический принцип приведет нас непосредственно ко всем восстаниям аграрного закона. Народ воспользуется хаосом, чтобы потребовать раздела этих земель, которых не обеспечивает от захвата даже самое незапамятное владение". Речь аббата Мори (13 окт. 1789 г.), Arch. parlem. IX, стр. 421. — „Как только будет хоть раз нарушена священная ограда собственности, она вскоре подвергнется дальнейшим нарушениям: и тогда скоро увидите, что будут произведены покушения на земельные и наследственные владения и что будет произнесено *слово, разрушившее все великие общества, но вместе с тем всегда льстившее толпе, слово „аграрный закон"*. Ваша мудрость, конечно, отвергнет его, но с каким весом будет говорить в его пользу тот, кто сможет сослаться на столь великий пример. Я осмеливаюсь надеяться, что на него нельзя будет сослаться". Речь Бетизи, епископа d'Uzes (23 окт. 1789), ibid., стр. 490.

[3]) „Г. Маркиз де-Мирабо в только что напечатанном им произведении называет эти события (крестьянские волнения) войной тех, кто ничего не имеет, против тех, кто имеет что-нибудь". Речь аббата Грегуара (9 февр. 1790 г.) Moniteur, № 42; III стр. 336. — „О самой разрушительной для всех гражданских обществ войне, войне тех, кто ничего не имеет, против тех, кто имеет что-нибудь". Речь Казалеса (20 февр. 1790 г.), ibid. № 53; III стр. 430, „Эксцессы... превратятся в самую печальную войну тех, кто ничего не имеет, против тех, кто имеет что-нибудь". Idem (24 февр. 1790) ibid., № 55; III, стр. 444.

[4]) Новейшие исследователи французской революции относят возникновение „Cercle Social" на октябрь (Lichtenberger, Le Socialisme et la Revolution franç. 1899, стр. 69) или на ноябрь 1790 г. (Aulard, Hist. pol. de la Revolution française (1901) стр. 92). Однако Moniteur universel напечатал уже 21 февраля этого года заметку о возникновении и целях этого клуба; она начинается след. словами: „Под именем „Cercle Social" только что возникла новая организация, которая заслуживает быть выделенной из массы обществ, печатающих листки и т. д. Moniteur (réimpr. 1858 и сл.) № 52; III, стр. 421.

коммунистическое обобществление всего человечества [1]). Душой этого предприятия был аббат Фоше, а его сотрудниками—Кондорсе, Дюфурни-де-Вилье Бонневиль, Шабран, Атанас Оже и другие. Ни „Cercle Social", ни „Bouche de fer" не просуществовали долго, но в них мы должны видеть первую попытку политической организации аграрного коммунизма и даже социализма вообще.

Наши наблюдения подходят к концу. Я очень далек от мысли пуститься в критику этих странных пожеланий и требований, порожденных плодородными недрами XVIII века: они, несомненно, представляют из себя юношеский период в развитии современных коммунистических систем, но на их крыльях еще слишком заметна скорлупа, из которой они вылупились: и они сами еще слишком нежны, чтобы вынести суровое соприкосновение научной критики.

Я хотел прежде всего показать, как параллельно индивидуалистическому течению, получившему в научной области свое высшее развитие в лице физиократов, в XVIII веке текло другое, менее сильное течение, носившее более социальный характер и получившее свое наиболее яркое выражение в теориях аграрного коммунизма и равного раздела.

Но как раз по отношению к землевладению воззрения физиократов и их сторонников находились в совершенном противоречии с чувствами большей части народа. Если они отдавали безусловное предпочтение в области сельского хозяйства крупному производству и соответственно с этим крупному землевладению, то крестьяне и очень значительная часть образованных людей считали единственно выгодным для государства и народа мелкое производство и сильное раздробление земельной собственности.

Правда, проявляющаяся в рассмотренных нами теориях мысль обеспечить каждому члену государства и даже всего человеческого общества некоторую долю в обработке земли, пожизненно или по крайней мере на известное число лет, выходила далеко за пределы всякой действительности. Но все же социальное чувство, из которого она возникла, сказалось вскоре в аграрно-политическом законодательстве Революции, прежде всего в законодательстве первых трех великих Национальных Собраний, и тем повлияло на практическую жизнь самого народа. Я надеюсь ясно установить это влияние в истории названного законодательства.

---

[1]) „... Объединить все народы и всех живущих на земле людей в единую братскую семью, связанную стремлением каждого к общему благу". Bouche de fer (Paris, ноябрь 1790—июль 1791 г., 4 тома in 8°; Bibl. Nat. L² c 317) № 5.

ОЧЕРК ТРЕТИЙ

АГРАРНОЕ ДВИЖЕНИЕ 1750—1789 Г.Г.

ВВЕДЕНИЕ.

Человеческая деятельность и, в еще большей степени, человеческая мысль, имеют тенденцию к крайностям. Избегая покоя и равновесия, равносильного смерти, она неустанно колеблется от одного полюса к другому.

Если для средневековья мир был единым целым, недолимым единством, постигаемым только через посредство образа всемогущего, всеведущего, всеобъемлющего Бога, то для нового времени он стал делимым, до бесконечности разнообразным множеством, объяснимым лишь при помощи представления о мельчайших силах. Если прежде очами души была вера, то теперь ими сделалась наука.

Правда, слугами науки сначала были только мечи, делом которых было разрушение, являвшееся, разумеется, в то же время и освобождением: но пока еще не было рук для постройки нового. Таким мечом была Реформация, было учение об естественном праве: первая в сфере религиозной жизни, второе—в сфере социальной. То, что, в противоположность церкви и догме, именовалось Реформацией и возвращением к истинному учению, в последующих столетиях стало называться естественным правом и возвращением к разуму в противоположность всем существующим формам общественной жизни.

Взор человека вернулся из заоблачных, потусторонних сфер на землю: он стал различать вещи, находившиеся вокруг человека и под его ногами; он должен был найти новое объяснение сущности и движению вещей в природе: это было рождением новой науки в его душе.

Правда, нужно было еще пройти долгий путь от познания природы Николая Кузанского к натурфилософии Джиордано Бруно; от пытливых комбинаций Парацельса к законам Кеплера и Галилея, от механического учения о природе Кардана к всеобъемлющему механическому объяснению природы Декарта и Гассенди. Но в это время коренным образом изменился взгляд на вещи: на природу начали смотреть, как на систему закономерно движимых частей. „Всякий процесс есть механическое движение, именно сложение, разъединение, перемещение, колебание больших и малых тел: математика есть орган познания природы!“ [1]).

Закономерность всего сущего—вот новый лозунг: подобно тому, как естествоиспытатели стремились найти и определить законы, по которым движутся материальные тела, так и обществоведы стали доискиваться тех „законов природы“, согласно которым живут или, по крайней мере, должны жить общественные организмы—народы.

Эти главные ветви древа науки вскоре подверглись многочисленным дальнейшим разветвлениям. Рассматривая классификацию всех наук, сделан-

[1]) Р. Фалькенберг. История новой философии. Перевод Д. Викторова. М. 1910. Стр. 35.

ную Бэконом Веруламским в начале 17 века в его Instauratio magna, мы найдем, что науки разума разделены на две категории—наук о природе и наук о человеке. В подразделениях первой категории мы встречаемся уже — под понятием физики в тесном смысле слова—*с наукой о сельском хозяйстве*, в подразделениях второй—под общим понятием науки о законах — *с политико-экономической наукой*.

Почти полтора века спустя Бэконовская таблица классификации наук была положена в основание труда, с которым по его влиянию на современные умы не может сравниться никакой другой: в основу великой энциклопедии Дидро и д'Аламбера [1]). Лишь к этому времени обе те науки, которым Бэкон уже давно отвел надлежащее место, начали становиться действительно настоящими науками. Это было время, когда во Франции начиналось движение, о котором Вольтер говорит в своем обычном иронническом тоне: „Около 1750 г. нация, пресыщенная стихами, трагедиями, комедиями, операми, романами и, еще более, романтическими рассуждениями о морали и теологических распрях, о благодати и экстазах, принялась, наконец, размышлять о хлебе. Даже виноградники были забыты для разговоров о ржи и пшенице. Стали писать полезные вещи о сельском хозяйстве; их читали все, кроме крестьян. Выходя из Opéra-Comique, устанавливали факт, что Франция изобилует хлебом для продажи“ [2]).

С внезапностью, казавшейся странной даже современникам, сельское хозяйство выдвинулось тогда на первый план среди интересов образованного общества.

Научная теория обработки земли давала первые ростки; расцветавшая молодая наука политической экономии исходила из земледелия, как основы государственного организма; медицина, физика, химия, даже философия и искусство и, наконец, политика стали служить сельскому хозяйству, которое они так долго презирали.

Что обозначает это странное движение? Каковы источники, из которых оно возникло? Каков путь, по которому оно направлялось во Франции до начала Великой революции?

В выяснении этого заключается задача этого очерка.

---

[1]) Observation sur la division des Sciences par le Chancelier Bacon. Encyclopédie I (Paris 1751) стр. LI—LII.

[2]) Voltaire, Dict. phil. IV p. 91.—В аналогичном смысле отзывается Mémoire sur les prairies artificielles: „За последние десять-одиннадцать лет интерес французской нации, повидимому, стал, наконец, обращаться в сторону земледелия, ремесл и торговли. Произошло ли это по симпатии и искреннему влечению? Или же вследствие размышления, сознания нашей бедности в этих важных отраслях? Или, скорее, быть может, это просто модная причуда, которая скоро пройдет? Предоставим времени решить эту задачу, и воспользуемся первыми плодами, которые уже принесла эта счастливая мысль“. „Journal Oeconomique (1761, Février, стр. 56).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Происхождение аграрного движения и его литературное развитие.

I

Экономические теории и сельское хозяйство 1700—1750 гг.

Почти всякой эпохе свойственно считать непосредственно предшествовавшую ей отсталой и презирать ее. Живущий всегда кажется себе победителем над мертвыми и считает более истинным то, что он придумал сам.

При Генрихе IV и его министре Сюлли торговлю и сельское хозяйство называли двумя сосцами государства; в эпоху господства меркантилизма те каналы, по которым притекает в страну золото, видели, по преимуществу, в промышленности и торговле и ее произведениях, а еще столетие спустя единственным источником богатства стали считать сельское хозяйство.

В настоящее время на место ценностей этих эпох мы поставили совершенно иные ценности, и историку надлежит ныне исследовать не столько справедливость этих систем, сколько изменения взаимно порождающих друг друга идей и состояний. Меркантилизм был орудием власти в руках абсолютизма. Его сделало необходимым образование больших национальных государств с централизованной системой управления. Экономическую жизнь народа рассматривали лишь, как часть государственной машины, и считали нужным включить полностью в целое государственного организма. „Установление общего и одинакового хозяйственного порядка внутри этих новообразованных государств всюду стояло на первом плане государственных задач“, а во внешней политике считалось долгом государственной власти „поддерживать народное хозяйство страны как целое, защищать и представлять его интересы в международной борьбе соперничающих государств“ [1]).

Но для централизации столь обширного организма государству было безусловно необходимо одно средство—деньги! Возможно больший оборот возможно большего количества денег являлся, поэтому, наиболее отвечающим его целям. А так как цветущая промышленность и цветущая внешняя торговля готовыми товарами казались наиболее богатыми источниками золота, то отсюда следовало безусловное покровительство им со стороны государственной власти.

Но государственная власть и народ слились еще не настолько, чтобы средства, лучше всего обслуживавшие государственные задачи, являлись, в то же время, наиболее полезными и для всего народного хозяйства.

Правда, меркантилизм породил цветущую промышленность: но сельское хозяйство Франции вследствие этого едва не погибло. Сам по себе такой

[1]) Schmoller, Grundriss (1900) стр. 85-86.

результат не являлся необходимостью, и Кольбер пытался воспрепятствовать этому [1]). Но отчасти придворная жизнь, а в еще большей степени—чрезмерно широкие политические цели Людовика XIV слишком напрягли денежные силы государства [2]); вследствие этого, одностороннее покровительство промышленности и торговле стало служить уже не к укреплению экономических основ, а привело к эксплоатации страны искусственно вздутой отраслью народного хозяйства.

Разумеется, в задачи французских государственных деятелей-меркантилистов никогда не входил упадок сельского хозяйства, но он явился результатом всей их системы: ближайшие причины этого упадка заключаются в тяжести лежавших на крестьянах налогов и в подрывавшей доходность сельскохозяйственных предприятий политике хлебной торговли.

Что налоги к концу царствования Людовика XIV явились, в особенности вследствие неравного распределения тальи [3]), почти невыносимым бременем для крестьян,—это слишком хорошо известно [4]).

Тем не менее, эту тяжесть можно было бы, пожалуй, преодолеть, если бы и сельскому хозяйству не был, в то же время, нанесен смертельный удар в виде системы ценили.

Чтобы держать, к выгоде мануфактур, цены на хлеб на более низком уровне, министры, начиная с Кольбера [5]), препятствовали как внутренней, так и внешней хлебной торговле.

Их меры, правда, привели к тому, что в период от 1660 г. приблизительно до конца царствования Людовика XIV цены на хлеб, в общем, оставались низкими; но всякие цены подвергались столь резким колебаниям и, по временам, так повышались, что вызывавшаяся этим дороговизна приносила неисчислимый вред государству [6]). - Следствием этого было, если можно верить Буагильберу, уменьшение общего национального дохода на сумму около 500 миллионов за последнюю треть XVII века [7]). В первые десятилетия по смерти великого короля это падение сделалось еще более чувствительным для сельского хозяйства; цены на землю беспрестанно понижались; начавшееся, в первой половине XVII века, движение, имевшее целью открыть для обработки

---

[1]) Справедливую оценку этого великого государственного деятеля дает W. Naudé. Die Getreidehandelspolitik der europäischen Staaten vom 13 bis zum 18 Jahrhundert (Berlin 1896) стр. 36-58.

[2]) „В отношении тех средств..., которые употребляются для добывания денег для нужд короля", говорит в одном месте Буагильбер в Détail de la France, „на Францию смотрят как на неприятельскую страну или как на такую, которую никогда больше не придется увидеть, и в которой поэтому не кажется странным сломать и разорить дом в десять тысяч экю, чтобы продать на двадцать-тридцать пистолей свинца или дерева". Daire, Coll. des Economistes I p. 236.

[3]) Ср. Boisguilbert Détail de la France (1697) главы IV—VI. Vauban Dîme royale (1707); Daire I, стр. 51.—Dutot Réflexions politiques sur le commerce et les finances (1735); ibid. I, стр. 862 сл.

[4]) Покровительство промышленности заходило в этом случае так далеко, что семьи рабочих, в которых трое детей работали на фабрике, освобождались от тальи. Кареев. Les paysans, стр. 182.

[5]) При самом Кольбере, который был министром 168 месяцев, вывоз хлеба был запрещен только в течение 56 мес., в продолжение же 112 мес. он оставался свободным, частью с вывозной пошлиной, частью без нее. Naudé, Op. cit. стр. 53.

[6]) Boisguilbert, Le Détail; Daire I, стр. 174 Idem, Factum de la France; ibid стр. 274.—Ср. также Lavergne, Les économistes, стр. 93, сл.—Bussière, La révolution en Périgord I, стр. 188 189. (Таблицы цен на хлеб с 1552—1787 г.).—Araskhaniantz, Die franz. Getreidehandelspolitik bis zum Jahre 1789 (Schmollers Staats- u. soz.-wissenschafte. Forsch. IV, 3 1882) стр. 116—121.

[7]) Boisguilbert; Le Détail (1697); Daire I стр. 189—190; см. также над. 1707 г. т. I, стр. 7—12, 33-34, 60—63 и 128.

новые пространства земли, не только прпостановилось, но стали забрасываться только что возделанные земли; та же участь начала постигать даже издавна обрабатывавшиеся участки; количество скота уменьшилось, и убыль населения достигла ужасающих размеров [1]).

Такой регресс, сказавшийся и на падении внешнего могущества Франции, произвел глубокое впечатление на мыслящих людей страны. Они думали найти причину этого явления в ложных принципах, согласно которым управлялась страна. Пытаясь прежде всего вскрыть научным путем основы экономической жизни и стремясь затем построить на них новую систему государственного управления, они пробовали склонить к ее принятию и правительство.

Их пытливый взгляд устремился прежде всего на самую болезненную язву народного организма — на бедственное положение сельского хозяйства.

Во главе этих мыслителей стоял обладавший ясным и глубоким пониманием дела руанский судья Пьер Ле Пезан дю Буагильбер.

В результате своих экономических наблюдений, которые он изложил, не заботясь о вызванных ими враждебных нападках, в своих произведениях 1697 — 1712 гг., Буагильбер пришел к убеждению, что получаемый сельским хозяином доход не покрывал более издержек производства, что, поэтому, крестьянин сокращал площадь посева, и что, таким образом, все большая и большая часть французских полей оставалась вовсе невозделанной или же плохо обработанной [2]).

Это состояние могло, по его мнению, быть преодолено лишь в том случае, если бы цены на хлеб вновь поднялись до уровня, делавшего выгодным обработку земли. Средство для достижения этого он усматривал в увеличении потребления хлеба: „Потребление есть принцип всякого богатства", говорит он в „Factum de la France", сравнивая страну, в которой потребление ограничено с чрезвычайно плодородным лугом, который, тем не менее, не приносит своему хозяину никакого дохода, так как вы оземый на него скот носит намордники, мешающие пастись [3]).

По каким путем можно было увеличить потребление?

Буагильбер видел решение этого вопроса в более либеральном торговом законодательстве англичан и голландцев; [4]) он требовал, поэтому, для Франции, по примеру этих стран, отмены внутренних пошлин и поощрительных, а не запретительных мер по отношению к вывозу хлеба. Высказываясь против существующей системы управления, он тем самым наметил направление, в котором должна была развиваться в следующем столетии борьба за свободу торговли и вообще всей экономической жизни, против государственного протекционизма.

Известно, что после смерти Людовика XIV меркантилистические воззрения отнюдь не прекратили своего существования; напротив, как раз в первой

---

[1]) Vauban, Dime I стр. 34 сл. и сл.—Manry, La civilisation en France depuis le 17-e siècle; Revue des Cours Littéraires (1867) IV, стр. 582—583.— Lavergne, Les économistes, стр. 180—185.—Boislisle, Mémoire des intendants sur l'état des généralités (1881) I стр. XLVIII сл.—A. Allem, Le marquis d'Argenson et l'économie politique au début du XVIII-e siècle, (Paris 1900) стр. 54.

[2]) Только две причины мешают человеку обрабатывать свою землю... „или то, что после обработки у него нет такого сбыта для своих продуктов, как раньше, вследствие чего он потерял бы все затраченное им и, к несчастью, счел бы для себя более выгодным оставить свою землю под паром". Détail; Daire I, стр. 254— Traité des Grains; ibid стр. 370 см. см. также Araskhaniantz, op. cit 135 сл.— A. Oncken, Geschichte der Nationalökonomie (Leipzig, 1902) I стр. 251.

[3]) Daire I, стр. 282. „Самая лучшая земля в мире ничем не отличается от плохой, если она не возделана", говорил он уже в Détail de la France; ibid. стр. 193.

[4]) Détail, стр. 215—217.—Traité des Grains, стр. 360 и 374 и сл.

половине XVIII века, они получили систематическую разработку в теории Мелона [1]) и еще более широкое применение на практике.

Рвение эпигонов этого течения преувеличивало идеи его создателей, вследствие чего они стали в еще бо́льшее противоречие с изменившимися условиями времени. Предпосылки, до известной степени оправдывавшие запрещение вывоза в период от 1660 до 1700 гг., уже не имели прежнего значения в XVIII веке [2]).

Если рассчеты Деламарра справедливы, то в первые десятилетия производство хлеба еще превышало спрос, но уже с 1720 г. начало, повидимому, устанавливаться обратное соотношение [3]).

Метеорологические условия были, начиная с 1710 г., почти все время благоприятными, и урожаи очень хорошими [4]), но боязнь недостаточного сбыта препятствовала соответствующему развитию земледелия; и если частичные разрешения вывоза и отменяли порою таможенные ограничения, то все-же за это время, благодаря успехам английского и даже испанского сельского хозяйства, Франция утратила свои хлебные рынки [5]).

Требование бо́льшей свободы торговли приобретало, поэтому, все большее и большее число сторонников. Если Вобан, Сен-Пьер и Лоу уже выступали в защиту свободы внутренней торговли, то в своих взглядах на торговый баланс они все же оставались меркантилистами. Но скоро появились люди, предоставлявшие свободе еще более широкое поле действий [6]), и стремление к общей и абсолютной экономической свободе получило свою формулировку еще до 1750 г.

Уже Буагильбер высказал, в словах „laissez faire la nature“, свою надежду на более успешное развитие народного хозяйства под влиянием закона свободной конкуренции [7]); маркиз д'Аржансон сделал принцип „laissez faire“ исходным пунктом новой экономической политики. Не только свободная внутренняя торговля, но и возможно бо́льшая свобода от пошлин в сношениях между самыми государствами являлись, по его мнению, путем к счастью народов; обмен товарами между отдельными государствами должен был быть также свободен, как обмен водою или воздухом... и вся Европа должна служить одним общим рынком для всех народов [8]).

В центре экономического мышления всех этих людей 1700—1750 г.г. стояла торговая политика; но, исследуя, по преимуществу, влияния законов о хлебной торговле, многие из них начинали уже более серьезно интересоваться сельским хозяйством.

В сельском хозяйстве снова стали видеть основу государства; без его

---

[1]) Daire I, стр. 703.

[2]) Ср. Naudé, op. cit. стр. 59 и сл.

[3]) Araskhaniantz, op. cit. стр. 106—107 и 119 и сл.

[4]) Ibid стр. 121—122.

[5]) См. Reflexions sur l'état actuel du Royaume relativement à l'Agriculture et à la Population, в Journal Oeconomique 1763 Juillet, стр. 298—299.

[6]) „В случае необходимости выбрать между свободой и покровительством“, писал даже Мелон, ученик Лоу, в 1734 г., „было бы гораздо менее вредно уничтожить покровительство, чем свободу“. Essai politique sur le commerce; Daire I, стр. 716.—См. также Монтескье, Esprit des lois, livre XX, chap. 12 и 13; по Онкену op. cit, I, стр. 266 сл., он находится в зависимости от Мелона.—Dutot в сравнении с ними обоими гораздо более склонен к протекционизму; см. Réflexions sur le Commerce, Chap. II, art. 7; Daire I, p. 971 сл.

[7]) Factum; Daire I, стр. 280 и Traité sur les Grains, chap. VIII; ibid. стр. 386 и сл.

[8]) Ср. A. Alem, Le marquis d'Argenson et l'économie politique. Chap. VI—VII. — Oncken, op. cit. I стр. 273 сл.—Idem. Die Maxime Laissez-faire et laissez-passer, ihr Ursprung und ihr Werden, Bern (1886) стр. 59 сл.

процветания должны были скоро заглохнуть и ремесла и искусства [1]). По крайней мере такой меркантилист, как Дюто, заметил, что земледелие и промышленность являются началом и источником всякого богатства, и что поэтому они — единственное, на чем покоятся финансы государства [2]); его друг Мелон идет еще дальше, называя земледелие прочным фундаментом торговли и промышленности и сравнивая его с основными стенами дома, которые архитектор должен вполне укрепить, прежде чем его фантазия может обратиться ко всякого рода украшениям [3]).

Но в еще бо́льшей степени, чем более высокая экономическая оценка сельского хозяйства, знамением нового времени являлись уже слегка намечавшиеся заботы о социальном положении самих крестьян.

Буагильбер объявил себя защитником всех сельских хозяев и торговцев королевства [4]), и его уважение к низшим слоям населения простиралось так далеко, что он сравнивал беднейшие классы с глазами и мозгом государственного организма, а богатые — с его руками и прочими частями тела [5]). Его сочувствие к бедствиям обнищавшего народа нашло потом свой отзвук в Dîme Royale Вобана [6]). В 1720 г. в защиту бедных крестьян выступили Сен-Пьер и Монтескье; последний — в своей сатире на существующее управление [7]), а мечтатель о вечном мире — в связи с практическими предложениями. „Projet de Taille Tarifée“ Сен-Пьера стремится уничтожить вопиющие несправедливости распределения налогов в деревне и сохранить таким путем королю „главное и величайшее богатство его государства“ — многочисленное крестьянство [8]).

Но ближе всех к страдающему крестьянству стоит в первую половину XVIII века опять-таки д'Аржансон, и, читая заметки, которые он делал в своем дневнике во время пребывания в деревне, не знаешь, чему больше удивляться,—описаниям ли нужды крестьян или тому радикализму, с которым в то время этот мыслитель отвергал большинство законов своей страны, как „продиктованных аристократией и властью сильного“ [9]). Ни одна внешняя или гражданская война, по его словам, не принесла Франции большего вреда, чем меры, предпринятые ее правительством по отношению к деревне: та помощь крестьянам, которой он требовал, состояла в освобождении их от тяжести налогов и более либеральном законодательстве, и уже в 1739 г. он высказал, в аналогичной форме ту мысль, которую должна была вскоре разнести по всей Франции повторявшаяся на тысячи ладов фраза Монтескье: „Земля обрабатывается не в меру своего плодородия, а в меру своей свободы!“ [10]).

---

[1]) Boisguilbert, Le Détail; Daire I стр. 173 и Traité des Grains; ibid. стр. 361.

[2]) Dutot, Réflexions; ibid. стр. 973.

[3]) Melon, Essai politique; ibid., стр. 816—817.

[4]) Factum, ibid. стр. 268.

[5]) Ibid., стр. 336—337.

[6]) Ibid., стр. 46, 60, 89 и 106 сл.

[7]) Lettres persanes, Lettre 124. Монтескье говорит там о вымышленном приказе, повелевающем всякому крестьянину, имеющему пятерых детей, ежедневно сокращать питание каждого ребенка на одну пятую и запрещающем всякому производить на своем наследии, которое он сам обрабатывает или сдает в аренду, какие бы то ни было улучшения.

[8]) Abbé de St.-Pierre, Projet de Taille Tarifée (Amsterdam 1737), стр. 1 и 3.

[9]) D'Argenson. Journal et Mémoires (Ed. Rathéry) I стр. 373.

[10]) Montesquieu. Esprit des Lois; livre XVIII, chap. 3.—D'Argenson, op. cit. I, стр. 373—375 и II, стр. 197.—См. также Alem. op. cit., стр. 48 и сл.

В этих словах заключался кульминационный пункт теоретических рассуждений о сельском хозяйстве до 1750 г.: они, как мы видели, представляли из себя пока только отдельные и отрывочные мысли, примыкающие, в большинстве случаев, к какому-нибудь вопросу торговой политики. Во всяком случае, самые выдающиеся люди эпохи пытались привлечь внимание правительства к сельскому хозяйству. Но потребовался сильный толчок извне, раньше, чем их идеи могли приобрести влияние.

II.

Влияние Англии и расцвет сельскохозяйственной литературы с 1751 г.

Мы упоминали уже о том, что Буагильбер, исследуя причины деревенской нужды во Франции, обратил свое внимание на положение дел в соседних государствах и думал найти в Англии образцов в законодательстве, обеспечивавшее успешную хлебную торговлю, а тем самым и благоприятное развитие сельского хозяйства.

В Англии, а также и в германских государствах, утверждал он, доходы государства гораздо выше, чем во Франции; но это не вынуждает население покидать свои поля [1]); напротив, благоразумное законодательство, поддерживающее хлебную торговлю путем экспортных премий, побуждает его возделывать даже плохую землю [2]). Поэтому, в своей статье о хлебе, Буагильбер, по его собственным словам, предлагает, в сущности, лишь следовать примеру голландцев и англичан [3]).

Со времени его труда английский хлебный закон 1689 года в течение всего XVIII века считался образцом разумной торговой политики, достойным всяческого подражания. Вольтер, Монтескье, д'Аржансон, Кенэ и его ученики, даже некоторые наказы 1789 г. восхваляли этот закон, как одну из главных причин английского благосостояния.

Но не только торговому законодательству, но и самому английскому сельскому хозяйству суждено было стать во второй половине XVIII века образцом для Франции.

Причина этого обращения к чужеземным примерам заключалась в глубоком недовольстве, овладевшем всеми классами французского общества к середине века и уже тогда вызывавшем в умах грозный призрак революции. Как пишет в 1751 г. в своем дневнике один проницательный наблюдатель, взрывчатых веществ накопилось достаточно, и довольно было искры возмущения, чтобы вспыхнуло восстание, довольно было восстания, чтобы разгорелась целая революция, которая лишила бы короля и министров их неограниченной привилегии приносить вред [4]).

Тяготы, вызванные войной за австрийское наследство, и большие неурожаи 1747 и 1750 гг. не могли способствовать улучшению общественного настроения.

---

[1]) Détail de la France: Daire I стр. 215—217.

[2]) Traité de la nature des Grains; ibid. стр. 369, см. также стр. 374.

[3]) Ibid. стр. 353.

[4]) „Все сословия одинаково недовольны. ...Солдаты, с которыми обращаются жестоко и несправедливо, духовенство, как известно, униженное и осмеиваемое, парламенты, другие корпорации, провинции, pays d'état, простой народ, изнывающий под гнетом нужды: над всем торжествуют капиталисты, возрождающие царство евреев. Все это—горючий материал: возмущение может перейти в бунт" и т. д. D'Argenson, Journ. et Mém. VI стр. 464 (3 сент. 1751).

В 1748 г. „Дух Законов“ внедрил во всех интересовавшихся политикой кругах французского общества стремление к конституции, наиболее совершенной формой которой, казалось, обладала Англия. Оттуда „дул философский ветер свободного антимонархического правления“ [1]), создавший новую идею суверенитета, которая вскоре нашла фанатического теоретика в лице Руссо.

В области народного хозяйства к Англии обратилась прежде всего школа торгового интенданта Гурнэ (1751), также надеявшаяся, что подражание английским порядкам, как во внутреннем управлении, так и в практике сельского хозяйства, приведет к новому расцвету Франции.

Сам Гурнэ изучил внутренние отношения Англии во время своих многочисленных путешествий, и его попытки ввести во Франции по крайней мере более либеральный меркантилизм встретились как раз в это время со стремлениями свободомыслящих деятелей государственного управления [2]).

Трюдэн, Машо, Бертен, Сешель и другие заняли место тех интендантов Людовика XIV, которые, по словам Буленвилье, не знали ни самых известных исторических событий, ни самых обыкновенных принципов частной и государственной экономии и не имели ни малейшего представления („pas la moindre teinture“) о вещах, играющих существенную роль в благосостоянии государства, как, напр., о сельском хозяйстве, его работах и требуемых им расходах, о торговле и отраслях ее, о промышленности и средствах к ее поддержанию [3]).

Особенно важное значение имел Машо. В 1745 г. он сделался генеральным контролером. Это был человек с железной волей, который, несмотря ни на что, никогда не уклонялся от намеченного им пути [4]).

То обстоятельство, что он склонялся в пользу бо́льшей свободы в хлебной торговле [5]), предпочитал сельское хозяйство промышленности [6]), привлек поэтому в сотрудники таких людей, как Трюдэн, и учредил вместе с ними уже в 1748—1751 г.г. „Académie de chirurgie“ для содействия сельскому хозяйству [7]),—все это в немалой степени способствовало вступлению французского правительства на новый путь внутренней политики.

Если иметь в виду, что Гурнэ, Тюрго, Дюпон де-Немур и др. вскоре были привлечены к этой области управления, что Кенэ еще в 1751 г. входил в состав Académie de chirurgie (впоследствии Société royale de Médecine) в качестве „secrétaire vétéran“ [8]), то не приходится оценивать слишком низко толчок, которым обязано Машо начавшееся в это время аграрное движение.

---

[1]) «Il nous souffle d'Angleterre un vent philosophique de gouvernement libre et antimonarchique; cela passe dans les esprits et l'on sait., comment l'opinion gouverne le mondo». Ibid.

[2]) G. Schelle. Vincent de Gournay (Paris 1897) стр. 23 и 197 и сл.—A. Oncken, Gesch. der Nat Oek. I, стр. 288.

[3]) Boulainvilliers. Etat de la France (Londres 1727) I Préface, стр. 49.

[4]) Таким его изображает д'Аржансон в своем Дневнике от 22 марта 1750; см. M. Marion, Machault d'Arnouville, Etude sur l'histoire du contrôle général des finances de 1749 à 1754 (Paris 1891) стр. 9.

[5]) Ср. Marion, op. cit. Chap. IV, стр. 422 сл.

[6]) Ibid, на стр. 435 упоминается о мерах Машо в пользу сельского хозяйства. Там же другая заметка о нем д'Аржансона: „Однажды, когда откупщики жаловались при нем на упадок наших мануфактур, он не только не выразил сочувствия их сожалениям, но громко заявил, что он доволен таким положением вещей, которое поневоле принудит возвратиться к сельскому хозяйству множество рабочих, оставивших его“.

[7]) Она должна была, главным образом, противодействовать ужасным эпизоотиям, часто уничтожавшим все состояние крестьянина. См. Mauguin, Etudes historiques sur l'administration de l'Agriculture en France (Paris 1876) I стр. 264—5.

[8]) Ibid, на стр. 265, прим. 1, где напечатан список 14-и членов.

При таких обстоятельствах идеи Венсана де-Гурнэ, ставшего в 1751 г., при помощи своего друга Трюдэна, интендантом торгового совета, могли, как мы уже говорили, в скором времени приобрести большое влияние. Кружок единомышленников, образовавшийся вокруг него, в течение последующих лет наводнил Францию переводами иностранных экономических сочинений, за которыми вскоре последовали самостоятельные работы переводчиков.

Прежде всего, сельское хозяйство заняло подобающее ему положение [1]). О предшествовавших десятилетиях Данжёйль мог тогда сказать: „Почти ничего не писалось о сельском хозяйстве и торговле вообще,—не говоря уже о частностях: отвергалось даже содействие, которое могли бы оказать в этих вопросах иностранцы. Ни в одной публичной, ни в одной частной библиотеке нельзя было найти собрания существующих трудов по вопросам торговли и сельского хозяйства“ [2]).

Действительно, после трудов де ла-Кентини, Лиже и Шомеля, вышедших в 1690 и 1700 г. [3]), сельскохозяйственная литература Франции почти совсем замолкла, вплоть до середины XVIII столетия [4]). С теми немногими писателями, которые касались сельского хозяйства при изложении торговых теорий, мы уже познакомились.

Теперь же сразу появился ряд трудов, имевших прямое отношение к сельскому хозяйству или же, по крайней мере, выдвигавших его в качестве наиболее важной отрасли политической экономии.

В 1750 г. Мирабо опубликовал свою записку о провинциальных штатах, в которой он называл сельское хозяйство душою производства, „profession-mère“: оно—единственное, согласное с природой занятие, несущее на себе тяжести всех остальных, все общественное и государственное бремя: в сфере физических явлений оно играет такую же роль, как нравы в области моральной [5]).

В следующем году появился труд, положивший начало новому течению в сельскохозяйственной практике—„Traité de la Culture des Terres suivant les principes de M. Tull, traduit de l'Anglois par Mr. du Hamel du Monceau“ [6]).

---

[1]) После успеха „Духа Законов“, говорит Dupont, „Европа была наводнена целым потоком статей о законодательстве, о сельском хозяйстве, о торговле, о народонаселении“ и т. д. Notice abregé des différents écrits modernes qui ont concourru en France à former la science d'économie politique,—в Oeuvres de Quesnay, стр. 147.—См. также Oncken, Gesch. der Nats-Ök. I стр. 289.

[2]) Plumard de Dangeul Remarques sur les avantages et les désavantages de la France et de la Grande-Bretagne (Paris 1754) стр. 48—49.

[3]) De la Quintinye, Instructions pour les Jardins fruitiers et potagers... Suivi de quelques Réflexions sur l'Agriculture (Paris 1690; 2 т. in 4°, [2] 1706, [3] 1730 и т. д.), Liger, Economie générale de la campagne ou nouvelle maison rustique ([1]1700, [6]1749 [7]1762 и т. д.).—Noel Chomel, Dictionnaire oeconomique contenant divers moyens d'augmenter son bien (Paris [1]1700, [2]1718, 2 т. in folio).

[4]) Книгу Du Pin, Oeconomique 1745 г. мне до сих пор не удалось достать; по Oncken, op. cit. стр. 300, она касается политики хлебной торговли.—Code Rural ou Maximes et Reglements concernant les biens des Campagnes, par Boucher d'Argis (Paris 1749, 2 т. in 12°) также является признаком возникающего интереса к сельскому хозяйству, но содержит только сведения о феодальных правах и т. п.

[5]) Mirabeau. Précis de l'organisation ou Mémoire sur les Etats Provinciales (Ed 1759), Introduction, стр. 89—90.

[6]) Paris 1751 2 т. in 12°; в течение следующих лет появилось еще 4 тома, излагавших результаты продолженных автором опытов.—„Из всех когда-либо появившихся трудов о сельском хозяйстве,—говорит Патюлло (Pattulo) в 1758 г. об этом сочинении,—ни на одном языке нет столь хорошо написанного и так прямо направляющегося к цели произведения, как труды г-на Дюгамель де Монсо“. Essai sur l'amélioration de Terre, стр. 7.—Eléments d'Agriculture Дюгамеля, появившиеся в 1762 г. (Paris, 2 т. in 12°), являются сокращением первого труда.

Впоследствии мы рассмотрим пропагандировавшийся этим сочинением новый метод обработки земли, противоположный существовавшей тогда трехпольной системе. Теперь же наибольший интерес для нас представляет тот факт, что Дюгамель отправлялся от трудов англичанина Тюлля; если он и внес в них самостоятельное освещение и дополнил их собственными опытами и наблюдениями, то в руководящих идеях все же ясна его зависимость от Тюлля. Первый том Энциклопедии Дидро, который появился в том же году и который, как мы уже упоминали, следуя схеме Бэкона, вновь отвел сельскому хозяйству должное место в ряду научных дисциплин, уже воспринимает в большой статье „Agriculture“ [1]) идеи Тюлля-Дюгамеля и противопоставляет их, в качестве новой системы полевого хозяйства, существовавшей тогда во Франции практике.

Но этим не ограничиваются результаты, данные этим замечательным годом (1751) в интересующей нас области.

Стоило новой науке только появиться на свет, как возник уже и орган для ее новых стремлений в виде „Journal Oeconomique“, парижского ежемесячника по вопросам сельского хозяйства, ремесл и торговли [2]); кроме того Жюссье, Пепен, Дюгамель, Паттюлло и абат Люка с 1750 г. начали издавать „Almanach du bon Jardinier“, распространивший с большим успехом, элементарные сведения по сельскому хозяйству и садоводству [3]).

В последующие годы английское влияние, благодаря упоминавшимся уже переводам школы Гурнэ, еще более усилилось. Сам Гурнэ перевел, по поручению Трюдэна, труд Чайльда (Josias Child) о торговле [4]); сочинения Сиднея, Петти, Уистона, Бредлея. Кэри и Туккера появились на французском языке.

„Traité sur la police générale des Grains“ Герберта и „Eléments du commerce“ Форбоннэ, исходившие из английского сельского хозяйства и торгового законодательства, появились в том же году (1754), когда вышли в свет, под видом перевода с английского, знаменитые „Remarques“ Плюмара де Данжейль о преимуществах и недочетах Франции и Англии в области торговли и сельского хозяйства [5]). Этот труд сразу же оказал определяющее влияние на государственных деятелей, стоявших во главе управления [6]). Ибо уже в год его появления вызванное им сильное движение в пользу свободы хлебной торговли побудило генерального контролера Сешеля издать 17 сентября 1754 г. эдикт, представлявший полную свободу хлебной

---

[1]) Эта статья принадлежит перу самого Дидро (см. Encycl. I Disc. prél. p. XLIII), а не Форбоннэ, как утверждает A. Oncken (Entstehen und Werden der physiocr. Theorie; Vierteljahrsschrift für Staats- und Volkswirtschaft, V стр. 136). Глава. „Agriculture“ из труда Форбоннэ „Elements du Commerce“ появилась в Энциклопедии (IV, стр. 552 сл.) только в 1754 г. под заглавием „Culture des terres“.

[2]) Journal Oeconomique ou Mémoires, Notes et Avis sur l'Agriculture, les Arts, le Commerce et tout qui peut avoir rapport à la santé ainsi qu'à l'augmentation des biens des Familles (Paris 1751—1771).—Маркиз д'Аржансон и здесь был одним из первых сотрудников; ему принадлежит статья „Comment un Seigneur de terre peut-il remédier aux inconvéniens de la taille arbitraire (1751)“.

[3]) Mauguin, Etudes I стр. 277.

[4]) Traité sur le commerce et sur les avantages qui résultent de la réduction de l'interêt de l'argent, par Josias Child; avec un petit Traité contre l'usure par le Chevalier Thomas Culpeper (Amsterdam et Berlin 1752).

[5]) Remarques sur les avantages et les désavantages de la France et de la Gr. Bretagne. Traduites de l'Anglois du Chevalier John Nickolls (Amst. 1754).

[6]) Д'Аржансон говорит по поводу одного благоприятного для сельского хозяйства замечания Мапю: „Утверждают, будто в этом ответе нашего министра финансов сказываются результаты книги г-на Данжейля“. Journ. et Mém. (Ed. Rathéry) VIII, стр. 299—300.

торговле внутри страны и разрешавший вывоз хлеба, по крайней мере, через гавани Агда и Байонны [1]).

Но характерностика преимуществ Англии в области торговли и сельского хозяйства, сделанная Данжейлем, имела еще и другой результат: Данжейль указывал на ряд английских обществ, сделавших предметом своего изучения торговлю, промышленность и сельское хозяйство и добившихся значительных результатов путем раздачи премий за лучшие работы об этих отраслях хозяйства.

Он остановился в особенности на обществах Дублина и Эдинбурга [2]) и в то же время набросал подробный план основания публичного общества, которое занималось бы исключительно изучением сельского хозяйства и торговли [3]). В следующем году и Герберт высказался в пользу подобных сельскохозяйственных обществ, приводя в пример Флоренцию и Геттинген [4]).

Я не знаю, находились ли Герберт и Данжейль, внося эти предложения, под влиянием своего учителя Гурнэ: но, во всяком случае, последний также уже думал об устройстве сельскохозяйственных палат по образцу торговых, основанных в 1700—1714 г.г. [5]). Теперь он энергичнее принялся за этот план и основал в 1756 г., по английскому образцу, в Ренне „Бретонское общество поощрения сельского хозяйства, промышленности и торговли", под покровительством герцога д'Эгильон [6]). Успех этого первого французского сельскохозяйственного общества (Société d'Agriculture) побудил его к основанию новых обществ. Так возникли в течение 1757—1760 гг. сельскохозяйственные общества в Лионе, Тулузе, Орлеане, Руане, Оверни и Суассоне. Гурнэ умер в 1759 г.; но Бертен, Трюден и Тюрго закончили его план, и Бертен уже в 1761 г. добился учреждения „Société Royale d'Agriculture de Paris", деятельности которого нам еще придется не раз коснуться [7]).

Тем временем английское влияние на экономическую литературу после 1754 г. значительно возросло.

В 1755 г., только 21 год спустя после смерти автора, появилась книга англичанина Кантильона о природе торговли, знаменитое начало которой гласило: „Земля есть источник или материал, из которого добывается богатство" („La terre est la source ou la matière d'où l'on tire la richesse" [8]).

---

[1]) Arrêt qui ordonne que le Commerce de toute espèce de Grains sera libre entièrement par terre et par les rivières, de Province à Province, dans intérieur du Royaume.—Ср. A. Oncken, Gesch. der Nat.-Ök., I, стр. 301.—О влиянии Мишо на этот эдикт см. Marion, op. cit. стр. 435.

[2]) Dangeul, Remarques, стр. 152 и сл.

[3]) Sur l'utilité d'une Société uniquement occupée de l'étude de la Culture et du Commerce et des moyens de perfectionner et d'encourager ces deux objets; ibid, стр. 164 и сл.

[4]) „Частное лицо нашло в себе достаточно мужества, чтобы отдать свое состояние и свой труд на дело создания Академии Сельского Хозяйства во Флоренции (1753). В Геттингене... король Георг основал в 1751 г. научное общество, каждые шесть месяцев выдающее премию за разрешение какого-нибудь экономического вопроса". Herbert. Essai sur la police générale des Grains (Berlin 1755) стр. 381—382.

[5]) Mauguin, Etudes sur l'Agriculture I, стр. 278—9, Schelle, Vincent de Gournay, стр. 154—157.

[6]) „Сельскохозяйственное общество в Дублине оказало Ирландии неисчислимые благодеяния... Луч этого благотворного света проник за море; и подобное же общество, повидимому, собираются основать в Бретани. Mirabeau, Ami des hommes Ed. 1759) V стр. 26—27.

[7]) Arrêt du Conseil qui ordonne l'établissement d'une Société d'Agriculture dans la Généralité de Paris; Versailles, 1 mars 1761; Isambert, Recueil XXII, стр. 307—308. —Mauguin Etudes I стр. 280 сл. Lavergne Les économistes, приложение.

[8]) Essai sur la nature du Commerce en général. Traduit de l'Anglois (Londres 1755 in 12°) стр. 1.

Если Кантильона и нельзя назвать „отцом физнократии", как это теперь делают в Англии, то, во всяком случае, можно сказать с уверенностью, что его идеи, во многих отношениях, оказали плодотворное влияние на рассуждения Кене, напечатанные им в 1756—1757 гг. в Энциклопедии [1]).

А с этими статьями Кене начинается мощная физнократическая литература, пытавшаяся, в течение последующего двадцатилетия, преобразовать политическую экономию в новую науку.

Влияние английского законодательства и английской литературы на эти учения является слишком известным, чтобы нужно было здесь подробно на нем останавливаться. Физнократы обогнали в то время своих учителей; главное отличие их системы заключалось в том, что в центр ее они ставили сельское хозяйство.

Их восторженные гимны в честь единственного источника питания и богатства, в честь земли с ее неистощимыми сокровищами, вызвали в обществе взрыв энтузиазма; чувствительные сердца, проникшись с легкой руки Руссо, тоской по природе, вновь обратили свои симпатии на посевы и жатвы, на плоды полей и на так долго презиравшихся земледельцев. Вскоре Мария-Антуанетта стала носить в садах Трианона светло-лиловый цветок картофеля в качестве украшения. [2]).

Но позади шумного шествия физнократов двигалась более скромная кучка мыслителей, пролагавших пути к осуществлению намеченных физнократами целей.

Физнократы стремились к усовершенствованию сельского хозяйства путем более глубокого проникновения в сущность законов, по которым живет и движется обширный организм народного хозяйства; поэтому они сосредоточили свое внимание на устранении социальных или политических препятствий и на преобразовании аграрного права. На-ряду с этим агрономические писатели пытались помочь французскому земледелию, исследуя естественный обмен веществ между почвой, растительным и животным миром, для того, чтобы, на основании серьезного изучения условий жизни животных и растений, возможно более увеличить производительность земли; они должны были поэтому прежде всего заботиться о замене неприспособленных орудий более совершенными и устаревшей рутины новыми методами обработки земли.

Оба эти направления встречались и скрещивались в разнообразных сочетаниях как в системах, так и в воззрениях отдельных лиц.

Из физнократов, собственно говоря, только сын крестьянина—Кене, да Мирабо и Дюпон смыслили кое-что в практике сельского хозяйства. Почти у всех учеников Кене отсутствовала его уверенность в оценке сельскохозяйственных отношений, и поэтому вопросы практического сельского хозяйства часто оставались слишком вдалеке от их всеиспровергающих систем.

---

[1]) Oncken. Gesch. der Nat.-Ök. I стр. 276 и сл.

[2]) Уже в 1761 г. Вольтер писал:

„C'est la cour qu'on doit fuir, c'est aux champs
qu'il faut vivre.
. . . . . .
La Nature t'appelle, apprends à l'observer,
La France a des déserts, ose les cultiver:
Elle a des malheureux: un travail nécessaire,
Ce partage de l'homme et son consolateur,
En chassant l'indigence, amène le bonheur,
Change en épis dorés, change en gras pâturages
Ces ronces, ces roseaux, ces affreux marécages" и т. д.

Oeuvres XIII (1833) стр. 232—234.

Но идеи, распространявшиеся с 1750 г. Дюгамелем дю Монсо, пробудили усиленную умственную работу и в этой области. Ряд писателей—Форбоннэ, Де-ля-Саль, Тилье, Гудар, Гербер и др. последовали за ним в изучении техники сельского хозяйства. [1])

В Journal Oeconomique появлялись известия о сельскохозяйственных опытах во всех странах Европы: новое общество в Бретани скоро начало печатать свои наблюдения [2]); в 1758 г. впервые появилась быстро распространявшаяся книга Паттюлло о мелиорации земель по английскому образцу [3]).

Ее посвящение представляет панегирик маркизе Помпадур, покровительнице Кенэ, под сенью власти которой новое движение в области сельского хозяйства из неизвестно каких романтических побуждений. Под ее влиянием уже тогда при версальском дворе начинали производить „по повелению короля" опыты с подбором семян для посева [4]), а несколько лет спустя сельское хозяйство получило, благодаря генеральному контролеру Бертену, преемнику Мано, официальное признание своего значения, как равноправной отрасли государственного хозяйства.

Надо сказать, что до 1761 г. термин „Agriculture" совершенно отсутствовал в номенклатуре управления, и сельскохозяйственный отдел присоединялся к отделам торговли, промышленности или мореплавания или же поступал в ведение всеобъемлющего государственного контролера.

В Almanach koyal 1761 г. сельское хозяйство впервые упоминается в качестве отдельной отрасли управления; в скромной форме „Examen des projets d'agriculture et de commerce", оно проникло в одно из бюро „Генерального контроля" [5]).

Его положение в управлении еще более повысилось, когда недовольный Бертен в 1763 г. сложил с себя заведывание финансами; король, желая удержать его для управления своим частным имуществом, поставил его во главе нового министерства „внутренних дел" („des Affaires du dedans du Royaume") [6]), в котором Бертен завел особое бюро сельского хозяйства и сельскохозяйственных обществ под начальством Парана (Parent). Его сотрудниками в других бюро были младший Трюден, Лаверди, Моро де-Бомон и Тюрго [7]): уже эти имена свидетельствуют о новых заботах о сельском хозяйстве.

С началом шестидесятых годов пристрастие к сельскому хозяйству начало распространяться все больше и больше, и подобно тому как в то время возрастала слава прусского короля, как самого лучшего полководца, так

---

[1]) Véron de Forbonnais. Eléments du commerce (Amst. 1755), Chap. III. De l'Agriculture.—De la Salle d'Etang. Les prairies artificielles ou moyen etc. (Bruxelles et Paris 1756; [2] 1762).—Tillet, Les maladies des grains (1755). - Abbé de Sommilles. L'usage du Semoir (1755). Nolin et Blavet. Essay sur l'agriculture moderne (1755).—Le Vivens, Observations sur divers moyens de soutenir et d'encourager l'agriculture particulièrement dans la Guyenne (1756). Herbert, Discours sur les Vignes (1756).—Ange Goudart. Des intérêts de la France malentendus dans les branches de l'Agriculture (1758).—Robert de Limbourg, l'Influence de l'air sur les végétaux (Prix de l'Académie de Bordeaux en 1757).

[2]) Corps d'observation de la société d'agriculture, établie par les Etats de Bretagne. Années 1757 et 1758 (Rennes 1760; années 1759 et 1760 (Paris 1762).

[3]) Cp. Pattullo, Essai sur l'amélioration des terres. Paris 1758; [2] 1759 стр. 2—5).

[4]) Precis des Expériences faites par ordre de Roi, à Trianon, par M. Pattullo. Essai, стр. 41.

[5]) Pigonneau et Foville L'administration de l'agriculture (Paris 1882). Introduction. стр. II и V—VI.

[6]) Оно охватывало современные министерства земледелия, торговли и общественных работ.

[7]) Maugin, Etudes, I, стр. 314 и сл.

росла слава английского государственного и народного хозяйства, как наиболее совершенного в Европе.

После 1760 г. в странах континента и прежде всего во Франции появилось понятие „англомании“ [1]). Вошло в моду во всем брать за образец англичан; и голос Депласа, предостерегавший против преувеличенной оценки английских сочинений по сельскому хозяйству, остался незамеченным [2]).

По предложению Мирабо Дюпон-Немюр начал в 1761 г. переводить знаменитую книгу англичанина Гэля на французский язык; этот перевод он стал распространять даже среди крестьян через провинциальных интендантов [3]). В том же году появились на французском языке „Принципы сельского хозяйства“ Гома [4]).

Перечисление всех переводов с английского за последующие годы завело бы нас слишком далеко. Они появлялись еще и в семи семных годах“, и, при сравнении английского сельского хозяйства с французским, первому все еще отдавалось тогда безусловное предпочтение.

Англию прославляли, как страну, которая, после ряда мрачных веков, следовавших за „гигантской военной славой последних завоевателей Европы“ и заглушивших почти всю народную культурную деятельность человека, первая вновь пришла к убеждению, что торговля не имеет для народа никакого значения без цветущего и сильного сельского хозяйства [5]). Поэтому она обратила все свое внимание на эту отрасль хозяйства, и в Англии появились первые труды по сельскому хозяйству, написанные в Европе после римлян [7]).

Величайшие гении страны, как замечает Плюмар де-Данкейль, не брезгали размышлять о народном хозяйстве: Бэкон, Ньютон, Лок, Темпль, Рэлей писали о торговле, о банках и деньгах; Чайльд, Петти, Ман, Девенант, Кинг и Ги развили эти исследования далее; над вопросами сельского хозяйства и естествоведения работали Эвелин, Брэдлей, Миллер, Тюлл, Юнг и многие другие [8]).

Результаты этих начинаний были достаточно показательны. Англия создала себе цветущее сельское хозяйство, обеспечивавшее ей экономическую

---

[1]) A. Thaer писал несколько десятилетий спустя. „Я знаю несколько примеров неудачного подражания англичанам в годы, следующие за Семилетней войной; насмешки над англоманией тех еще продолжались“. Einleitung zur Kenntnis der englischen Landwirtschaft (Hannover 1801) I стр. 10.—Кондорсе назвал статью Saurin „Anglomanie“, как верное изображение смешных причуд эпохи. Oeuvres, I, стр. 407.

[2]) „Начинает входить в моду во всем брать англичан за образец... Их сельскохозяйственные труды, переведенные или комментированные на французском языке, вовсе не обладают тем превосходством, которое им приписывают. Глубокие знания в области сельского хозяйства дают лишь наши обычные приемы или некоторые мало достоверные открытия“. Des Places, Histoire de l'Agriculture ancienne (Paris 1765). Предисловие, стр. XVI, прим. 1.

[3]) Le Gentilhomme Cultivateur ou Corps complet d'Agriculture, trad. de l'Anglois de M. Hale et tire des Auteurs qui ont le mieux ecrit sur cet art. (Paris 1761—64, 6 том. in 4°). См. также Journ. Oecon. 1763, Avril стр. 177—184.

[4]) Les Principes de l'Agriculture et de la Végétation. Ouvrage trad. de l'Anglois du Mr. Francois Home (Amst. 1761 in 12°).

[5]) Henr. Fréville, Voyage agronomique, précédé du parfait Fermier, traduit l'Anglois (Paris 1774, 2 т. in 8°). Ellis, Traité d'Agriculture abrégé et methodique (1772 2 т. in 8°)

[6]) Mirabeau, Ami des hommes V, стр. 15—23.

[7]) „Около двухсот лет тому назад в Англии появились первые книги, написанные в Европе со времен римлян по вопросам сельского хозяйства“. Pattullo Essai стр. 206.

[8]) Dangeul, Remarques, стр. 148—170.—„Появившиеся труды... нет числа; и многие принадлежат издающимся авторам, как напр., как-раз Бэкону, Веттону“, и т. д. Pattullo, Essai, стр. 146, прим. а.—„Лок и Ньютон занимались экономическими вопросами“.... Herbert, Essai sur la police, стр. V.

независимость, тогда как Франция принуждена была еще в период с 1715 по 1755 г. ввезти из-за границы на 200 милл. ливров пшеницы [1]).

„Эти островитяне,—говорит с восхищением Демпор,—у которых врожденная меланхолия развивает способность к отвлеченному мышлению, даровали крылья искусству сельского хозяйства“ [2]).

Поэтому, если Франция не желала допустить своего полного экономического порабощения, она должна была прежде всего усвоить результаты английского хозяйства как в теории, так и на практике

Даже более самостоятельные французские писатели, начиная с 1750 г., вполне сознавали это и намеренно подражали англичанам [3]).

С этим великим противником, построившим на новых основаниях в течение последнего столетия науку сельского хозяйства и впервые открывшим французам глаза на истинные интересы деревни,—Франция тем не менее все же рассчитывала в скором времени вступить в соперничество и начать борьбу за первенство во всех областях [4]).

Подобно тому, как физиократы стремились к самостоятельности в области теории народного хозяйства, так же и агрономы в области практической науки сельского хозяйства пытались мало-по-малу эмансипироваться от английского влияния [5]).

После книжечки Паттюлло появился целый ряд самостоятельных трудов по сельскому хозяйству; особенно продуктивны в этом отношении были шестидесятые годы. Мы не будем перечислять их, хотя бы даже частично. Ежегодно на рынок выбрасывалось бесчисленное количество сочинений по всем отраслям сельского хозяйства, фантастических планов быстрого обогащения при посредстве земледелия и проектов обработки всех пустошей и болот [6]).

Характерным показателем развития сельско-хозяйственной литературы являются в особенности агрономические словари, начавшие появляться с 1760 г. то в прежнем, то в новом виде [7]).

Бернское сельско-хозяйственное общество стало с 1761 г. издавать свои записки, получившие большое распространение во Франции; в том же году Общество сельских хозяев начало выпускать в Париже периодическое издание

---

[1]) Goudar, Les interêts, I, стр. 16—19.—Dangeul, Remarques, стр. 67 сл. Mirabeau, Ami (1759), I, стр. 258 и V, стр. 24—25.—Robinet, Dict. Universel, XXVI, стр. 276.—Fresne, Traité d'Agriculture, Préf. стр. XXXVIII—XXXIX.

[2]) Le Gentilhomme Cultivateur, I, стр. 3.

[3]) Паттюлло сводит экономические теории Монтескье, Дюпре, Кантильона, Форбонэ, Герберта, Данжейля, Леруа, Кене и др. к подражаниям английским образцам; сам он хочет „описать с наибольшей точностью, которая только совместима с краткостью, современные способы мелиорации и обработки земли в Англии“. Essai (1758), стр. 1—4 и 9—10.—См. также Voltaire, Dict. phil., Art. „Agriculture“; Oeuvres XXVI, стр. 175—177,

[4]) „Действительно, большинство сочинений, благодаря которым у нас начали открываться глаза на наши истинные интересы, получены нами из Англии“ и т. д. Mémoire sur les prairies artificielles в „Journ. Oecon“. 1761, Févr., стр. 56.—„Впрочем, за последнее столетие наука сельского хозяйства так преобразовалась в руках наших соперников“ и т. д. Considérations sur les moyens les plus propres à donner aux Cultivateurs de ce Royaume une Connaissance plus sûre et plus étendue sur toutes les différentes branches de l'Agriculture. Ibidem, 1763 Avril, стр. 153.

[5]) Ср. Robinet, Dict. Universel., I, стр. 564.

[6]) Ср. ежемесячный указатель литературы в „Journal Oeconomique“.

[7]) Напр., Chomel, Dictionnaire Oeconomique (Paris, 1761).—L'Agronome ou le Dictionnaire portatif du Cultivateur, (Noyon 1761).—Liger, Oeconomie générale de la campagne ou la nouvelle Maison rustique (Paris, 1762).—Ecole d'Agriculture (Paris, 1762).—Préfontaine, Maison rustique à l'usage des habitants de Cayenne (Paris, 1763) и др.

под названием „L'Agronomie et l'Industrie", а с 1763, под редакцией Рубо, начал выходить „Journal d'agriculture, du commerce et des finances" [1].

Почти все эти издания высказывались в пользу введения новых методов земледелия, и если их пристрастие к новизне, может быть, иногда и заставляло их относиться с преувеличенным презрением к старине, то во всяком случае они не заслуживали насмешек Депласа, который написал, отправляясь от новообразованного слова „агроном" [2] и „агрономия", брошюру „Предохранительное средство против агромании" [3]; в ней он осмеивает современные методы земледелия, превознося приемы, применявшиеся с успехом во все времена [4].

Его близорукий взор не видел, что наука о сельском хозяйстве могла с большой выгодой для себя вступить в союз с расцветающими науками—физикой и прежде всего химией.

Основания этому чрезвычайно важному союзу были положены в то время в литературных трудах академий и сельско-хозяйственных обществ. Наиболее значительным в этом отношении трудом была книга известного профессора Валлериуса „Agriculturae fundamenta chemica" [5], переведенная в 1766 г. на французский язык [6]. В то время во Франции, как и в Англии, наряду с приведением в порядок огромного материала, явившегося результатом наблюдений, начинали создаваться также и методы, проложившие путь позднейшим великим открытиям Таэра и Либиха.

Между 1770—1785 г. литература по сельскому хозяйству отошла несколько на задний план, может быть, вследствие обострившихся политических и социальных отношений; начиная с министерства Тюрго, труды, посвященные вопросам феодального и государственного права, стали выдвигаться все больше и больше вперед. Для сельского хозяйства в узком смысле слова имеют значение только книги Герреншванда, Фаброни и прежде всего двенадцатитомный труд аббата Розье, начавший выходить в 1781 году [7].

Движение снова усилилось только в 1785 году; в то же время наблюдается новая волна английского влияния.

Парижское сельско-хозяйственное общество возобновило свои давно прекратившиеся заседания и начало издавать „Mémoires d'Agriculture", сотрудником которых состоял сам Артур Юнг, „оракул английского сельского

---

[1]) См. „Journ. Oecon." 1762, Janv., стр. 7.—Pigeonneau et Foville, L'administration, стр. 231.—Schelle, Dupont de Nemours (1888), стр. 33 сл. О возникновении физократических журналов в 60-х годах, ср. Lavergne, Les économistes, стр. 176 сл.

[2]) „Слово „агроном" введено во французский язык несколько лет тому назад для обозначения человека, который учит сельскому хозяйству или же пишет об его правилах или, наконец, просто человека, хорошо изучившего эти правила и умеющего ими пользоваться". Butel-Dumont, Recherches historiques sur l'administration des terres (1779), 53, прим. 14.

[3]) Des Places, Préservatif contre l'Agromanie ou l'Agriculture reduite à ces vrais principes, (Paris, 1762 in 8°; Bib. Nat. Invent. S. 19340), стр. 78 прим. *a*.

[4]) Он называет свое произведение „брошюрой, в которой собраны лучшие правила сельского хозяйства, именно те, которые с успехом применялись во все времена". Des Places, Histoire de l'Agriculture ancienne (Paris, 1765) Préf., стр. XVIII.

[5]) Upsala, 1761 г.—См. также C. Fraas, Gesch. der Landwirtschaft in den letzten hundert Jahren (1852), I, стр. 149.

[6]) Elemens d'Agriculture Physique et Chymique, trad. en François du latin de M. Walerius, Prof. ord. en Chymie et en Métallurgie dans l'Académie royale d'Upsal, de la Société des Curieux de la nature etc. (Jverdun 1766 in 12°).

[7]) Herrenschwand, Discours fondamental sur la population (1776).—Fabroni, Réflexions sur l'état actuel de l'Agriculture ou Exposition du véritable plan pour cultiver ses terres avec avantage etc. (Paris, 1780).—Rozier, Cours complet d'agriculture théorétique, pratique etc.—Назвать стоит, может быть, еще d'Aubusson, Projet de banque rural (1778) и Ponceclet, Histoire naturelle du froment.

хозя́йства“ [1]). Его друзья, герцог Лианкур и Лазовский, оказывали при посредстве своих записок об английском сельском хозяйстве влияние на действия вновь образованного комитета сельско-хозя́йственного управления: герцог Лианкур пытался даже завести английскую образцовую ферму, во главе которой стоял англичанин [2]): разразившаяся революция помешала выполнить начатое дело. Труд Фрэна, появившийся в 1758 г., также находился под английским влиянием [3]).

Но в последние годы старого порядка в многочисленных трудах о сельском хозяйстве начинает звучать еще и новая нота, сильнее английской, нота революционная. Речь теперь идет не столько о новых опытах или тщательных наблюдениях, сколько о „злоупотреблениях“, тормозящих развитие сельского хозяйства: не столько о научных теориях, сколько о „бичах сельского хозя́йства“ и „причинах дороговизны“ [4]).

Если бы мы захотели перечислить произведения, в той или иной форме защищавшие в то время интересы сельского хозяйства, нам пришлось бы назвать почти все брошюры, которые тысячами появились между 1787—1789 г.г. Они заменили журналы, начиная с 1776 постепенно прекратившие свое существование как в лагере физиократов, так и в лагере агрономов. Только революция вновь создала прочные центры сельско-хозя́йственной литературы в виде журналов Дюбуа, Лежинио, Тессье, Серутти, Борреди и др. [5]).

Обзрев еще раз литературное движение 1750—1789 г.г., мы можем, как мне кажется, обозначить если не его содержание, то во всяком случае его тенденции двумя ходкими в то время словами: „агромания“ и „англомания“. Если оставить в стороне оттенок недоброжелательства, звучащий в этих словах, то они являются ясным свидетельством того необыкновенного энтузиазма, с которым был встречен новый расцвет земледелия, и в то же время того сильного влияния, которое в то время оказывала Англия на преобразование французской экономической жизни.

Но, прежде чем обратиться к характеристике этого преобразования, я должен остановиться на течении, хотя и не столь значительном, но все же сыгравшем известную роль в возникновении симпатий к сельскому хозяйству в образованных кругах общества, — течении, глубокое влияние которого я пытался выяснить уже в предыдущей главе об аграрных теориях: я имею в виду классицизм.

---

[1]) Так называют его Mémoires d'Agriculture. Année 1788. Printemps. стр. 61.

[2]) Ср. протоколы заседаний комитета у Pigeonneau et Foville, стр. 207 и 250—270.—Callonne, La vie agricole en Picardie et Artois (1883), стр. 45.

[3]) „Наконец, мне стало казаться, что материал для такого возрождения можно было найти в Англии, Голландии и Брабанте... у этих трех народов я выбрал то... что может явиться для нас наиболее подходящим“. Fresne, Traité d'Agriculture, Pref. I, стр. VI—VII. Следует упомянуть еще о Sutières Sarcy, Cours complet d'Agriculture (Paris 1788).

[4]) Ср., напр., Bougier Labergerie. Recherches sur les principaux abus qui s'opposent au progrès de l'agriculture (Paris, 1788).—Les Fléaux de l'agriculture, causes de la disette... Ouvrage pour servir à l'appui des Cahiers de Doléances des campagnes (1789).—Huet-Froberville. Vues générales sur l'état de l'agriculture dans le Sénonois (Paris, 1788).—Bonnerf. La plus importante et la plus pressante affaire ou la nécessité et les moyens de restaurer l'Agriculture (1788 или 1789).

[5]) La Feuille du Cultivateur par Dubois (Paris, 1790 сл.).—La Feuille villageoise par Cerutti et Robert St-Etienne (1790 сл.).—Journal de l'agriculture à l'usage des habitans de la campagne par M. l'abbé Tessier, de l'Ac. roy. des Sciences (1790). Journal des Laboureurs par Lequinio (1791—1792).—Journal d'agriculture et de prospérité publique, publ. du Comité Central du Ministère de l'Intérieur (1793).—Journal d'agriculture et d'Economie rurale par Borrelly (Paris, l'an III сл.).

III. Классицизм и сельское хозяйство.

Факты прошлого, сохраняемые в памяти истории, в одинаковой степени служат как осторожному охранителю установившихся норм для поддержки существующего, так и смелому новатору для доказательства истинности и полезности нового зарождающегося порядка вещей.

Новые системы политической экономии и рационального сельского хозяйства следовали в XVIII веке общему направлению эпохи и пытались придать больший вес своим принципам, ссылаясь на античную древность.

Уже в XVII веке произведения античных писателей по сельскому хозяйству снова были извлечены на свет божий и стали появляться в новых изданиях [1]).

„Гуманистическая ученость эпохи придерживалась того направления, которое ожидало спасения сельского хозяйства от греческих и римских экономистов: земледелие должно было так же романизироваться, как и право, философия и медицина“ [2])

Но в эпоху господства меркантилизма это движение было оттеснено на задний план, и хотя Фенелон, Буагильбер и позже д'Аржансон и указывали на высокое развитие античного сельского хозяйства, новый период преклонения перед ним начинается только с 1751 года статьей „Agriculture“ в первом томе Энциклопедии Дидро.

Для меня является несомненным, что это новое увлечение находилось отчасти в связи с развивавшимися одновременно симпатиями к английским авторам [3]): но влияние античных писателей на английскую экономическую литературу до Адама Смита слишком мало исследовано, чтобы здесь можно было подробнее останавливаться на этом вопросе [4]).

Во всяком случае во Франции почти все авторы, занимавшиеся с 1750 г. вопросами сельского хозяйства, сосредоточили свое внимание на древних писателях, изучавших аграрный вопрос, и стремились воспользоваться результатами их исследований. Поэтому не приходится удивляться, что уже в 1765 г. появилась история античного сельского хозяйства, автором которой был уже известный нам Деплас [5]). Но в то время, как в своем изложении он еще очень близко придерживается 18-й книги плиниевской „Естественной истории“, в скором времени появились труды, покоящиеся на более широких основаниях.

Все греческие и римские писатели, занимавшиеся вопросами администрации общественного или частного хозяйства, были переведены на фран-

[1]) Rei agrariae auctores cura W. Goesii (Amsterdam 1674 in 4°).—„Это по большей части перепечатка „Autores finium regundorum“, изданных с превосходными примечаниями N. Rigault (Paris, 1614, in 4°)“,—говорит Laboulaye об этом труде, Hist. de la propriété (1839), стр. 69, прим. 1.

[2]) C. Fraas, Geschichte der Landwirtschaft (Prag, 1852), стр. 471.

[3]) Так, напр., B. Homo говорит: „ . . . я уверен, что Вергилий и Колумелла могут считаться еще и до сих пор лучшими авторами, писавшими по этому вопросу“. Les principes d'Agriculture, trad. de l'anglois (1761), стр. 1—2. Ср. также Discours de Maxwell à l'ouverture d'un cours d'Agriculture; „Journ. Oecon.“, 1762, Sept., стр. 42 s.

[4]) О влиянии древности на A. Смита см. Frout de Fontpertuis, op. cit. Journ. des Econ. XXIII, стр. 359 сл. и 372—W. Hasbach op. cit., стр. 70 сл.

[5]) Des Places. Histoire de l'agriculture ancienne. Extrait de l'histoire naturelle de Pline. Liv. XVIII. Avec des éclaircissemens et des remarques (Paris), 1765, 358 стр. in 8°; Bibl. Nat. Invent. S. 9652).

цузский язык [1]); с 1766 г. Саббатье стал издавать большой справочник классических трудов [2]); в нем появлялись многочисленные статьи по политической экономии и в особенности по сельскому хозяйству древних. „Académie Royale des Inscriptions et des Belles Lettres" в 1774 г. назначила премию за лучшее критическое исследование по истории сельского хозяйства. Премия была присуждена работе Бютель-Дюмона (Butel-Dumont), которую аббат Розье называл „выдающимся трудом почтенного и ученого автора" [3]).

Изучение античного сельского хозяйства не прекращалось и в годы, непосредственно предшествовавшие революции. Им занимался Розье в своем „Cours complet d'Agriculture" [4]), а с 1787 г. стало появляться новое латинское издание „Scriptores rei rusticae veteres" [5]). Об истории сельского хозяйства можно было с еще бо́льшим правом сказать то, что в 1751 г. сказала „Bigarrure" относительно французской и римской истории вообще [6]): „Французской истории все еще не было написано, в то время как римская история была уже написана многими французами".

Причина этого заключалась в том, что, по мнению современников, классическая древность уже высказала как во всех областях духовной жизни, так и в области политической экономии и практики сельского хозяйства все те истины, которые теперь, столетия спустя, начали вновь провозглашаться [7]). Больше всего выдвигалось то, на что в самой Франции до сих пор меньше всего обращалось внимания: указывалось, что древние любили искусство, которым теперь всего более пренебрегают, что они воздавали земледелию высокую честь, тогда как теперь оно и его представители находятся в презрении [8]).

В последние десятилетия перед революцией наблюдается прямо ненасытное стремление постоянно выдвигать глубокое уважение древности к сельскому хозяйству в качестве блестящего и достойного подражания образца; в большинстве ходу были рассказы о том, что греки и римляне обожествляли только тех,

---

[1]) В 1768 г. начала выходить „Collection des Auteurs anciens, qui ont traité de l'administration publique et domestique, publ. par Dumas". См. Journ. Oecon., 1768, Sept. стр. 432.—Но прежде всего следует отметить Laboureux de la Bonnetrie Traductions d'anciens ouvrages latins relatifs à l'agriculture et à la médecine vétérinaire, contenant: Caton, Varron, Columelle, Palladius, Vegetius (Paris, 1771—1775 и 1783, 6 т. in 8°; Bibl. St.-Geneviève, S. 134[3]); этот труд посвящен Бертену, „имя которого можно поставить рядом с знаменитейшими агрономами древнего Рима". Ibidem, стр. II.

[2]) Dictionaire pour l'intelligence des Auteurs classiques, grecs et latins, tant sacrés que profanes... dédié à M. le Duc de Choiseul par M. Sabbatier (Châlons-sur-Marne, 1766 сл.; Kgl. Bibl. Berlin, 7852).

[3]) Заглавие ее: Recherches historiques sur l'administration publique et privée des terres chez les Romains, depuis le commencement de la République jusqu'au siècle de Jules César, par l'Auteur de la théorie du Luxe (Paris, 1779, 484, стр. in 8°; Bibl. Nat. Invent. S. 9654).

[4]) Ср. статьи: Abeilles, Abondance, Agriculture и т. д.

[5]) 4 т. in 8°. (Bibl. St.-Geneviève OE 738).

[6]) T. IX, стр. 95.

[7]) „ . . . истинное богатство заключается в сельском хозяйстве; это истина провозглашена Горацием больше 1700 лет назад, и опыт как нельзя лучше подтвердил ее нам в последнее время". Liger, La Nouvelle Maison rustique (Paris [8], 1762), I. Предисловие, стр. 1.—„Грустная, но тем не менее несомненная истина, что сельское хозяйство со времен римлян развивалось крайне медленно". Gilbert, Recherches sur les prairies artificielles; Mémoire d'Agriculture, 1788. Trim. d'Hiver, стр. 103, прим.

[8]) Pattullo, L'amélioration des terres; Epître dédicatoire, стр. III.—IV.—F. Home, Les principes de l'agriculture, стр. 1—2.—Des Places, Préservatif contre l'Agromanie, Disc. prél. стр. 2.—Réflexions oeconomiques sur l'Agriculture du Valage; Journ. Oecon., 1766. Mars, стр. 119—и др.

кто научил их пользоваться дарами природы [1]); что герои их отправлялись на бой или к занятиям государственными делами прямо от плуга; что знаменитейшие фамилии, как Лентул, Фабий, Пизон, Цицерон получили свои имена от растений, культуру которых они поощряли; что, наконец, наиболее почетной наградой заслуженных мужей во времена республики был дар, заключавшийся в пахотной земле и т. д. [2]).

Хвалили также и античное законодательство и управление за мероприятия, благоприятствовавшие земледелию; с середины столетия укрепилось мнение, что римская система налогов была построена на покровительстве земледелию [3]). Это мнение, правда, нашло сильного противника в лице Бютель-Дюмона [4]). Он стремился доказать вред римских законов, регулировавших цены на хлеб, и пагубные последствия хлебных и земельных раздач; он почти целиком отвергал римскую организацию управления и налогов, которая столь же угнетала сельское хозяйство, как и порядки, господствующие в современных государствах. „Сельское хозяйство не имело влияния на управление, и в этом отношении римляне были далеки от истинных принципов“ [5]).

Но тем не менее и он был принужден признать, что сельское хозяйство занимало в древности очень высокое положение и что технические успехи земледелия у римлян были весьма значительны [6]). „Они довели сельское хозяйство до наивысшей степени совершенства“ [7]), говорит он в одном месте о римлянах, сходясь в этом с большинством своих современников.

Хотя германо-романские народности, как говорит Деплас, и открыли искусства, неизвестные древним, но сельское хозяйство древние оставили им во вполне развитом состоянии. Розье называет древних „образцами“ и „мастерами“ земледелия даже и для настоящих поколений [8]). Античное сельское хозяйство уже обладало всем, чего так добивался XVIII век: защитой частной собственности от произвола привилегированных, свободой обработки земли, правом охоты для собственников и полной свободой торговли [9]). Того большого

---

[1]) „Ils n'ont guère divinisé que ceux qui leur avoient enseigné l'usage des dons de la nature, Cérès, Bacchus, Triptolème etc“. Mirabeau, Ami des Hommes (1759) I, стр. 339.—Des Places, Hist. de l'agr. anc.; Préf., стр. XII.—Holbach, La moral Universelle (1776), стр. 118, прим. 111.

[2]) Ср. Encyclopédie, I, стр. 183 (Статья „Agriculture“). — Mirabeau, Ami, I, стр. 72—73.—Linguet, Hist. du siècle d'Alexandre, стр. 203—204. Rousseau. Contrat social, кн. IV, гл. 4.—Liger, La nouvelle Maison. I, стр. II —Laboureux, Traductions. d'anciens ouvrages. Préf. I, стр. V сл. — Butel-Dumont. Recherches hist. Préf. стр. XXIV—XXV.—Rozier, Cours, I, стр. 259.—Lettre de Babeuf à Dubois de Fosseux (20 août 1787); Advielle, стр. 221.

[3]) Robinet, Dict. Univ. „De l'estime que les Anciens faisoient de l'Agriculture. Loix et réglements favorables à cet Art“, I, стр. 535—539.—Rougier de Labergerie, Recherches sur les principaux abus, стр. 4—5.—Saige, Fragments politiques в Catéchisme du cityoen, стр. 152 сл.—Babeuf, Cadastre perpétuel, стр. 21. - А. Смит в это время высказал мнение, что хотя римляне и греки ставили земледелие выше промышленности, но они скорее препятствовали развитию последней, чем сознательно и прямо покровительствовали первому (Ed. Löwenthal 1879), II, стр. 197.

[4]) Recherches hist., стр. 99 - 100.—Ср. также Rozier, Cours, I, стр. 260 сл., который находится здесь под влиянием Бютель-Дюмона.

[5]) Ibidem, стр. 112—113. — Особенное значение Б.-Д. придает „столь патетическим речам трибунов при обнародовании аграрных или хлебных законов“, стр. 55 сл. и 457 сл.—В другом смысле подходит к аграрным законам Des Places, Hist. de l'agriculture, стр. 6 и 265.

[6]) Recherches, стр. 114—122.

[7]) Ibidem, стр. 135—136.

[8]) Des Places, Hist. de l'Agric., Préface, стр. XXIII. — Rozier, Cours I, стр. 256.

[9]) Ibid. I, стр. 258—259.—Butel-Dumont, Recherches, стр. 66 сл. и 79—84 — „Законы, составленные римлянами по этому важному вопросу,—говорит Dupuy-

зла, от которого страдали французские поместья и которое заключалось в постоянном отсутствии сеньера, римские имения не знали, по крайней мере, до эпохи империи. Владельцы жили в имениях и считали искусство повысить их доходность достойным предметом для своих размышлений [1]).

С середины столетия Франция, по примеру Англии, стала стремиться ввести в целях улучшения сельского хозяйства культуру кормовых трав и связанное с этим стойловое кормление скота: римляне успели довести этот метод уже до такого совершенства, что при обработке 30—40 морг енов они сберегали, сравнительно с французским крестьянином XVIII века, целую пару быков [2]).

Древние ставились в образец в области виноделия, огородничества и рационального удобрения полей. Ими были разрешены вопросы об огораживании полей и наиболее удобном распределении усадебных построек [3]).

Находили, что даже плод сменная система, начинавшая тогда медленно революционизировать французское сельское хозяйство, была уже подготовлена древностью [4]), а в спорном вопросе относительно большей выгодности крупного или мелкого производства история римлян, повидимому, свидетельствовала скорее в пользу последнего, более близкого к народной жизни, ибо в эпоху своего расцвета римляне отдавали предпочтение средним крестьянским хозяйствам, и их государство погибло, когда возобладало крупное землевладение, приведшее к упадку сельское хозяйство [5]).

Мы увидим впоследствии, как все эти ретроспективные наблюдения связывались с животрепещущими экономическими вопросами современности.

В некоторых отношениях, правда, это доверие к древности переходило уже в ребячество и напоминало „тайну тайн" Приора де-ля-Перрьер, в 1698 г. вновь открывшего искусство древних увеличивать урожай путем привлечения мирового духа [6]). Но и преувеличения иной раз приносят плоды. Так, физик Тоальдо уже в 1774 г. предложил, чтобы правительство устроило для нужд сельского хозяйства метеорологические станции для наблюдений над погодой [7]); он полагал, что таким путем возможно будет приблизиться к науке римлян, предвидевшей погоду на годы вперед.

Вера в античную традицию в сельско-хозяйственных вопросах была в то время еще необычайно сильна. Привлекались известнейшие имена древности. Наставниками в области сельского хозяйства являлись не только Варрон, Палладий, Колумелла, Тремеллий и оба Сазерна; Ксенофонт, Аристотель, Катон, Цицерон, Вергилий и Плиний также изучали „в своих бессмертных

Des Portes, были краеугольным камнем того великого знания, которое должно было удивить мир и подчинить его себе". Le Gentilhomme Cultivateur, I, стр. 1.

[1]) Butel-Dumont, стр. 165.

[2]) Ibid, стр. 136 сл. и 161—162.—См. также Rozier, Cours I, стр. 261.

[3]) Butel-Dumont, стр. 138—148 и 162—164.—Fabroni, Réflexions sur l'état actuel de l'agriculture, стр. 24—32 и 106 сл. Gilbert, Recherches: Mémoires d'Agriculture, publ. par la soc. d'Agr., 1788, printemps, стр. 209—210.

[4]) Des Places, Hist. de l'agr. ancienne, Chap. XXIII: „De la manière la plus utile d'ensemencer successivement les terres en différents bleds et de les amender par des fumiers et autres engrais", стр. 142 сл.

[5]) Ibid. Préface, стр. XIV—XV.—Butel-Dumont, стр. 52—53, 352—353 и 363.—Mirabeau, Ami des Hommes, I, стр. 101.—Rozier, I, стр. 257—260.—Rougier de Labergerie, Recherches, стр. 9.

[6]) Le Prieur de la Perrière, Le Secret des Secrets ou le Secret de faire rapporter aux Terres beaucoup des grains avec peu de semence; цит. у Des Places, Préservatif, стр. 112, прим.

[7]) В своем труде „Essai de Météorologie appliquée à l'Agriculture", премированном Société royale des Sciences de Montpellier.

произведениях самые тонкие подробности сельской экономии" и открывали внимательному исследователю множество еще неизвестных сокровищ [1]).

И многие в то время собирали эти сокровища, не думая об их происхождении.

Уже Ла Кэнтини утверждал, что большинство французских трудов по практике сельского хозяйства может считаться только неуклюжими переводами и плохими повторениями нескольких старых принципов [2]). Полвека спустя Деплас повторил этот же упрек своим современникам: „Просвещенные и в общем весьма почтенные авторы,—говорит он,—знают, без сомнения, что в их исследованиях не заключается никаких открытий... Все, что они потрудились написать относительно этой (технической) области сельского хозяйства, уже имеется у древних" [3]). Сабурё де ла Боннетри (Saboureux de la Bonnetrie) не так язвителен в своих приговорах, но и он полагает, что современные авторы, не стесняясь, черпают из древних сочинений, и находит возможным видеть в трудах древних фундамент того здания, которое стремятся возвести агрономические общества во славу сельского хозяйства [4]).

Несомненно, многие из этих отзывов преувеличены, и в некоторых местностях Франции сельское хозяйство уже и в это время немногим уступало римскому в эпоху его расцвета. Но ему действительно недоставало научной теории производства и техники, которая могла бы скорей положить конец устаревшей рутине. В этом отношении французские авторы присоединялись к жалобам Колумеллы на то, что сельское хозяйство, „ближе всего стоящее к философии и являющееся, так сказать, ее сестрой", имеет всех меньше учителей и учеников; они полагали, что пора, наконец, убедить и сельских хозяев, что сельское хозяйство есть „наука, покоящаяся на принципах" [5]).

С середины столетия, казалось, стало возможным добиваться распространения этой истины с бо́льшим успехом, чем прежде. Если внешние условия еще и не являлись благоприятными, то общее направление умов как нельзя более благоприятствовало идее усовершенствования сельского хозяйства [6]).

Если только это настроение не было, как опасался того желчный Лепге (Linguet), продуктом моды [7]), то надежда на новый расцвет так долго находившегося в пренебрежении земледелия представлялась вполне обоснованной.

---

[1]) Hirzel, Le Socrate rustique (1762), стр. 32—38.—Butel-Dumont, Recherches, Prél, стр. VIII—XVIII.—Rozier, Cours, I, стр. 262.—Ср. также Frout de Fontpertuis, Filiation des idées économiques et sociales de l'antiquité avec les temps modernes, Journ. des Econ. (1871). XXIV, стр. 360—368.

[2]) Instructions pour les jardins fruitiers et potagers (Ed. 1740), Préf., стр. 8.

[3]) Hist. de l'agric. anc. Préf., стр. XX—XXII.—Немного ниже он говорит: „Все эти приемы, являющиеся предметом нескольких современных трудов, изложены в этой истории античного сельского хозяйства", стр. XXII—XXIII.—См. также Demportes: „Все авторы как будто конкурят друг друга и заботятся только о точном следовании источникам, оставленным им древними". Le Gentilhomme Cultivateur, I, стр. 17.

[4]) Traductions d'anciens ouvrages relatifs à l'agriculture; Préf., I, стр. XII—XIV и XVII.

[5]) Discours de Maxwell à l'ouverture d'un Cours d'Agriculture. Journ. Oecon. 1762, Sept., стр. 425—429.

[6]) „Если условия эпохи и враждебны его осуществлению („великого принципа Сюлли"), то направление умов никогда не было столь благоприятным для него". Pattullo, Essai (1758), Epitre dédicatoire стр. X—XI.—Des Places, Préservatif, Disc. prél., стр. 2—4.

[7]) Hist. du siècle d'Alexandre, стр. 205.

Экстаз перед классической древностью [1]) был, поскольку мы будем иметь в виду чисто духовные мотивы, одним из главных средств этого движения в пользу сельского хозяйства. Если некоторые критические умы в конце 70-х годов и пытались освободиться от этого обаяния, то во всяком случае немного находилось таких, которые, подобно Бютель-Дюмону, Кондорсе и Шастеллю могли независимо от направления эпохи сравнивать между собой античные и современные условия и высказать относительно них беспристрастное суждение.

Для широких масс слава Рима все возрастала, чем ближе подходила революция, и даже в кратких статьях наказов 1789 г. требования, касавшиеся крестьян и земледелия, иногда подтверждались ссылками на лучшие условия в древнем Риме [2]).

Но требования наказов являются завершением последнего крупного экономического движения в эпоху старого порядка; чтобы понять их, необходимо подробнее остановиться на главнейших спорных вопросах экономических теорий и на враждебных друг другу течениях, образовавшихся между 1750—1789 в практике сельского хозяйства.

---

[1]) „.... все приходили в экстаз от нравов римлян", говорит Des Places, Préservatif, стр. 33.

[2]) Ср., напр., Doléances des ménagers, agriculteurs et paysans du terroir de Marseille; Arch. parl. III, стр. 718, 2-й столбец.— Ch. de la paroisse de Bures, art. I; de Drancy, отдел „Privilégiés", d'Epinay-Guincy, art. 6; d'Herblay, отдел „De ce qui produit la Félicité et la Prospérité de l'Etat"; de Massy; ibid. IV стр. 384, 490, 516, 601 и 683.— Ch. de Nivernois, отдел „Abolition des privileges"; A. Labat, Cahiers du Nivernais et Donziais, стр. 469.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Противоположные течения в экономических теориях и изменения в системе обработки земли.

Целью [illegible] борьбы [illegible] выходят из [illegible] соединений и [illegible] в новые соединения с другими элементами; все они борются между собой из-за места, и это [illegible] путь, ведущий к цели. Это [illegible] вечное [illegible] — это же и [illegible] стремление к новой [illegible], и именно в обычных [illegible] элементов и [illegible] сила этого стремления. Достигается, предметы [illegible] вечной [illegible], рисуются уже в [illegible] этого образа: во всех областях [illegible] богатеет [illegible] жизни, [illegible] порядки и [illegible] имеет множество [illegible] и [illegible] брожения в [illegible].

Целью всех новых [illegible] времени, то ясно сознаваемой, то лишь смутно чувствуемой, было [illegible] перестройка всего государственного и народного организма; наиболее смелые из них стремились опрокинуть все существующие экономические системы и формы общественного порядка.

С начала XVIII века Франция все более и более утрачивала свое преобладающее положение [illegible] государства, экономическая и политическая мощь которых все возрастала, все сильнее и больнее тесня ослабевшего соперника.

При этом не подлежало сомнению, что Франция превосходила остальные страны обилием естественных богатств, и вопрос о том, почему эти богатства остаются неиспользованными, должен был вскоре возникнуть у всякого вдумчивого наблюдателя.

Поэтому отнюдь не случайностью объясняется то обстоятельство, что именно во Франции в это время создается первая научная система политической экономии; ни одна страна не нуждалась в большей степени в выработке определенного плана, по которому можно было бы приложить руки к дремлющим в недрах богатым залежам экономических сил.

Ибо во Франции во второй половине века никто не сомневался в наличности неиспользованных народных сил, в возможности улучшения жизни.

Лучшие умы спорили тогда лишь относительно путей к повышению национальной мощи в связи с возможно большим увеличением счастья каждого отдельного индивидуума.

Один из первых спорных вопросов касался отношения прироста населения к увеличению национального богатства.

I. Учение о народонаселении.

1. Проблема убыли населения.

Для абсолютного монарха, постоянно занятого внешними войнами, каким был Людовик XIV, большое население являлось необходимым средством для

поддержания своего господствующего положения перед лицом многочисленных врагов. Поэтому уже в начале своего самостоятельного правления он принимает меры к увеличению населения в виде особого покровительства ранним бракам. Ноябрьский указ 1666 г. предоставлял вступающим в брак в возрасте 20—25 лет, а также отцам десяти—двенадцати детей исключительные привилегии и облегчения налогов [1]).

Но успех, повидимому, не оправдал ожиданий; 23 января 1683 г. этот указ был отменен и более не возобновлялся, несмотря на то, что интенданты все больше и больше подчеркивали в своих записках опасность уменьшения населения и высказывались в пользу покровительства бракам по римскому образцу [2]).

Этот страх перед прогрессирующим уменьшением населения, постоянно возникающий в последующие десятилетия, явился исходным пунктом ученый о народонаселении в XVIII веке.

Доказательства убыли населения не только во Франции, но и во всей Европе пытались добыть прежде всего из сравнения с классической древностью.

Насколько мне известно, Фоссиус первый пытался, путем такого сравнения, доказать значительную убыль людей со времен древности [3]). Он, правда, дал столь преувеличенно низкую цифру для тогдашнего населения Франции, именно 5 миллионов, что несколько десятилетий спустя Вобану легко было опровергнуть это заблуждение при помощи интендантских отчетов [4]).

Но и Вобан был далек от того, чтобы считать население Франции достаточным: он рассчитал, что земля могла бы прокормить население, плотностью 700—800 душ на квадратную милю, вместо наличных 62,7 [5]).

Монтескье и д'Аржансон держались того же мнения: им представлялось, что население средиземноморских стран, заселенных первоначально чрезвычайно густо („regorgeaient d'habitants"), беспрестанно редело и в настоящее время едва равнялось одной десятой прежнего числа [6]).

Особенно животрепещущим сделался этот вопрос с появлением в начале 50-х годов в Англии трудов Уоллеса и Юма. Из них Уоллес отстаивал мнение, что население древности значительно превосходило численностью население современной Европы, тогда как Юм защищал противоположную точку зрения. Оба труда уже в 1753 и 1754 г. были переведены на французский язык [7]) и с этих пор разделили людей, занимавшихся этим вопросом,

---

[1]) Эдикт напечатан у Isambert, Recueil XVIII, стр. 90—93 и восходит к „римскому образцу".

[2]) „Les causes de la diminution"; Boislisle, Mémoires des intendants (1881), т. I, стр. 159.—Mémoire des commissaires du roi sur la misère des peuples et les moyens d'y remédier (1687); ibid., стр. 781 сл.

[3]) Isac Vossius, Variarum observationum liber (Londres 1685, in 4°); третья статья представляет этюд о населении в древнем Риме.

[4]) Вобан исчислял население в 19.094.146 душ. „Это должно научить тех, кто считает Францию совершенно обезлюдевшей,—говорит он в своей Dîme Royale:—как поразился бы, если бы он был еще жив, знаменитый Фоссиус, по мнению которого во Франции было не более 5 милл. душ". Daire, I, стр. 121—122.

[5]) Ibidem, стр. 44—46.

[6]) Montesquieu, Lettres pers., Lettre 112; Esprit des lois, liv. XXIII chap. 18.—D'Argenson, Mémoires (Ed. Rathéry) VI, стр. 49—51, 305 и 322.

[7]) Wallace, Essai sur la différence du nombre des hommes dans les temps anciens et modernes (Londres, 1753 [2]) 1769). Hume, Discours sur le nombre d'habitants parmi quelques nations anciennes; в Discours politiques, trad. par M. de M... (Amst. 1754); другой перевод см. у Daire XIV, стр. 103—162.—В Англии учение о народонаселении также развивалось уже в XVII веке Петти в его „Essai sur la multiplication des hommes" и

на две партии. Интерес к учению о населении благодаря им был возбужден более, чем когда-либо [1]).

Значительное большинство было на стороне Уоллеса. Непоколебимая еще вера в авторитет античных писателей была сильнее основательных возражений Юма.

Старший Мирабо, Руссо, Мерсье, Рейналь, Неккер, Кондорсе и многие другие примкнули к мнению Уоллеса и восхваляли счастливые времена республиканской древности, когда даже Испания насчитывала 52 миллиона жителей. Распространение подобных взглядов должно было являться желательным и для Кене, и других физиократов, как и для всех представителей новых экономических теорий. Ничто не могло лучше доказать всю негодность существующего строя, как беспрестанное уменьшение народонаселения, и ничто лучше не обосновывало их требований радикального переворота в экономической жизни.

Правда, некоторые авторитетные голоса высказывались уже в 1760 г. против слишком мрачного сгущения красок в общей картине народонаселения Франции. Сен-Сюпплн и прежде всего Вольтер резко возражали против мнения, что человечество должно постепенно уменьшаться в числе благодаря внутреннему истощению [2]).

Их доказательства были, правда, не особенно сильны, но они нашли себе опору в лице статистиков Экспильи и Мессанса, которые, как заметил с тонкой иронией Мессанс, хотя и воздерживались от общих рассуждений о проблеме, но зато изучили важнейшие факты, устанавливавшие цифру населения, и доказали, по крайней мере для некоторых провинций, прирост населения в предыдущем столетии [3]).

Но даже их цифровые доказательства не произвели большого впечатления. Они не согласовались с направлением чувств и с совокупностью воззрений тогдашних людей, хотя по научности далеко превосходили противоположные мнения [4]).

позднее Уистоном (Whiston, Théorie de la terre); обе книги были переведены на французский язык, но я не нашел их.—Также и немецкий труд, трактовавший об этом вопросе, был в 1743 г. переведен на французский язык: J. Hübner, La Géographie universelle (trad. de l'all. par Duvernois; Bâle 1746, 1757 6 vols) ср. Encycl. XIII, стр. 90.

[1]) „Идет довольно интересный спор,—говорит Bibliothèque impartiale pour les mois Sept.-Oct. 1753 —уже породивший очень удачные статьи; речь идет о том, был ли земной шар более населен в древние времена, чем теперь, и благоприятствует ли существующее государственное устройство росту населения". VIII (2-e partie), стр. 315.

[2]) Chev. de Saint-Suplix, Homme désintéressé (Paris 1760).—Статья в Journ. Oecon. (1763 Juillet). „Reflections sur l'état actuel du Royaume relativement à l'Agriculture et à la Population" целиком опирается на эту книжку.—Voltaire, Dict. phil. VI, стр. 471 сл. (статья „Population").—Среднюю позицию занимает d'Amilaville, автор статьи „Population" в Энциклопедии; он утверждал, что общее число людей, населяющих землю, во все времена остается одинаковым, изменяется только плотность населения в отдельных местностях. Encyclopédie (1765), XIII, стр. 91.—Подобного же мнения о постоянстве общей цифры народонаселения на земном шаре и местном характере изменений придерживается и Raynal, Hist phil. des Deux Indes (1782), X, стр. 204

[3]) Messance, Recherches sur la population des généralités d'Auvergne, de Lyon, de Rouen et de quelques provinces et villes du Royaume (Paris, 1766; 330 стр. in 4°), Avertissement.—Abbé Expilly, Dictionnaire géographique, historique et politique des Gaules. V (1768), стр. 806 сл.—Chastellux также примкнул к Юму и к указанным авторам; см. De la Félicité publique (1772) T. II, гл. VI „...особенно о росте населения у современных народностей", стр. 128 сл.

[4]) „В течение нескольких лет,—говорит статья в Journ. Oecon. (1766, Fevr.) - наши политики утверждали так упорно и единогласно, что население Франции

Одной из главных причин этого является связь, которую усматривали между уменьшением народонаселения и упадком сельского хозяйства и крестьянства. Правда, при исследовании причин этого предполагаемого уменьшения не оставалась не затронутой почти ни одна сторона существующего общественного и государственного строя: по Ленге (Linguet) упадок народонаселения являлся неизбежным следствием структуры человеческого общества в его теперешнем виде [1]). Уоллес выставил десять главных причин, являющихся, по его мнению, виновниками убыли народонаселения у современных народов: различие религий и религиозных институтов, извратившиеся обычаи в отношении к природе и попечение о бедных; современные законы о наследовании, и прежде всего право первородства; неосторожное поощрение браков; большое число постоянных войск; слишком большое расширение торговли; упадок сельского хозяйства; слишком большая власть правительства; поглощение прежних маленьких государств обширными монархиями и, наконец, утрата тех дел господствующей прежде известной нравственности [2]).

Французские авторы представили исследование этих причин, возвращаясь к их прямым и косвенным источникам.

Поклонники „добрых старых времен" становились моралистами в вопросе брака и воспитания детей; энциклопедисты доказывали, что количество „является безпиной, в которой скрыт и погребается человеческий род"; политические деятели, преследуя цели свободы и равенства, вскрывали губительные для населения недостатки в механизме управления, но прежде всего, как на главную причину убыли населения, все указывали на угнетенное и запущенное состояние сельского хозяйства [3]).

Господствовала твердая уверенность в том, что государства, в которых покровительство сельскому хозяйству является основой управления, могут сохранять густое население даже на небольших пространствах. В подтверждение этого приводились маленькие республики ранней древности, которыми одинаково восхищались представители противоположных направлений [4]). Отблеск их славы падал также и на Швейцарию и Голландию, представляя-

---

ходит с этими днями, что тревога по этому поводу овладела всеми". стр. 80. — Ср. также Encycl., статья „France"; VII (1757), стр. 282.

[1]) Linguet, Théorie des lois civiles, I стр. 195—217.

[2]) Wallace, Essai sur la différence du nombre des hommes, стр. 165 сл.

[3]) О причинах убыли населения ср. Vauban, Dîme Royale; Dairo I, 35 сл.— Montesquieu, Lettres persan., lettre 116—117.—Idem., Esprit des lois, liv. XXIII, chap. 21 сл. — D'Argenson, Mémoires VI, стр. 40—51, 305, 322 и VIII, стр. 232.—Dangeul, Remarques, стр. 14—18 и 275 сл. — Quesnay, Oeuvres, стр. 193.—Mirabeau, Ami des hommes, I (1756), стр. 212 сл.— Goudart, Les intérêts de la France, I, стр. 261—364.—Rousseau, Contrat, liv. II, chap. 9—10. Goyon de la Plombanie, L'Homme en Société ou nouvelles vues politiques et économiques pour porter la Population au plus haut degré en France (1763), I, стр. 33 сл.—Amilaville, статья „Pop.", Encycl. XIII, стр. 97 сл.—Linguet, Théorie, II стр. 476 сл. Condillac, Le Commerce, Oeuvres IV, стр. 194 сл.— Extrait des causes de la dépopulation et moyens d'y remédier; Journ. Oecon. (1767 Fevr., стр. 76 сл.—Necker, Sur la législation; Oeuvres (1820), I, стр. 29 сл.

[4]) Перед... возвышением Рима, почти все нации, известные истории, были разделены на маленькие республики, в которых в общем господствовало большое равенство состояний... надо признаться, что условия для распространения человеческого рода были как нельзя более благоприятны". Hume, Discours, стр. 215.— Wallace, Essai, стр. 185.—Goudart, Les intérêts, стр. 353 сл. Amilaville, Encycl., XIII, стр. 94—Mirabeau, Ami I, стр. 32—33. Extrait des „Causes de la dépopulation", Journ. Oecon. (1767 февраль), стр. 76. Abbé Pluquet, Traité sur le luxe, II, стр. 342—348. Rougier de Labergerie, Recherches, стр. 5. — Ferguson также присоединился к этим похвалам: Essai sur l'histoire de la Société civile (trad. de l'angl. par M. Bergier; Paris, 1783) II, стр. 17 сл.

ящиеся „счастливейшими государствами Европы". За этими исключениями, единственным государством, достойным такой же хвалы за успешную политику в области сельского хозяйства и народонаселения, считался Китай. Кене говорил в своем „Despotisme de la Chine" об удивительном росте населения в этой стране, „столь полезном и желательном для наших европейских государств, где численность населения считается источником благосостояния; результат при этом принимается за причину, так как численность населения всюду превышает размеры благосостояния: богатства увеличивают и богатства и число людей; но рост населения всегда превышает богатство" [1].

Мы касаемся здесь пункта, составляющего истинную сущность тогдашнего учения о народонаселении.

Носивший скорее исторический характер спорный вопрос о том, имеет ли народонаселение тенденцию к увеличению или же к уменьшению, был, как мы видели, порожден страхом перед упадком народного организма Франции и стремлением найти средства к его возрождению.

Но радикальное лекарство могло быть найдено, как полагали тогда, лишь при условии выяснения истинного соотношения между численностью населения и народным благосостоянием. Таким образом возник спор из-за вопроса о том, означает ли увеличение народонаселения само по себе увеличение национального благосостояния, и должно ли оно поэтому поощряться всеми средствами и во всех случаях, или же, напротив, рост населения покоится на росте национального богатства, увеличение которого должно являться главной задачей здоровой политики.

2. Рост населения и национальное богатство.

Корни этого „первого догматического спора в политической экономии" можно проследить еще во времена меркантилизма. Ядро самого учения меркантилистов может быть, по мнению одного из новейших исследователей, выражено в положении, что „численность населения и богатство составляют вместе те основы, на которых покоится политическая и экономическая мощь страны" [2].

Я не могу останавливаться здесь на воззрениях XVII века. Но уже в первой половине XVIII века экономических писателей можно, по моему мнению, разделить на две группы; обе одинаково видели в многочисленном населении признак мощи и богатства, но отличались друг от друга тем, что одна считала его причиной, а другая следствием этих фактов.

Если, напр., Вобан и Сэн-Пьер считали *число* подданных показателем величия королей и полагали, что им следует заботиться единственно об увеличении населения своей страны [3], то с другой стороны Лоу и Дюто защищали положение, что число жителей зависит от количества и оборота денег в государстве и что поэтому главная задача должна заключаться в увеличении числа денег и понижении процента [4].

---

[1]) Oeuvres (Ed. Oncken), стр. 579.—Ср. о народонаселении Китая: Montesquieu, Esprit des lois, liv. VIII, chap. 21.—Cantillon, Essai sur la nature de commerce, стр. 88.—Labergerie, Recherches, стр. 12.

[2]) A. Oncken, Gesch. der Nat.-Ök I, стр. 179.

[3]) Dime Royale; Daire, I, стр. 46.—St.-Pierre, Projet de la Paix Perpétuelle (1712), I, стр. 236.

[4]) „Торговля и число людей, составляющие богатство и мощь государства, зависят от количества и оборота денег... надо больше денег, чтобы дать занятие бо́льшему количеству людей" и т. д.—Law, Premier Mémoire sur les Banques (1716);

Другой ученик Лоу—Мелон, напротив, склонялся скорее к мнению Вобана, на стороне которого состояли также Монтескье, Данжейль, Герберт и др. [1]).

Но замечания этих писателей относительно проблемы народонаселения носят более или менее случайный характер: более глубокому рассмотрению она подверглась только в той главе книги Кантильона, заголовок которой гласит: „увеличение и уменьшение числа жителей в государстве зависит, главным образом, от воли землевладельцев и их образа жизни“ [2]).

Кантильон развивает это странное положение следующим образом: люди размножались бы чрезмерно, „как крысы в амбаре“, если бы средства к существованию были неограничены; границей прироста населения служит крайний предел производительности земли в данной стране. В пределах этих границ население государства увеличивается в той мере, в какой земледельцы заботятся об использовании земли, т.-е. о создании новых средств к существованию [3]). Но это еще не является прямым источником обогащения государства; это обогащение наступает только тогда, когда землевладельцы увеличивают свои *потребности* до такой степени, что лишние рабочие руки, ненужные для добывания продовольственных средств, могут находить работу, и тем самым средства к существованию, в торговле и промышленности [4]); таким образом в страну привлекается золото и серебро из за границы: „это существенно и плодотворно обогатит государство“ [5]).

Таким образом для Кантильона рост населения в качестве главного фактора увеличения богатств не являлся целью сам по себе, но он все же придавал большое значение заботам о приросте населения, и это побудило Мирабо к написанию его „Traité de la population“. Громадный успех этого трактата сделал вопрос об увеличении населения достоянием всех мыслящих кругов Франции.

Сам Мирабо, правда, не способствовал прямо дальнейшему развитию этой проблемы, так как он то близко следовал в своих воззрениях Кантильону [6]), то, напротив, энергично поддерживал ту точку зрения, что люди являются первоисточником всякого богатства. Но он так тесно спаял оба понятия—„рост населения“ и „сельское хозяйство“, что в последующие десятилетия совместное рассмотрение обоих вопросов и взаимная обусловленность их развития предетавлялись вполне естественными [7]).

Вскоре после появления своего труда Мирабо познакомился с более крупным талантом, всецело подчинившим его беспокойную мысль своему

Daire I, стр. 549 сл. — „Сила и могущество государства зависят от числа жителей, а число жителей всегда соответствует количеству денег в этом государстве“.—Dutot, Reflexions politiques; Daire, I, стр. 906.

[1]) Melon, Essai politique, chap. III; Daire, I, стр. 717.—Montesquieu, Esprit, liv. XXIII, chap. 26–28.—Dangeul, Remarques, стр. 239 сл.—Herbert, Essai, стр. 120–123.

[2]) Cantillon, Essai sur la nature du commerce, en général (1755), стр. 86 сл.

[3]) Ibid, стр., 95 и 106 и сл.

[4]) Гл. IX. „Число земледельцев, ремесленников и других трудящихся в государстве естественно сообразуется с потребностью в них“. Стр. 28 сл.—См. также стр. 111—113.

[5]) Стр. 119. Кантильон еще в полной мере является меркантилистом и сторонником теории торгового баланса. Ср. Oncken, Gesch. der Nat.-Ök., I, стр. 277.

[6]) Ami des hommes (1759), I, стр. 212 сл. — Forbonnais, как мне представляется, также не ходит из труда Кантильона; см. Elements du Commerce (Amst. 1755), I; стр. 62—63 и Principes économiques (1767), Daire. XIV, стр. 188—189.

[7]) „Размножение людей,—говорит Мирабо в одном месте,—называется ростом населения. Увеличение доходности земли называется сельским хозяйством. Оба эти принципа тесно связаны друг с другом“. Ami des hommes, I, стр. 23.

влиянию, — с основателем физнократической системы. Хотя Франсуа Кене и не придал учению о народонаселении вполне новых форм, но он привел его положения в систематическую научную связь и поставил свои аргументы в более тесную зависимость от политической экономии в ее целом. В этом пункте его зависимость от Кантильона несомненна. Он также подчеркивает, что население увеличивается в связи с доходами от земельных владений [1]). и что следует обратить бо́льшее внимание на повышение доходов, чем на прямое увеличение народонаселения [2]).

Но в конце концов и для него, как и для Кантильона, причиной увеличения богатств и роста народонаселения является повышение потребностей [3]). Дело в том, что повышение дохода наступает лишь в том случае, если новые потребности порождают производство новых продуктов: лишь потребности человека превращают эти продукты в богатство [4]). и поэтому Кене говорит: „Чем больше людей в государстве с обширной и плодородной территорией, тем больше в нем богатств".

Но из этого еще не следует, что Кене желал возможно бо́льшей густоты населения в государстве. Главное значение он придавал нормальному соотношению между численностью населения и имеющимися налицо богатствами. Богатств должно было быть больше, чем необходимо для обеспечения minimum'a средств существования для имеющегося налицо населения: целью Кене было возможно бо́льшее число состоятельных людей в государстве [5]).

Он пытался использовать в интересах государства найденный уже им и впоследствии формулированный Мальтусом закон роста народонаселения, заключающийся в том, что народонаселение возрастает скорее, чем богатства, нужные для его существования [6]). Следовало употребить все силы на постоянное увеличение и правильное распределение национального богатства; население же само собою, в силу присущей ему внутренней способности, вновь перерастет создавшиеся средства к существованию.

Система Кене во всех своих частях связана с этим учением о народонаселении: увеличение богатства представляется ему возможным лишь при условии свободы внешней и внутренней торговли, свободы и обеспеченности собственности и труда, одним словом, при условии увеличения чистого дохода от земли, в котором для него и заключается истинное богатство страны [7]).

Едва ли стоит говорить о том, что вся школа физнократов приняла учение своего главы и проповедывала поэтому прежде всего увеличение богатства путем поощрения сельского хозяйства и экономической свободы.

Под его влиянием находятся также взгляды Кондильяка, Шастеллю и других,

---

[1]) „Les hommes se multiplient donc à proportion des revenus des biens-fonds". Maxime I: Oeuvres, стр. 234.—См. также St. Bauer, Zur Entstehung der Physiokratie (изложено содержание неизданной статьи Кене „Hommes"); Jahrb. f. Nat.-Ök. und Stat. N. F. XXI, стр. 117.

[2]) Maximes générales, XXVI; Oeuvres, стр. 336.

[3]) Oncken в главе „Populationistik" (Gesch. der Nat.-Ök., стр. 378 сл.) не выдвигает этого пункта.

[4]) „Земля, повторяю, является богатством лишь потому, что ее продукты необходимы для удовлетворения потребностей человека, и что сами эти потребности и создают богатства" (Oeuv., стр. 245 – 246).—Главное различие между Кене и Кантильоном заключается в понятии „богатство", под которым последний разумеет по преимуществу ценности промышленные и торговые, первый же—земледельческие.

[5]) Ср. Questions intéressantes: Richesses, III, (Oeuvres, стр. 301).

[6]) См. Oeuvres, стр. 579 и 635.– Ср. также Oncken, Gesch. der Nat.-Ök, loc. cit.

[7]) См. Maximes I—V.—Ср. также St. Bauer, Op. cit. Jahrb. XXI, стр. 121—123.

хотя некоторые из них иногда стоят ближе к Кантильону и Мирабо, или же, подобно Фергюсону, выдвигают и самостоятельные мысли [1].

Но даже в эпоху наибольшего влияния идей Кене его учение о народонаселении никогда не могло вытеснить общепринятого представления, будто в численности населения заключается первопричина национального богатства.

Подобно тому как Вобан в начале столетия измерял могущество королей числом их подданных, так Руссо в 1762 г. считал численность и прирост членов государства простейшим показателем хорошего управления [2]. Никогда столько не говорилось о необходимости забот об увеличении народонаселения [3]. Средств к этому искали у древних римлян; высказывались пожелания, чтобы браки и деторождения поощрялись при помощи премии; личное обложение неженатых, законы о правах и роскоши, облегчение налогов для отцов семейств, меры, затрудняющие эмиграцию—„по примеру короля прусского", отмена целибата в войсках и т. д. Таковы были требования, предлагавшиеся с этой же целью [4]. Увеличения семей думали достигнуть прежде всего путем увеличения числа самостоятельных крестьянских хозяйств, становясь таким образом на точку зрения, прямо противоположную физиократам.

Кене, высчитав, что цифра населения Франции упала за сто лет с двадцати миллионов до шестнадцати, выставил, в качестве главной меры противодействия этому упадку, замену мелкого хозяйства, работающего с помощью волов,—крупным хозяйством, работающим с помощью лошадей.

Положение, будто для государства выгоднее труд мелкого бедного крестьянина, чем богатого арендатора, является, по его мнению, ошибочным: богатые крупные арендаторы создают больше средств к существованию и поэтому более способствуют росту населения [5].

Эти принципы были, как мы уже говорили, враждебны популярным воззрениям, наиболее широко распространившимся в дореволюционной Франции. Д'Аржансон, Монтескье, Уоллес, Юм, Мирабо в до-физиократический период, Руссо, Экспильи, де ла-Пломбани, Денлас, Рейналь, Неккер и многие другие проповедывали, начиная с середины столетия до наступления революции, что увеличение числа мелких и средних самостоятельных крестьянских хозяйств является лучшим средством к возрождению сельского хозяйства и увеличению народонаселения.

Таким образом вопрос о народонаселении вызвал вопрос о положительных и отрицательных сторонах мелкого и крупного хозяйства, вопрос, являющийся одним из наиболее характерных выражений двойственности социальных воззрений в последние десятилетия старого порядка.

---

[1]) Ср. Chastellux, De la Félicité (Amst. 1772), II, стр. 97—148.—Condillac, Le Commerce et le Gouvernement (1776), стр. 188 сл.—Ferguson, Essai sur l'histoire de la Société Civile (Paris, 1783), I, гл. IV. „De la population et de la richesse", стр. 8 сл. 21—23 и 161.

[2]) Contrat social, книга III, гл. 9.

[3]) „Никогда так много не говорили об увеличении числа подданных, как в последние годы. Эта задача политики вошла в моду; и действительно ею интересуются все державы". Faiguet, Economie politique (1763), стр. 2.

[4]) Montesquieu, Esprit, liv. XXIII, chap. 28.—Wallace, Essai, стр. 173 и сл.—Hume, Discours, стр. 215 и сл.—Goudart, Les intérêts, I, стр. 353—421.—Turbilly, Mémoire sur les défrichements (1760), стр. 310.—De la Plombanie, L'Homme en Société, т. I и II.—Faiguet, Economie, стр. 3—58.—Mercier, L'an 2440, стр. 347, прим.—Robinet, Dict. Universel, XXVI, стр. 39 и—614.—Ch. du clergé de Dourdan, chap. V, art. 14; Arch. parl. III, стр. 245.—Ch. du peuple de la sénéch. de Rennes, art. 115; ibid. V, стр. 544 и т. д.

[5]) Oeuvres, стр. 157 сл.—St. Bauer, op. cit. Jahrb. XXI, стр. 130.

II. Предпочтение мелкому землевладению.

Свобода личности и связанная с нею возможность наивысшего развития всех способностей и наибольшего использования всех сил являлась целью духовных вождей XVIII века.

В предыдущей главе мы видели, как развитие этой идеи до ее крайних пределов, так сказать, обеспечило самый принцип: признание высочайшей ценности индивидуума привело к требованию его сохранения и поддержания даже в самом слабом индивидууме, т. е. прежде всего к требованию исключения экономической конкуренции и обеспечения обществом пропитания каждому члену.

Если выводом из этого требования явился государственный коммунизм, то жизнь при этих условиях, казалось, становилась еще более связанной, чем прежде. Сторонники равного раздела земли, бывшие во многих отношениях предшественниками современного анархизма, пытались избежать этого, думая достичь экономического обеспечения каждого отдельного лица путем отвода ему некоторого основанного и неотъемлемого земельного надела.

Ни та, ни третья теория не приобрела до начала революции большого числа сторонников: юная идея полной свободы индивидуума в экономической борьбе должна была в течение многих лет подвергнуться натиску реальной жизни, прежде чем коммунизм, опираясь на ее недостатки и изъяны, смог достаточно окрепнуть, чтобы выступить на арену.

Его родной брат и заклятый враг анархизм, может быть, в свою очередь почерпнет свою силу в его слабостях и таким образом снова возвратится к свободе индивидуума, но только в потенцированной форме.

Уже на начальной стадии теоретики равного раздела земли стояли ближе к сторонникам экономической свободы, чем к коммунистам.

Возникновение частной земельной собственности находилось, согласно воззрениям эпохи, в неразрывной связи с образованием гражданского общества [1]; в сохранении и увеличении собственности, казалось, заключались наиболее сильные стимулы человеческой деятельности. Пробуждение этих стимулов в возможно бо́льшем числе членов государства приводило к наибольшему развитию экономической деятельности всего народа.

Исходя из этой идеи, не только социалистические теоретики, Мабли, Ла-Бретонн и др., считали равное распределение земли идеальной формой хозяйства, но и такие люди, как д'Аржансон, Мирабо, Денлас, Бютель-Дюмон, Розье и Неккер приходили в восторг от надельной системы спартанцев и римлян сожалели о невыполнимости подобного плана в их время [2].

---

[1]) См. выше стр. 41 сл.—Ср. также Cantillon, Essai: „Если предположить, что земля не принадлежит никому в частности, нелегко представить себе возможность образования при этих условиях человеческого общества", стр. 8.

[2]) „Не подлежит сомнению, что если бы равное распределение благ между семьями было возможно, то государство, в котором оно имело бы место, сделалось бы вследствие этого гораздо сильнее, ибо каждый стал бы работать лучше, так как на его долю приходилось бы меньше работы, и так как он сам пользовался бы результатами своего труда". Journ. Oecon. (1765, Oct.), стр. 452.—„Более того,—говорит Неккер,—если бы общественный строй, всегда считавшийся наиболее соответствующим общему благу, а именно равенство состояний, мог бы вдруг быть введен и удержаться, государство, в котором осуществился бы этот химерический проект, как велики бы ни были его природные богатства, перестало бы получать деньги из-за границы; однако же подобное общество, бесспорно, было бы наиболее достойным зависти". Sur la législation. Oeuvres, (1820), I, стр. 22—23.—См. Mirabeau, loc. cit.—Butel-Dumont, Recherches, стр. 12 и сл.—Rozier, Cours, I, стр. 257 и сл. Des Places, Hist. de l'Agric. стр. 286—287.

Большое неравенство в распределении благ в их глазах являлось, конечно, не необходимым следствием естественных различий между людьми, но если оно и было неизбежным, то тем не менее, по словам Неккера, оставалось печальным явлением для человечества [1]).

Не видя возможности изменить первопричины этого положения, они хотели по крайней мере смягчить его недочеты и прежде всего бороться с односторонним покровительством крупным владениям со стороны правительства.

Так как предполагалось, что дворянство и духовенство находились в обладании двумя третями всей земли, то борьба прежде всего направилась против них, и, начиная с середины столетия, без устали стали повторяться указания на вред, причиняемый сельскому хозяйству крупным землевладением [2]).

С другой стороны, начали безмерно преувеличивать особые выгоды, приносимые государству мелким землевладением. В качестве примеров, подтверждающих, что „плуг в руках собственника" является основой и источником благосостояния народов, и что с образованием латифундий началось падение всех государств, привлекали не только Рим, но и Спарту, Египет, Палестину и Китай [3]).

Даже в Англии, крупное землевладение которой физиократы провозгласили причиной цветущего состояния ее народного хозяйства, Адам Смит писал в конце 70-х годов: „Сравните настоящее положение этих (крупных дворянских) имений с владениями мелких собственников, и вам не понадобится других доказательств, чтобы убедиться в том, как мало способствуют успехам земледелия столь обширные владения" [4]).

В это же время в самой Франции Робинэ занимался исследованием вопроса, „полезно ли для государства, чтобы крестьянин имел земельную собственность", и пришел к тем же утвердительным выводам, что и Гудар, Форбоннэ, Вольтер, Неккер и многие другие раньше него, и Рейналь, Розье, граф Мирабо и Клико-Блервашь после него [5]).

Первую выгоду от увеличения числа земельных собственников эти авторы, как уже говорилось, видели прежде всего в его влиянии на рост народонаселения. Крупный землевладелец, по их словам, тратит свой доход по большей части на свои личные удовольствия, крестьянин же, обладающий свободной и обеспеченной собственностью, производит на свет здоровых детей и заботится о созидании новых семей: „Слишком много крупных земельных владений и слишком мало мелких,—вот первое препятствие росту населения!"—крылатое слово аббата Рейналя, уже за тридцать лет перед тем высказанное Уоллесом [6]). Незадолго до революции это мнение защищал еще и младший Мирабо, и ему

---

[1]) Ibid. стр. 24.

[2]) Ср. гл. II, отдел I.—См. также Amilaville, Encycl. XIII, стр. 96.—Goudart, Les intérêts, I, стр. 52—55.—Butel-Dumont, Recherches, стр. 47—49.—Smith, Recherches sur les richesses, II, стр. 184. – Fauchet, La religion nationale, стр. 224. — Les quatre cris de la nation стр. 9—10.

[3]) Wallace, Essai, стр. 182 сл. и 216 сл.—Mirabeau, Ami, I, стр. 273.—Des Places, Hist. de l'Agric., стр. 35 - 38 —Robinet, Dict. Univ. I, стр. 531—533. Butel-Dumont, Recherches, стр. 50—53 и 152 сл. Gosselin, Réflexions, стр. 38, прим. 8.—Ср. также Frout de Fontpertuis, Op. cit. Journ. des Economistes, XXIV, 375—377.

[4]) Recherches (Ed. La Haye, 1778), II, стр. 193.

[5]) Examen de cette question: „Est-il utile à l'Etat que le paysan ait ou n'ait pas quelque propriété?" Dict. Universel des Sciences, XXVI, стр. 271 сл. (статья „Paysan").

[6]) Raynal, Hist. phil., X, стр. 205—207.—Wallace, Essai, стр. 184.—См. также De la Plombanie, L'Homme, кн. II, „Que le nombre des cultivateurs est trop petit", I, стр. 49 сл.—Amilaville в Энциклопедии, XII, стр. 97.—Robinet, Dict. Univ., XXVI, стр. 272.

же было суждено в скором времени стать мнением Учредительного Собрания. Мирабо делил земледелие государства на крупное и мелкое; к первому он причислял королевские и дворянские имения, ко второму—владения ведущих самостоятельное хозяйство крестьян: „И это второе,—писал он,—есть единственный источник многочисленного и полезного населения“ [1]).

Второе значительное преимущество увеличения числа земельных собственников видели в улучшении земледелия. Уже в первой половине века высказывались пожелания, чтобы земля составляла собственность только тех, кто может сам ее обрабатывать; самый большой вред, какой можно нанести нашне, заключается в том, что она обрабатывается не ее собственником. Если „сравнить обширные владения знатного сеньера со скудным наделом крестьянина“, то разницу между культурой в обеих землях можно обозначить отношением одного к четырем [2])

После 1750 г. эта уверенность в превосходстве с точки зрения земледелия крестьянина-собственника, ведущего свое хозяйство, возросла еще более: даже старший Мирабо отдавал ему, до своего знакомства с Кенэ, предпочтение перед арендатором: „Территория государства,—восклицает он в одном месте,—*никогда не может быть слишком раздроблена.* Именно это дробление, это различие между „моим“ и „твоим“,—первоисточник, по выражению поэтов, всех страданий, оно-то и производит полное перерождение государства!“ Сам он раздал пустоши в своих имениях крестьянам и наблюдал, как они были превращены в цветущее состояние [3]).

Другие думали доказать путем опыта, что десять миллионов моргенов пахотной земли, поделенные между 200.000 крестьян, принесут государству больше дохода, чем находясь в руках 5.000 помещиков; что потеря одного крестьян на наносит больший ущерб, чем утрата целого ряда людей выдающихся, но не приносящих никакой пользы государству [4]).

Это признание значения мелкого крестьянства для развития сельского хозяйства являлось прямой противоположностью учению физиократов; тенденция к крупному землевладению была объявлена прямо-таки несчастьем для государства и общества [5]). Бесчеловечно,—возмущался Рейналь,—исключать крестьянина из землевладения или отнимать у него землю; таким путем только

---

[1]) Mirabeau, De la monarchie prussienne sous Frédéric le Grand (Londres, 1788) I, стр. 148; см. также II, стр. 62 сл.

[2]) „.. Из этих наблюдений необходимо вытекает желательность того, чтобы все владения принадлежали только тем, кто сам их обрабатывает и т. д.“. D'Argenson, Considérations (Ed. 1787) стр. 188.—См. также A. Alem, Le marquis d'Argenson стр. 70—71.—„... частный владелец,—писал еще раньше Буагильбер,—заботится (о земле) и производит улучшения, удобряя или уравнивая почву, в гораздо большей степени, чем если бы этот же участок был включен в крупное владение, из которого едва извлекается половина того дохода, который оно в состоянии дать“. Le Détail de la France; Daire. I, стр. 190.

[3]) Ami des Hommes (Ed., 1759), I, стр. 101—105.—Ср. также Lavergne, Les économistes, стр. 121.

[4]) Goudart, Les Intérêts, I, стр. 47.—Herbert, Essai sur l'Agriculture, стр. 339.

[5]) „.. Эти обширные владения, принадлежащие одному лицу, могли бы сделаться наследием бесконечного числа семейств... *Земли стали бы лучше обрабатываться и сделались бы плодороднее*“. Encycl. XIII, стр. 97.—„Представляется несомненным, что самым лучшим средством распространить и усовершенствовать земледелие является увеличение числа земледельцев“. Des Places, Préservatif, стр. 38.—Аналогичные заявления у Forbonnais, Principes économiques; Daire, XIV, стр. 190.—Voltaire, Dict. phil. Oeuvres VII, стр. 18 (статья „Propriété“).—De la Plombanie, L'Homme en Société, I, стр. 53 сл.—Ср. также Journ. Oecon. (1762, Juin), стр. 243 и (1763, Juillet), стр. 297—298.—Mercier, Tableau II, стр. 87—89.

задерживается развитие важнейшего из всех искусств, которое не может достичь расцвета, пока пахарь пашет землю только на пользу другим [1]).

Чем ближе революция, тем требование увеличить число земельных собственников приобретает все более острый характер.

Что эта тенденция была уже заложена и в самом крестьянстве, это едва ли требует доказательств: мечта о собственном куске земли глубоко коренится в душе крестьянской натуры. Во французских крестьянах старого порядка она была так сильна, что [illegible] видит в ней причину плохой обработки почвы французами [2]).

Я еще вернусь к жалобам крестьянства в этом направлении. Прежде всего они сводятся вкратце к тому, что рассмотрением *terriers*, при помощи которых старались достичь увеличения числа земельных собственников.

Если не считать еще ряда менее насущных требований, то интересы крестьянства, за исключением из этих кругов заключались в облегчении налогов и податей, тяготевших на крестьянских землях, разделе общинных владений, введении реального выдела наследств, продаже государственных домов и церковных имений и, наконец, в поощрении распашки невозделанных пространств земли.

Путем уменьшения падающих на землю налогов и повинностей надеялись снова привлечь в деревню буржуазных землевладельцев для обработки своих земель собственными силами [3]).

Раздел общинных земель должен был превратить большое число сельских рабочих в собственников и немалое количество заброшенной земли в цветущую пашню.

Почти все экономические и политические писатели второй половины века, независимо от того, принадлежали ли они к физиократическому или антифизиократическому направлению, относились отрицательно к общинному землевладению и, начиная с „Remarques“ Данжеля и кончая книгой Кондорсе о провинциальных собраниях накануне революции, требовали раздела общинных земель [4]).

Думали, что ликвидация общинных земель отвечает интересам всего третьего сословия и что противодействие придется встретить, главным образом, со стороны крупных феодальных собственников [5]). Но оказалось, что именно низший, неимущий класс крестьянства, интересы которого отнюдь не совпадали с интересами крестьян-собственников и горожан-землевладельцев, почти всегда противился разделу.

Его голос, правда, впервые был услышан обществом только благодаря памфлетам и наказам 1787—1790 г. В предшествовавшие десятилетия господствующую роль играли духовные вожди имущих элементов третьего сословия: часто опираясь в большей степени на теории, чем на действительное

---

[1]) Hist. phil. des Deux-Indes, X, стр. 178—180; см. также IX, стр. 127.—Далее ср. Smith, Recherches, IV стр. 189. Rozier, Cours, V, стр. 720.—Dict. Universel, XXVI, стр. 277.—Mirabeau, La monarchie prussienne, I, стр. 138 сл.—Vroil, Etude sur Qlicquot-Blervache, стр. 301.—Кондорсе оставляет вопрос о преимуществе крупного или мелкого землевладения открытым. Oeuvres, IV, стр. 392—393.

[2]) Reisen durch Frankreich, II, стр. 98 и 181.

[3]) „Тысячи праздных землевладельцев, состоятельных буржуа,—говорит Форбоннэ (1767),—принялись бы за обработку своих имений с пользой для себя и для государства, если бы их не останавливала талья“. Principes économiques; Daire, XIV, стр. 190, прим. 2.

[4]) Dangeul. Remarques (1754), стр. 243.—Condorcet, Sur les assemblées prov (1788): Oeuvres, VIII, стр. 435—436.

[5]) „Ужасное „я“, отвратительный эгоизм будет вопиять о несправедливости“, говорит о них Rozier, Cours, III, стр. 453.

значение реальных условий, они думали охватить в своих системах благо *всех* классов общества.

Нельзя отрицать также, что с усилением демократической мысли возникало более тесное общение с низшими слоями народа и что благодаря этому и в данном случае, в вопросе о разделе общинных земель, проявлялось стремление к защите прав бедных и слабых [1]).

Показателем этого является предложение, чтобы доля каждого члена общины при разделе общинных владений определялась не размерами платимых им податей, а была бы одинаковой для всех [2]).

В 1788 г. Фрэн предложил, чтобы эти наделы были закреплены за бедными крестьянами в качестве неотчуждаемой собственности и чтобы в случае утраты они вновь возвращались им время от времени путем нового раздела [3]).

То же стремление к урегулированию крестьянских владений и к созданию новых видов земельных собственных и проявляется и в нападках на церковное землевладение [4]), до начале физиократы и вообще на все ограничения реального раздела имущества.

Монтескье считал, что при монархическом строе субституции в дворянских имениях и право первородства в наследовании допустимы, несмотря на все неудобства [5]), но он, напр., считал совершенно справедливым, бедствующие семейства, обращаясь в сторону крупных владельцев наделов населения [6]).

„Родовые права" для каждого из детей требовали одинаковой доли в отцовском наследстве, имея в виду и в этом случае, что увеличение числа самостоятельных семейств, сидящих на собственной земле, является лучшим средством к возрождению деревни.

Этой же цели должна была служить отдача и распашка таких пространств земли, которые до тех пор в общем не подвергались обработке или же перестали обрабатываться.

Уже Кольбер, сам бывший сторонником мелких крестьянских хозяйств, пытался после первых завоевательных войн Людовика XIV и дать приоритет в уходе сельское хозяйство, предоставляя приказом 1677 г. всякому, кто

---

[1]) „Я вижу здесь массу,— говорит, напр., Rozier в 1773 г.,— индивидуум ничего не значит; в великой благоразумными правилами предпочтет, надеюсь, массу и станет защищать слабого против сильного в деле, в котором бедняк имеет столько же прав, что и богатый". Cours, III, стр. 453; см. также VII, стр. 439 (статья „Parcours").

[2]) Ibid., III, стр. 452—454.

[3]) „При этом разделе общинных земель следует оставить для бедных несколько наделов, которые время от времени будут возвращаться новому разделу. Бедные, как несовершеннолетние, никогда не должны утрачивать своей собственности; им всегда следует возвращать ее, даже в том случае, если бы они ее продали". Fresne, Traité d'Agriculture, III, стр. 158.

[4]) „Я не буду", говорит Goudart уже в 1756 г., „входить в подробности при рассмотрении тех обширных земельных владений, которые составляют у нас церковные домены; эти имения сами по себе ставят непреодолимые препятствия успехам нашего сельского хозяйства". Les intérêts de la France, I стр. 46.— В IV главе я особо остановлюсь на нападках на церковные владения.

[5]) Esprit des lois, livre V, chap. 9.

[6]) „Мы ненавидим", говорит Raynal, „вместе со всеми благоразумными людьми, не испорченными еще высокомерием или предрассудками, целое право первородства, передающее все наследие дома в руки старшего сына, право, которое развращает его самого и разоряет его братьев и сестер, наказывая точно за преступление лишь за случайность, по которой они родились на несколько лет позже". Hist. phil. VII, стр. 177—180. — См. также X, стр. 206—207: „... Субституции приносят несколько семейств в жертву одному. Почти все субституированные земли остаются невозделанными" и т. д. — Ад. Смит и Филанджери держались того же мнения, см. Costaz, Hist. de l'administration de l'Agriculture, I, стр. 202—204.

обрабатывал в течение определенного промежутка времени принадлежавшую государству невозделанную землю и с момента завладения ею платил за нее подати, право собственности на эту землю [1]).

Имели ли эти меры большой успех, остается неизвестным; напротив, если можно верить Буагильберу, в начале XVIII века больше половины всей земли во Франции оставалось необработанной или обрабатывалось плохо [2]). Он, как и Вобан, стремился поэтому всеми мерами поощрять обработку пригодной для культуры земли; Сен-Пьер хотел даже оправдать захват необрабатывавшихся в течение трех лет полей, ссылаясь на естественное право [3]). Новый указ 1713 г. освобождал крестьян, обрабатывавших заброшенные домены, на четыре года от тальи [4]); но обработка пустырей и заброшенных земель пошла, как следует, в ход только с середины столетия.

Пример Англии и в этом случае сильно повлиял на французские условия. В Англии, благодаря закону 1689 г. о хлебной торговле, земледельческая культура уже в течение полувека непрерывно шла вперед, развиваясь не только в смысле интенсивности, но и захватывая все новые площади земли [5]). Под влиянием этого примера во Франции с 1750 г. также началась широкая пропаганда расчистки земель и осушки болот. При этом, однако, слишком часто упускалось из виду, что одним этим способом нельзя было достигнуть того, что могло быть лишь следствием хорошего торгового законодательства; в этом, надо думать, и заключается отчасти причина частых неудач поставленных на широкую ногу опытов в последние десятилетия перед революцией.

Но мечта о расцвете земледельческой культуры во всей стране слишком захватывала в то время всех, чтобы можно было отказаться от этих опытов. Распространение искусственного травосеяния, о котором мне еще придется говорить впоследствии, давало в особенности повод повсюду подымать новь и осушать болота.

Дюгамель дю Монсо, де-ла-Саль, Гербер, Данжейль, Мирабо и Кенэ указывали уже в пятидесятых годах на необходимость и полезность распашки невозделанных земель [6]). „Распахивать новь", говорил Гербер, „значит увеличивать свою страну, число своих подданных, свои доходы и свою власть!" [7]).

В правительственных кругах эти пожелания нашли ревностного защитника в лице самого Гурнэ. В 1758 г. он поручил Bureau de commerce послать в провинции особых агентов, которым было предписано распространять травосеяние и учреждение питомников, прежде же всего поощрять обработку невозделанных пространств земли и содействовать ей, давая необходимые инструкции. Их старания, действительно, встретили вначале большое сочувствие [8]).

---

[1]) Mauguin, Etudes historiques sur l'administration de l'Agriculture. I, стр. 171 и 184.

[2]) „C'est un fait qui ne peut être contesté que plus que la moitié de la France est ou en friche ou mal cultivée"; Daire, I, стр. 253.—См. также Legoyt, L'Agriculture en France du XVIII siècle jusqu'à nos jours (1862); Journ. des Economistes XIV, стр. 266 сл.

[3]) „... Я не знаю, относится ли этот закон к гражданскому или римскому праву, но он несомненно относится к праву естественному. Бог создал землю лишь затем, чтобы ее обрабатывали".—St.-Pierre, Suite des voeux d'un solitaire; цит. у Bonneville, Hist. des paysans (1856) II, стр. 338.—Boisguilbert, loc. cit, стр. 174.—Vauban, Dîme royale; ibid, стр. 106.

[4]) Mauguin, Etudes I, стр. 232.

[5]) Ср. Dangeul, Remarques, стр. 74 сл.

[6]) Duhamel du Monceau, Traité de la culture des terres, I, стр. 66 сл. De la Salle. Les prairies artificielles, стр. 13 сл. –Dangeul, Remarques, стр. 86 сл. и 284. –Mirabeau. Ami, I, стр. 65 сл. и 151, прежде всего II, стр. 39 сл. Quesnay. Oeuvres, стр. 163 и 217.

[7]) Essai sur l'Agriculture, стр. 318.

[8]) Mauguin, Etudes, I, стр. 284—310.

Повсеместно началась расчистка невозделанных земель. Наибольшую известность приобрели работы маркиза Тюрбильи, имения которого Артур Юнг объехал еще в 1789 г., преисполняясь уважением к неудачным попыткам, не сломившим, однако, энергии этого человека [1]).

Книга Тюрбильи об его опытах [2]) имела, благодаря своей скромности, сочетавшейся с твердой уверенностью в конечном успехе намеченных предприятий, необычайное влияние на эпоху. Она подала генеральному контролеру Бертену мысль побудить короля издать эдикт 16 августа 1761 г., обеспечивавший каждому, кто обрабатывал невозделанную землю, свободу от увеличения налогов на десять лет [3]).

Толчок был дан и вскоре привел к новым привилегиям в этой области.

Декларация от июня 1764 г. вновь возродила старое предписание Генриха IV, постановив, чтобы осушенные болотные пространства освобождались на двадцать лет от десятины, и чтобы после этого срока десятина равнялась только одной пятидесятой урожая [4]). Декларация следующего года предоставляла тем, кто начал обрабатывать без разрешения королевские домены, пользование этими землями за двадцатую часть дохода [5]).

Однако дальше всего пошел в этом направлении указ 12 августа 1766 г. Подобно баварскому земледельческому мандату от 24 марта 1762 г. [6]) он призывал к распашке невозделанных земель не только подданных своей страны, но и иностранцев.

Кто после предварительного судебного заявления начинал обрабатывать земли, с которых заведомо в течение сорока лет не собиралось жатвы, тот освобождался от десятины, тальи и всех прочих налогов на пятнадцать лет [7]). Предприниматели-иностранцы должны были рассматриваться как „régnicoles", пользоваться всеми преимуществами туземцев и навсегда освобождаться от всяких притязаний и взысканий, взимаемых королем с иностранцев (как, напр., droits d'aubaine, de deshérence и т. д.) [8]).

За этой декларацией последовал ряд дополнений и разъяснений в 1768, 1775 и 1776 г.г. [9]), но они уже не имели такого значения. После министерства Тюрго движение это совсем схлынуло. Своего кульминационного пункта оно достигло в шестидесятых годах. Когда правительство дарило о всякому „естественное право мелиорации земли" [10]), все взялись за это дело с большим энтузиазмом.

[1]) Reisen, I, стр. 174—180.

[2]) Ménon, marquis de Turbilly, Mémoire sur les défrichemens (Paris 1760, in 8°; 41811).

[3]) „Terres incultes" считалась всякая земля, в течение 20 лет оставшаяся невозделанной (Art. 2); этот эдикт напечатан в Journ. Oecon. (1761, Sept.), стр. 399—400.—Тюрбильи указывал на то, что подобный указ уже был издан штатами Бретани. Mémoire, стр. 297.

[4]) Journ. Oecon. (1764, Oct.), стр. 440.—Mauguin, Etudes, I, стр. 317.—Ср. также введение к закону 13 авг. 1766; Isambert, Recueil, XXII, стр. 461.

[5]) Décl. portant que les possesseurs des lieux et places vagues du domaine du roi, qui ont bâti et amélioré sans permissions, seront conservés dans leur jouissance en payant chaque année le 20-ième de leurs revenus: Isambert, Recueil, XVIII, стр. 65.

[6]) См. Fraas, Gesch. der Landwirtschaft in den letzten hundert Jahren; стр. 320.

[7]) Déclaration qui accorde des encouragements à ceux qui défrichent les Landes et terres incultes (13 août 1766 Compiègne), art. 1 и 2; Isambert, Recueil, XXII, стр. 461 462.—Интерпретация этого закона напечатана у Rosier, Cours III стр. 632 сл. См. также Кареев, Les paysans, стр. 220 и сл.

[8]) Ibid. art. 4 сл.

[9]) См. Isambert, Recueil, XXIV, стр. 252 и 387—Guyot, Répertoire de Jurisprudence, art. „Défrichements", V, стр. 329 сл.

[10]) Journ. Oecon. (1764 oct.), стр. 440.

„Dans ces champs malheureux, si longtemps désertes
Sur les pas du travail, j'ai conduit l'abondance,
Ces vignobles, ces bois, ma main les a plantés..."

Эти слова вкладывает Вольтер в уста своему другу Ламберу, а сам он хвалится, что с успехом производил в небольших размерах расчистку невозделанных земель [1]).

Изобретались новые плуги для распашки, рассылавшиеся Бертеном во все провинции [2]). Прожектер Гуайон де-ла-Пломбани составил проект сооружения, которое должно было привести всю необработанную землю во Франции в состояние цветущей культуры [3]). Валле де-Саллиньяк и Шоб де-Шазель основали в 1762 г. общество для эксплоатации бордоских „ланд": они приобрели пространство земли в 24.000 моргенов и частями сдавали ее под распашку [4]).

При этих разчетах часто требовали бесплатного предоставления земли бедным и нищим. Дело в том, что ближайшей задачей, и это снова возвращает нас к нему нашему вопросу, было создание новых самостоятельных крестьянских семейств. Уже с 1754 г. начали выдвигаться предложения дележа необработанных пространств земли между бедными под условием обработки их [5]). При рассмотрении аграрных теорий я показал, как воспринята эта идея вопреки существующего общественного строя: не в упоминавшиеся выше ужасы пятидесятых годов относились к ней благосклонно, а пример Швеции и Баварии поддерживал стремление к ее практическому осуществлению [6]).

Во многих местностях Франции распашка нови заходила за разумные пределы и подвергала опасности даже леса [7]). Если можно верить данным Неккера, во Франции за период 1766—1780 г.г. было распахано более 950.000 моргенов.

Но в последние десятилетия перед революцией требования земли для неимущих раздавались все громче и громче, приобретая, благодаря вылазкам на слишком обширные размеры парков, аллей и охотничьих угодий сеньеров, яркий отпечаток классовой вражды [8]).

Едва ли требует доказательств, что осуществление этих гуманитарных идей значительно отставало от теоретических требований, и что распашка, по большей части предпринимавшаяся в широких размерах, преследовала прежде всего выгоды предпринимателей. Но даже и для самих предпринимателей успех не был длителен. В надежде на свободу хлебной торговли, в заново разрабатываемых областях все сразу же слишком устремились на хлебопа-

---

[1]) См. Epitre à Saint-Lambert и статью „Défrichement" в Dict. phil.

[2]) Mauguin, Etudes I, стр. 322.

[3]) Précis d'un nouveau plan d'Agriculture, de Commerce et de Finance: Journ. Oecon. (1761, Fevr.), стр. 68.

[4]) Annonce d'une Compagnie pour le défrichement des Landes de Bordeaux.—Arrêt du Conseil d'Etat du Roi, en faveur de la Compagnie d'Agriculture du Marquisat de Certes, Sénéchaussée de Bordeaux, mouvant de la Majesté. См. Journ. Oecon. (1762 Juillet), стр. 295—298 и (1763 Janv.), стр. 3.—Ср. также Araskhaniantz, op. cit. стр. 145—146. Baudrillart, Les populations agricoles (1895), I, стр. 103.

[5]) Dangeul, Remarques, стр. 281.—Goudart, Les intérêts, I, стр. 227—234.

[6]) См. статью Гунеберга 1765 г. для шведской академии наук у Rozier, Cours, V, стр. 802.—О баварском земледельческом законе Fraas, Gesch. der Landwirtschaft, стр. 319—320.

[7]) Mauguin, Etudes, I, стр. 332.

[8]) Malvaux, Les moyens de détruire la mendicité, стр. 421.—Robinet, Dict. Univ., I, стр. 563—564 и XXVI, стр. 277—280.—Rozier, Cours, II, стр. 82; III, стр. 636 сл. и VII, стр. 431.—De la Bergerie, Recherches стр. 162—163.—Fresne, Traité de l'Agriculture, III, стр. 158—159

шество, вместо того, чтобы начать с травосеяния и культуры кормовых растений. Урожайные 1760—1774 годы сначала оправдывали эти надежды, но уже к концу шестидесятых годов, а еще более с 1776 г. обстоятельства начали складываться неблагоприятно для хлебной торговли, и вследствие этого случилось, что в начале революции многие распаханные участки были, по словам Юнга, „уже давно вновь предоставлены природе“ [1]). Тем не менее, косвенная польза этого движения была необычайно велика, так как оно также способствовало тому, что внимание почти всех классов общества обратилось на усовершенствование сельского хозяйства и судьбу мелкого крестьянина, и что в самих земледельческих кругах зародилась мысль об улучшении земледельческой культуры.

Новые попытки ввести во Франции более интенсивную земледельческую культуру опирались, правда, сначала, как будто, на крупное землевладение. Физиократы, взявшие на себя роль ее защитников, очень мало интересовались распределением земельной *собственности* [2]). В своих произведениях они до такой степени пренебрегали юридическими и экономическими различиями разнообразных форм землевладения, что их едва ли можно назвать поборниками крупной земельной собственности. Для них важны были лишь формы производства в сельском хозяйстве; различия между крупной и мелкой земельной собственностью отступали на задний план перед различиями крупного и мелкого производства. Но благодаря безусловному предпочтению, оказываемому ими крупной культуре, они в то время, естественно, представлялись приверженцами крупного землевладения, хотя их экономические теории не опирались, если можно так выразиться, на функции права собственности на землю.

Главное противоречие системы физиократов с популярными воззрениями эпохи заключалось в их учении о формах производства. Это противоречие было однако же столь важным и, как мы увидим, столь чреватым последствиями именно потому, что оно совпадало с движением в области сельскохозяйственной техники, стремившимся к введению более интенсивной земледельческой культуры.

III. Новая интенсивная земледельческая культура. Крупное и мелкое производство.

Начиная с эпохи Возрождения почти все искусства и науки во Франции постоянно пытались продолжать традиции классической древности, опираясь на ее произведения и добытые ею истины. Но в то время, как искусство к концу XVIII века все больше и больше впадало в рабское подражание древности и дошло до лишенного всякой самостоятельности классицизма, наукам уже в скором времени удалось превзойти во многих отношениях свои образцы и развить, особенно в области естествознания, целый ряд новых и самостоятельных дисциплин.

„Высокомерный стыд ученых, запрещавший им понимать что-нибудь в вещах, приносящих пользу, и стремление стать выше всякой практики“ рассеялись перед стремлением глубже проникнуть в явления природы, наблю-

[1]) Reisen, III, стр. 91 прим. и 93 сл.—См. также Fresne, Traité I, Préface, стр. XXXIX и сл. I и II.—Mauguin, Etudes, 1, стр. 284.—Calonne, La vie agricole, стр. 125—126.

[2]) Только Тюрго однажды энергично возражает против теорий равного земельного передела, см. Réflexions sur la formation et la distribution des richesses, § 1 „Impossibilité du commerce dans la supposition d'un partage égal des terres, ou chaque homme n'aurait que ce qu'il lui faudrait pour se nourir“. Daire, III, стр. 7—8.

дать животную и растительную жизнь, и благодаря этому изучению природы для искусства земледелия, почти целиком предоставлявшегося [1]) доселе бессмысленной рутине невежественных и угнетенных крестьян, наступила совершенно новая пора.

„Физика или естествознание", пользуясь термином д'Аламбера, некогда исходила из сельского хозяйства и медицины; последние теперь в свою очередь сделались отраслями физики и обновились под влиянием добытых ею истин [2]). Эта „Физика" (Physique particuliere), по его терминологии, является наукой о телах самих по себе („corps en eux mêmes"): среди этих тел важнейшим является человеческое тело, и его изучение составляет предмет анатомии и медицины; второе место по значению занимают тела, ознакомление с которыми всего нужнее для питания человека, и более глубокое изучение их должно составить задачу науки земледелия [3]).

Когда д'Аламбер предложил, опираясь на Бэкона, эту терминологию, развитие новой науки земледелия уже началось. Сообразно своему происхождению, она сначала пользовалась строго индуктивным методом. Главными ее помощниками были химия и ботаника, предоставлявшие в ее распоряжение бесконечное множество наблюдений над сущностью органических и неорганических тел и их взаимоотношениями.

Ибо пока не были определены с большей точностью условия, необходимые для питания растений, и их отношение к минералам почвы и воздуху, полное преодоление старых методов обработки земли не представлялось возможным [4]). Но как медленно, даже и после этого, совершался путь от добытых знаний к их практическому применению к земледельческой культуре! С какими бесконечными затруднениями протягивает великая Мать-Земля свои питающие сосцы человеку!

Уже в XVI веке начали распространяться знания в области химии, ботаники, ветеринарии и пр., но „до середины XVIII века все они оставались прикованными к сфере спекулятивной науки" [5]).

Еще в XVII веке поля обрабатывались по старой традиции всюду по трехпольной системе. Высокие познания де-ля-Серра еще не были в состоянии проникнуть в практику сельского хозяйства. Использование естественных наук ограничивалось добыванием чудодейственных квинт-эссенций, таинственных сил и т. д. [6]).

Но уже в первой половине XVIII века и в этой области замечаются новые веяния. Садоводство и разведение плодовых деревьев у де-ла-Кентини поконтся, несмотря на множество старых суеверий, уже на новых научных основах, и благодаря ему Франция сделалась образцом в деле разведения плодовых де-

---

[1]) „Это искусство, некогда (у римлян) практиковавшееся лучшей частью населения, а впоследствии предоставленное самому существенному классу общества, пришло в его руках в упадок... Современный земледелец находится во власти невежества и предрассудков... он работает согласно рутине и подражанию" и т. д. Patullo, Réflexions sur l'état actuel de l'Agriculture (Paris 1759). Préface, стр. IX. сл.

[2]) „Бог источник и причина успехов этой обширной науки, всеобщего, называемой Физикой или Изучением Природы, которая заключает в себе столько различных частей: сельское хозяйство и медицина, порождения ее, иные являются только ее отраслями". Encyclopedie (1751), Disc. prél. I, стр. IV.

[3]) Ibidem, стр. XVII.

[4]) „Чтобы систематически работать над прогрессом земледелия, быть в состоянии здраво судить об обработке земли и о преимуществах одной почвы над другой, необходимо общее ознакомление с природой растений... с природой питающих их элементов и составом почвы, доставляющей им питательные соки". Duhamel, Elements, I, стр. 1.

[5]) Maugnin, Etudes, I, стр. 100 прим.

[6]) Ср. Fraas, Gesch. der Landbauwissenschaft, стр. 153—154.

ревьев. „Dictionnaire Oeconomique“ Шомеля, предназначавшийся для самых широких кругов; но крайней мере упоминает с похвалой о „больших диссертациях по философии и химии относительно лучших сортов удобрения“, которые пытались проникнуть в тайны природы [1]). Сам он, правда, еще больше рекомендует уже упоминавшуюся нами „тайну тайн“ покойного приора Ла-Перрьер, чудесным образом умножавшую хлеба [2]).

Но в это же время в соседней Англии Джетро Тюлль использовал добытые сведения о питании растений для введения новой культуры на своих полях [3]).

Его предпосылки заключались в облегчении питания растений при помощи сильно разрыхленной почвы и в различении способов их питания—через корневище и через корневые волокна. На этом, главным образом, он построил свою систему рядового засева полей, характерные особенности которой заключались, прежде всего в отказе от пара, в ежегодном засеве всей земли хлебом и кормовыми травами, далеко отстоящими друг от друга рядами, и, наконец, в шестикратной по меньшей мере обработке пашни перед посевом и особенно во время роста хлебов. Таким путем он добился гораздо лучшего использования земли, ибо хотя издержки производства и возросли, но результат получился значительно больший, чем при старом методе обработки [4]). Кроме того, благодаря успехам Тюлля в культуре кормовых трав и стойловому кормлению чрезвычайно повысилось также и питание скота.

Но в книге, написанной Тюллем о своих опытах и успехах, добытые им результаты были еще нагромождены в виде сырого материала: поэтому, хотя сначала она и пользовалась в Англии большим успехом, но затем, благодаря огромному прогрессу экспериментального хозяйства, она скоро была оттеснена на задний план,—может быть, больше, чем следовало [5]).

Тем сильнее было влияние Тюлля во Франции.

Уже в сороковых годах его книга должна была, по инициативе маршала Ноайль, быть переведена на французский язык. Но лишь после нескольких неудачных попыток [6]) Дюгамелю дю-Монсо, „мыслителю с большим опытом и глубоко образованному естествоиспытателю, величайшему теоретику сельского хозяйства во Франции середины прошлого столетия“, удалось обработать этот неподатливый материал. Он-то, собственно говоря, впервые переработал эти обильные наблюдения в научную систему и сделался, благодаря этому, первым во Франции провозвестником революции в области сельского хозяйства [7]).

Исходным пунктом является для него проблема о питании растений через посредство листьев и корней; затем, остановившись на вопросе, является

[1]) Chomel, Dict. Oecon. (1718), II, стр. 1148 (статья „Terre“).

[2]) Ibid. I, Avertissement.

[3]) Его книга: The horshoeing husbandry or an essai of the principles of tillage and vegetation вышла в Лондоне, в 1731 г.

[4]) Ср. „Parallèle d'une ferme de 300 arpents, cultivée suivant l'ancienne méthode et suivant la nouvelle“. Duhamel, Traité, I, стр. 297 сл.

[5]) Fraas, Gesch der Landwirtschaft (1852) стр. 167.

[6]) Otter, первый переводчик, умер в 1748, не закончив работы; Бюффон подверг перевод пересмотру; Gotthard предпринял затем новый перевод; все эти работы соединились в конце концов в руках Дюгамеля; ср. его Traité, I, Préf. стр. III—VIII.

[7]) Почти одновременно с его трудом в Journ. Oecon. (январь 1751 г.) было опубликовано похвальное слово короля Эдуарда II в Ганновере о „культуре турнепса и свеклы, делающей чудеса в Англии“, которое также подготовило распространение этих новых культур во Франции.

ли питательный сок одинаковым у всех растений, или же он у каждого вида различен, он переходит к распределению питательных веществ в различных сортах почвы и вытекающему отсюда различию в обработке того или иного рода почвы; затем рассматриваются отношение сортов хлеба и кормовых трав к отдельным родам почвы, новый метод распашки целины, глубокое вспахивание при помощи специально изобретенного для этой цели плуга, наконец, посев при помощи машинных сеялок и бесконечное множество других нововведений. Все эти вопросы он ввел в круг своей системы, которая, по его замыслу, должна была перестроить сельское хозяйство Франции на совершенно новых основаниях.

Целью его является возможно более интенсивная рядовая культура.

Вполне точных представлений о правильном плодопеременном хозяйстве у него не было, как и у Тюлля [1]); но теории их обоих и не в меньшей степени опыты, свидетельствовавшие об их практических успехах, обратили, наконец, внимание мыслящих умов на в изобилии выставлявшиеся сельским хозяйством проблемы. Стало, наконец, ясно, что способы обработки земли зависят не от случайности и не от инстинкта; что люди работают не механически, подобно плетущим паутину паукам; что, напротив, следует размышлять и комбинировать идеи для того, чтобы изобрести новые методы, найти новые пути, по которым грубый крестьянин никогда не решается итти [2]).

Правда, и здесь уже в самом непродолжительном времени [3]) начали раздаваться голоса, советовавшие не полагаться на одну только теорию, но беспрестанно связывать ее с практикой. Эти предостережения имели свои основания, так как в следующие десятилетия Франция была наводнена множеством сельско-хозяйственных выдумок, которые часто вредили даже и разумным планам реформ.

Но прежде всего нам следует остановиться на дальнейшем развитии системы Тюлля-Дюгамеля. В 1754 г. Дюгамель формулировал основные принципы своей системы приблизительно в следующем виде.

Он предлагал:

1) сильно разрыхлять почву при помощи своевременной повторной обработки:

2) выбирать хорошие семена:

3) разбрасывать их не так, как обычно „avec profusion“, а сеять их, соблюдая правильные промежутки;

4) опускать их на среднюю глубину, так чтобы они были совершенно покрыты землей, и, наконец,

5) хорошо ухаживать за растениями и работать над ними до тех пор, пока они находятся на поле, как это делается с огородными овощами [4]).

Этим открывается путь к новой, более интенсивной культуре будущего, к правильному плодопеременному хозяйству. Теоретические начатки этой системы во Франции относятся к тому же 1754 году; толчком к ним послужила статья „Culture des terres“ в Энциклопедии Верона де Форбоннэ.

---

[1]) В своих „Réponses aux principales objections, que l'on peut opposer aux Principes de la nouvelle culture“ в 1762 г. он еще стоит на той точке зрения, что по возможности следует ежегодно отводить всю землю под культуру хлебов; кормовым травам он отводит *особое* поле, которое также засевается рядами. Eléments, I, стр. 485 сл.—См. также стр. 205, прим. 2.

[2]) Butel-Dumont, Recherches historiques, Prél., стр. XXVIII—XXX.

[3]) Pattullo, Essai (1758), Epitre dédicatoire, стр. VI. Позднее Rosier, Cours, I, стр. 252—254.

[4]) Traité de la Culture, III, Préface XIV.

И здесь побуждение опять-таки исходило из Англии. Благодаря работам Гартлиба, Блайта и Эллиота, культура Норфолькского графства приобрела в Англии известность [1]) уже за много лет перед тем, и ее дальнейшее распространение создало в эпоху покровительства хлебной торговле большой перевес английского сельского хозяйства над хозяйством других наций.

Основной принцип норфолькской системы земледелия заключался в том, что земля не оставалась под паром, а поочередно отводилась под хлебные злаки и кормовые растения. Более тщательная обработка, более глубокая вспашка, огораживание полей для защиты от общинного выпаса, улучшение удобрения и стойловое кормление скота являлись необходимыми спутниками этой культуры; цель ее состояла в постоянном повышении производительности земли без ее истощения. Письмо о норфолькском сельском хозяйстве, распространявшееся в 1753 г. в Англии, благодаря Форбоннэ стало известным и во Франции; в нем в первый раз в литературе установливалось чередование посевов репы, ячменя (или овса), люцерны, пшеницы и ячменя [2]). В последующие годы Де-ла-Саль де л'Этан и Патюлло развили во Франции дальше учение о плодопеременной системе [3]). Краткое и ясное изложение Паттюлло особенно способствовало ознакомлению самых широких кругов с новой культурой. Чтобы показать дальнейшее развитие принципов Дюгамеля в книге Паттюлло, который впрочем ставил его очень высоко [4]), я позволю себе привести здесь также основные принципы последнего; вкратце они гласят:

1) Улучшение сортов почвы путем их смешения и правильного применения различных удобрений.

2) Огораживание всех полей и разделение всех арендуемых земель на отдельные огороженные участки.

3) Отведение половины или двух третей пахотной земли под искусственные кормовые растения.

4) Последовательная смена посевов („Succession alternative de culture"), переход от кормовых трав к хлебам и от хлебов к кормовым травам,— порядок, сохраняющий и увеличивающий плодородие земли.

5) Кормление возможно большего количества скота и в целях получения обильного удобрения—полное потребление всех кормов в пределах самого имения [5]).

Паттюлло, по словам Медикуса, „зашел слишком далеко в применении правильного принципа" [6]), предлагая отвести половину или даже две трети пахотной земли под посевы кормовых трав. Но восхищение „prairies artificielles" слишком увлекало провозвестника их благодетельного влияния, а вместе с ним и бо́льшую часть его современников. Введение новой культуры

[1]) Труды А. Юнга и Маршалла не были в этом вопросе первыми, как утверждает Fraas, Gesch. der Landwirtschaft, стр. 749. Сочинения Блайта и Гартлиба, переселившегося в Англию немца, относятся уже к периоду 1650—1659 г. См. Ludvig Wallrad Medicus. Zur Geschichte des künstlichen Futterbaues oder des Anbaues der vorzüglichsten Futterkräuter (Nürnberg, 1829), стр. 125—128.

[2]) „Etat de l'Agriculture dans le Comté de Norfolk et de la méthode qu'on y suit". Forbonnais, Elements du commerce, стр. 128 сл.—Encyclopédie, IV, стр. 552 сл.

[3]) Рецензию на книгу De la Salle: Des prairies artificielles, см. в Journ. d'econ. (1762, Sept.), стр. 401 сл.

[4]) Он называет его „другом человеческого рода".

[5]) Pattullo, Essai, стр. 123—124.—В своем втором труде „Elements d'Agriculture" 1762 г. Дюгамель, правда, также останавливается более подробно на различных методах плодопеременной системы (I, стр. 219—235), но не может еще, как это ни странно, отказаться от пара.

[6]) Medicus, Zur Geschichte des Futterbaues, стр. 73.

во Франции в середине XVIII века связывалось прежде всего с термином „prairies artificielles", а не „culture alternative" [1]).

Конечно, во Франции и до 1750 г. в некоторых местностях, особенно на юге, сеялись репа, турнепс, люцерна и эспарсет, [2]) и некоторое подобие плодопеременной системы существовало не только в Норфольке, но и в Кобленце, Нюрнберге и других местах уже в течение многих столетий [3]). Но эта культура, вероятно, навеки и осталась бы в этих маленьких уголках земли, если бы ею не заинтересовала систематическая наука, если бы изучение взаимоотношения между питанием растений, землей и атмосферой не показало, что она применима почти во всякой местности после предварительного выяснения местных атмосферных и почвенных особенностей.

Во всех частях Западной Европы во второй половине XVIII века начались опыты рационального сельского хозяйства. Германия, Голландия, Швейцария и Италия не хотели отставать от Англии. Но особенно сильно захватило это движение Францию, не уступая в течение трех последних десятилетий перед революцией одновременным с ним движением религиозной и политической мысли. Сельское хозяйство, как я уже говорил, не должно было оставаться исключительно в руках людей с самым ограниченным кругозором [4]); напротив, служение ему должно было стать делом лучших умов [5]). Выдающиеся представители дворянства и буржуазии в это время, как мы еще увидим, действительно начинали предпринимать практические опыты; сельскохозяйственные общества и экономические журналы распространяли достигнутые ими результаты по всей стране. Еще в 1754 г. Дапжейль имел основание возмущаться тем, что многочисленные французские академии почти не занимаются „науками о торговле, механических искусствах и сельском хозяйстве", и что среди тем, объявляемых ими на конкурс, выставленный Амиенской академией в 1753 г., вопрос является «почти что феноменом» [6]); а в 1762 г. академии Руана, Бордо и Метца уже объявили конкурс на тему о лучших способах мелиорации земель, об истинных причинах плодородия различных сортов почвы, об их сравнительном достоинстве в отношении к сельскому хозяйству; литературное общество в Шалоне на Марне постановило «с этих пор обратить бо́льшее внимание на сельское хозяйство, наиболее необходимое из всех искусств, чем это имело место до сих пор» [7]).

Тесное единение сельского хозяйства с химией является характерным фактом для времени, следовавшего за 1760 г. Благодаря начавшимся исследо-

---

[1]) Слова „alterner" и „culture alternative" вошли в употребление только в последующие десятилетия.

[2]) Ср. Chomel, Dict. Oecon., I, стр. 294—295.—Memoire sur les prairies artificielles. Journ. Oecon. (1761, Fevr.), стр. 61—67.—См. также Avenel, l'Histoire économique de la propriété (Paris, 1894), I, стр. 295—296.

[3]) Fraas, Gesch. der Landwirtsch., стр. 748 сл.—Roscher, Nationalökonomik des Ackerbaues (11. 1885), стр. 97 сл.

[4]) „... ум которых заключен в самые тесные рамки, и которые, ввиду невозможности для них подняться выше того, что практикуется в их кантоне, перенимают из этого и дурное и хорошее". Observations sur la nature de chaque espèce de sol; Journ. Oecon. (1763 Juin), стр. 247.

[5]) „Никто в настоящее время не станет спорить против того, что наука земледельца заслуживает внимания мыслителей и лучших умов". Hirzel, Le Socrate rustique (1762), стр. 23.

[6]) Этот вопрос гласил: „Каковы различные качества шерсти, нужной для мануфактур Франции? Могут ли эти мануфактуры обойтись без испанской или ирландской и вообще без иностранной шерсти? Какими средствами можно было бы придать французской шерсти качества, которых ей недостает и увеличить количество вырабатываемой шерсти?" Dangeul, Remarques, стр. 46—48.

[7]) Journ. Oecon. (1762 г. Janv.), стр. 5—6.

ваниям химических свойств минералов, оказалось возможным их применение в области сельско-хозяйственных опытов, и несколько лет спустя в этом стали видеть все спасение [1]).

Уже тогда начали считать нужным отрешиться от чисто практического опыта и по установлении высших естественно-научных принципов дедуктивным путем определить пути, по которым должна была пойти практика [2]).

И в этом вопросе Франция обратилась к иностранным образцам: книги Гома и Валлериуса (особенно труд последнего, «опередивший свое время широким применением принципов физики») [3]) побудили во Франции целый ряд лиц к разработке этой пока еще девственной научной области.

Тьеррио, Тилье, Соссюр, Сенебье, Сютьер, Добантон, Фаброни и другие пытались в течение последующих десятилетий все глубже проникнуть в тайны питания растений, их роста и их связи с неорганическими элементами [4]).

На ряду с этим неустанно развивалось стремление пропагандировать плодопеременную систему путем изображения ее преимуществ и издания руководств к пользованию ею при различном характере почвы. Эпоха эта полна споров и раздоров между приверженцами старой и новой системы [5]).

Дейлас излил полную чашу своего сарказма на новых „агрономов"; он выразил сожаление, что они не остались пастухами и земледельцами вместо того, чтобы писать книги о сельском хозяйстве, и полагал, что „крестьяне с сотворения мира знают, что им надлежит делать". Он выставлял в смехотворном виде сельско-хозяйственные общества и отвергал всякий научный метод обработки, всякую „système de Physique". С ревнием реакционера он обратился против искусственного травосеяния и культуры кормовых трав и оспаривал заслуги англичан в деле улучшения сельского хозяйства [6]).

---

[1]) „... Без знания этой науки (химии) невозможно установить истинные принципы сельского хозяйства. Так как химия, как наука, едва только появилась на свет..., то на естественную связь ее с сельским хозяйством почти совсем не обратили внимания". Home, Les principes de l'Agriculture et de la végétation. (Amst. 1761), стр. 4.

[2]) „Большинство авторов", писал Валлериус, „опиралось в своих идеях относительно сельского хозяйства и средств к его улучшению исключительно на практический опыт: мы же, напротив, полагаем, ... что всякий опыт обманчив, и что эксперименты, производимые без предварительного рассуждения, столь же бесполезны, как и рассуждения, не проверяемые на опыте". Éléments d'Agriculture Physique et Chymique (1762), стр. 5.—„Наибольшее затруднение в улучшении сельского хозяйства",—говорит Гом, „заключается в том, что оно зависит от принципов, которые не могут быть познаны из одной только его практики"; l. c.

[3]) Fraas. Gesch. der Landwirtschaft, стр. 154—155.

[4]) Thierriot, Instruction sur la culture des terres (Paris 1764, in 12°).—Tillet, Mém. der l'Acad. roy. des Scienes. Année 1774; см. Rozier, Cours, I, стр. 484 - 499.—О Соссюре, Сенебье и др. см. Fabroni, Réflexion. стр. 43 сл. и Fraas, op. cit. стр. 161 и 199 сл.—Ср. также статьи в Journ. Oecon: De la manière dont les plantes sont nourries (1762 Janv.); De la disposition de la terre en sillons élevés et de l'effet de l'hyver sur la terre végétale (1762 Mars), Observation sur la nature de chaque espèce de sol et sur les différents moyens d'en tirer le grand avantage possible au profit de l'Agriculture (1763 Juin); Réflexions sur les principes de la végétation et de la fécondité des Terres (1764 Févr.) и т. д.

[5]) Ср. напр., «Défense de plusieurs ouvrages sur l'Agriculture ou réponse au livre intitulé: Manuel d'Agriculture etc., dans lequel M. de la Salle a attaqué M. M. Duhamel, Tull et Pattullo, par. M. de la Marre (Paris 1765).—Из множества книг и статей упомяну только о нескольких: Despommiers, L'art de s'enrichir par l'Agriculture (Paris, 1762 .—Le Large, Mémoires sur l'Agriculture (Paris 1762).—Le Manuel des Laboureurs etc. par. M. Gennette, prem. Phys. de ba Maj. Imp. 1765. - Considérations sur les moyens les plus propres à donner aux Cultyvateurs de ce Royaume une connaissance plus sûre... de l'Agriculture, Journ. Oecon. (1763 Avril).—Extrait de la réduction économique ou amélioration des terres par oeconomie; ibid. (1767 Avril).

[6]) «Extrait du Préservatif contre l'Agromanie» в Journ. Oecon. (1762 Juin), стр. 241—248.

Из сельско-хозяйственных кругов также слышались протесты против новых теоретиков, желавших исправить сельское хозяйство при помощи своих книг [1]).

Но в общем, учение о новой системе культуры быстро завоевало всю мыслящую Францию. Как пошло введение ее в деревне, я покажу в следующем отделе.

Ее приверженцам казалось, что она открыла пути к неизмеримым сокровищам; плодородие матери-земли, „единственного источника всех богатств" представлялось им теперь поистине неистощимым; вера в него увлекала даже таких людей, как Фаброни, который во многих вопросах обладал спокойным суждением и большой эрудицией, и заставляла их рисовать фантастические картины, исполненные самых преувеличенных упований: если взять за образец природу, то можно, говорит Фаброни, превратить всякое поле в рай; на земле будут расти огородные растения; над ними—более высокорослые сорта овощей, над овощами—злаки, над злаками—виноградные лозы, над ними маслины, над которыми, наконец, будут возвышаться грандиозные пальмы [2]). При этом Фаброни опирался на Плиния, пользуясь по примеру многих энтузиастов того времени древностью в качестве тарана против упорного сопротивления существующего порядка [3]).

А сопротивление это еще в 1780 г. было чрезвычайно сильно. От благоприятного для сельского хозяйства законодательства Тюрго в то время почти не осталось и следа; вскоре суждено было исчезнуть и „сельско-хозяйственному министерству" Бертена; о научном движении в пользу сельского хозяйства Бютель-Дюмон писал еще в 1779 г.: „Лишь в последнее время наука во Франции занялась сельско-хозяйственными материями; вдруг появилось несколько умных агрономов. Им удалось на мгновенье привлечь общественное внимание к сельскому хозяйству, и нельзя отрицать, что рвение их было полезно государству. В настоящее время угас и их собственный энтузиазм и вызванное ими воодушевление" [4]).

Вспыхнувшее одушевление длилось менее двух десятилетий; все же оно угасло не совсем, но продолжало гореть более спокойным пламенем.

Аббат Розье, одновременно и физик и сельский хозяин, дал в это время в форме энциклопедии сводку всех новых систем земледельческой культуры, возникших начиная с 1750 г. Он не был творцом новых идей, но обладал даром делать новые выводы из имевшихся на лицо данных; он превосходно умел приводить наблюдения в систему и пропагандировать добытые результаты в легкой и удобопонятной форме [5]). Распространение сельско-хозяйственных знаний было его главной заботой, и никто, должно быть, не способствовал введению во Франции плодосменного хозяйства в такой мере, как он.

Но и такие люди как Пармантье, Тилье, Лавуазье, Дюпон-де-Немур,

---

[1]) Ср. Lettre de M. Giroux, Laboureur à Bussy-Saint-Georges; ibid. (1765 Juillet) стр. 293—300.

[2]) Fabroni, Réflexion, стр. 228 сл.

[3]) Ibid. стр. 32—33.—См. также Journ. Oecon. (1767 апрель), стр. 146.—Rozier Cours, I, стр. 262—264.

[4]) Butel-Dumont, Recherches; Disc. Prél. стр. XXI—XXII.—См. также Rozier, Cours, VI (1785), стр. 338: он говорит там о предшествовавших десятилетиях: „эпоха, когда во Франции только и говорили, что о новых сеялках, о новых машинах, которые в настоящее время совершенно забыты".

[5]) Ср. его статьи „Agriculture", „Alterner", „Amender", „Culture", „Défrichement", „Jachére" и т. п. в Cours d'Agriculture.—О нем см. также Fraas, Gesch. des Landwirtschaft, стр. 75.

Буланже и др. неустанно трудились в восьмидесятых годах над выработкой во Франции более интенсивной земледельческой культуры [1]).

В широких общественных кругах интерес к земледелию в то время, правда, немного понизился, отчасти потому, что до известной степени уже стало излишним подымать большой шум в пользу сельского хозяйства, в высоком значении которого никто более не сомневался [2]); но отчасти и потому также, что брожение, развившееся с середины столетия во всех слоях народа, стало находить себе выход в сильных политических волнениях. Конкурс Орлеанской Академии на тему о средствах улучшения почвы в Солони в 1787 г. прошел почти незамеченным [3]). Все внимание общества слишком уже сосредоточилось на социальных и политических вопросах.

Правда, значительная часть этих вопросов возникла именно в результате переворотов, происшедших в сельско-хозяйственной технике, или по крайней мере, в результате попыток к подобным переворотам; другие вопросы благодаря этому только и были, как следует, осознаны нацией. Дело в том, что именно в области сельского хозяйства с 1750 г. началась борьба с порядками и условиями, корни которых простирались далеко вглубь веков; и всякая попытка искоренить что-нибудь должна была поднять и раздробить значительную часть старой почвы.

Интенсивность этого процесса прежде всего объясняется тем, что одновременно с введением новой культуры была сделана—и до известной степени, если хотели достигнуть намеченной цели, должна была быть сделана,—попытка произвести переворот также и в формах земельной аренды.

В этом и заключается, по преимуществу, наряду с их скоропреходящим влиянием на правительство, значение Кене и физиократов.

Крупная и мелкая культура.

Когда в 1750 г. Дюгамель дю-Монсо начал в имении своего брата, Денейвилье, практически вводить новую заимствованную из Англии земледельческую культуру, он прежде всего имел в виду ту пользу, которую она могла принести владельцам небольших участков земли. „Мы хотим показать“, говорил он, „как выгодна новая культура для мелких земельных владений; если она и влечет за собой некоторые неудобства (inconvénients), то это может относиться лишь к крупным арендным имениям“ [4]).

Дюгамель сам сообщает нам о причинах этой заботы о мелких хозяевах: провинция, в которой он жил, была населена большим количеством мелких виноделов, получавших от сеньера в различного рода аренду по 8—10 моргенов земли, из которых 3—4 они засаживали виноградом, а на остальных сеяли хлеб для содержания семьи [5]).

---

[1]) См. протоколы Comité d'administration de l'Agriculture (1785—1777), изд. Pigeonneau et Foville (Paris 1882).—Boulanger, Mémoire sur un moyen de répandre les nouvelles connaissances en Agriculture: Mém. d'Agr. 1786. Trim. du printemps, стр. 26—33.

[2]) „Излишне,—говорит Robinet в 1782 г.,—восхвалять сельское хозяйство, превозносить его древность или благородство... Выгоды, доставляемые государству земледельцами, столь общепризнаны, и наш век столь просвещен относительно своих истинных интересов, что все культурные народы стремятся к поощрению земледелия, к его расширению и усовершенствованию“. Dict. Univ., XXVI, стр. 274.

[3]) Esprit des Journaux français et étrangers. (Paris 1787 mars), III, стр. 303.

[4]) Duhamel, Traité de la Culture, II, стр. 4. („Expériences faites pendant l'année 1750“).

[5]) Ibid, стр. 2—3.

Такое разделение крупных земельных владений на мелкие арендные участки являлось обычной формой хозяйства в тогдашней Франции.

Крупное землевладение во всяком случае было еще преобладающим элементом в государстве, но его существование, разумеется, еще не обусловливало наличности крупного хозяйства [1]). Собственное хозяйство в крупных имениях или отдача их в аренду в одни руки в то время практиковались лишь в ограниченных размерах.

Собственное хозяйство в своих имениях дворянство вело лишь только в Бретани и в Провансе, а владения церкви все сдавались в аренду [2]). А о богатой буржуазии XVIII века один новый исследователь считает возможным сказать, что ее экономическая характеристика заключалась в том, что она жила доходами с своей земельной собственности, не обрабатывая ее собственным трудом, а отдавая ее исполу или в денежную аренду и пользовалась получаемыми средствами, занимая свободное положение в государственной или общественной жизни [3]).

Единственными собственниками, в массе обрабатывавшими свою землю собственным трудом, были мелкие и средние крестьяне, число которых, как я показал в первой главе, было уже перед революцией весьма значительным. Однако их хозяйства также подходят под понятие мелкого производства, и поэтому я не буду в дальнейшем останавливаться на них отдельно.

Что касается видов аренды, то в XVIII веке можно различать целый ряд различных форм.

Во-первых, аренда „en censive" (чиншевая аренда), bail à cens, bail à rente или accensement. Она обозначала, как наша наследственная чиншевая аренда, скорее отчуждение земли под условием вечного оброка в денежной или натуральной форме. Ее возникновение падает на время освобождения французских крестьян от крепостной зависимости, а расцвет на XIII—XV век [4]). Но еще в XVII и XVIII веке случалось весьма часто, что сеньер отдавал свои владения очень небольшими участками „en censive" крестьянам; чаще всего это происходило в Бретани, Лимузене, Берри и Ламарше [5]).

Параллельно росту ценности земли и падению ценности благородных металлов непрерывно развивалась с конца средневековья тенденция к сокращению срока аренд [6]). Но прежде чем наследственная чиншевая аренда,

---

[1]) См. об этом Passy, Systèmes de culture; Mém. de l'Acad. roy. des Sciences de l'Institut de France. V, стр. 655—675.

[2]) „ ... гораздо больше землевладельцев, которые их (имения) сдают в аренду чем таких, которые их обрабатывают собственными руками". Liger. La Nouvelle Maison, (1762) I, стр. 509.—„...известно, что почти все владения, принадлежащие этим двум сословиям, обрабатываются фермерами". Motifs du 6ième bureau de l'Ass. des Notables (1788). Arch. parl. I, стр. 473—474.—„Из 90 участков, помещенных в двадцатинных списках... 83 или 84 были сданы в аренду, а из 71 собственников 6 или 7 сами обрабатывают свои земли". Le carpentier, La propriété fonc. du clergé. Rev. Historique LXXVII (1901), стр. 75.—Bloch говорит о Солони: „Довольно любопытно то явление, что даже наименее состоятельные из землевладельцев отказываются от самостоятельной обработки своих наследий... В Солони считают, как говорит записка того времени, что самому обрабатывать свою землю, значит разориться". La répartition de la propriété foncière. Rev. d'Hist. Mod. et Contemp. II, стр. 253.—См. также Lavergne, Les économistes, стр. 22-23.—Кареев, Les paysans, стр. 113 и сл.

[3]) R. Lafarge, L'Agriculture en Limousin au XVIII siècle (Paris, 1902), стр. 32.—См. также Darmstaedter, Über de Verteilung des Grundeigentums, стр. 497.

[4]) Avenel. Hist. économique, I, стр. 196 сл. и 230.

[5]) Young, Reisen, II, стр. 193.—Loménie. Les Mirabeau (Paris 1879), II, стр. 21—32. Darmstaedter. Über der Verteilung des Grundeigentums, стр. 495—496.

[6]) Avenel, Op. cit, I, стр. 245—246.

являвшаяся как бы вечной арендой,—была вполне вытеснена краткосрочными арендами, в качестве посредствующих ступеней образовался ряд арендных форм с ласситскими правами владения, как напр., „domaine congéable" в Бретани, „droit de marché" в Пикардии, „лесное право" в Эльзасе; эти аренды не имели определенного срока, и владелец обыкновенно оставлял за собой право вновь вступать во владение имением [1].

На ряду с этим во всей Франции вошла в употребление эмфитезис (emphyteuse), аренда сроком на 99 лет; наконец, в Шампани и Орлеанэ пожизненная аренда и аренда на три жизни, „baux à vie" и „baux à trois vies" [2].

Но эти виды аренды в XVIII веке применялись в небольших размерах сравнительно с половничеством (métayage), развившимся, вероятно, в XV веке из аренды скота (bail à cheptel) [3]. Если и нельзя больше соглашаться с утверждением Артура Юнга [4], что в начале революции семь восьмых всей земли во Франции обрабатывалось половниками [5], все же не подлежит сомнению, что métayage являлся в середине XVIII века преобладающей формой аренды во Франции [6].

Эта система сдачи земли, распространенная на юге и особенно в равнинных областях средней и западной Франции, в Сентонж, Берри, Туреви, Анжу, Мэне и Пуату [7], прежде всего способствовала тому, что французское сельское хозяйство оставалось на очень низком уровне. Все свидетельства, относящиеся к XVIII веку, сходятся между собою в том, что на участках половников земледелие ведется хуже, чем где бы то ни было, и что экономические отношения между арендатором и землевладельцем едва ли позволяют надеяться на какое-либо улучшение.

Землевладелец, кроме земли, почти повсеместно поставлял еще и часть земледельческих орудий, иногда и весь инвентарь, семена и необходимый скот. Арендатор брал на себя обработку и делил с землевладельцем урожай, иногда с предварительным вычетом податей, а иногда и без него. В Шампани многие земли сдавались „à tiers franc", т.-е. за треть урожая. В неурожайные годы землевладелец должен был еще ссужать крестьянам хлеб до нового урожая; вследствие этого, половники нередко должали помещикам, и последние часто должны были удалять их с потерей своего долга, чтобы не потерять ещё больше [8]. Половничество не было связано с определенным сроком. Правда, образовалось обыкновение оставлять хороших крестьян на их земле

---

[1]) Ibid. стр. 241 сл. — Darmstaedter. Über die Verteilung des Grundeigentums, стр. 498.

[2]) Emphyteuse особенно часто применялась, повидимому, в Дофинэ и Провансе. См. P. Conard, La Peur en Dauphiné (Paris 1904), стр. 9.—В XIX веке она совершенно исчезла во Франции. Reitzenstein, Agrarische Zustände in Frankreich, стр. 17.

[3]) Lafarge, L'Agriculture en Limousin, стр. 36—39.

[4]) Reisen, II, стр. 193.

[5]) Об этом спорном вопросе ср.: Sauzet. Du métayage en Limousin (Paris 1897), стр. 25 сл.—Avenel, Hist. écon., I, стр. 249. Saguac, La propriété foncière au XVIII siècle; Rev. d'Hist. Mod. et Contemp. III, стр. 165 сл.—Lafarge, loc. cit.

[6]) „Такого рода устройство", говорит Тюрго в 1766 г. „...имеет место в бо́льшей части Франции". Réflexions, Daire III стр. 20—21.—А. Смит говорит, подобно Юнгу: „Во Франции, где пять шестых всего королевства еще обрабатывается людьми этого рода" (métayers). Recherches, II, стр. 201.—Эту же цифру найдем раньше у Паттюлло. Essai, стр. 259.

[7]) Darmstaedter. Über die Verteilung des Grundeigentums, стр. 500—501.

[8]) См. об этом горькие жалобы в Mémoire en forme d'observations de la ville d'Angoulême au Ministre des finances; Arch. parl, II, стр. 22.—Также Procès-Verbal de l'Assemblée prov. de Bourges y Girardet, стр. 307—308.

в течение многих поколений, но прекращение аренды все же почти всегда зависело от произвола помещика, и в Лимузене в 18 веке на половников смотрели почти как на челядь, которую можно прогнать по своему желанию [1]).

Вследствие этого землевладелец получал скудный и неверный доход: у крестьянина же, которому приходилось терять очень немного, не было достаточных побуждений улучшать свою землю; в результате оба беднели [2]), и обработка земли все ухудшалась: достаточное для восторженных почитателей и проповедников интенсивной культуры основание, чтобы решительно отвергнуть половничество в его целом. На его место они хотели всюду поставить краткосрочную аренду (fermage),—сдачу земли на определенный срок за определенную ежегодную плату деньгами.

Общей чертой всех этих форм аренды являлись *небольшие размеры сдаваемых земель*. Большинство французских провинций были „abandonnées à la petite culture". По расчету Сен-Мора и Кене около 1750 г. из 36 миллионов моргенов обработанной земли 30 принадлежали мелкой культуре и только 6—7 миллионов крупной [3]).

Цифровая проверка этих данных в настоящее время уже невозможна, но все исследования показывают сильное раздробление крупных имений в тогдашней Франции на мелкие арендные участки [4]).

Исключением,—и то лишь частичным,—являлись имения, сдававшиеся в краткосрочную аренду. Но зато они страдали от двух зол, также препятствовавших успешному развитию сельского хозяйства, а именно—от чрезмерной краткости арендного срока и бо́льшей или меньшей необеспеченности арендных контрактов.

Я уже указал, что в ходе развития от наследственной аренды к современной срочной аренде наблюдается тенденция к сокращению арендного срока. Переходное время, каковым прежде всего следует считать XVIII век, породило в этом отношении, как и во многих других, преувеличения, оказавшиеся пагубными для Франции, благодаря неправильным фискальным мероприятиям.

Фиск считал „арендой" только сдачу земли на срок *не более девяти лет*; все более продолжительные аренды он рассматривал как продажу или отчуждение, влекшие за собой уплату различных сборов в пользу короля и, как следствие этого,—также и в пользу сеньера, в сеньерии которого находилась данная земля [5]).

Таким образом, на все арендные договоры сроком 9—29 лет, ложилась уплата „demicentième denier envers le roi". Постановление Государственного совета от 8 апреля 1762 г., правда, отменило этот налог—очевидно, под

---

[1]) De Labergerie, Recherches sur les principaux abus (1788), стр. 12—13.—Young, Reisen, I, стр. 21—22; II, стр. 99—100 и 193—201.—Turgot, loc. cit.—Smith, Recherches, II стр. 202.—Rocher, Nationalökonomik, стр. 211 сл.—Кареев, Крестьяне.—Sagnac, La législation civile, стр. 61.—Lafarge, l'Agriculture, стр. 37.—Marion, état des classes rurales Rev. des Etudes Hist. LXVIII стр. 462 сл.

[2]) „В XVIII веке,—говорит Bussiere,—дворяне не переставали беднеть, но половники также бедны; и те и другие сближаются в этой солидарности нищеты". La Revolution en Perigord, I, стр. 114.—См. также Passy, Systemes de culture. Mem. de l'Acad. des Sciences, V, стр. 634, прим. 1.

[3]) Dupré de Saint-Maur, Essai sur les monnoies ou Reflexions sur les rapports entre l'argent et les denrées (Paris 1746), стр. 23 сл.—Quesnay, Oeuvres, стр. 171 (статья „Fermiers").

[4]) Sagnac, La propr. fonc.; Rev. d'Hist. Mod. et Contemp., III, стр. 166.—Кареев, Крестьяне.—Lecarpentier, La propriété foncière; Rev. Hist. LXXVII, стр. 72—73.—Labour, Chatellenie d'Oissery содержит перечисление многочисленных ленов и арендных земель одного замка.—Calonne, La vie agricole, стр. 51 сл.

[5]) Observations sur la durée des baux en France; Journ. Oecon. (1762 Juillet) стр. 308—310.—См. также Mauguin, Etudes, I, стр. 320.

влиянием веяний времени, благоприятствовавших распашке невозделанной земли,—для всех сдающихся в аренду земель, которые должны были целиком или отчасти подвергаться распашке или мелиорации, но по отношению к аренде культурных земель, он в общем остался в силе; арендные договоры сроком на 30—39 лет, а также аренды „à domaine congéable" были обложены полным „centième denier envers le roi", [1]) и результатом этого являлась необходимость уплачивать феодальные права в роде „lods et ventes" и др.

Эти странные фискальные постановления, вероятно, скорее всего можно объяснить тем, что король, как и сеньер, не желали при распространении временной аренды терять вполне ряд доходов, получавшихся ими прежде при всяком переходе земельных владений из одних рук в другие. Но этот финансовый ущерб повлек за собой и другие, и пагубным следствием мнения, считавшего аренду сроком более девяти лет равносильной продаже, явилось то, что целый ряд имений, как-то: имения мертвой руки, имения, принадлежащие замужним женщинам и несовершеннолетним, вообще не могли стать объектом более чем девятилетней аренды [2]).

К этому присоединялась еще и необеспеченность самих арендных договоров.

Аренду нарушала не только продажа, но и сделанные в духовном завещании распоряжения завещателя относительно пользования именем или передачи его в собственность [3]). Мало того, если договор был заключен владельцем прихода, лицом, пользующимся доходами с имения, или вдовой, то их смерть немедленно прекращала аренду на текущий же год, при чем арендатор не имел права претендовать на какое бы то ни было возмещение убытков [4]).

Это было особенно важно для огромных владений духовенства; смерти или даже смены владельца прихода была достаточно для того, чтобы нарушить договор и тем самым нередко разорить арендатора.

Поэтому, Юнг мог с некоторым основанием утверждать, что во Франции редко можно встретить арендатора, который мог бы с уверенностью надеяться сохранить арендуемую им землю [5]).

Благодаря указанным причинам даже и девятилетний срок аренды был редким явлением, и в то время как в Англии земля сдавалась по большей части на двенадцать—пятнадцать лет, во Франции большинство аренд заключалось сроком на три—четыре—пять, редко шесть лет, и они нередко прекращались раньше срока [6]).

Следствием этого была частью хищническая эксплоатация земель, частью отсутствие предприимчивости у арендаторов. Поэтому, для борьбы с этим злом с начала аграрного движения все громче начали раздаваться требования более продолжительного срока аренды. Стало ясно, что и чрезвычайно низкая сумма капитала, вложенного в сельское хозяйство,—самая печальная причина

---

[1]) Rozier, Cours, II, стр. 120—121. (Статья „Bail").

[2]) Sagnas, La législation civile, стр. 68.

[3]) „La mort du locateur qui lègue, ou l'usufruit ou la propriété de la chose louée, rompt le bail". Rozier, Cours, II, стр. 125. Возмещать убытки арендатору—должен опл. законный наследник, а не завещатель.

[4]) De Labergerie, Recherches, стр. 177—179.—См. также Roscher, Nationalökonomik, стр. 229, прим. 4.

[5]) Reisen, II, стр. 159.

[6]) Так у Юнга, loc. cit.—De Labergerie, говорит: „три, шесть, самое большое, девять лет". Recherches, стр. 177.—Bussière утверждает: „В XVIII веке максимум продолжительности аренды равнялся пяти годам". La Révolution en Périgord, I, стр. 116.

его упадка,—обусловливалась не только высотой ссудного процента и переобременением крестьянина со стороны государства и феодальной власти, но в значительной степени также и дурными условиями аренды [1]).

Деньги уходили из деревни в города, но не возвращались обратно к земле. Начиная с середины XVII века, дворянство и высшее духовенство смотрели на свои земельные владения почти исключительно как на источник дохода, не заботясь об управлении ими; буржуазия до 1750 г. помещала свой капитал по преимуществу в торговые и промышленные предприятия и нередко обращала его на покупку должностей, и даже арендаторы, поскольку они были в состоянии накоплять богатства, предпочитали обращать свои сбережения в государственные процентные бумаги, вместо того, чтобы при помощи их улучшать культуру своих имений [2]).

Жалобы на ненормальность арендных условий настолько всеобщи, что не требуют особых подтверждений. В этом заключалось, как сказал Лавуазье еще в 1786 г. на пятидесятом заседании Комитета сельско-хозяйственного управления, самое значительное, при настоящем положении вещей почти что непреодолимое препятствие для прогресса сельского хозяйства [3]), и именно с этого пункта начал уже в 1756 г. Кене, исходя из совершенно правильного понимания экономических зависимостей, свои попытки двинуть дальше развитие сельского хозяйства.

Оба первых экономических этюда Кене—„Fermiers“ (1756) и „Grains“ (1757) стремились к полному преобразованию французской арендной системы. На место различного рода краткосрочных, необеспеченных и бедных капиталом мелких аренд, должны были стать продолжительные, обеспеченные и прежде всего капитало-интенсивные крупные аренды.

Кене опирался в этом случае, подобно почти всем новаторам его времени, опять-таки на пример Англии. В Англии уже в течение ста слишком лет условия складывались благоприятно для крупной временной аренды, и еще в середине XVIII века соединение небольших арендных участков в крупные имения сделало весьма значительные успехи [4]).

Во Франции распространение этой английской формы аренды началось уже с 1720 г., но оно ограничивалось севером, особенно провинциями Нормандией, Бос, Никардией, Иль де Франс и Фландрией [5]).

С 1740 и еще больше с 1750 г., благодаря влиянию английской литературы и росту сельско-хозяйственного благочестия (к этому я еще вернусь), это движение усилилось. Но настоящее свое значение оно приобрело для Франции только благодаря физиократической школе.

Кене, проводя под влиянием, как мне представляется, Кантильона, резкое разграничение между земельными собственниками, предпринимателями-

---

[1]) Ср. Extrait des Mémoires de l'Académie des Sciences de Paris pour l'année 1757. Mémoire de M. Pillet; Journ. Oecon. (1763 Nov.)

[2]) Mirabeau, Ami. I, стр. 149.—Gouget, Les intérets, I, стр. 59—62.—Lavoisier в заседании Comité d'administration de l'Agriculture, 15 дек. 1786; Pigeonneau et Foville, стр. 330.—Вот высчитал, что во Франции на сельское хозяйство тратится на 458,500.000 фунтов стерл. или 1.489 милл. ливров меньше чем в Англии.—Reisen, II, стр. 249—251; см. также, I, стр. 338.—Ср. также Tocqueville, Banc. rég. (6 1877), стр. 137 и 155. Kapeer, Les Paysans, стр. 134.

[3]) Pigeonneau et Foville, loc. cit.

[4]) Ср. Dangeul, Remarques 213—214. Особенно Бот очень способствовал дискредитированию мелкой аренды; Passy, Systèmes de Culture; Mém. de l'Acad. des Sciences, V, стр. 610—612. См. также Thaer, Einleitung zur englischen Landwirtschaft (Hannover 1801), I, стр. 25—28.

[5]) Quesnay, Oeuvres, стр. 195.—Maugenis, Etudes, I, стр. 251.

фермерами и сельскими рабочими [1]), изображая далее сельское хозяйство единственным источником богатства и усматривая богатство в «produit net», т. е., в сущности, в возможно более высокой ренте с сдаваемой в аренду земли, превратил тем самым земельного арендатора в средоточие всего политико-экономического интереса и сделал его благосостояние и предпринимательскую силу мерилом для могущества и богатства нации.

Необходимым средством для повышения национального богатства являлись, по его мнению, *богатые* арендаторы *крупных* ферм [2]).

О собственниках, обрабатывающих землю своим трудом, у физиократов, собственно говоря, нет и речи. Различие между сельско-хозяйственными предпринимателями всегда сводится только к разграничению между бедным мелким арендатором и богатым крупным арендатором, которые выступают здесь, с точки зрения норм сельско-хозяйственного производства, представителями мелкой и крупной культуры.

Характерным признаком мелкой культуры Кенэ считал, по примеру Дюпре де-Сен-Мора [3]), обработку земли при помощи волов, признаком крупной обработку при помощи лошадей. Это различение вскоре подверглось ожесточенным нападкам со стороны Вольтера и других противников физиократов [4]), но на деле оно и для Кенэ было лишь *внешним* признаком отличия [5]). Внутреннее отличие для него заключалось в степени обеспеченности арендаторов капиталом. Богатый крупный арендатор в состоянии понести чрезвычайно большие расходы и деньгами и временем для достижения хорошего урожая [6]), а потому и доходы его больше. Мелкое арендное хозяйство требует больше расходов и больше людей, и все-таки дает меньше дохода. Но так как мелкий половник в большинстве случаев вообще не в состоянии делать авансом больших расходов, то значительная часть земли, находящейся в руках мелкого хозяйства, остается необработанной, а обрабатываемая земля не подвергается улучшениям [7]).

Кенэ составил обширный сравнительный расчет доходов крупного и мелкого хозяйства, который слишком хорошо известен для того, чтобы еще раз на нем останавливаться. Упомяну только для характеристики об одном из его конечных результатов: 30 милл. моргенов, обрабатываемых во Франции

---

[1]) Кантильон в главе „Des Sociétés d'hommes" показывает, что земля в государстве *необходимо* должна принадлежать небольшому числу собственников, от которых зависят арендаторы и сельские рабочие. Essai, стр. 3—8.—Тюрго пытается еще резче формулировать эту же мысль, представляя дифференциацию между тем, кто владеет землей, и тем, кто ее обрабатывает, *необходимым и естественным развитием* свободного права собственности. Réflexion (1766); Daire, III, стр. 14—15.

[2]) „Выгоды сельского хозяйства зависят в значительной степени от объединения земель в крупные фермы, приносящие наибольший доход в руках богатых фермеров". Quesnay, Oeuvres, стр. 219.

[3]) Essai sur les Monnoies (1746), стр. 28—29.

[4]) Voltaire, Dict. phil. статья „Agriculture", Oeuv. XXVI, стр. 128—129.—Fabroni, Réflexions, стр. 172—174.—Еще в 1789 г. Mémoire de la ville d'Angoulême au ministre des finances резко нападает на это различение физиократов и пытается определить крупное и мелкое хозяйство как „fermage" и „métayage". Arch. parl. II, стр. 22.—Young, Reisen, III, стр. 132—133.

[5]) „Доходы от земли так незначительны не потому, что ее обрабатывают при помощи волов; при этом способе обработки, *делая необходимые расходы*, можно было бы извлечь из земли почти такой же доход, как и путем обработки при помощи лошадей". Oeuv., стр. 204.

[6]) „К этим большим расходам прежде всего относится обработка при помощи лошадей, тогда как бедный мелкий арендатор в общем принужден довольствоваться волами: отсюда это внешнее различие". См. Oeuv., стр. 160 сл.

[7]) Ср. Oeuv., стр. 162 сл. и 218 сл.

путем мелкого производства, приносят ежегодно 397.802.140 ливров дохода, шесть же милл. моргенов, обрабатываемых путем крупного производства, дают—203.000.000 ливров, т.-е. один морген при мелком хозяйстве приносит только 13,26 ливров, а при крупном—33,88 ливров [1]).

Этим, как будто, было доказано, что введение более интенсивной системы обработки, чего добивались агрономы, могло рассчитывать на успех только в областях крупного хозяйства. Правда, сам Кене, как мне кажется, несмотря на ревностное изучение вопросов сельско-хозяйственной техники [2]), не приобрел более глубокого понимания зарождавшейся плодосменной системы. Разумеется, он высказывается в пользу более интенсивной системы земледелия, которая должна в особенности положить конец необработанным пустырям, но обычно он при этом имеет в виду, что хорошая земля будет отводиться только под хлеб, а менее хорошая—под кормовые растения и т. д. Все же он признает высокую ценность „prairies artificielles", с сущностью которых его познакомила книга Де-ля-Саля и английские сочинения, и пользу связанного с ними стойлового кормления скота и настойчиво рекомендует распространение этих новых завоеваний [3]).

Но, как сказано, и он и его школа исповедывали прежде всего то убеждение—и в этом их поддерживал пример Англии—что на все эти улучшения и новшества в области сельского хозяйства способны только независимые и интеллигентные арендаторы, другими словами, что только крупное производство может стать носителем и распространителем лучшей системы обработки земли [4]).

Это единение сильного капиталом крупного хозяйства с идеями новых систем земледелия еще теснее проводится у Паттюлло [5]), который следовал Кене, но, как мы знаем, ясно понимал сущность плодосменного хозяйства. В последующие десятилетия эти учения приобретали все больше и больше сторонников как раз среди крупных земельных собственников.

Таким образом, физиократы сделались пророками богатого—и что также очень важно—в сельско-хозяйственном отношении образованного, а потому способного к проведению прогрессивных мер крупного арендатора [6]). Введение крупного производства в этом высоком значении сделалось их лозунгом, а верхом их желаний явилась пятнадцатая максима Кене: „Чтобы земли, отведенные под культуру хлебных злаков, были бы, насколько возможно, объединены в крупные фермы, эксплуатируемые богатыми земледельцами" [7]).

---

[1]) Oeuv., стр. 200—206.

[2]) Ср. на ряду со статьями „Fermiers" и „Grains" также и „Questions intéressantes", отдел „Culture des terres". Кене приводит там в примечании сочинения, из которых он черпал свои познания. Oeuv., стр. 258.

[3]) Oeuv., стр. 173 сл. и 217—218.

[4]) Ibid., стр. 174, 219 и 333 (XII).

[5]) Pattullo, „Essai", стр. 250—262.—Ср. также Lavergne, „Les économistes", стр. 88 - 90.

[6]) „Вполне ясно", писал Baudeau в 1771 г., „что нам необходима многочисленная армия арендаторов или cultivateurs en chef, которые обладали бы познаниями в области своего дела, которые побуждались бы соревнованием применять свои познания на практике и имели бы большие средства для того, чтобы заниматься этим производительным искусством, поддерживать и усовершенствовать его все больше и больше". Instruction à la Philosophie économique; Daire II стр. 700.

[7]) Oeuv., стр. 334.—В пользу крупной культуры в особенности высказывались: Liger, La Nouvelle Maison, I, стр. 509—510.—Turgot, Réflexions; Daire, III, стр. 21 и 40 сл.—Baudeau, op. cit. глава IV: „Des grandes et des petites exploitations productives". Dairs, II, стр. 693—696.—Herrenschwand, Discours fondamental sur la population; см. Roscher, Nationalökonomik, стр. 195 (§ 53).

Этот принцип в резкой форме объявлял войну существующему порядку вещей и сторонникам мелкой культуры, число которых, как мы видели, было довольно велико, уже благодаря сильным симпатиям эпохи к мелкому землевладению.

Основатель школы физократов утверждал даже, что увеличение числа мелких арендаторов гибельно для населения, что необходимо привлекать к сельскому хозяйству богатства с целью распространить крупное производство и искоренить мелкое [1]).

Но вначале при Дюгамеле движение в пользу сельского хозяйства развивалось под знаком заботы о мелких хозяевах: опыты Де-ля-Саля должны были „быть доступными наименее состоятельным земледельцам“ [2]): „я не достиг бы своей цели, писал маркиз де-Тюрбильи в 1760 г., если бы моя книга не принесла пользы арендаторам и *мелким* землевладельцам“ [3]): а призыв Мирабо: „Chérissez les petits!“, нашел в то время во Франции тысячеголосый отклик.

Это было время, когда в Испании и Италии господствовало цветущее мелкое хозяйство, когда в Бельгии началась борьба за мелкую культуру, в 1760 г. приведшая к закону Эно (Hainaut), который ограничивал право приобретать землю 150 моргенами [4]).

Неудивительно поэтому, что распространению крупного производства пришлось встретиться с сильным противодействием. Для сторонников мелкой культуры было бы всего приятнее, если бы каждый крестьянин мог иметь собственный „morceau de terre“ [5]): но раз это было невозможно, то они добивались, по крайней мере, возможно бо́льшего числа самостоятельных предпринимателей в области сельского хозяйства и пытались поэтому доказать, что раздел крупных арендуемых имений вызвал бы прирост людей, скота, продуктов и вообще всяких богатств [6]).

В противоположность физократам, они выставляли увеличение числа семейств и улучшение обработки земли главными преимуществами мелкого хозяйства [7]). Последнее преимущество особенно защищал Journal Oeconomique; он указывал на цветущие маленькие имения во Фландрии и в окрестностях Лилля, пример которых побудил многих сеньеров в Артуа поделить свои крупные сдаваемые в аренду имения на ряд мелких. Этот счастливый удел журнал хотел распространить на всю страну; он даже обратился к королю с просьбой установить максимальный размер для арендуемых имений [8]).

Мы увидим в следующем отделе, с какой силой это предложение всплывает в Cahiers 1789 г.

[1]) Maxime XV и Note sur la Maxime XII; Oeuv., стр. 334 и 346.

[2]) Journ. Oecon. (1762 Sept.), стр. 401.

[3]) Turbilly, Mémoire sur les défrichements; Avertissement, стр. V—VI.

[4]) Passy, Les sistèmes de culture. Mém. de l'Acad. Uy. des Sciences, V стр. 613—614.

[5]) Robinet, Dict. Univ., I, стр. 564.

[6]) Так у Bellial des Vertus, Essai sur l'administration des terres (1759) стр. 143, напечат. у Oncken, Oeuv. de Quesnay, стр. 358, прим. 1.—См. также Lavergne, Les économistes, стр. 108.—Академия в Аррасе объявила в то время конкурс на тему о сравнении преимуществ крупного и мелкого хозяйства. Calonne, La vie agricole, стр. 58—59.

[7]) Holbach, Ethocratie, стр. 122, прим. 52.—Rozier, Cours, VI, стр. 569.

[8]) Ср. Réflexions sur l'état actuel du Royaume relativement à l'Agriculture et à la Population. Journ. Oecon. (1763 Juillet), стр. 300, и Lettre à l'Editeur du Journal Oeconomique sur la trop grande etendue de plusieurs Fermes. Ibid. (1765 Oct.), стр. 450—453.

Но при этих дифирамбах мелкому хозяйству речь шла, нужно заметить, не о сохранении бедных половников. Напротив, как можно видеть, в особенности из протоколов провинциальных собраний Берри 1783 и 1786 г.г., их стремились заменить мелкими арендаторами на срок [1]). Если ученики Кене желали для государства *богатых* крупных арендаторов, то их противники хотели иметь *состоятельных* мелких арендаторов, и в последние годы перед революцией широкая публика безусловно стала на сторону последнего мнения.

В 1785 г. Розье еще раз сравнил, со своей обычной добросовестностью, преимущества крупного и мелкого хозяйства, но и он склонился, по крайней мере поскольку дело шло о Франции, в пользу небольших ферм [2]). „Энтузиазм англоманов", который, по его словам, очень запутал этот вопрос, в то время уже выдохся, и общее течение эпохи было настолько сильно, что даже физиократ Дюпон де-Немур, смог во время революции сделаться защитником мелких владений.

Но в течение предыдущих десятилетий противоположные мнения резко сталкивались. Конечно, в общем все соглашались, что уровень сельского хозяйства должен быть повышен, а торговля и труд — освобождены от устаревших ограничений.

Если еще в 1754 г. Данжейль смог назвать общепринятым во Франции („maxime reçue en France") мнение, что крестьянин не должен быть состоятельным [3]), то в скором времени все экономические партии пришли к соглашению, что необходимо облегчить лежащие на нем тяготы и позаботиться об его благосостоянии; и если физиократы предпочли бы отдать всю землю в руки богатых арендаторов, то причина этого заключалась в том, что, по их мнению, этот строй должен был лучше всего обеспечить интересы всего общества и следовательно облегчить также и участь „трудящихся" [4]).

И в вопросах о большей продолжительности и обеспеченности аренд в то время также царило полное единомыслие [5]); столкновения противоположных мнений неизбежно происходили там, где требуемые новшества или прямо задевали имущественные отношения и права собственности, или даже только касались их.

Новые теории столкнулись с силой существующего порядка, и их влияние на экономическую и социальную жизнь большею частью оказалось весьма отличным от того, о чем мечтали их творцы.

---

[1]) См. Girardot, Essai sur les assemblées provinciales, стр. 279 и 307–311.

[2]) „Des vastes métairies relativement aux particuliers". Rozier, Cours, VI, стр. 510—514.—Представителем этого же мнения являлся также Clicquot Blerwache, Mémoire sur les moyens d'améliorer en France la condition des Laboureurs, см. Vroil, Etude, стр. 302.

[3]) Dangeul, Remarques, стр. 21.

[4]) Кене в примечании к Maxime XX резко нападает на „высокомерных буржуа", полагающих, что крестьянин должен быть беден, чтобы он не разленился. Oeuv., стр. 354.—Мирабо (Ami, I, стр. 145 и сл.), Raynal (Hist. phil. X стр. 179), Robinet (Dict. Univ. XXVI, стр. 365) и Dupont de Nemours (см. Schelle, D. de N., стр. 15 сл.) с возмущением протестуют против этого мнения.

[5]) Ср. Pattullo, Essai, стр. 278—281 („Longueur des Baux").—Turbilly, Mémoire, стр. 302.—Observations sur la durée des baux en France; Journ. Oecon. (1762 Juillet), стр. 308—310.—Mémoire de M. Tillet. ibid. (1763 Nov.), стр. 481.—Thierriot, Observations sur les baux; ibid. (1768 Fevr.), стр. 50 сл. — Robinet, Dict. Univ., I, стр. 564.—Rozier, Cours, II, стр. 126—130 и т. д.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Влияние агрономических и экономических теорий.

I. Подъем сельского хозяйства и возникновение новых форм производства.

1) Финансовый подъем.

Ипполит Тэн сравнивает состояние французского народа перед революцией с положением человека, который продвигается вперед по пруду. Вода доходит до его рта. „При малейшем понижении дна, при самой небольшой волне он теряет равновесие, погружается в воду и рискует захлебнуться; напрасно старое милосердие и новая гуманность стараются помочь ему. Вода стоит слишком высоко. Необходимо понизить ее уровень, и спустить пруд при помощи широкого стока. Пока же несчастный может дышать лишь в промежутках и каждую минуту рискует утонуть“ [1]).

Глубокий исследователь набрасывает нам все новые и новые картины старой Франции в этом стиле; его кисть не в состоянии пресытиться темными Рембрандтовыми тонами, но он забывает накладывать светлые пятна. Пытаясь охватить последнее столетие Старого Порядка, он не замечает того, что даже мало подвижные хозяйственные отношения народа могут в течение столь значительного промежутка времени коренным образом измениться, и что описания голода в 1709 году или даже рассказы Ла-Брюйера о том, как крестьяне питались травой, не могут служить безусловными свидетельствами для времени, которое отстоит от них на полвека.

Правда, Тэн приводит также ряд данных, относящихся ко второй половине XVIII века [2]), но всегда лишь такие, которые могут привнести еще новые теневые мазки в его мрачное описание. По временам получается впечатление, что он намеренно отворачивает свои взоры от света.

Конечно, нельзя не заметить чрезвычайно жалкого положения широких слоев французского населения, особенно в первую половину XVIII века; на первую четверть XVIII века (1700—1725), повидимому, действительно приходится наибольший упадок благосостояния французского народа за два века [3]), и хотя оно потом несколько поднялось, все же еще в 40-ых годах столь про-

[1]) Taine, L'Anc. Regime, стр. 440—441.
[2]) Ibid., стр. 67, 439, 446 и т. д.
[3]) Ср. Avenel, Hist. économ., I, стр. 387—388.

нительный наблюдатель, как д'Аржансон, не мог найти достаточно мрачных красок, чтобы изобразить бедствия сельского населения [1]).

Но вместе с тем нельзя отрицать, и Тэн должен признать это, несмотря на все его пристрастие к мрачным краскам, что с 1750 года наступило весьма заметное улучшение, и что следующие десятилетия свидетельствуют о сильном подъеме благосостояния, который пошел на пользу прежде всего сельскому хозяйству.

После смерти Людовика XIV Франция пользовалась сравнительно продолжительным периодом мира и по всем случае не испытывала вражеских вторжений на своей территории, поэтому сельское хозяйство могло постепенно отдохнуть от пережитого им тяжелого кризиса и к середине века проявить известную активность.

Пытливость мыслителей, сумевших вырвать у природы тайны бытия: изобретения, помогшие использовать до конца вновь открытые источники богатства и, наконец, необычайные милости самой природы, снова ставшей тогда объектом любви человечества, повысили силы расслабленного организма в совершенно неожиданной степени: другими словами, более интенсивная культура, создание новых форм обмена и производства и долгий ряд благоприятных урожаев, взаимно обусловливая друг друга, содействовали хозяйственному прогрессу страны.

Почти все современные известия и новейшие исследования единогласно говорят о том, что за период от 1750 до 1789 г. Франция имела необычайное число хороших урожаев, которым противостояли лишь три, правда очень тяжелых, неурожайных года (1768, 1785 и 1789). Наиболее счастливыми были 1760—1765 годы, и поэтому как раз на них приходятся законы, допускавшие наибольшую свободу хлебной торговли.

Различные теории в политике хлебной торговли явились, как я показал в начале этой главы, исходной точкой аграрного движения, и спор о практическом осуществлении этих теорий или об отказе от них оставался во Франции вплоть до революции центральным пунктом хозяйственных интересов.

Постановление Государственного Совета от 17-го сентября 1754 г. было первым успехом защитников свободы хлебной торговли. Но оно в столь малой степени было осуществлено на деле [2]), что молодая школа физиократов должна была в полном вооружении ринуться в бой за свободу торговли.

Успех этой борьбы известен: 25-го мая 1763 г. была издана декларация, которая, исходя из убеждения, что только совершенно свободная конкуренция в хлебной торговле может уничтожить вызванное монополией зло, отменила существовавшие суровые ограничения *внутри королевства*, „чтобы поощрить сельских хозяев в их труде и даровать этой драгоценнейшей части наших подданных совершенно особые знаки нашей заботы об их интересах“ [3]).

Эта декларация была издана при Бертене. 21-го ноября за ней последовал указ, разрешавший свободный вывоз для всех сортов муки, который в скором времени был распространен и на все другие хлеба за исключением

---

[1]) D'Argenson, Journ. et Mém. (Ed. Rathéry), II, стр. 149, 159, 165, 177, 186; III, стр. 6, 84—5, 125—6, 169—172; V, стр. 124; VI, стр. 39 и т. д.—См. также Théron de Montaugé, L'Agriculture et les classes rurales dans le Toulousain (1869), стр. 159 и сл.—Naudé, op. cit., стр. 60—61.

[2]) См. Oncken, Entstehen und Werden der physiokratischen Theorie. Vierteljahrschrift für Staatswiss. V, стр. 137.

[3]) Declaration pour la circulation des grains dans le royaume en exemption de droits; Versailles, 25 mais 1763; Isambert, Recueil, XXII, стр. 393.—У Афанасьева, Le commerce des cereales en France (Paris 1894), стр. 211, ошибочно стоит в качестве даты 25 июня.

пшеницы и смешанного зерна [1]). Однако, несмотря на благоприятный урожай и на все более громкие пожелания даже самих парламентов, Бертен не мог решиться дать свое согласие на полную свободу внешней торговли. Он уступил пост генерального контролера Л'Аьердя, при котором в июле 1764 года был издан „L'edit concernant la liberté de la sortie et de l'entrée des grains dans le royaume" [2]).

К заключавшимся в этом законе ограничениям мне еще придется возвратиться при более детальном рассмотрении отношения правительства к хозяйственным вопросам эпохи. Первое время он был всеми принят, как победа свободы и как начало нового расцвета сельского хозяйства [3]).

Надежды, которые возлагались на эту новую свободу, оказались, конечно, слишком большими для того, чтобы они все могли быть осуществлены в действительности. Интересам деревни противостояли интересы города. Достаточно было скудного урожая 1767 г. и плохого урожая 1768 г., чтобы обречь свободу хлебной торговли на насмешки Галиани.

При Тюрго она вскоре возродилась, чтобы сойти со сцены благодаря интриге задетых ею купцов, ненависти реакционных парламентов и мелкому честолюбию Неккера. В 1787 г. она снова возродилась вследствие стараний Калонна, чтобы вскоре погибнуть благодаря Неккеру.

Однако все эти колебания правительственной политики не смогли подорвать раз уже достигнутого подъема сельско-хозяйственной жизни.

Начиная приблизительно с 1750 г., на французском рынке почти непрерывно господствовали высокие цены на хлеб. Если чрезвычайно хорошие урожаи 1761—1764 г.г. и привели к понижению цен, то последние снова быстро повысились после издания либеральных законов 1763—1764 г.г., достигли своего наивысшего состояния в 1770—1774 г.г. и оставались почти непрерывно на очень высоком уровне вплоть до вздорожания 1789 г., когда они сделали чрезвычайно большой скачок вверх [4]).

Благодаря этому к сельскому хозяйству начали притекать долгожданные капиталы, и спекулирующий капитал снова стал стремиться принять участие в сельско-хозяйственной прибыли [5]). Следствием этого была более высокая оценка имений, нашедшая свое выражение прежде всего в росте земельных цен [6]).

---

[1]) Afanasiev, op cit., стр. 212.—См. также Arrêt du Conseil d'Etat du Roy qui permet la sortie à l'Etranger des menue Grains, Graines et Grainailles, des Feves et autres Légumes par tous les ports indistinctement du Royaume. 2 janv. 1764. Напечатано в Journ. Oeconom. (1764, Fevr.), стр. 58.

[2]) Isambert, Recueil, XXII, стр. 403—4.

[3]) Правительство само говорит: „Мы признаем достойным наших непрерывных забот о благе наших народов и нашей справедливости по отношению к земельным собственникам и арендаторам даровать им свободу, которую они так сильно желали". Isambert, loc. cit.

[4]) Ср. таблицы у Araskhaniantz, Die Franszösiche Getreidehandelspolitik, стр. 122, 147 и 165,—Afanasiev, Commerce des céréales, стр. 545 и сл.—C. Bloch, Histoire économique, стр. 73 и сл. Lafarge, L'Agriculture, стр. 70—71.—См. также Naudé, Die Getreidehandelspolitik, стр. 63.

[5]) Тогда появились даже проекты организации сельско-хозяйственных кредитных касс. См. 13 заседание Комитета управления сельским хозяйством. Речь Любера—у Pigeonneau et Foville, op. cit., стр. 96.—La 5 lession de l'Assemblée provinciale de Bourges: Girardot, op. cit., стр. 311.—См. план устройства „Banque rurale", у Boncerf, La plus importante et la plus pressante affaire ou la nécessité et les moyens de restaurer l'Agriculture, 55—56.—Ср. также C. Bloch, Projet du crédit Agricole au siecle dernier, в ero Hist. econom., стр. 227—238.

[6]) „Разве уже позабыли о низких ценах, до которых дошли земли, менее 20 лет тому назад. Если эти цены повысились за последние годы вследствие того, что

„Если принять все во внимание, —говорит Авенель об этом подъеме, —то нужно будет признать, что во второй половине XVIII века имел место, может быть, наиболее быстрый прогресс, отмеченный анналами нашей хозяйственной жизни. Гектар пригодной для обработки земли, стоивший в первую четверть века около 265 франков, повысился во вторую четверть до 344 франков, в третью четверть—до 515 франков и в последнюю четверть века достиг 764 франков“ [1]).

Этот финансовый подъем сельского хозяйства вызвал никогда небывалое до тех пор соперничество в земельной мелиорации, в возделывании заброшенных в течение уже многих лет нашен, в повсеместной разработке земель, „которые,—как выражается Розье, с удивлением чувствовали, что их поверхность бороздится плугом“ [2]). Время жалоб на то, что из заложенных земель можно составить целые провинции [3]), миновало. Кондорсе, Лавуазье, Розье и многие другие, имевшие более или менее ясное представление о современном им состоянии сельского хозяйства, свидетельствуют, что положение сельского хозяйства в худшие дни правления Людовика XVI было лучше, чем в самые блестящие времена Людовика XIV, что никогда земля не обрабатывалась так хорошо, и население не возрастало с такой быстротой, как в это время [4]). В своих воспоминаниях Ив. Бенар рассказывает об улучшении жилищных условий и питания, о повышении заработной платы, об уменьшении задолженности мелкого крестьянства в период 1765—1780 г.г. [5]). Даже сам Артур Юнг, которого можно упрекнуть в чем угодно, только не в слишком розовом отношении к состоянию французского сельского хозяйства, должен был установить распространившееся на все провинции возрастание цен и заработной платы за последнее двадцатилетие и заключить на основании этого „политико-экономического факта“ о прогрессирующем развитии сельского хозяйства.

Почти никто из новейших исследователей старого порядка не смог пройти без изумления перед фактом этого огромного хозяйственного подъема Франции за время от 1750 г. до 1789 г. [6]). Но большинство из них исследовали лишь

стали больше думать о деревне... и т. д.“. Butel-Dumont, Recherches (1779), стр. XXIII.—На собрании нотаблей 1787 г. в одной записке говорится о королевских доменах: „Вот почему королевские домены приняли столь небольшое участие в этой революции, которая за последние 20 лет почти удвоила доход со всех земель“. Arch. parl., I, стр. 223.—„Ценность земли почти удвоилась за сорок лет“. Mem. de la ville d'Angoulême; ibid., II, стр. 22.

[1]) Avenel, Hist. économ., I, стр. 389 и сл.—См. также Babeau, Histoire de Troyes (1873), I, стр. 27.—Rey, Les cahiers de Saint-Prix (Paris 1892), стр. 156.

[2]) Rozier, Cours I, стр. 176, 1-ый столбец.

[3]) Mirabeau, Ami I, стр. 310—311.

[4]) Mém. du Lavoisier du 31 jouillet 1787; Pigeonneau et Foville, op. cit. Introd. стр. XXXII.—Rozier, Cours I, стр. 176—177. Condorcet, Notes sur Voltaire. Oeuv. IV, стр. 402.

[5]) Souvenirs d'un Nonagénaire. Memoires de F. Yves Besnard, publ. par. C. Port (Paris 1888) I, стр. 82—83 и 300—301.

[6]) Ср. прежде всего: Tocqueville, L'Anc. Rég. (6.1877), стр. 251—262.—Lavergne, Economie rurale de la France (1860), стр. 3—4.—Idem, Les economistes, стр. 206.—Alf. Maury, La population agricole; Rev. des Cours litteraires IV, стр. 586—590.—P. de Casteras, Hist. de la Rev. dans le pays de Foix (Paris, 1876), стр. 15.—Bussière, La Revolution en Perigord, I стр. 112—113.—Babéau, La vie rurale, стр. 108—109 и 121.—Marion, Les roles du vingtième; в La Revolution Franç. XXVII, стр. 423.—Idem, Les classes rurales; Rev. des Etudes Hist. LXVIII, стр. 460 и сл.—Calonne, La vie agricole, стр. 73—74.—Кареев, Лучицкий, Sagnac, Avenel также согласны в этом вопросе.—A. Lichtenberger в своей статье „La question ouvrière en France au XVIII-e siecle“ показал недавно, что и индустрия с 1750 года пошла во Франции навстречу новому расцвету. Rev. d'Hist. Mod. et Contemp. III, стр. 31 и сл.

влияние этого прогрессивного движения на политическую жизнь. Однако наиболее непосредственное и сильное воздействие оно оказало как раз на формы обработки земли и сельско-хозяйственного производства.

2. *Распространение новых систем обработки.*

Как я уже показал, со времени выступления Дюгамеля, Патюлло, Кене и Мирабо во Франции велась неутомимая пропаганда в пользу распространения более интенсивных форм возделывания земли. Никогда обстоятельства не складывались так благоприятно для попыток в данном направлении, как в этот период роста, когда гений французской нации обратился, казалось, целиком к хозяйственной стороне жизни [1]).

В пятидесятых годах мы встречаемся лишь с отдельными попытками богатых и передовых землевладельцев, отважившихся усовершенствовать свое хозяйство согласно новым системам или вводить новые культурные растения. Все же уже в 1754 г. Дюгамель не мог скрыть своего удовлетворения по поводу возрастания числа любителей сельско-хозяйственного прогресса, „которых он знал во всех провинциях королевства": он уже не мог считать „своим только делом" все производившиеся кругом попытки в области усовершенствования обработки, изобретения новых орудий и разрешения общих сельско-хозяйственных проблем. Они, по его словам, превратились в общее дело многих; образовалась своего рода сельско-хозяйственная академия, члены которой были рассеяны по всем провинциям королевства и даже по чужим странам [2]).

Когда же около 1760 года для сельско-хозяйственных производителей начались обильные годы, земледельческий фанатизм (le fanatisme de l'Agriculture) охватил самые широкие круги. Казалось, какой-то трубный глас пробудил собственников и владельцев имений из их сонного состояния, и пусть возродившаяся забота о своей земле была лишь своего рода „модой", как того опасались многие, все же она принесла с собой ту пользу, что всюду стали испытывать всякого рода мелиорации и реформы [3]). „Всякая более интенсивная система земледелия возможна лишь при более высоких ценах на продукты" [4]): время от 1750 до 1783 г. является лучшим доказательством этого положения.

Во Франции был введен тогда ряд новых культур, и прежде всего, ставший столь важным как для народного питания, так и для более изысканного стола картофель. Это растение, медленно проникавшее во Францию из Англии и Швейцарии, получило более широкое распространение лишь после того, как Дюгамель предложил в 1762 г. превосходный способ его возделывания [5]).

---

[1]) „Повидимому, гений науки действительно обратился в настоящее время к экономической сфере; мы поэтому не должны пренебрегать ни одной ветвью этого огромного дерева". Journal Oeconom. (1763, janvier) стр. 11.

[2]) Duhamel, Traité IV, Preface, стр. I—III.

[3]) „Раздававшиеся по этому поводу призывы,—говорится в одной характерной статье Journal Oecon.,—пробудили земельных собственников и владельцев. Каждый теперь стремится улучшить свои владения. Всюду говорят о разработке нови и пытаются проводить реформы... Все это может послужить к добру. Дух французов в общем стал расслабленным; необходимо, чтобы что-нибудь пробудило их из спячки. Мода всегда была и будет их тираном". Reflexions sur l'etat actuel du Royaume relativement à l'agriculture et à la population (1763, jouillet), стр. 296—297.

[4]) Roscher, Nationalökonomik des Ackerbaues (1888), стр. 110.

[5]) Duhamel, Eléments de l'Agriculture, II, стр. 163—169 („De la pomme de terre, que quelques uns nomment improprement Patatte ou Truffe rouge").—См. также Fraas, Gesch. der Landwirtschaft, стр. 433—434.—Demportes также сообщает в 1763 г. об возделывании картофеля. Le Gentilhomme Cultivateur, V стр. 126 и сл.

Ранее всего его стали сажать в Бретани, Фландрии, Пикардии, Франш-Конте и Бургундии [1]). Тюрго принял меры к его возделыванию в Лимузене, герцог де-Бролью — в Сентонже, Жар-Повилье — в Пуату, а сестра министра Бертэна в Перигоре [2]). Наиболее страстным пропагандистом картофеля стал однако Парментье. Неурожайные годы пришли здесь, как и в Германии, на помощь благим стремлениям этих людей. Написанная для получения премии Безансонской Академии работа Парментье: „Recherches sur les végétaux nourissants, qui dans les temps de disette, peuvent remplacer les aliment ordinaires" (1771) вызвала величайшее внимание к себе в научных и правительственных кругах. Бюффон, Добантьон, Жюссьё, Кондорсе, Бертен, Вольтер оказали тогда содействие распространению этого произведения. Людовик XVI привлек вскоре Парментье ко двору и предоставил для его опытов 54 моргена невозделанной земли в Саблонской равнине. Сверх всякого ожидания эти последние удались весьма хорошо, несмотря на плохую почву: король пришел в восторг от нового растения; 25 августа гордая Мария Антуанетта и весь двор украсили себя цветами картофеля: его плоды должны были впредь подаваться ежедневно к королевскому столу [3]).

Вскоре весь свет начал подражать двору, и именины короля оказали распространению „Parmentière" гораздо большее содействие, чем все писания сельско-хозяйственных обществ в предшествовавшие десятилетия. В особенности культура картофеля двинулась вперед в парижском генеральстве, где в 1766 г. его возделывали еще очень мало [4]). Опыты, произведенные в Саблонской и Гренельской долинах, были ревностно возобновлены, особенно после неурожайного 1785 года, и как Société Royale d'Agriculture, так и Comité d'administration de l'Agriculture, с большим рвением и весьма успешно содействовали распространению этой „пищи бедных", как тогда уже называл картофель де-Шанса [5]).

Так же, хотя и не с таким рвением, распространялись тогда культуры марены (Garance) и шелковичного дерева [6]). Но прежде всего все более возрастало возделывание таких безусловно необходимых для интенсификации сельского хозяйства кормовых растений, как кормовая репа, турнепс, люцерна, эспарцет и т. д.

Уже в начале шестидесятых годов Journal Oeconomique сообщает, что в большинстве провинций с каждым годом увеличивается количество искусственных лугов (prairies artificielles), и что благодаря этому повышается число голов скота, и становится менее ощутимым недостаток в навозе [7]). К концу семидесятых годов и здесь, повидимому, начинает наблюдаться некоторый застой [8]); но приблизительно с 1783 г. северные провинции—Нормандия,

---

[1]) Moreau Kerlidu, Sur la culture des pommes de terre et l'avantage que l'on peut retirer de cette plante; Journal Oecon. (1762, Février), стр. 57—61.

[2]) Lafarge, L'agriculture, стр. 203 и сл.— Mémoires de Yves Besnard, I, стр. 324.— Bussière, La Revolution, I, стр. 120

[3]) Mauguin, Etudes I, стр. 369—372.—Lavergne, Les economistes, стр. 454.

[4]) Rozier, Cours I, стр. 266.

[5]) Mémoires d'Agriculture publ. par. Soc. roy. d'Agric. 1785, Printemps, стр. XXXII, Eté, стр. XXIII: 1788, Printemps, стр. 124; Automne, стр. 64—65; Hiver, стр. 46.— Pigeonneau et Foville, L'administration de l'Agriculture, стр. 182, 188, 237 и 307.

[6]) Lafarge, L'Agriculture, стр. 206—209.—Pigeonneau et Foville, op. cit. стр. 155 и 172.

[7]) Mem. sur les prairies artificielles; Journ. Oecon. (1761, Fevr.), стр. 59—67 и Nouveaux encouragements accordés à l'agriculture du Royaume; ibid. (1764, Fevr.), стр. 54.

[8]) Butel-Dumont, Recherches, стр. XXII.

Пикардия, Артуа, Фландрия, также Эльзас, а на юге равнина Гаронны—возобновили энергичную борьбу с пустым паром [1]).

Засуха 1785 г., на ряду со всем принесенным ею злом, привела к тому положительному результату, что ясно показала превосходство областей с производством искусственных кормов над областями с естественными пастбищами; ибо в первых могла быть спасена, по крайней мере, значительная часть скота, подвергавшегося опасности погибнуть от бескормицы [2]).

Конечно, этот прогресс не следует изображать в слишком уже блестящих красках. Нельзя отрицать того, что во Франции в 1750—1789 г.г. имел место значительный подъем французского земледелия [3]), однако, под этим подъемом следует понимать не повышение общего уровня сельского хозяйства, но лишь отдельные, наблюдающиеся в наиболее благоприятных или наиболее промышленных пунктах, улучшения.

Если же, напр., мы возмем парижское генеральство, в котором Королевское сельско-хозяйственное общество делало очень много для распространения более интенсивной культуры, и где существовали „Comices agricoles", при посредстве которых можно было вступить в тесную связь с самими сельскими хозяевами, и проследить, опираясь на сочинение Жильбера, отдельные округа, то знакомство с новыми культурами и более интенсивными приемами обработки мы найдем лишь в округах: Париж, Бове, Компьен, Мант, Понтуаз, Монфор, Мо, Куломьер, Мелен, Жуаньи, между тем как в округах Санлис, Дре, Розей, Этамп, Прованс, Немур, Монтро, Санс, Ножан, С.-Флорантен, Тоннер и Везлэ старая рутина оставалась в почти или совершенно нетронутом виде [4]). Даже в окрестностях Парижа к самой сущности правильной плодосменной системы, несмотря на все рвение Розье [5]) и несмотря на крупные успехи ее в Англии и Фландрии [6]), в восьмидесятых годах подошли не очень близко [7]). В еще меньшей степени это должно было иметь место в большинстве средних и южных провинций, над которыми, если употребить выражение Юнга, все еще тяготел позор жалкой трехпольной системы.

В Оверни, Булонне, Берри, Анжу, Мене, чтобы назвать только некоторые из этих провинций, первое время почти все усилия воодушевленных поборников прогрессивного сельского хозяйства оставались напрасными; кре-

[1]) Rozier, Cours V, стр. 715—717.—Cretté de Palluel, Mémoire sur les avantages et l'economie que procurent les racines etc.; Mém. d'Agriculture, 1788 Eté, стр. 17.—Marquis de Guerchy, Extrait d'un voyage fait en Normandie et en Picardie; ibid. Hiver, стр. 65, 71 сл. и 83.—Gilbert, Recherches sur les espéces des Prairies artificielles; ibid. Printemps, стр. 231.—Young, Reisen, I, стр. 180—181, II, стр. 39—65, 102 и 156.—Lettre de Babeuf à Dubois de Fosseux; Advielle, Correspondance, стр. 222—223.—Pigeonneau et Foville, L'administration, стр. 29 и 205.—См. также Calonne, La vie agricole, стр. 80 и сл.

[2]) Extrait des observation faites pendant les mois d'Oct., Nov. et Dec. 1785; Mém. d'Agric. 1785 Aut., стр. 170—171.

[3]) Об этом ср. также Lafarge, L'Agriculture, стр. 210—211.—Avenel, Hist. écon. I, стр. 295—296.—Fraas, Geschichte der Landwirtschaft, стр. 485.—Afanasiev, Commerce des céréales, стр. 159.—Araskhaniantz, Die Getreidehandelspolitik, стр. 146.

[4]) Gilbert, Topographie agronomique de la Généralite de Paris; Mem. d'Agric. 1783, Hiver, стр. 106—137.

[5]) На его родине Безье над ним только смеялись; см. Young, Reisen I, стр. 59—60.

[6]) См. также Mémoire sur la culture d'un village du Brabant, vers la Campine, par M. le Compte de Respani, Mém. d'Agric. 1788, Printemps, стр. 1—27.

[7]) См. напр. рассуждения Жильбера: „Les plantes vivaces, dont on forme des prairies artificielles, doivent-elles être semées seules ou associées à des grains?" Mém. d'Agr. 1788, Printemps, стр. 144 и сл.

стьяне там знали „о турнепсе, травах и овцах часто так же мало, как и гуроны" [1]).

Причина этого лежала частью в том упорстве, с которым придерживались крестьяне традиции. Уже Паттюлло сравнивает упорство крестьянской традиции с закоснелостью фландрских рыболовов. Если последние случайно находят макрели в сетях, которые они закинули для ловли сельдей, то они сейчас же выбрасывают макрели обратно в море, потому что отцы их всегда ловили их только на крючек [2]). В легкомысленное после появления книги Паттюлло, тридцатилетие эта закоснелость ослабла лишь весьма мало. Дебаты Comices Agricoles 1788 г. дают об этом весьма наглядное представление [3]).

4. Попытки создать новые хозяйственные формы.

Как бы ни была велика малоподвижность крестьянского населения, гораздо бо́льшее значение имели тогда те препятствия, которые возникали впереди желающим итти вперед рука об руку с более высокими сельско-хозяйственными знаниями эпохи, препятствия, которые освящались не только многовековыми привычками, но в еще большей степени хозяйственными интересами известных групп населения.

Мы хорошо знаем, какой огромный резонанс получило слово „свобода" в XVIII веке. В бо́льшей части Европы оно превратилось в молот, раздробляющий все почти виды социального принуждения, все общественные оковы, оставшиеся еще от средневековья. Во Франции, где индивиды, за исключением нескольких сотен тысяч mainmortables, были совершенно свободны, вся его тяжесть обратилась против ограничений, которые еще стесняли свободное пользование и распоряжение частной собственностью.

Поэтому, когда умами овладел горячий интерес к сельскому хозяйству, наиболее тяжело стали ощущаться ограничения, стеснявшие сельского хозяина в свободной обработке той земли, на которой он сидел.

Маркиз д'Аржансон одним из первых начал борьбу за свободу обработки земли [4]); вскоре Кене облек это стремление в слова, которые даже спустя тридцать лет оказались еще настолько яркими, что смогли оказать определяющее влияние на формулировку декретов первого Национального Собрания [5]).

Главными причинами, препятствовавшими быстрому прогрессу в области сельского хозяйства, были—оставляя в стороне феодальные отношения, которые я рассмотрю особо, — *земельная чересполосица* и *принудительный севооборот*.

Если Франция Старого Порядка распадалась на большое число мелких владений и на еще бо́льшее количество арендных участков и наследственных

---

[1]) Girardot, Les assemblées, стр. 391. — Pigeonneau et Foville, Rapport de M. Lavoisier, стр. 9 и Mémoire de Ligonnier de Prans, стр. 27.—Young, Reisen II, стр. 86—87, 118 и сл., 249. Юнг возмущается прежде всего дурным состоянием скотоводства, которое, за исключением Нормандии, Нижнего Пуату, Лимузена, Кьерси, Гиени „составляет почти нуль". III, стр. 35—36.—Ср. также Marion. Etudes classes rurales, Revue des Etudes Hist. LXVIII, стр. 451.—Tocqueville, L'Anc. Rég. стр. 197.

[2]) Pattullo, Essai (1759), стр. 205.

[3]) Mém. d'Agric. 1788. Hiver, стр. 5—36; см. также ibid. 1786, Hiver, стр. XII.

[4]) Ср. Alem, Le Marquis d'Argenson (1900), стр. 76 и сл.

[5]) „Пусть каждый,—гласит 13-ая из его Maximes générales,—свободно возделывает на своем поле те продукты, выращивать которые позволяют его интересы, состояние и природа почвы, чтобы извлечь из нее возможно больший доход". Quesnay, Oeuv. стр. 333—334.

держаний, то раздробление этих имений и именьиц, и не в меньшей степени и самих крупных поместий, на разбросанные парцеллы было уже совершенно чудовищным.

Во многих местах земли были „так перемешаны между собой и так плохо распределены, что это обстоятельство приносило неисчислимый вред их обработке“: многочленные собственники настолько отпугивались неприятностями, возникавшими из „стеснительной и нелепой чересполосицы“, что они бросали свои поля и оставляли их невозделанными [1]).

По мере увеличения интереса к сельскому хозяйству возрастали в следующие десятилетия и жалобы на это положение [2]). Изучение условий сельскохозяйственного производства экономической наукой показало,—Дюгамель дю-Монсо был и здесь одним из первых учителей,—какая масса времени и труда теряется совершенно бесполезно благодаря обработке полей, страдающих такой чрезмерной чересполосицей [3]).

Но, с точки зрения попыток ввести плодосменную систему, еще более вредным было другое следствие чересполосицы: именно то обстоятельство, что все хозяева одного округа должны были следовать одной и той же системе обработки.

Каждый видел себя вынужденным вопреки собственным убеждениям и потребностям, наперекор даже природе самого поля, как выражается автор „Réflexions sur le morcellement“, следовать принудительному севообороту кантона—„usage des sols du canton“. Все почти арендные договоры заключали в себе обязательство для арендатора „de labourer les terres par soles et saisons convenables et de ne les point dessoler ni dessaisonner“, т.-е. твердо придерживаться трехпольного хозяйства, не засевать всех полей одновременно рожью, не сеять ржи на поле, которое должно было быть под овсом или под паром, не вводить никаких изменений, которые могли бы нарушить порядок севооборота, истощить или утомить почву. Таким образом порядок обработки земли и сбора урожая являлся принудительным: против арендаторов, не соблюдавших этих постановлений, землевладельцы могли возбуждать иски о возмещении убытков („dommages et intérêts“) [4]). Отдельное лицо вообще не могло нарушать этих правил, не рискуя подвергнуть свой урожай разграблению со стороны собирателей колосьев или даже „регулярно“ жнущих соседей [5]).

С принудительным севооборотом было тесно связано и другое вызывавшее много споров препятствие для сельско-хозяйственного прогресса: так называемое „parcours“ или „vaine pâture“.

---

[1]) Turbilly, Mémoire, стр. 304.

[2]) Ср. Duhamel, Elémens: Lib. XII, art. 2: „Слишком большое раздробление земельных участков составляет в некоторых провинциях огромное препятствие прогрессу земледелия“ II, стр. 375 и сл.—Journ. Oecon. говорит о „чрезмерном разделении земли... земля настолько раздроблена во всех наших провинциях, и участки так разделены между жителями прихода, что большинство участков имеют всего несколько першей в ширину: так что простой земледелец, обладающий в среднем... участком в 30 арпанов, имеет более сотни отдельных клочков, весьма удаленных один от другого“. Reflexions sur le morcellement ou la trop grande subdivision des terres (1763 Levr.), стр. 61.—Fresne, Traité d'Agriculture (1788) III, стр. 160.

[3]) Duhamel, Elements le loc. cit.—Reflxions sur le morcellement, стр. 160—161.

[4]) Code Rural (1749), стр. 112—113 („Devoirs et Droits du Fermiér“).—Encyclopédie, art. „Dessoler“; IV (1754) стр. 894.—Liger, La Nouvelle Maison Rustique (1762), I, стр. 505—506.—Rozier, Cours (1782) II, стр. 123.—Labergerie, Recherches (1788), стр. 179—180.

[5]) Journ. Oeconom. (1763, Fevr.), стр. 61—62.—Ср. также Saguac, La législation civile, стр. 67—68.

„Vaine Pâture" представляло из себя обычное право всех хозяев сообща пасти свой скот на всех полях местности немедленно после обычного для данного района конца уборки урожая [1]). „Parcours" расширял это право за пределы отдельных общин, распространяя его на территорию соседних деревень.

Едва ли какое-либо другое право Старого Порядка противоречило в бо́льшей степени выдвигавшемуся тогда праву свободного распоряжения собственностью.

„Vaine Pâture" совершенно губило поля всех тех, кто собирал свой урожай не одновременно с соседями или возделывал особые кормовые растения или устраивал многолетние искусственные луга [2]).

Право огораживать свои поля не давало большой защиты. Не говоря уже о том, что огораживание разбросанных участков являлось иногда невозможным или слишком дорогим, что во многих местностях сеньер мог их запретить [3]), и что нередко крестьяне сами не признавали этого права и разрушали ограды, даже огороженные луга должны были быть открыты для общей пастьбы тотчас же после уборки первого урожая [4]).

При подобном хозяйстве об улучшении пород скота можно было так же мало думать, как об удачных попытках ввести новые или лучшие культуры. Еще в 1786 году жаловались на то, что „право свободного выпаса является величайшим препятствием для распространения плодосменной системы", и называли его злоупотреблением, противным религии, здравому человеческому смыслу и справедливости [5]).

Лишь немногие сельские учреждения вызывали против себя с 1760 г. такую борьбу, как Vaine Pâture, и лишь немногие держались так крепко, как она [6]).

Таким образом чересполосица, принудительный севооборот и право свободного выпаса вместе составляли одного змея о трех головах, и ни одну из них нельзя было отрубить, не трогая других.

„Люди устроены таким образом,—говорит Рошер,—что всякое значительное усовершенствование является обычно результатом успехов, достигнутых выдающимися людьми. Толпа простых людей идет за ними более или менее медленно и упираясь. Там, где существует система хозяйств с чересполосными участками, самый последний член деревни не только отстает сам по себе, но задерживает подобно свинцовой гире всякое стремление вперед более высоких натур" [7]).

---

[1]) Guépin, Traité d'economie sociale, стр. 12.—Вопрос о том, могут ли пользоваться правом Vaine Pâture только земельные собственники и арендаторы, или также сельско-хозяйственные рабочие и бедняки, разрешался, начиная с XVII века, большею частью в интересах последних. См. Henrion de Pansey, Dissertations féodales (Paris 1789) I, стр. 469 и сл.

[2]) Reflexions Oeconomiques et politiques sur l'agriculture du Valage, Des abus de la Vaine Pâture et de la movaise administration des prés; Journ. Oecon. (1766 Mars), стр. 122—124.

[3]) Code Rural, I, стр. 83: „Cas, où' il n'est pas permis de se clore".

[4]) Ibidem, стр. 82 и Rozier, Cours VII, стр. 438.

[5]) Rozier, Cours VII стр. 439—440.

[6]) Ср. Duhamel, Elements, Lib. XII, art. III: „Vaine Pâture и Parcours образуют непреодолимое препятствие прогрессу земледелия", II, стр. 377 и сл. — Memoire sur le morcellement; Journ. Oeconom. (1763, Fevr.) стр. 61—62.—Quatrieme Tenue de l'ass. prov. de Bourges (1783); Girardot, стр. 271. — Pigeonneau et Foville, L'administration, стр. 136, 319 и 334.—Mém. d'Agric. 1788 Hiver. стр. 123.—Young, Reisen, II, 146 и сл.

[7]) Nationalökonomik des Ackerbaues (1885), стр. 276.

Трудности, связанные с преодолением чересполосицы, хорошо сознавались людьми XVIII века. Чтобы бороться с ними, французы обратили свои взоры на Англию, где уже тогда применялось принудительное объединение мелких участков [1]). Но вскоре заметили, что, дав положительные результаты, принудительное уничтожение чересполосицы разорило много мелких крестьян, опустившихся до „жалкого положения поденщиков". Физиократы, конечно, могли одобрить это средство, но многочисленным сторонникам мелкого производства оно должно было быть не по душе. Поэтому их стремления были направлены на уменьшение „droits d'échanges", уплачивавших до сих пор сеньеру или королю при обмене земельных участков, или к добровольному уничтожению чересполосицы, которое должно было происходить без вмешательства государства по взаимному соглашению земельных собственников (échenge de gré à gré" [2]). Правда, в 1788 г. Fresne высказал мысль, что подобный добровольный обмен участками должен был быть поощрен особым налогом на разбросанные земельные парцеллы [3]).

Но прежде чем можно было подумать об успешном и всеобщем уничтожении чересполосицы, нужно было освободить земельную собственность от лежавшей на ней принудительной повинности Vaine Pâture. А сделать это было тем труднее, что последняя признавалась правомерной многими кутюмами [4]).

Правда, в некоторых из северных провинций огораживания („Clôture") пользовались фактически защитой но, как я уже упомянул, этого совершенно не было в большинстве других. Даже в охотничьих угодьях короля („plaisirs du Roi") за разрешение огородить свою землю приходилось платить очень тяжелые взносы [5]).

Однако, когда, начиная с 1760 г., стали все громче и громче требовать права производить огораживания, „во все время считавшиеся душой хорошей культуры" [6]). Людовик XV попытался законодательным способом урегулировать этот вопрос.

11 июня 1767 г. „Cour Souveraine de Nancy" зарегистрировала распространявшийся на Лотарингию эдикт короля, который открыто выступил против права свободного выпаса, разрешая в очень широком объеме огораживания, и вызвал поэтому среди землевладельцев величайшую радость („le plus vif empressement") [7]). В 1769 г. правительство разослало сходную деклара-

[1]) „Англичане, сознав эти неудобства, не поколебались узаконить принудительный обмен, подчиняя тем не менее оценку меняемых участков контролю экспертов". Duhamel, Elements, II, стр. 376.—См. также Fresne, Traité d'Agriculture, III, стр. 160—161.

[2]) Duhamel, ibid., стр. 377. Turbilly, Mémoire, стр. 304. - Réflexions sur le morcellement, стр. 62—63. Автор высказывает пожелание об издании, после уничтожения чересполосицы, закона против нового раздробления земли (стр. 63—64). Réflexions oeconomiques; Journ. Oecon. (1766 Mars), стр. 120. — Rozier склоняется скорее к принудительному уничтожению чересполосицы. См. Cours. V, стр. 802.

[3]) „Особый налог на земельные участки, независимый от поземельного налога, оказал бы содействие обмену мелких участков и поддержал бы в этом отношении порядок". Fresne, III, стр. 161.

[4]) „С трудом можно убедить себя в том, чтобы обычаи, столь варварские и столь враждебные развитию земледелия, были бы отчасти освящены кутюмами и встречали благоприятное или по крайней мере терпимое отношение со стороны местных судей". Duhamel, Elements, II, стр. 380—381.—См. также Code Rural, chap. XXII „Des prés et de pâturages", стр. 150—153.

[5]) Turbilly, Mémoire, стр. 284—285.

[6]) Demportes, Le Gentilhomme Cultivateur, II, стр. 27.

[7]) Avis interresant pour l'Agriculture de la Lorraine; Journ. Oecon. (1767 Juillet) стр. 303.

дию нескольким парламентам, но Парижский парламент зарегистрировал ее только для провинции Шампань; для всей же остальной Франции—за исключением северных провинций, Беарна, Франш-Конте, Бара и области трех епископств, где уже действовали подобные эдикты,—сходные постановления последовали только постепенно [1]). Во многих же случаях существовавший ранее порядок просто остался в силе [2]).

Однако, мартовский эдикт 1769 г. открыто признал пред лицом всего общества, что „Vaine Pâture" является весьма значительным препятствием „для улучшения полей, устройства конских заводов и увеличения количества скота". Он хотел открыть стране новые источники богатства, возвращая населению „естественную свободу пользоваться своими владениями" [3]).

Поэтому он разрешил сельским хозяевам любым способом огораживать их возделанные земли и отменил для защищенных таким образом участков право свободного выпаса под условием предоставления свободного прогона там, где этого требовала чересполосица. Осуществление же „droit de parcours" из деревни в деревню было, напротив, совершенно запрещено [4]).

Эти законодательные мероприятия, если только можно верить „оракулу английского сельского хозяйства", имели такой успех, что в 1790 г. половина всей пахотной площади Франции состояла из огороженных полей [5]). Конечно, этим далеко еще не были устранены препятствия для более интенсивного производства, как ясно показывает неустанная борьба, которую вели против них еще в восьмидесятых годах Сельско-хозяйственное общество и правительство [6]).

С этой борьбой была тесно переплетена и борьба из-за общинных земель. В них также видели преграду для свободного развития частной собственности и распространения более интенсивных культур.

В вопросе о приносимых ими пользе и вреде, почти все агрономы, экономисты и феодисты накануне революции единодушно высказались за их вредность [7]).

„Ces communes sont-ils utiles? Ils l'ont été et ne le sont plus", гласил приговор эпохи [8]). Сравнительно-статистическое исследование, произведенное автором „Traite des Communes" [9]) относительно двадцати деревень без общинных земель и двадцати деревень с общинными землями в Клермонском округе, казалось, вполне ясно доказывало хозяйственное превосходство первых.

---

[1]) См. Maugin, Etudes. I, стр. 365 и Avenel, Hist. économ., I, стр. 296.

[2]) Ср. 50-е Séance du Comite d'administration (15 „Dec. 1786); Discours de Lubert; Pigeonneau et Foville, стр. 350.—В 1783 г. парламенты еще высказывались за право „Parcours". Ibid., стр. 242.

[3]) Edit portant réglement pour la clôture des terres, prés, champs et peritages, situés dans la province de Champagne, avec abolition du droit de parcours de village à village. Versailles Mars 1769. Reg. P. P. 21 avril. Isambert, Recueil XXII, стр. 486—488.

[4]) Ibid. art. 1—5.

[5]) Young, Reisen II, стр. 183—184. Из этого, конечно, нельзя заключать, что на этой половине уже велось более интенсивное хозяйство, ибо Юнг тут же называет удивительной „безвкусицей" то обстоятельство, что на девяти десятых огороженных полей пар продолжал существовать в том же виде, что и на неогороженных. Стр. 185.

[6]) Ср. Mém. d'Agr. 1788, loc. cit.—Girardot, Les assemblées prov., стр. 278, 336 и 386.—Pigeonneau et Foville, L'administration, стр. 41, 136, 232, 319, 329 и 367.

[7]) См. Кареев, Les paysans, стр. 146.

[8]) Rozier, Cours, III, стр. 443.

[9]) Paris, 1779, chez Colombier.

В Австрии и Пруссии тогда начали делить общинные земли [1]). Этому примеру Франция стремилась последовать в некоторых местностях еще до революции [2]). Но почти всюду эта попытка наталкивалась на сопротивление, которое в равной мере направлялось и на уничтожение чересполосицы, отмену принудительного севооборота и Vaine Pâture, словом -против введения нового строя сельско-хозяйственного производства вообще. Это сопротивление было недостаточно для того, чтобы задержать поток нового времени, но все же в нем была такая сила, что в значительной степени благодаря ему в скором времени должны были прорваться все плотины, охранявшие существующий общественный порядок. *Низшие слои сельского населения*, вся собственность которых сводилась к небольшому количеству скота, клочку земли или просто к рабочей силе своих рук, должны были отнестись к новому движению безусловно враждебно.

Всякое соединение в одно целое чересполосных участков должно было временно ухудшить положение сельских пролетариев, вследствие той экономии в труде, которое оно приносило землевладельцам [3]). Огораживание полей, отмена права свободного выпаса и Parcours лишали их нередко единственных специальных источников дохода, находившихся в их распоряжении, как, например, надзор за стадами, прокормление небольшого числа голов скота и игравшая в XVIII веке довольно важную роль сборка колосьев [4]). Раздел общинных земель отнимал у них в известном смысле, и ту землю, на которую у них еще существовал известный вид собственности [5]). Ибо раздел земель имел место часто лишь среди землевладельцев и плательщиков общины и предложение де-Лабержери иметь в виду при разделах бедных и поденщиков, „дабы каждый мог свободно наслаждаться своею собственностью“ [6]), было принято во внимание только во время революции, когда „неимущие“ стали требовать аграрного закона [7]).

В первой главе я уже указал на то, как велико было, на ряду с вполне неимущими сельско-хозяйственными рабочими, число карликовых владельцев, находившихся „на пороге пролетариата“ и рисковавших при любом хозяйственном кризисе быть выбитыми из состояния равновесия. Благодаря тому перевороту, который начался в 1750 г., процесс пролетаризации малоземельных элементов стал действительно происходить все быстрее и быстрее, и ему не в малой степени содействовало благоприятное в общем для сельского хозяйства повышение цен [8]).

Но кроме указанных низших слоев населения, стремительно надвигающиеся нововведения в формах сельско-хозяйственного производства потребо-

---

[1]) Fraas, Gesch. der Landwirtschaft, стр. 312—317.

[2]) Кареев, loc. cit.

[3]) Ср. об этом Roscher, Nationalökonomik, стр. 278—279 и 280, примеч. 10.

[4]) См. Code Rural, chap. XXIX „Des Glaneurs“, стр. 140—141 и chap. XXX „La Chaume ou Estueilles“, стр. 142—144.

[5]) Henrion de Pansey, Dissertations I, стр. 470—472.

[6]) „.... наконец, все снова и снова повторяя столь дорогое для нас положение, каждый из них стал бы вполне свободно пользоваться своею собственностью“, заключает Labergerie свои рассуждения. Recherches, стр. 87.

[7]) Ср. интересный „Adresse à l'Assemblée nationale par les non-propriétaires, habitants de la campagne, en Lorraine“, par Noel (Bibl. Nat. L b 39/3027).

[8]) Мерсье упрекает в 1772 г. физиократов в том, что, благодаря свободе хлебного вывоза, они отдали народ во власть голода и продолжает: „Позабыли о наиболее важной стороне, о рабочих, которые одни составляют три четверти нации. Их поденная плата нисколько не повысилась, и каждый фермер стал держать их в еще более тесной зависимости от себя; они не смогли успокоить голодного крика своих детей даже удвоенной работой“. L'an 2440, стр. 148—149.

жили еще другой, также многочисленный сельский класс и его, правда, чрезвычайно скромном существовании: я имею в виду класс мелких и мельчайших арендаторов.

Исследователи XVIII века большею частью несколько переоценили значение перемещения земельной собственности в качестве причины революции. Эпоха концентрации земельной собственности и образования крупных имений падает на период с XVI до начала XVIII века [1]. В самом XVIII веке, в особенности во второй его половине, снова обнаружилась тенденция к образованию мелких владений, благодаря чему несколько возросло число мелких собственников [2]. Но это движение было гораздо более слабым и оказало значительно меньшее влияние на социальную жизнь до революции, чем борьба, завязавшаяся между крупным и мелким производством.

С введением более интенсивной системы земледелия часто, как мы видели, связывалось стремление распространить и крупное производство в форме крупной аренды. Практика шла здесь почти рука об руку с теорией. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что в Париже уже в 1758 г. возникли общества, соединившие в своих руках более или менее значительные арендные имения по всей стране вплоть до Пиринеев [3]. Затем последовали два десятилетия господства физиократической системы, когда раздробление имения считалось „величайшим препятствием для прогресса сельского хозяйства", и когда „ежедневно увеличивалось" число крупных арендных имений [4].

Читая жалобы священников Mongnes и Bezinghen, писавших в конце семидесятых годов, можно подумать, что к этому времени все мелкие арендные участки во Франции были уже соединены в крупные: „арендные участки в 30, 20 и 10 mesures,—восклицает первый из них,—которые некогда давали убежище улыбающейся бедности, и где работа и умеренность отличали владельца, теперь исчезли". Даже хозяйства в 200 и 100 моргенов стали редки, и эта эпидемия („cette espèce de maladie épidemique) концентрировать имения с каждым днем распространяется все больше и больше [5].

„Тот же самый округ, тот же приход,—жалуется другой священник, в котором в настоящее время можно встретить лишь небольшое количество ферм, насчитывал их раньше сотню, а иногда и еще больше" [6].

Подобные известия несомненно преувеличены, но все же они дают яркую картину того впечатления, которое производило тогда возрастание числа крупных хозяйств.

В восьмидесятых годах, как в теории, так и в практике, стала замечаться сильная реакция против сторонников физиократов и крупного производства. Мы слышим о сеньорах, „qui divisent et subdivisent les lots et affermentent en détail", чтобы повысить арендные платы [7]. Правильная плодосменная система в мелких хозяйствах на северо-западе находит своих восхвалителей [8].

---

[1]) Avenel, Hist. économique, I, стр. 205 и 284 и сл.—Kareiew, Les paysans, стр. 129—133.

[2]) Ср. первую главу.—См. также Ph. Sagnac, La propriété foncière (Revue d'Hist. Mod. III, стр. 167).

[3]) Mirabeau, Ami (Ed. 1759) I, стр. 95—96.

[4]) Necker, Sur la législation; Oeuv. I, стр. 32.—Journ. Oecon. (1763, Fevr.), стр. 61.

[5]) Эти записки помещены в книге Abbé de Malvaux, Les moyens de detruire la mendicité (1780), стр. 412—413.

[6]) Ibid., стр. 413—414.

[7]) Rozier, Cours III, стр. 452.—О том же сообщает и Clicquot Blervache: см. Vroil, Etude, стр. 305.

[8]) Mém. d'Agric. 1788, Printemps, стр. I—27.

а Юнг в 1789 г. не может скрыть своего удивления перед всеобщей тенденцией к мелкой аренде во Франции [1].

Тем не менее, образование крупных хозяйств, повидимому, вовсе не прекращалось и в этом десятилетии. Мысль, что они являются более пригодными для введения интенсивной культуры, нашла, в особенности после 1786 г., опять своих ревностных защитников [2], и сведения менее пристрастные, чем свидетельства Брессо или Ретиф-де-ла-Бретона говорят нам о соединении в эту эпоху мелких аренд [3].

Этот процесс был, естественно, совершенно противоположен интересам мелких и средних арендаторов из среды крестьянства. Благодаря образованию крупных ферм они не только теряли свои владения и превращались в сельскохозяйственных рабочих, но лишались также надежды на то, что их дети смогут когда-нибудь основать собственное хозяйство.

Краткосрочность и необеспеченность арендных договоров легко позволяла крупным землевладельцам объединять мелкие арендные участки в крупные фермы; быстро вошел в обычай денежный выкуп, „piège si puissant auprès des malheureux“, что не менее быстро превращало крестьян в поденщиков. „Эту картину мы ежедневно наблюдаем собственными глазами“, утверждают уже в 1763 г. „Reflexions sur le morcellement“ [4].

С точки зрения физиократов это было то состояние, к которому и необходимо было стремиться. Но для народа более равномерное *распределение* хозяйственных благ всегда казалось желаннее, чем хотя бы и очень большое „национальное богатство“, и даже сопряженное с большими лишениями и трудом самостоятельное хозяйство крестьянин предпочитал тогда, как и всегда вообще, положению хорошо оплачиваемого работника у богатого арендатора [5].

Поэтому не удивительно, что класс мелких арендаторов, „sans cesse exposés à des emigrations forcées, ou ils dissipent leurs petites avances“, как говорит о них в 1786 Сельско-хозяйственное бюро Буржского провин-

[1] Reisen II, стр. 205—208.

[2] Так, напр., Délagorgue, Mémoire sur cette question: Est-il utile en Artois de diviser les fermes? (1786).—Herrenschwand, Discours sur la division des terres (1786).—Hassenfratz, Mémoire sur la comparaison des produits de la Culture du Bourbonnais avec celle de la Picardie. Mem. d'Agric. 1786, Automne.

[3] Так, напр., Extrait d'un Mémoire sur la necessité et les moyens de multiplier les Engrais etc. par J. B. Laval, Laboureur de la paroisse Courtacon et Membre des Comices Agricoles de Provins: Mém. d'Agric. 1788, Hiver, стр. 87.—Изучая помещенную в этом томе топоагрономическую таблицу Парижского генеральства, мы найдем, что даже в этой сильно парцеллированной местности по отношению к 18 из 22 округов имеются примечания: „Grande culture; avec des chevaux“, притом большею частью „louées en argent“.—„Столь богатая хлебом провинция Бос (Beauce),—говорит Брессо,—кишит нищими: это объясняется тем, что здесь слишком много крупных владений; в настоящее время один фермер эксплоатирует здесь участок, дававший некогда пропитание двадцати семьям“. Theorie des lois (1781), стр. 81.—Ла-Бретонн находит первопричину всех злоупотреблений „в слишком большом количестве земель, из которых богатые составляют свои фермы“. Le Thesmographe (1789), стр. 478. — Относительно роста крупных хозяйств в период 1750—1789 см. также Avenel, Hist. econom. I, стр. 250.—Marion, Les rôles du vingtième; La Rev. franc. XXVII, стр. 416—417.—Sagnac, La législation, стр. 60—61.—Boris Minzes, Die Nationalgüterveräusserung, стр. 6—7.—Baudrillart, La Normandie, стр. 104.—Kareiew, Les paysans, стр. 138—139.—Darmstaedter, Über die Verteilung des Grundeigentums, стр. 499.

[4] Journ. Oeconom. (1763, Fevrier), стр. 62—63.

[5] „... они предпочитают обрабатывать землю, оставаясь свободными и независимыми, чем помогать крупным владельцам и иметь хозяев“, говорит Dévérité о мелких арендаторах. La Vie et les Doléances d'un Pauvre-Diable (1788), стр. 127.

циального собрания, был накануне революции преисполнен ожесточения к крупным землевладельцам, пытавшимся ввести крупное производство [1]).

Здесь, таким образом, мы имеем дело с тем же зрелищем, которое нам уже приходилось наблюдать при рассмотрении попыток отменить устарелые ограничения в области сельско-хозяйственного производства. Сельско-хозяйственный прогресс (а именно так расценивали введение капиталистической крупной аренды ее сторонники, и отчасти не без объективного основания) встречал не только отрицательный, но зачастую прямо-таки враждебный прием со стороны другого многочисленного класса населения, который чувствовал в нем угрозу для своей собственности и надежд на лучшее будущее, и который, как мы уже видели при изображении симпатий к мелкой собственности и производству, мог при этом опереться на сильное литературное движение, отстаивавшее его интересы.

Эта вражда получила особенный отпечаток благодаря тому, что крупные землевладельцы большею частью принадлежали к дворянству и духовенству, словом к привилегированным, то-есть к классу, которому как раз в эти десятилетия была объявлена открытая война во всех областях политической и социальной жизни. Но крестьянин и сельский батрак начали, и это следует отметить, ненавидеть как раз передовые, а не реакционные элементы дворянства.

Абсентеизм дворянства в XVII и XVIII веках и вредные последствия этого обстоятельства для его имений слишком хорошо известны, чтобы здесь нужно было еще раз останавливаться на этом [2]). „Le titre de Gentilhomme de campagne est presque devenu un ridicule parmi nous".—пишет Мирабо в 1756 г. [3]).

Но к этому времени среди части дворянства стал наблюдаться уже перелом, который в последующие десятилетия начал захватывать все большие круги. Кене и его последователи усердно боролись против предрассудка, будто аренда земель обесценивает дворянина [4]). Сам король возвратил сельскому хозяйству его почетное положение, „не постыдившись взяться в Версали своею собственной рукою за плуг". Ранее столь презиравшееся занятие начало становиться „модным", и, что гораздо важнее, в 1760-х годах оно стало приносить хороший доход. Все, что было еще хорошего и сильного во французском дворянстве, обратилось тогда снова к сельско-хозяйственному производству.

Когда Дюгамель дю-Монсо, бывший сам дворянином, начал свою пропаганду в пользу интенсивной культуры, первыми, кто предоставил свои земли для новых опытов и попробовал усовершенствовать свои имения согласно новым системам, были дворяне [5]).

В последние годы Старого Порядка Мирабо, Тюрго, Лианкур и другие знатные роды посвятили свои силы подъему сельского хозяйства и привлекли

---

[1]) Girardot, Les assemblées, стр. 305.

[2]) Ср. Tocqueville, L'anc. rég., стр. 179 и сл.—Taine, L'anc. rég. стр. 64 и сл.

[3]) Mirabeau, Ami, I, стр. 178.—Сходно Goudart, Les intérêts (1756) I, стр. 67—68.

[4]) Quesnay, Oeuvr., стр. 351.—Dangeul, Remarques, стр. 39.—25 февраля 1720 г. дворянству было разрешено брать в аренду имения и сеньории принцев и принцесс королевской крови (до того времени это было разрешено лишь по отношению к королевским доменам): „sans que sous pretexte d'exploitation des dites Fermes, tant pour le passé que pour l'avenir, les dits Nobles puissent être inquiétés ni recherches pour cause de dérogeance à leur Noblesse et Privilège". Arrêt du Conseil d'Etat du Roi qui permet à toutes Personnes nobles, de tenir et prendre à ferme les Terres et Seigneuries appartenantes aux Princes et Princesse de Sang. Code Rural. стр. 355—356.

[5]) Ср. отчеты об опытах первых лет у Duhamel, Traité, II стр. 57, 79, 240, 259, 280; III, стр. 23, 39, 69, 74, 214; Eléments, I, стр. 470 и сл.

к нему внимание многих членов своего сословия. Многие дворяне стали опять сами хозяйствовать в своих имениях [1]); но все хотели повысить свои доходы.

Этот новый интерес образованного и все еще богатого капиталами класса принес очень большую пользу сельско-хозяйственному прогрессу [2]), и его последствия могли бы быть, быть может, еще более значительными, если бы французское дворянство сумело взять на себя соответствующую духу нового времени руководящую роль и в области социальной и политической жизни. Мы уже видели, что аграрное движение создало много серьезных поводов для столкновения между землевладельцами и находившимися до тех пор в приниженном состоянии слоями сельского населения. Но все же мы еще совершенно не затронули того змеиного гнезда споров и ненависти, которое растревожило участие привилегированных в этом движении, так как благодаря своему исключительному значению оно заслуживает особого рассмотрения: я имею в виду феодальные права.

II. Аграрное движение и феодальные права.

1. Феодальные права и сельское хозяйство в XVIII столетии.

Что нужно понимать под феодальными правами?

Великая революция во всех областях общественной жизни создала такую глубокую пропасть между нами и нашим прошлым, что мы лишь с трудом может понять сущность социальной структуры общества близкого к нам XVIII века.

Старый Порядок представляет из себя эпоху, когда запутанные отпрыски старинного прошлого переплетаются с роскошными всходами богатого будущего в одну сплошную непроходимую чащу. Даже признанные толкователи феодальной власти, легисты и феодисты, пытавшиеся в XVII и XVIII столетиях внести систему в запутанные отношения угасающей эпохи, почти всегда несогласны между собой и взаимно обвиняют друг друга в несостоятельности; и лучший из них, Эрве, незадолго перед падением Старого Порядка восклицает: „После продолжительного изучения я не имею даже точно отграниченных понятий ленных и наследственно-арендных договоров: для меня совершенно неясно, в чем заключается сущность каждого из этих договоров; я вижу, что ленные и наследственно-арендные договоры все еще не имеют точных определений“ [3]).

Для наших целей достаточно познакомиться лишь в общих чертах с отношениями, существовавшими между феодальным господством и сельским хозяйством: я попытаюсь обрисовать их в сжатом виде.

---

[1]) Rozier, Cours I, стр. 177.—Mém. d'Agric. 1788 Hiver, стр. 75.

[2]) Странное чувство недоверия к благородным сельским хозяевам проскальзывает в письме Дюбуа-де-Фоссе к Вабефу 31 августа 1787 г.: „В течение последних лет весьма значительное число сеньеров начинают покровительствовать земледелию, и в этом они, конечно, поступают хорошо, но в то же время они хотят вмешиваться в ведение дел... Крестьяне, по правде сказать, рутинеры, но я не знаю, не предпочтительнее ли их рутина по сравнению с тем духом системы, который обычно овладевает теми, кто желает стать хозяевами“. Adyielle, II, стр. 230.

[3]) Hervé, Théorie des matières féodales et censuelles (Paris 1775—1788. 7 томов in 12°) I, Préf., стр. I, III, 14, цитировано у Кареева, Les paysans, стр. 17, Note 2.— „Весь мир знает,—так начинает Germain-Antoine Guyot свое большое произведение, —что проблема феодов является самой обширной и самой трудной проблемой нашего обычного права... она ужасает всех, которые избирают судебное поприще“. Traité des Fiefs tant pour le pays coutumier que pour les pays de droits écrit. (Paris 1746, 4 тома in 4°) Sommaire, стр. I.—См. также d'Argenson, Considérations (1787), стр. 141.

В феодальном отношении все владения распадались во Франции перед революцией на три группы:

1. Аллод, Franc-Alleu;
2. Феоды, Fief;
3. Цензивы, Censives et Servitudes foncières [1].

„Franc-Alleu-был во Франции единственной формой вполне независимой собственности, свободной от каких бы то ни было феодальных повинностей и прав, и, следовательно, не имевшей над собой сеньера [2]. В областях „писанного права" (Droit Ecrit), в некоторых кутюмах, как, напр., кутюмы Витри, Труа, Невера, Шомона, Оксерра и Оверни, аллод признавался законным даже тогда, когда он не опирался на юридический документ; другие же, напротив, как, напр., кутюмы Ла-Рошели, Мо, Турени, Блуа, Мелена, Перонна, Анжумуа, Бретани, Сантиса и Пуату, отвергали его отчасти даже в том случае, когда он опирался на писанный документ [3].

Он являлся почти чужаком среди феодальных видов собственности: феодисты высказывали сомнения относительно его происхождения и временами рассматривали его, как „своего рода исключение" [4].

Все земли, которыми владели не на аллодиальном праве, в том или ином виде зависели от какого-либо сеньера. Но формы этой зависимости были настолько различны, что она обнимала собою почти все степени, начиная от почти полной независимости и кончая крайним порабощением.

Что касается прежде всего до форм владения ленами („la mouvance féodale") и платившими наследственный ценз имениями („la mouvance censive"), то провести точное разграничение между ними представлялось, как уже было выше сказано, невозможным даже для правоведов XVIII века.

Главный признак лена состоял в том, что он был дворянским, то-есть для XVIII века привилегированным владением. Возникнув отчасти из королевских пожалований вассалам, и из пожалований этих последних своим арьервассалам, лены еще при старом порядке образовывали многоступенчатую территориальную иерархию ленов и афтерленов, зависящих частью непосредственно от короля, частью от „fiefs dominant" и связанных друг с другом как почетными, так и денежными правами и обязанностями [5]. На последнее обстоятельство, именно на то, что и дворянские имения были обременены феодальными повинностями, которые сеньер должен был нести сеньеру или королю, как верховному феодальному государю, нужно обратить особое внима-

[1]) Edme de la Poix de Freminville, La Pratique Universelle pour la renovation des terriers et des droits seigneuriaux, (Paris 1746, 2 t. in 4°) I, стр. 1—2.

[2]) „... Heritage libre, franc, exempt de toutes charges, et qui n'est sujet à aucuns Devoirs et Droits Seigneuriaux tant honorifiques... qu'utiles et pecuniaires...; et qui ne reconnoit par consequent aucun Seigneur". Ibid. стр. 2.—Franc-Alleu делился на franc alleu noble и franc-alleu roturier.

[3]) Ср. Henrion de Pansey, Dissertations féodales I, § XVIII. „Dispositions des coutumes relativement au franc-alleu", стр. 44 и сл.—Guyot, „De la prescription du cens, dans le pays de Coutumes allodiales, et le Droit-Ecrit", Traité, II, стр. 31—70.—См. также Кареев, Les paysans, стр. 34, прим. 1.—Относительно распространения аллодов см. Darmstaedter, Ueber die Verteilung des Grundeigentums, стр. 495.

[4]) „... Franc-alleu является своего рода исключением", De Lachapelle, Code des Terriers ou principes sur les matières féodales (Paris 1761 in 12°), стр. 1.—Парижский кутюм говорит об аллоде: „Это—привилегия, специальное право, особое состояние, которое противно обычному праву". Henrion de Pansey, Dissertations, I, стр. 42.—Hervé, Theorie des matières féodales, VI, стр. 49.

[5]) Guyot, Traité, I, стр. 136—137.—Fréminville, La Pratique, I, стр. 3.—См. также De Lomenie, Les Mirabeau. Nouvelles Etudes sur la société française au XVIII siecle (Paris 1879), II, стр. 19—20.

ние [1]), так как оно хорошо объясняет рвение многих дворян по отношению к отмене феодальных прав.

Вся недворянская, т. е. непривилегированная земля („Roture"), за исключением аллодов, зависела в свою очередь от ленов. Ее зависимость вытекала из принципа „Nulle terre sans seigneur", согласно которому непривилегированная земля по своему происхождению считалась дворянской, розданной однако на определенных условиях в разного рода держания [2]).

Все формы „terre roturière" охватывались понятием третьего вида собственности, *censive*. Одно крыло последней образовывали наследственные имения, которыми их владельцы могли распоряжаться совершенно свободно, и на которых лежал настолько сильный отпечаток собственности, что юристы XVIII века видели в них „propriété réelle, mais incomplaite" и называли их владельцев „propriétaires" [3]); другое крыло составляла совершенно несвободная земля, превращавшая ее владельцев в крепостных. Такого рода владения назывались „heritages serves" или „mortaillables", а их владельцы —„gens de condition mainmortables", „taillables haut et bas" или „corveables à volonté". Лежавшие на них повинности носили столь ненавистное в XVIII веке название „Corvée réelle" или „Corvée de mainmortes"; правда, время, когда повинности, которые сеньер мог требовать от своих крепостных, были совершенно не определены, давно уже прошло. Кутюмы, напр., Бургундии, Бурбоннэ, Ла-Марш и др. установили твердо определенные повинности и для этого низшего класса французского сельского населения, урегулировав также обязанности сеньеров [4]). Прежде всего крепостным была отчасти уже предоставлена свобода передвижения. Если, напр., имевшейся у крепостного земли было недостаточно для того, чтобы держать две пары волов, то сеньер, согласно кутюму Ла-Марш, не мог заставить его оставаться в своем имении, „y faire feu vif et résidence" [5]). Крепостное право, следовательно, распространялось здесь в бо́льшей степени на *землю*, чем на личность [6]).

Между крепостными землями и, хотя и не аллодиальной, но все же почти свободной собственностью, находилась вся лестница недворянских форм владения, которые все были подчинены dominium directum; другими словами, общей чертой их являлось то, что все они были обложены в пользу сеньера, безразлично, светского или духовного, разного рода постоянными или случайными повинностями. Каждое земельное владение до известной степени имело двух собственников: непосредственного владельца и верховного собственника.

Однако, большею частью к этим двум владельческим отношениям присоединялось, возвышаясь над ними, еще третье. Недворянские имения принадлежали обычно еще к правовому союзу сеньерии сеньера „Haut Justicier".

---

[1]) Лучицкий недавно особенно сильно подчеркнул эти факты. См. Rev. d'Hist. Mod. et Contemp. III, стр. 169—170.

[2]) Fréminville, La Pratique, I, стр. 3—4.—Guyot, Traité, I, стр. 137.

[3]) См. Кареев, Les paysans, стр. 36.

[4]) Fréminville, La Pratique: „De corvées réelles", II, стр. 577 и сл.—Code Rural, стр. 58—59.

[5]) Question II „Est-il absolument nécessaire que le suget demeure dans l'heritage taillable, pour être assujetti à la corvée?" Fréminville, La Pratique, II, стр. 584—585.

[6]) Правда, в тогдашней Франции существовали поместья, из которых наиболее известными являются имения аббатства Сен-Клод в Юре, где крепостное право простиралось не только на землю, но и на личность крестьянина, и где совершенно отсутствовала свобода передвижения. Обязанности и повинности этих „hommes de mainmorte" Henrion de Pansey суммирует след. обр.: „Les charges de la mainmorte sont les droits de poursuite, de taille, de formariage, la défense d'aliéner, de tester et le droit d'échute". Dissertations, II, стр. 167. — См. также Chomel, Dict. oeconomique II, стр. 570.

Право суда отнюдь не было связано с леном сеньера: оно, напротив, вполне определенно отделялось от него, так что феодальные ленные и феодальные судебные права могли принадлежать двум различным сеньерам [1]).

Имения входили в состав судебной организации сеньерии просто потому, что они находились на ее территории [2]). Сеньер Justicier взимал с их владельцев ряд сборов в силу того, „что они ложились спать и вставали на территории сеньерии" („par leur qualité de couchants et levants sur l'étendue de la seigneurie") [3]), и эти повинности, так начинает Фременвиль свое изложение, „настолько многочисленны, что очень трудно их описать" [4]).

В мои задачи вовсе не входит общее изображение этих и всех остальных феодальных прав: ниже я буду говорить лишь о тех, которые имеют непосредственное отношение к интересующему нас вопросу [5]).

Беглый взгляд, брошенный нами на сложные отношения владения и собственности дореволюционной Франции, позволит нам до некоторой степени предугадать всю бесконечную запутанность зависящих друг от друга и взаимно обусловливающихся феодальных прав, которые из них вытекали. Они походили на запутанный переплет корней дряхлеющего леса, который всюду задерживает и глушит молодые поросли.

Политическая власть сеньера давно уже исчезла: истинная сущность феодальной власти, и средневековая, покоящаяся на награде за службу и чести территориальная иерархия, давно уже впала в забвение и перестала быть понятной.

„Лены", восклицает Гюйо в 1746 году.—„уже не то, чем они некогда были: seges ubi troia: они только скелеты, лишенные нервов, которые некогда приводили их в движение; они сохранили лишь тень окружавшей их когда-то чести и некоторые привилегии, подтвержденные древними документами и признанные кутюмами. Лены обнимают в настоящее время... скорее то, что приносит пользу, чем то, что дает честь" [6]).

В этих словах нашло себе выражение противоречие между феодальной властью XVIII века и эпохой. Она еще извлекала финансовые выгоды из учреждений, которые некогда являлись правомерным выражением мощных сил, между тем как в настоящее время их сущность совершенно разложилась, а формы совсем выветрились.

Многие феодальные отношения зависимости под влиянием изменившихся воззрений времени наполовину или совершенно перешли в формы современных арендных отношений. На это уже указывают названия „bail-à-fief" или „bail-à-cens" [7]). Внешними признаками этого перехода были особенно „surcens" и „rente-foncière".

---

[1]) Разграничение между „Fief" и „Justice" явилось следствием усиления королевской власти, которая лишила не обладавший юрисдикцией лен его суверенитета и превратила в простой вид частной собственности. Ср. André Giffard, Les Justices seigneuriales en Bretagne au XVII et XVIII siècle (Paris 1903), стр. 3—5. — Из правила существовали исключения; так, напр., в кутюмах Анжу и Мэна „Fief" и „Justice" равнозначущи. De Lachapelle, Code des Terriers, стр. 8.

[2]) Сеньер при этом вовсе не должен был владеть землей. Суверенные права связывались также с так назыв. „fiefs-en-lair".

[3]) Doniol, Histoire des classes rurales (Paris 1857), стр. 44.

[4]) Для этой цели ему, действительно, потребовался том in quarto в 814 страниц. См. La Pratique, II, стр. 3 сл.

[5]) Лучшие и наиболее ясные изображения мы встречаем у Tocqueville, L'Anc. Reg.—Taine, L'anc. reg.—Loménie, Les Mirabeau.—Karéiew, Les paysans. —Sagnac, La législation.—Boiteau, L'Etat de la France en 1789.—Marion, Les classes rurales; Rev. des Etudes Hist. LXVIII.

[6]) Guyot, Traité; Sommaire de tout l'ouvrage, I, стр. II—III.

[7]) Это обстоятельство является также причиной того, что эти формы владения были выше перечислены среди существовавших в XVIII веке видов аренды, см. стр. 212.

„Surcens" имел двоякое происхождение. Или сеньер, отдававший свое имение „a cens", облагал его помимо этого старинного, твердо определенного кутюмами и большею частью очень незначительного ценза (называвшегося также „menu cens") еще особым ежегодным „surcens", т.-е. настоящей, соответствующей действительной стоимости имения арендной платой; или же наследственный арендатор в свою очередь сдавал имение за арендную плату — „surcens". В обоих случаях „surcens" мог взыскиваться лишь на основании письменного договора: в противоположность „сеньериальной ренте" („rente seigneuriale") он считался „простой земельной рентой" („simple rente foncière") и в качестве таковой не влек за собой никаких феодальных прав, как, напр., Lods et Ventes, Retrait, Saisie и т. д. [1].

Таким образом, ряд земельных владений освободился от различных феодальных повинностей: но отношения владения и собственности усложнились еще более благодаря этим наполовину новым и наполовину старым формам и дошли до состояния полной путаницы.

При этих обстоятельствах стремление к упрощению отношений должно было становиться в XVIII веке все сильнее и сильнее.

Аллод стоял в виде паллиатива первоначально всеобщей, но впоследствии почти совершенно исчезнувшей свободы среди феодальных владений и сеньерий, вызывая у владельцев соседних обремененных феодальными повинностями имений стремление вернуть себе эту старинную свободу [2].

Подобно свободе личности философией и государственным правом в XVII и XVIII веках была выдвинута в качестве безусловного требования природы и свобода частной собственности.

Под влиянием этих учений понятие „собственности" изменило свою сущность. Корпоративное владение считалось почти что ограничением права собственности: единоличность владения, независимость, полнейшая свобода в праве распоряжения и пользования стали необходимыми аттрибутами собственности. „Всякое владение свободно! Такова воля природы и изначальное положение вещей!" („Tout héritage est franc; tel est le voeu de la nature et l'état primitive des choses!") в таких энергичных выражениях формулирует это воззрение Henrion de Pansey [3].

Но этому идеалу аллода резко противостояла суровая действительность [4]. Два или три сеньера терзали почти каждое не дворянское имение. Отношения зависимости выражались в уплате различного рода сеньериальных цензов. Ценз платился ежегодно и не мог быть выкуплен [5].

Если для величины уплачиваемого ценза и существовала тридцатилетняя давность, то для него самого давности почти никогда не было [6]. Но даже в этом случае платившее ценз имение становилось свободным только в тех провинциях, которые признавали аллодиальную собственность; в других же оно

---

[1]) Henrion de Pansey, Dissertations, I, стр. 273—285.—Ср. также Lomenie, Les Mirabeau, стр. 15—16.

[2]) „До учреждения фиефов и цензив, все наследственные имения были свободны и держались на аллодиальном праве," говорит уже в 1749 г. Code Rural.

[3]) Dissertations féodales, I, стр. 23.

[4]) „Это древнее положение вещей совершенно изменилось. Некогда общая, свобода в настоящее время составляет исключение; общим правилом является подчинение всех земель феодальному рабству." Ibidem.

[5]) „Этот взнос является признаком dominium directum над неблагородными землями, подобно тому, как клятва верности и оммаж является отличительным признаком фьефа. Потому то он и не подлежит выкупу". Code Rural, стр. 20—21.

[6]) Относительно немногочисленных случаев, когда земельный ценз мог потерять свою силу вследствие давности см. Boutaric, Traité des Droits seigneuriaux et des Matières féodales (Toulouse 1767), стр. 44—45.

становилось обязанным ценсом по отношению к верховному сеньеру, и для него, поэтому, возникала опасность платежа еще более тяжелых повинностей, чем связанный с dominium directum ценз, от которого оно освободилось [1].

Если верховного сеньера не было, то его место заступал король, и освобожденное от ценза имение должно было уплатить ему „droit de franc-fief", равнявшийся нередко удвоенному годовому доходу с него [2].

Словом, возможность сделать свою собственность свободной и независимой наталкивалась на все новые и новые преграды со стороны феодальной иерархии, если не непреодолимые, то по крайней мере очень затруднявшие дело освобождения [3]. Даже отказ от переобремененного имения („déguerpissement") был чрезвычайно затруднен тем, что отказывающийся должен был уплатить все недоимки по феодальным повинностям, но не получал никакого возмещения за произведенные мелиорации [4].

Часто утверждали, что феодальные земельные ренты в XVIII веке были очень незначительны [5]. В большинстве случаев это было действительно так, но как раз одна из наиболее распространенных рент, champart, составляла иногда, как, напр., в Лионне, Форе, Бойсоле, одну пятую и даже одну четверть годового урожая („droit de quart ou de cinquain") [6].

Но еще чувствительнее, чем финансовое обременение, была круговая порука всех плательщиков за общую сумму ценза, переднего сеньеру с ранее единого, а теперь раздробленного между несколькими владельцами имения. Каждый частичный владелец обязан был по требованию сеньера уплатить ему всю сумму ценза и даже недоимки за предшествующие годы; ему предоставлялось потом самому взыскивать с остальных плательщиков их доли [7].

Подобное состояние было очень далеко от нового идеала *независимости* земельной собственности; но еще больше было расхождение между действительностью и идеалом *обеспеченности* собственности. „Retrait", „Prescription", „Saisie" и „Congément" были главными бичами, которые угрожали последней.

Право „Retrait"—право выкупа, распространялось как на дворянские, так и на не дворянские земли [8]. В первом случае оно называлось „retrait féodal" и давало сеньеру право воспрепятствовать в своих интересах продаже зависимого от него лена или объявить сделку недействительной, т.-е. он мог в сорокадневный, а иногда даже и годичный срок после объявления о продаже присоединить имение за покупную цену к своему лену или передать его третьему, более приятному для него покупателю. Если сеньеру не сообщалось о продаже, то он имел право осуществить „Retrait" даже по истечении

---

[1]) Frémainville, La Pratique, I, стр. 474.

[2]) Ibidem, I, стр. 154—155.—Boutaric, Traité, стр. 51—54.—Ср. Кареев, Les Paysans стр. 44.

[3]) Относительно запутанного вопроса о наступлении давности для ленной зависимости у дворянских имений, см. Guyot, Traité, II, стр. 1 и сл.

[4]) Frémainville. La Pratique, I, стр. 16.—Boutaric, Traite, I, стр. 261 и сл.

[5]) Marion, Les rôles du vingtième, пытается решительно опровергнуть утверждение Тэна, что феодальные повинности составляли приблизительно 14% чистого дохода. La Revue Franç. XXVII, стр. 422 и сл.

[6]) Я имею здесь в виду „Champart censuel", называвшийся также Terrage, agrier, tasque, tâche и т. д. Часто термин Champart служил и для обозначения простой земельной ренты. Pansey, Dissertations. I, стр. 325 и сл.—Liger, La Maison rustique, I, стр. 884.

[7]) Code Rural, стр. 22—27.—Pansey, Diss. § XXIX: Effet de la solidité du cens; I, стр. 301 и сл.—Boutaric, Traite: „Comment doit être exigée une Rente indivise", стр. 63 сл. и 282.

[8]) Retrait назывался также „prélation" или „retenue".

тридцатилетнего срока [1]). Этот retrait, называемый Гюйо, вследствие чрезвычайной его выгодности для сеньера, „одним из прекраснейших феодальных прав", действовал на всем протяжении королевства.

Напротив, „retrait censuel", тяготевший на не дворянских землях, в провинциях обычного права не признавался без наличия письменных документов. Он давал сеньеру право забирать в свою пользу платившие ценз имения при тех же условиях, которые являлись обычными и для „retrait féodal" [2]). Однако здесь при отсутствии заявления о продаже уплата земельного ценза со стороны нового владельца даже в течение тридцатилетнего срока не считалась за согласие получавшего ценз сеньера на совершенную сделку; сеньер мог даже по истечении этого срока объявить покупку недействительной [3]).

Легко представить себе, какая масса ожесточения должна была накопиться благодаря применению этих прав, а они действительно применялись.

Не менее тягостны были правила относительно давности.

Между тем, как цензовая и ленная зависимость почти никогда не утрачивала для крестьянина и вассала своей силы вследствие давности, устанавливаемое особым пунктом купчей крепости право выкупа земельных рент переставало быть действительным по истечении тридцати лет. Гюйо, по которому подобного рода купчие сделки происходили во Франции довольно часто, ни на что не негодует в своем произведении так сильно, как на „абсурдность" этой юридической нормы, не оправдываемой никаким разумным основанием [4]).

Для феодальных прав в общем, за исключением феодальных рент, обычной являлась тридцатилетняя давность [5]). Напротив, для недоимок давность наступала в разные сроки в зависимости от действовавшего в той или иной провинции обычного права, так, наприм., в Оверни—через пять лет, в Бурбоннэ—через десять, в Париже и в областях писаного права лишь через двадцать девять лет [6]).

Эти продолжительные сроки были очень тяжелы, особенно в тех случаях, когда дело шло о высоких взносах шампара. Мнения о том, можно ли требовать взыскания недоимок шампара, поэтому, сильно расходились. Между тем как кутюмы большею частью совершенно отвергали это требование, провинции писаного права признавали его в течение срока от пяти до двадцати девяти лет [7]).

Приведенное многолетней работой в цветущее состояние владение могло, благодаря такому взысканию давних недоимок, быть сразу приведено на край гибели.

Крайним средством, находившимся в распоряжении сеньера для удовлетворения его требований, было право „saisie",—право конфискации.

---

[1]) „Retrait féodal сохраняет свою силу, если договор о покупке не был объявлен сеньеру. Действие Retrait длится в течение 30 лет". Lachapelle, Code des Terriers, стр. 52—53.—Boutaric, Traité: „De la prelation et du retrait féodal", стр. 456—460. Король также обладал этим правом по отношению к дворянским имениям, но пользовался им крайне редко. Ibidem, стр. 458.—Более подробно у Guyot, Traité, IV, стр. 1—196.

[2]) Guyot, Traité, IV, стр. 2 и 7.

[3]) Ibidem, стр. 218.

[4]) Guyot, Traité. «Du contrat de vente à rente rachetable», III, стр. 305 и сл.

[5]) Code Rural, стр. 66 и 79.—Guyot, Traité, IV, стр. 493.—Fréminville, La Pratique, II, стр. 611 и сл.

[6]) Fréminville, La Pratique, I, стр. 426.—Rozier, Cours, II, стр. 628.

[7]) Boutaric, Traité, стр. 242 и сл.—Code Rural, стр. 137.—Pansey, Diss.: „Champart", I, стр. 336.— Guyot, Traité, II, стр. 1—34.

И в этом праве необходимо различать „saisie féodale“ и „saisie censuelle“.

Сеньер осуществлял „saisie féodale“ по отношению к зависимым от него вассалам [1]. Если вассал не принес ленной присяги, или не вручил сеньеру грамоты об его признании, или не уплатил ему повинностей [2]), то сеньер мог конфисковать его имение на основании собственных правомочий и пользоваться доходами с него, не платя за это вассалу никакого возмещения. Действие „saisie féodale“ длилось три года: затем конфискация должна была быть снята и возобновлена [3]).

„Saisie censuelle“, простиравшаяся на недворянские земли, в Анжу и Мэне совершенно не отличалась от „saisie féodale“, только поводом для конфискации служила здесь неуплата поземельной ренты или продажных пошлин [4]). Вообще же, когда дело шло о взыскании недоимок с недворянских владений, сеньер мог производить их конфискацию лишь на основании судебного постановления об уплате недоимки и только через представителя суда [5]).

Если мы упомянем еще о „droit de congement“, распространенном особенно в современном департаменте Кот-дю-Нор и дававшем сеньеру право в любой момент изгнать лицо, владеющее имением „à domaine congeable“, взамен определенного вознаграждения, из его владения [6]), мы, я думаю, получим достаточно яркую картину тех опасностей, которые грозили спокойному обладанию землей при старом порядке.

Столь же вредное влияние оказывали феодальные права и на земельную мобилизацию и свободное развитие земельного рынка.

В большинстве провинций все продажи и сходные с ними перемещения собственности, даже дарения и мены как дворянских, так и недворянских земель связаны были с уплатой пошлин, носивших название: „lods et ventes“, „quint“, „requint“, „relief“. Сборы в пользу сеньера с дворянских земель назывались большею частью „quint“, с недворянских — „lods“ [7]). Quint был обычно выше, чем lods, и составлял иногда одну пятую покупной суммы [8]). Эти повинности должен был уплачивать покупатель, если не было сделано особой оговорки в купчей крепости. На покупателя могла кроме того быть возложена ответственность за недоимки в феодальных повинностях, не

---

[1]) „Обычно лишь seigneur dominant имеет право конфисковать фьеф вассала, никто другой этого сделать не может“.—Guyot, Traité, IV, стр. 331; см. там и некоторые исключения.

[2]) Соответствующая формула гласила: „faute d'homme, droits et devoirs non faits et non payés“. Lachapelle, Code de terriers, стр. 25.

[3]) Ibid., стр. 30.—Относительно срока, который сеньер должен был предоставить вассалу для выполнения его обязанностей, см. Guyot, Traité, IV, стр. 358 и сл.; относительно общей длительности „Saisie“, бывшей в разных кутюмах очень различной, ibid. стр. 396 и сл.—Относительно обязанностей сеньера во время конфискации, ibid., стр. 406 сл. и Lachapelle, Code des terriers, стр. 31—33.

[4]) Guyot, Traité: „De la saisie censuelle“, IV, стр. 425.

[5]) Boutaric, Traité, стр. 85—86.—Особый случай имел место с землями, отлававшимися на эмфитевтическом праве; если владелец подобного имения оставлял его в течение трех лет необработанным, сеньер мог его конфисковать. Ibid. стр. 238.

[6]) Karéiew, Les paysans, стр. 71—72

[7]) Я говорю „большею частью“, так как существовали и исключения; ср. Guyot, Traité, III стр. 201 и сл. и 535—„Droit de relief“ взимался при переходе имений вассалов к боковым родственникам; Code Rural, стр. 19.

[8]) Так, наприм., в сфере действия парижского кутюма: „Благородные имения должны платить quint, составляющий пятую часть покупной суммы. Недворянские имения платят... двенадцатый денье означенной в договоре суммы“. Lachapelle, Code des Terriers, стр. 40.—Относительно размеров „Lods et ventes“, см. также Boiteau, Etat de France, стр. 28.

уплаченных его предшественником, так как эти повинности лежали не на личности, а на земле [1]. Но мало того, на буржуазных покупателей дворянских земель ложилось еще столь ненавистное в XVIII веке „droit de franc-fief". Эта повинность уплачивалась исключительно королю, но тем не менее, она принадлежала к числу феодальных прав, потому что покоилась на воззрении, что не дворяне („Roturiers") сами по себе неспособны владеть благородными ленами. Но так как правовым способом их нельзя было принудить отказаться от приобретенного путем покупки имения, то эти покупки пытались затруднить при помощи пошлин, „telle qu'il plait au Roi de la regler, plus ou moin forte, suivant les conjunctures et la nécessité des temps" [2].

Правда, это воззрение, как было исторически доказано незадолго перед революцией, было ошибочно. Franc-fief возник скорее в XIII и XIV веках вследствие того, что многие благородные „сокращали" свои лены („abréger son fief"), т.-е. продавали части своих ленов лицам неблагородного происхождения, освобождая при этом за особую денежную сумму покупателей от повинностей феодального характера, лежавших на лене. Этим, однако, они наносили ущерб своим сюзеренам, и последние требовали известного вознаграждения за такие продажи. Эта пошлина называлась „Franc-fief", потому что „fief abrégé" освобождался от феодальных повинностей. Король в качестве верховного сюзерена мало-по-малу полностью завладел этой пошлиной, и с 1320 года обложил ею без исключения всех неблагородных покупателей дворянских имений, даже когда с продажей не было связано освобождения от феодальных повинностей [3].

Выяснение этой „несправедливости" не могло, конечно, содействовать популярности этого налога, особенно после того как он был значительно увеличен в 1708 году. Большею частью он составлял полуторагодичный доход с купленного дворянского имения и должен был вновь и вновь уплачиваться каждые двадцать лет [4]. Не находившие покупателей для своих имений дворяне не в меньшей степени, чем буржуазия, видевшая в франфьефе принижение своего сословия, требовали отмены этого налога, ставившего чрезвычайные препятствия здоровому развитию сельского хозяйства [5].

Чтобы закончить обзор феодальных тягот, затруднявших земельную мобилизацию, я укажу еще на те расходы, которые вызывались признанием со стороны покупателя лежащих на приобретаемом имении феодальных повинностей. Подобно тому как приобретатель дворянского лена обязан был принести своему сюзерену оммаж, который в XVIII веке имел, конечно, лишь значение признания сеньера [6], так и покупатель недворянского имения должен был „признать" сеньера, от которого находился в зависимости, т.-е. посредством особого акта („reconnaissance") заявить, что он владеет такими-то участками земли, зависимыми от dominium directum сеньера, и обложенными такими-то повинностями, которые он обязуется уплачивать [7].

[1]) „Первая привилегия состоит в том, что на нового приобретателя может быть возложена ответственность за предшествовавшие его владению недоимки... все последовательно накопившиеся недоимки являются долгом, падающим на землю". Boutaric, Traité, стр. 86—87.

[2]) Boutaric, Traité., стр. 492—493—Code Rural, стр. 17.

[3]) Pansey, Dissertations, II, стр. 1—10.

[4]) Ibid., стр. 12.—Буржуазные представители духовенства были в 1751 году освобождены от „Franc-fief". Regl. de 13 août 1751; ibid., стр. 15.

[5]) Ср. Tocqueville, L'anc. reg., стр. 152 - 153. — Chassin, Les préparations des guerres, I, стр. 22.

[6]) Code Rural, стр. 14.—Lachapelle, Code de Terriers, стр. 9 - 16. („De la foi et hommage").—Guyot, Traité IV, стр. 199—200.

[7]) Bouratic, „Traite, стр. 3 сл.—Lachapelle, Code des Terriers, стр. 16 сл.

Связанные с этим актом расходы нес покупатель. Они не были высоки, но право требовать „Reconnaisance" влекло за собою ряд прав по возобновлению „papiers terriers", т.-е. собрания актов признания по всей сеньерии, и как раз пользование этими правами и питало перед революцией вражду крестьянства ко всему строю феодальных отношений.

Но прежде чем приступить к более внимательному выяснению этого явления, мы должны рассмотреть феодальные права еще с одной точки зрения: именно установить их отношение к земледелию и сельско-хозяйственному производству. Ибо свободная эксплоатация земли, которую XVIII век неразрывно связал с „свободой собственности" и „свободой труда", встречала, может быть, наибольшие ограничения как раз в феодальных правах.

Существовали, напр., случаи, когда шампар взимался с определенного рода продуктов, производимых на определенных участках, так что культура этих земель никоим образом не могла быть изменена без согласия сеньера, (напр., нельзя было превратить луга в пахотное поле или виноградник в лес) [1]. Эти случаи встречались редко [2]); но и при обычном шампаре сеньер всегда мог сделать возражение против изменения культуры или по крайней мере потребовать возмещения, если благодаря такой перемене доход от шампара терпел ущерб [3]).

Никогда подобного рода установления не давили так тяжело, как во вторую половину XVIII века, когда земледелие стало перестраиваться на совершенно новых основаниях; и тем не менее число этих ограничений было невыносимо велико.

Если мы попробуем последовать за сельским хозяином того времени в его земледельческих работах, то мы увидим, что во время пахоты и посева его время и орудия привлекались на основании разного рода барщинных повинностей к исправлению дворцов и дорог в пределах сеньерии и тому подобным работам [4]).

Когда, наконец, его урожай начинал поспевать, ему грозило самое ненавистное из всех феодальных прав, вызывавшее к себе чувство ненависти в буржуазии и крестьянстве: право охоты!

„Ferae bestiae sunt primi occupantis. Такова была некогда норма римского права, норма, почерпнутая из судебника природы" так начинает Henrion de Pansey свой трактат об охоте. „Феодальная система совершенно вытравила эти первоначальные идеи. Естественный закон отступил перед феодальным правом.... и охота стала исключительным достоянием сеньера" [5]).

В действительности естественный закон отступил не особенно давно. Люди Барокко находили наилучшее воплощение для той радости, которую в

---

[1]) Boutaric, Traité, стр. 238—241.—Pansey, Dissertations, I. стр. 329 и сл.

[2]) „Земель, обложенных особым видом шампара очень мало". Guyot, IV, стр. 431.

[3]) „Пахотная земля, обязанная платить шампар, не может быть обращена в луг, пастбище или под постройки, без согласия того, кто получает шампар, потому что это наносит ущерб его праву взимать часть плодов с данного участка". Liger, La Maison rustique, I, стр. 884.—Boutaric, Traité, стр. 238 и сл.

[4]) Королевская барщина (Corvée) распространялась лишь на большие дороги; „Большие дороги, называемые королевскими, принадлежат королю, и надзор за ними и дорожная полиция — королевским чиновникам. Частными дорогами называются пути, которые идут от одной большой дороги к другой или от одного города, местечка или деревни к другому; эти дороги принадлежат сеньерам—Hauts-Justiciers; надзор же за ними—чиновникам последних". Code Rural, стр. 53. Подробности о феодальных барщинах см. Code Rural, стр. 57 и сл.—Liger, La Maison rustique, I, стр. 884—885.—Boutaric, Traité, стр. 387—425.—Pansey, Dissertations, I, стр. 475—491.

[5]) Pansey, Dissertations, i, стр. 338.

них вызывали собаки, лошади, дикие звери и всякие необузданные порывы, в прекрасной забаве охотой, и поэтому дворянство стремилось тогда монополизировать ее исключительно для себя. Право охоты было самым молодым из всех феодальных прав: исключительное право на нее владельца сеньерии утвердилось окончательно лишь в царствование Людовика XIV [1]. Это отчасти объясняет нам, почему существовало такое страстное увлечение этим спортом еще в XVIII веке.

Бесполезно еще раз описывать весь приносимый охотой вред, уже изображенный в достаточно мрачных красках Тэном [2]. Упомянем лишь о том, что право охоты очень часто не позволяло крестьянину огораживать свои поля, защищать от дичи свои посевы, во многих местностях даже вступать на собственное поле до 24 июня, срока, когда начинают летать молодые куропатки, и выпалывать сорные травы. Нормам права охоты должен был подчиниться даже свободный в остальных отношениях аллод [3]. Правда, для полевых посевов существовала известная защита, поскольку охота была запрещена от 1-го мая до жатвы: но для культуры новых растений, созревание которых не совпадало с обычным периодом сбора урожая, это правило также означало гибель.

Но это была не единственная опасность для урожая. Я лишь вкратце упомяну о приносивших сеньеру мало пользы, а крестьянину много вреда правах держать голубятни (droits de colombier), кроличьи садки (droit de garenne) и др. [4]. Гораздо вреднее для некоторых отраслей народного хозяйства было право владельца десятины и феодального суда определять срок жатвы.

Существовало два права этого рода: „ban de moissons et de fauchaisons“ и „ban de vendanges“. Первый относился к сбору хлебов и сенокосу: им сеньеры в середине XVIII века пользовались очень мало [5]. Второй, относившийся к сбору винограда, был, напротив, еще в полном ходу. Первоначально эти права имели в виду защиту общих урожаев, но с изменением хозяйственных отношений они превратились в серьезную преграду для земледелия, а для сеньера в источник получаемых путем разных злоупотреблений выгод. Ибо сеньеры оставляли за собой привилегию начинать сбор собственного урожая за несколько дней до общего для всех разрешения и пользоваться в течение тридцати- или сорокадневного срока после жатвы исключительным правом продавать собранные плоды [6].

Но и после объявления о начале жатвы, сбор урожая не был еще свободен: крестьянин не имел права убрать свой урожай, если он не уведомил предварительно за двенадцать или двадцать четыре часа до начала жатвы

---

[1]) Ср. Avenel, Hist. écon., I, стр. 219—226.—Право охоты было связано не с личностью, а с леном. „Право охоты не зависит от личного состояния. Дворяне и не дворяне находятся в этом отношении в одинаковом положении. Не благородный, владеющий феодом или правом суда, имеет право охотиться, дворянин же, у которого нет никакой сеньерии, лишен этого преимущества“. Pansey, Dissertations, I, стр. 346.

[2]) Taine, L'anc. rég., стр. 70 и сл.

[3]) Boutaric, Traité, стр. 525—526.—Code Rural, стр. 43. См. также Condorcet, Oeuv., III, стр. 652.—Turbilly, Mémoire sur les défrichements, стр. 280—281.

[4]) Ср. Pansey, Dissertations, I, стр. 411—417.—Code Rural, стр. 88 и сл.—Liger, La Maison rustique, I, стр. 885—886.

[5]) „Право определять срок жатвы почти уже не применяется во Франции. Здравый смысл одержал верх над обычаем“. Rozier, Cours, II, стр. 148.—См. также Code Rural, стр. 123.

[6]) Fréminville, La Pratique, II, стр. 384—410.—Rozier, Cours, II, стр. 149.—См. также Taine, L'ancien régime, стр. 32.

своего сеньера, которому он обязан был платить шампар или десятину, чтобы тот мог получить причитающуюся ему долю собранных продуктов [1]. Но связанные с столь часто уже упоминавшимся шампаром обязанности этим еще не исчерпывались: в то время как все остальные феодальные повинности были „quérables", один только шампар был „portable", т.-е. крестьянин обязан был сам привезти падавшую на него долю шампара сеньеру всюду, куда тот укажет в пределах сеньерии. Правда, в большинстве провинций это требование должно было опираться на письменный документ, но в сфере действий кутюмов Пуату, Сент, Амьена, Невера, Монтаржи, Блуа и Бурбонне оно признавалось за общее право [2].

После того как крестьянин уплатил все эти сборы и убрал свой урожай, на сцену выступали новые виды феодальных прав, ограничивавших его хозяйственную деятельность.

Сеньериальные права, как péage, passage, pontonage (разные дорожные и мостовые пошлины) тяжелым бременем ложились на обмен [3]. Но они едва заслуживают упоминания по сравнению с баналитетами (сеньериальными монополиями), при посредстве которых сеньер, во-первых, мог заставить всех жителей своей сеньерии пользоваться его мельницей, хлебной печью, погребом, быком и т. д., и, во-вторых, мог запретить им устраивать в пределах баналитета свои мельницы, погреба и т. д. [4]. Баналитеты на хлебную печь и мельницу носили личный характер, т.-е. им подчинялись только жители, кроме духовенства; баналитет же на винный погреб носил вещный характер, т.-е. он распространялся на всех владельцев виноградников, включая сюда и духовных лиц, даже если они сами не жили в пределах банального округа сеньерии [5].

Лишь одиннадцать кутюмов признавали баналитеты необходимой составною частью сеньерии. Во всех остальных, а также в сфере действия писаного права для того, чтобы за баналитетом была признана юридическая сила, одного обладания сеньерией было недостаточно, и его приобретение должно было опираться на письменный документ; кроме того, после того как владелец баналитета не пользовался им в течение тридцати лет, он терял силу вследствие давности. Эта более сильная защита крестьянина основывалась на том, что баналитеты считались феодальными правами, более других ограничивавшими личную свободу и „образовывавшими сервитут совершенно особого свойства, заслуживший такое отрицательное отношение к себе, от которого были свободны остальные феодальные права" [6]. Такое отношение станет еще более понятным, если принять во внимание, что крестьяне, покупавшие свой

---

[1]) „Владелец земли, платящей шампар, не может убрать урожая, не предупредив сеньера: кто держит, говорит M. Loysel, земли, повинные платить шампар, не может снять хлеба, не призвав сеньера, под угрозой штрафа". Boutaric, Traité, стр. 244—245.—Относительно смягчений и исключений из этого правила, см. Pansey, Dissertations, § IX, „De la manière de percevoir le champart". I, стр. 335—336.

[2]) Code Rural, стр. 137.—Boutaric, Traité, стр. 243—244.—Guyot, Traité, IV, стр. 464—472.—Pansey, Diss., I, стр. 328—329.

[3]) См. об этом Liger, La Maison rustique, I, стр. 885.—Об их размерах см. Taine, L'anc. reg., стр. 29—30.

[4]) Code Rural, Chap. XV „Des banalités", стр. 62 - 63.—Pansey, Dissertations: „Definitions et effets des banalités". I, стр. 174.

[5]) Code Rural, стр. 63—64.

[6]) Pansey, Dissertations, I, стр. 180.—См. также Boutaric, Traité, стр. 161—165.—Code Rural, стр. 63 и 66. - „Мельничный баналитет",—сказал Лавуазье в Комитете сельско-хозяйственного управления 31 июля 1787 года,—„.... отдает сельское население в жертву жадности и монополии мельников, которые делятся доходами с собственниками". Pigeonneau et Foville, стр. 410.

хлеб вне своего банального округа, тем не менее должны были уплачивать сеньеру те же поборы, как если бы они при изготовлении хлеба пользовались его мельницей и печью [1], и что сеньер мог конфисковать у нарушавших это право зерно и муку, а в некоторых провинциях даже „chevaux, charettes, harnois, grains, farines, paines et vendanges“ (лошадей, повозки, упряжь, зерно, муку, хлеб, виноград“) [2].

Я думаю, что дал ясное представление о важнейших отношениях между феодальной властью и сельским хозяйством, вполне достаточное для понимания того движения, которое привело к падению феодального господства. В действительности, как число феодальных прав, так и сложность их взаимных отношений и их отношения к существовавшим тогда различным формам землевладения и поземельной собственности, были гораздо более значительными [3].

2. *Феодальная реакция.*

При Старом Порядке почти все процессы сельско-хозяйственной жизни были так или иначе связаны с устарелым аппаратом феодального господства. Упадок этого господства начался уже тогда, когда неопределенные повинности были превращены в определенные, и эти последние были закреплены благодаря редакции кутюмов.

Вместе с тем в отношениях между сеньером и „roturier“ появился новый фактор — фактор *государственной защиты*. Индивид стал все более и более высвобождаться из-под власти сеньерии, этого, как говорит Доннель [4]: „petit état guerroyant et peu scrupuleux“, и вступать в правовые отношения к государственному организму, как целому. Все буржуазные элементы должны были, поэтому, естественно содействовать усилению государственной власти. Французские короли сумели использовать эту помощь, и при Людовике XIV государство стало такой силой, которая уже не нуждалась в других земных божествах. Мало того, в эпоху меркантилизма государственная власть стала настолько высокомерной, что она как будто даже позабыла о своем первоначальном отношении к индивиду и превратила тех, кого она должна была только защищать, в руководимых, согласно очень суровым правилам.

Лишь на долю XVIII века выпало разрешение этих противоречий путем создания новых социальных и политических форм: стоявшая перед ним задача состояла, как убедительно доказал это в своей драгоценной книге о Старом Порядке А. Токвиль, в обеспечении возможно бо́льшей свободы индивидуума в строго централизованном государстве.

Если достижение этой цели являлось естественной необходимостью, а в XVIII веке оно считалось требованием природы,—то все промежуточные звенья между государством и индивидом вскоре должны были быть восприняты, как нечто вредное, противоестественное, *несправедливое*.

---

[1]) Boutaric. Traité, стр. 367—368.

[2]) В зависимости от кутюма через посредство или своих людей или при помощи судебных чиновников. См. Guyot. Traité. I, стр. 441 и сл.—Pansey, Dissertations. XII; „De contraventions à la banalité. De la saisie et confiscation“. I, стр. 196—198.

[3]) „Я останавливаюсь“,—восклицает Clicquot-Blervache после перечисления феодальных прав,—„моя кровь кипит, сердце мое наполняется горечью, перо падает из моих рук, когда я рисую эту картину. Дальше идти некуда. Остается лишь обложить воздух, которым люди дышут, и свет, который им светит, и, к стыду человечества, можно было бы привести подобные примеры“. S. Vroil, Etude, стр. 289.—Рассмотрев на 633 страницах in quarto наиболее употребительные из феодальных прав, Бутарик в заключительной главе дает краткие определения еще „98 другим правам“. Traité, стр. 634—659.

[4]) H. Doniol, Histoire des classes rurales en France (Paris 1857), стр. 213.

Так уже в первой половине столетия начала распространяться идея о естественной равенстве в правах; стали копаться в прошлом и скоро пришли вместе с Дюбо к утверждению, что первоначально все франки были одинаково свободными людьми, и что некогда существовало только *одно* сословие [1]).

Начало уже вельмать понятие „узурпация", которое должно было впоследствии стать столь страшным для всех привилегированных. В „Considérations" д'Аржансона, которые, начиная с 1740 г., стали распространяться в рукописном виде, о феодальном правительстве говорилось: „При этой странной системе управления величайшая власть над нацией находилась в руках известного числа главных узурпаторов, которые, в свою очередь, имели под собою второстепенных захватчиков. Степень и характер их узурпаций менялись с каждым мгновением: наши короли имели гораздо меньшую власть над своими крупными вассалами, очень часто издевавшимися над величием трона, чем небольшие сеньеры над своими крестьянами и даже над мелкими подвассалами: они производили насилия над их женами и безнаказанно разграбляли их земли: из этого неопрятного источника возникли все эти странные феодальные права, которые до сих пор вызывают удивление у наших ученых феодистов. Феодальное право по своему происхождению безусловно является правом сильного: у него нет пределов, нет норм: у него нет никаких преимуществ, которые бы заставили пожалеть об его уничтожении, если оставить в стороне тех людей, которые доходят до безумия в увлечении своим дворянским достоинством" [2]). Я привожу эти слова, потому что они были сказаны в самом начале борьбы против феодальных прав и, хотя и принадлежат дворянину, тем не менее являются характерным выражением противоположности между новым буржуазным пониманием государства и феодальной системой правления.

Стали приходить к сознанию классовых противоречий: мало того, буржуазия начала воспринимать существующий строй, как классовое господство дворянства, и считать те формы, в которых оно находило свое выражение, несовместимыми с духовным и хозяйственным прогрессом недворянской части народа.

С осознанием этих противоречий закончилась эпоха социального мира, и начался период социальной борьбы [3]).

Около середины XVIII века по всем нервам общественного организма прошел как бы электрический ток, потрясший всю Францию; всеми умами овладело непреодолимое стремление к реформам и нововведениям. Государственно-правовые теоретики буржуазии стали громко требовать политической свободы, экономические теоретики—хозяйственной. Но всюду поперек дороги становился „скелет феодальной иерархии".

Поэтому, как только, благодаря Дюбо и д'Аржансону, распространилось убеждение, что в основе феодальных прав лежит узурпация, очень легко пришли к требованию безусловной отмены этих несправедливых тягот [4]). Люди,

[1]) Ср. резкую критику Монтескье этой точки зрения. Esprit de lois, lib. XXX chap. 23 и сл.

[2]) D'Argenson, Considérations (Ed. Liège 1787), стр. 134—135.—См. также стр. 53: „ . . . . . аристократия нашего феодального правительства, ... возникавшая всегда случайно благодаря различного рода узурпациям, никогда не имела определенных законов".

[3]) Я беру эти понятия из статьи Шмоллера „Klassenkämpfe und Klassenherschaft", Sitzungsberichten der königl. preuss. Akademie der Wissenschaften (Berlin 1903), стр. 1109 и сл.

[4]) „Вольшинство частных барщин было приобретено, как уже сказано выше, путем узурпаций" пишет в 1754 г. Encyclopedie IV, 281.—См. также Goudart, Les intérêts (1756). I, стр. 55 и сл.—Мабли изображает установление феодализма в виде

руководившие этой борьбой, хорошо известны: это — Вольтер, Руссо, Ренольдон, Дюпон-де-Немур, Тюрго, Мабли, Кондорсе, Лавуазье, Бонсерф и многие другие. После того как Парижский парламент публично сжег весьма умеренное сочинение Бонсерфа „Les inconvénients des droits féodaux" (1776 г.), литературные нападки на феодальные права стали еще сильнее, превратившись под конец, в 1787 г., в необозримый поток популярных брошюр.

Но это литературное движение служило прежде всего политическим целям *привилегированного* третьего сословия: в его борьбе против классового господства дворянства слова „отмена узурпированных прав", „уничтожение крепостного права" служили лозунгами, которые должны были собрать вокруг его знамени весь народ [1]). Буржуазия страдала скорее от моральной тяжести феодального господства. В материальной стороне феодальных прав она было даже сама заинтересована, поскольку ей принадлежали дворянские имения. Однако, эти выгоды должны были отчасти отступить на задний план перед более важными интересами, отчасти они поблекли в угаре освободительного движения.

Буржуазная, бывшая скорее политической, проблема борьбы отнюдь не покрывала собой полностью крестьянской проблемы, носившей скорее экономический характер: круги здесь расходились. В первом случае дело шло главным образом о противоположности между буржуазией и господствующим дворянским классом, во втором—почти исключительно о противоположности между земледельцем и собственником, безразлично, благородным или буржуазным, феодальных имений и прав. Эти противоположности усложнялись еще тем, что в революционном движении, охватившем сельское хозяйство и наталкивавшемся нередко на феодальные преграды, деление на сторонников и противников этого движения шло, как мы видели, отнюдь не по разрезу благородных и неблагородных.

Из этих сложных узлов возник тот социальный процесс, который обычно носит название „феодальной реакции".

Мы должны элиминировать осудительный оттенок, заключающийся в этом обозначении, и попытаться выяснить объективную сущность этого процесса.

Вполне естественно, что класс, который лишь вынужденно уступает перед напором нового времени и не может ни вполне приспособиться к новым отношениям, ни вполне овладеть ими, по крайней мере борется с враждебными требованиями, пока чувствует в себе достаточное количество сил для этого.

Французское дворянство XVI и XVII века не могло уже взыскивать с своих крестьян неограниченных повинностей, но ему удалось, как раз в эти столетия, провести почти во всей Франции принцип „Nulle terre sans seigneur". Теория „traditio fundi", на которую оно при этом опиралось, была в своем историческом обосновании ошибочной, и королевская власть недаром восстала против требования дворянского наказа 30 января 1577 года объявить все имения „féodales et censuelles". Однако, в действительности,

---

великой революции, которая, начавшись во Франции, охватила всю Европу. De l'etude de l'histoire: Oeuv. стр. 105 и сл.—Сходно и Holbach, Ethocratie, стр. 46 и сл.—Уже в 1762 г. Dupuy Demportes, обсуждая вопрос о разделе общинных земель, говорит: „Но, может быть, скажут, что эти земли часто принадлежат сеньерам, что эти последние получают с них оброк и не откажутся от него добровольно. Жалкое возражение! Почему вы защищаете интересы тиранов и узурпаторов? Отошлите их к Пипину! И, если их право было тогда установлено с согласия вассалов, то пусть они пользуются им, я ничего не имею против". Le Gentilhomme-Cultivateure, I Art. „Communes".

[1]) Относительно крепостного права, как символа всякой несвободы в 18 веке см. Jan-von Jordan-Rozwadowsky, Die Bauern im 18 jährhundert und ihre Herren: Jahrbuch für. Nat-Ök. u. Stat. XX (1900), стр. 361.

этот принцип, как было уже сказано, нашел себе очень широкое применение [1]. Он был *общим*, хотя и не всеобщим правом, т.-е. имел силу во всех провинциях, особые законы которых не заключали в себе определенно противоположного постановления, так, напр., во всех кутюмах, которые не отвергали его или не противопоставляли ему принципа „nul seigneur sans titre" [2].

Благодаря этому в сфере действия кутюмов, отвергавших само, без письменного документа [3], даже самая свободная земля подвергалась опасности быть объявленной со стороны сеньера повинной платить ему феодальные поборы.

Сам король, в качестве верховного феодального сюзерена, объявил ордонансом 1629 года, что все земли, не зависящие от какого-либо другого сеньера, находятся в феодальной зависимости от него лично, если не смогут доказать документально своего аллодиального характера [4]. Это обстоятельство в еще большей степени стало побуждать дворянство распространять территориально свои уменьшающиеся в финансовом отношении феодальные права. Легисты и феодисты, Раго, Ла-Рок, де-ла-Томасьер, Ферьер, Бакé, Салвень [5] и многие другие, написавшие тогда свои объемистые сочинения, служили большею частью его интересам.

Правда, уже тогда тот или иной из выдающихся правоведов, как напр., Шарль Луазо, осмеливался бичевать своею насмешкою злоупотребления феодального правления [6]. Но в начале XVII столетия дворяне были способны выносить более сильные удары представителей интеллигенции, чем впоследствии их внуки в XVIII веке. Д'Аржансон говорит, что дворяне XVII века были львами и тиграми, терзавшими друг друга, в XVIII же веке они играли друг с другом, как собачки, которые кусают, не нанося ран, или как прелестные кошечки, царапины которых никогда не бывают смертельными [7]. Но этим он невольно произносит свой приговор над современным ему дворянством.

В правление Людовика XIV мощь французского дворянства была сломлена. Его связь со страной исчезала все более и более. Его „реакция" против напора буржуазного мира становилась все слабее. В результате получился глубокий упадок феодального господства в первые десятилетия XVIII века: вожжи тогда были настолько ослаблены, что многочисленные феодальные

---

[1]) Pansey, Dissertations, I, стр. 23 и сл.—Ср. также E. Glasson, L'evolution de la propriété foncière en France, pendant la periode monarchique. Compte rendu de l'Académie de Sciences morales et politiques (Paris 1899), LII, стр. 373—374.—Maury, De la civilisation en France depuis le 17 siecle; Rev. des Cours Litt. стр. 556 и сл.

[2]) Pansey, Dissertations, I, стр. 42.

[3]) См. выше стр. 245.

[4]) Isambert, Recueil, XVI, стр. 317.—Относительно дальнейшего развития этого принципа см. Sagnac, Quomodo Iura dominii aucta fuerint Regnante Ludowico Sexto Decimo (Парижск. диссертация 1898 г.), стр. 10—16.

[5]) Ragueau, Indice der droits royaux et seigneuriaux (1587).—La Roeque, Traité de la noblesse, de son origine etc. (1678). -Th. de la Thaumassiere, Traité du Franc-Alleu (1679).-Claude de Ferrière, Traité des Fiefs (1680); Commentaire sur la Coutume de Paris (1682).—Bacquet, Traité du droit des franc-fiefs (1630).—Denis de Salvaing, Traité de l'usage des fiefs et autres droits seigneuriaux (1668).—К более выдающимся принадлежат еще Hévin (умер в 1692 г.) и Claude Poquet de Livonière (умер в 1726 г.).

[6]) См. Glasson, op. cit, стр. 379.

[7]) „В конце концов, я все же предпочитаю жить в нашем веке, чем в предшествующем: несомненно, тогда люди были более храбрыми и отважными; .... в настоящее время общежитие более прочно: нам приходится опасаться, самое большее, только легких ссор или шуток, которые можно легко перенести, если успеешь ответить на них". D'Argenson, Essay dans le goût de ceux de Montaigne (1785), стр. 270—271.

повинности стали взиматься очень вяло, другие же впали в забвение и утеряли силу вследствие давности [1]).

Лишь около середины столетия начало замечаться некоторое усиление интереса к феодальным правам. Толчком послужило одно чисто внешнее обстоятельство. 27 октября 1737 года сгорело в Париже здание „Chambre de Comtes". Чтобы хоть до некоторой степени восполнить частично погибшее собрание актов и „вместе с тем всячески обеспечить права сеньеров", указ 26 апреля 1738 года, за которым последовал ряд других (до 1742 г.), постановил, чтобы все хартии, lettres patentes, закладные и прочие юридические документы, данные сеньерам или их предкам французскими королями, были переданы Chambre des Comptes для возобновления.

Это постановление дало повод к бесконечному числу расследований; поступление актов происходило очень медленно и продолжалось до конца сороковых годов [2]). Благодаря этому внимание сеньеров было привлечено к их архивам; ученые архивариусы получили новую работу, и изучение феодальных прав достигло нового расцвета.

В 1746 году появились первые результаты этой работы в виде обширных сочинений Гюйо и Ла-Иуа де-Фременвиля. Оба они заявляют, что к составлению этих трудов их побудили многочисленные поручения в связи с возобновлением и приведением в порядок феодальных архивов и те затруднения, на которые они наталкивались при овладении этим запущенным материялом [3]).

Но забота о феодальных правах, вызванная внешним поводом, скоро бы окончилась ничем, если бы она не совпала с началом времени, когда феодальными господами овладел совершенно неожиданный интерес к сельскому хозяйству и в связи с этим к положению их имений.

Мы уже видели, как часть сеньеров снова обратилась к ведению хозяйства в собственных имениях, и как некоторые из них сделались даже пионерами нового интенсивного земледелия. Естественным следствием этого обстоятельства было то, что для увеличения своих денежных средств они пытались привести в порядок свои доходы и права. Не в меньшей степени в усилении своих финансовых ресурсов нуждались и владельцы из среды буржуазии, так же, как и арендаторы и управляющие дворянских имений, арендная плата за которые после 1750 г. значительно возросла, если только они не хотели отставать от времени. Но даже в тех случаях, когда не наблюдалось особого интереса к усовершенствованию сельского хозяйства, сила времени должна была заставить феодальных господ обратить свое внимание на состояние их поместий и прав, отчасти для того, чтобы обеспечить свои интересы при общем финансовом расцвете, но в еще большей мере для борьбы с той несомненной опасностью, которая грозила феодальным правам благодаря все возраставшему натиску буржуазных идей.

---

[1]) „...таким образом, небрежность сеньеров... служба сеньеров в армии, невнимательность арендаторов и управляющих привели к тому, что многие цензы были позабыты". Frémainville. La Pratique, II, стр. 645.—„В некоторых местностях, судя по книге одного сеньера из Турени, недоимки не уплачивались с 1730 года; в Дофинэ крестьяне не платили с 1743 года; в середине века наблюдается глубокий упадок сеньериального режима, почти полное забвение вытекающих из него основных фактов". Saginac, La propr. fonc.; Rev. d'Hist. Mod. et contemp., III, стр. 170.—Idem, Quomodo jura dominii etc., стр. 22. Avenel, Histoire économ., I, стр. 232—234.—Fraas, Gesch. der Landwirtschaft, стр. 325.—Tocqueville, L'anc. rég., стр. 117.—Taupiac, Statistique agricole de Castelsarrasin (Paris 1868), стр. 321 и сл.—Marion, Les classes rurales; Rev. des Etudes Hist. LXVIII, стр. 335 и сл.

[2]) Ср. Frémainville, La Pratique, I, стр. 29—50.

[3]) Traité des droits seigneuriaux Бутарика, вышедший в свет в том же году, является посмертным сочинением. Бутарик умер в 1733 году.

Юридическое исследование феодальных прав расцвело только с 1750 1789 г.г. еще раз совершенно неожиданным образом. За своей первой работой Фременвиль написал целый ряд других. Тогда же написали свои увесистые тома in quarto о феодальных сюжетах („de matières féodales et censuelles") Лаплас, Ренольдон, Эрве, де-Лашапель, Фюржоль и Анрион де-Пансей [1]).

Как раз это собирание и приведение в порядок феодальных материалов показало тогда внимательным противникам феодального господства, какое огромное бремя тягот и ограничений налагали „эти остатки старой анархии", особенно на крестьянство; для их натиска на это господство был дан таким образом как бы концентрированный пункт для нападения. Вдобавок к этому новейшие феодисты сами отнюдь не всегда стояли на стороне сеньеров: напротив, многие из них, например, Гюпо, Ренольдон и в особенности Анрион де-Пансей, подвергали более или менее резкой критике происхождение и правомерность феодальных прав [2]).

Правда, вначале все они помогли сеньерам, прямо или косвенно, в трудной работе по возобновлению их „terriers".

Возобновление же „terriers" было внешним признаком возрождающейся „феодальной реакции".

„Terrier", как было уже сказано, представлял сборник актов, заключавший в себе все законы, права, преимущества и т. д., затем договоры с держателями земель сеньерии и относящиеся сюда „признания" (reconnaissances), подписанные нотариусом [3]).

Первоначально эти „Reconnaissances" делались крестьянами лишь порознь, в случаях смены владельца (в сходной форме давались державшими дворянские лены вассалами „Aveux et Dénombrements"). Позднее сеньеры, в целях обеспечения и приведения в возможно больший порядок своих прав, присвоили себе право требовать иногда одновременного „признания" со стороны всех жителей сеньерии и поручать составление таких общих terriers особым чиновникам, бо́льшею частью нотариусам, за счет крестьян и вассалов [4]).

Благодаря этому на жителей сеньерий пало новое бремя, и притом на владельцев дворянских имений не в меньшей степени, чем на не дворянских держателей; „Aveux et Dénombrements", повидимому, были связаны большею частью с гораздо большими расходами [5]).

[1]) Fréminville, La Pratique (1752—1759, 5 томов in 4°); Traité historique de l'origine et nature de Dixmes (1752); Dict. ou traité de police generale des villes, bourgs, paroisses et seigneuries de campagne (1758); Traité de Iurisprudence... des communes et Seigneuries (1763); Les vrais principes des fiefs, en forme de Dictionnaire (1779). — Laplace, Introduction au droits seigneuriaux (1749); Dict. des fiefs et autres droits seigneuriaux (1757).—Renauldon, Dict. des fiefs et des droits seigneuriaux utiles et honorifiques (1765, 1 том in 4°, 1788, 2 тома in 4°); Traité historique et pratique des droits seigneuriaux (1765).—Hervé, Théorie des matières feodales et censuelles etc. (1775 1785, 7 томов in 12°).—De Lachapelle, op. cit.—Furgole, Traité de la Seigneurie féodale et du franc alleu naturel (1767).—Henrion de Pansey, op. cit.

[2]) Так, напр., они выводили многие права сеньеров из узурпации: ср. Guyot, Traité I, стр. 342.—Fréminville, La Pratique, II, стр. 239.—Pansey, Dissertations, I, стр. 25 и сл.—См. также Lomenie, Les Mirabeau, II, стр. 18—19 и 23—24.—Glasson, L'evolution de la propriété, стр. 380.

[3]) Подробнее у Fréminville, La Pratique, I, стр. 61.

[4]) Pansey, Dissertations, § XXVI. Des Terriers, I, стр. 546 и сл.

[5]) Pansey называет их „formalité infiniment dispendieuse": ibid., стр. 535. Лишь король требовал от своих вассалов и наследственных ценситариев меньшую часть расходов, стр. 553—554.—Ср. Arrêt du Conseil du 19 Iuin 1736 qui régle les salaires des Notaires etc., Lachapelle, Code des Terriers, стр. 362—368.

Высота этих нотариальных расходов в разных провинциях была различной, так как до 1786 года по этому поводу не существовало никаких общих постановлений. Фреминвиль приводит несколько регламентов, которые определяют размеры расходов от 5 су (за первый объект кадастра и 2 су 6 денье за каждый последующий) до 30 су (за первые 1—2 объекта и 2 су 6 денье за каждый последующий). Но при этом он замечает, что вообще следует держаться указа 19 июня 1736 года, который устанавливает для городских terriers плату в 50 су за каждый объект, а для сельских terriers в 30 су за первый и в 5 су за каждый последующий объект [1]).

Однако, тяжесть нотариальных расходов едва ли была самой чувствительной стороной возобновления terriers. Это последнее, усилившееся особенно после 1750 г. благодаря успехам аграрного движения, вызвало гораздо большее ожесточение среди сельского населения потому, что оно всюду являлось угрозой для обеспеченности старинных прав владения.

С упадком феодального правления во второй половине XVII и первой половине XVIII века феодальные terriers стали вестись хуже и содержаться в меньшем порядке, чем раньше [2]). При возобновлении их во второй половине XVIII века охотнее, поэтому, обращались к terriers XV и XVI веков, „которые обыкновенно были составлены чрезвычайно хорошо“ [3]). Благодаря этому препятствия, которые мешали крестьянам спокойно пользоваться своими владениями, и причины которых отчасти нам уже известны, еще более умножились. У одних крестьян накопились за несколько десятилетий недоимки забытых или не взыскивавшихся феодальных прав; другие уже давно считали себя свободными от этих повинностей. И вот они вдруг увидели, что их благосостоянию угрожает серьезная опасность, или, по крайней мере, что у них исчезает всякая надежда на освобождение от повинности благодаря давности.

Отказ от возобновления terriers был бесполезен, так как сеньер после опубликования разрешавших ему это возобновление Lettres patentes [4]), мог наказать всякое неповиновение и даже конфисковать по судебному решению землю цензитария, отказывавшегося дать „Reconnaissance“ [5]). Этой опасности подвергался даже аллод, так как он, несмотря на все свои свободы, обязан был давать кадастровые показания сеньеру haut-justicier при составлении общих terriers [6]). Эта обязанность получала особое значение в провинциях, которые не признавали аллода без письменного документа, в том случае, когда собственник окруженной цензивами аллодиальной земли не мог документально доказать ее аллодиального характера. Сеньер мог тогда подчинить это алло-

[1]) Fréminville, LaPratique, I, стр. 304—306.— Я останавливаюсь на этих данных так подробно потому, что Саньяк в эдикте от 20 августа 1786 г., установившем эти сборы в размере 30 су за первый и 15 су за каждый следующий объект для городов и 15 и 7½ су для деревень, усмотрел поддержку феодальной реакции со стороны правительства и шестикратное увеличение расходов по составлению terriers. См. Quomodo jura dominii etc, стр. 28—29. Сравнение этих расходов до и после 1786 г. дает для городов даже известное облегчение, для деревень же, правда, некоторое не особенно приятное, но отнюдь не шестикратное увеличение (благодаря установлению платы в 7½ су за каждый дальнейший объект). Соответственно с этим следует видоизменить утверждение Саньяка. Против него высказался уже и Wahl, „Die feodale Reaction von 1781“ в Hist. Vierteljahrschrift (1898), стр. 217 и сл.

[2]) „...они (т.-е. terriers) страдают от большого числа ошибок, особенно те, которые были составлены в конце последнего века и позднее“ говорит Fréminville, La Pratique, I, стр. 52.— См. также Pansey, Dissertations, I, стр. 557.

[3]) Fréminville, ibid. стр. 214.

[4]) Духовенство даже вовсе не нуждалось в этом разрешении. Ibid., стр. 67.

[5]) Guyot, Traité, IV, стр. 433.— Fréminville, I, стр. 75 и сл. и 303.— Дворянские имения подвергались „Saisie féodale“.—Pansey, Dissertations, I, стр. 553.

[6]) Fréminville, La Pratique, I, стр. 131—135.

диальное владение всем феодальным правам сеньерии: множество судебных процессов показывает, что в подобных попытках не было недостатка [1]).

Нельзя, конечно, отрицать, что, путем возобновления terriers, сеньеры в общем правомерно пытались защитить свои интересы, восстановляя свои, наполовину пришедшие в забвение, права и взыскивая недоимки. Но при бесконечной запутанности феодальных отношений задолженность отнюдь не всегда была злой. Крестьянин, как мог, защищал свои владения против „новых несправедливостей": бесчисленное количество вызванных этими спорами процессов заполняло во второй половине XVIII века французские суды [2]). „Феодальное правление, пишет в 1776 году Бисерф, представляет из себя „un état contentieux par excellence", т.-е. является неисчерпаемым источником мелких процессов: последние питают все возрастающую армию чиновников и юристов, непрерывно ожесточая друг против друга обе стороны, и господ и подвластных, и тем не менее их результаты одинаково невыгодны как для тех, так и для других" [3]).

Парламенты, заполненные в значительной степени дворянами или по крайней мере находившиеся под сильным влиянием последних, первоначально были безусловно на стороне сеньеров. Так, в 1756 и 1758 г.г. они не признали никакой юридической силы за тридцатилетним бесспорным владением, и сеньер, благодаря этому, мог присоединить к своему домену земельные участки крестьянина, если они не были перечислены в terrier последнего, хотя бы они издавна входили в состав крестьянского имения [4]). Правда, под влиянием освободительного движения в последующие десятилетия парламенты вынуждены были отказаться от этой точки зрения и признать юридическую силу за тридцатилетней давностью владения [5]).

Но как раз потому, что решения парламентов стали, повидимому, к концу Старого Порядка несколько более благоприятными для крестьян [6]), сеньеры пытались еще более энергично отстаивать свои интересы. Эта реакция была естественна и правомерна. Вопрос заключался лишь в том, был ли тот способ, которым сеньеры защищали свои интересы, действительно наилучшим. Крестьяне тогда уже не были беззащитными: во всей Франции говорили о заботах о крестьянском благосостоянии. Но еще важнее было то, что сами крестьяне начали сознавать свою силу. Авторитет сеньеров падал все больше и больше [7]), и с 1760 г. стали умножаться случаи, когда крестьяне открыто выражали свою ненависть и презрение к феодальным господам и отказывались

---

[1]) Ср. Guyot, Traité, II, 45 и сл.—Frémainville, La Pratique, I, стр. 61—62 и 205—209. Pansey, Dissertations, I, стр. 554.

[2]) Ср. отдел: „Un grand nid à procès" у Lomenie, Les Mirabeau, II, стр. 35.

[3]) Ibidem.

[4]) Pansey, Dissertations, § XXVIII „Le seigneur est-il en droit de réunir à son domaine l'excédent des quotités déclarés dans les anciennes reconnaissances des censitaires?" I, стр. 559.

[5]) Решения 1778, 1779 и 1781 гг. см. Pansey, ibidem, стр. 560—561.

[6]) Lomenie, Les Mirabeau, II, стр. 18 и 34.—Также Wahl, Die feudale Reaction, loc. cit. Валь полемизирует с Саньяком, отстаивающим противоположное утверждение; см. Quomodo jura domini etc., стр. 25—26. Было бы очень желательно более точное изучение этого вопроса. Для ясного разрешения его пока еще нет достаточных доказательств. В сомнительных случаях парламенты всегда высказывались за сохранение *феодальных поземельных рент*: „В общем,—говорят в 1782 г. Розье,—необходимо начинать, лишь с большою осторожностью процессы относительно столь сомнительных вопросов; суды .... относились всегда благоприятно к цензу". Cours, II, стр. 629.

[7]) Более подробно см. Tocqueville, L'anc. rég., стр. 44 и сл.—Boussière, La Révolution, I, стр. 152—153 и II, стр. 70 и сл. Taine, L'anc. rég., стр. 495 и сл.

от исполнения повинностей [1]). При таком настроении крестьянства возобновление terriers могло, как это случилось в 1764 г. с маркизом Мирабо, стоить сеньеру шестидесяти процессов с населением его сеньерии, принося ему взамен лишь довольно незначительный поземельный ценз [2]).

В этой общей борьбе, значение которой стало постепенно осознаваться крестьянами, сеньеры перед революцией все еще могли противопоставить крестьянству во многих провинциях значительную силу, и не удивительно, что в эпоху, когда социальные противоречия обострялись с каждым годом, они временами пользовались ею не только для того, чтобы отстоять свои старые права, но и для того, чтобы по возможности расширить их или даже создать новые.

Так, в период от 1750 по 1789 г.г. сеньеры начали отменять без всякого вознаграждения права крестьян на пользование лесом и пастбищами и объявлять целиком или отчасти своею собственностью общинные земли, пустоши, залежи, дюны, речные острова и т. д.; они пытались то тут, то там повысить „случайные повинности“ („droits casuels“), расширить свои дорожные права и баналитеты и даже ввести новые [3]). Мне еще предстоит более подробно остановиться на этих попытках при рассмотрении наказов; здесь же я хочу упомянуть лишь об одной из них, носящей совершенно особый характер, так как она лишь отчасти подходит под понятие феодальных прав, однако все же имеет ближайшее отношение к хозяйственной „реакции“ сеньеров: я имею в виду попытку расширить десятину.

Первоначально десятина была чисто церковным учреждением (dîme ecclésiastique); но с течением столетий части ее были розданы в лены светским сеньерам: так наз. „dîmes inféodées“ [4]). Кроме того, десятина распадалась на „grosses dîmes“, взимавшиеся с основных культур: пшеницы, ржи, овса, ячменя и винограда, „menus et vertes dîmes“, падавших на горох, бобы, чечевицу, коноплю, клевер и т. д., и, наконец, на „dîmes novales“, которые взыскивались с поднятой нови [5]). По поводу двух последних видов десятины с середины века началась ожесточенная борьба между сельскими хозяевами и духовенством.

[1]) Ср. A. Combier, Les Justices seigneuriales, стр. 112 и сл.

[2]) Lomenie, Les Mirabeau, II, стр. 38—40. Примечание.—A. Cherest, La chute de l'anc. rég, I, стр. 51 (есть русск. перев., изд. Брокгауза) приводит этот случай в качестве яркого проявления феодальной реакции в его толковании. Но он не дает никаких доводов, кроме утверждения, что права маркиза были „au moins douteux“. Шере вообще слишком склонен видеть в феодальной реакции отражение политической и административной „реакции 1781—1789 г.г.“ и совершенно недооценивает ее причины, крывшиеся в борьбе хозяйственных интересов. По той же причине его хронологическое определение также не совпадает с феодальной реакцией. Что же касается до „правительственной реакции“, то о ней мне еще придется говорить.

[3]) Karéiew, Les paysans, стр. 86 и сл.—Girardot, Les assemblées, стр. 213.—Avenel, Hist. econ. I, стр. 218.—Saginac, op. cit., стр. 33 и сл.—Sumner Maine, Des causes de la decadance de la propriété foncière: Revue generale du droit, I, стр. 336—337.—Относительно злоупотреблений „droit de retrait“ см. Marion, Les classes rurales; Rev. des Etudes Hist. LXVIII, стр. 232.—Об употреблении сеньерами неверных мер, см. Arrêt. du 5 mai 1770 pour Périgord y Boussière, La Revolution, I, стр. 144 и сл. и II, стр. 107 и сл.

[4]) Code Rural, стр. 130—131.—Десятина никогда почти не равнялась $^1/_{10}$, составляя иногда $^1/_9$, но большею частью $^1/_{12}$ или еще меньшую долю урожая (ibidem, стр. 123.—Young, Reisen, II, стр. 434); но она ложилась так тяжело потому, что взималась с валового урожая, безразлично с хорошей ли или плохой земли, и взыскивалась ранее всех других феодальных прав, даже шампара. Pansey Dissertations, I, стр. 327—328.

[5]) Code Rural, стр. 125 128.—„Dimes inféodées“ были обычно „Grosses dîmes“, но они могли включать в себя и другие виды десятины, если об этом определенно упоминалось в юридическом документе, стр. 133.

Постановления канонического права, согласно которому духовенство имело право получать десятину со всех плодов и животных, во Франции не признавались, и при взимании десятины следовали юридическим актам и местным обычаям [1]. Если, напр., пашня превращалась в луг или лес, владелец десятины только в том случае мог требовать ее с новых плодов, если перемена культуры захватывала больше, чем одну треть платившей до тех пор десятину земли [2].

Эти и разные другие постановления стали вслед становиться источником столкновений после того, как начали засаживать в широких размерах как новь, так и старую культурную землю новыми растениями, картофелем, репой, люцерной, эспарцетом и др. Духовенство стремилось взимать десятину со всех этих культур и тем ставило чрезвычайно серьезные препятствия как разработке новых земель, так и искусственному травосеянию, а вместе с тем и распространению более интенсивных систем земледелия [3]. В этом вопросе парламенты почти всегда становились на сторону крестьянства, и еще в 1784 г. Парижский парламент вручил правительству записку, в которой отстаивал освобождение от десятины вновь разработанных земель („novales") [4]. Комитет по сельско-хозяйственному управлению также весьма усердно занимался в 1785 и 1786 г.г. этим вопросом и обратился к королю с ходатайством предоставить священникам предусмотренное повышение „portion congrue" лишь при условии отказа от „dîmes vertes" [5]. Особенно горячо в защиту интересов сельского хозяйства выступил Дюпон-де-Немур, заявивший, что предоставить духовенству право облагать десятиной новые культуры значит дать ему возможность задерживать улучшения, имеющие величайшее значение: „Нужно тем более остерегаться предоставлять ему подобное право, сказал он в заседании 7-го апреля 1786 г.,—что эти улучшения должны принести пользу не только ему самому, но и народу и королю: во всякой помехе развитию земледелия заключается вред, наносимый третьему лицу или, скорее самому обществу" [6].

Однако правительство молчало, как всегда, когда дело шло об основных переменах в церковных делах, и новая десятина продолжала существовать в ущерб сельскому хозяйству [7].

Но в общем эти нововведения так же мало являлись правилом, как вышеупомянутые попытки сеньеров, и не они составляли основное содержание

---

[1]) „ ... в этом отношении у нас не следуют вполне каноническому праву, а применяются к обычаям, к юридическим актам" и т. д. Encyclopedie, IV, стр. 1092—1093.

[2]) Ibidem, стр. 1093.

[3]) Уже в 1760 г. Turbilly пишет: „Десятина во многих местах, главным образом на плохих землях, мешает поднимать новь". Mémoire, стр. 301—302.—См также Sagnac, La legislation, стр. 66.—Bon Ernouf, De l'influence de la Revolution sur l'agriculture: Revue de la Revolution (1884), IV, стр. 395. – Karéiew, Les paysans, I стр. 60

[4]) Pigeonneau et Foville, L'administration, стр. 26 и 32—34.– Это обстоятельство говорит против воззрения Шере, который видит в этом вопросе общую реакцию парламентов с 1781 года в пользу духовенства. См. Cherest, La chute de l'anc. rég., I, стр. 44—47.

[5]) Заседание 7 июля 1785 г.; Pigeonneau et Foville, ibidem, стр. 17.

[6]) Ibidem, стр. 225; см. вообще стр. 224—231.

[7]) Брошюра „Les Fléaux de l'Agriculture" (10 апреля 1789) упоминает об одном „Arrêt du grand Conseil" от 4 декабря 1756 г., в котором правительство стало на сторону духовенства; см. „2-e fléau, Excès de Dîmes", стр. 14. Судя по этим данным, „Правительственная реакция" началась гораздо ранее восьмидесятых годов в противоположность утверждению Шере.

феодальной реакции: последнее заключалось скорее в изображенном выше возобновлении феодальных прав и взыскании недоимок.

Благодаря этому движению с 1750 г. возник целый штат чиновников, „commissaires à terrier", извлекавший из „запыленных архивов изъеденные червями грамоты" гибнущего класса [1]). Когда Ла-Иуа де-Фременвиль написал в 1746 г. свою „Pratique Universelle des Terriers" „инструкцию, являвшуюся для общества тем более необходимой и полезной, что до этого времени ни один автор не разработал этого вопроса" [2]), лишь в немногих провинциях, Лионэ, Форе, Божолэ, Шароллэ, Бресс и Лангедоке, существовали некусные „comissaires à terrier", появившиеся по образцу комиссаров Швейцарской республики [3]). Однако, в 1789 г. наказ Шателлеро жаловался на то, что в течение уже многих лет самым ужасным бичом сельского населения являются terriers, составлявшиеся по приказанию сеньеров: „Ясно — говорит наказ,—в какой мере terriers должны были истощать страну, если сословие феодистов превратилось в доходную и вместе с тем очень распространенную профессию" [4]).

Рост особого класса чиновников,— чтобы стать Commissaire à terrier, нужно было получить от короля особый Lettres-Patentes,—и необходимость издать особый регламент для сборов, платимых при составлении terriers судьям и комиссарам [5]), лучше всего показывают силу и распространение „феодальной реакции".

Так как постановления регламента 1786 г. заключали в себе повышение нотариальных расходов для сельских местностей, то он лишь увеличил ожесточение сельского населения против возобновления terriers [6]). Но ненависть крестьянства направлялась в еще бо́льшей степени против обыкновения сеньеров отдавать часть недоимок по феодальным правам нотарнусам и комиссарам, чтобы усилить их рвение [7]). Этим способом сеньеры создали себе толпы готовых к услугам помощников. Однако, пример Бабефа, который, в качестве commissaire à terrier, потерял свое состояние, так как сеньеры без всяких оснований удерживали или уменьшали его вознаграждение, показывает, что феодальное презрение к сделанной работе в состоянии было превратить даже этих помощников в ожесточенных врагов [8]).

Но оставим в стороне детали и подведем итоги вышесказанному. Хозяйственная и политическая борьба между привилегированными сословиями и буржуазией, все более и более обострявшаяся перед революцией, одновременно и ускоряла и задерживала прогрессивное развитие сельского хозяйства: *ускоряла*, поскольку не только буржуазия, но и привилегированные, отчасти под влиянием новых идей, отчасти лишь ради финансовых выгод, снова обратили свое внимание на сельское хозяйство и положение крестьянского населения; *задерживала*, поскольку этот новый интерес естественно вызывал у сеньеров стремление поддержать свое приходящее в упадок могущество и снова вернуть себе утерянное идейное и материальное влияние на деревню. Так как для

---

[1]) Ср. Fréminville, La Pratique, II Avis, стр. 3—4.
[2]) Avis au Lecteur, стр. 8.
[3]) La Pratique, I, стр. 554.
[4]) Arch. Parlem, II, стр. 696.
[5]) „Lettres Patentes, данные в Версали 20 августа 1786 г. и зарегистрированные 5 сентября". Напечатано у Pansey, Dissertations, I, стр. 557—559.
[6]) Ср. стр. 268, примечание 1.
[7]) Pansey, Dissertations, I, стр. 554—557; „Часто случается, что сеньер уступает нотарнусу, возобновляющему Terrier, часть недоимок по феодальным правам". и т. д.— См. также Saguac, Quomodo etc., стр. 25—26.
[8]) Advielle, Hist. de Babeuf, I, стр. 47—48.

достижения этой цели у них не хватало ни силы, ни ясного понимания, чтобы вступить на путь, соответствовавший изменившимся условиям времени и хозяйственной жизни, и так как, напротив, они хотели прежде всего поддержать и усилить устаревшее феодальное господство как раз в области хозяйственных отношений, то они сами перенесли бурю, уже бушевавшую в среде буржуазии, в земледельческую часть населения, которая чувствовала в „феодальной реакции“ помеху и угрозу для своего подъема.

Эта буря носила, однако, иной характер, чем та, которая охватила буржуазию; она бушевала не из высотах политических идеалов, а в низинах экономической борьбы за существование. Когда буржуазия громко требовала свободы и равенства, то в этих требованиях звучало скорее стремление к власти и господству, к свободному самоопределению в области социальной и политической жизни в соответствии с ее идеалами. Когда же о свободе начал кричать крестьянин, то в его криках чувствовалось скорее желание порвать цепи, которые сковывали его труд, начиная от поземельной и кончая жатвой, и его жизнь от рождения вплоть до самой смерти, чувствовалось стремление сбросить, наконец, с себя тяжелое бремя, которое он нес в течение столетий в пользу сеньеров, величайших собственников, „seigneurs“, его земли и его труда.

Все эти столкновения и требования должны были получить свое отражение в наказах великого года перелома — 1789 года.

III. Аграрное движение и начало революции.

1. Отношение правительства к сельскому хозяйству за время от 1750 до 1789 г.

Здесь было бы уместно охарактеризовать в особой главе отношение правительства к аграрному движению 1750—1789 г.г.; но, с одной стороны, я уже отчасти останавливался на мероприятиях правительства, поскольку они связывались с отдельными моментами этого движения, с другой стороны, исчерпывающая характеристика позиции правительства должна была бы, не говоря уже о рассмотрении вопросов государственного устройства, прежде всего иметь в виду организацию и изменения налоговой системы, которую я сознательно исключил из этого этюда [1]). Я хочу лишь путем обзора наиболее характерных черт в отношении правительства к сельскому хозяйству подойти к 1789 году.

Пока механизм управляемого абсолютной властью государства еще крепок, пока взаимоотношения между государем и подданными и правовые отношения между отдельными классами и индивидуумами еще признаются всеми законными и необходимыми, до тех пор правление даже слабого короля не является еще несчастьем для государства. Но в эпоху переворотов, когда происходит переоценка прежних ценностей в политической и общественной сфере, когда изменившееся взаимоотношение классов ищет себе выражение в новых правовых и общественных формах, словом, в „эпоху социальной борьбы“ слабый король почти всегда является несчастьем именно для абсолютистского государства.

---

[1]) Я отказываюсь здесь от этой характеристики тем легче, что Адальберт Вааль (Waal), насколько мне известно, в последние годы поставил своей задачей вновь исследовать управления Франции в эпоху Старого Порядка.

В период 1750—1789 г.г. французская корона не принадлежала ни одной мало-мальски сильной личности.

Если Людовик XV был слаб от старости и расслабления, а Людовик XVI несмотря на молодость и добродетель,—то это не создает никаких различий между ними, как правителями. Оба плыли по течению: у них не было самостоятельной творческой мысли, не было инициативы, не было даже старинной доблести королей — стойкости. Как мало значит в сравнении с этим то достоинство, что у них была „добрая воля". Но именно благодаря тому, что они обладали этой доброй волей, и открылась эпоха колеблющихся решений и половинчатых реформ.

Мы уже видели, что правительственная политика хлебной торговли за время от 1753 до 1789 г. характеризуется постоянной сменой свободы и стеснений. Было бы затруднительно вполне оправдать эти колебания по отношению к внешней торговле: по отношению же к внутренней — сделать это невозможно.

Если попытки осуществить свободу хлебной торговли внутри страны постоянно оканчивались неудачей, то это по большей части объясняется тем, что они наталкивались на сопротивление самого правительства, и прежде всего тем, что король всегда считался с мнением „bonne ville de Paris", бывшей центром хлебной торговли, предоставляя этому городу особые привилегии [1]). Парижский парламент защищал в этом вопросе интересы столицы: если, напр., король 22 января 1769 г. кассировал парламентские решения, направленные против свободы торговли, защищая свой собственный эдикт 1763 г., потому что „польза его оправдывает и общим желанием", и что „он не намерен ничего изменять в нем" [2]), то уже 23 декабря 1770 г. забракованные мероприятия парламента издаются почти дословно в качестве постановления Государственного совета [3]).

Из этого же внимания к Парижу проистекали отчасти и привилегии, предоставлявшиеся большим спекулятивным обществам хлебной торговли, как напр. Société Malissei. Это общество в особенности оказало решительное сопротивление длительному успеху эдиктов 1763 и 1764 г. и, как показали Афанасьев и Блох, вера в „pacte de famine" была вызвана деятельностью главным образом его комиссаров. [4])

Новый указ Людовика XVI от 13 сентября 1774 г. признал, что прежние сделались иллюзорными благодаря ряду ограничений [5]); но тем не менее король вскоре вновь установил для Парижа особые правила [6]), и только через

---

[1]) См. Afanasiev. Le commerce des céréales, стр. 222 сл.—„Все решительно делается в нашем королевстве для этой столицы", пишет Mercier в 1772 г.: „ей приносятся в жертву города, целые провинции... Королевство напоминает рахитичного ребенка. Все соки поднимаются в голову и увеличивают ее. Такие дети умнее других, но весь остальной организм хрупок и истощен. Умные дети не живут долго". L'an 2440, стр. 5 и прим. 6.

[2]) Arrêt du conseil qui casse un arrêt du parlement de Paris relatif au commerce des grains. 22 Janv. 1769: Isambert, Recueil, XXII, стр. 485—486.

[3]) Arrêt du parlement de Paris concernant le commerce des grains. 29 août 1770.—Arrêt du conseil qui astreint ceux qui voudront faire le commerce des grains à donner leurs noms, prénoms, demeure de ceux de leurs associés et le lieu de leurs magasins, à peine de confiscation. 23 Déc. 1770. Isambert, XXII, стр. 500 и 509.

[4]) См. также резкую статью Rozier против „commissionnaires" хлебной торговли. Cours, III, стр. 437; также I, стр. 177.—Ср. еще Maugain, Etudes I, стр. 326 сл.

[5]) Arrêt du Conseil sur la liberté du commerce des grains dans le royaume Isambert. Пов. сер. I, стр. 30—39, особенно стр. 37.

[6]) Ср. Letires patentes sur la liberté du commerce des grains. 2 nov. 1774 art. 5; ibid. стр. 43.

полтора года и лишь благодаря Lit de Justice 12 марта 1776 г. торговля для Парижа стала вновь свободной [1]).

Как известно, и эти свободы были утрачены после падения Тюрго, и поэтому Лавуазье вкладывает в середине восьмидесятых годов в уста правительства следующие слова, обращенные к сельским хозяевам: „Собирайте меньше хлеба или же давайте ему гнить в закромах и становиться добычей насекомых“ [2]). Когда, наконец, декларация 17 июня 1787 г. вновь возвратила свободу хлебной торговле и объявила ее с этих пор „état habituel et ordinaire dans notre royaume“ [3]),—никто уже не верил в действительное осуществление правительственных эдиктов. И с полным основанием! Год спустя вывоз был строго запрещен по случаю неурожая; это, может быть и имело свои основания: но когда указ, утверждая, что внутри страны должна поддерживаться полная свобода хлебной торговли, в то же время возобновляет „старое обязательство покупать и продавать только на рынках“, дабы „бороться с спекулянтами и барышниками“, -то это уже звучит почти как насмешка [4]). После этого не приходится уже удивляться, когда на следующий год появляются новые постановления, благодаря которым землевладельцы и арендаторы могли быть принуждены снабжать рынки достаточным количеством хлеба, вследствие чего правительственные комиссары могли предпринять осмотр запасов в закромах и амбарах [5]).

Хотя прямые отношения правительства к сельскому хозяйству и не были подвержены столь сильным колебаниям, но и в этой области не было решительных мер. Здесь можно различать четыре периода, гранями которых служат 1781, 1785 и 1787 года.

Первый и самый продолжительный период от 1750 до 1781 г. был для сельского хозяйства наиболее плодотворным. Если в нем и наблюдаются моменты упадка, как 1770 г., и моменты подъема, как 1764 г. и эпоха министерства Тюрго, то с этим все же не было связано принципиальных изменений в заботах правительства о сельском хозяйстве. Бертен, как мы видели, создал в то время (от 1763 до 1781 г.) нечто в роде сельско-хозяйственного министерства и вместе с Лаверди, младшим Трюдэном, Абейлем, Дюпон-де-Немуром и др. защищал пред лицом правительства интересы сельского хозяйства. Жалобы Гербера в 1755 г., что среди многочисленных законов, преследующих благосостояние государства, так мало относящихся к земледелию [6]), уже неприменимы к последующим десятилетиям. Число эдиктов и указов стало возрастать, особенно после 1760 г.; что же касается уже имевшихся, то их выполнение совершенно изменилось благодаря тому, что дух правительственных чиновников стал совершенно иным; в частности интенданты решительно изменили свое прежнее отношение к интересам сельского хозяйства. [7])

Но тем не менее у правительства совершенно не было дальновидной и целесообразной аграрной политики.

---

[1]) Declaration portant suppression de tous les droits établis à Paris sur les blés etc. 5 févr. 1776; Reg. au lit de justice du 12 mars 1776; Ibid., стр. 318—329. Декларация от 10 февраля 1776 г. отменила также и ограничения внешней торговли, которые еще заключались в эдикте 1764 г. Ibid стр. 354—356.

[2]) Pigeonneau et Foville, L' administration, стр. 411.

[3]) Isambert, Rec. Новая серия VI, стр. 362.

[4]) Arrêt du conseil concernant le commerce des grains 22 novembre 1788; ibidem. VI, стр. 629—631.

[5]) Arrêt du conseil concernant les grains et l'approvisionnement des marchés. 22 avril 1789, art. 1—2; ibid, стр. 663—665.

[6]) Herbert, Essai sur l'Agriculture в „Essai sur la Police“, стр. 329.

[7]) См. Tocqueville, L'anc. rég. стр. 251—252.

Эдикты в защиту полевых посевов от прав общинного выпаса давались то одной, то другой провинции, в зависимости от настойчивости просителей или ходатаев, от бо́льшей или меньшей податливости парламентов, но энергичной попытки дать общее решение вопроса, хотя бы путем выкупа, не делалось [1]).

Точно так же обстояло дело с вопросом об отрубах, разрешение которого как раз в это время стояло на очереди. Только для Бургундии и Бресс в 1770, 1771 и 1777 г.г. были изданы незначительные распоряжения, несколько облегчавшие обмен участков земли размерами не свыше 10 моргенов до 31 декабря 1780 г. [2]).

Мы уже видели, что почти не делалось попыток общих узаконений для урегулирования запутанных арендных отношений. Правительство полагало, что оно достаточно считается с требованиями новой экономической жизни, освободив в 1762 г. от феодальных пошлин некоторые виды аренды продолжительностью более 9-ти лет. Радость, с которой было встречено это мероприятие [3]), должна была бы показать правительству, как необходимо было совершенствование законодательства в этом направлении; но дальнейшее развитие было дано только революцией.

Известно как быстро правительство уступило натиску противников при реформе ненавистной corvée, от тяжести которой Тюрго стремится освободить сельское хозяйство. Но и предприятия, с большим успехом расцветшие под покровительством власти, вновь распадались, потому что сверху недоставало направляющей руки, которая умела бы использовать и сохранить их силы. Сельско-хозяйственные общества, с таким энтузиазмом основанные в шестидесятых годах, в 1770-ых годах стали медленно приближаться к гибели [4]). Благодаря Бертену, Тюрго, Буржела и аббату Розье в 1761 г. в Лионе (потом в Альфоре) и Лиможе были учреждены ветеринарные школы, деятельность которых оказалась чрезвычайно благотворной для французского скотоводства [5]); после падения Бертена им было отказано в финансовой поддержке со стороны государства [6]). Но тогда как они, по крайней мере, продолжали существовать, образцовое имение Анель, устроенное Сарсэ де-Сютьером в 1771 г. близ Компьеня также при поддержке правительства и связанное со школой практического сельского хозяйства, должно было в 1781 г. прекратить свое существование [7]).

Подобная же судьба постигла и другое учреждение, радостно приветствовавшееся современными филантропами. Агроном Моро де-ля-Рошетт превратил каменистый участок земли в 400 гект. в цветущие питомники плодовых деревьев. В целях дальнейшей поддержки своего предприятия, он обра-

---

[1]) Так для Лотарингии в июне 1767; Шампани, в марте 1769; Бар, в авг. 1769; Беарн в февр. 1770; Эно и Фландрии в мае 1771; Оксерруа, Маконнэ, Бар на Сене, в авг. 1771; Булоннэ, в сент. 1777; для приходов (?) Вилье и Нуайен, в марте 1780 г. См. выше стр. 237—Ср. также Isambert, Recueil, II. C. III, стр. 136—137; IV, стр. 280 и прим. VI. стр. 486.

[2]) Déclaration du 2 Déc. 1777; ibid. III, стр. 153.

[3]) „Поверхность всего королевства изменит свой вид, скоро ни один участок земли не останется необработанным, и сельское хозяйство обогатит государство и народ", писал Journ. oecon. (1762 Juillet), стр. 310—311.

[4]) Ср. Lavoisier, Mém. sur le département d'Agriculture; Pigeonneau et Foville, стр. 401.

[5]) Mauguin. Etudes I стр. 288 сл.—Лионская школа в 1764 г. была возведена в „Ecole royale de la médicine vétérinaire".

[6]) Ibid. стр. 296.

[7]) Ibid. стр. 331.—О предприятии Сарсэ де-Сютьера ср. также Robinet. Dict. Univ, I, стр. 567—571.

тился к правительству с просьбой передать в его ведение известное число питомцев воспитательного дома, чтобы использовать их для посильных сельских работ, воспитать их характер и внушить им любовь к труду. Bureau de Commerce в 1765 г. пошло навстречу этому предложению и преобразовало в 1767 г. имение Ля-Рошетт в королевский питомник [1]. Успех этого предприятия содействовал тому, что вскоре во всех провинциях королевства были учреждены питомники, в которых работали дети из воспитательных домов в возрасте 12–15 лет. Они оставались там до 25 лет, делались затем „maîtres pépiniers“, поскольку находились вакантные места, или же получали вознаграждение в 300 ливров. Но успех этот не был длительным. Уже в 1769 г. указ 1764 г. был отменен; правда, в следующем году Терре восстановил его, однако, в 1780 г. питомники были окончательно закрыты Неккером, не пытавшимся даже исправить сначала недочетов в их управлении [2].

Однако, в 1778–1780 г.г. Неккер осуществил одно важное дело: введение провинциальных собраний в Берри, Дофинэ, Монтобане, Верхней Гиени и Мулене [3]. Духовными инициаторами этого дела были д'Аржансон, Мирабо, Тюрго и Дюпон де-Немур [4]. Уже самые имена этих деятелей показывают, что здесь дело шло о предприятии, имевшем в виду интересы сельского хозяйства. Действительно, эти новые собрания, не говоря уже об их административных заботах о распределении и взимании налогов, развили оживленную деятельность в области борьбы с Vaine-Pâture, распространения новых методов культуры и прежде всего введения искусственного травосеяния и прочих условий, необходимых для развития интенсивного плодосменного хозяйства [5].

Эти собрания, составлявшиеся из городских и сельских жителей, находились в непосредственной связи с деревней, и эта связь могла бы еще больше усилиться благодаря намечавшемуся образованию муниципальных собраний; поэтому план ввести их во всех французских провинциях открывал сельскому хозяйству самые блестящие перспективы [6]. Но и эти надежды покамест не сбылись, а 1781 год принес с собой, вместе с падением Неккера, временный отказ от этого крупного административного преобразования [7].

Таким образом, несмотря на добрую волю, почти все попытки правительства, предпринятые им в течение трех плодотворных десятилетий от 1750 до 1780 г. закончились неудачей, и народ все больше и больше приходил к убеждению, что он должен помочь себе сам.

В особенности во втором периоде от 1781 до 1785 г. правительство показало всю свою слабость.

Отсутствие личного влияния Бертена неблагоприятно отразилось вскоре после его ухода на сельском хозяйстве. Хотя новый генеральный контролер Жоли де-Флери и сделал значительный шаг вперед, преобразовав „Intendants des finances“, до тех пор имевших в своем заведывании территориально отграниченные округа, в особые ведомства: по сельскому хозяйству

[1]) Arrêt du Conseil du 9 février 1767.

[2]) Maugain, стр. 331–333.

[3]) Isambert, Rec. H. C., III, стр. 354–356 и IV, стр. 85 и 118.—См. также Lavergne, Les assemblées provinciales, стр. 17–32.

[4]) D'Argenson, Considérations (Ed. 1784), стр. 202, сл.–Mirabeau, Mémoire sur les assemblées provinciales (1750).—Относительно планов Тюрго и Дюпона ср. Schelle, Dupont de Nemours (1888), стр. 190 сл.

[5]) См. Girardot, Les assemblées prov., стр. 175, 247, 271–272, 281, 303, 311, 336, 391 и т. д.—Кареев, Les paysans, стр. 342–346.—Maugain, Etudes, I, стр. 378–380.

[6]) Ср. Butel-Dumont, Recherches sur l'administration des terres (1779), Disc. prél., стр. XXXIX сл.

[7]) Chérest, La chute, I, стр. 36.—Lavergne, Les assemblées, стр. 100–115.

эта мера не принесла прямой выгоды, т. к. оно не получило особого управления. Но и, кроме того, в этом году, как мы уже видели, пришел в упадок целый ряд созданных ранее сельско-хозяйственных учреждений, и до 1785 г. правительством не было предпринято почти ни одной заслуживающей внимания меры [1]. Только Парижский парламент, претендовавший с 1778 г. на своего рода автономию в королевстве, издал в это время ряд постановлений, имевших в виду, с одной стороны, защиту полей от пастьбы скота и собирания колосьев, а с другой стороны, поддержку прав сборщиков колосьев [2]. Как ни полезны были некоторые частности этих указов, они все же ни в одном пункте не подвинули вперед свободного развития земледельческой культуры, а указы 19 мая 1783 г. и 2 июля 1786 явились в этом отношении даже прямым регрессом [3].

На чем же была основана бездеятельность правительства за эти годы?

Причина этого заключалась отчасти в том, что Людовик XVI не умел привлекать к себе подходящих людей. Придворной клике привилегированных, которая после падения Тюрго вновь почувствовала за собою силу, как раз в это время удавалось ставить у кормила правления только угодных ей лиц.

Но, тем не менее, даже и в эти годы еще нельзя говорить о „правительственной реакции", — по крайней мере в экономических вопросах. Главная причина бездеятельности правительства заключалась в полном расстройстве финансов, которое со времени отставки Неккера (19 мая 1781 г.), в особенности благодаря большим расходам на войну с Англией, давало себя знать больше, чем когда-либо.

Как только легкая рука Калонна вновь снабдила государственную казну деньгами, начались попытки возобновить начинания Бертена. После дороговизны 1785 г., с которого начинается третий период, правительство вновь сосредоточило свое внимание на сельском хозяйстве. Король пытался обеспечить крестьянам свободу собирать жатву вопреки сеньерам и некоторым неблагоприятным решениям парламентов [4]. В 1785 г. по его приказу бедным крестьянам, потерявшим свой скот из-за недостатка корма, было роздано значительное число коров [5]. Сам Калонн пользовался всеми доступными средствами, чтобы заново организовать преподавание сельского хозяйства в Альфоре [6]. Неудачные опыты Трюдэна и Тюрго в целях улучшения овцеводства были возобновлены под руководством Добантона и Тессье, и в 1785 г. была учреждена королевская ферма Рамбулье [7], ставшая в последующие десятилетия исходным пунктом для значительного подъема французской шерстяной промышленности.

Парижское сельско-хозяйственное общество пополнило в это время состав своих членов, вновь начало издавать свои записки и не только выработало для правительства инструкцию относительно кормовых трав, искусственных

---

[1]) Mauguin, Etudes, I, стр. 383 сл.

[2]) Arrêts du parlement 12 nov. 1778; 23 janv. 1779; 15 mai 1779; 3 juin 1779; 4 juillet 1781; 11 juillet 1782; 16 févr. 1784; 10 août 1784; 28 févr. 1785; 30 nov. 1785; 9 févr. 1786; Isambert, Rec. H. C., III, стр. 453; IV, стр. 16—17, 88—90, 93—94; V, стр. 47—49; 204—206, 364, 453—454; VI, стр. 15—16, 114—117 и 148—149.

[3]) Arrêt du parlement qui permet aux habitants du Vermandois et de Vitry-le-François de mener paître leurs moutons dans les prés après la faux, etc., 19 mai 1783; ibid. V, 279—281. — Arrêt du parlement qui fait défenses de se servir de la faux pour les blés, 2 juillet 1786; ibid. VI, стр. 211.

[4]) См. Mém. d'Agric. 1785, Automne, стр. XVII—XXVI.

[5]) Société d'Agric. de Paris выпустила в память этого события медаль, ibid. стр. VI—VII.

[6]) Mauguin, Etudes, I, стр. 297 сл. и 331.

[7]) Ibid. стр. 383 сл.

луга и „драгоценных преимуществ плодосменного хозяйства" [1], которая была разослана во все провинции, но также само выписывало из Англии, Эльзаса и Лимузена семена хороших кормовых растений и раздавало их крестьянам парижского генеральства [2].

В том же 1785 г. при под руководством Гравье де Верженна [3], был учрежден особый „Comité d'administration de l'Agriculture", объединивший лучших деятелей науки и наиболее выдающихся знатоков сельского хозяйства, чтобы, с одной стороны, подавать с веты правительству во всех экономических вопросах, а с другой просвещать сельское население словом и примером [4]. Лавуазье, Дюпон де-Немур, Пармантье, Тиль, Дарсе, Тунгерг Лиенкур, Шессак и еще ряд выдающихся людей развили в этом комитете неустанную деятельность, направленную к поднятию сельского хозяйства; об ее благодетельном влиянии я уже упоминал.

Но это сельско-хозяйственное управление страдало от той же болезни, которая парализовала силы его предшественников, именно от недостатка в финансовых средствах [5].

Напрасно оно постоянно обращалось к генеральному контролеру с просьбой об усилении финансовой поддержки, ему так и не удалось добиться постоянного фонда для своего департамента [6].

Средства Калонна к добыванию новых денежных ресурсов, как известно, скоро были исчерпаны.

Он уже не видел выхода из банкротства. Парламенты отказывали в каких бы то ни было займах и новых налогах; они даже намеренно подрывали кредит правительства и стали во главе народного движения, требовавшего созыва генеральных штатов. Наступил момент, когда народ уже не ждал помощи сверху, уже не желал этой помощи, так как он сам хотел помочь себе, сам определить свою судьбу. Бурбоны оказались недостаточно устойчивыми; они не смогли противостоять бурному напору нового времени, и оно опрокинуло их.

Не видя выхода, Калонн, всегда смелый и решительный, впервые после почти двухсотлетнего перерыва решился обратиться к народу. Весной 1787 г. он созвал собрание нотаблей, казавшееся ему менее опасным, чем генеральные штаты.

Главной целью его при этом было добиться разрешения новых налогов [7]:

[1] „Необходимо варьировать культуры. . . . Плодосменная система имеет то драгоценное преимущество, что она смягчает вредное влияние непостоянной погоды на жатву; одни растения произрастают, напр., при сырой погоде, которая для других оказалась бы вредной" и т. д. Instruction sur les moyens de suppléer á la disette de fourrages et d'augmenter la subsistance des bestiaux, publ. par ordre du roi, mai 1785. Lambert, Rec. Hic., VI, стр. 52—53.

[2] Mém. d'Agric. 1785 Eté, стр. XI—XVI.

[3] Он был племянником графа Верженна, которому Калонн был обязан своим возвышением. Pigeonneau et Foville, L'administration, стр. 7 введения.

[4] Ange Goudart предлагал уже в 1756 г. нечто подобное. „Проект экономического совета или палаты земледелия, составленной из 60 лучших практиков сельского хозяйства в королевстве, с генеральным интендантом земледелия во главе, и управляемой государственным секретарем, специально назначенным для этого отдела" и т. д. Les intérêts malentendus de la France, I, стр. 112—179.

[5] „С возмущением увидели в отчете 1781 года, что ... в самом конце детальной годичной сметы расходов в 250 милл., все сельское хозяйство королевства было представлено очень незначительной суммой в 27000 ливр., половину которой оно должно было отдать еще рудникам. — Abbé Baudeau, Principes économiques de Louis XII: Opposés aux systèmes modernes (1785), стр. 45.

[6] Ср. Pigeonneau et Foville, L'administration, стр. 119—120, 150—152, 158, 174, 175—176 и 415.

[7] A. Wahl, Die Notabelnversammlung von 1787 (1889), стр. 14—15. — Schelle, Dupont de Nemours, стр. 259 сл.

по отчасти действительно сознавая, что настоящее положение не может продолжаться, отчасти стремясь склонить общество в пользу своих планов, он взумил страну смелыми проектами реформ, неслыханными после 1776 г. Он призвал Дюпон де-Немура для выработки новых планов и, казалось, намеревался продолжать дело Тюрго, осуществлять идеи физиократов [1]).

С этого момента начинается четвертый период.

Время мелких поправок миновало, началась эпоха реальных реформ. Теперь уже недостаточно было изменить тут какое-нибудь право, выпасть там — устаревшее юридическое условие.

Классовые интересы пришли в резкое столкновение: глубочайшие причины всех зол, налоговые привилегии, феодальные ограничения и стеснения сельского хозяйства, стали вскрываться с полной беспощадностью. Идея современного государства объявила войну остаткам феодального государства.

То, что должно было спокойно развиться в течение сорока лет, начиная с 1750 г. под покровительством правительства, теперь в течение нескольких лет стало пробиваться к жизни с бешеной стремительностью.

Калонн не был способен взять на себя руководство этим движением, он оставил министерство уже 9 апреля 1787 г. После его ухода не могло надолго удержаться и его создание — Комитет сельского хозяйства. 31 июля Лавуазье изложил новому генеральному контролеру в длинной записке происхождение и пользу Комитета. Состоялось еще несколько заседаний, но после 18 сентября они окончательно прекратились [2]).

С самостоятельным существованием Комитета тем самым было покончено: Almanach royal 1788 г. о нем уже не упоминает. Он был побежден противником, с которым находился во вражде с самого своего возникновения. Комитет претендовал с самого начала на центральное положение по отношению к сельско-хозяйственным обществам королевства, намереваясь руководить ими и контролировать их [3]).

Против этого живейшим образом восстало парижское Сельско-хозяйственное общество, которое было на четверть века старше и как раз в 1785 г. переживало новый период расцвета [4]; после падения Калонна оно действительно одержало верх над Комитетом.

Регламент 20 мая 1788 г. заявлял, что король в точности ознакомился с развитием Сельско-хозяйственного общества за последние годы и с той высокой пользой, которую оно принесло в деле улучшения различных форм культуры и усовершенствования методов обработки. Чтобы в еще большей мере способствовать почетному положению сельского хозяйства, „первого из искусств и источника общественного счастья и благополучия", и в то же время даровать Сельско-хозяйственному обществу новый знак своей милости и благосклонности, он желает сделать его средоточием различных сельско-хозяйственных обществ королевства [5]).

[1]) Schelle, loc cit.—A. Wahl, стр. 21 сл.

[2]) Pigeonneau et Foville, приведя протокол последнего заседания, замечают, что они не могут дать более никаких сведений о дальнейшей судьбе Комитета. Я попытался сделать это в дальнейшем.

[3]) См. записку Дюпон де Немура 5 янв. 1786: Idees sur le Gouvernement de l'agriculture et sur les avantages, qui peuvent résulter de la bonne administration de ce département". Pigeonneau et Foville, стр. 149.

[4]) Ср. „Mémoire sur la différence qui existe et qui doit exister entre l'Assemblée d'administration de l'agriculture et la Société d'agriculture de Paris". Ibid. стр. 199 сл.

[5]) „.... d'en former le centre commun et le lien de correspondance des différentes Sociétés d'Agriculture du royaume". Réglement fait par le Roi, du 30 mai 1788; Mém. d'Agric., 1788, Ete, стр. III—IV.—Также у Isambert, Rec. H. C., VI, стр. 573 сл.

То, чего добивался Комитет сельского хозяйства, было таким образом предоставлено парижскому Сельско-хозяйственному обществу. В то же время упомянутым регламентом оно было переименовано в „Королевское Сельско-хозяйственное общество" (Société royale d'agriculture), и его заседания были перенесены в залы парижской ратуши [1]). Я не буду подробно останавливаться на процессе его преобразования. Самое замечательное в нем было то, что общество тесно связывалось с правительством, и внутри его образовывался комитет из восьми членов, *назначавшихся* генеральным контролером финансов. Этот комитет должен был рассматривать „вопросы сельского хозяйства и сельской экономии", интересовавшие администрацию, на случай, если правительство найдет нужным запросить о них комитет [2]).

Другими словами, распущенный „Comité d'administration de l'agriculture", независимое положение и постоянные финансовые требования которого были неудобны правительству, вновь возродился здесь в более тесных рамках и лишенный всякой самостоятельности внутри Сельско-хозяйственного общества. Этот факт подтверждается тем обстоятельством, что первыми членами нового комитета, назначенными правительством 10 июля, были Тилье, Демаре, Далы, Лафебвр, Туэн, Лавуазье, Дюсон и Брюссоне [3]), т.-е., за исключением Далы, все члены или деятельные корреспонденты старого Комитета. Это слияние произошло тем легче, что большинство членов старого Комитета уже до 1785 г. были членами парижского Сельско-хозяйственного общества; остальные были приняты в 1787 г. [4]).

И теперь эти люди посвящали свои силы благу сельского хозяйства [5]; но как неохотно они расстались со своим самостоятельным положением, показывают главные рассуждения Дюпона в Немурском наказе. Он превозносит деятельность старого Комитета и выражает свое глубокое огорчение („une véritable douleur") по поводу того, что правительство распустило его и сосредоточило все свои заботы на Королевском Сельско-хозяйственном обществе. Он убедительнейше просит генеральные штаты отнестись к сельскому хозяйству с таким же вниманием, как и к другим отраслям народного хозяйства, и прежде всего создать для него самостоятельное управление [6]).

Дело в том, что в ход преобразования Управления торговли и финансами 5 июня 1787 г. в пять департаментов, сельское хозяйство опять не получило собственного управления. Различные отрасли его были распределены между другими ведомствами, и не было чиновника, на обязанности которого лежали бы доклады по сельско-хозяйственным вопросам [7]).

Спокойная и целесообразная выработка системы управления в то время нигде и никем результате стоя же невозможна, как и разработка законодательства.

При [illegible] XVI продолжал покровительствовать сельскому хозяйству, назначая премии лучших сельских хозяев и за лучшие сочинения

---

[1]) Art. 1; ibid., стр. IV.
Art. 16; стр. XI.
[2]) Ibid., стр. XIV—XV.
[3]) Это были: д'Ормессон до Шесень, Пуассонье и д'Арсе; Лавуазье не сделался членом ранее 1788 г. „A cette époque"; см. список членов; Ibid., стр. XVII—XXV.
[4]) О деятельности комитета Сельско-хозяйственного общества см. Lavergne, loc. cit., notices, стр. 165.
[5]) Mich. par., IV, стр. 191—192.
[6]) Прежде сочинения того времени, как в названии Совета торговли вместо слова „и сельского хозяйства" но не о том деле, касающемся сельского хозяйства не было в нем достаточно; не существует даже докладчика, которому это было бы поручено". Ibid., стр. 191—Подробности см. у Maugin, Études, стр. 365 и 366.

по вопросам земледелия, и даже устроил лотерею с капиталом в двенадцать миллионов ливров в пользу крестьян, пострадавших от града.

Но как мы уже сказали, время этих мелких поправок, замазывавших лишь внешние недочеты здания, но не подводивших под него нового фундамента, миновало.

Если созданное Калонном сельско-хозяйственное управление исчезло вместе с ним, то созванное им собрание нотаблей все же открыло собою новую эпоху. Ему удалось добиться для сельского хозяйства того, на чем потерпел неудачу Тюрго: превращения барщины (corvée) в денежный оброк [1]; оно добилось также и той реформы, от которой пришлось отказаться Неккеру: повсеместного введения провинциальных, окружных и муниципальных собраний [2]). Токвиль показал, какое громадное по своим последствиям значение имело особенно это последнее мероприятие [3]). Абсолютная монархия уступила таким образом место демократии: она поставила рядом со своими чиновниками выборных представителей народа! Ближайшим последствием недостаточно ясного разделения обеих властей была, правда, большая путаница во всей администрации, которая вскоре дала себя знать всякому гражданину в его частной жизни и необычайно повысила возбуждение народа в политическом отношении.

К этому присоединялось еще и то, что нотабли не смогли разрешить двух важнейших вопросов, а именно: вопроса о равном распределении налогов среди всех сословий и о реформе сеньериального строя в деревне [4]).

Неравное распределение налогов, как известно, всей тяжестью ложившихся на крестьянина, явилось тогда, в качестве наиболее явного выражения классового господства, исходной точкой начинавшейся политической борьбы. При открытии собрания нотаблей король назвал „более равномерное распределение налогов" одною из целей правительства [5]); само дворянство частью высказалось в пользу отмены податных привилегий, но Ломени-де-Бриенн не решился даже представить парламенту податной эдикт, чтобы не повредить остальным реформам [6]). Словом, этот столп сословного строя и привилегий оставался непоколебимым; в еще меньшей степени был затронут другой: собранию нотаблей не было сделано даже предложения реформы сеньериального порядка в деревне.

Нигде, как здесь, не проявились так отчетливо слабость правительства, недостаток с его стороны глубокого понимания переворота в экономической жизни и отсутствие всякой сильной инициативы. Так как, желая яснее показать это, я не характеризовал отношения правительства к этому вопросу по отдельным периодам, я еще раз возвращусь к началу аграрного движения.

Мы видели, что почти одновременно с ним обозначилось сильное стремление к отмене феодальных прав. Уже довольно рано начали появляться проекты

[1]) Déclaration pour la conversion de la corvée en une prestation en argent 27 juin 1787; reg. 28 juin. Isambert, Recueil H. C. XVI, стр. 374—376.

[2]) Edit portant création d'assemblées provinciales et municipales. Juin 1787; ibid. стр. 364—366.

[3]) Tocqueville, L'anc. rég., стр. 285 сл.—См. также Block, Les assemblées municipales de 1787; Hist. économique, стр. 117—156.—Taine, Les origines, La Rev., I стр. 10 сл.—Lavergne, Les assemblées, стр. 110 сл.—Aulard, Histoire politique, стр. 17.

[4]) Точно также они не коснулись, конечно, и цехового устройства в городах. Ср. A. Wahl, Die Notabelnversammlung, стр. 87.

[5]) Discours du roy du 22 fevr. 1787. Arch. parl. I, стр. 188.

[6]) Schelle, Dupont de Nemours, стр. 270. — Wahl, Die Notabelnversammlung стр. 85—86.

мирного разрешения этого вопроса [1]. В семидесятых годах подобные предложения были сделаны Тюрго и Бонсерфом. В свое министерство Тюрго составил подробный план реформы: он разделил феодальные права на подтвержденные юридическими документами и подлежащие поэтому выкупу и на захваченные им узурпацией и подлежащие полному отмене без всякого возмещения. Но при осторожности короля в этих вопросах, он ничего не мог сделать здесь в законодательном порядке [2], и его призыв к обществу через посредство статьи Бонсерфа прошел бы незамечен, если бы не то, что Парижский парламент счел эту статью, а сам Тюрго вскоре был вынужден уступить раздраженным представителям привилегированных сословий и покинуть свой пост. Король не стал его удерживать.

Это было время, когда в Австрии и Пруссии также делались попытки смягчить феодальное господство [3]; Карл Эммануил III Сардинский эдиктом 19 декабря 1771 г. подал европейским государствам пример отмены в своем королевстве всех феодальных прав под руководством и контролем правительства, и его законодательство нашло сочувственный отклик и в соседней Франции [4].

Если бы французская монархия хотела остаться верной традициям своего прошлого, она должна была бы последовать этому примеру. Подобно тому, как она некогда приложила свои усилия к освобождению личности, а впоследствии и к эмансипации городов от гнета феодальной власти, так и теперь она должна была бы стать во главе освобождения крестьянской земли [5].

Но в этом направлении при Людовике XV и Людовике XVI не было сделано почти ничего. Людовик XVI решился подойти лишь к одному мероприятию, уже подготовленному Тюрго в интересах полной свободы внутренней торговли, а именно, к отмене всех феодальных прав, лежавших на хлебной торговле, как то: prestations [6] и др. Указ 13 августа 1779 г. объявляет эти права, „в большинстве своем порожденные несчастными и расстроенными обстоятельствами старого времени", одинаково вредными для торговли, для сельского хозяйства и для промышленности. Но так как король не мог из-за войны заняться полной их отменой, он, желая тем не менее подготовить ее, предписывает всем обладателям подобных прав представить точные сведения о их размерах и ближайших обязательствах [7].

Но этим и ограничилось дело до революции [8].

В вопросе о крепостных, mainmortables [9], которые еще оставались в королевстве, Людовик XVI также мало отличался в решительный шаг и не пошел далее отмены [10] на своих собственных землях. На пути Тюрго, Бонсерфа и прежде всего Кольбера не нашел своей ограниченной борьбы в начале, как против всех остатков личного рабства.

[1] См. Lavergne, Mémoire (1866), стр. 5—20. Mollé, Mémoire sur les moyens de faire disparaître graduellement la mendicité dans un grand royaume. Lyon, Delaroche (1764 Avec), стр. 58.

[2] Foncin, Turgot, стр. 5—6. Lavergne, стр. 5—6.

[3] Mauvillon, Hist. I, стр. 35—36.

[4] См. Knapp, Die Bauernbefreiung, I, стр. 81 сл.—Fraas, Gesch. der Landwirtschaft, I, стр. 427.

[5] Young, Reise, стр. 256.

[6] Дополнительное право (Mollé, Mémoire sur les moyens de faire disparaître graduellement la mendicité dans un grand royaume. Lyon, Delaroche, 1764 Avec), например выкупа феодальных прав. Ср. также Foncin, loc. cit.—Cp. также Lavergne, I.—Mirabeau, II, стр. 11.

[7] Arrêt du conseil concernant les droits seigneuriaux sur les grains, farines et autres espèces, du 13 août 1779; Isambert, Rec. XXVI, стр. 145—149.

[8] Отмену упоминает еще в 1780 г. один из депутатов, выступавших перед Людовиком против этого королевского феодального права; в провинции Берри в 1781 г. [illegible] См. Lavergne, La Révolution et le Berry, стр. 21 сл.

И здесь правительства Савойи (1762 г.) и Пруссии (1763 г.) достигли известных улучшений [1]. Во Франции положение крепостных, как в смысле численности, так и в смысле обязанностей, было наиболее благоприятным по сравнению со всеми государствами континента. Тем не менее Людовик XVI не поцмался даже отменить „corvée reelle“ для всей Франции. Только право преследования (droit de suite или poursuite), которое впрочем уже почти не применялось [2], было отменено для всего королевства статьей 5 й эдикта 10 августа 1779 г. [3].

Этот эдикт, правда, высказывает пожелание уничтожить „остатки суровой феодализма“ на всех землях королевства, но в то же время прибавляет, что состояние финансов не позволяет государству выкупить эти права сеньоров!

Поэтому, из унизительного крепостного состояния были освобождены лишь крепостные королевских доменов, которые еще были прикреплены к земле и рассматривались как ее часть [4]) и „таким образом лишали общество результатов той рабочей силы, которую можно вернуть только путем свободного собственника“: им были предоставлены не владения в „уступленный дом“ и „случайные“ повинности, которые купцы оставляли с собой [5]).

Чтобы побудить сеньоров к подражанию, номинальные акты при подобного рода сего отменных были объявлены сами по себе данью от всех сборов, так как „эти освобождения рассматривались скорее как *отказ* естественного права, чем как отчуждение“ [6]).

Сеньоры не последовали этому примеру. Мирон де-Нанси должен был еще написать свое сочинение о крепостных, начинающееся следующими обличительными словами: „Нет преступления, за которое человеку не приходилось бы краснеть: нет порока злого, которого бы он не имел природе: нет зла, которого бы он не причинил своим ближним: но самое большое зло, без сомнения, заключается в том, что он осмелился посягнуть на их свободу“ [7]. Крепостные Мон-Дье должны были еще обратиться со своей большой жалобой к королю и генеральным штатам, прежде чем богатые сен-клодские аббаты отпустили на свободу своих рабов.

Правительство не сделало для них ничего.

В этом вопросе дело обстояло точно так же, как и в других: буржуазия второй половины XVIII века не имела средств свергнуть государственную власть, начавшую в то время свое победоносное шествие. Пусть в том или другом отношении под влиянием свободолюбивых стремлений эпохи они и добились застарелые цепи феодальной крепостной ломки, но гильзы феодальную перчатку они все же стремились удержать в неприкосновенности [8]), не сознавая, что

---

[1]) Bonnemère, E., Le Collier, histoire de la servitude, стр. 293 и след.; Kovalevsky, M., Bonnemère, E., стр. 118 сл.

[2]) „Jusqu'à ce que [illegible] [illegible] [illegible]

они служат таким образом не благу государственного целого, а интересам одного только привилегированного класса.

Что значит в сравнении с этим то обстоятельство, что Людовик XVI в 1787 г. отменил несколько ненужных лакейских должностей, сократил свою конюшню, уничтожил сокольню и волчий питомник, а Мария Антуанета урезала расходы на свой двор на 900000 ливров [1]). Эта мера, знаменующая собой упадок блестящего двора, производит почти что грустное впечатление: но эти дети на троне уже не годились для нового столетия.

Когда и собрание нотаблей 1787 г. не смогло разрешить в пользу правительства „необъяснимой загадки", как называл граф Артуа то обстоятельство, что, несмотря на огромный прирост национального богатства, *государство* находилось в состоянии крайней нужды [2]), король уступил давлению общественного мнения и решил в ноябре 1787 г. созвать генеральные штаты [3]).

С этого момента начинается во Франции эпоха неслыханного политического брожения и волнений. То была предвыборная борьба не между организованными партиями или узкими профессиональными группами, а между основными классами, на которые распадался народ. Крестьянское сословие составляло большую часть народа; буржуазия и дворянство соперничали между собой в 1787—1789 г.г., стремясь привлечь его на свою сторону.

Во втором собрании нотаблей 1788 года, которое должно было рассмотреть вопрос об избирательной системе, дворянство пыталось доказать, что интересы городских и сельских жителей совершенно различны, и что поэтому они ни в каком случае не должны иметь общих представителей; сеньеры дворяне и духовенство являются „естественными защитниками" крестьян; их интересы — интересы деревни, и поэтому им одним подобает быть представителями сельского населения. С своей стороны буржуазия также выставляла себя единственным истинным представителем крестьянского сословия [4]).

На деле, в то время противоположность между буржуа и крестьянином была едва ли меньше, чем между крестьянином и сеньером. Но буржуазии сумела использовать сеньериальный строй в деревне в качестве орудия против дворян-сеньеров, и так как правительство соединило городское и сельское население в одну общую массу избирателей [5]), то оказалось, что почти весь народ противостоял двум первым привилегированным сословиям в качестве „третьего сословия".

Во многих отношениях это было невыгодно для крестьян. Большие официальные „cahiers de doléances" третьего сословия, которые должны были представить генеральным штатам пожелания населения и которые возникли

Recueil, II. C., IV, стр. 389—395 и V, стр. 15—45. Речь идет здесь о спорном вопросе относительно освобождения поместий от феодальной зависимости путем своего рода аренды, почти равносильной продаже. Чтобы не причинять убытку сторонам, король признал освобождения, состоявшиеся до 1775 г., ввиду общераспространенного юридического заблуждения; но на будущее время феодальная зависимость должна была оставаться неприкосновенной.

[1]) Réglement du roi sur quelques dépenses de sa maison et celle de la reine; 9 août 1787; Rec. VI, стр. 416—419.

[2]) Requisitoire sur l'édit de surséance apporté au conseil des aides par M. le comte d'Artois, le 17 août 1787; Arch. parl., I, стр. 254.

[3]) „Le roi ayant fait connaître au mois de novembre dernier, son intention de convoquer les états généraux" etc. Arrêt du conseil, concernant la convocation des états-généraux du royaume, 5 juillet 1788. Duvergier, Rec., VI, стр. 601.

[4]) Cp. Avis et motifs du 6-e bureau de l'Assemblée des Notables (1788) и Motifs du 6-e bureau; Arch. parl., I, стр. 437—438 и 474.

[5]) Как полагает Claessin, в надежде использовать низшие классы против образованных буржуа. Le génie de la révolution, I, стр. 107.

из слияния первичных городских и деревенских наказов, большею частью ослабили требования низших слоев.

К счастью, нам теперь сделалось известным большое число первоначальных крестьянских наказов, так что мы можем познакомиться и с этими затушевавшимися пожеланиями крестьянства. В последнее время начали доказывать и разумеется, с полным основанием, что многие из этих жалобных и обвинительных тетрадей, этих народных программ пожеланий и реформ 1789 года, покоятся в своих цифровых данных на ложных основаниях, и что их утверждения не всегда согласуются с тогдашней действительностью, но когда, в какие моменты истории *есть*, в истинное ли или ложное, не имела большего влияния, чем голый факт? Из наших человеческих представлений о вещах вытекают наши желания и наша воля, только тогда, когда желание пытается претвориться в действие, мы наталкиваемся на реальную силу вещей, и лишь тогда начинается вечная борьба за достижимое.

Таким образом, наказы 1789 года прежде всего говорят нам обо всем, что думали люди того времени о старом состоянии государства и общества, и чего они ждали от нового. Под влиянием этих представлений о прошлом и будущем они формулировали свои требования для настоящего.

Принимая во внимание большое духовное влияние тогдашней буржуазии, мы заранее можем предположить, что перо крестьянина очень часто держала рука образованных горожан.

Позже в течение последних десятилетий в связи с пробуждением экономической жизни в деревенские круги стали сотнями путей проникать дух просвещения. Тенденция всей эпохи была направлена на поднятие духовного уровня народа, и вопреки Вольтеру интенданты и сельско-хозяйственные общества рано начали приобщать крестьянство к новым знаниям [1]. „Им нужно делать добро, даже против их желания, если это необходимо, говорил Бутанвилье в 1786 г., нужно принуждать их быть более состоятельными и более счастливыми" [2].

Чтобы войти в более близкие сношения с недоверчивыми крестьянами, охотно обращались к посредничеству сельских священников. Тюрго уже с шестидесятых годов привлек к их содействию [3], и, вероятно, по его примеру, Комитет сельско-хозяйственного учителства завел в 1786 г. оживленную аграрную корреспонденцию с монастырями ордена премонстратов и подчиненными им сельскими священниками. Аббат Летобэр, душа этого предприятия уже в 1787 г. со радостью в своих руках переписку с 510 лицами черного духовенства в 361 — белого духовенства, двадцать „живущими в своих имениях" сеньерами, десятью сельскими хозяевами и четырьмя арендаторами [4]. Предполагалось таким путем постепенно перейти к учреждению частных сельско-хозяйственных обществ в среде священников и сельских хозяев, где бы читалась сельско-хозяйственная литература, происходил обмен

---

[1] Вольтер высказывался против обучения простого народа. Lettre à Damilaville; Oeuv., LXIII, стр. 141. — См. напротив Condorcet, Sur l'opinion de Voltaire qui craint les école dans les campagnes; Oeuv., IV, стр. 627 и Duc de Liancourt, Mémoire sur l'établissement d'écoles, стр. 204—216.

[2] Mémoire sur les moyens de répandre les nouvelles connaissances et Mémoire de Boulainger; сообщено в письме duc de Liancourt; Mercure de France, 1786, Principes, стр. 26—33.

[3] Lettres circulaires aux curés de la Généralité, 20 Juillet 1762 pour l'engagement les curés à diverses opérations administratives (1762—1770). Baire, Collection, III, стр. 627—659. Интендант Бордо Дюпре, также переписывался со священниками Pigeonneau et Foville, стр. 333.

[4] Séance du 5 janv. 1786; Pigeonneau et Foville, стр. 341 и

опытов и раздавались премии [1]. Кратковременность существования Комитета помешала осуществлению этого плана [2].

Более удачны были попытки, предпринятые парижским Сельско-хозяйственным обществом в целях распространения новых знаний среди крестьян. Оно вступило в тесное общение с „Comices agricoles“ и „Bureaux d'Agriculture“, которые были учреждены Бертье в 1785 г. в парижском генералитете, и в которых крестьяне обсуждали новые сельско-хозяйственные опыты путем плодотворного обмена между теорией и практикой, оно пыталось содействовать земледельческой культуре и образованию крестьян [3].

Но самой широкой дорогой, со которой новые идеи века проникали в низшие классы, являлась чрезвычайно обширная публицистика последних десятилетий перед революцией. Характерно, что Кондорсе в 1777 г. считает задачей газет „заниматься распространением знаний в том классе народа, который должен зарабатывать себе пропитание ежедневным трудом“ [4].

Эту задачу в последних годах взяли на себя, прежде всего бесчисленные популярные брошюры, в большинстве случаев ставившие своею целью, однако, не столько спокойное распространение обобщенных знаний, сколько разъяснение политических и экономических интересов и в еще большей степени — агитацию путем резкой критики существующего порядка.

Книги считались в то время „преградой против деспотизма“, и у третьего сословия не было другого органа для выражения своих стремлений и желаний, кроме литературы [5].

Такие люди, как Кондорсе, Мунье, Сийэс, Сталь, Рабо-Сент-Этьенн, Тарже, Петион, Керсен, Вольней и многие другие рассылали сельскому населению, в особенности после 1787 г., свои „Considérations, Conseils, Avis, Observations, Instructions, Modèles de Cahiers de Pouvoir и Catechismes aux habitants de la campagne“; в то время также стремились общества для политического просвещения крестьян [6].

Все эти влияния наталкивались уже не на инертную крестьянскую массу: почти все слои крестьянского населения были, как я пытался показать, сильно возбуждены, благодаря экономическому перевороту последних десятилетий. Крестьянин постепенно приходил к сознанию, что его положение не является необходимым и неподдающимся изменению; ему разъяснили причины его угнетения и средства к их устранению; крупные административные перемены

---

[1]) Ibid. стр. 126—128.

[2]) Другой план Комитета—отправлять людей и разъездных комиссаров в провинции, чтоб просвещать крестьян, уже в самом начале потерпел неудачу из-за недостатка в денежных средствах. К плану аграрной корреспонденции с священниками снова пришел Rougier de Laverderie в 1788 г. Recherches sur les abus, стр. 123—127.

[3]) Ср. Mém. d'Agric. 1786, Eté, стр. 123; 1788, Automne, стр. 65—66, Hiver, стр. 3—36.—См. также Lavergne, Les économistes, стр. 166 сл.

[4]) Lettre de Condorcet aux auteurs du Journal de Paris, 30 mai 1777: Oeuv., I, стр. 343—344.—См. также Discours du 4 sept. 1734: ibid. стр. 147—148.

[5]) „Люди, преисполненные рвения к общественному благу... писали, так как книги в будущем явятся тою преградой, которая станет на пути всякого деспотизма; и, если третье сословие безмолвствует на собраниях провинциальных штатов, если его заставляют умолкнуть, как только оно захочет говорить, естественно, что оно помогает себе путем печати“. Considérations sur les intérêts du Tiers Etat adressées au peuple des Provinces, par un Propriétaire Foncier (² 1788), стр. 90—91 (Kgl. Bibl. Berl. Ra 7351, II 3).

[6]) См. Chassin, Les élections, I, стр. 128 и 381.—Ср. также о просвещении крестьян Tocqueville, L'anc. rég., стр. 197.—Mavidal, Etudes, I, стр. 355. Duval, Cahiers de doléances d'Alençon: Introduction, стр. XI.—Stegmann, La législation, стр. 17.

1787 и 1788 г.г. породили в деревне новые политические столкновения; арендаторы протестовали против предпочтения, отдаваемого землевладельцам в муниципальных и провинциальных собраниях [1]), даже сословие безземельных сельских рабочих начинало защищать свои уреза́вшиеся права.

В каждой деревне только и слышны были, что жалобы и обвинения, пожелания и требования. Наиболее мягкое выражение они нашли в „Cahiers des demandes et doléances". В 1757 г. Гримм после появления „Ami des Hommes" выразил полную безнадежность относительно того, что такие прекрасные планы философы могут когда-нибудь найти доступ к управлению государством: „История, к и счастью, учит нас", говорил он, „что для самых сильных страданий почти никогда не бывает лекарств, потому что источник их заключается в духе века, а где бог, который в силах изменить этот дух!" [2]).

Чтобы изменить этот дух, такого бога не понадобилось. В течение следующих тридцати лет прогрессирующие классы народа пришли, при посредстве его лучших умов, к сознанию своей силы и облекли свои пожелания в форму непререкаемых требований.

2. Аграрные споры [illegible] 1789 год.

И больше нельзя, после множества экономических противоречий было создано аграрных движений 1750—1789 г.г., и как благодаря ему уже существовавшие противоречия подверглись критической оценке со стороны общественного мнения.

Вопросы о хлебной торговле, о крупном и мелком землевладении, о locations и разделе земельных владений, о крупном и мелком производстве, о размерах, в обеспеченности аренды и, наконец, об оковах, которые налагали феодальный строй и устаревшие общинные права на землю и труд крестьянина, возникали по всей Франции и вызвали много разногласий.

Те споры, в которых они нашли выражение в наказах 1789 г., служат характерным показателем не только их давности, но и для воззрений и упований народа в начале того периода, который имеет особое значение для усиления внутренней борьбы, происходившей во Франции в течение последующих десятилетий.

Определяя в самых общих чертах наиболее сильные тенденции cahiers, придется сказать, что они направлены в сторону освящения частной собственности, свободы труда и менее строгих оков.

Резкая противоположность и смешение индивидуального и социального правосознания, характеризующие вторую половину XVIII века, сказываются и в этих тенденциях. В теории идеалы обоих правосознаний могли сливаться в гармоническую картину мира у обоих направлений, как у физиократов, так и у сторонников аграрного коммунизма; но при осуществлении они наталкивались на сопротивление личных и классовых интересов и должны были, в зависимости от соотношения сил противников, видоизменяться и претерпевать те или иные ограничения.

Остановимся и здесь в отдельности на каждом из этих двойственных противоположностей.

[1]) См. Représentation au Roi de la noblesse (1er mai 1789). Archives parl., 1 стр. 54. Arrêt du conseil d'état du roi du 22 oct. 1788, ст. 13; 71; ibid., стр. 370. Ср. в особенности Wahl, Die Stellvertretung. Annales III. Chassin, Les cahiers de 1789, стр. 84—85. Tocqueville, Anc. rég., стр. 292—296.

[2]) Цитировано у Lavergne, Les économistes, стр. 149. Охотным читателем называл иногда и д'Аржансон. См. Journal et Mém., VIII, стр. 220.

Статья о святости и неприкосновенности частной собственности содержится в той или другой форме почти во всяком наказе.

Это чрезвычайно сильное уважение к праву частной собственности, выработанное теоретиками естественного права в XVII и XVIII веках и получившее во Франции чрезвычайно широкое распространение во второй половине века благодаря философским и экономическим школам и особенно благодаря последователям Руссо и Кене, являлось, правда, обоюдоострым орудием для частной *земельной собственности*, поскольку ее преимущества и в особенности ее экономические возможности пробуждали желание поставить возможно большее число граждан государства в благоприятное положение земельвладельца. В последних своих выводах это желание приводило к теориям земельного передела, осуществление которых, как мы видели в предыдущей главе, по большей части не представлялось возможным без большего или меньшего нарушения права частной собственности. Лишь очень немногие из упомянутых там же наказов, касаются этих теорий; в общем их предложения не заходят так далеко.

Но стремление населения к более широкому распределению земельной собственности обнаруживается в них все же достаточно ясно, хотя и в другой форме.

Очень многочисленны жалобы крестьянства на слишком большое земельвладение двух высших сословий [1]. Но так как нельзя было, как говорит наказ Масси, ни расширить территории королевства, ни лишить какого-нибудь гражданина его земельной собственности, то не оставалось других средств для увеличения числа самостоятельных крестьянских хозяйств, кроме введения права равного раздела наследства, свободной продажи земли и раздробления крупных корпоративных владений, т.-е. церковных имений, королевских доменов, общинных земель и не имеющих владельца пустырей.

Принцип *равного раздела по наследству* уже существовал во Франции, за исключением дворянских имений, в провинциях обычного права [2].

Тем сильнее проявилось в 1789 г. стремление приобрести подобное же право в провинциях писанного права, и записка, в которой жители Прованса обращались к королю с просьбой о введении равного раздела наследств, называла „двойной бич—чуму и право первородства" единственной причиной убыли населения в Провансе [3].

Поэтому наказы третьего сословия в большом количестве высказывались за отмену права первородства и распространение равного раздела наследств на все провинции и на все сословия, чтобы ускорить таким путем рост самостоятельных хозяйств [4].

[1] Ср. примечания к стр. 1. Также в наказах, жалующихся также на то, что привилегированные сословия с каждым днем приобретают все больше земельных владений: так Ch. de la par. d'Ayat, Mont., Cahiers d'Auvergne, стр. 162. De St. Hippolyte Arch. Hist. de la Gironde, XXXV, стр. 372.—De St. Laurent-des-Combes, ibid., стр. 373. De Rosse, art. 17. Arles, pays, IV, стр. 563. С другой стороны, это подчеркивается и в дворянских Cahiers, жалующихся на то, что в большинстве провинций земельные богатства ускользнули из рук дворянства, и взывающих к милости короля „к бедному дворянству", так Ch. de la noblesse de Senlis, de Nemours, de Calais, de Castelnaudary, Arch. parl., I, стр. 703.—de Pezenas, art. 12; de Quesnoy, стр. 21 de Reims, Sect. 2; Bûsch. V, стр. 360, 501 и 536.

[2] Le Play, Les Ouvriers eu., стр. 10.—Rietzenstein, Agrarische Zustände, стр. 30—31.

[3] Adresse des Galets du Pays d'Aix de Provence [...] d'entre pays de droit écrit au Roi, 1789 (Kgl. Bibl. Berl. Pieces R. 3611, H, 28), стр. 14—15. См. также Noël Lace, Le plus fort des pamphlets (1789), стр. 59—60.

[4] Haup., Ch. de la ville d'Orchies, art. 30; A. P., III, стр. 104. de Forges, art. 17; IV, стр. 563.—de Passy-les-Paris, art. 15; de Nivernais, art. 91. V, стр. 7 и 641.—Ch. du

Исходя из тех же побуждений они требовали также *полной мобилизации земельной собственности*.

Главные затруднения в купле и продаже земли были связаны с феодальными правами. Покупную цену увеличивали особенно такие права, как „franc fief" или „Lods et Ventes", тогда как другие, как, напр., различные „Retraits", делали необеспеченной, часто на очень долгий срок, действительность самой продажи. Вследствие этого уменьшался спрос на землю [1]), и ценность облагаемых таким образом имений падала.

Поэтому даже в дворянских наказах слышались пожелания скорейшей отмены или выкупа всех этих прав [2]).

В ожидании полной их отмены, по мнению третьего сословия Ниверне, их применение должно во всяком случае быть приостановлено, так как они не только ограничивали куплю и продажу земли, но и незаметно увеличивали мелкие владения, способствовали росту крупных и кроме того частью представляли из себя явное нарушение свободы договоров [3]).

Исходя из подобных же обвинений стали, наконец, нападать, как мы уже говорили, и на *крупные корпоративные владения*.

Поскольку эти нападки касаются церковных земель, я остановлюсь на них особо в следующем очерке; здесь же мы в кратких чертах рассмотрим отношение наказов к королевским доменам и общинным владениям.

Королевские домены, особенно с начала XVIII века, пришли в большой упадок благодаря закладам: только в 1781 г. Людовик XVI попытался привести в порядок свои права на заложенные имения [4]).

Домены, находившиеся еще в непосредственном владении короны, большею частью были сданы крупным откупщикам; но вследствие необеспеченности арендных договоров, съемщикам второй руки постоянно угрожала опасность лишиться арендованных ими владений; благодаря этому экономическое состояние этих имений было чрезвычайно плохим и давно уже являлось позором для правительства [5]).

bailli de Bapaume, art. 36; de Lens, art. 15; de St. Omer, art. 51; Lottin, Cahiers du Pas-de-Calais, I, стр. 75, 104, 117 и т. д. Cf. Index под „messe". Ch. de Vouvray-sur-Huisne; Bellée, Du bocage, Cahiers du Maine, IV, стр. 348 и т. д.

[1]) „...число съемщиков, безрезультатно предлагавшихся к продаже, значительно", писал в 1788 г. Pyrot de Chabenton, Réflexion sur plusieurs objets qui peuvent intéresser la nation (Lal. Bibl. Bel. Pièces R. 5511, II, 32), стр. 9.

[2]) Ch. de la Nobl. de Dourdan: „чтобы право franc-fief, препятствующее обращению земель... было уничтожено". V. p., III, стр. 284. Ch. de la par. de Bagnolet, art. 23: „Просить об отмене retraits féodaux, censuels et lignagers, как безусловно стесняющих свободу купли и продажи недвижимостей". IV, стр. 351.—В том же роде Ch. du bailli. de Nemours; des par. de Bagnolet, art. 20; de Charly-sur-Marne, art. 16; de St.-Saturnin des Grands, art. 20; de St. Nicolas, art. 20; Ibid., IV, стр. 202—203, 331, 405, 578 и 580. — de Wassigny, art. 29; VI, стр. 223. — Ch. de la Commelle-sous-Beuvry, art. 4; Charmasse, стр. 38—39. — de Pelleloud: Arch. Hist. de la Gironde, XXXVI, стр. 453.—Ch. des paroisses: de St. Pol, art. 32; d'Aubeilan, art. 10; de Carly, art. 5; de Nolay, art. 5; d'Outrean, art. 15; de Pitelaux, art. 1; Lottin, Chs. du Pas-de-Calais, I, стр. 557; II, стр. 156, 215, 355, 378 и 386.—Ch. de Courcy, art. 1; de St. Martin du Pré; Bulletin de la Société de Sciences de Yonne, XXXVIII, стр. 232; XXXIX, стр. 72. — de Cosne-sur-Loire; Ibid., XL, стр. 470. Ch. de St. Léger-Sarthe, art. 5; Duval, стр. 278. Ch. de Corbeil, art. 21; de Lagrange-le-Bocage; de Elisabeaux-Bois, art. 7; Bruchet, Chs. du Bas-Limousin, стр. 58, 73 и 89. Ch. de Paris, de Champigny; de St. Mars la Brière, art. 6; de Nogent; de Prée. Pol. art. 2. Bellée, Duchemin, I, стр. 111, 310; III, стр. 85, 210—212, 417.

[3]) Cf. de Nivernois, art. 7; Lebeau, стр. 482.

[4]) См. Arrêt du conseil concernant les domaines engagés. 1781. Isambert, Recueil, IV, стр. 412—417.

[5]) „Съемщики, снимавшие во вторую очередь землю у арендаторов, т. е. или сами арендаторы, если они самостоятельно обрабатывают землю, неудержимые в том, что

Уже с середины столетия начали появляться предложения продать все домены в полную собственность покупателей [1]).

На эту точку зрения стало собрание нотаблей 1787 г.: по его мнению, любовь к собственности одна была в состоянии улучшить обработку земли в запущенных имениях: поэтому оно высказалось в пользу безвозвратной продажи, подчеркнув, что принцип „subdivision de propriété" окажется при этом особенно полезным сельскому хозяйству [2]).

Это было, как видно из наказов, и мнением всего народа. Большинство Cahiers требовало выкупа или возвращения всех арендованных, заложенных или отданных в ленное владение доменов,—за исключением разве только *необходимых*, освященных правом очень продолжительного владения имений [3]), и окончательной продажи их „à titre irrévocable". На-ряду с пользой, которую надеялись извлечь из этой продажи, для земледельческой культуры [4]), вырученную сумму предлагали употребить на покрытие части государственного долга [5]).

Напротив в пожеланиях раздела общинных владений выдвигается, вне всякой зависимости от подобных финансовых планов, стремление к увеличению числа земельных собственников [6]).

Относительно самого факта раздела мнения сельских общин в 1789 г. также расходились, как и в течение предыдущих десятилетий, так как здесь сталкивались интересы богатого и бедного крестьянства, а государство не провело никаких общих правил для разрешения возникавших затруднений. К этому присоединялось еще то, что общины почти повсеместно вели тяжбы с сеньерами из-за общинных владений: это обстоятельство сильно мешало разделу.

В таком же положении находились и так называемые „terrains vains et vagues", и даже в тех случаях, когда дворянство (как напр. в Ниверне) признавало, что они „по преимуществу принадлежат бедным", оно все же протестовало против требования третьего сословия отвести каждому бедняку в собственность хижину с моргеном земли, „если она будет находиться вблизи лесов" [7]).

они не будут лишены пользования арендованными ими землями путем „дара", „обмена" или „удела", не решаются производить полезные расходы для мелиорации земли". Procès-verbal de l'Ass. des Notables (29 mars 1787): Arch. parl, I, стр. 223. — См. также Disc. de Montesquiou (18 déc. 1789): Moniteur (réimpr. 1859), II, стр. 422.

[1]) Так d'Argenson, Considérations (Ed. 1784), стр. 262—263. — Boncerf, De l'Aliénabilité et de l'Aliénation du Domaine (1776 и 1789) (Bibl. Nat. Invent, R 5449).

[2]) Procès-verbal: A. P., I, стр. 220 и 225. — A. Смит за десять лет перед тем стал на такую же точку зрения по отношению к английским коронным доменам. Recherches sur les Richesses des Nations (Ed. A. la Haye 177[illegible]79), IV, стр. 191—193.

[3]) Ср. Ch. de la ville de Paris, Chap. Finances, art. V; A. p. V стр. 283.

[4]) Ch. du bail. de Versailles желает только сдачи в аренду бедным жителям „ces petites portions". Demandes locales, art. I; A. p. V стр. 185.

[5]) Ch. du T. E. d'Angénois; d'Aix, § VIII; du clergé d'Alençon; de la Nobl. d'Alençon; de Domfront art. 26; d'Amont en Franche-Comté: A. p. I стр. 689, 697, 710, 715, 721—725 и 767. — Ch. de la Nobl. de Châteauneuf, 4-e classe, art. 8; du T. E. de Châteauneuf; II стр. 141, 175 и 655. — Ch. de la Nobl. d'Evreux; de Forez; du T. E. de la Rochelle, Administration, art. 5; du clergé du Mans; III стр. 289, 383—384, 489 и 637. — Ch. de la Nobl. de Montargis, chap. VIII, art. 1—6; de la par. d'Essonnes; IV стр. 23 и 532. Ch. du T. E. de Paris; de Rouen; de la Nobl. de Soule, Administr. art. 6; V стр. 283, 697 и 778 и т. д.

[6]) „Пусть будет оказано содействие разделу общинных лесов, и пусть законы постепенно доставят всем гражданам средства к приобретению какой-либо собственности". Ch. de la Nobl. de Mâconnais, art. 23; A. p. IV стр. 625.

[7]) См. Ch. du T. E. de Nivernais, art. 76; и Observations de M. M. de la Noblesse sur le cahier de M. M. du Tiers-Etat, art. 76. Labot, Convocation стр. 454—455 и 485. См. также Ch. de la ville de Dijon, art. 13; A. p. III стр. 149.

Бурная эпоха вскоре перешагнула через эти мелкие охотничьи заботы сеньеров. Охватившее в то время население Франции сильное стремление обработать по возможности все пустопорожние земли и мнение, что это всего легче может быть достигнуто при помощи мелких собственников, сообщилось через посредство наказов и Национальному Собранию. „Во Франции меня спрашивали,—писал в то время Артур Юнг,—следует ли оставить необработанные земли заброшенными из страха перед слишком густым населением или же разделить их на маленькие участки? Первого я вовсе не хочу; напротив, я стремлюсь побудить к обработке; но я запретил бы раздробление на мелкие участки, столь же вредное для земледелия, как и для благосостояния народа. *Неограниченное восхваление чрезмерного раздробления земли, к несчастью нашедшее сочувствие в Национальном Собрании*, явилось следствием недостаточного изучения фактов“ [1]). Когда Юнг писал это, Национальное Собрание уже имело в своих руках обширные „национальные имущества“, и желание увеличить число мелких земельных собственников, казалось, могло быть теперь осуществлено.

Но в начале 1789 г. возможность осуществления этой задачи сводилась к незначительным, по бо́льшей части, косвенным средствам, о которых я только что упоминал, и для мелких крестьян и сельских рабочих в общем представлялось мало шансов сделаться земельными собственниками.

Единственный путь обзавестись самостоятельным хозяйством заключался для них почти исключительно в аренде участка земли. Поэтому статьи, посвященные аренде занимали, особенно в крестьянских наказах, гораздо более значительное место, чем статьи, относившиеся к *земельной собственности*.

Мы видели, что введение английской системы крупных аренд натолкнулось во Франции на сильное противодействие как в теории, так и на практике.

Как мелкая земельная собственность, так и мелкое арендное хозяйство были отнесены к числу благодетельных для народа мер, и школа физиократов была обязана быстрой утратой своего внешнего влияния в значительной степени тому обстоятельству, что она стояла в сильной оппозиции к этим популярным воззрениям.

Протест против слияния мелких аренд усилился особенно в начале восьмидесятых годов, и уже тогда стали раздаваться требования законов, которые должны были покончить с этой „громадной раной, нанесенной человечеству“, по выражению аббата Мальво [2]).

Памфлеты 1787—1789 г.г. нередко впадали в очень резкий тон по отношению к физиократам, „которые проповедывали подъем сельского хозяйства только путем крупной культуры, называя мелкую культуру бичем страны“, и эту „секту мнимых экономистов“, как называл их Госселен, упрекали не только в „непостижимой ошибке“ в этом основном учении, но даже взваливали на них ответственность за то, что народ умирает с голоду [3]).

[1]) Reison, II стр. 319.

[2]) „Раз известна причина болезни, легко найти лекарство. Но не будем требовать немедленно лекарства, которое сразу исцелило бы эту громадную рану, нанесенную человечеству. Может быть, понадобится больше столетия, чтобы достичь радикального излечения“. Malvaux, Les moyens de detruire la mendicité (1780), стр. 416.—„Мудрое законодательство воспрепятствовало бы эксплоатацию слишком обширных пространств и распределило бы их среди бо́льшего количества душ. Это—виноградник, где крестьянин умирает с голоду посреди окружающих его богатств: откройте ему дорогу, и он разбогатеет“. Brissot, Théorie des lois (1781), стр. 81.

[3]) Ср. Gosselin, Réflexions, стр. 55.—Fauchet, La religion nationale, стр. 226 сл.—Dévérité, La vie et les doléances, стр. 124—126.—Précis des vues en faveur de ceux qui n'ont rien, стр. 3.—De la liberté et des factions; стр. 84—89.—Les Fléaux de l'Agriculture, стр. 6—18.—Le cri général de 1789, стр. 6.

В 1789 г. наказы показали, что это враждебное настроение по отношению к крупному хозяйству не ограничивалось отдельными литературными противниками физиократов, а стало господствующим в большей части народа[1]).

Мы почти всюду встречаем жалобы на то, что мелкие и средние фермы в течение последних десятилетий все больше и больше сосредоточиваются в руках немногих крупных арендаторов, и что эти арендаторы сами становятся сеньерами за счет бедных рабочих („au dépens des pauvres mercenaires"). Так как их крупные хозяйства иногда охватывают собой всю землю деревни, они предписывают рабочим свои законы и заставляют их умирать с голоду, давая слишком низкую заработную плату.

Уменьшение спроса на труд, которым сопровождалось крупное хозяйство, увеличивало перевес одной стороны и нужду другой. Наказы указывали,

---

[1]) Заключающиеся в этом примечании ссылки относятся к к последующему изложению, касающемуся аренд, т. к. жалобы на существующие условия и предположения реформ по большей части содержатся в одних и тех же статьях, и разделение их повело бы к излишним повторениям. Arch. parl, т. II: Ch. de la sénéch. de Boulonnais, art. 22, стр. 438; de la province de Cambrésis, art. 61, стр. 525; du bail. de Caurres, IV-e Sect. art. 47, стр. 631.—T. III: Ch. de la Noblesse de Crépy, art. 65, стр. 79; de la ville de Marcilennes, art. 18, стр. 192; de la par. de Marquette en Ostrevent, art. 16, стр. 222; d'Frarde et Vesignon, art. 5, стр. 241; du clergé de Dourdan, chap., IV, art. 15, стр. 245; de la Nobl. de Dourcan, стр. 248; du T. E. de Dourdan, art. 10, стр. 253; du bailli d'Etampes, chap. IV, art. 1, стр. 28 ; de Meaux, chap., IV, art. 25, стр. 7-2. T. IV: Ch. de la par. d'Andresy, art. 6, стр. 294; d'Arpagon, art. 25, стр. 3.7; de Baillet, art. 5, стр. 33; de Beilay, стр. 353; de Bermelles, art. 14, стр. 362; de Bouret, art. 11, стр. 271; de Brayère-le-Châtel, art. 8, стр. 381; de Chantebaup, стр. 400; de Clermy, art. 26, стр. 412; de Châtray en France, art. 1, стр. 113; de Cuisy, стр. 453; de Dammartin, art. 18, стр. 481; de Deuil, art. 21, стр. 487; de Dermont, art. 15, стр. 488; d'Ecouen, стр. 505 и 513; d'Enghien, art. 27, стр. 514; d'Epinay (Brisy, art. 18, стр. 517; de Fontenay-les-Louvres, стр. 560; de Fresnes, art. 6, стр. 570; de Gonesse, art. 19, стр. 585; de Goussainville, art. 4, стр. 596; de Jablines, art. 11, стр. 610; de Jagny, art. 19, стр. 611; du village de Jagny, art. 14, стр. 611; de Jouy, art. 11, стр. 624; de Limours, art. 17, стр. 648; de Marly-en-France, art. 26, стр. 675; de Maurepard, стр. 685; d'Ollainvilliers, art. 20, стр. 776. T. V. Ch. de la par. de Presqueuse, art. 35, стр. 11; de Tilary-les-Olonne, art. 2, стр. 22; de Presp, стр. 15, стр. 27; d'Proy, art. 6, стр. 45; de Puiseux, art. 15, стр. 47; de Puiseux-Pon, стр. 49, стр. 62; de St. Martin, chap., IV, art. 7, стр. 91; de S. Leu, art. 79, стр. 103; de Senlis, стр. 107; de Sarcelles, art. 11, стр. 111. de Survilliers, art. 7, стр. 114; de Luzarches, стр. 142; de Vemilly-la-Poterie, art. 27, стр. 158; de Villeparisis, стр. 7, стр. 20; de Villeneuve, art. 17, стр. 206; de Villiers-le-Bel, art. 6, стр. 208; de Villiers-le-Sec, art. 14, стр. 216; de Villiers-sur-Marne, art. 4, стр. 217; de Vitry-sur-Seine, art. 2, стр. 229; de Crouis et Monteroi, art. 15, стр. 258; du doyenné de Soissons, стр. 770. T. VI: Ch. de la com. de Soissons, стр. 1, de Soissons, стр. 68, стр. 69; Ch. de la par. de Givancourt, art. 11; de St.-Jean-Cer, art. 40; Thenard, стр. 61 и 122.—Ch. de Corbeil, art. 6; Charmasse, стр. 75; Ch. de Crisy; de Septvaux, de St.-Pierremont de Soupir; de Versigny; de Glennes; de Mouzy; Corbeny, Ch. de Laon (1789 Soissons), стр. 132. Ch. de Guyenne, art. 2; du Chalange, art. 2–5; Duval, стр. 76 и 77. 78; Ch. de Bourse, art. 23; de St.-Marcel-la-Bierre, art. 2; de St.-Jean-sur-Marne, art. 5; de Lagny. Duchemin, Ch. du Maine, I, стр. 157, III, стр. 82 и IV, стр. 102. Ch. de la pet. de Laire, art. 5, Le Quesnel, I, стр. 379. Bellamy, II: d'Auxy-Lourt, art. 7, стр. 150; de Bashelon, art. 9, стр. 177; de Bernemiles, art. 15, стр. 187. de Boussen, art. 6, стр. 189; de Bouvresnon, art. 6, стр. 192. de Boerne, art. 14, стр. 206; de Carly, art. 13, стр. 219; de Condeu, art. 9, стр. 225. d'Longueveau, art. 15, стр. 252; d'Esquin, art. 8, стр. 255; de Frenes, стр. 257, стр. 277; de Helincon, art. 20, стр. 285; de Hercecourt, art. 5, стр. 286; de Hesdin-sur, art. 7, стр. 292; de Hesdin-l'Abbé, art. 5, стр. 295; de Hesdres, art. 9, стр. 297, de Lebaix, art. 15, стр. 313; de Leulinghem, art. 11, стр. 318; de Leringhem, art. 6, стр. 331; de Maninghem Wimille, art. 8, стр. 344; de Marquise, art. 13, стр. 350; de Nabring hen, art. 2, стр. 355; de Nieulpourg, art. 27, стр. 363; de Offekam, art. 9, стр. 374; de Quesques, art. 6, стр. 394; de Quiten, art. 8, стр. 401; d'Rety, art. 21, стр. 412; de St.-Etienne, art. 18, стр. 117; de St.-Leonard art. 10, стр. 42 ; de St.-Martin-Choquel, art. 7, стр. 425; de Sa os art. 6, стр. 436; de Thiermont art. 7, стр. 455; de Verlinetaun, [illegible] 481

что ферма в двенадцать плугов давала работу тринадцати полевым рабочим, двум работницам и двум дворовым работникам, тогда как четыре маленьких фермы, в которых вместе было на двенадцать плугов работы, держали каждая четырех полевых рабочих, одну работницу и одного дворового работника, т.-е. всего на семь работников больше.

Значительное количество безработных и нищих, являвшееся в XVIII веке истинным бедствием для крестьян, должно было, таким образом, благодаря крупному хозяйству, увеличиваться в все возрастающей прогрессии.

Но еще обиднее для крестьян было то обстоятельство, что соединение ферм не только зачастую лишало их самих собственного хозяйства, но, казалось, исключало для них и для их детей всякую возможность улучшить свое социальное положение. Образование новых семейств, жалуются наказы, очень затруднилось благодаря этому, и необходимым следствием крупного хозяйства, на ряду с ростом беднейших классов, должно было явиться уменьшение общей численности населения.

Этим еще не исчерпывались обвинения. Истинная причина, почему физиократы и лучшие агрономы с 1750 г. обратились к крупной аренде, заключалась в убеждении, что прогресса французского сельского хозяйства можно ожидать только от крупного хозяйства: но и в этом пункте в восьмидесятых годах одержала верх вера в энергию маленьких людей, и наказы упрекали именно крупные хозяйства в неудовлетворительной обработке земли и дурном уходе за скотом: если разделить ферму в 1050 моргенов на семь мелких ферм по 150 моргенов, то, по мнению доменского наказа, эти семь ферм дали бы вдвое большее количество скота, прокормили бы вдвое большее число рабочих и в то же время произвели бы на треть больше кормовых трав и всякого рода зерна, чем одна крупная ферма.

Эта необычайно высокая оценка мелкого хозяйства повела к тем странным предложениям сельских общин, которые едва можно согласовать с высокими принципами свободы труда, свободы экономической конкуренции и даже со свободой частной собственности.

Стремление защитить слабых и сломить „дух эгоизма, овладевший крупными землевладельцами и даже богатыми крестьянами", повлияло на строгость принципов, и так как раздел крупных имений шел, очевидно, в разрез со священным правом собственности, „то надо было по крайней мере требовать дробления хозяйств". Эпоха не чувствовала внутреннего противоречия полки наказов, выставлявших такие требования.

Поэтому повсеместно требовали законодательных запрещений разорять отдельные фермы путем соединения их с другими и мер к уменьшению размеров слишком больших сельскохозяйственных предприятий.

Разработка подобного рода указаний представляет в наказах очень пеструю картину.

То мы находим предложение запретить земледельцам соединение двух ферм, а крестьянам аренду сельских имений, под угрозой признания недействительными соответствующих арендных договоров двойного обложения или уплаты 500 ливров „в пользу нации"; то говорится о том, что собственник, обрабатывающий землю своим трудом, может взять в аренду 300 моргенов, если он имеет меньше 300 моргенов своей земли; если же он имеет больше количество земли, он не имеет права арендовать и т. д. Огромное большинство наказов требует исключения всех откупщиков и определяемого законодательным путем максимума для размеров фермы. Цифры этого максимума колеблются между 200 — 500 моргенов или 3 — 5 плугами (плуг равнялся приблизительно 60 моргенам); однако попадаются и гораздо более низкие размеры.

Ни одно правительство во время революции, как бы оно ни было демократически настроено, не пыталось, насколько я знаю, выполнить этих пожеланий третьего сословия 1789 г., с которыми, впрочем, были солидарны и некоторые кадры дворянства и духовенства. И все же эти еще не сформировавшиеся крайние требования находившегося в опасности класса арендаторов.

Мы видели, что с 1789 г. многие представители привилегированных сословий, увлеченные вновь вспыхнувшим энтузиазмом к сельскому хозяйству обратились сами к эксплоатации в своих имениях.

Теперь же ряд деревенских наказов выступил с возражениями против того, чтобы дворянство и прежде всего духовенство сами хозяйствовали в своих имениях или брали земли в аренду. Это странное требование легко объяснить, если принять во внимание, что арендаторы дворянских имений платили талью, тогда как сеньер, эксплоатировавший свое имение собственными средствами, разумеется, освобождался от нее, и та часть талии, которая лежала прежде на его арендаторе, перелагалась на крестьян прихода. Это обстоятельство тем тяжелей отзывалось на крестьянах, что дворянство часто не стеснялось заключать тайные арендные договоры, поменяя арендатора в своем имении под видом управляющего и освобождая его таким образом от талии [1].

Но помимо этого основания, некоторые наказы подчеркивают еще, что дворянство и духовенство вообще не должны самостоятельно эксплоатировать арендованных земель, „потому что есть большое число отцов семейств, которые стремятся получить фермы, чтобы обеспечить судьбу своих детей. Для этих бедных отцов семейств большое горе, если они не могут найти их“ [2].

Из всех этих жалоб и пожеланий ясно видно, какое сильное возбуждение вызвали в крестьянской среде экономические перемены последних десятилетий или, по крайней мере, делавшиеся в этом направлении попытки. Именно вследствие того, что во Франции большая часть земельной собственности сдавалась в аренду, всякая перемена в хозяйственных системах отдельных имений и, в еще большей степени, в экономических принципах правительства должна была очень быстро и сильно ощущаться крестьянами. „Ибо землевладелец и арендатор всегда заключают договор перед существующими властями, которые оказывают влияние как на того, так и на другого и поэтому должны в своих действиях иметь в виду их обоих“ [3].

Но до сих пор как указывал Дюпон в немуреком наказе, этого не происходило ни в одном государстве Европы. Но во Франции, решив господ-

[1] L. c. не без основания говорит, что такой способ платежа является поворотом назад. La Noaille в своем докладе 1789 г. (I, стр. 569) о таком же обмане упоминает Cahier de Carpentras, Cs. Bellac, Briec-en-Caux, Ch. du Maine, I, стр. 421 и Cah. de Mirabeau, art. 4; Lorient, II, стр. 345.

[2] Ch. du T. E. du bail. Champe, chap. VI, art. 6; A. P. III, стр. 285. Ch. de la par. d'Avesnes-Hière, Chauny, art. 5; du Maisy Canayel, art. 24; de Mehores, art. 3; de Mondé; de Morgeval, art. 8; IV, стр. 296, 563, 564, 717, 717, 726 и 739. Ch. de nos de Carte... du village du Pin, art. 2, de Tail. de Provins et Montereau, art. 16; V, стр. 22 и 130. Ch. de la par. de Bonneuil, art. 2; de St.-Hilaire sur Rille, art. 2; de Sainte-Scholastique, art. 5; de Mesnil-Esnard, art. 4; Dreux, стр. 13, 374—375, 391 и 426—427; de Mourya; de Montreuil-Loges et Courcemont; de Mars; de Plaisir; Comtes, стр. 132—133, de Bayeux, art. 25—26, Chartres, стр. 30—d'Avesnes, art. 3; de Chaussée-le-Le Mans, art. 1; de Saint-Calais-le Mans, d'Epinay-le-Chevreuil, art. 6; de Hardelot, art. 6—7; de S. Marcel-les-Orléans, art. 4; Bailliage Dauphin, I, стр. 44, 90 и 374. II, стр. 75, 188 и 442. III, стр. 61—de Cambrésis, art. 17; de Rémi Lécard, art. 58, стр. 487; Calvados, art. 8; Lorraine, I, стр. 243 и 247, II, стр. 150.

[3] Ch. du T. E. de bail. de Sennes, chap. XV „Des Laux de terres, du respect et de ce qui est dû, des services qui y sont réalités peu éclairés et quelques mauvaises [illegible]“ A. P., IV, стр. 174—[illegible]

ской экономии, ни в Англии, где имелось народное представительство, не подозревали, по его словам, как несправедливо было требовать выполнения арендных договоров в то время, когда были установлены новые налоги или торговые правила, изменявшие условия, при которых были заключены аренды. Причину этого Дюпон видел отчасти в том, что к управлению не были привлечены сельские хозяева, отчасти же — в зависимости современных законодательств от античных. Древние знали, кроме обработки земли ее собственником, еще только обработку при помощи рабов: создание арендных отношений явилось одним из проявлений прогресса человеческого общества, возникшим благодаря росту знаний, отмене рабства и образованию значительного количества движимых капиталов [1]).

Но это новое устройство общества оставалось без законодательного регулирования, и к нему лишь поверхностно применялся общий закон о выполнении договоров. Вследствие того, что правительства не имели никакого представления о процессе земледельческой культуры, арендные отношения сильно страдали от изменений экономических норм, совершенно не считавшихся с ними: „Незнание было таково, что совершаемая несправедливость даже не замечалась: правительство действовало без сомнений, суды произносили приговор без угрызений совести" [2]).

Мы знаем, как с 1750 г. боролись с этой основанной на незнании несправедливостью, и насколько неудовлетворительными тем не менее оставались законы, определявшие арендные отношения.

Все жалобы на необеспеченность арендных договоров, кратковременность аренд и на тяжесть феодальных поборов при заключении более долгосрочных аренд поэтому снова повторяются в наказах и на этот раз с большей надеждой на успех, так как призыв к изменению этих условий был обращен теперь уже не к власти, а к самому народному представительству [3]).

В то время, казалось, и для французского сельского хозяина пришло время убрать с своего пути все остатки устаревших хозяйственных порядков. „Droit de parcours" и запрещение или, по крайней мере, фактическая невозможность производить огораживания все еще препятствовали во многих провинциях прогрессу в области посева кормовых трав, а вместе с тем и улучшению и увеличению живого инвентаря.

Строгие оговорки арендных договоров „de ne pas dessaisonner, dessoler ou refroisser" все еще не позволяли многим интеллигентным арендаторам ввести в своих имениях плодосменное хозяйство и сравнять таким путем культуру равнины между Парижем и Этамп с культурой Англии и Фландрии.

---

[1]) Ibidem, стр. 153—154.

[2]) Стр. 155.

[3]) Ch. de la sénéch. de Boulonnais, art. 20; A. p. II стр. 438;— Ch. du baill.: de Crépy, art. 72; d'Etampes, chap. IV, art. 5—7; de Melun et Morex, art. 74; III стр. 79, 286 и 747—du baill. de Nemours; de la par.: d'Annet-sur-Marne, art. 2; d'Atteinville, art. 24; de Belley; de Dramy; de Fleury-Mérogis, отдел: Agriculture: de Gournay-sur Marne, art. 19; IV стр. 155—156, 297, 322, 352, 492, 551 и 588.—Ch. de la Nobl. de Troyes, art. 79; du T. E. du baill. de Lisles, art. 13; VI, стр. 79 и 230.—Ch. de la par.: de Guyancourt, art. 18; de Lois-d'Arcy, art. 12; de St.-Cyr, art. 39—40; Thémard, стр. 62, 68—69 и 152—153;—de Carnettes, art. 12; de Sainte-Gauburge-sur-Rille, art. 12; Duval, стр. 63 и 362.—Ch. de la prov. d'Artois, art. 100: du baill.: d'Arras, art. 19; de Bapaume, art. 51; d'Hesdin, art. 20; de Saint-Omer, art. 24—25; de Saint-Pol, art. 37; de la par.: d'Achiet-le-Petit, art. 23; d'Arras, art. 22; de Lagnicourt, art. 35; de Martinghem, art. 16; de Saint-Omer, art. 24—25, de Vincly, art. 16; de Saint-Pol, art. 28; d'Audinghen, art. 8; de Belle art. 16; de Bellebrune art. 9; de Bernieulles art. 9; de Brunembert, art. 15; de Caffiers, art. 9; de Frency, art. 9; de Halinghen art. 30 изд. Loriquet, I стр. 41, 53, 76, 93, 114, 128, 138, 160, 375, 403, 496, 538, 556; II стр. 162, 183, 185, 187, 212, 215, 276, 281 и т. д.

Дворянские охоты вредили посевам больше, чем когда-либо, и благоприятствовавшие им узаконения, несмотря на пропаганду многих десятилетий, еще в 1789 году воспрещали крестьянину косить свое поле то время, пока хищники не успеют сено на искусственных лугах ранее 15 июня.

Словом, свобода земледельческой культуры была еще ограничена со всех сторон, и наказы настойчиво требовали отмены всех этих преград: каждый должен был обрабатывать свою землю и собрать жатву „comme bon lui semblera et dans les temps qu'il jugera convenables"[1].

Особенно ревностных защитников нашли себе „entraves arbitraires": с ними разгорелась резкая полемика против „dîmes novales", то-есть с которой была дана уже за сорок лет перед тем „Déclaration-du-Roi".

В тех провинциях, где свойства почвы допускали культуру хлебов и где можно было надеяться на вполне нормальный сбор, создать путем введения искусственного травосеяния сильное раздражение против духовенства. Возьмем в качестве примера область Шампани. Правительство очень способствовало тут распространению новых культур путем инструкций. Но желая при первых плодах больших жертв, я прибыли можно было ожидать только через несколько лет. Уже это обстоятельство сильно понижало дух предпринимательства, но когда духовенство попыталось обложить податями новые искусственные луга в этой местности, где до тех пор с лугов не уплачивалось десятины, то это уже обозначало полную гибель для новых опытов.

Духовенство прежде всего запугало слабейших крестьян, предоставив им благоприятные платежные условия, чтобы побудить их к признанию нового налога, и затем на основании полученных прецедентов вывело общее право на обложение искусственных лугов десятиной.

Таким путем духовные владельцы десятины в зародыше глушили благодетельные нововведения, которые должны были воскресить сельское хозяйство[2]).

Духовенство в своих наказах превозносит сельское хозяйство и беспрестанно рекомендует заботиться о нем, но его консервативному духу было очень трудно принести в его пользу даже несколько небольших жертв.

---

[1]) Ch. du baill. de Paris, chap. Agriculture, art. 1—7; d'Alençon, chap. VIII, art. 4; d'Amont, chap. III, A. p. I стр. 555, 719 и 779—de Guérande de Brioy; de la sénéch. de Châtellerault; II стр. 211 и 696.—du baill. de Nemours, § 9; de la par. d'Abbon, art. 6; l'Argentcul, art. 33; de Brie-Comte-Robert, art. 3; de Châtenay, art. 9; de Chelles, chap. III, le Saint-Symphorien, art. 2; d'Ecouen, art. 70; de Grigny, art. 2; de St-Nicolas et St-Vincent, art. 13; IV, стр. 104, 205—206, 290, 314, 376, 412, 420—421, 428, 512—513, 594 и 689.—Ch. de la Nobl. de Verdun, art. 69; du T. E. du baill. de Nancy, art. 201; VI, стр. 132 и 657.—Ch. de la par. d'Aydat: Mozac, стр. 163—164; de Guyancourt, art. 6; le Bois d'Arcy, art. 4; de Noisy-le-Roi, art. 5; de Buc, art. 29; de St.-Cyr, art. 45; de Meudon, art. 13; Thénard, стр. 61, 79, 96, 171, 184 и 281—282.—Ch. de Châtillon-les-Sous: Combier, стр. 133.

[2]) „Именно это постоянное превращение лугов в пахотные земли и пахотных земель в луга утучняло почву, оживляло земледелие и ободряло земледельцев; и этой-то благодетельной реформе противятся владельцы десятины, вопреки разуму, справедливости и своей собственной выгоде". Ch. du T. E. de la sénéch. de Châtellerault, chap. V; A. p. II стр. 697;—см. также Ch. du baill de Gray, chap. III, art. 3; ibid. I стр. 779; de la commune de Beuvry, art. 21; du baill. de Baumont-le-Royer, art. 38; de Mâconnais, art. 22; III стр. 216, 311 и 622—du village de Pavant; V стр. 8.—Ch. de la par. d'Annay, art. 4; de Bourlon, art. 4; de Rumaucourt, art. 4; de St.-Amand, art. 8; de Sauchy-Lestrée, art. 3; de Warlus, art. 9; Loriquet, I стр. 146, 227, 471, 479, 508 и 546.—d'Alincthun, art. 14; de Beussenet, art. 7; de Colembert, art. 9; de Lingueuille, art. 6; de Nabringhen, art. 11; de Pittefaux, art. 16; de Quilen, art. 9; de St. Léonard, art. 12; de Tardinghen, art. 6; de Wierre-Effroy, art. 6; ibidem II стр. 156, 189, 226, 327, 355, 390, 401, 420, 445 и 478.

И в вопросе об огрубах, разрешение которого наказы также объявили необходимым условием для поднятия земледелия, духовенство, немедленно, создавало наибольшие затруднения при обмене чересполосных участков [1].

Жалобы на раздробленность имений и вред, приносимый этим сельскому хозяйству, в наказах очень многочисленны. Имение, состоящее из восьми или десяти частей, по cahier de Messy, имело ценность на треть большую, чем такое же имение, распадающееся на 200 разбросанных частиц, и, тем не менее, именно последний способ дробления был „очень распространен по отношению к пахотной земле“ [2].

Поэтому генеральным штатам предлагалось либо совсем отменить „droits fechange“, очень стеснившие переход на отрубную систему благодаря связанным с ними феодальным повинностям, они равнялись, напр., в Парижском и Орлеанском генералитетах почти трети всей стоимости обменивавшихся участков, либо, по крайней мере, умерить их, чтобы содействовать таким путем добровольному переходу к отрубам [3].

Замечательно, впрочем, что мы совершенно не находим в наказах предложения принудительного перехода на отруба под контролем государства. Между тем принудительный переход явился бы на деле меньшим покушением на свободу собственности, чем хотя бы осуществление пожеланий в области ограничения размеров ферм.

Но достаточно известно, как упорно держится крестьянство за свою собственную землю, и с каким недоверием оно относится ко всякому обмену при посредстве администрации.

Только в одной области оно неустанно взывало в то время к посредничеству государства: в борьбе против сеньеров.

Выполнение всех предъявлявшихся наказами требований, о которых я до сих пор говорил, не могло обеспечить желательных успехов сельскому хозяйству, если бы оно не сопровождалось принципиальным изменением в отношениях крестьянской земли к феодальному господству.

Участие дворянства в „возрождении сельского хозяйства“ [5] не могло остаться без влияния. С одной стороны, действительный интерес сеньеров к своим имениям, и их попытки повысить их доходность путем применения новых сельско-хозяйственных познаний; с другой, просто усилившееся взыскание вытекавших из сеньериального строя доходов, словом, „феодальная реакция“ должна была, при тесной и разнообразной связи крестьянской земли с феодальной властью, поселить крайнее беспокойство во всех деревенских кругах.

[1]) Наказ Шеври пишет в ст. 9: „...пусть навсегда будут отменены droits fechange et contreéchange, ставящие препятствия земледелию и мелиорации земель. Светские сеньеры всюду содействуют этим обменам; почему одно духовенство из-за низкого расчета противится общему благу“? A. P., IV, стр. 433.

[2]) Ch. de la par. de Messy, art. 3; ibid. IV, стр. 702—703.

[3]) Ch. du T. E. de Montargis, chap. II, art. 3; ibid. IV, стр. 27.

[4]) Ch. du baill. de Briey; de la sénéch. de Boulonnais, art. 19; ibid. II, стр. 211 и 138.—du baill.: de Dourdan, отд. Agric., art. 1; de Melun et Moret, art. 73; de la Nobl. de Thionville; chap. Soulagement de peuple, art. 3; III, стр 252, 747 и 776.—Ch. de Mirecourt, art. 31; de la par.: de Belleville, art. 42; du Bourget, art. 13; de Chelles, chap. III, art. 7; de Livry, chap. „Noblesse“, art. 2; de St. Lieu, art. 22; IV, стр. 7—8, 351, 371, 421, 652 и 646.—Ch. de la Nobl.: de Verdun, art. 70; de Vermandois, chap. „Police“, art. 3; VI, стр. 132 и 143.—Ch. de la par. de Montredon, art. 4; Mège, стр. 231.—Ch. de la Nobl. du Boulonnais, art. 47; de la par.: de Bécourt, art. 5; de Beuvrequen, art 9; de Carly, art. 6; d'Enquin, art. 10; d'Hésdin-L'Abbé, art. 10; de Landrethun, art. 10; de Ligny-les-Aire, art. 14; de Longueville, art. 5; de Marles, art. 9; de Pittefaux, art. 15; Loriquet, II, стр. 101, 179, 192, 218, 258, 295, 311, 322, 327, 348 и 389.—Ch. de la par. de Parly, art. 8; Bulletin de Yonne, XXXIX, стр. 22—23.

[5]) Ch. de la Noblesse du baill. de Touraine, art. 5 (A. P., VI, стр. 42), говорит о „renaissance de l'agriculture“.

Этот факт как нельзя более отчетливо выступает в наказах. Чрезвычайно многочисленные, начиная приблизительно с 1750 г., возобновления terriers являлись, как мы видели, самым верным показателем усилившегося нажима со стороны феодального господства.

Значительное количество наказов, действительно, жалуется на то, что „особенно за последние годы“ сеньеры всюду принялись за возобновление terriers и тем самым возложили на крестьян сверх прежних тягот еще новые.

Эти возобновления являются для сельского населения „ужаснейшим бичом“, для сеньеров „предметом торговли“, а для commissaires-à-terrier „средством быстрого обогащения“.

Ненависть крестьян обращалась особенно на commissaires-à-terrier. Их упрекали в том, что они покупали у сеньеров разрешения на возобновление terriers с тем, чтобы извлекать для себя выгоду из произвольного повышения поземельных цензов, с суммой которых сообразовались их таксы и канцелярские пошлины. Часто сеньеры даже ничего не знали о производимых этими чиновниками проделках и мучительствах, причинявших крестьянам вред, а им не приносившим никакой пользы.

Поэтому, в тех случаях, когда наказы не добиваются полного уничтожения commissaires-à-terrier, они требуют по крайней мере, с целью ограничения их деятельности, чтобы возобновление terriers происходило не чаще, чем через 30, 40, 50 и более лет, чтобы расходы неслись сеньером, или по крайней мере чтобы существующие таксы были значительно понижены. Особенно часто раздается протест против декларации 1786 г., повысившей таксы втрое и вчетверо. Главный недостаток этой декларации заключался, как уже было замечено, не в том, что такса для первого объекта terrier была установлена в 15 с., а в том, что для каждого последующего она равнялась $7^1/_2$ с.; а это постановление при „quantité de petites pièces“ или „à cause du morcellement des terres“, как говорят cahiers, могло превратиться в чрезвычайно тяжкое бремя для владений, страдавших от чрезмерной чересполосицы [1]).

---

[1]) Ch. du baill.: d'Auxerre, chap. „Droits Seign.“, art. 1; de Bar-sur-Seine, art. 43; de Chartres, art. 187; A. p., II, стр. 123, 259—260 и 635.—de Dourdan, chap. „Agric.“, art. 2; de Gien. 9-e division, art. 8; du Maine, Addition au titre III; de Mantes et de Meulan, chap. VII, art. 2; de Meaux, chap. IV, art. 20; III, стр. 252, 409, 650, 671 и 731.—de Mentargis et Lovis, chap. V, art. 7; de la sénéch. de Montpellier, chap. XII, art. 3; de la par.: de Beauregard, de Bruyère-le Châtel, art. 21, de Deuil, art. 28; d'Eaubonne; d'Etioles; de Fontenay-les-Briis, art. 11; de Janvry, art. 15; de Linas, art. 18: de Longpont-sous-Montlhery, art. 22; de Marsang-sur-Orge, art. 12; d'Olainville, art. 18: IV, стр. 30, 57—58, 348, 381, 487, 496, 541, 555, 614, 662, 740 и 775.—de Puisseaux, art. 11; de St.-Geneviève-des Bois, art. 14; de St.-Jean, art. 14: de St.-Leu-les-Taverny, art. 5; de Tigery; de Triel, art. 84; de Vaujours, art. 12; de Villejust, art. 15; de la prov. de Poitou; V, стр. 46, 72, 85, 87, 133, 146, 163, 198 и 414.—Ch. de la par.: d'Arcis-sur-Cure, art. 14: d'Auserre, chap. „Droits Seign.“; d'Avigneau; de Bassou, art. 6: de Beaumont; de Champigny; de Charmoy, art. 4; de Chassy, art. 23; de Chamilly, art. 10; de Chitry, art. 4; de Diges, art. 10; d'Entrains, art. 15; d'Escolives, art. 6; de Gurgy, art. 17; d'Héry, art. 14; de Lengny, art. 7; de Monéteau-le-Petit, art. 12; de Montigny-le-Roi, art. 12; Bulletin de la Société de Yonne, XXXVIII, стр. 94, 114, 124, 127, 134, 172, 182, 186, 205, 211, 248, 259, 268, 303, 310, 341, 394 и 399.—de Périgny-sur-Baulche; de Poilly, art. 7; de St.-Cyr-les-Colons, art. 15; de Saint-Bris, art. 4; de St.-Martin-du Pré; de St.-Sauveur, art. 8; de Villeneuve-St.-Salve; de Vincelles, art. 27; ibid., XXXIX, стр. 28, 29, 52, 61, 72, 81, 140 и 142.—Ch. de St.-Agnan-sur-Saithe, art. 3; Duval, стр. 324.—Ch. de l'Eglise neuve-près-Billom, art 2; Mège, стр. 200; Ch. d'Assé-le Riboul; de St.-Aubain-des-Coudrais, art. 7; de St.-Aubin-du Désert; de St.-Berthevin, art. 8; de Challes, art. 5; de Champaissant; de la-Chapelle-St.-Frey, art. 3; Bellée, Duchemin, I, стр. 54, 67, 77, 176—177, 334—335, 353 и 406.—de St.-Julien-en Champagne, art. 7; ibid., II, стр. 499.—de Malicorne, art. 6; de Nogent; de Noyen, art. 17; de St.-Pierre; de Poché, art. 7; de St.-Rémy; ibid., III, стр. 57,

В связи с terriers затрагивался обычно и вопрос о давности и недоимках. Если бы даже только часть жалоб cahiers в этом направлении соответствовала действительности, то становится понятной ужасная ярость, уже в первые месяцы революции толкнувшая крестьян, таких спокойных в обычное время, на разрушение феодальных замков.

Конечно, сеньеры имели право взыскивать с крестьян недоимки по феодальным правам или же вновь требовать с них уплаты принедших в забвение земельных рент, для которых по большей части вовсе не существовало давности, или же была установлена столетняя давность.

Но это право, формы которого принадлежали отжившему времени, казалось крестьянину несправедливостью: в сущности ему, ведь, приходилось платиться за небрежность сеньеров, в продолжение многих лет не применявших своих феодальных прав.

Но если даже придерживаться строго правовой точки зрения, все же придется признать, что сеньеры, а еще больше их арендаторы и управляющие, не зная положения крестьян или пренебрегая им, с 1750 г. предъявляли и возобновляли свои притязания по ним, по меньшей мере, весьма неразумно.

Возьмем в качестве характерного примера жалобу прихода Eglise-neuve-près-Billom: с 1755 г. Seigneur-Haut-Iusticier возобновил свое старое право: особой статьей в terrier жители прихода вынуждались уплатить арендатору сеньера все недоимки, превышавшие стоимость их владений: „Займы, которые вассалы должны были заключать для уплаты недоимок, приговоры, конфискации, судебные издержки, проценты и ежедневные уплаты судебным рассыльным повергли три четверти жителей нашего прихода в жесточайшую нужду".

Подобный образ действий не мог принести сеньеру длительных выгод и сеял только новую вражду. Многие семьи, веками пользовавшиеся спокойным обладанием своими имениями, благодаря этому разорились: „Наши внуки с трудом поверят этому варварству (отсутствию давности для феодальных земельных рент)", говорит третье сословие Шателлеро.

Чтобы облегчить, наконец, эти бедствия, наказы требуют отмены круговой поруки крестьян за уплату феодальных земельных рент; право их взимания во всех провинциях должно утрачиваться по истечении 29-летней давности; недоимки должны взыскиваться самое большее за десять или пять лет, и сеньер должен быть принужден под угрозой потери недоимок требовать их по крайней мере раз в пять лет [1]).

213, 234, 367, 391 и 453.—de Roezé, art. 8; de St.-Sabine; de Joulitré, art. 2; de Tennie, 3-e part., art. 7; de Vouvray; ibid., IV, стр. 11, 56, 134, 185 и 355.—Ch. de la par.: de Palluel, art. 20; Loriquet, I, стр. 448.

[1]) Ch. de la sénéch.: de Tuyenne, chap. „Droits seign."; de Châtellerault, chap. V, A. P., II, стр. 403 и 696.—de la basse Marche, art. 26; du pays de Gevaudon, art. 59, III, стр. 680 и 758.—du baill. de Montargis, Sect. II, art. 3; de la sénéch.: de Montpellier, chap. XII, art. 5; de Nîmes, chap. V, art. 13; IV, стр. 19, 58 и 242.—de Châtillon-sur-Indre, art. 25; de Villeneuve-le Berg, art. 32; VI, стр. 55 и 711.—Ch. du baill. de Nivernais, art. 75; Labot, стр. 482.—Ch. de la par.: d'Argentat., art. 5; d'Arnac-Pompadour; de Chabrignac, art. 10; de Larche, art. 17; de l'Eglise-aux-Bois, art. 3; du Lonzac, art. 6; de Manzannes, art. 9; de Meilhards, art. 6; d'Objat, art. 20; d'Orgnac, art. 8; de Pierrefitte, art. 10; de Ste.-Eulalie; de St.-Pardoux-L'Ortigier, art. 8; de St.-Robert et St.-Maurice; de St.-Sornin-Lavolps; de Treignac; de Voutesac, art. 11; Hugues, стр. 20, 29, 39, 82, 87, 97, 104, 107, 114, 120, 133, 162, 173, 178, 189, 200 и 230.—Ch. de la par.: d'Eglise neuve-près-Billom, art. 2; de Montaigut-Listenois, art. 4; de St.-Julien-de-Coppel; de St.-Saturnin, art. 8; d'Ambert· Mège, стр. 200, 224, 286, 308 и 383.—Ch. de St.-Hilaire-des Landes, art. 7, 20; de Pirmil, art. 7; de Vautorte, art. 12; Bellée, Duchemin, II, стр. 460, III, стр. 377 и IV, стр. 256.—Ch. d'Anost, art. 33; de la Celle, art. 12; de Sully-en-Royaute, art. 7; de Bourbon-Lancy, art. 123; Charmasse, стр. 9, 32, 229—230 и 324.—Ср. также Marion, Les classes rurales; Revue des Etudes, Hist., LXVIII, стр. 345—356.

Но подобные требования еще не подрывали сущности самого феодального строя, а имели в виду лишь облегчение связанных с ним повинностей.

Но в большей части третьего сословия возбуждение последних десятилетий породило в 1789 г. стремления, заходившие гораздо дальше.

Протест поднимался не только против способов взыскания феодальных повинностей, но и сами феодальные повинности теперь рассматривались многими с точки зрения права.

Частые возобновления позабытых прав возбуждали у крестьян убеждение, что сеньеры стремятся выйти за пределы своих законных прав и пытаются часто создать новые, не оправдываемые никакими документами поборы, часто же увеличить без достаточных юридических оснований существующие повинности.

Ряд приходов повествует о разорительных процессах, которые они принуждены были, особенно в „последние годы", в течение „12, 20, 30 или 40 лет" вести с сеньерами, пытающимися незаконно расширить свои права, особенно баналитеты и барщины (banalités и corvées). Устные предания, „покрытые пылью веков", или даже простое насилие служат им документами, подтверждающими их права [1].

Несомненно, что после 1750 года подобные попытки расширения феодального господства то тут, то там действительно происходили. Я показал, как облегчали подобный образ действий кутюмы, напр., путем постановления об окруженных цензивами аллодиальных землях, в районах, вполне подчиненных правам сеньера; — возможно, что кое-где имело место и незаконное повышение феодальных повинностей [2]; но, главным образом, было, и это я еще раз должен подчеркнуть, с, правда, часто спорным, но вполне возможном на почве существующего права возобновлении забытых или долго не применявшихся прав.

Причина конфликта заключалась в том, что это, правда существовавшее право совершенно противоречило правовым понятиям эпохи и поэтому осуждалось, как „несправедливое". Многое из популярной философии века, начавшей борьбу с существующим правом, исходя из принципов естественного права, просочилось в небольшие городки и даже в деревни. Ведь даже высшие сословия сами нередко громко взывали к „droit naturel"!

---

[1]) Ch. de la com.: de Saubens, art. 4; de Bonignyes, art. 16; de Penoy, art. 7; de la par.: de St.-Estele; de Roumoules; de Riez; de la prov. du Maine, Addition au titre III, art. 16; de la sénéch. de la Basse-Marche, art. 43; des habitants de Mazerolles; de Metz; art. 34; A. P., III, стр. 30, 202, 215, 358, 359, 360, 651, 681, 714—715 и 718; Ch. de Nemours, chap. XII, 31; de la par.: de Messy: IV, стр. 139 и 702; — de Villeneuve, art. 11; de la Bastidonne de Saneric; de Loris, art. 11; des communautés de Pennes, Pierrefeu, art. 1; VI, стр. 59, 259, 319 и 330.—Ch. de la par.: de Mesvres; Commasse, стр. 134.—de Saint-Bris, chap. „Plaintes particulières"; de Villemer, art. 6; Bulletin de Yonne, XXXIX, стр. 68 и 183.—du Merlerault, art. 4; de St.-Denis-sur-Sarthon: Duval, стр. 244—245 и 515.—de Champs; d'Eglise-Neuve-près-Liers, art. 2; de St.-Saturnin; Mège, стр. 195, 200 и 306.—de Beaumont-pied-de-Boeuf; de St.-Berthevin, art. 8; de Boessé-le-sec, art. 7; de Champaissant; de Champéon; Bellée, Duchemin I, стр. 165, 175—176, 191, 352 и 365.—de St.-Hilier, art. 7; de Fougerolles, art. 5; de St.-Germain-le-Fouilloux, art. 12; de Gesvres; de Lévaré, art. 6; II, стр. 227, 240—241, 369, 386 и 566—567.—de Pré-en-Pail, art. 16; III, стр. 415; de Vendôme, part. II, IV, стр. 184.—Ch. du T. F. de Braine, art. 34; Arch. Hist. de la Gir. de, XXVI, стр. 158. Ср. также Marion, Les classes rurales; Revue des Idées Historiques, LXVIII, стр. 342, сл.

[2]) Sagnac пытается доказать это: Quomodo jura dominii aucta fuerint etc., стр. 53 сл. и 68 сл.—Ср. также Réponse d'un curé du Perche Gouet à la lettre de M. de Simon... du 7 mars 1789 (15 mars 1789) (Kgl. Bibl. Berlin, Pièces R. 3610, Bd. 1, 11).

Тот, кому грозит экспроприация, очень чуток на подобные вещи: слово „разрыхлит" не ограничилось парижскими салонами: уже в течение 30—40 лет оно громко раздавалось по всей стране.

Начало 1789 г. стали говорить о нем с новой силой.

Всего чаще оно применялось к упомянувшимся выше тяжбам сеньеров с крестьянскими общинами из-за общинных владений, первоначально пустошей и прежде всего из-за лесов. В этом вопросе все крестьянское дело шло со сеньерами бороться за общее дело против сеньера, и было бы, пожалуй, трудно отыскать сколько-нибудь значительную тяжбу в истории деревни, которая не была бы с большим упорством, или судебной, или вооруженной борьбой между крестьянами и сеньером.

Притязания сеньеров почти всегда заключались в стремлении сеньера воспользоваться „droit du triage". Это право требует краткого разъяснения.

Начиная с XIV—XV века, сеньеры стремились провести следующий взгляд на общинные владения: все общинные земли были первоначально предоставлены им общинами на различных условиях владения. Отсюда вытекали следующие принципы.

Если соответствующая земля была предоставлена общине за единовременный денежный взнос или под условием уплаты ежегодной ренты, то сеньер не мог иметь уже никаких претензий на эту землю: если же, напротив, она была уступлена общине безвозмездно, без уплаты каких бы то ни было сборов, то она оставалась общим и нераздельным владением (propriété commune et indivise) сеньера и общины, и первый во всякое время имел право потребовать раздела, при чем община должна была предоставить ему полностью третью часть земли [1]).

Это право называлось „droit du triage". С начала XVII века сеньеры начали усиленно пользоваться им, и уже Людовик XIV должен был в апрельском эдикте 1667 г. выступить в защиту общин от незаконных злоупотреблений этим правом со стороны сеньеров [2]). Но тем не менее в этом эдикте, равно как позднее в эдикте от 1669 г., он признал право triage [3]).

Юридические затруднения начались как раз с этих эдиктов.

Согласно статье 4 последнего эдикта, раздел не мог состояться, если двух остающихся третей недоставало для удовлетворения потребностей общины [4]). Эта растяжимая оговорка прямо-таки провоцировала процессы. Далее, если община противилась разделу, то на нее падала обязанность предоставить доказательства, что она получила спорную землю от сеньера не вполне безвозмездно.

В тех провинциях, custumы которых признавали принцип „nulle terre sans seigneur", эти доказательства были, разумеется, налицо во всех тех случаях, когда сеньеру платился какой-нибудь постоянный ценз с общинных владений; но если община приобрела землю путем покупки или вообще путем единовременного вознаграждения, то в середине XVIII века она обычно

[1]) Henrion de Pansey, Dissertations féodales. 1789, I, стр. 450—457. Rozier, Cours d'Agriculture. III, стр. 415—42; также Laporte, Les pouvoirs, стр. 79 и сл.

[2]) Edit portant réglement général pour les communes et communautés des villes, bourgs, paroisses, avril 1667, Isambert, Recueil, XVIII, стр. 187.

[3]) Edit portant réglement général pour les eaux et bois: Titre XXV: Des bois, parcs, landes, pâtis, pâcages et autres lieux appartenant aux communautés et habitants des paroisses, art. 4; Ibid., стр. 280 сл.

[4]) „...les dits cantons pourront être distraits et séparés à leur requête ou ceux qui le demanderont et que les deux autres subsistent pour l'usage de la paroisse, quand le partage n'aura lieu". Idem.

менно уже была лишена возможности подтвердить это документальными данными.

Еще больше затруднений представлял этот вопрос в провинциях с аллодиальным землевладением, купюмы которых признавали принцип „nul seigneur sans titre".

Одного факта сеньора здесь было недостаточно, чтобы наложить на землю какой-нибудь феодальный ценз.

По эдикту же Людовика XIV именно феодальный ценз, лежавший на общинных землях, лишал сеньера права „triage", тогда как свобода от ценза указывала именно добровольную уступку, „concession gratuite", и открывала право „triage". Купюмы этих провинций считали всю землю первоначальными аллодами и отрицали, что общинные земли вообще являются феодальными держаниями. Свобода общинных владений от ценза служила, с их точки зрения, доказательством постоянного сохранения их аллодиального характера [1]).

Далее затруднения еще более возрастали благодаря „droit des réserves" и „droit du cantonnement", возникшему только в начале XVIII века.

Ряд общинных земель вообще не был, согласно утверждениям сеньеров, отдан общинам в *собственность*, как предполагалось во всех упомянувшихся до сих пор случаях, а лишь предоставлен им в пользование. „Cantonnement" заключалось в том, что сеньер отдавал общине в собственность „достаточную часть" владений, а взамен этого лишал общину права пользования остальною частью [2]).

Применяя же „droit des réserves", сеньер лишал общину права пользоваться третью или четвертью прав пользования, без всякого вознаграждения [3]).

Все эти различия делали упорядочение вопроса об общинных владениях одним из наиболее затруднительных вопросов XVIII века. У крестьян по большей части совершенно изгладилось воспоминание о прежних правовых отношениях. Я не могу здесь останавливаться на решении вопроса, действительно ли сеньеры не имели исконного права на общинные владения [4]). Во всяком случае, в XVIII веке все больше и больше распространялось мнение, что эти земли искони принадлежали крестьянам [5]).

Борьба поэтому приняла еще более ожесточенный характер, когда, начиная с середины столетия, как видно из дат, приводимых в наказах, сеньеры во всей почти Франции начали широко осуществлять свои права на общинные владения, требуя прежде всего выполнения droit de triage.

Спокойное владение угодьями в течение трех, четырех и более столетий не могло оградить общину от уступки трети их сеньеру, если она не могла доказать, что за них сеньеру была уплачена известная сумма или продолжала выплачиваться в форме поземельного ценза. Однако и при этом не раз, вероятно, происходили несправедливости благодаря сильному давлению, которое сеньер мог оказывать на общины; но в общем нельзя не признать, что и здесь сеньеры защищали свое право согласно существующим законам. В глазах же крестьян они совершали „противные праву поступки". Озлобление крестьян против этих „узурпаций" выступает в наказах с такой силой и с таким постоянством, что приходится удивляться силе сеньеров, которые

---

[1]) Henrion de Pansey, Dissertations, I, стр. 461—463.

[2]) Ibidem, стр. 157—159.

[3]) Ibid. „Des réserves et de leur différence du cantonnement et du triage", стр. 159—161.

[4]) Bouthors, Les sources du droit rural cherchées dans l'histoire de communaux et de communes. Paris, 1857, стр. 171—172, держится именно этого мнения.

[5]) Kareev, Les paysans, стр. 83.

несмотря на все старания осуществлять свои права. Почти все наказы, в которых мы встречаем жалобы на этот счет, требуют полного восстановления общин во владении насильственно отторгнутыми у них угодьями [1]).

Но выгоды, достигнутые сеньерами в этой области в предшествовавшие революции десятилетия опять-таки не покрывали ущерба в виде ненависти, которую вызвал их образ действий.

После того как в крестьянине проснулось сознание насильственности и несправедливости феодального строя, он начал все сильнее восставать против своих прежних господ [2]).

Он не хотел больше платить по доброй воле и стал с своей стороны требовать от сеньеров доказательства („titres primitifs") их прав [3]).

„Барщины и различные охотничьи и банальные права, а из них прежде всего ненавистные „banalités des moulins et des fours", были объявлены узурпациями сеньеров, и наказы требовали их безвозмездного уничтожения [4]).

Что же касается большинства других феодальных прав, то наказы признавали по отношению к ним право собственности сеньера; но, развертывая

---

[1]) Ch. du baill.: d'Exmes, art. 36; de Gray; Arch. parl., I, стр. 729 и 779.—de la prov. d'Anjou, гл. „Agric.", art. 7; du baill. d'Avalon, art. 3—21; Demandes particulières les communautés: St.-Jean-Dillac, Villeneuve en Bourgès, Cazeaux en Buch, Cassac en Médoc, Cissac, St.-Christoly, Abzac et Cabanac; du baill.: de Chateau-Thierry, II-e part., art. 5; de Clermont: II, стр. 43, 134—135, 410, 676 и 755.—de Soint-Lô, art. 6, № 5; de la ville de Marchiennes, art. 17: de la cöm.: de Bouvignies, art. 20; de Millonfosse; de Tilloy, art. 8; d'Alne, art. 6; de Warlaing, art. 3—8; d' Homelle, art. 1 и 2; d'Etaing, art. 1; de Dury, art. 5; d'Eterpigny; de la prov. du Maine, Titre, V, art. 4; III, стр. 61, 192, 202, 219, 225, 228, 229—230, 232, 236—237, 238, 239, 647.—Ch. de la ville de Nantes, chap. VII, art. 117: du T. E. du Nivernais, art. 8; de la par.: de Cuisy; de Domont, art. 8; de Massy, art. 12; de Moisselles, art. 15; IV, стр. 98, 259, 483, 488, 682 и 714.—du Plessis-Luzarches; de Rueil-en-Brie, art. 16; de St.-Michel-Sur-Orge, art. 6; de Viarmes; de Rennes, art. 145: du baill. de Nivernais, art. 76; V, стр. 29, 62, 97, 189, 546 и 640—641.—Ch. du T. E. de Vitry-le-François; de la com.: de Fare, art. 5; de Pennes, Septèmes, Pierrefeu, art. 13; de Pugets-les-Lauris; de Rognac; VI, стр. 175, 329, 332, 384 и 399.—Ch. de la par.: d'Anost, art. 39; de Brion, art. 28; de Broye, art. 21; de Cordesse, art. 24; de Conhard, приложение; d'Epinac, art. 4; d' Etang, art. 30; de Marchéseuil, „Nota"; de Mesvre; de Neuvy, art. 1; de Repas; de Sully-en-Duché, art. 6; de Tintry, art. 5; Charnasse, стр. 9, 27, 29, 49, 66, 80, 82, 132, 134, 154, 159, 225 и 238.—de Vignonet; Arch. hist. de la Gironde, XXXV, стр. 376: d'Asnières, art. 5: de Crain; de Craant, art. 5; de Giory, art. 11; de Mailly-la-Ville, art. 7; Bulletin de Yonne, XXXVIII, стр. 103, 236, 240, 300 и 374.—de Thury, art. 20; de Tingy; de Trucy-sur-Yonne, art. 13; XXXIX, стр. 95, 96 и 107.—d'Olloix, art. 9; de St.-Maurice; Mège, стр. 239 и 296.—de la Ferrière-Bochard, art. 15, № 6; de Macé, art. 1; de Marigny, art. 4; de Sainte-Scolasse, art. 2; des Ventes-de-Bourse; Duval, стр. 157, 198, 204, 391 и 421—423.—Ch. de Béthune, art. 43; d'Hesdin, art. 91; de Saint-Pol, art. 54; d'Annay, art. 10; de Bellone, art. 1: d'Ecourt-St-Quentin, art. 3; de Meurchin, art. 5; d'Oisy, art. 14; de Rumancourt, art. 8; de Sauchy-Lestreé, art. 5; de Sandemont, art. 8 и 13; Loriquet, I, стр. 86, 101, 129, 147, 195, 277, 409, 439, 472, 508, 512—513.—Ch. de d'Ecluse et Tortequesne, art. 1; de Dury, art. 5; d'Etaing, art. 1; d'Eterpigny, art. 9; de Beutin, art. 3; de Condette, art. 14; d'Hesdigneul, art. 15; d'Hesdres, art. 5; de Marles, art. 8; de Menneville, art. 12; d'Outreau, art. 19; de Tardinghen et Inghen, art. 7; de Verlincthun, art. 17: ibidem, II, стр. 3, 8, 11, 14, 190, 228, 292, 297, 348, 353, 379, 419, 445 и 462.

[2]) Ср. Marion, Les classes rurales; Revue des Etudes Hist. LXVIII, стр. 349 сл.

[3]) Ср. напр. Ch. de la com. de Pourrières, art. 10; A. p. VI. стр. 383; de St.-Sermin-du- Plain, art. 4; de Sully-en-Royanté, art. 10; Charmasse, стр. 205 и 230—231; Ch. du baill. de Lens, art. 24; de la par.: d'Annay, art. 4; de Lagnicourt, art 16; de Dury, art. 6; Loriquet, I, стр., 105, 146, 374 и II, стр. 8.—de Chassy, art. 14; de Druyes—Les-Beller-Fontaines, art. 10; Bulletin de Yonne XXXVIII, стр. 185 и 254.—de Montchevrol, art. 5; Duval стр. 264.—de St.-Saturnin, гл. „Conclusions", art. 3; Mége, стр. 307.—См. также Champion, La France, стр. 154, прим. 1.—Combier, стр. 115 до 208.

[4]) Ср. Champion, La France, стр. 142 -145. — Bussière, La Révolution, II стр. 103 сл.

Перед генеральными штатами в своих жалобах и обвинениях необозримый ряд поборов, лежавших на крестьянской земле, и вечных ограничений, препятствовавших крестьянской работе, они почти единогласно требовали права выкупа всех феодальных повинностей, с тем, чтобы земельная собственность, как этого требовал уже д'Аржансон [1], вновь возвратилась в „естественное состояние аллода", и чтобы была обеспечена свобода труда.

В этом отношении требования крестьянских наказов часто резко буржуазных, как можно назвать большие сводные cahiers: напротив, наказы дворянства и духовенства, большей частью ставят все феодальные права под защиту „священности и неприкосновенности собственности" и объявляют даже [illegible] покушением на частную собственность; но и среди них находится целый ряд таких, которые считают выкуп некоторых феодальных прав весьма желательным. Что касается до способов отмены феодальных прав, наказы почти не содержат особых пожеланий, за исключением разделения прав на подлежащие выкупу и отменяемые безвозмездно: более умеренные делают иногда лишь относительно размеров выкупных платежей [2].

Особый интерес представляет только одна статья бурбонского дворянства, где предлагается мероприятие аналогичное тому, которое было осуществлено впоследствии прусским эдиктом 14 сентября 1811 г. [3]): крестьянские владельцы земель, с которых взимался champart, должны были уступить треть своей земли сеньеру или же уплатить за эту треть размененное денежное вознаграждение: зато остальные две трети должны были стать собственностью свободной от поборов [4]).

Следует отметить что в Пруссии, как и во Франции, предложение относительно уступки части земли в качестве компенсации за всеобщую отмену всех повинностей, исходило от дворянства. В Пруссии оно стало законом, несмотря на то, что в правительстве оно встретило сопротивление со стороны некоторых, настроенных в пользу крестьянства, чиновников: во Франции его осуществление явилось бы поцелуем всем популярным идеям о пользе мелкой крестьянской собственности и вреде крупных хозяйств; сколько я знаю, оно впоследствии более не повторялось.

[1]) „En un mot on viserait à retirer toutes les terres de franc-aleu roturier, ce qui est le droit naturel" цитировано у Alem. Le marquis d'Argenson, стр. 75.

[2]) Почти все cahiers содержат пожелания относительно выкупа и отмены феодальных прав: я приведу поэтому лишь несколько примеров: Ch. de la sénéch. d'Angenois; d'Aix § 5 и 7 §§; du baill. d'Alençon, art. 1—5; de Pontoise, art. 19; d'Amiens, 7e part., art. 1—11; de Gray: A. p. I стр. 690, 696, 697, 719, 724, 754 и 779; de Briey: de Gournin, art. 31; de Mauby; de Châtelenault; II стр. 211, 549, 730 и 731 и 696.—Ch. de la com. de Sauben-, art. 10; de baill. de Dourdan, гл. „Agriculture", art. 2 сл., de l. prov. du Maine, Titre V, art. 5; III стр. 31, 252 и 647. du baill. de Nemours, chap. III art. 7; de la par.; de Bonnelles; de Bumoy, art. 13; de Drancy; de Lavières-en-Brie; de Fleury-Meroüis, de Lieusaint, art. 21; de Merly-la-ville; de Massy; IV стр. 192—195, 261, 556, 563, 541, 549, 64-, 678 и 64- de Vernouillet-sur-Seine, art. 37; de la Nobl. de Sens; Villeneuve-le-Roi, art. 9, V стр. 172 и 754; de Brunoy; de Amours; de Rueil, art. 49—51; de Pourrières, art. 10; des habitants de Mignaux; VI стр. 214, 573, 585 и 744.—Ch. de la par.; de Cerches, art. 56; Charmaisse, стр. 60:—Ambrines, art. 25, de Bubry, art. 28; Lorquet I стр. 115 и 231—de Bannonville, art. 6; de Pictot nx, art. 17; Sacer, art. 28; de Tiers, art. 26; II стр. 201, 330, 435 и 451.—d'Arcis-sur-Cure, art. 17; de Châtel-Censoir, art. 3; de Clavant, art 5; de Fleury, art. „Dans ces cas". Merry-sur-Yonne, art. 5; de Cr[illegible]-sur-Loire, art. 31; Bulletin de Yonne XXXVII стр. 91, 192, 279, 284, 388 и XL, стр. 261.—de Compiègne, art. 26; Arch. Hist. XXXVI стр. 104, de la Ferté, art. 15; de St. [illegible]; Dourdan; Ch. d'Alençon, стр. 384 и 385.—Ch. de la ville de Quesnel, art. 7; Dourdan; Ch. de la Marche, стр. 97. de Clermont, art. 2; d'Amiens; Mège, стр. 190 и 352.

Ср. Knapp, Die Bauernbefreiung. I стр. 161 сл.; II стр. 229 и 261.

[3]) Ch. de la Nobl. du bail. de Dourdan, гл. „Agriculture"; A. p. III стр. 247—248.

Этим исчерпываются наиболее важные из жалоб и требований наказов по отношению к сельскому хозяйству. На отдельных пожеланиях, напр., относительно создания аграрного уложения (code rural), деревенских трудовых артелей, страхования на старость для дворовых или страхования от несчастных случаев, пожаров и градобития [1], а также и на всей области податных и налоговых [2] отношений я здесь останавливаться не буду.

В заключение нам остается еще рассмотреть выразившееся в наказах отношение населения к одной отрасли народного хозяйства, которая, как мы видели, в начале этого периода, в известном смысле господствовала над всеми другими отраслями, а именно к политике хлебной торговли.

В общем тому как в начале революции утратила свою популярность, видимо за демократизм, система друзей к арендам, так встретило враждебную оценку в широких кругах народа и выставляемые ими требования полной свободы хлебной торговли.

Свободы внутренней торговли, правда, желали многие cahiers; но свободе вывоза начала лишь единичных сторонников: свободный вывоз пугал опасностью, как бы не господствовала спекуляция хлебом, и в стране снова не наступил голод; поэтому выставлялось требование ограничений вывоза, в зависимости от высоты хлебных цен внутри страны. Многие опасались даже, что полная свобода внутренней торговли может дурно отозваться на снабжении рынков и вызвать в городах недостаток хлеба [3].

Причины этих усиленных забот о сохранении достаточных запасов хлеба внутри страны были прежде всего общего характера.

С середины столетия политическое сознание французского народа все больше и больше приобретало демократическую окраску.

Участь низших классов начинала интересовать в еще большей степени, чем правительство, все образованные умы, все чувствительные сердца, сильнее забившиеся под влиянием сентиментальной мечтательности Руссо. Хотя физиократы сами хотели улучшить судьбу маленьких людей, но демократическая мысль, а вместе с нею и забота о „благе народа" росла и развивалась в направлении противоположном их идеалам просвещенного абсолютизма [4].

Исходя из этой противоположности, в 1789 г. физиократической политике хлебной торговли поставили в упрек то, что она ухудшила положение трудящихся классов [5]. Так как заработная плата не поспевала за ростом всех цен, начавшимся с 1750 г., приход Гурнэ-сюр-Марн и другие потребовали, с целью предотвращения нужды в будущем, чтобы ежедневный зарабо-

---

[1] Ср. напр. Ch. du Bailli de Crépy, art. 28 и сл.; de la ville de Vienne; de la prévôté de Melle, Titre V, art. 1; du bailliage de Meaux, chap. IV, art. 22; A. p. III, стр. 77—79, 85, 617 и 731.—de la comté de Mitry en France, art. 23—24; IV, стр. 713 -de Vitry, VI, стр. 26; de Beaurain, art. 9; de Hardinghen, art. 11; de Landrethun, art. 11; Lorraine, II, стр. 204, 284 и 812. Многие из этих пожеланий, назначенных, почерпнуты, повидимому, из книги Boncerf'a, Le plus important et le plus pressante affaire ou la necessité et les moyens de restaurer l'agriculture (Bibl. Nat. Invent. R 4143) стр. 56 сл.

[2] Большинство крестьянских cahiers сильно жалуется на милицию и жилищную повинность.

[3] См. Chassin, La France, стр. 100 сл.

[4] Ср. письмо Ж. Ж. Руссо маркизу Мирабо, когда тот хотел обратить его в учение физиократов, изд. у Lavergne, Les économistes, стр. 113.

[5] Cf. général de 1789, стр. 1 сл. „... секта экономистов. Эта экономическая секта удалось завладеть деньгами, землей и хлебом Франции и держать себя в подчинении обедневший народ" (стр. 6).—См. также места на стр. 50 прим. 2.

так рабочего поднимался или падал согласно установленной законом скале, в зависимости от высоты хлебных цен [1]).

Особой причиной, вследствие которой наказы так часто противились свободе вывоза, явилась суровая зима 1788 г. и вызванная ею дороговизна 1789 г. Коренные изменения в хозяйственной жизни, начавшиеся с 1750 г., увеличили во многих провинциях сельский пролетариат. Не только отмена права выпаса в господских лесах и изъятие из пользования части общинных угодий, но и ограничение vaine-pâture, распространение искусственных лугов, словом, успехи сельского хозяйства, как мы видели, часто очень больно задевали интересы сельских рабочих, влиянию которых, вероятно, и следует приписать, что в наказах, наряду с требованиями сохранить право выпаса, встречаются просьбы о запрещении огораживаний и сокращении количества пахотной земли, отводимой под луга и клеверное поле, до трети или одной шестой всего имения, так как в противном случае создается слишком большой излишек рабочих рук [2]).

Вследствие дороговизны в 1789 г., число голодных и безработных должно было возрасти до чрезвычайных размеров: наказы полны жалоб на это [3]); увеличившаяся забота о пропитании и вызвала как раз тогда весьма отрицательное отношение к свободе внешней торговли.

При изучении последовавших позднее крестьянских восстаний нельзя забывать об этих возбужденных толпах деревенских пролетариев, отчасти пополнявших и ряды городского пролетариата; они составляли контингент тех, которым нечего было терять, но которые могли много выиграть от беспорядков. Забота о хлебе часто служила поводом к тому, что эти крестьянские восстания, которыми закончилось аграрное движение старого порядка, скоро выливались в кровавые насилия [4]).

Настоящие причины этих восстаний были, правда, иного рода.

Как я показал, пострадали не только сельские рабочие, но опасность угрожала также и существованию многих мелких крестьян-арендаторов и собственников. Это чувствовалось тем сильнее, что крестьянин сам начинал принимать участие в прогрессивном экономическом движении: поэтому все

---

[1]) Ch. de la par.: de Gournay sur-Marne, art. 15; de Mareil-en-France, art. 21; de Noisiel-sur-Marne en Brie, art. 26 (частью буквально совпадает с Gournay) A. p. IV, стр. 588, 673 и 771. - de St.-Mexme les-champs, art. 13. VI, стр. 57.

[2]) Ch. de la par.: de Draveil, art. 11; de Longpérier-sous Domartin, art. 20; de Mandres, art. 6; de Morsang-sur Orge, art 19; A. p. IV, стр. 495, 660, 671 и 740.—Ch. du baill. de la Fère, art. 20; VI, стр. 149.—Ch. de la par.: de Guyancourt, art. 14; de Repas; de Roussillon, art. 21; de St.-Cyr, art. 41; de Sully-en Royauté, art. 9; Thénard, стр. 62, 159, 169, 170. 183 и 230.—d'Aunais-les-Bois, art. 9; de Boitron, art. 1; du Chalange, art. 4; de la Ferriére-Bechet, art. 4; de Livage; de Ménil-Bérard, art. 15; de Radon; de Ventes-les-Bourses; Duval, Chs d'Alençon, стр. 29—36, 78, 150, 190, 253, 308—309 и 420—423.—Ch. d'Agniéres, art. 11; de Blairville, art. 7; de Caucourt, art. 12; Loriquet, I. стр. 149, 218 и 251.

[3]) См. напр. Ch. de la com.: de Bouvignies, art. 20; de Landas, art. 6; de Chateauforte, art. 7; A. p. III, стр. 203, 211 и IV, стр. 411.—de St.-Aubin, art. 11; Arch. Hist. de la Gironde. XXXVI, стр. 450.—de St.-Berthevin-sur-Vicoin; de St-Cyr-en-Pail; de Fougerolles, art. 7- 8; d'Hardange, art. 7; de Lignières-la-Doucelle; de Niort, art. 3; Bellée, Duchemin, I, стр. 179—180; II, стр. 87, 311, 442 и 578 и III, стр. 202.- de St.-Didier sous-Ecouves; Duval, Chs d'Alençon, стр. 350—351.—d'Anzin et St.-Aubin, art. 54; de Gouzoaucourt, art. 39; d'Hardinghen, art. 14; de Tubersent, art. 7; Loriquet, I, стр. 154 и 318; II, стр. 284 и 458 и т. д.

[4]) „ ... так что, если бы в этом не был замешан народ, умиравший с голоду, никто бы и не подумал о восстании. Это подтверждает одно замечание, которое я часто слышал: дефицит не вызвал бы революции, если бы к нему не присоединились высокие цены на хлеб". Young, Reisen, I, стр. 258—259; см. также стр. 266 сл.

ограничения и тяготы сеньериального строя ощущались им больше, чем когда-либо, и, так как некоторые невыгоды, которые приносило применение новых форм производства мелкому хозяйству, исходили отчасти также от крупных землевладельцев-сеньеров, то и в этом случае вина часто сваливалась на феодальный строй.

В борьбе против существующего государственного строя буржуазия также объявила себя врагом феодальных сеньеров, и хотя существовало немало противоположностей, разделявших буржуа и крестьян, и деревенские наказы иногда высказывали определенное пожелание сбразовать „четвертое сословие крестьян“ [1]), все же благодаря своей оппозиции феодальному строю, буржуазия привлекла на свою сторону все крестьянство в борьбе против двух первых сословий.

В течение десятилетия, предшествовавшего революции, отмена феодального строя все чаще и чаще выдвигалась в качестве *универсального средства* против всех социальных бедствий. „Когда эта феодальная ржавчина („cette rouille féodale“), наконец, будет уничтожена,—говорит один из памфлетов 1789 г.,—все вернется к естественному и закономерному порядку; чтобы дать хорошие законы, надо будет только обратиться к естественному разуму и ввести всеобщую справедливость“ [2]).

Начиная с 1787 г. сельское население только и слышало, что разговоры об „уничтожении рабства“ и благодеяниях свободы, которую предстояло вновь завоевать.

Выборы в муниципальные, окружные и провинциальные собрания, составление cahiers и, наконец, выборы в генеральные штаты вызвали в крестьянской среде неслыханное возбуждение, укрепляя в ней уверенность в наступлении новой эры [3]).

Крестьяне возлагали все свои надежды на генеральные штаты; но их близорукий и неопытный взгляд не различал размеров и трудностей законодательных задач, встававших в то время перед народным представительством, и поэтому, когда неделя проходила за неделей без того, чтобы в их глазах что-либо изменилось, когда продолжали взиматься чрезмерные налоги и попрежнему взыскиваться феодальные повинности, а к тому же, отчасти благодаря неискусной политике Неккера [4]), перед ними все грознее вырастал призрак голода, в среде крестьян, которым так часто приходилось разочаровываться в своих ожиданиях, быстро начало расти недоверие. Чем дольше генеральные штаты, опять-таки вследствие непопятного бездействия Неккера, принуждены были спорить о форме заседаний и голосований трех сословий, тем больше начинали опасаться в деревне, что едва затеплившийся огонек свободы бесполезно угаснет.

---

[1]) Ch. du village; de Montigny-en-Ostrevent, art. 5; d'Estrées, art. 9; d'Hamelle, art. 13; d'Ecluse et Tortequesne, art 9; d'Etaing, art. 9; de Dury, art. 13; (статьи по большей части буквально совпадают): A. p. III, стр. 223, 232, 233, 235, 237 и 238.—Ch. de la Noblesse (!) de Gien; ibid., стр. 400—401.—Ch. de la par.: de Reezé, art. 17; Bellée, Duchemin, IV, стр. 13.—d'Aubigny, art. 13; d'Estrée-Cauchie, art. 17; de Gommecourt, art. 4; de St. Amand, art. 18; Loriquet, I, стр. 175, 287, 303, 480; de l'Ecluse, art. 9; de Dury, art. 17; d'Etaing, art. 9; II, стр. 5, 10 и 13.—Ср. также Chassin, Le génie de la Révolution, I, стр. 169; Kapeев, Les paysans, стр. 361, 387 и 434.—Lavergne, Les Assemblées provinciales, стр. 23.

[2]) De la Différence ... ou des principes radicaux de la Constitution (Kgl. Bibl. Berl. Piéces (1789), I, 3).

[3]) Относительно живого участия крестьян во всех выборах ср. Chassin, Le génie, стр. 155—166.—Armand Brette, Recueil des documents relatifs à la convocation des Etats-Généraux de 1789, (Paris, 1894) Introduction.

[4]) Ср. упреки, которые делает ему Юнг; Reisen, II, стр. 328.

Как внутри страны, так и за границей видели врагов. Многие думали, что генеральным штатам грозит опасность, и что они изменнически преданы; по всем провинциям циркулировали слухи о разбойничьих шайках, которые должны были разорить страну по поручению изменников и их внешних врагов; в боязни за неудачу всеобщего освободительного плана присоединялся страх за собственное добро.

На деле, как показали серьезные французские исследователи последнего времени [1]), летом 1789 г. не существовало ни дворянских заговоров, ни больших разбойничьих шаек.

Но непривычное политическое возбуждение последних месяцев, необычайно напряженные ожидания, страх перед черной реакцией, отчасти также и плохое состояние информации в провинциях и беспомощность правительственных чиновников довели дело до того, что в июне и июле 17[illegible] г. крестьяне и жители маленьких местечек вооружились и составили дружины для самообороны. Паника („La Peur") распространялась из деревни в деревню, из провинции в провинцию, не известно, о которой сообщалось с такими ужасом, не появлялся. Крестьяне, ожесточенные голодом, продолжительными переходами и ночными караулами в дурную погоду, считали и эти обманутые ожидания делом „аристократов", желавших терроризировать страну, чтобы использовать это для своих целей [2]). Вооруженные дружины, выступившие на защиту страны против разбойничьих шаек и врагов, под влиянием этих впечатлений, обыкновенно сами начинали нападать на замки сеньеров.

Страх и озлобление раздули исконную ненависть в мощное пламя. Крестьяне чувствовали свою силу и считали, что пришло время навсегда покончить с „несправедливостями и узурпациями" сеньеров.

Так как генеральные штаты не отменили феодального строя, то крестьяне пытались сами уничтожить его основы или то, что они считали этими основами, т.-е. они прежде всего стремились захватить в феодальных архивах terriers, с целью сжечь их среди всеобщего ликования. Они считали себя, как потом рассказывал маркиз Фуко в Национальном Собрании „уполномоченными на это Национальным Собранием и королем. Они воздвигали „майское дерево", сжигали под ним документы, подтверждавшие права землевладельцев, и вешали на нем надпись: De par le roi et l'assemblée, nationale quittance finale des rentes и т. д. [3]).

Многочисленные возобновления феодальных terriers, производившиеся с середины столетия, принесли теперь свои плоды.

Разумеется, в этом поведении крестьян значительную роль играла и их личная выгода и стремление избавиться также и от таких поборов и долгов, в которых они не могли видеть узурпации сеньеров. Иногда крестьяне действовали вполне систематически при рассмотрении и сожжении terriers, и сначала сами старались сознательно препятствовать всякому дальнейшему насилию [4]).

---

[1]) Прежде всего Mège, La grande peur в Bulletin hist. et scientifique de l'Auvergne; Année 1900.—Bussière, La Révolution en Périgord, III (1903).—Bruneau, Les débats de la Révolution dans le département du Cher et de l'Indre (1900).—Conard, La peur en Dauphiné (1904).—Юнг также пишет уже 1 авг. 1789 г., что по наведенным им справкам не может быть и речи о разбойничьих шайках, что насилия, скорее, производились самими крестьянами. Reisen, I, стр. 290.

[2]) Это предположение позднее повторяется даже в декрете 10—14 авг. 1789, давшем ряд предписаний относительно успокоения провинций. Duvergier, Coll. des lois, I, стр. 36.

[3]) Séance du 26 févr. 1790; Moniteur (réimpr. 1860), III, стр. 388.

[4]) Conard, La peur en Dauphiné, стр. 91 сл.

Но лавина, катясь, разрасталась: сопротивление, личная вражда, грабительские наклонности подонков общества, озлобление голодных сельских рабочих скоро привели к поджогам и убийствам.

Известия, проникавшие в Версаль, становились все тревожнее [1]).

Национальное Собрание хотело вести свою работу, исходя из конечных принципов: сначала установить права человека, затем—конституцию и так, постепенно переходя к отдельным частностям, построить все здание нового государственного и правового порядка.

Но восстания крестьян, требовавших лишь удовлетворения своих ближайших желаний, оказывали на Собрание все более и более сильное давление.

3 августа „Comité des rapports" сделал ему доклад о возмущении в провинциях, об актах грабежа, разрушении монастырей и разграблении ферм [2]). Национальное Собрание приняло под свою защиту „несчастный, но сбитый с пути народ" и решило выпустить успокоительную декларацию. Это, конечно, не принесло бы никакой пользы. Тогда знаменательное заседание в ночь на 4-е августа опередило всякие планы и декларации.

Энтузиазм увлек тогда к жертвам все сословия без различия, и величие этого деяния не уменьшает то обстоятельство, что оно лишь наложило печать права на факты, уже созданные необходимостью.

„Национальное Собрание совершенно уничтожает феодальное господство", так начинается первая статья декрета составленного в качестве результата этого ночного заседания в течение следующих дней.

Благодаря этому, несмотря на все затруднения, обнаружившиеся впоследствии при осуществлении декрета, были разрушены все ограничения и цепи, сковывавшие до этого времени сельско-хозяйственный труд, и навсегда исчезла значительная часть невыносимых тягот, лежавших на крестьянской земле.

Одна великая цель аграрного движения, начавшегося в середине столетия, была достигнута, и тем самым был открыт путь и к достижению всех остальных: новое законодательство, успехи науки и сельско-хозяйственной практики помогли в последующее десятилетие достигнуть и этих целей.

---

[1]) Buchez et Roux, Histoire parlementaire, I, стр. 426—429, IV, стр. 165—171 и 317 сл.—Chassin, Les préparations des guerres de Vendée, I, стр. 77 сл.—Taine, La Révolution, I, стр. 13 сл.—Кареев, Les paysans, стр. 435 и сл.

[2]) Arch. parl. VIII, стр. 336—337.

ОЧЕРК ЧЕТВЕРТЫЙ.

БОРЬБА ЗА ЗЕМЕЛЬНЫЕ ВЛАДЕНИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ ЦЕРКВИ В XVIII ВЕКЕ ДО 2 НОЯБРЯ 1789 г.

ВВЕДЕНИЕ.

„Можно спорить о том,— говорит Ранке, рассматривая несогласия между светской и духовной властью во Франции XVIII века,—какой момент в большей степени является исходным пунктом крупных броженій в жизни народов и государств, внутренние ли колебанія правительства и делаемые им попытки нововведений или же воздействия литературы, тенденции которой, в свою очередь, имеют свои собственные корни. Ясно, что оба эти момента сливаются" [1].

Эти слова как нельзя более применимы к тому могучему политическому и экономическому движению, которое было подготовлено администрацией и литературой старого порядка, достигло кульминационного пункта в декрете Национального Собрания от 2 ноября 1789 г. и, с этого момента, оказывало сильнейшее влияние на ход французской революции во всех ее фазах.

Рассматривать секуляризацию владений французской церкви, которую я имею в виду, как самостоятельное финансовое мероприятие первого Национального Собрания, было бы столь же неправильно, как изображать ее только как результат литературных нападок на духовенство.

Все правление Людовика XV и Людовика XVI полно частью удачных, частью неудачных нападений на французскую церковь и ее богатства: пионеры литературы подготовляли эти походы, доставляли во время борьбы новое оружие и с каждой новой стычкой завоевывали почву для нового нападения. Одно всегда содействовало другому. И то и другое исходило из внутренней потребности государственного и народного организма.

Легкокрылая идея, как и всегда, далеко опережала действия: она намечала отдаленную цель, к которой устремлялось государство, напрягая все свои силы.

„Ecrasez l'infâme!" Такова была конечная цель: революционное государство сбросило с себя многое из своего старого вооружения, чтобы достичь ее, но его силы иссякли на этом трудном пути [2].

Слишком отдаленными являлись уже и те цели, до которых ему удалось добраться: многие из успехов, одержанных им в борьбе с церковью, оказались преходящими: они погибли вместе с боровшимися за них людьми и послужили лишь побуждением продолжать состязание в будущем с более значительными силами.

Теоретические требования духовных вождей нации в эпоху старого порядка нашли длительное и очень широкое практическое осуществление в законах революционных собраний лишь по отношению к уничтожению духовенства, как особого сословия, и секуляризации всех его владений.

[1] Ranke, Frz. Gesch. (³ 1877), стр. 487.

[2] Относительно тщетной борьбы революции с католической церковью ср. статью Max Lenz. Die frz. Rev. und die Kirche; Kosmopolis I (1896).

Эти теории коренились во враждебных церкви и ко порациям тенденциях века: последние, в свою очередь, исходили из стремления народа к могуществу, свобо де и равенству или, если иметь в виду отрицательную сторону из стремления разбить, наконец, все полити ческие и социальные формы государства и общес ва, не отвечавшие более действительному с отношение зна различных классов народа и препятствовавшие поэтому его з оров му развитию.

Такой устаревшей формой являлось право м ртвои рук , связывавшее значительную часть земли; вызывавшая я этим задержка бмена веществ в национальном организме выступала отчасти наружу в виде огромного общественного долга и постоянно возраставшего дефицита. Чтобы справиться с ними, необходимо было разбить эту устаревшую форму, если только действительно нужно было стремиться к созданию здоровых основ для будущего, а не прибегать к паллиативам.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Нападки на церковные владения со стороны законодательства и литературы.

I. Антицерковные тенденции в литературе и законодательстве.

„Ни один век в истории германо-романских народностей не объявлял войны всякой догматической религии так энергично, как восемнадцатый.

Естественно-научные открытия и английская утилитаристическая и сенсуалистическая философия отвратили всех образованных людей Франции от всяких религиозных и метафизических умозрений. Законы физического и морального мира, по их мнению, были одни и те же: моральные законы возникли не в результате исторического развития или по воле трансцендентного законодателя или его заместителей, а заключались в самих вещах, и человеческому уму стоило только найти и познать их, чтобы обеспечить путем их выполнения счастье как отдельного индивидуума, так и всего общественного целого. „Природа,—писал д'Аржансон,—внушает нам все, что благотворно для нас: ее будут слушать и ей следовать, как только рассеется облак тирании (светской и духовной)“ [1]).

Познание естественных законов должно было стать на место авторитета церкви; неудивительно, что последняя почувствовала угрозу самым основам своего существования и напрягла все силы, чтобы сохранить за собой свои позиции.

Но ее противники имели в лице Вольтера вождя, руководившего в течение бо́льшей части столетия движением с неутомимой выдержкой и неподражаемым разнообразием приемов борьбы.

На-ряду с ним борцами против нетерпимости церкви и внутреннего упадка французского духовенства были в первой половине века Монтескье и в менее заметной форме д'Аржансон и Мелье. Во второй половине века вокруг Вольтера сгруппировался все более и более расширявшийся кружок его последователей, беспрестанно раздувавших пламя борьбы с церковью. Как ни различались между собой по воззрениям и стремлениям представители школы энциклопедистов, столь пестрой по своему составу, все они сходились на антицерковной тенденции и сражались с этой „ненавистной“ силой при помощи всего арсенала, который давали им наука, искусство, литература и политика.

В этом отношении к ним тесно примыкали и физиократы; даже те, кто, подобно Руссо и его ученикам, ни в коем случае не хотели задевать христианство само по себе, тем резче нападали на церковь, на противницу всякой

---

[1]) Journ. et Mém. (Ed. Rathery 1866) VIII, стр. 291.

истинной религии [1]. Все, кто желал создания новой Франции, как ни различны были их цели, ополчались на этого общего врага. Таким образом случилось, что по истечении немногих десятилетий значительное большинство образованного общества стало относиться к церкви вполне индифферентно или враждебно: в хорошем обществе уже в середине столетия никто не решался говорить в пользу конституции или духовенства: „иначе над вами смеются и смотрят на вас, как на доверенного инквизиции" [2]. Даже среди парижского простонародья уже в марте 1755 г. господствовало такое озлобление против священников, что всем, „кто появлялся на улице в длинном habit", приходилось опасаться за свою жизнь [3].

Со своей стороны французское духовенство в то время не могло предоставить своим врагам почти ничего, кроме усиленной нетерпимости, проявлявшейся по преимуществу на литературном поприще. Сотни произведений, начиная с самых мелких памфлетов и кончая фолиантами великой энциклопедии, осуждались и сжигались по его инициативе [4].

Иногда ему удавалось также приложить свою руку к запрещению писателя в тюрьму или в ссылку. Но далее этого его власть уже не простиралась. Говоря уже о том, что ему уже не приходилось опираться на государственный авторитет, как в 1685 г., главная слабость духовенства заключалась в отсутствии единства в его же собственной среде. Внесенные раздоры еще не были ликвидированы и опять вспыли на поверхность как раз в середине века: черное и белое духовенство относились друг к другу неприязненно, а низшее духовенство уже с того времени начинало борьбу против сановного французского верха за лучшие условия жизни.

Только при таких обстоятельствах и было возможно, что две силы различные во всех пунктах, как инквизиторы и сторонники веротерпимости, в вопросе о книжной цензуре шли рука об руку в одном из самых крупных конфликтов эпохи.

В конце 1761 г. Людовик XV, как известно, уничтожил иезуитский орден во Франции и приказал считать инквизиторами все судебные учреждения, возникшие из-за этого ордена [5].

Но еще предстояли для нас два других сражения, которые вело французское духовенство перед революцией: мы остановимся здесь на них несколько подробнее, так как они в известном смысле предрешили Наци-ональное собрание 2 ноября 1789 г.

Я имею в виду спор[illegible] 1729 г., [illegible] [6]) и [illegible] [7].

---

[1] [illegible] [2] [illegible]

[3] [illegible]

[4] [illegible] VII, стр. 155.

[5] [illegible]

[6] [illegible]

[7] [illegible]

Еще в предшествующие столетия французские короли последним Людовик XIV в декабрьском эдикте 1666 г.) [1] старались ограничить приобретение земель духовенством [2].

Но, как замечает введение к эдикту 1749 г., ограничительное духовенство умело так обойти эти законы, что они скорее содействовали, чем препятствовали приобретению земельных владений [3].

Выражавшиеся этим злоупотреблением вред усматривался прежде всего в том, что родители, принося свои имения в дар церкви, справедливо обманывали своих детей, а также в том, что уменьшались средства к существованию для многих семейств. Вред и опасность землевладения мертвой руки заключались в том, что огромная площадь этих владений навсегда устранялась из сферы торгового оборота и при своем беспрепятственном росте, конечно, должна была достичь необъятных размеров [4].

Меры, принятые правительством против этого вредного увеличения церковного землевладения, сводились в общих чертах к следующему:

Прежде всего приступлено было как ко всему, так и к новому существованию, основанию новых религиозных учреждений или общежитий, без предварительного разрешения. Без предварительных актов и конечно о передаче имущества и вообще без согласия короля не могли быть основаны новые учреждения, и учредители новых церквей или приходов, без определенного разрешения королевских властей, регистрированных парламентом [5].

В соответствии с этим должно постановить обязательно обеспечение за каждым новым духовным учреждением, основанным в целях последующего основания новых учреждений, и предоставление дому или предполагаемым членам его, которые имеют желание жертвовать, права приобретать по завещаниям еще при жизни дарителей и вступать во владение ими, по праву полной собственности [6].

Но они передавали и наследовали не отдельными будут им земли, было прежде только в общем участке. Без ведома основанные учреждения [illegible] [illegible] [illegible]

вать их, обратив вырученную сумму в пользу бедных или каких-либо общественных учреждений [1].

К этим предписаниям общего характера присоединялись еще очень подробные частные постановления, имевшие целью с корне по устранить духовенство с земельного рынка. Всем людям мертвой руки воспрещалось на будущее время приобретать, принимать в дар или держать во владении какие-либо земли, дома, реальные права, не подлежащие выкупу земельные ренты без королевского разрешения, при чем для каждого случая приобретения земли требовались особые патенты. Всякие общие разрешения, данные в прежних условиях, были отменены, и закон стремился перечислить по возможности все виды завладения новыми землями и ценностями, чтобы придать действию запрещения общий характер. Отказ земли по духовному завещанию, конечно, также должен был быть аннулирован, и всякий обход этого предписания признавался незаконным [2].

Точные формальные указания гарантировали правильное применение этих важных статей [3]. В конце концов на себя возлагалась обязанность наводить при каждом пожаловании наследства или приобретении земли самые точные справки, как о характере и ценности данных владений, так и о их предназначении в пользу или вред, которые могло принести духовенство при помощи нового приобретения [4].

Все эти ограничительные постановления были приняты духовенством почти спокойно: момент их обнародования был выбран очень удачно: борьба за майский эдикт того же года, обязавший духовенство двадцатиною, бушевала в то время с особенной силой и сосредоточивала на себе весь его интерес: тщательный надзор, требовавший полной свободы его владений в целях обложения еще более усилил его сопротивление. В этом вопросе они, действительно, одержали полную и безусловную победу: оба акта относительно обложения были отменены, и „don gratuit" был установлен (1754). Но постановление августа 1749 г. осталось в силе. Правда, в 1762 г. оно претерпело небольшое изменение, и это обратное действие почти не применялось: но в течение последующего времени оно явилось для духовенства значительным препятствием к приобретению новых земель и основанию новых учреждений, по большей части служивших предлогом к таким приобретениям. До революции за исключением нескольких госпиталей и школ, их больше почти что не возникало [5].

Вторым ударом, нанесенным духовенству, о котором я упомянул, было учреждение „Commission des Réguliers".

Собрание духовенства 1765—66 г.г. постановило обратить внимание папы на состояние религиозных общин Франции, просить его назначить комиссию из числа кардиналов, архиепископов и епископов и передать ей полномочия произвести необходимые реформы [6].

---

[1] Art. 12 и 13; ibid., стр. 231—232. — „Это принесет большой доход государственной печати, — говорит д'Аржансон об этих постановлениях, так как придется сжать много новых патентов на эти приобретения". Journ. et Mém., VI, стр. 16.

[2] Art. 14—17; ibid., стр. 232—233.

[3] Art. 21—28; ibid., стр. 233—235.

[4] Art. 20; ibid., стр. 233.

[5] S. Stephane Prot. L'édit d'août 1749 sur les biens de main-morte; Annales des Sciences politiques (1901 mars), стр. 153—156. — Ср. также Déclaration interprétative de l'édit d'août 1749 concernant les gens de main-morte (20 Juillet, 1762), Isambert, XXII, стр. 323 сл.

[6] Charles Gérin, Les monastères franciscains et la commission des Réguliers (1766—1789). Rev. des questions Hist. (1875) XVIII, стр. 78—79.

Но правительство всеми способами пыталось воспрепятствовать этому обращению к папе: оно приостановило заседания собрания и назначило постановлениями 24 мая и 31 июля 1766 г. комиссию из пяти архиепископов и епископов и пяти советников короля, среди которых были Жоли де-Флери, д'Ормессон и д'Агессо, для реформы монашеских орденов.

Комиссия получила самое широкое право контроля над всеми конгрегациями Франции; она могла требовать точного отчета о владениях монастырей от всякого конвента и даже от всякого епископа—сведений о состоянии орденов в его епархии. Сообразно с наведенными ею справками, она делала затем соответствующие предложения королю, а последний уже по своему усмотрению разрешал вопрос относительно их выполнения [1].

Эта комиссия развивала, по словам Жерена, резко обвинявшего ее за ее „абсолютную некомпетентность", очень оживленную деятельность, вплоть до начала революции.

Применявшийся ею метод реформы орденов заключался, главным образом, в уничтожении и объединении монастырей. Юридические основания для этого она создала себе сама мартовским эдиктом 1768 г.

Этот эдикт повысил возраст, требовавшийся для произнесения обета, для лиц мужского пола до 21 г., женского—до 18 лет [2], но прежде всего он установил правило, чтобы те из мужских монастырей, которые не были объединены в конгрегации, имели не менее пятнадцати монахов, объединенные же в конгрегации не менее восьми, не считая настоятеля [3].

Последовавшее за этим постановление показало следствия этого предписания. Монашеским орденам или конгрегациям было впредь запрещено на будущее время держать в Париже не больше двух, во всех остальных городах, селах или местечках не больше одного монастыря и то лишь при условии, что во всех находящихся в зависимости от этого ордена или конгрегации монастырях во всей Франции будет налицо требуемое законом число членов [4].

Пополнение числа членов из других монастырей было далее затруднено еще и воспрещением приема иностранцев без натурализации, которая зависела от воли правительства [5].

Комиссии, разумеется, еще до издания эдикта, было известно, что целый ряд монастырей не мог выполнить новых условий, поставленных законом их дальнейшему существованию; поэтому ее упрекали в несправедливости и произволе [6]; но она, не обращая на это внимания, принялась за закрытие мона-

[1]) Arrêt du conseil, Preambule: Isambert, t. XXII стр. 150. — Sérieys, op. cit. Rev. des Quest. Hist. XVIII, стр. 70 и сл. — A. Vallet, La Revolution Française et les Congregations. Exposé hist. et Documents (Paris, 1903) стр. 10.

[2]) Edit concernant les ordres religieux: Versailles, mars 1768; Art. 1 и 2: Isambert XXII, стр. 179. В качестве основания этого мероприятия предисловие указывает: „... в меньшей степени нашей обязанностью является тщательное устранение всего, что могло бы ввести в монастыри сожаление в раскаяние, изменить и развратный дух правил" и т. д. Ibid., стр. 176.—Пожелание подобного ограничения возраста было высказано уже Сен-Пьером в начале столетия в его „Projet pour rendre les établissements religieux plus parfaits". Ср. L. de La Sicotière, Les économistes fr., стр. 37.

[3]) Art. 7: ibid., стр. 181. Исключение представляли госпитали, семинарии, педагогические учреждения и особо привилегированные учреждения.

[4]) Art. 10: ibid., стр. 182.

[5]) Art. 3: ibid., стр. 179.

[6]) „... одинаковое гонение распространяется на все монастыри, если только они не имеют того числа монахов, которое комиссии угодно было признать необходимым. Изумительная юриспруденция!—начинающая с того, что предписывает условие, само по себе совершенно безразличное, и пользующаяся затем этим произвольным распоряжением, как мотивом для уничтожения домов, которые не выпол-

старей. Папа даже не был извещен об этом. Климент XIV горько жаловался на эту бесцеремонность, но он не решался защищать монашеские ордены против движения, во главе которого стояла часть высшего французского духовенства; он даже одобрил в различных грамотах образ действий комиссии в ряде очень важных пунктов и согласился, напр., на роспуск конгрегации целестинов [1].

Таким образом комиссии приходилось считаться в своих действиях только с внутренним сопротивлением орденов, с которым ей почти всегда удавалось справиться при помощи правительства. В 1779 г. деятельность ее была на короткое время приостановлена, но новое название, которое она получила вслед за тем (1780 г.) „La Commission pour l'exécution des demandes en suppression et union ou translation de titres de bénéfices et biens ecclésiastiques" [2], лучше всего показывает, какой характер желали придать ее деятельности.

„Translation de titres de bénéfices" особенно поддерживало реформистов в их борьбе с орденами: у них не хватало сил для проведения настоящих реформ; тем охотнее они согласились в применении этого средства, получили в качестве „antidote" одобрение парижского света, и тем самым еще увеличивало их собственные доходы, так как значения и привилегии высших монастырей обыкновенно передавались отправляющим должности [3].

[illegible] таким образом не получали в свое [illegible], а большая часть целой [illegible] в руках одного [illegible] [illegible] за это получили в качестве „antidote" одобрение парижского света, и тем самым еще увеличивало их собственные доходы, так как значения и привилегии высших монастырей обыкновенно передавались отправляющим должности [3].

[illegible] таким образом не получали в свое [illegible], а большая часть целой [illegible] в руках одного [illegible] [illegible] за это получили в качестве „antidote" одобрение парижского света, и тем самым еще увеличивало их собственные доходы, так как значения и привилегии высших монастырей обыкновенно передавались отправляющим должности [3].

вместо того, чтобы предоставлять французским королям такую свободу в распоряжении землями и имуществом духовных корпораций, как в правление Людовика XV и Людовика XVI.

Только в наиболее важном пункте финансовых реформ, старому государству, как мы уже упоминали, не удалось поставить на своем.

В самом существе абсолютизма должно было бы последовать равномерное обложение всех граждан государства сообразно с их средствами, чего требовали также и новые государственные теории XVIII века, в таком случае средство, с достижению этой цели и могло быть равенство всех граждан [illegible].

И действительно Бурбоны не раз в состоянии сказать этого победителя.

Но, добиваясь и добиваясь и сохраняя феодальное состояние старого государства, пытался тем не менее обложить владения первого земельным налогом, то десятиной, то двадцатиной. С конца XVII века до начала революции не было и более или менее значительных промежутков, которые не были бы наполнены попытками на свободу от обложения или, лучше сказать, на освобождение духовенства. Все эти попытки потерпели неудачу, но они повторялись, так как, увидим, более отдаленной цели, так как каждая из них вызывала с дворянскую [illegible], потом [illegible] налогов на привилегии [illegible]. Получая все более распространение в форме небольших [illegible], эти попытки [illegible] теории [illegible] налогов [illegible] [illegible] и богатства [illegible] во всех [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible]

Во время большого собрания духовенства, созванного в Париже Людовиком XIV в 1682 г., „чтобы обсудить сохранение свобод галликанской церкви и выполнение тех актов существующих между королем и римским престолом" [1], появилась диссертация Traitté des régales Ле Вуайе де Бутиньи о власти короля в области регалий [2].

В этом фрагменте сочинения, получившем в XVIII веке широкое распространение в ряде новых изданий под заглавием „Traité de l'autorité des rois touchant l'administration de l'Eglise" [3], Бутиньи предоставляет королю уже чрезвычайно большие права в отношении приобретения, управления и продажи церковных имений [4].

В это время король достиг зенита своей власти. Внешние враги не дерзали ему сопротивляться, внутренние сделались его слугами. Только курия продолжала не сдаваться на его требования: но почти все организованное духовенство было на стороне короля, в его притязаниях, направленных против папства [5]. Нельзя, что в такое время людей нельзя как можно больше увеличить доходы короля и по отношению к власти церкви.

Теория о абсолютной власти короля на всей французской земле, в том числе и над земельными владениями церкви, исходила из сознания этого могущества. Она находит себе весьма ясное выражение в инструкции, данной Людовиком XIV для дофина: „Ты должен твердо верить и быть убежденным в том, что короли являются абсолютными властителями и (de souverains seigneurs absolus) и поэтому, желая того, могут вполне и неограниченно пользоваться всеми теми средствами, которые имеются в их власти, так в духовных лиц и тем, чтобы они могли пользоваться ими в качестве мудрых управителей" [6].

Но не вдруг это понимание королевской власти во Франции стало господствующим. Правда, еще в 1720 г. в новом сочинении „Les Conseils de Louis XIII" объявлено, что король вправе присоединять все области, конфискованные у монастырей в свою пользу и произвольно распределять светский доход [7], но в первые годы правления Людовика XV, когда ересь буллы „Unigenitus" стала явно отделять короля, духовенство и парламент, широкие притязания короля вновь стали энергично оспариваться. Даже правительство в 1726 г. отказывалось в каждом отдельном случае от того, могут ли церковные владения приобретаться и обращаться государственными мужами признано вполне справедливым и весьма ценным, но постоянно повторявшийся довод духовенства, что церковные владения посвящены Богу и потому святы, неприкосновенны и находятся вне человеческих отношений [8].

---

[1]) Procès verbaux. V. Appendice 186; у Rinkel, Ein Geschichte, III, стр. 130.

[2]) Dissertation sur l'autorité légitime et Roy en matière de régale par M. V. M. D. R. Cologne, P. Marteau, 16[8]2 in 12°.

[3]) Barbier, Dict. des anonymes, указывает кроме первого еще несколько дальнейших изданий: 2) 1690 à la Haye в качестве 2-го тома „Histoire des matières ecclésiastiques". 3) 1700, Amsterdam, с тем же тит. „Traité de l'autorité etc." par M. Talon. 4) 1700, Amsterdam et Rouen. 5) 1731, Amsterdam, изд. Delpeche de Mézainville, conseiller au Parlement. 6) 1750, Avignon. 7) 1753, Paris, по сочинениям автора.

[4]) Ср. Sagnac, La législation civile, стр. 159.

[5]) См. „Déclaration du clergé de France sur l'autorité ecclésiastique du 19 mars 1682": напечат. у Dupin, Libertés de l'église gallicane; (Paris, 1860), стр. 191—211.

[6]) Инструкция у Lichtenberger, Le socialisme au XVIII siècle, стр. 11.

[7]) G. Lacourt-Gayet, Un moliniste inconnu: Les codicilles de Louis XIII. Revue des Etudes Historiques, LXIX (1903), стр. 24—26.

[8]) Declaration du 2 octobre 1726; Isambert, Rec. XXI, стр. 301.

С решительным протестом против этого выступает в конце 30-х годов „Histoire du droit public ecclésiastique français“ [1]), и эта книга стремится восстановить права государя, „для ослабления и уничтожения которых объединились папа и епископы“. [2]) и развивает свои теории настолько смело и последовательно, что останавливается только перед вопросом об секуляризации владений церкви; в этом отношении она даже предостерегает против крайности, в виде захвата церковных имений, ссылаясь на то, что церковь владеет ими по праву, а продолжительное мирное владение покупает ошибку дара или первоначального приобретения [3]). Но тем сильнее она подчеркивала право короля облагать эти имения налогами на благо государства и не допускать, чтобы папа выкачивал при их посредстве богатства страны.

После вооруженных войн с Австрией и Англией правительство было вынуждено сделать новую попытку обложить духовенство поземельным налогом. Но план генерального интенданта Мано и на этот раз разбился об упорное сопротивление духовенства в этом вопросе [4]). Тем не менее, как мы видели, правительству удалось по крайней мере нанести духовенству чувствительный удар эдиктом об ограничении земельных приобретений.

Более значительную роль играла вражда, которую в это время возбуждало против себя духовенство своим сопротивлением правильному обложению. С этого именно момента и начинается борьба литературы с его привилегиями, и идет почти непрерывный ряд нападений на владения церкви. Сам Мано в высшей степени возбудил общественное мнение против им унижения церкви брошюрой в эпистолярной форме: „Lettres. Ne repugnate vestro bono“ [5]), написанной по его поручению, вероятно, адвокатом Дан елем Б ретоном [6]).

Эта брошюра вызвала при своем появлении в 1750 г. сильное возбуждение во всех партиях. „Эта книга... служит предметом разговора для всего Парижа,—писал Гримм в своей литературной переписке, — ее логика очень хороша, стиль—только сносен“ [7]).

Духовенство было крайне смущено, в особенности потому, что ходили слухи о том, что в кругах м-ме Помпадур и герцогини Вилльяр создается план „свести духовенство на-нет“ и лишить его всех его привилегий. В качестве носителей этих идей называли аббата Бро ьи и Мано [8]).

Представители духовенства тотчас же принялись за опровержение этой брошюры и постарались кроме того довести дело до сведения курии. В начале 1751 г., появилась цензурная грамота папы, в сопровождении письма „Ne

---

[1]) Histoire du droit public ecclesiastique français. Londres 1737, 2 т. (Kgl. Bibl. Berl. Fq. 16451).—Это сочинение написали частью д'Аржансон, частью де-ла-Мот: Ср. d'Argenson, Journ. et Mém. VI, стр. 167—169. (Ниже я цитирую это произведение под названием: De la Mothe, Hist. du droit eccles.

[2]) Ibid., I, стр. 4.

[3]) Ibid., I, стр. 260—262.

[4]) Д'Аржансон писал уже 7 августа 1749 г. в своем дневнике: „Le contrôleur général tient bon pour ne point abonner le clergé au vingtième et pour l'imposer en nature... L'on connaît ces menaces, de ne point abonner les corps qui s'abonnent toujours et de prétendre y tenir bon: cela va composer mieux pour l'abonnement“. VI, стр. 17.

[5]) Londres (Paris) 1750 in 12°.

[6]) Д'Аржансон называет в качестве автора Sieur de Silhouette, M. de la Bédoyère и адвоката Guer: Journ. et Mém., VI, стр. 208, 213 и 268, прим. Гримм считает автором Жоли де Флери, Correspondance littéraire (Ed. Paris, 1876), I, стр. 431. Новейшие издатели д'Аржансона и Гримма указывают Буржелена; Barbier же—Etienne Silhouette и аббата Chauvelin. Dict. des anonymes, I, стр. 481.

[7]) Grimm, ibid.—Ср. также d'Argenson, ibid., VI, стр. 204 и Rev. franç. Espr. révol. (1878), стр. 133.

[8]) d'Argenson, ibid., VI, стр. 315, 317 и 398.

repugnate vestro bono" под страхом отлучения „ipso facto" и совершения смертного греха, разрешение которого мог дать только папа [1]).

Вольтер немедленно написал пародию грамоты [2]), но последняя все же достигла своей цели, поколебав положение Мано [3]).

Тем не менее популярности этих писем уже нельзя было уничтожить; они нашли всюду сильнейший отклик. Еще в том же году экс-иезуит де Мареи издал перевод знаменитого „Discours dogmatique et politique sur l'origine et la véritable destination des biens ecclésiastiques" Фра Паоло Сарпи [4]): вслед за ним появились такие брошюры, как „Les obligations indispensables du clergé de payer le vingtième" и „Dissertation si la grandeur de l'Église temporelle n'est pas contraire à la loi de Dieu" [5]).

В следующем году к этому хору присоединил свой могучий голос также Вольтер. Его небольшой памфлет „La voix du peuple et du sage", объявлявший уже церковные бенефиции частью собственности государства, „особенно взбесил духовенство", и оно поспешило поручить аббату Гольтье опровергнуть его [6]). Брошюра Вольтера действительно вызвала целую литературную бурю, и вслед за нею появился ряд подражаний—„голосов" христианина, священника, папы, „голосов" бедняка, богача или вопиющего в пустыне,—то в защиту духовенства, то против него [7]).

В 1751 г. появился также новый перевод трактата Гроция о власти правительства в церковных делах [8]) и кроме того еще целый ряд мелких брошюрок [9]), не имевших самостоятельного значения, но тем не менее являвшихся показателем того, насколько уже была подрыта почва, на которой стояло духовенство. Распоряжение Государственного Совета от 21 мая 1751 г. подвергло осуждению все эти брошюры [10]; но это сильное литературное движение против светских владений церкви стояло уже на пороге новой эпохи: дух нации начинал пробуждаться, и никакой Государственный Совет не мог заставить его замолчать.

[1]) Ibid. VI, стр. 368.

[2]) Extrait du decret de la sacrée congregation de l'Inquisition de Rome, [illegible] d'un libell intitulée: Lettres sur le vingtième. Cm. Oeuvres (par Beuchot) XXIX, стр. 336—337.

[3]) D'Argenson, ibid., стр. 369.

[4]) Полное заглавие книги: „Discours dogmatique et politique sur l'origine, la nature, les prétendues immunités et la véritable destination des biens ecclésiastiques; ouvrage posthume de Fra Paolo; traduit de l'Italien: Avignon, Girard (Paris) 1750 in 12°"; по Barbier, Dict. I, стр. 1650 „Abbé de Marsy, ex-Jésuite". Два более ранних перевода появились уже в 1685 и 1690 гг.: ibid. II, стр. 390.

[5]) Цит. у Gaillard, Les Causes financières de la Révolution (Paris 1884) I, стр. 458—459.

[6]) Grimm, Corresp. I, стр. 467—469 и II, стр. 18—Эта книжечка называется Réfutation d'un libelle intitulé; La voix du sage et du peuple, 1751 in 12°.

[7]) В Oeuvres de Voltaire par Beuchot, XXIX том, стр. 341—342 (прим.) перечислено 15 таких брошюр.—Журнал La Bigarrure перепечатал ряд их, снабдив их резко полемизирующими против духовенства предисловиями: так „La Voix du Pitre ou très humble et très respectueuse Remontrance du Second Ordre (!) du clergé au Roi au sujet du vingtième" V (1750), стр. 66—72; „La voix du B... Aux Auteurs des Lettres pour et contre les immunités du clergé", ibid., стр. 113—125; „La Voix du poète et du lévite", VI, стр. 7—16; „La Voix du riche", VII, стр. 41—50; „La Voix du Pauvre", ibid., стр. 127—141 (по заметке Languet de Gergy, arch. de Sens); „La Voix des Capucins", ibid., стр. 142—144; Vox clamantis in deserto", VIII (1751), стр. 145—151.

[8]) Grotius, Traité du pouvoir du magistrat politique sur les choses sacrées (trad. du latin par Lescalopier de Nourar). Londres (Paris) 175[illegible] in 12°. Cm. Grimm, ibid. II, стр. 121.

[9]) „Судите о нашей страсти к писанию! Число брошюр достигает сорока: из них стоит читать не более трех-четырех". Ibid. II, стр. 70—71.

[10]) Напеч. у Rocquain, op. cit. Приложения, стр. 504—507.

Сильные внутренние волнения, вызванные в середине столетия непримиримостью духовенства по отношению к янсенистам, частыми отказами в причащении, насильственными мерами по отношению к парламентам и в значительной степени также и чрезмерной тяжестью налогов и нуждой низших классов в Париже, уже в 1754—1757 г.г. грозили вызвать революционную вспышку [1].

В то время принцип „нация выше короля" впервые проник в широкие слои населения [2].

Нация начала сознавать свои права в собственной стране: с ее именем, а не с именем короля начинали связывать понятие верховной власти: ее с этих пор стали называть высшим распорядителем всего народного достояния. В борьбе за церковные владения это привело к тому, что на ряду с правом короля облагать их налогами, на первый план все больше и больше стал выдвигаться вопрос о том, кто является их собственником.

Брожение этих идей нашло свое отражение в трех произведениях, из которых особенно последнее оказало большое влияние на последующий период. В 1755 г. появился Code de la Nature Морелли [3], в 1756 г. книга „Les interêts de la France malentendus dans les branches de l'Agriculture, de la population, des finances etc." шевалье Аник-Гудара [4] и в 1757 г.— знаменитая статья Тюрго „Fondations" в Энциклопедии [5]. Слова самого Тюрго лучше всего выражают, как далеко заходили пожелания этих людей в вопросе о церковных владениях. „Мы хотим, говорит он,—только исследовать пользу церковных учреждений в их отношении к общественному благу или еще больше, может быть,—обнаружить их вред. Пусть же эти наблюдения вместе с философским духом века послужат к тому, чтобы вызвать отвращение к основанию новых церковных учреждений и разрушить остатки суеверного уважения к старым" [6].

Этим пожеланиям суждено было в широких размерах осуществиться в будущем; смелые теории, развивавшиеся в этих книгах, явились в руках противников духовенства крепкой тетивой, при помощи которой они отныне неустанно стали пускать легкокрылые стрелы против неповоротливого врага.

Самые острые и самые меткие метал, как всегда, Вольтер в своих коротеньких статьях „Curés de Campagne", „Biens de l'Eglise", „Bénéfices" и др. в Dictionnaire philosophique и Questions sur l'Encyclopédie. В 60-х годах ему помогали Гуайон де-ла-Иломбани своими фантастическими планами [7]. Ленге [8] своею ненавистью к монастырям, аббат Бодо своей брошюрой в защиту прав бедных [9], а в 1767 г. маркиз Пюйсегюр составил уже первый подробный план конфискации церковных владений [10]; его памфлет также был

---

[1]) Ср. Rocquain, op. cit., Liv. V и VI.

[2]) „В общественном мнении и благодаря трудам этих господ (парламента) утверждается взгляд, что нация выше короля, подобно тому, как вселенская церковь выше папы. А отсюда—посмотрите, какие могут произойти перемены во всех государственных устройствах", d'Argenson, Journ. et Mem. VIII. стр. 153.

[3]) В дальнейшем я пользуюсь вторым изданием 1760 г. in 12°.—Третье издание мы находим в подложных сочинениях Дидро (Londres 1773 г. 5 т. in 8°) в 1 томе.

[4]) Amsterdam 3 т. in 12° (Bibl. Nat. Invent. R. 37. 494—496).

[5]) Encycl. VII, стр. 72 сл.

[6]) Encycl. VII, стр. 72 2-ой столбец.

[7]) L'Homme en Société ou nouvelles vues politiques et économiques (Amsterdam, 2 т. 12°, 1763).—Немецкий перевод появился уже в 1764 г.

[8]) Histoire impartiale des Jésuites (1768).

[9]) Idées d'un citoyen sur les besoins, les droits et les devoirs des vrais pauvres (1765).

[10]) Discussion intéressante sur la prétention du clergé d'être le premier ordre d'un Etat par Mr. M. D. P. (La Haye, Paris) Max de Chastenet, marquis de Puységur.

запрещен постановлением Государственного Совета [1]). Королевская власть находилась в финансовой зависимости от духовенства, которое не могло в то время, как мы уже говорили, бороться со своими врагами моральным оружием. Даже его высшие духовные органы, парижский богословский факультет не сумел сделать ничего лучшего, как только призвать светский меч короля („la glaive matérielle") на помощь против „ложных принципов атеизма, деизма и материализма, разрушающих все общественные устои, уничтожающих стыд и совесть, стирающих различие между добром и злом, открывающих доступ всякого рода преступлениям"; как государь и как христианин, король имеет право употребить силу меча против всех речей, книг, собраний, заговоров и против всех внешних средств, при помощи которых пытаются нападать на религию, распространять заблуждения и вербовать себе последователей [2]).

Но и светского меча в то время едва доставало сил для защиты своих собственных интересов. Несчастные войны с Пруссией и Англией совершенно расшатали финансы государства: парламенты отказывались регистрировать новые эдикты о налогах, и борьба, вновь завязавшаяся между ними и правительством, никогда не была столь сильной и ожесточенной, как в конце шестидесятых годов [3]).

Аббат Терре, сделавшийся в это время, благодаря влиянию Мопу, генеральным контролером, взялся „пустить кровь финансам". В январе и феврале 1770 г. появились постановления Совета, которые до того урезывали пенсии и ренты, что целый ряд семейств оказался накануне разорения. Общее негодование охватило страну, но король отвечал на все жалобы, что он глубоко грустит дурным поведением своих подданных, но что при данных обстоятельствах его отцовские чувства должны были уступить неотложным потребностям государства [4]).

При этом тяжелом положении правительства и народа вновь появились два предложения, ретроспективно повлиявшие весь ход из него в секуляризации богатых владений церкви и на этот раз обоснованные более детально, чем все предыдущие; я имею в виду во-первых „Histoire philisophique des deux Indes" аббата Рейналя [5]) и затем, книгу Серфволя: „Du droit du souverain sur les biens-fonds du clergé et des moines et de l'usage qu'il peut faire de ces biens pour le bonheur des citoyens" [6]).

Последняя книга произвела тем большее впечатление, что она относилась к религии с полным уважением. Но Людовик XV еще раз попытал счастья в другом направлении: распустив в 1771 г. старый парламенты, бывшие в то время средоточием пожеланий и жалоб народа, он по необходимости должен был вновь опереться на духовенство и поэтому не мог решиться затронуть его владения.

Но с его смертью положение, казалось, совершенно изменилось. Мопу пал, и парламенты были восстановлены почти что по желанию народа. При юном короле, казалось, настала наконец пора внутренних реформ. Но на деле начался

[1]) Rocquain, op. cit., стр. 525 (Livres condamnés).

[2]) Censure de la Faculté de Theologie de Paris, contre le Livre qui a pour titre, Bélisaire. Paris 1767". Напечат. у Marmontel, Oeuvres complèt. (Paris 1819), VII, стр. 165 и сл.; см. особ. стр. 282—84.

[3]) Ср. Ranke, Fürst Hardenberg, IV, стр. 194 сл.

[4]) Rocquain, op. cit., стр. 273.

[5]) Первое издание 1770 г., и затем до 1783 г. оно неоднократно появлялось по новому, см. Quérard, VII, стр. 473 сл.—Парламентское постановление от 25 мая 1787 осудило книгу на сожжение.

[6]) Naple et se trouve à Paris, 1770, 164 pages. Bibl. Nat. Ld 43008.—В 1791 г. появилось третье издание этой книги, датированное 1789 годом.

пятнадцатилетний период половинчатых, неудачных, начатых и вновь отмененных полуреформ: наступили годы, когда народу показывали то, что ему следовало дать, чтобы вслед затем отказать ему в этом: годы, когда народ научился измерять слабостью правительства свою силу, реакционной бесцеремонностью привилегированных сословий — глубину своей ненависти. Старые враги — духовенство и парламент, заключили в это время союз, так как их привилегии подвергались опасности со стороны философов и физиократов; и уже в 1776 г. они свергли симпатизировавшее народу министерство Тюрго-Мальзерба.

Но в литературе, начиная с этого года, нападки на церковные владения следуют друг за другом еще быстрее, чем прежде.

Они открываются в 1776 г. книгой Гёзмана (Goesmann): „Essais politiques sur l'autorité et les richesses que le clergé séculier et régulier ont acquises depuis leur établissement“ [1]) и главой Гольбаховской Эократии.

В следующем году впервые высказался по этому вопросу Кондорсе. В своем Eloge de l'Hôpital [2]) он подкрепляет непреходящие права нации на церковные владения веским авторитетом великого министра. Не менее энергично их подчеркивает одновременно с ним брошюра: „Suite des vues et des désirs d'un citoyen ou moyen de soulager le peuple“ [3]) неизвестного автора.

Ленге [4]), Ле Трон [5]), Бриссо [6]) и анонимные авторы нескольких проектов преобразований [7]) продолжали в 1779—84 г.г. протестовать против системы владений духовенства, требуя освобождения страны от ига церкви. Началось десятилетие революции: во Франции в то время шел великий спор о власти старой церкви.

Если Колонна в 1785 г. еще сделал одолжение духовенству, запретив полное собрание сочинений Вольтера, „как противных религии, нравственности и основам общественного порядка“ [8]), то духовенство вознаградило его за это „даром“ (don gratuit) в 18 миллионов ливров. Эта политика уступок до, ut des — лучше всего показывала внутреннее разложение обеих сторон.

Разумеется, финансовое положение страны не улучшилось та ким путем, как и не примирялось враждебное настроение населения. Требования коренных реформ раздавались в 80-х годах все громче и громче, и беспрестанно возрастало число голосов, предлагавших конфискацию церковных владений для того, чтобы снять с населения тяжесть налогов. Такова были в 1785 г. „Requête au Roi sur la destruction des prêtres et des moines en France“ и „Coup d'oeil philosophique sur la main morte“ Клерже [9]); в 1786 г.— Essais politiques sur l'autorité et la richesse du clergé“ [10]), и в 1787 г

---

[1]) Le Sacrilège, I, стр. 237. — Chassin, Cah. des curés, стр. 147 примеч. 2-е издание 1789 г. Bibl. Nat. L d 3019.

[2]) Oeuv. (Paris 1847) IV, стр. 530 ел.

[3]) 1777: содержание изложено у Gomel, op. cit. I, стр. 460.

[4]) Essai philosophique sur le monachisme: 1777 in 8° и in 12°.

[5]) Traité de l'administration provinciale et de la réforme de l'impôt 1779.

[6]) L'autorité de Rome anéantie ou examen rapide de l'histoire et des [illegible] droit économique, dans lequel on prouve ses incertitude, ses abus et la nécessité de la substituer pour la discipline de l'Eglise des Lois simples etc. 1784.

[7]) Nouveau plan de réformes concernant les ordres religieux (1788) и Réforme du clergé en France (1783), выдержки у Gomel, op. cit. I, стр. 462—463 и II, стр. 53.

[8]) Arrêt du Conseil d'État du 3 juin 1785, supprimant un ouvrage intitulé: Collection complète des oeuvres de Voltaire, par la Société littéraire typographique.

[9]) Выдержка у Карцева, Les paysans, стр. 369, и Gomel, op. cit. II, стр. 184

[10]) См. Chassin, op. cit. стр. 20.

напечатанные под вышеприведенным названием „Le Vœu de la Raison“ и „Réflexions d'un citoyen“ [illegible].

[illegible] волны. [illegible] противопоставление [illegible] [illegible] [illegible]

Духовенство и теперь не сумело должным образом ответить своим противникам. Наиболее видные [illegible] в его пользу, вызвавшая много [illegible] и обстрелянная серьезно в августе и сентябре благодаря порожденной [illegible] „Observations sur les biens ecclésiastiques, du 10 Août 1789" аббата Сиейеса[1]: они сеяли [illegible] „Они хотят быть [illegible] и не могут иметь справедливых".

Нельзя, раньше чем произвести свой [illegible] теперь, [illegible] себе теоретическое [illegible] требований противников духовенства и [illegible] их практические [illegible].

III. [illegible] и отдельном составе духовенства и [illegible] его владений.

Для [illegible] данных сферы всех [illegible] и [illegible] [illegible] прежде [illegible] с [illegible] с госпожой, [illegible] [illegible] [illegible] предложение [illegible] численность состава, доходов и земельных владений [illegible].

[illegible] [illegible] духовных лиц во Франции [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], несмотря на [illegible] [illegible], и столь различным [illegible], что один из них определяет его в [illegible], а другой в 200—300 000[2].

[illegible] [illegible] что [illegible] [illegible] в последнее [illegible] перед [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Commission des Regulières: среди них [illegible], что [illegible] потерпели [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible][3].

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [

Если мы примем, согласно новейшим исследованиям, среднюю годовую доход духовенства в эпоху старого порядка равным 250 милл. ливров, из которых 100—120 милл. приходилось на долю земельных владений, и в соответствии с этим капитальную ценность имущества в 7—8 миллиардов, в том числе 3—4 миллиарда на долю земельных владений [1], то, при сравнении с приведенными выше цифрами, нам станет ясно, насколько преувеличены были надежды, возлагавшиеся на обращение церковных владений в пользу государства.

Если эксперты преувеличили число клириков, т. е. цифру их годового дохода, он исказил сильным в другой, а именно в 120 милл. ливров [2]). Но в этом пункте цифровые данные духовенства не последовали за ним, а с своей стороны далеко вышли за пределы действительности в противоположном направлении. Начиная с 412 миллионов, данных Черутти [3]), с 300 миллионов этих только „земельных доходов" у автора брошюры „De la Différence" [4]), исчисления доходят до фантастической цифры в 1 миллиард 800 миллионов годового дохода [5]).

Соответственно с этим оценивались и размеры и ценность церковного землевладения.

Вместо 3—4 миллиардов их оценивали в 8 [6]), 17 [7]) и более миллиардов [8]) и, как известно, вплоть до времен Тьерсорти то и дело повторялся миф о неисчислимом богатстве церковных владений [9]).

Уже недавно собственники привлекали к себе обширные размеры церковного землевладения.

Уже в первой половине XVIII века было распространено мнение, что духовенство принадлежит треть [10]) или даже половина [11]) всей французской территории.

Если впоследствии некоторые брошюры и сочли возможным после более тщательного исследования отнести на долю духовенства только одну пятую или одну шестую [12]) национальной территории, то тем не менее, как показывают другие произведения, и прежде всего жалобы наказов 1789 г., мнение, что духовенство владеет третью всей Франции, а в некоторых местностях пользуется и даже тремя четвертями всей земли, глубоко укоренилось в сознании

---

[1]) De H. Taine, op. cit. Reg. стр. 18—19.—Cassin, cahiers des clercs, стр. 4. Stourm, Les Finances de l'Anc. Reg. et de la Revol. (1885) II стр. 161.—Rocquain, Le mouvement religieux (1789) I, стр. 195 сл.—При приближении современности к этой цифре ее цифры следует умножить в два или в три раза.

[2]) Точно 19,59. 50 экземпляров: Dict. phil. Ст. „Clergé".

[3]) Mémoire pour le peuple français (1788): ср. Cassin, op. cit. стр. 30.

[4]) Стр. 34.

[5]) Leblanc, Le clerge devoilé, цит. у Rozet, см. Documents de Paris IX стр. 262.—(О подобных же преувеличениях писал Jean Walton: в 1655 г. архиепископство La Rochelle исчислялось в государственный совет годовой доход духовенства в 1220 милл. Le Clergé de 1789, стр. 515 прим.

[6]) De la Différence, стр. 7.

[7]) Le Brun de Saint-Martin, Suite de la réfutation des principes de M. l'abbé Sieyès sur les biens ecclésiastiques. Цит. у Guffroy, Le Toesin стр. 196—197.

[8]) Leblanc, Le clerge devoilé, полагает, что имения лишь одного архиепископства должны давать 12 миллиардов, см. Documents de Paris IX стр. 197—198.

[9]) Doc. de Paris, IX, стр. 211 сл. и интересная глава у Stourm „Ressources extraordinaires ouvertes par la Révolution", op. cit. II стр. 145 сл.

[10]) Journal de Barbier, III, стр. 208. Doc. de Paris, IX, стр. 217.

[11]) „...la libéralité excessive et mal entendue, les des ecclésiastiques avaient mis en possession d'une partie très considérable des Biens d'Etat, on n'exagérait pas beaucoup en disant qu'elle en formait presque la moitié". De la Mothe, Hist. du droit eccl., I, стр. 206—208.

[12]) De la Différence, цит. у Aulard, стр. 17 сл.—Guffroy, Le Toesin, стр. 195.

обществе [1]: с одной стороны, благодаря этому, усиливается враждебное настроение по отношению к духовенству, с другой — возрастала надежда положить конец при помощи церковных владений всяким финансовым затруднениям.

Духовенство старого порядка до известной степени само было виновато в тех ложных представлениях, которые распространялись об его богатствах: со времени Реформации оно всегда окутывало свои истинные доходы и истинные размеры своих владений непроницаемой таинственностью [2], открывая таким образом широкий простор для нападок своих противников. То, что оно считало защитой своего богатства, послужило впоследствии ему на гибель, так как эти преувеличения, как мы уже говорили, только содействовали борьбе с церковными владениями.

Поэтому, пытаясь в дальнейшем описать способы борьбы литературы с *церковным имуществом*, мы должны постоянно иметь в виду эти воззрения эпохи.

IV. Теории относительно происхождения и употребления церковных владений.

Уже в самом происхождении церковных владений заключались духовенству усиливавшей несправедливость и зародыши всех последующих злоупотреблений. Они любили указывать на то, что апостолы и их первые последователи не имели недвижимости, а жили в христианской простоте и бедности дарами верующих. Но как только церковь костела покрылась над своими алтарями, римские императоры и варварские короли стали дарить ей поместья. Церковь заменила языческие храмы, обладавшие огромными землями, на те, что там оказались целесообразными для ее культа; у язычников до известной степени считался государственным и установленным, так как и в христианской теократии, то в руках священнической касты находились большие богатства, то почти было сказалось гибельным для церкви Христовой, которой следовало быть не от мира сего [3].

Церковь, по словам ее противников, всегда стала быстрее всего богатеть. Предполагая теорию церкви через все столетия, они находили, что уже в третьем веке она располагала обширной земельной собственностью, и что особенно во Франции пережитые этой страной в десятом веке потрясения дали ей возможность произвести огромные земельные захваты. Духовенство упрекали в том, что оно пользовалось в своих видах всеобщим

---

[1] Abbé Goudard говорит в одно только время: «Церковь, которая, кроме всего прочего, в большой степени была обязана своим существованием и своим богатством королям Франции. Les intérêts de l'Église vaincus, I стр. 46.—„Утверждают,— говорит Rozet в своей книге о церковных владениях,— что у Камбре больше, чем у целого ряда других епископств, церковных владений, а считая десятины... около. Трех архиепископствах и Ортуа—три четверти; в епископстве Франш-Конте и Суассоне—половина; во всех остальных местах треть или по крайней мере четверть». См. Rec. de Paris, IX, стр. 201.

[2] В 1674, 1725, 1750, 1755 и 1775 г.г. правительство должно было произвести ревизии церковных владений; ср. Gonod, ор. cit., II, стр. 185 сл.—О поэтике Мерсье в 1775 г. д'Аржансон писал в своем дневнике: «В церковных процессиях происходят очевидные волнения из-за десятины: в Мо священник получил от церкви рейльского капитула за то, что тот потребовал сведений об имуществе духовенства. Но больше всего шума в Лангедоке» и т. д. Journ. de Barb., VI, стр. 145.

[3] La voix du pauvre, ou Le Bigarrure (1754), VIII, стр. 160. Voix clamantis in deserto: ibid., IX, стр. 147. Voltaire, Dictionnaire philosophique (Oeuvres XXVI—XXXII), II, стр. 361. — Cerfvol, Du droit du Souverain sur les Biens-fonds, стр. 11 и 31. Condorcet, Sur les assemblées provinciales, Oeuv., VIII, стр. 147. Rozet, Véritable origine des biens ecclésiastiques, chap. XLV. Documents de Paris, IX, стр. 198 сл.

В первые годы христианства, вследствие отсутствия церковных имений, духовенство [illegible] доходов.

[illegible]

Церковь [illegible] духовенство [illegible] церкви [illegible] приходами [illegible] [illegible] [illegible]

рые из его противников, все оно целиком, согласно канонам, по праву принадлежит бедным; однако духовенство, по их словам, никогда не обращало его на помощь страждущему человечеству; служители алтаря брали наследие бедных в качестве вознаграждения за свои нарушенные обеты: на свете нет преступления, более достойного осуждения, чем это святотатственное хищение[1].

По этим ограблением бедных прелаты, повидимому, не допускали, и горестно указывалось на то, что та часть духовенства, которая находилась в ближайшем соприкосновении с народом — деревенские священники, по большей части терпела горькую нужду: они работали больше и получали меньше всех[2]. Высшее же духовенство и дворянство, занимавшее почти все высшие церковные должности во Франции, захватывало все бенефиции и награды.

То обстоятельство, что по каноническому праву один и тот же клирик не мог занимать двух должностей, или же одна и та же должность не могла без нужды иметь двух заместителей,— „подобно тому как одно и то же тело не может одновременно находиться в двух местах"[3],— отнюдь не препятствовало накоплению многочисленных бенефициев в руках одного и того же лица и составлению ненужных мест только затем, чтобы связать с ними бенефиций для какого-нибудь фаворита. Заведывающий „Feuille des Bénéfices" справлялся прежде всего не о том, каковы его добродетели и заслуги, а о том, знатного ли он происхождения, сеньор ли у него предки, в каком разряде дворянства он принадлежит. При таких обстоятельствах встречались нередко священники, принуждённые существовать на 500, даже 300 ливров в год, в то время, как епископы, аббаты и каноники располагали сотнями тысяч[4].

Поэтому, если уже самое происхождение церковных владений вызывало нападки, то насколько более резкой критике должны были подвергнуться существующие формы их управления и употребления.

Улучшение этого состояния ожидалось, как мы увидим, только от преобразования управления: реформировать белое духовенство представлялось возможным лишь освободив его от тяжести светских владений; самый епископат его должен был при этом продолжать существовать, и только радикалы, как Вальтер, Мелье, Морелли, Мармонтель и др. нападали и на него. Но и те, кто в XVIII веке еще верил в возможность реформы по отношению к белому духовенству, как только речь заходила о черном духовенстве, обращали свои нападки на самое его существование.

V. Духовные общины и единство и труд наших духовенство и учение о народонаселении: церковные имения и земледельческая культура.

Ничто в XVIII веке не подвергалось столь резкому осуждению, как монашеские ордена.

Внутреннее разложение их первоначального строя, господствовавшая в них испорченность нравов, подававшая дурной пример народу, вред, прино-

[1] Mably, op. cit. I стр. 95.—Morelly, Code de la Nature стр. 81.
[2] D'Argenson, Journ. et Mém. I стр. 369.
[3] Henry, op. cit. Ch. XXVII „De Pluralité des Bénéfices", I стр. 114 сл.
[4] Voltaire, Dict. philos. III стр. 275 сл. (статья „Curés de campagne"). D'Argenson, Journ. et Mém. VI стр. 167.—Mercier, Montagne de nuit, I стр. 57—59.—Bérenger de Boisderive, Hero sur la Feuille des Bénéfices см. Chassin, Cahiers стр. 14.—Bonneville, Le Tribun du peuple, стр. 7.—Deyérite, Les doléances d'un Pauvre-Diable, ch. VIII. „Le Pauvre Diable dévisto vaki d'un curé et cinq ou six moines sur les gros Décimateurs, sur les Portions Congrues" etc. стр. 81—93.

жизнь вам государству в отношении роста населения и сельского хозяйства,— все это неустанно изображалось в самых мрачных красках.

Если уже аббат Фаре вынужден был признать, что, несмотря на все реформы в средние века и новое время, многие монастыри и обители продолжены вести нерелигиозному образу жизни [1], то Вольтер прямо-таки спрашивал, что является более возмутительным — безобразия, которые происходили в среде нищенствующих монахов, или пагубное влияние сильных монахов, низводящих многие семьи на ступень нищих [2].

В бесчисленных сатирах выражалось возмущение тем, что люди, которые должны были бы больше всех отречься от земных благ наслаждаются ими больше всех и не те, кто дал добровольный обет бедности, беспрекословно соблюдает „евангельский совет", при помощи хитростей привлекают к себе все новые и новые пожертвования, раскапывают для этой цели старые грамоты и привлекают при случае и силу. Монастырские общины обвинялись в том, что первоначальные законы братства потеряли в них всякую силу, что они, вместо того, чтобы воспитывать святых, производят лишь богатых ленивцев, которые живут в пятнах за счет чужого труда, растрачивающие народное достояние, и не только тем, что противоречат Евангелию: что они с невероятной бесчеловечностью относятся к своим собственным ближним, к тяжелым жизненным обстоятельствам, которые только может, бежит из этих „кровавых и противоестественных келий" [3].

Здесь нужны и новые звуки, справедливым вместе с Мелье, „эти аббаты, которые, законники, бенедиктинцы и особенно все эти благочестивые и смехотворные нищенствующие монахи" [4]. Кому они приносят пользу? Никому! Какую пользу они народу? Никакой! Какие добродетели вселяют они в сердца? Никаких! [5] Они ни в коем случае не ограничиваются отрицанием какой бы то ни было пользы монастырей для человечества.

Для более ясной характеристики ярких и восторженного преклонения перед „естественным" людьми [6] и в достаточной мере распространенной рассказы о монастырских ужасах стоит, пожалуй, привести одно противоречие монастыря всех времен природе [7].

Монастырь, рассматривался с нравственно-мрачными бастионами, куда от власти всех, независимо от возраста, положения или пола, и, неизвестно почему, где он был отослан неизвестно на какой срок, в вечной надежде спрятаться от суда, не имел права [8].

Но еще большую опасность усматривали в том, что эти изолированные организации, которые были „по своей паразитической природе" питать стре-

---

[1] ... Abbé Fleury, Institution au droit ecclésiastique, avec des additions. Paris, 1858, стр. 250. Ср. также d'Argenson, Essais dans le goût de ceux de Montaigne (Ed. 1858), стр. 26.

[2] Voltaire, Dict. phil., VII, стр. 179 (ст. „Vœux").

[3] D'Argenson, Essai, стр. 25.—Raynal, Hist. phil. des Deux-Indes (1770) I, стр. 17.—De-la-Mothe, Hist. du droit eccl. I, стр. 61—65.—Cerfvol, Du droit du souverain, стр. 46. Furetière, Ar. Fondations. Encyclopédie VII, стр. 72—73.—Mercier, Tableau, II, стр. 97—98. Mirabeau, De la maison de force appelée Pierre (1788); ср. Doc. de Paris IX, стр. 110 сл.

[4] Le Testament de Jean Meslier (Ed. Rud. Charles. Amsterdam, 1864) II, стр. 185.

[5] Самый подходящий из них „La Religieuse" Дидро.

[6] Отношение взято в „Code de la Nature" Морелли и называется: „Esprit monacal opposé aux lois de la nature", стр. 85 сл.

[7] J. M. Servan, Apologie de la Bastille (Philadelphia 1784), стр. 74 (Kgl. Bibl. Berl. Rg. 670).

[illegible] освободиться от гражданских обязанностей, [illegible] государстве в зачаточном [illegible] деспотизм, что весь народ [illegible] природы, [illegible] будить всех к одинаковой деятельности, [illegible] в это время монастырское [illegible] [illegible] с одной стороны, что он [illegible] [illegible] [illegible] над ней [illegible] природу.

В [illegible] [illegible] [illegible]

По их мнению, собственность должна в значительной степени падать на белое, но прежде всего на черное духовенство. Они упрекали „евнухов, дворян и обоего пола" в том, что они лишают республику большого количества людей, чем воины и сеньоры с крестьянами и бедняками, в которой гибнут будущие поколения [1]. В отрыве от работы своих хозяев, монахи были „рабами всех"; их имения приносили доходы живших и грядущих поколений.

Протестанты [2], чтобы забрать себе все, что могли, отвергали целибат [3].

В обращении к Учредительному собранию, которое, действительно, оказывалось [4] перед лицом [5] [6], [7] отмечало, что в ранней церкви [8] [9] [10] [11] [12] [13] [14] [15] [16] [17] [18] [19] [20] [21] [22] [23] [24] [25] [26] [27] [28] [29] [30] [31] [32] [33] [34] [35] [36] [37] [38] [39] [40] [41] [42] [43] [44] [45] [46] [47]

земельной собственности и в то же время препятствовало большому количеству граждан приобрести хоть маленькое владеньице. Это состояние противоречило всем здоровым принципам сельского хозяйства.

Как раз в это время в сердцах и умах людей начинало пробиваться убеждение, что труд есть благороднейшее и лучшее достояние как отдельного человека, так и всего общественного целого. „Каждый здоровый человек, говорил Тюрго,—должен зарабатывать себе пропитание своим трудом, ибо, если он питается, не работая, то это происходит за счет тех, кто работает". Государство обязано по отношению к каждому из своих членов уничтожать препятствия, затрудняющие его деятельность, или мешающие ему пользоваться плодами, составляющими награду его труда [1]).

Всем этим принципам нового времени по самому своему существу противоречил характер церковных владений, так как, с одной стороны, они доставляли духовенству пропитание без труда, а с другой ставили непреодолимые препятствия хозяйственной деятельности людей. Обработка земли рассматривалась, как наиболее трудная и необходимая работа людей: поэтому от религии и законодательства требовалось, чтобы они тем более побуждали бы людей к этой работе, чем больше их отталкивал от нее климат, и чтобы в особенности они лишали их всех средств, которые позволяли бы жить без труда. По отношению к духовенству указывалось, что происходит как раз обратное: людям, которые хотят быть праздными, предоставляются места удобные для совершенной лености и сверх того отводятся огромные богатства [2]). Мало того, признание неотчуждаемости церковных имений дало церкви возможность как взять все большие и большие владения, которые в конце концов должны были парализовать всякий земельный обмен, всякую промышленность, всякое искусство и постоянно уменьшать сумму труда и произведений земли [3]), так как то, что приобреталось духовенством, делалось, по тогдашним воззрениям, мертвым для общества. Владельцы церковных имений, не имея семьи, не могли быть заинтересованы в том, чтобы улучшать свои земли или даже только сохранять их в хорошем состоянии. „У них вошло почти в закон, — говорит Тюрго, — оставлять бенефиции своим преемникам в худшем состоянии, чем они их получили" [4]).

Без сомнения, эти обвинения в дурной обработке церковных владений не вполне соответствовали действительности. Но противники духовенства сво-

---

[1]) „— — ce qu'est l'Etat dont a chacun de ses membres, c'est la destruction des obstacles qui les empêchaient dans leur industrie ou qui les troublaient dans la jouissance des produits qui en sont la récompense". Turgot, art. „Fondations" в Энциклопедии (1757) VII стр. 74.

[2]) Montesquieu. Esprit des lois. Liv. XIV ch. 6 и 7. Ср. также Augustin Ducastelier. Le Grand Coup de File des Etats-Généraux: „Говорят, что в благоустроенном государстве должны существовать только люди деятельные, трудолюбивые, необходимые. Надо либо уничтожить этот принцип, либо доказать, что пятьсот или шестьсот тысяч лиц, ничего не делающих и пользующихся четвертью всех доходов Франции, действительно что-нибудь делают.. Ср. Documents de Paris IV, стр. 29.

[3]) „Давать даровое пропитание большому количеству людей—значит поощрять праздность и все пороки, являющиеся ее следствием, значит делать состояние безземельника более предпочтительным, чем человека трудящегося; это, следовательно, значит уменьшать для государства сумму труда и произведений земли, часть которой не входило остается необработанной: отсюда частый голод, увеличение нужды и, как следствие всего этого, убыль населения". Turgot, Encyclop. VII, стр. 73 и столбец.—Montesquieu, Lettres pers, Lettre 117.

[4]) „Церковные владения имеют тройного рода недостатки: 1) они мертвы для общества, 2) они благоприятствуют развитию крупных владений, 3) они порождают только разврат...". Ducastelier, ibid. стр. 30.—Ange Goudard, Les Intérêts malentendus, стр. 49—51.—Testament de Jean Meslier (изд. 1864), стр. 18.—Turgot, Fondations. Encyclop. VII, стр. 72.

трели глазами своей эпохи. Поставив себе целью *свободу индивидуума* под защитой законов природы и общественного блага, они видели в духовенстве только корпорацию, подчиненную противоестественным законам и находящуюся под властью чужой воли; считая *свободу труда и торговли* основой экономического благосостояния, они видели, что в лице церковных владений по крайней мере одна пятая или треть национальной земли навсегда осуждена на неподвижное состояние. Нужно ли было указывать, чтобы еще больше возбудить их негодование, на то, что в некоторых из этих владений, особенно в Юре, существовали еще крепостные, что, стало быть, монахи, давшие обет бедности и смирения, порабощают, по словам Вольтера, христианские народности в трояком форме: порабощают личность, порабощают землю, порабощают и личность и землю! [1]. Во второй половине века в умах начинала пробуждаться надежда на то, что в скором времени все изменится [2]). „Мертвые владения будут скоро вновь обращены на служение обществу, чтобы дать новым семьям жизнь и пропитание". „Все часы, потраченные на лишенные благоговения молитвы, восклицал аббат Рейналь,—должны быть вновь посвящены своему исконному назначению, т.-е. труду!" И резюмируя до известной степени всю сумму обвинений, только что рассмотренных нами в отдельности, он продолжает: „Духовенство должно помнить, что сказал Бог в священных книгах невинным людям: *Плодитесь и размножайтесь!* Что сказал Бог грешным людям: *Работайте и трудитесь!* Если, повидимому, функции священнослужительства и возбраняют духовенству заботу о семье и пашне, то функции общества еще более осуждают целибат. Если монахи некогда делали плодородными пустыни, то ныне они опустошают города, кишащие ими. Если раньше духовенство жило милостыней, получаемой от народа, то теперь оно с своей стороны не оставляет народу ничего, кроме милостыни. Среди праздных классов общества наиболее вредным является тот, который согласно своим принципам хочет всех людей привести к праздности; который поглощает у алтаря труд пчел и вознаграждение бабочек... который в своих храмах отнимает у человека время, нужное ему для забот о своем доме; который заставляет требовать от неба пропитания, даруемое только землей труду в качестве награды за работу" [3].

Таков приговор, произнесенный над владениями мертвой руки перед судом труда. Если в церковных владениях видели по отношению к религии и народам то же, чем является град для урожая [4]), то их уничтожение представлялось лишь вопросом времени.

Изложенные нами до сих пор воззрения составляют в их совокупности до известной степени *моральные* и *экономические* средства для оправдания фактических нападок на церковные владения; рассмотрим теперь, раньше чем перейти к самим нападкам, на основании каких *политико-юридических* представлений они могли предприниматься

[1]) Voltaire, Dict. phil., II, стр. 371—372 (ст. „Biens de l'Eglise"). Ср. также La voix du curé sur le procès des cerfs du Montjura; Oeuv. XLVII, стр. 143—156.

[2]) „Различные реформы напрасно пытались возвратить монахов к их и к первоначальному устройству: они постоянно от него отклонялись; так как они, несомненно, совершенно утратили добродетели своего звания, можно предвидеть, что скоро останется не больше монахов, чем существует спартанцев". d'Argenson, Essais dans le goût de ceux de Montaigne (1785), стр. 26.

[3]) Raynal, Hist. phil. X, стр. 209—210.

[4]) „Полезны ли владения духовенства религии? Они ее уничтожили. Полезны ли они государству? Они его разорили... Если эти богатства являются для религии и народов тем же, чем град в Иль-де Франсе для урожая 1788 г., их уничтожение не представляет на себя трудной проблемы". Ducastelier, Le Grand Cri du Filet; см. Doc. de Paris, IV, стр. 31.

VI. Права короля на церковные владения.

Французский король пользовался в XVIII веке по отношению к церковным владениям двумя правами: во-первых, он раздавал часть духовных бенефициев; во-вторых, он [illegible] с духовенства различные налоги.

Относительно [illegible] государственной следующим образом:

Владения церкви, [illegible] священных обязательств, впоследствии всего, что церковь и монастыри [illegible] имения часто, пока. наконец, каждый [illegible] не получил особого дохода, которым он распоряжался [illegible] только перед собственной совестью [1].

Раздача [illegible] церковных должностей [illegible] по с течением времени [illegible] с этим правом с конца [illegible] древних времен церкви. Больше всего прав [illegible] короля, при [illegible] Церкви [illegible] на кого-нибудь [illegible] относящееся [illegible] церкви, [illegible] выражается [illegible] и на [illegible] ство. Если [illegible] бенефиция [illegible] ого, раз [illegible] доход. [illegible] „Le droit de [illegible] de collation", [illegible] [illegible] дивиться духовные [illegible] „Le droit de serment à [illegible]" [illegible] ждавшимся у вновь назначенных епископов.

Все [illegible] церкви, церковных, право [illegible] ше короля доходят и распределение бенефициев [illegible].

Этих доходов король в действительности [illegible] приносил их в дар [illegible] епископу. Это право распределения бенефициев он использовал в [illegible] размерах и [illegible] [illegible] нии [2]). При этой он не был связан никакими ограничениями, [illegible] к светским патронам, а распоряжался бенефициями „как папа" [3]). Если король на деле не раздавал всех бенефициев в государстве, то это [illegible] иной

[1]) „...Les biens de l'Eglise se partagèrent petit à petit jusqu'à [illegible] portions que nous appelons bénéfices... enfin les choses sont venues à ce point, que chaque officier de l'eglise a son revenu séparé, dont il jouit par ses mains [illegible] l'emploi suivant sa conscience, sans en rendre compte à personne... C'est ce revenu joint à un office ecclésiastique que nous appelons „bénéfice". Fleury. Institution. I, стр. 310—311.

[2]) Это право называлось „l'indult"; милости, наделять которыми первоначально имел право папа, были предоставлены королю для распределения между его чиновниками.

[3]) Как трудно было Людовику XIV распространить это право также и на четыре южных, до тех пор свободных от него провинции — Юи, Лангедок, Прованс и Дофине, об этом см. Ranke. Frz. Geschichte, IV, стр. 140 сл.

[4]) Это изображение опирается на Fleury, Institution, I, chap. 14 и сл., особ. chap. 18 „De l'indult de la régale et des autres nominations du roi". стр. 383—391.

[illegible] что папа [illegible] не имеет [illegible] малейших прав в делах французской церкви, и [illegible]ль Мот объявил опасными [illegible] тех, кто пытался защищать в своих безумных речах [illegible] „галликанские привилегии".

[illegible] в распределении церковных владений было [illegible] [illegible] прямо бесспорным: из него уже в первой [illegible] XVIII века делали вывод, что *церковные владения должны* [illegible] [illegible] духовенство должны употребляться на религиозные [illegible] [illegible], пока короли не будут уверены в том, чтобы [illegible] [illegible] [illegible], услуги которых представляются сомнительными, [illegible] [illegible] [illegible] [1].

[illegible] [illegible] [illegible] [

Насколько прочны были формы, в которые духовенство облекло свои привилегии, показывают многочисленные неудачные попытки правительства разбить их. Об эту твердую скалу не раз разбивался корабль абсолютной монархии, превратившись в конце концов в обломки, чего не могли устоять перед натиском революции.

Но правительство Бурбонов само было в этом виновато.

Мы упоминали уже о том, что в начале столетия оно, по неразумной слабости, признало справедливым утверждение духовенства относительно „святости церковных владений", освобождавшее их от государственных налогов. Духовенство впоследствии, разумеется, не упускало случая подкрепить свои аргументы этим драгоценным признанием [1].

Именно на этот пункт и направлялись резкие нападки его *противников*.

Если церковное право объявляло владения духовенства собственностью религии и церкви, и считало, что они завещаны от бога не людей, а потому священны и неприкосновенны, то, по мнению его противников, оно тем самым создало „государство в государстве, нередко даже в короле" [2].

Эти владения, как они говорили, не принадлежат ни религии, так как у нее нет светского существа, ни церкви, так как церковь обнимает всех верующих, и священники также не образуют, подобно, как говорили, государства: наконец, они не принадлежат и богу, ибо только в той же мере, как и все другие владения на земле.

Оспаривалось, что вообще какое-либо материальное или светское благо может быть священно в какой-либо действительной или метафорической смысле. Слово „священный" обозначает в подобных случаях лишь то, что та или иной предмет употребляется для религиозных целей. Но природа владения тем самым не изменяется: они точно так же могут привлекаться и к светским целям, что и происходит даже слишком часто и тем же духовенством. „И если бы они даже и были священны,—говорил Де ла Мот,—все же они не были бы профанированы тем, что их заставили бы служить потребностям государства!" Но это старое заблуждение особенно должно было быть устранено, и, чтобы нельзя было впредь злоупотреблять метафорой, предавая разрушающие общество права и притязания, выставлялось требование, чтобы духовные владения были, как и все другие, подчинены одним только гражданским законам [3].

Это требование подкреплялось и историческими аргументами. Духовенство всегда возводило свои права к Меровингам и еще более древним временам: теперь же ему доказывали, что в течение всей французской истории оно всегда было подчинено законам и приказам королей, что все его привилегии обязаны своим происхождением лишь их милости, и что каждый король имел право сказать в них, а теперешний государь в праве их отменить [4].

---

[1]) Ср. Ranke, op. cit. IV стр. 468.—F. Rocquain в L'esprit révol. стр. 42—43.

[2]) Voltaire, Dict. phil. III стр. 174. (ст. „Droit canonique") „ . . . . . ozelimся коснутся религиозных законов.—говорит M. J. Servan.— ясно, что они достойны восхищения и преисполнены истинной святости для глупых бенефициариев и некоторых людей в этом роде; но не менее ясно, что они являются отвратительными и дьявольскими для всех, кто платит десятины этим господам, для всех, кто платит государственные налоги, чтобы освободить от них этих господ". Apologie de la Bastille (1784) стр. 140—41.

[3]) De la Mothe, op. cit. I стр. 67.—Voltaire, Dict. phil. III стр. 45 стат. „Droit canonique".—La Voix du Pauvre, см. Bizarrure VIII, стр. 135.—Voix de la Raison стр. 74—75.—Boissel Le catéchisme du genre humain, стр. 82.—Noillac. Le plus fort des pamphlets, стр. 21.

[4]) De la Mothe, op. cit. Chap: „Preuves des Droits du Roi par rapport aux Personnes et aux affaires ecclésiastiques". I стр. 33 сл. См. также стр. 62. „Все ее

Всего чаще оспаривался самый факт дарования королем духовенству привилегий, освобождающих его от налогов, а относительно декларации 1726 г., напр., утверждалось, что она „предполагает привилегии, но не дает их". Узурпации, допущенные фанатизмом во времена Лиги, также никогда не признавались законными.

Кто же не хотел вполне отрицать того, что „некоторые слабые, суеверные или соблазненные государи" предоставляли духовенству освобождение от налогов, тот по крайней мере или отрицал законность этих свобод, или доказывал, что их следует теперь уничтожить, так как они губят нацию. Словом, исчерпывались все источники логики и истории для доказательства того, что духовенство обязано по мере своих средств участвовать в государственных налогах. Ибо достойно готтентотов то правительство, которому целая группа людей может сказать: платить должны только те, кто работает, нам не нужно ничего платить, потому что мы молимся [1]).

Если бы духовенство и дичилось этой теории, ему пришлось бы перестать существовать в качестве особого привилегированного сословия: основы его существования совершенно изменились бы; старое духовенство не могло или не хотело перестроить их, но сохранение государственного и народного организма требовало этого силой естественной необходимости; поэтому, чем дольше продолжалось сопротивление, и чем меньше оказывалось у существующего правительства сил преодолеть его, тем резче становились нападки в литературе, тем более крайний характер принимали теории, особенно начиная с средины столетия. С этого времени, как мы уже заметили, они начинают делать ударение не столько на права слабой королевской власти, сколько на притязания нации.

VII. Отношение корпоративных владений к государству: право нации на церковные владения.

„Пока известное число соединившихся людей чувствуют себя одним целым, у них только одна воля, направленная на сохранение этого целого и общее благо. Весь государственный механизм в таком случае силен и прост; принципы государства ясны и определенны; нет запутанных и противоречивых интересов... Когда общественные узы начинают ослабевать, а государство ослабляться, когда частные интересы начинают оказывать свое воздействие и маленькие общества начинают влиять на большое, общий интерес затуманивается... общая воля не есть уже воля всех. Наконец, когда государство, близкое уже к гибели, существует лишь как пустая и кажущаяся форма; когда общественная связь порвана во всех сердцах; когда самые низкие интересы нагло присваивают себе священное имя общественного блага,— тогда общая воля немеет".

значит, что в религии нет ничего, что требовало бы, чтобы владения, которыми пользуются ее служители, были свободны от государственных налогов; церковь обязана своими привилегиями единственно только доброте государей в этом отношении; они могут отменить эти привилегии, когда это им покажется нужным, и никто не может воспрепятствовать этому".

[1]) Daniel Bargeton, Lettres: ne repugnate vestro bono. см. Grimm, corresp. lit. I стр. 431. — Voltaire, La voix du sage et du peuple: „Во Франции, где разум совершенствуется с каждым днем, этот разум учит нас, что церковь должна участвовать в государственных налогах по мере своих доходов ... То правительство было бы достойно готтентотов и т. д". Oeuvers XXXIX стр. 343 сл.— La Voix du Pauvre, см. La Bigarrure (1751) VIII стр. 135.—Rozet, Véritable origine des biens ceclésiastiques см. Doc. de Paris, IX стр. 202.—La Passion, la Mort et la Résurrection du peuple, стр. 11.

В таких положениях кристаллизует Руссо воззрения своих современников на волю к общему благу [1]).

Перед благом целого должны были отступить интересы личностей, корпораций, сословий; этого требовала общая воля народа; во Франции XVIII века она еще не онемела, и если „маленькие общества" противились ей, угрожая погубить государство, то она энергичнее чем когда-либо требовала их полного подчинения или уничтожения.

В этой основной идее коренилась и теория о праве собственности на владения вечных союзов.

Она аргументировалась следующим образом. Всякое общество может иметь общую собственность. Если такое общество покоится на законах, которые оно само дало себе, если основы его объединения не противоречат естественным законам, и если общий закон достаточно гарантирует выполнение договора, то общество должно являться таким же господином своей собственности, как всякое отдельное частное лицо [2]).

Признаком владения на правах собственности считалось право членов уничтожить общество и поделить определенным образом его владения между собой; в общем предполагалось, что это относится к обществам, учреждаемым на время („pour un temps") [3]).

Если же члены какого-нибудь общества не имели этого права распустить общество и поделить его имущество, если они таким образом могли только пользоваться его владениями, то общество, как таковое, уже не рассматривалось, как собственник, а считалось лишь пользующимся имуществом, имевшим вечное назначение.

Уже для установления такой вечности назначения, необходимо было, по воззрениям эпохи, разрешение верховной власти, в особенности, если дело касалось земельных владений: слишком большое расширение землевладения, связанного подобными условиями, грозило в конце концов парализовать или поглотить самостоятельные хозяйственные предприятия. Из права же разрешения вытекало право надзора со стороны государственной власти, в том случае, если доходы таких навеки связанных владений должны были служить общественному благу: следовало предупредить опасность, заключавшуюся в том, что постановления, первоначально имевшие ввиду пользу народного организма, могли благодаря изменению обусловливавших их обстоятельств послужить ему во вред. Эти права должны были изменить самую природу собственности: ставя условием, что связанность владений их предназначением будет терпима лишь до тех пор, пока она сопровождается полезными для общего блага следствиями, государственная власть, в качестве представителя интересов общего блага, провозглашала свое право распоряжаться владениями в том случае, если их первоначальное назначение или полезные следствия отпадали, т. е. другими словами, нация объявляла себя единственным истинным собственником таких владений.

В таком же положении находилось дело и в тех случаях, когда доходы с владений предназначались не в пользу общего блага, а предоставлялись особой группе граждан для определенных целей. И в этих случаях право собственности, принадлежащее нации, не переходило в действие лишь до тех пор, пока „вечное употребление этих владений" не нарушало права граждан, и пока их первоначальное назначение не искажалось благодаря злоупотреблениям. Данная группа или корпорация имела право на существование в госу-

---

[1]) Contrat Social, Livre IV, chap. I.
[2]) Condorcet, Sur les assemblées provinciales, Oeuvres, VIII, стр. 439.
[3]) Ibidem.

дарстве не сама по себе, а лишь благодаря тому, что она служила благу целого, и лишь до тех пор, пока она не переставала служить ему [1]).

Исходя из этих точек зрения, стали исследовать первоначальное назначение церковных владений, их употребление и приносимую ими пользу, и в соответствии с этим установили права нации на них.

„Кто их собственник?" так гласил вопрос, поставленный еще до революции борьбой за церковные владения.

Само духовенство в своих автентичных произведениях до октябрьских дебатов Учредительного Собрания именовало себя не собственником, а лишь управителем или пользователем, который, правда, отвечает только перед Богом [2]): собственником их оно называло не государство или нацию, а Бога и религию. Мы видели, как энергично протестовали его противники против этого взгляда на „священные владения". Кто же, по их мнению, являлся собственником?

Намерение дарителей и завещателей церковных владений „продлить свою волю в вечность", всегда обуславливалось, по господствующей теории, с которой мы только что познакомились, молчаливым согласием государства.

Указывалось, что нельзя без всяких ограничений подчинять благо целого недостаточной предусмотрительности, предполагавшей слишком большое постоянство земных отношений. Ясно, что специальные цели, для которых предназначалось пожертвование, должны были со временем измениться, и что, напр., пожертвование для борьбы с исчезнувшей проказой должно было в XVIII веке считаться столь же бесполезным, как и пожертвования в пользу духовных рыцарских орденов, деятельность которых совершенно прекратилась [3]).

Так же обстояло дело и с пожертвованиями, по отношению к которым первоначальные договоры, по выражению Госселена, были нарушены, т. е. где еще существовала возможность употреблять их согласно с первоначальным предназначением, но где доходы в действительности стали употребляться на посторонние цели.

В том и другом случае за нацией признавалось право „без страха перед нарушением прав, присвоенных некоторыми корпорациями", взять на себя роль истолкователя воли завещателей, чтобы вновь обратить на служение общественному благу подаренные ими владения [4]).

---

[1]) Ср. Turgot, Fondation, Encycl. VII, стр. 75, 2 столбец.—Condorcet, Sur les assemblées, Oeuvres, VIII, стр. 439—441.—Béranger de Hautérive, Haro sur la Feuille des Bénéfices, см. Chassin, op. cit., стр. 340—341.

[2]) „... раз эти владения представляют из себя общественное имущество, так сказать, предназначенное служить запасным фондом на случай общественных бедствий, раз, по определении и сокращении наших потребностей в связи с требованиями религии, остальное уже не принадлежит нам и является чужим добром, вверенным нам на хранение,—то это управление представляет собою скорее обузу, чем преимущество". Massillon, Discours sur l'usage des revenus ecc. (1714) Oeuvres (1871) III, стр. 405.—„Владения духовенства—священные владения, на которые никто не имеет права собственности; пользующийся ими является лишь их управителем. Поэтому его и называют не собственником, а лишь пользователем. Правда, по существующему обычаю, он дает отчет в этом управлении одному только Богу: перед лицом людей он рассматривается, как пользователь". Fleury, Institution, I, стр. 415.

[3]) Turgot, op. cit. Encyclopédie, VII, стр. 74.

[4]) „ ... распоряжаться старыми пожертвованиями, обратить их капиталы на новые цели или, еще лучше, совсем их уничтожить". Ibid., стр. 75, 2-й столб.— „ ... так как почти нет старых пожертвований, назначение которых не было бы изменено, может ли быть избран более достойный истолкователь, чем общее желание граждан, выраженное их представителями". Condorcet, Sur les assemblées, Oeuvres, VIII, стр. 444—445.—„Имущество, которым пользуется духовенство, состоит из пожертвований; нация является их естественным истолкователем; и, если их мотивы более не существуют или если они слишком нарушаются, она в праве найти им

Тюрго уже в 1757 г. держался мнения, что с точки зрения просвещенной политики все пожертвования, сделанные в пользу церкви, давно уже должны были бы быть пересмотрены по всей Европе [1]); еще радикальнее высказался тринадцать лет спустя Серфволь, называя все пожертвования с точки зрения гражданского и церковного права [2]) недействительными уже в момент их происхождения.

Как бы то ни было: если вообще за нацией признавалось право поступать с ними таким образом, то ее безусловно приходилось считать действительной собственницей всех пожертвованных церкви владений; и действительно этот последний вывод делался уже перед революцией, но при этом—как впоследствии и в Учредительном Собрании—подчеркивалась обязанность нации взять на себя при конфискации и употреблении для новых целей церковных владений содержание „необходимых служителей алтаря", т. е. епископов и священников [3]).

Таким образом из того принципа, что благо народа есть высший закон, до известной степени вытекало следствие, что нация является единственной собственницей церковных владений. Попытка осуществить эту теорию на деле нанесла бы смертельный удар старому государству: духовенство перестало бы существовать на жалованье народа („salarié du peuple") [4]) уничтожалось, разумеется, как политическое привилегированное сословие, разрушая тем самым сословный механизм старой монархии. Но, после того как теоретические права нации на церковные владения были установлены, провозглашены и получили широкое распространение, естественно должно было возникнуть стремление придать им силу закона. Рассмотрим предложения, которые должны были привести к этой цели.

VIII. Проекты сокращения или полной конфискации церковных владений; их новое употребление.

Естественно, что при огромном росте церковных владений прежде всего явилась мысль ограничить приобретение земли духовенством: эти требования начали раздаваться еще до появления августовского эдикта 1749 г., и Монтескье полагал, что „защитника этих бесконечных приобретений" народы сочли бы слабоумным (imbécile) [5]). Высказывались также пожелания, чтобы пра-

— — — — — —

другое применение или ограничить их". De la Différence qu'il y a etc, стр. 36.—То же у Voltaire, Dict. phil. III, стр. 479 (Art. „Droit canonique)—Le Voeu de la Raison, стр. 126.—Gosselin, Réflexions d'un citoyen, стр. 29.

[1]) „Я не боюсь сказать,—говорит он в своей часто цитируемой статье,—что при сравнении выгод и неудобств всех пожертвований, какие существуют в настоящее время в Европе, не нашлось бы, может быть, ни одного, которое устояло бы перед лицом просвещенной политики". Encyclopédie, VIII, стр. 73, 1 столб.

[2]) Du droit du Souverain sur les biens-fonds, (1770), стр. 82—87.

[3]) Voltaire, Dict. phil. III, стр. 473—474.—Cerfvol, ibid.—Condorcet, op. cit. Oeuv. VIII, стр. 446 (Он заключает свою статью о собственности корпораций следующими словами: „Пользование этими владениями принадлежит следовательно тем, кто ими пользуется, право собственности же должно принадлежать одной только нации!")—Béranger, Les Quatre Etats de la France см. Gomel, op. cit. I, стр. 619.—Le Voeu de la Raison, стр. 111.—De la Différence, стр. 31—32.—Brothier, Réforme du Clergé, стр. 26, см. Chassin, op. cit., стр. 192.—Des droits du clergé dans les affaires publiques, стр. 11—12; ibid., стр. 134.—Grillon des Chapelles, Plan de la régénération de la Nation, см. Doc. de Paris III, стр. 199.—Ducastelier, Le Grand Coup de Filet, art. XVIII и Observations sur les cahiers du clergé; ibid. IV, стр. 30 и 410.

[4]) „ ... Стало быть, гражданский закон должен давать пропорциональную пенсию духовному ведомству",—говорит Вольтер. См. Voltaire, Dict. phil., III, стр. 474.

[5]) Esprit des Lois, liv. XXV, chap. 5: „Des bornes que les lois doivent mettre aux richesses du clergé".

вительство в этих же целях принципиально препятствовало созданию новых церковных поселений и учреждений, которые по большей части служили лишь прикрытием новых земельных приобретений [1]).

Действительно, духовенство, даже после 1749 г., хотя и в меньшей степени, все же находило средства и пути к новым приобретениям [2]), и вплоть до Революции мы поэтому постоянно встречаемся с требованием положить предел дальнейшему росту его землевладения или же, разрешив отчуждение церковных имений, вернуть хотя бы часть их торговле и тем самым и народу [3]).

Другой ряд требований исходит из известного нам тройного деления церковных владений.

Треть, принадлежащая бедным, совершенно перестала, как тогда думали, обслуживать свое первоначальное назначение. Поэтому нация, отбирая от духовенства эту часть его владений и распоряжаясь ею самостоятельно, поступала лишь так, как в праве поступить всякий собственник по отношению к плохому управителю. Поэтому выставлялось требование, чтобы государство взяло в свои руки управление этой третью, положило бы, наконец, предел „позорному скандалу“ расточения имущества, принадлежащего бедным, и пришло на помощь ограбленным духовенством [4]). Что касается использования этой части, то здесь предлагалась либо прямая раздача этих владений бедным, либо учреждение особых „maisons de charité, либо, наконец, раздел между общинами, которые должны были на получаемые доходы содержать бедных Парижа (!) и своего округа и улучшить содержание сельских священников [5]).

Но еще значительно большую часть церковных владений пытались отобрать у духовенства проекты нового использования владений, принадлежавших монастырским общинам. В борьбе с монастырями ненависть образованных классов к „неестественным институтам“ встречалась с ожесточением народа против „бесполезных богатых лентяев“, и их владения были поэтому

[1]) De la Mothe, op. cit. I, стр. 207.

[2]) Отсюда и повторные возобновления эдикта 1749 г.: 20 июля 1762; 26 мая 1774 и 24 авг. 1780. См. Isambert, Recueil XXII, стр. 323; N. F. I, стр. 9—14 и IV, стр. 370—373.

[3]) Ange Goudart, Les intérêts (1756), I, стр. 46—47 и 189—191.—Raynal, Hist. phil. (1770) II, стр. 176.—d'Argenson, Considérations sur le Gouvernement de France (1784), стр. 281—282. Goczmann, Essais politiques sur l'autorité et les richesses. (1776—1789) см. Chassin. op. cit., стр. 147.

[4]) „ ... так как часть, принадлежащая бедным, отделена от части священников, то у духовенства нет оправданий или оснований, которые оно могло бы представить нации, когда она захочет отобрать у них часть, принадлежащую бедным, чтобы управлять ею самостоятельно“ и т. д. Les Fléaux de l'Agriculture, стр. 115; см. также стр. 111, где имеется ссылка на Массильона и Эпикура.—То же в Lettres édifiantes et curieuses, см. Gomel, op. cit. II, стр. 186.—Voeu de la Raison, стр. 106 и 121 сл.—Marat, La Constitution, стр. 15.—Boissel, Le catéchisme du genre humain, стр. 83.—Mémoires sur l'administration et la réformation des biens du clergé. стр. 42.—Aclocque, Pétition particulière, см. Doc. de Paris II, стр. 482.—Abbé Baudeau, Idées d'un citoyen sur les besoins des vrais pauvres, см. Pigeonneau, L'administration, стр. 308.

[5]) Les Fléaux de l'Agriculture, стр. 115—117.—Observations sur les cahiers du clergé, см. Doc. de Paris, IV, стр. 410.—Фантастический план дает Goyon de la Plombanie, L'Homme en société, II Liv. VIII, главы 4 и 5. Владения бедных оцениваются им в миллиард. Половину вырученной от их продажи суммы он хочет раздать в долг сельским хозяевам, взамен возложив на них попечение о бедных; вторая половина должна быть употреблена на организацию крупной государственной торговли, доход которой пойдет на поддержку ремесленников и мелких торговцев.

открыты нападению со стороны государственной власти в большей степени, чем остальные церковные имущества. Иногда их вообще пытались принципиально отделить от последних. Исходя из положения, что монахи первоначально не считались духовными лицами, брошюра „Le Voeu de la Raison" заявляла, что монастырские имения не являются церковными владениями, что они не предназначаются для служения алтарю, а служат единственно для пропитания монахов [1]). Если поэтому воспользоваться ими для блага государства, то это нисколько не заденет владений духовенства [2]). Проведение подобного принципа представлялось тем более легким, что белое духовенство само по большей части враждебно относилось к черному и опасалось возврата времен Лютера и Кальвина, если не будут отсечены „сгнившие члены" [3]).

Но и помимо этого принципа, исчезновение или нарушение первоначального предназначения в достаточной степени, казалось, оправдывало, уничтожение монастырей. Одни поэтому предлагали королю „отменить старые договоры", сократить число монастырей с 1500 до 200, с 20—30 членами в каждом, продать лишние имения и употребить вырученную сумму на благотворительность, попечение о больных и доставление заработка рабочим [4]).

Но большей частью пожелания были еще радикальнее и сводились к полному уничтожению духовных обществ. Уничтожение всех орденов, изгнание монахов, конфискация их владений и свободное употребление их на благо общества,—такова была программа, к принятию которой постоянно старались побудить правительство [5]).

Но и этим еще не ограничивались требования, которые выдвигались в статьях дореволюционного периода и в брошюрах 1789 г. Нация была собственницей всех церковных владений, поэтому она должна была конфисковать *все* эти владения и употребить их в свою пользу: в этом заключался высший предел желаний противников духовенства. Со стороны народа они не опасались протеста против такого образа действий. „Он не терпит,—говорил Гудар еще в 1756 г.,—прямого посягательства на привилегии духовенства, но почти всегда позволяет отнимать у него его богатства" [6]). Впоследствии эти слова оправдались [7]).

---

[1]) „Les possessions des communautés religieuses... ne sont pas des biens ecclésiastiques... Les biens des moines ne sont pas plus ecclésiastiques que leurs personnes. Ils sont destinés à nourrir les pénitents et non pas au service de l'autel", стр. 76—77.

[2]) Ibid., стр. 100—101.

[3]) „Нужно уничтожить конгрегации",—говорит в 1789 г. аббат C. в своей брошюре L'Église gallicane,—„Наше теперешнее положение похоже на состояние духовенства в эпоху реформации, когда на него напали Кальвин и Лютер... Пастыри душ! если вы не пожертвуете бесполезными ртами, если вы не отсечете от себя сгнившие члены, то ваша твердыня будет взята приступом, и вы должны будете сдаться на милость победителей". См. Chassin, op. cit., стр. 188.—Ср. также письма аббата Mesmont к кардиналу B. Ludovisi (1786—87), выдержки из которых приведены в Doc. de Paris, IX, стр. 167—168.

[4]) Les Voeu de la Raison, стр. 78—79.—Mémoire sur l'administration et la réformation des biens du clergé, стр. 50 сл.—Chambre du Tiers-Etat de la ville de Paris, стр. 12.—О предложениях постепенно сократить владения монахов путем обложения, см. Goudart, Les intérêts I, стр. 414 сл.

[5]) Ср. Voltaire, Dict. phil. III, стр. 479—Linguet, Hist. impartiale des jésuites, I 228 сл.—Goezmann, Essais politiques, см. Gomel, op. cit. I, стр. 460.—Suites des vues et des désirs d'un citoyen, ibid., стр. 460—461.—Requête au Roi sur la destruction des prêtres et des maisons en France; ibid. II, стр. 183.—Discours et Motion de l'un des membres de l'Ass. des Petits-Pères, см. Doc. de Paris II, стр. 208.—Marat, La Constitution, стр. 60.

[6]) Les intérets, I, стр. 414.

[7]) „Выполнение закона, лишавшего духовенство его владений не представило никаких затруднений", говорит даже Abbé Fouilhoux, Monographie d'une paroisse. Mém. de l'Acad. de Clermont-Ferrand (1898) XII, стр. 320—321.

Но тем не менее для подтверждения справедливости и полезности подобного шага считали необходимым привлечь на-ряду с правовыми теориями также и все примеры из сокровищницы истории.

Уже Монтескье напомнил своему времени о конфискации церковных владений при Меровингах и особенно при Карл Мартелле; так и теперь стали вновь напоминать о подобных же мерах протестантских князей в эпоху Реформации: секуляризация церковных владений в Германии и Швеции, освобождение зависевших от церкви и монастырей имений в Англии при Генрихе VIII приводились в качестве примеров, достойных подражания [1]). Напоминалось о том, что уже в XVI веке дворянство на собраниях генеральных штатов в Орлеане и Понтуазе утверждало, что церковные владения обязаны своим происхождением щедрости прежних королей и баронов, и что король и дворянство имеют поэтому право употреблять их на общее благо. Дворянство потребовало тогда продажи части церковных владений для покрытия национального долга; третье сословие пошло еще дальше, предлагая передать все владения церкви в руки короля [2]). Указывали, что и канцлер л'Опиталь считал церковные владения собственностью нации и также хотел употребить их на покрытие государственных долгов [3]); наконец, говорили, что Екатерина II захватила все церковные владения своего государства и оплачивает священников из государственной казны [4]).

Перед лицом этих фактов должны были, как патетически выразился Марат, исчезнуть последние следы благочестивой робости и благоговения перед традицией. „Пелена разорвана,—восклицал он,—перед факелом разума рассеялся мистический сумрак, которым окружали себя клирики; их собственное поведение нанесло последний удар иллюзии, и ныне очи народа видят их такими, каковы они в действительности! [5]) Мужество, всегда решающееся делать последние выводы, одушевляло умы накануне революции. Рима, думали, бояться было нечего. Что прежде было вулканом, то-де теперь превратилось в маленькую искорку. Казалось, что наступает новая эра оздоровления и силы, когда, наконец, можно будет оправиться после „900-летней болезни“ [6]).

Опираясь на эту веру в собственные силы и слабость противников, к государству, как мы уже говорили, предъявляли требование *конфисковать церковные владения в их совокупности* и облегчить при помощи их богатств нужду переобремененного налогами народа [7]).

---

[1]) Voltaire, Dict. phil. VIII, стр. 20.—Mably, De la législation, Oeuvres, IX, стр. 264—268.—Condorcet, Notes sur Voltaire, Oeuvres, IV, стр. 544.

[2]) Grillon des Chapelles, Plan de régénération, см. Doc. de Paris, III, стр. 198—199.

[3]) „ ... il fut résolu de vendre quelques biens du clergé pour acquitter quelques dettes de l'Etat. Ces biens furent alors regardés par l'assemblée des notables, par les états, comme appartenant à la nation“. Condorcet, Eloge de l'Hopital (1777) Oeuv. IV стр. 530—533.

[4]) d'Holbach, Ethocratie ou le gouvernement fondé sur la morale (1776), стр. 112, прим. 46.—26 февраля 1754 г. Екатериной II были конфискованы церковные владения; см. Бильбасов. История Екатерины II, т. II.

[5]) Marat, La Constitution, стр. 58—59.

[6]) „Надо пнжечь рану. Рима больше бояться нечего. Его слабость подстрекает нас сбросить с себя его цепи“ и т. д. J. P. Brissot, De l'autorité de législation de Rome anéantie, стр. 51.—См. также: idem, Le Pot-Pouri, entretien aux gens de Lettres (Londres 1777), стр. 15—16.—Servan, Oeuvres choisis (Liéges 1819) II, стр. 208—209 и 214.—Maréchal, Fragment d'un poème moral sur Dieu, стр. 58.

[7]) De Puységur, Discussion intéressante (1767), разбор у Cerfvol, стр. 135 сл.—Cerfvol, Du droit du Souverain sur les biens fonds (1770), письмо VII. „Des diverses manières de faire rentrer dans la Société les richesses possédées par les Gens de main morte, et l'application de ces richesses à la chose publique, стр. 132 сл.—Reforme

Что подобный образ действий государства по отношению к духовенству являлся „разумным, справедливым, нужным и при данных обстоятельствах даже необходимым“ [1]), это при господствовавших тогда теориях не вызывало сомнений: относительно ближайшей цели конфискации противники духовенства были согласны между собой, но относительно новых форм употребления этой огромной земельной площади мнения сильно расходились. В общем намечались три точки зрения: во-первых, поднятие положения народа путем поддержки бедных и улучшения государственного обучения, во-вторых, покрытие огромных государственных долгов и, в третьих, оживление земледельческой культуры.

Первая цель требовала в сущности только реформы управления церковных имений. Так, напр., предлагали учредить в каждой епархии, по точном исчислении церковных имений, „bureau de charité“, которое должно было состоять из городских чиновников, духовенства и адвокатов. Эти бюро должны были заботиться об управлении имениями и уплачивать в государственную казну определенный налог [2]).

Излишек доходов должен был найти широкое применение в деле попечения о больных и бедных, как в благотворительных учреждениях, так и у них на дому: особые кассы должны были оказывать поддержку пострадавшим от пожара, града и других несчастных случаев и давать средства для обработки принадлежащих сиротам или нетрудоспособным земель посторонними силами [3]).

Выполнение этих планов не должно было затронуть комплекса земельных владений церкви; но это противоречило намерениям тех, кто видел в полном распадении этого комплекса все спасение сельского хозяйства и государственных финансов; сторонники последнего мнения полагали, что конфискованные владения следует продать, обратив вырученную сумму прежде всего на покрытие государственного долга [4]). Именно потому, что церковные владения считались владениями, принадлежащими бедным, наиболее законным и соответствующим их первоначальному назначению способом их использования представлялось употребление их на покрытие огромного государственного долга, являвшегося, благодаря вызванной им тяжести налогов, одной из

---

du clergé en France (1783), см. Gomel, op. cit., II, стр. 53—54.—J. P. Marat, Plan de législation criminelle (1780), см. Lichtenberger, Le soc. au 18-e siècle, стр. 423.—De la Différence, стр. 36 сл.—Guffroy, Le Tocsin, стр. 78 сл. и т. д.—Ср. также Holbach, Ethocratie (1776): „Некоторые политические писатели полагали, что для блага государства правительство должно захватить богатства, расточавшиеся прежде духовенству. По крайней мере, не подлежит сомнению, что эти огромные богатства, попав в руки справедливого правительства, дали бы ему возможность помочь нужде бедных, основать ряд полезных и соответствующих духу социальной религии учреждений“ и т. д., стр. 111—112.

[1]) „Ce que la nation ferait à cet égard est raisonnable, juste, nécessaire, indispensable même dans les circonstances“, De la Différence, стр. 37.

[2]) Le Voeu de la Raison, стр. 80–81.

[3]) Ibid., стр. 85 и 89—91.—Подобные же предложения у Courtenai de la Fosseronde, Argument des Pauvres aux Etats Généraux и Abbé de Favre, Les droits de l'homme et du citoyen ou la cause des journaliers, ouvriers et artisans; выдержки см. Doc. de Paris II, стр. 587—589.

[4]) De Puységur, Discussion intéressante, см. Cerfvol, стр. 135—136.—Cerfvol, Du droit du souverain, стр. 137 сл.—Condorcet, Sur les assemblées; Note cinquiéme; Oeuv, VIII, стр. 647–648.—Augustien Ducastelier, Le Grand Coup, см. Doc. de Paris IV, стр. 28 сл.—Observation sur les cahiers, см. гл. „Sur l'aliénation des biens ecclésiastiques“, ibid, стр. 410.—Béranger, Les Quatre Etats de la France, см. Gomel, op. cit. II, стр. 619.—Le Père Duchêne, стр. 6–7 сл.—Guffroy, Le Tocsin, стр. 77.—Pièces du procès ou crimes et forfaits du clergé, см. Chassin, op. cit., стр. 136 и т. д.—„Le Voeu de la Raison“ также желал по меньшей мере продажи ленных владений церкви, стр. 81.

главных причин обеднения народа [1]); это был тот же самый довод, который приводили впоследствии Талейран и другие ораторы первого Национального Собрания.

Насколько основательно хотели провести отчуждение церковных владений, показывают некоторые предложения, включавшие в число подлежащих продаже имений всю совокупность владений духовных корпораций и учреждений, начиная с белого и черного духовенства и кончая госпиталями и рыцарскими орденами, в том числе и мальтийским [2]). Эти пожелания попытались осуществить только декреты, изданные Законодательным Собранием в последние месяцы своего существования.

Результаты, ожидавшиеся для государственной казны от продажи церковных владений, часто преувеличивались, как это происходило уже при оценке размеров церковных богатств. Но даже более точные исчисления принимают увеличение ежегодного дохода, которое должно получиться для государства по ликвидации всех обязательств, благодаря одной только продаже, в 50—200 милл. [3]).

Суммы, необходимые для поддержания культа на будущее время, в этих расчетах колебались между 80 и 120 милл. ливров. Черное духовенство, разумеется, должно было исчезнуть либо тотчас же, путем уничтожения монастырей, при чем каждому члену назначалась пожизненная рента в 500 ливров или более, либо постепенно, путем вымирания общин, при чем воспрещались новые обеты. Члены белого духовенства должны были сделаться, по выражению аббата Гутта „fonctionnaires appointés et amovibles“, сменяемыми государственными чиновниками на жалованьи; они должны были состоять из архиепископов, епископов, священников и викариев, согласно большей части предложений, в числе от 20 до 50.000 лиц. Жалованье архиепископов колебалось между 20—30.000, епископов между 10—15.000 ливров. Священники и викарии делились на городских и сельских; в городе первые должны были получать 1300—6000 л., вторые—1000—2000 л.; в деревне—1200—2500, или 500—800 л.: самое низкое жалованье в 1200 ливров для сельских священников, принятое впоследствии Учредительным Собранием по

---

[1]) „ ... употребить их на облегчение народа, отягченного налогами, не значит ли это раздавать милостыню более справедливым и плодотворным образом? Ведь это значит возвратить эти владения их первоначальному назначению; а разве в глазах самой религии такое употребление не явилось бы священным?“ Condorcet, Eloge de l'Hopital (1777), Oeuv. IV стр. 530.—„Владения, посвященные религии, будут проданы, так как они принадлежат Нации; вырученные деньги будут обращены на освобождение государства от долгов. Вследствие необходимости платить проценты по этому долгу Нация беднеет, а владения, посвященные религии, имеют специальной целью облегчать или предупреждать бедность“. De la Différence (1789), стр. 32—33.—Уже в 1751 г. брошюра La Voix du Pauvre говорила о церковных владениях: „ ... употребить небольшую часть их на облегчение государства, которое является отцом и защитником бедняка на земле, это значит исполнить волю Провидения“. См. La Bigarrure, VIII, стр. 139.

[2]) Guffroy, Le Tocsin, стр. 111, прим. 1.—Noillac, Le plus fort des pamphlets, стр. 60.—То же у Gosselin, Réflexions, стр. 29.

[3]) Réforme du clergé de France (58.900.000 ливр.), см. Gomel II, стр. 54.—Condorcet, Sur les assemblées, прим., V, стр. 648—653. (Приводимая им сумма в 38 миллионов, по его собственным словам, без преувеличений может быть увеличена на 1/3 или 1/4)—De la Différence (200 миллионов), стр. 36.—Cerfvol исчисляет доход от продажи в 3 миллиарда 221½ миллионов (Du droit du souverain, стр. 141), тогда как Guffroy, напр., считает, что после уплаты всех обязательств по отношению к духовенству, покрытия государственных долгов и выкупа судейских мест еще останется 5 миллиардов для основания национальных банков во всех провинциях (Le Tocsin, стр. 114).

предложению Мирабо, постоянно выставляется, начиная уже с 1770 г., в качестве минимальной ставки [1]).

Мы не будем останавливаться на дальнейших цифрах; уже приведенных достаточно, чтобы убедиться, что предварительная работа для последующих революционных декретов была уже произведена даже в мелочах, и что в умах повсюду были уже подготовлены выставленные в них принципы. В значительной мере это относится также и к тем надеждам, которые возлались в связи с конфискацией церковных владений на развитие к сельского хозяйства. Мы уже упоминали, что и для него наибольших выгод ожидали от *продажи* церковных владений; по большей части высказывались пожелания медленной и постепенной продажи, чтобы избежать слишком быстрого перехода от прежнего состояния к новому и не повредить земельному рынку, создав излишек предложения. Для этой цели предлагалось поделить всю совокупность владений на части и растянуть продажу на 15—20 лет [2]), или же предполагалось оставить настоящих владельцев духовных бенефиций и ленов в пользовании имениями до конца их жизни и продавать лишь земли, освобождавшиеся в случае смерти [3]). Земли же монашеских орденов должны были, по мнению Кондорсе, продаваться всякий раз, когда братия монастыря становилась меньше требуемого законом числа монахов [4]).

Более радикальным противником духовенства эта система мероприятий представлялась недостаточно быстрой; с другой стороны они питали слишком большое недоверие к духовенству, чтобы оставлять в его руках „национальные владения“ после их отчуждения. Поэтому Гюффруа требовал, чтобы нация тотчас же наложила руку на все церковные владения. Через два месяца после декрета, объявляющего их собственностью нации, может, по его мнению, уже начаться продажа [5]).

Что касается предложений относительно способа продажи, то в наших брошюрах мы также найдем уже все постановления позднейших декретов. В духе позднейших законов 1790 г. выставляются требования не только относительно способов оповещения об аукционах, способов оценки, полного освобождения назначенных к продаже владений от всех пошлин и прав, которые тяготели на них, установления премий за уплату наличными деньгами за приобретенные земли и обеспечения покупной суммы самими владениями, но и важные предложения относительно распродажи земель маленькими участками [6]).

Исходя из убеждения в огромной пользе возможно большего числа земельных собственников, доходили до проекта разделить все владения церкви для продажи на клочки по *одному моргену*. Затем должен был произойти

---

[1]) Cerfvol, Du droit, стр. 157 сл.—Réforme du clergé, см. Gomel, ibid.—Le Voeu de la Raison, стр. 82—83 и 95 (там требуется также еще обеспечение на старость в 1000 ливр. для каждого священника).—Ducastelier, Le Grand Coup, см. Doc. de Paris IV, стр. 28.—De la Différence, стр. 32—34.—Condorcet, Sur les ass., Oeuvres VIII, стр. 654.—Grillon des Chapelles, Plan de régénération de la Nation, см. Doc. de Paris III, стр. 199.

[2]) Réforme du Clergé, см. Gomel II, стр. 54.

[3]) Cerfvol, Du droit, стр. 146 сл.—Condorcet, Sur les ass., Oeuv. VIII, стр. 649 сл.—De la Différence, стр. 33.

[4]) Oeuvres VIII, стр. 652.

[5]) Le Tocsin, стр. 100.

[6]) „ ... et il serait ordonné de la (la vente) faire par petites parties“ Condorcet, Plan d'un emprunt public (1789) Oeuv. XI, стр. 354.—„On proposait le plus possible de suppressions de maisons religieuses inutiles et la vente de leurs biens en petites parcelles“. Projet d'administration remis à M. Turgot quand il fut nommé contrôleur général des finances et présenté de nouveau à l'Assemblée des Notables en 1787. См. Doc. de Paris, III, стр. 196.

аукцион, причем в первую очередь должны были получить землю безземельные отцы семейств; лишь после этого Гюффруа, которому принадлежит этот план, предлагал допустить к аукциону всех французов, но с тем ограничением, чтобы никто не мог потребовать себе больше 100 моргенов, и чтобы те, кто уже раньше владел 100 моргенами, могли быть допущены лишь по удовлетворении всех остальных [1]). Из городских жителей те покупатели, которые хотели поселиться в деревне, должны были иметь преимущество перед желавшими сдавать купленную землю в аренду. Только при помощи подобных средств можно было, по мнению Гюффруа, надеяться на улучшение положения „самого драгоценного класса народа“ и увеличение числа земельных собственников в деревне [2]).

Но и это еще казалось недостаточным. Гюффруа с тонким инстинктом предвосхитил воззрения и чувства своего народа, потребовав уже в 1789 г. „патриотический дар“ Конвента. Он предложил выделить для каждого солдата по моргену или несколько большему количеству земли из общей массы церковных владений, подлежащих продаже, с тем, чтобы одарить его им по окончании службы; он надеялся при этом на то, что солдаты, имеющие землю, откажутся от своей части и предоставят ее товарищам или бедным отцам семейств. Подобно этому и 30.000 чиновников, находившихся на службе у прежних откупщиков и долженствовавших с уничтожением старой финансовой системы потерять свой заработок, также должны были получить в надел по моргену земли [3]).

Так далеко заходили пионеры литературы, как я назвал вначале авторов брошюр, направленных против церковных владений; но пока последние из этих прокладывателей новых путей еще продолжали свою теоретическую работу, народные массы выступили на историческую арену, чтобы закончить начатое ими дело.

---

[1]) Le Tocsin, стр. 100—101.
[2]) Ibid., стр. 104.
[3]) Ibid. стр. 110—112.—Впрочем, в 1789 г. даже представитель духовенства в Отэне требовал „partage des terres“ См. L a c o m b e, Talleyrand, évêque d'Autun (Paris 1903), стр. 106.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Вопрос о церковных владениях в наказах 1789 года.

В жизни народов, способные к развитию идеи растут вместе с силой встречаемого ими сопротивления.

Созидание единого национального государства с внешней и с внутренней стороны явилось одной из великих идей XVII и XVIII века, нашедшей свое завершение только в революции. Под давлением классов, защищавших свои политические и социальные привилегии, она получила мощное развитие, пока наконец не разрушила ветхих устоев старого государства. Освобождение отдельных личностей из-под гнета корпоративных союзов, освобождение земельной собственности от оков корпоративного владения—вот самые могучие ветви ее ствола; плодом первой была свобода личности, плодом второй—свобода земли.

Мы еще раз напоминаем здесь об этих наиболее общих принципах, потому что они являются исходным пунктом и целью, истоком и устьем мощного потока мысли людей XVIII века. Из того, что в идее было найдено лучшим по сравнению с действительностью, возникли их желания и теории. Из надежды осуществить первые проистекало стремление воплотить вторые в живые формы: провести идею в жизнь.

В предыдущем отделе мы видели, как в борьбе против духовенства и его светских владений лучшими людьми нации были выдвинуты *высшие принципы народного благосостояния*, какие теоретические следствия были из них выведены, каким образом они получили все большее распространение и породили все более решительные требования.

Насколько эти требования были общим достоянием почти всего народа, уже в начале Революции, или стали им в течение беспокойных месяцев избирательной кампании перед созывом Генеральных Штатов, оказавшихся столь плодотворными в смысле распространения новых идей,—это лучше всего показывают „cahiers de doléances“.

Я упоминал в прошлой главе о том, как пожелания широких низших слоев населения нередко ослаблялись в крупных сводных наказах. Шассен, напр., показал [1]), что высшему духовенству в избирательных собраниях нередко удавалось исключать из официальных наказов пожелания низшего духовенства, т.-е. главным образом бедных священников, относительно более

---

[1]) Les cahiers des curés, 3-e partie: La lutte ecclésiastique dans les assemblées électorales, стр. 199 сл.

справедливого распределения бенефициев [1]). Угнетенные пытались заявить о своих желаниях в особых петициях к королю или к Генеральным Штатам, в отдельных наказах и брошюрах; но самое большое влияние они могли оказывать путем воздействия на крестьянские наказы [2]).

В угнетаемых крестьянах в течение веков накапливалось глубокое озлобление особенно против богатых монастырей. Эта вражда нашла теперь выражение в брошюрах, а часто и в образцах cahiers, и священники, адвокаты, чиновники и агитаторы помогали неловкой мужицкой руке запечатлеть ее в статьях наказов. Значительная доля влияния, несомненно, приходится на долю бедных священников. Им нечего было терять от нападения на церковные и особенно на ненавистные монастырские владения; от содержания же на счет государства они, напротив, должны были много выиграть [3]). На избирательных собраниях духовенства, они достаточно убедились в том, что им нечего было ждать от высокопоставленных прелатов [4]).

Так как в настоящее время значительная часть крестьянских наказов сделалась нам известна, то мы в состоянии ознакомиться с настроением также и этих низших кругов. И действительно, поскольку дело идет об интересующем нас вопросе, нам бросается в глаза, что в них уже даны все формы нападок на церковные владения, с которыми мы встречаемся в официальных наказах дворянства и, разумеется, чаще всего в наказах третьего сословия. В этом отношении, пожелания крестьян сходились с пожеланиями буржуазии. Образованная буржуазия составляла, конечно, здесь, как и всюду, главные силы войска, громившего старый порядок; но гораздо замечательнее тот факт, что и дворянство в значительной своей части также открыто объявляет в своих наказах войну светским владениям духовенства.

Оно, казалось, позабыло, что именно ему принадлежало большинство епископских мест в королевстве, что именно оно занимало самые богатые аббатства и стояло во главе большинства мужских и женских конгрегаций. Никто так не насмехался над религиозным культом, никто так не радовался ударам, наносимым духовенству, как дворянство; оно не чувствовало, что бьет по собствен-

[1]) Ср. также Kapeев, Крестьяне.— Bussière, La Révolution en Périgord, II, стр. 195 сл.—Boris Minzes, Die Nationalgüterveräusserung (Jena 1892), стр. 33. Дальнейшие подтверждения в Documents de Paris, IX: „Election du clergé de Paris aux Etats-Généraux", стр. 120 сл.

[2]) F. Mège, Les cahiers des paroisses d'Auvergne (1899), стр. 93.—A. Dupont, La condition des paysans dans la sénéchaussée de Rennes; Annales de Bretagne (1900—1901) XVI, стр. 57 и 60.—Chassin, op. cit., стр. 265.—A. Wahl, Studien zur Vorgeschichte der französischen Revolution (Tübingen 1901), стр. 10—11, считает нужным несколько умерить влияние священников; по моему мнению он не вполне прав.

[3]) Типичны для озлобленного настроения священников и их обширных планов реформ пожелания „Pasteurs du second ordre" de Calaisis et Andresis, art. 14 сл.; Cahiers du dép. des Pas-de-Calais. Изд. Loriquet (Arras 1891, 2 т.) II, стр. 496 и составленный ими „Cahier du clergé du bailliage de Loudun", Arch. parl. III, стр. 590—594.—Ср. Chassin, op. cit., стр. 316 сл.: „Le cahier type des curés de Loudun". В этом же роде „Observations des curés du département de Clamecy" (févr. 1789) у A. Labot, Convocation des Etats Généraux. Cahiers du Nivernois et Donziois (Paris 1866), стр. 187—192. — Знаменателен также раскол, происшедший впоследствии между высшим духовенством и священниками по поводу редакции наказов; см. Séance du clergé du 16 mai 1789; A. p., VIII, стр. 40—41.

[4]) „Права иерархии, собственности и религии в опасности!"—восклицало высшее духовенство при требовании уравнения с низшим духовенством на выборах; см. Protestation du chapitre de l'église de Paris contre le réglement fait par le roi pour l'exécution des lettres de convocation aux Etats-Généraux, du 24 Janv. 1789. Напечатано в Histoire des Etats Généraux de Versailles par M. l'abbé S... (1789), стр. 289—308 (Kgl. Bibl. Berl. Ra 7352, т. 3).

ным интересам: его воля ослабела; оно находилось под гипнозом более сильного духа—духа нового времени.

I. Воззрения наказов на право нации на церковные владения.

Высшее духовенство пыталось через посредство наказов добиться у Генеральных Штатов защиты своих владений от обоих своих противников, с которыми мы познакомились,—от государства и литературы.

Не подлежало сомнению, что постановления законов как, напр., статьи 12 и 13-я августовского эдикта 1749 г., а также и некоторые мероприятия „Commission des Réguliers“ противоречили церковным канонам относительно неотчуждаемости владений церкви; но правительство не считалось с этим, и духовенство считало себя в праве горько жаловаться на то, что его последним собраниям пришлось, несмотря на всю строгость церковных законов и на множество предписаний гражданского права, „запрещавших подобные экспроприации“, установить факт непрерывного отчуждения церковных владений, особенно принадлежащих монашеским орденам. Причину этого оно отчасти видело в том обстоятельстве, что патенты на разрешение подобных отчуждений слишком легко добывались от королевского совета, и что епископов об этом совершенно не спрашивали. Поэтому оно требовало не только более строгого соблюдения канонических законов и согласия епископов на всякую продажу церковных владений в пределах их епархий, но и безвозмездного возвращения всех владений мертвой руки, отчужденных вопреки эдиктам и приказам [1]). Требования духовенства Ниверне и Донзэ ясно показывают, что оно имело при этом в виду именно сохранение своих земельных владений; на тот случай, если бы соображения общего блага вынудили некоторые церкви продать свои земли, король должен был позаботиться о том, чтобы компенсация их выразилась в форме подобного же рода владений, а ни в каком случае не в форме легко утрачивающихся денежных рент [2]). Но еще большего врага, чем в государстве, духовенство имело в лице литературы; так как она нападала на его владения, исходя из принципиальных соображений, то теперь для духовенства явилась необходимость в принципе же обеспечить себе сохранение своих владений.

Правда, почти все наказы других сословий также содержат, в качестве основной статьи, требование обеспечения всякой собственности; но глубокое отличие наказов духовенства от наказов дворянства и третьего сословия заключается в том, что эти последние добивались прежде всего защиты, „индивидуальной“ или „частной“ собственности (propriété individuelle ou particulière), тогда как духовенство имело в виду аналогичную защиту общей коллективной сословной собственности, „la propriété corporative“. Пуская в ход свое старое, уже знакомое нам оружие, оно обыкновенно требует сохранения „священной собственности“ или „собственности, принадлежащей религии“, но по временам оно прямо восстает против теорий эпохи о корпоратив-

---

[1]) Cahiers du Clergé: d'Auxerre, ст. 31; Arch. parl. II стр. 109.—Du baillage: de Dourdan, гл. III, ст. 10; d'Evreux; III стр. 244 и 294.—de Nivernais et Donziais, ст. 27; IV стр. 252;—de Paris intra muros 1-я ч. № XI—XII; V стр. 264.

[2]) „ . . . supplie Votre Majesté d'ordonner que dans le cas où des vues du bien public imposeraient à quelques églises la nécessité de sacrifier des parties des biens-fonds, le remplacement sera fait en biens de même nature, et que dans aucune circonstance il n'y soit substitué des rentes en argent qui dépérissent par leur nature“ art. 27, см. предыд. прим.

ном владении и просит короля сохранить в неприкосновенности имущества всех орденов и вообще всех корпораций [1]): дижонское духовенство оказалось даже настолько осторожным, что, имея в виду своеобразный характер церковных владений, требовало сохранения также и всех „possessions usufruitières", какого бы рода они ни были, и свободного пользования ими во время владения [2]).

Но сила враждебных теорий возросла уже до такой степени, что они стали проникать в лагерь самого духовенства. В то время, как священники Шатильона на Сене к пожеланию, чтобы всякая собственность уважалась, присоединяют характерное и хорошо понятное для того времени ограничение— „за исключением той, которую Генеральные Штаты объявят узурпацией", Талейран включает в наказ отэнского духовенства широкую, но именно благодаря этому и охватывающую все возможности формулу, которую я приведу здесь дословно: „Для неизменного сохранения собственности,—говорит отэнский епископ [3]),—все, что носит этот характер, должно быть навеки объявлено священным. Следует, однако, рассмотреть, не находятся ли среди объектов, которым присваивается это обозначение, такие, которые никогда не могут быть собственностью, так как они являются постоянным нарушением естественного права; или такие, которые первоначально были собственностью, но, вследствие уничтожения или прекращения того основания, от которого зависело их существование, перестали быть собственностью". Генеральные Штаты должны уничтожить такие виды собственности и в то же время подыскать средства к тому, чтобы возвратить настоящей собственности всю полноту ее значения [4]).

В этом отэнском cahier мы находим все те же мысли Вольтера, Рейналя и многих других передовых мыслителей о нарушении естественного права духовенством и прежде всего монастырями; все те же доводы Кондорсе и Тюрго против „вечной собственности" религиозных учреждений и корпораций. Если подобные требования раздавались уже в рядах самого духовенства, то остальные сословия, конечно, считали себя в праве предъявлять еще бо́льшие требования. Рассмотрим прежде всего, из каких воззрений они выводили в наказах право нации бороться против духовенства и его владений.

В заключавшихся в наказах проектах новой единой конституции французского государства одним из первых требований являлось уничтожение всех

---

[1]) Ch. du Clergé, d'Avesnes, art, 38; de la province du Berry, Tit. I, art. VII; Arch. parl. II стр. 149 и 320.— de Donai et Orchies, art. 20: III, стр. 174.— de Paris intra muros, 2-я ч. № 2; du Chapitre de l'Eglise de Paris № 4; V стр. 265 и 268.—Лилльское духовенство делало попытку добиться смягчения августовского Эдикта 1749 г., I ч. art. 20; III стр. 523.

[2]) Ch. du Cl. du baill. de Dijon, art. 4. A. p. III стр. 123.

[3]) Что это был именно он сам, не подлежит сомнению, т. к. наказ начинается словами: „L' Evêque d' Autun a dit..."; A. p. II стр. 100.

[4]) Ibid.—Почти дословно то же заключается в двух статьях „Cahier du Tiers-Etat de la prévoté et vicomté de Paris hors les murs", ст. 19, „Ненарушимость истинной собственности; компенсация за принудительное отчуждение"; ст. 20: „Что все права, которые, представляя постоянное нарушение естественного права, никогда не могли являться собственностью, будут уничтожены, как и те, которые, являясь в принципе собственностью, перестали быть ею, вследствие отсутствия в настоящее время основания, с которым они были связаны". A. p. V стр. 239.—Который из обоих cahiers послужил образцом другому, я не мог установить с точностью, т. к. Arch. parl. дает из отэнского cahier только выдержку без даты. Но так как Талейран уже 2 апреля, по представлении своей программы, был избран отэнским духовенством в депутаты (см. Lacombe, Talleyrand, évêque d'Autun [Paris 1903], стр. 117), а парижский cahier был прочитан в первый раз только 29 апреля (см. A. p. V стр. 245), то вероятным является авторство Талейрана.

сословных различий. Уничтожение духовенства, как политического сословия [1]) и вместе с тем как самостоятельной корпорации, было, как мы знаем, неразрывно связано с вопросом о праве собственности на его владения.

Но теории, развивавшиеся в этом направлении писателями XVIII века, в самих cahiers нигде не подвергаются дальнейшей разработке [2]). Сделанные ими выводы, в том числе и положение, что церковные владения являются собственностью нации, большею частью подразумевались как нечто признанное и само собою разумеющееся. Простые слова, сказанные относительно церковных владений наказом Martigues: „эти богатства — неоспоримая собственность нации“ (ces richesses sont incontestablement le bien de la Nation) [3]) лежат почти всегда в основе всех пожеланий, касающихся использования этих земель.

Положение, выставленное литературой старого порядка, что государство может, не нарушая справедливости, завладеть церковными землями, в то время уже сделалось убеждением большей части народа [4]).

Однако наказы все же пытались представить своего рода доказательство, — которое можно пожалуй назвать историческим. Бенефиции, как утверждали, напр., три сословия города Байонны, представляли из себя с начала монархии общественные земли, жалуемые в пожизненное владение за государственную службу. Их и отчуждаемость и право короля распоряжаться ими в случае смерти их владельцев с полной ясностью указывают, что они еще сохранили этот характер. В случае прекращения той службы, в вознаграждение за которую предназначались эти владения, нация и король, — так гласил простой вывод, — имеют право употребить их на другие цели [5]).

Проскальзывающая здесь мысль о первоначальном, но уже утратившем всякое значение для современности назначении („destination primitive“) церковных владений также явилась впоследствии в целом ряде cahiers, как и в уже рассмотренных произведениях, исходным пунктом для оправдания реформы существующего порядка. Исследуя происхождение церковных владений, приходили к выводу, что они возникли или благодаря чрезмерной щедрости государей и предков [6]), или, мягко выражаясь, были приобретены духовенством, сумевшим использовать в своих интересах невежество прежней знати [7]). Но все же они тнюдь не были предоставлены духовенству в свободное распоряжение: напро-

---

[1]) Уже в крестьянских cahiers появляется это требование в лаконической форме — „supprimer le Clergé comme Ordre“ или „l'état ecclésiastique ne doit pas faire un Ordre séparé“ и др. См. Assemblée primaire à Saint-Lazare: Arch. parl. II стр. 478. — Ch. de la communauté: de Triel; de Vernouillet; de Bazinotel; IV стр. 40 и 254. Ср. также II стр. 488; IV стр. 329—332; V стр. 143, 166 и 247.

[2]) Приведенные выше места из cahiers d'Autun и Paris-h.-l.-m. представляют почти единственные намеки в этом роде.

[3]) Ch. de la ville de Martigues, art. 5; A. p. VI стр. 342. — Так же просто говорит cahier de la communauté de Carriet, et le Rouet, art. 25: „Tous les biens du Clergé seront déclarés appartenir à l'Etat“. Ibid. стр. 280 и Ch. de la ville d'Avray, art. 13—14: Thénard, Les Cahiers des bailliages de Versailles et de Meudon, стр. 16.

[4]) „C'est une idée commune en effet que le Gouvernement pourrait, sans injustice, s'emparer des biens ecclésiastiques“. Ch. de Neuville и de Lande-Caeron, изд. Dupont, Annales de Bretagne XVI стр. 54—55.

[5]) Art. 42... „Mais si des parties d'un domaine public sont destinées au salaire d'un service public et que ce service devienne nul par la sucession des Temps, la Nation et le Roi ont le droit de se réunir pour employer le domaine public pour récompenser des services utiles“. Ch. des trois ordres de la ville de Bayonne; Arch. parl. III стр. 102.

[6]) Ch. de la communauté d'Ardiège, art. 8; de la ville de Coutances; A. p. III стр. 29 и 56 — de la communauté: de Villiers-le-Sec, art. 1; V стр. 214 — de Quinson; VI стр. 389.

[7]) „... qu'ils ont profité de l'ignorance des anciens du royaume“. Ch. de la paroisse de Caprée; les Cahiers d'Alençon, изд. Duval, стр. 173.

ние жертвователи всегда предназначали их для служения [illegible] для помощи бедным [1]). Каноническое правило о делении церковных доходов на три или четыре части, выдвигавшееся уже в торжествующими [illegible] в качестве оружия против духовенства, по-видимому, представляло [illegible] себя, в целом, урегулирование со стороны церкви этой [illegible] воли жертвователей. Не достаточно было бросить взгляд [illegible] осталось от первоначального порядка, чтобы убедиться, что [illegible] в большинстве случаев на доходы почти прямо противоположные [illegible] [2]).

Никаких упреков духовенство в том, что оно, [illegible] [illegible] верных хранителях имущества бедных, незаконно обратило [illegible] собственником вместо того, чтобы сделать из него „[illegible] и своего [illegible] употребление", никто вызывать больше не [illegible] [illegible] братьям, они прямо поставлены на прямые доходы [illegible] [illegible] противоположные желаниям жертвователей [3]. „Мирабо, [illegible] [illegible] аббат Кроне в своей книге, — после ложного [illegible] [illegible] как богатство, похищенное у алтаря, служит [illegible] [illegible] умеренности и [illegible] [illegible] веке" [4]).

Пришлось бы [illegible] [illegible] если бы мы [illegible] [illegible] [illegible]

Поэтому обвинения, предъявлявшиеся наказами церковному духовенству [1]), лишь в отдельных случаях носят характер религиозный, напр., когда говорится, что самое существование монахов представляет из себя, после того как первоначальное назначение монашества уже исчезло „моральное несоответствие" [2]), или же моральный, когда, напр., указывается, что монахи способствуют разврату в деревне [3]).

Главный упрек, делавшийся монастырям, заключался в том, что они не приносят решительно никакой пользы для государства и народа: „бесполезные монастыри", „жалкие корпорации" и „паразитарные ветви, питающиеся за счет дерева и истощающие его соки" являются их постоянными эпитетами, „бесполезные создания" и „праздные содержатели" обычные наименования их членов [4]; в наказах 1789 г. мы встречаемся с теми же опасениями, которые Монтескье, Рейналь и многие другие писатели старого порядка связывали с существованием монастырей. Они распространяют по стране праздность, препятствуют росту населения и отвлекают людей от земледелия, промышленности и всех отраслей государственной жизни [5]. Вообще, почти во всех пунктах повторяются соображения, насыщавшиеся антиклерикальной литературой; но только в cahiers они являются в более краткой и категорической форме, в виде не доказательств, а утверждений, повторяющих общеизвестные факты. Центр тяжести в наказах лежит не в нахождении аргументов, подтверждающих право захвата церковных владений, а в самих требованиях, в силу признания их за владения. Можно назвать здесь две больших группы, различные мнения которых снова выступают и в первом Национальном Собрании: первая группа, к которой принадлежит и часть самого духовенства, требовала только изменения в употреблении и управлении церковных доходов, вторая же стремилась к полному или частичному уничтожению светских владений французской церкви. Мы рассмотрим сначала первую группу.

II. Требования наказов относительно нового употребления и управления церковных владений.

Два элемента церковных владений особенно возмущали народные чувства в 1789 г.: „bénéfices en commende" и владения всех монастырских общин вообще.

Мы видели в первом отделе, что король имел право раздачи значительного количества бенефициев, и что он мог распоряжаться ими очень свободно. С течением времени выработалась практика, согласно которой король уже

ловеду". Annales de Bretagne XVI стр. 50 прим. 2. — См. также Bussière la Révolution en Périgord, II стр. 118.

[1]) Bussière, II стр. 128 сл. и 135 сл.

[2]) „L'état monastique qui n'a de constitution que le nom, forme une discordance morale qui ne pourra pas échapper aux lumieres des Etats Généraux". Ch. de la ville de Sées; Duval, Chs. d'Alençon стр. 38. — В этом же роде Ch. de la nobl. de Vivarais и de la communauté de Cuyer, Arch. parl. VI стр. 181 и 278.

[3]) Ch. d'Epiniac; Ann. de Bretagne XVI стр. 53.

[4]) Ch. des Jansénistes: Doc. de Paris, II стр. 86. — Ch. du T. E. de la sénéch. de Forcalquier, отд. Clergé; A. p. III стр. 332. — du bailliage de Montargis, chap. 2, art. 9; de Nérac, art. 16; de la ville de Chevreuse, art. 19; du village de Jamy, art. 18; IV стр. 28, 233, 431 и 512 — du baill. de Versailles, art. 95; V стр. 184. — Ch. de la par. de Villechauve, art. 10; de la sénéch. d'Auray, art. 17; VI стр. 59 и 113. Ch. de la par. des Aulieux, art. 11 bis; Duval, Cahiers d'Alençon стр. 25 и т. д.

[5]) Сравн. Ch. des communes de la sénéch. de Lesneven, art. 45; A. p. III стр. 196. — de la communauté de Saint-Cloud, art. 31; V стр. 68.

ь связывал бенефиций с той должностью, к которой они первоначально были прикреплены, а предоставлял их угодному ему лицу, не возлагая на него исполнения соответствующих должностных обязанностей. Чаще всего это происходило по отношению к местам аббатов и приоров, и накануне Революции во главе [5]; всех аббатств стояли представители белого духовенства, не исправлявшие в них никаких ни должностей, ни полномочий. Этот вид бенефициев, „bénéfices en commende“ или „sans charge d'âmes“, открывал интригам широкое поле для охоты за даровыми доходами и служил скорее политическим и партийным, чем религиозным целям [1]). В их вреде были убеждены все, за исключением разве только их владельцев и тех, кто надеялся стать ими, и можно сказать, что, за указанными исключениями, все наказы, затрагивающие вообще вопрос о церковных владениях, требуют замены этих бенефициев и лучшего употребления их доходов [2]).

Подобного же рода отношение существовало и вообще ко всем монастырским владениям, на которые в течение целого столетия постоянно направлялась особая вражда противников духовенства; пропаганда против них была настолько распространена, что даже бретонские крестьяне могли приводить примеры их уничтожения в Швеции, Дании и Германии [3]). Те наказы, которые не требовали полного уничтожения монастырских общин [4]), посредством ли немедленного перевода всех монахов на пенсию или путем постепенного вымирания орденов, высказывали по крайней мере пожелания относительно сокращения числа монастырей [5]), запрета основания новых учреждений, ограничения доходов и во всяком случае лучшего применения их излишка.

Пожелания последнего рода в той группе наказов, которую мы имеем в виду, почти всегда связываются с „первоначальным назначением“ церковных владений. Главной и общей их требований является прежде всего помощь бедным. В них указывается на то, что финансовое ведомство тратит ежегодно столько-то ливров на бедных, что на поддержание госпиталей взимается octroi; так, таким образом, народ еще раз уплачивает налоги, путем многочисленных мелких даяний в течение многих веков переложенные им на церковь [6]).

Поэтому наказы или выставляли общее требование передать часть доходов от вышеупомянутых бенефициев и подлежащих закрытию монастырей на

---

[1]) de Lacroix, op. cit. Прим. Glossaire historique стр. CXLI.

[2]) „...для чего служат крупные бенефиции, раздаваемые королем? Они служат к вознаграждению полезных семейств, в лице одного из членов, который часто берет на себя сан, противоречащий его наклонностям, чтобы удовлетворить желание своей семьи и стремлению получить долю в раздаваемых государством наградах“. Ch. de la ville de Bayonne, art. 12; A. p. III стр. 102—103.

[3]) Излишне приводить подтверждения, т. к. эти требования выставляются всеми cahiers.

[4]) Ch. de Poligné; de Kermoroch; de Saint-Crois; de Guingamp; de Saint-Colomb; de Saint-Adrien; de Roz-Sur-Couesnon; Annales de Bretagne XVI стр. 55.

[5]) И здесь ввиду обилия материала я отказываюсь от ссылок; значительная часть их приведена в последующих примечаниях. В тех случаях, когда действительно не церковные наказы просят о сохранении капитулов и орденов, это происходит, как в cahiers Artonne, Bicon и Aubiat (Mège, les cahiers d'Auvergne, стр. 99), почти всегда из-за местных финансовых соображений.

[6]) „... Aujourd'hui, puisqu'ils les emploient à leur plaisir et que le Roi et la patrie sont forcés d'entretenir les hôpitaux, il y a donc deux dépenses établies pour le même objet et nous payons deux fois“. Ch. de la par. de Villiers-le-Sec, art 1.; A. p. V стр. 214.—В этом же роде: Ch. de la Nobl.: de la ville de la Rochelle, Demandes générales N. 8; du bas Limousin, des sénéch. de Toule et Uzerche, art. 21; Ch. de la sénéch. de Limoux, art 22; du T. E. des baill. de Melun et Moret art. 53; A. p, III стр. 473, 5 8, 581 и 716.—Ch. des citoyens nobles de la ville de Paris; V стр. 275. Ch. de Saint-Cyr, art 18; Thénard, стр. 178.

улучшение положения обездоленного народа, или добивались открытия больниц, госпиталей, сиротских и воспитательных домов, лечебниц для умалишенных, мануфактур и других учреждений, которые могли бы облегчить участь нищих и бродяг [1].

Содержание многочисленных постановлений в этом направлении можно свести к одинаково: поражает их единодушие и не больше. Это одинаково. Разница с одной стороны, это выявляет отсутствие реальной, интенсивной проповеди во всех частях Франции, но с другой стороны — также и указывает на то, что есть бедствия и одинаковость страданий всего народа.

Только время от времени встречаются позитивные, носящие более или менее индивидуальный характер. Так, байонские состояния хотят вернуть бенефиций между лицами и религиозными, основанными государями или их указом, различные имения [2]. Некоторые cahiers провинции и даже города выражают своеобразное требование обратить часть церковных имений на убежища и учебные заведения для „бедного дворянства". Это требование было еще и в силу, работы вспомогательно в пользу государства: все это становилось перед общей опасностью, если этого требовать настойчиво. Были и другие: их попытки были тщетны и бесплодны. Чтобы не держаться за их потерянный престиж, стали прибегать к вышеуказанным предлогам. То обстоятельство, что среди всех этих требований исходил от тьерсетства также привелось к желанию этого в силу необходимости поддерживать теперь при их помощи это обездоленное средство [3]. Если упомянуть еще о просьбах относительно учреждения и поддержки народных школ и высших учебных заведений [4], то этим будут исчерпаны главнейшие из социальных пожеланий этих депутатов относительно использования церковных доходов; не могло многочисленное место финансовым соображениям.

„Нам нужны деньги, а отведи не монахи", говорит наказ Дерсе (Dégni) из округа Paris extra muros, предлагая затем прямо всему „доброму королю" наложить руку на церковные сокровища [5].

[1] Ch. des Jansenistes (18e); Suppl. au Cl. du district de Bourg-Neuf (Paris). Ib. de Paris, II стр. 83 и 145.—Ch. des habitants de la sénéch. de Gourdon, art. 25; A. p. II стр. 535, —Ch. de 2 paroisses de Guiberville, отд. Clergé, ст. 5; d'Herdilay, отд. Clergé, ст. 8 и 9; de Montlhéry, ст. 13; IV стр. 59—60, 601—602 и 720. les Trois, ст. 9; de Villeneuve, ст. 12; de Villejuste, ст. 12; de Villiers-sur-Marne, ст. 1—3; Ch. du T. E. de Soule, ст. 7; стр. 149, 193, 198, 216 и 782.—Ch. du clergé de la sénéch. de Villeneuve-le-Roi, отд. „Des biens ecclésiastiques"; VI стр. 704—705.—Ch. du baill.: d'Aire, ст. 9; d'Arras, ст. 102; de Bapaume, ст. 52; de Hesdin ст. 18 и 19; de St.-Pol, ст. 44—52; Ch. de la par. et du village: de Boncourt, ст. 24; de Cuhem, ст. 13 и 14; le Gémichon et Flamenchon, ст. 5; de Marvenil, ст. 22; de Nouvreuil, ст. 1; de Vis-en-Artois, ст. 26 Loriquet, I ст. 40, 63, 76, 93, 129, 224, 260, 298, 397, 425, 541.—Ch. de la Nobl. de la Haute Marche; de la Ville de Guéret, ст. 2 и посл.; Duval, Cahiers de la Marche (2-е Paris 1873) стр. 59 и т. д.

[2] Ch. des trois ordres de la ville de Bayonne, ст. 42 и 44; A. p. III стр. 102—10

[3] См. Ch. des habitants de la ville de Chalais, 1re demande; A. p. V стр. 677 и Ch. de la paroisse de Vic-le-Comte; Morge, стр. 344.

[4] „. . . Ainsi de retraite et d'asile pour la noblesse indigente; cette destination étant d'autant plus juste que plus 4/5 des biens ecclésiastiques et gens de main-morte proviennent de concessions faites par les nobles". Ch. de la Nobl. de la Sénéch. de Ponthieu, art. 37; A. p. V стр. 434.

[5] Ch. de la paroisse: de Bonnelles art. 17; d'Issonnes, отд. „Administration de tous les biens religieux"; de Fontenay-les-Louvres, art. 11; de Jouars-Pont-Chartrain, art. 7; A. p. IV стр. 362, 535, 559 и 622—623.—de Verrieres, art. 20; V стр. 179.—Ch. de la communauté de Cuyer; VI стр. 278.—Ch. de Bougival, art. 1; de Viroflay, art. 15 требует приютов для рабочих и мастерских; Thenard, Cahiers de Versailles, стр. 47 и 267. Многие Cahiers употребляют бесцветное выражение „pour des établissements utiles".

...рье. Продажа в настоящее время для государства могли бы в одно мгновение наполнить все кассы, покрыть государственный долг и сверх того увеличить доход казны. „Эта статья,—продолжает затем cahier, представляется настолько важной, что спокойствие государства и счастье народа зависят от ее выполнения: ибо благодаря этому средству король может не только отказаться от взимания новых налогов, но сверх того и облегчить еще свой народ путем уменьшения существующих, и все это в самое короткое время. Эта мера—большой козырь в руках государства" [1].

Эти полные восторженной надежды слова выражают мысли значительной части французского народа в 1789 г. Я не буду повторять здесь, как высока была в то время цифра государственного долга, как велики были налоги, тяготевшие над народом. Бедственное положение нации требовало помощи настоятельнее, чем когда либо, и в богатствах церкви, в этом „incalculable trésor" большинство cahiers видели единственное средство к спасению.

И здесь многие требовали привлечь к покрытию государственного долга не все церковные владения в их совокупности, а лишь определенные группы и части их. Так выставляется требование конфискации всех денег, которые духовенство посылало в Рим; или же предлагается, чтобы треть епископских доходов и половина бенефициев крупных аббатств и соборных капитулов попала в королевскую казну; еще чаще высказывается пожелание, с причинами его мы уже познакомились,—полного уничтожения всех слишком хорошо обставленных или бесполезных должностей аббатов, приоров и прочих бенефициариев и свободного использования их доходов финансовым ведомством [2]. Взор всех тех, кто хотел покончить с финансовой нуждой государства, не обременяя народ дальнейшими налогами, был направлен на совокупность всех монастырских владений. Слова cahier Жаньи „нам решительно не нужны монахи" выражали общее настроение населения; само правительство отчасти считалось с этим настроением, особенно с 1768 г. Но богатства монастырей и конгрегаций, закрытых правительством с этого времени, как известно, были оставлены за церковью, и ими было наделено, главным образом, высшее духовенство, т. е. дворянство [3]. Теперь же наказы требовали, чтобы доходы с этой группы национальных имуществ были обращены на уплату государственных долгов.

Знакомый нам аргумент, что владения возвращаются к своему первоначальному назначению, если благодаря им бедный народ освобождается от тяжести налогов, также появляется в наказах [4]; но в общем они к

[1] Ср. 15; A. p. IV стр. 612.

[2] Cf. du T. L. du baill. de Verneuil, art. 22; A. p. I, стр. 736.—Ch. de la paroisse de Chaumont d'Ermont, art. 38; IV, стр. 549.—de Saint-Cloud, art. 31; de Saint-Leu-Les-Taverne, art. 14; Pétitions particulières du T. E. de la Sénéch. de Lanzerte, art. 7—8; les habitants de Lanzerte, art. 32; de la Nob. du baill. de Sarreguemines, art. 10; du T. E. de Bonzonville, art. 10; V, стр. 68, 88, 194, 501, 691, 707. Ch. du baill. de Vic, art. 22; de Soissons, art. 90; VI, стр. 21 и 699.—Ch. du T. E. de la gouvernance Béthune, art. 23; du baill. de Lens, art. 40 и 41; du village de Durry, art 16; de la par. d'Avesnes-le-Boulonnais, art 2; de Casiers, art. 3; Lorriquet. I, стр. 84, 106; II, стр. 10 176 и 217.—Ch. de la par. d'Essoi; Duval. Ch. d'Alençon, стр. 142.—de Mailly-le-Château, art. 11. Cahiers des paroisses du bailliage d'Auxerre (напр. Pommay в Bullétin de la Société des Sciences de l'Yonne, т. XXXVIII (1884); XXXIX (1885) и XL (1886) XXXVIII, стр. 81; de Parly, art. 16; XXXIX, стр. 26. Ch. d'Orme, art. 9; Mège, стр. 244.

[3] Cahier de la paroisse d'Issoire намекает на это обстоятельство в ст. 16 в следующих словах: „чтобы на будущее время, если благо государства потребует уничтожения тех или иных монашеских орденов, их имущества не передавались знатным с исключением третьего сословия". Mège, стр. 206.

[4] „... можно обратить часть их на облегчение положения государства; не значит ли это употребить эти владения согласно их истинному назначению" Ch.

здесь довольно слабо развивают аргументы, подтверждающие справедливость их требований. По словам cahier de Forcalquier, в политике существует только один принцип — наибольшего блага общественного целого [1]. Перед судом этого принципа монастырские владения по воззрениям тогдашних людей были осуждены: сознание, что они противоречат благу отечества, достаточно оправдывало требование покрыть их доходами дефицит и уменьшить налоги [2].

Но, как только церковные владения стали рассматриваться с точки зрения этого „единственного принципа политики", то владения белого духовенства должны были быть признаны столь же гибельными для процветания народа, как и владения черного. Сама реформа белого духовенства могла, казалось, иметь успех лишь в том случае, если бы его, по характерному выражению одного cahier-образца, „освободили от тяжести излишних светских владений" [3]. Считалось само собой понятным, что и эти владения должны стойти к нации: в представлении значительной части народа все церковные владения стали как бы залогом за долги государства, и теперь нужно было только воспользоваться удобным моментом, чтобы потребовать их в качестве такового [4].

Речь все еще идет о той группе cahiers, которая желала только перемены в употреблении и управлении церковных владений: их авторы частью бессознательно остаются при старом представлении о церковных землях, как об едином комплексе владений, частью же — в незначительном меньшинстве — они сознательно выдвигают мысль, что обеспеченное сохранение всей совокупности владений явится лучшей гарантией для выполнения нового назначения, которому они должны служить в будущем, и поэтому они прямо требуют, как, напр., баильяжские избиратели, чтобы принцип неотчуждаемости владений был сохранен и после их конфискации [5].

---

du Tiers-Etat de la province de Poitou, отд. Biens de l'Eglise: Arch. parl. V, стр. [illegible]. — „Не значит ли это сообразоваться с духом его (наследия бедных) назначения, употребляя его на облегчение бедных путем уменьшения их чрезмерных доходов?" Ch. de la par. de Vic-le-Comte, Mergie, стр. 344.

[1]) Ch. du T. E. de la sénéch. de Forcalquier, отд. „Clergé": A. p. III, стр. 3.

[2]) „Противоречит общему желанию и благу отечества". Говорят [illegible] les Théâtres о собственности монастырей и продолжает далее: „Монастырские средства обоих полов последовательно угаснут во Франции; и их владения, по избрании нации, будут обращены на уплату государственного долга и на множество общеполезных предметов. Эта статья одна из наиболее важных в этом cahier". V, p. V, стр. 317. В этом же роде: Ch. de la Nob. de la province de Foret, отд. 2; de la ville de la Rochelle „Demandes générales Nr 5"; de la ville de Neaupnle-le-Chat au, отд. 12 A. p. IV, стр. 384, 473 и 753. — Ch. de la par. de Saint-Remy-les-Chevreux, art. 37; du T. E. de Soule, art. 2°; A. p. V. 103 и 780. du T. E. du bail. de Vitry-le-François, art. de VI, стр. 220. — Ch. de la communauté d'Alençon, art. 24; Cayer (sic) de Bras Ménil, art. 1—4; Ch. de la par.: de Courtomer, art. 5 и 20; de Ménil-Bérard, art. 12; de Ménil-Guyon, art. 5; Duval, Chs. d'Alençon, стр. 11, 28—29, 118 и 120, 253 и 256 (Art. 5 в Courtomer и Ménil-Guyon идентичны). — Ch. de la treve de Kerlaroch, стр. II; Ann. de Bretagne XVI, стр. 402—403. — Ch. de la par.: de Saint-Pardoux-Latour; Mège, стр. 209. — d'Arnay, de Bitry; de Précy-s.-Sec de Vontenay; Bulletin de la Société de l'Yonne XXXVIII, стр. 85 и 150, XXXIX, стр. 39 и 149. — Ch. de la Castillon-sur-Dordogne, art. 61; de Saint-Pey-d'Armens, art. 2; de Vignonet, art. 11; Marion, Cahiers de Libourne et de Bazas; Arch. Hist. de la Gironde XXXV, стр. 361, 374 и 378.

[2]) „ ... Remettre le Clergé dans sa modestie primitive en le dépouillant du superflu des biens temporels". Dispositions d'un Cahier (sic!) a présanter (sic!); Doc. de Paris III, стр. 182.

[4]) Ch. de la noblesse de Sisteron, отд. „Eglise", art. 5; Arch. parl. III, стр. 364. Ch. de Fleurs-Mérogis, отд. „Clergé"; IV, стр. 550. — de la communauté de Cuyer; de St. Cle de Martigues, art. 5. de la com.: de Quinson, отд. „Dime et biens de l'Eglise"; de Ribeux: VI, стр. 278, 342—343, 389 и 369 и т. д.

[5]) „Le domaine de ces bénéfices sera déclaré inaliénable suivant sa nature primitive", art. 45; A. p. III стр. 103.

Чрезвычайно важным для подобного рода пожеланий являлся, конечно, вопрос об организации *управления* этого нового государственного домена.

Наиболее простое разрешение этого вопроса в духе абсолютной монархии заключалось в непосредственном присоединении церковных владений к королевским доменам. Король должен был стать „commendataire" всех бенефициев и по смерти теперешних владельцев обратить их доходы в королевскую казну [1].

Но против этого плана во многих местах восставал все еще сильный провинциальный партикуляризм. Ряд наказов требовал, чтобы управление церковными имениями в их провинции было поручено провинциальным штатам или особой провинциальной администрации: доходы с владений должны были прежде всего итти на покрытие финансовых и общественных нужд провинции, и только возможный излишек должен был обращаться на покрытие национального долга [2]. Дворянство в Виваре (Vivarais) зашло в своем местном патриотизме так далеко, что потребовало, чтобы доходы с секуляризованных владений ни в каком случае не могли употребляться за пределами тех провинций, в которых они расположены [3]; а cahier de Laires хотел даже оставить право пользования имениями лишь за теми приходами, в пределах которых они находились [4].

Более многочисленными являются, однако, те предложения, которые рекомендуют передать все церковные владения в их целом в ведение единого для всей нации административного органа и через него уже регулировать участие государства и провинций в доходах. От вышеупомянутых планов, которые хотели соединить эти владения с королевскими доменами, они отличаются тем, что предлагают учредить для конфискованных владений церкви особый орган, отдельный от управления прочими государственными доходами.

Один, дававшие этому управлению название „caisse de religion", „Trésor de charité" и т. д. прежде всего имели в виду употребление церковных владений на социальные нужды; другие, сосредоточившие свое внимание в первую очередь на государственных долгах, выдвигают проект учреждения „caisse particulière" для собирания доходов с этих владений, напоминающую позднейший „чрезвычайный фонд" революционных правительств [5].

---

[1] Ch. des trois ordres de la ville de Bayonne, art. 47; du T. E. de la ville de Dax, art. 16 и 17; A. p. III, стр. 103 и 187.— Ch. de la communauté de Metz, art. 22; VI, стр. 347.—Ch. de la paroisse: de Cerisay; de Courtomer, art. 5; de Fourneaux-les-Corvets, art. 6; Duval, cit. d'Alençon, стр. 71, 118 и 166;—de Saint-Perdoux-Ladour; Mège, стр. 309. —Ch. de Beaufort, art. 19; буквально та же статья, что и № 23 в cahier de Berles-au-Bois; в этом же роде ch. de Bainville, art. 6; de Buissy, art. 19; de Fouquenoviller, art. 14; de Gouzeaucourt, art. 15; de Havrincourt, art. 19; Lorimont I стр. 193, 209, 218, 233, 289, 345 и 348.

[2] Ch. du T. E. du bail. de Dijon, chap. 3, art. 12; de la Nobl. de Dijon, art. 18; du village d'Andelys, art. 4; du bailliage d'Evreux, art. 57; A. p. III стр. 137, 150—156, 290 и 302.— Ch. du T. E. du bail. de Montargis, chap. 2, art. 9; de la paroisse et bourgade de Baillainvilliers, ch. 3, art. 9; de la ville la Ferté-sous-Jouarre, art. 17; IV стр. 28, 388 и 635.—Ch. du T. E. de la sénéch. de Ploërmel, art. 42; de la Nobl. de Pontoise, art. 37; V, стр. 382 и 434.—Ch. de la par. de Saint-Mexme-les-Champs, art. 26; VI, стр. 58.—Ch. de Gonve, art. 31; почти дословно совпадает со ст. 31 cah. de Hermanville и ch. de Montauban-court; Lorimont I стр. 311, 361 и 419.

[3] Ch. de la Nobl. du bas Vivarais, art. 40; A. p. VI стр. 484.

[4] Ch. de Laires, art. 18; Lorimont I стр. 382. Буквально та же статья в cahier de Canon, art. 26; ibid. стр. 261.

[5] Ch. de la Nobl. du bail. d'Auxerre et Donziais, art. 17; A. p. II стр. 117. Ch. du T. E. de la sénéch. de Forcalquier, отд. „Clergé", III стр. 532.—Ch. de la par. de Rouvelles, art. 17; d'Essonnes, отд. „Administration de tous les biens religieux"; IV стр. 562 и 535.—Ch. du T. E. de la par. de Quercy, art. 28; V стр. 492.— Ch. du clergé du bail. de Vic, art. 28; VI стр. 17; — Ch. de la par. de Saint-Denis-sur-Sarthe, art. 6; Duval.

Таковы те желания тех наказов, которые, признавая за государством право собственности на церковные владения, предлагали, однако, сохранить их в виде „общей массы" („masse commune"), дав лишь их финансовым доходам под управлением государства, новое назначение или же, как любили тогда выражаться, взяв их прежнему назначению. От них отличается другая, более обширная, пожалуй даже более значительная группа наказов, желавших почти прежде всего частичное или полное раздробление комплекса церковных владений.

II. Требования частичного или полного раздробления комплекса церковных владений.

Избиратели города Петр в 1789 г. находились в сомнении относительно того, выгоднее ли с точки зрения общих интересов нации продать церковные владения и обязать церковников налогом на содержание духовенства, или же отдать земли в долгосрочную аренду и покрывать расходы по содержанию духовенства при помощи доходов с самих владений [1].

Мы только что видели, что целый ряд наказов склонялся в сторону этого последнего плана; но все те, которые желали дробления церковных земель в духе первого предложения, стояли несомненно ближе к аграрно-политическим взглядам наступающей революционной эпохи, примыкая таким образом к господствующему течению.

Наказы полны антикорпоративных тенденций [2]. Мы упомянем здесь лишь о тех из них, которые прямо касаются корпоративного землевладения духовенства.

Даже те избиратели 1789 г., которые не имели в виду прямой секуляризации церковных владений, высказывают тем не менее пожелание в известной степени мобилизовать церковные земли. Часто встречается, напр., требование, чтобы духовенству было разрешено или предписано отчуждать его владения в пределах его долга [3]. Своеобразное требование общины Дунэн, чтобы король отобрал у духовенства „в генеалогической последовательности, подаренные ему владения вплоть до тех, которые были даны ему королем Дагобером" [4], также находится в полном соответствии с стремлением освободить церковные земли из их векового закрепощения.

Ch. s'Arpentenay, стр. 342.—Ch. de Tonnerre, art. 42; L. p. I, стр. 61; I, стр. 64. Ch. particulier de la Chapelle-Generay, art. 2; Classes, op. cit. стр. 250.—Ср. также Duport, op. cit., Annales de Bretagne, XVI, стр. 56—57.

[1] Ch. de la Ville et de la communauté d'Istres, art. 32; A. p. VI стр. 305. — Подобное же разногласие наблюдается и в Sénéchaussée Mans: провинция Мэн: четыре из двенадцати округов этого судебного округа желали продажи монастырских владений, восемь только приостановки в раздаче бенефиций и конфискации доходов с владений. Ch. du T. E. de la province du Maine, Titre 2, art. 1 и 2; Bibl. III, стр. 644.

[2] В качестве характерного примера приведем следующее место из нумурского наказа: „Третье сословие Нумура склонно считать безусловным выигрышем все то, что будет способствовать уменьшению числа корпораций и большему единению наций". A. p. I, стр. 176.

[3] Ch. du T. E. du baill. de Caen et ses ressorts Bailliages secondaires, art. 57. Ch. de la sénéch. de Lauraguais, отд. Clergé, art. 12; A. p. II, стр. 491 и 561.—Ch. du T. E. de Beaujolais, art. 3; de la Noblesse de Moges et Saint Yrieix, chap. 9; Ch. du pays de Gévaudan, art. 12; III, стр. 269, 570 и 755. Ch. de la Noblesse du bailliage d'Orléans, отд. Affaires générales, art. 37; IV, стр. 277.—Ch. de la par. de Passy-les-Paris, art. 7; Ch. du T. E. de la sénéch. de Puy, art. 58; du pays de Rivière-Verdun, Gaure, art. 81; du bailliage de Nivernais, art. 66; VI, стр. 7, 479, 588 и 640.—Ch. de la sénéch., d'Aix, art. 14, Supplément, стр. 139 и т. д. Ср. также указатель к Cahiers Arch. part. VII, стр. 491 сл.

[4] Ch. de la commune de Dunkain, art. 14; A. p. VI, стр. 105.

Другие, менее смелые, прибывали по крайней мере к строгому соблюдению декретов 1749 и 1768 г. и пытались воспрепятствовать дальнейшему росту богатства церкви, внося предложение ограничить законом право послушников распоряжаться своим имуществом [1].

Что же касается наказов, фактически требовавших конфискации церковных земель в пользу нации, то тенденция к мобилизации выступает в них с большей отчетливостью. В них постоянно выражается убеждение, высказанное адвокатом Ланара в сто 13 особых статьях о гражданском законодательстве: все, что облегчает земельную мобилизацию, необходимо увеличивает ценность земли т. Мобилизация церковных владений представлялась многим избирателям 1789 г. необходимым этапом на пути к обновлению национального благосостояния: они, подобно авторам некоторых рассмотренных нами брошюр, считали или по крайней мере утверждали в своих наказах, что большая часть церковных имений остается без обработки или обрабатывается недостаточно хорошо; причину малой доходности этих владений они видели в том обстоятельстве, что они пользуются арендаторами и лишены тщательной обработки настоящих отцов семейства. Только в том случае, если церковные земли будут возвращены в сферу торгового обмена и сделаются доступными новым владельцам, они смогут снова приносить государству истинную пользу и вызовут новый расцвет торговли и сельского хозяйства [2]. Таким образом, надежда на экономический подъем народа путем создания новых кадров земельных собственников являлась одним из важнейших мотивов для требования продажи церковных владений; бедственное же положение государственных финансов было прямым и настойчивым побуждением добиваться от Генеральных Штатов выполнения этого требования.

Прежде чем создавать для отдельных индивидуумов более хорошие и легкие условия существования, надо было помочь государственному целому выйти из затруднительного положения, в котором оно находилось: поэтому наказы, требовавшие отчуждения церковных владений, за очень немногими исключениями, предлагают употребить вырученную сумму, главным образом, на покрытие государственного долга. То, что взамен этого государство должно было взять на себя помощь бедным, снабжение госпиталей, вознаграждение священников и выполнение всех тех социальных обязанностей, в которых, как полагали тогда, и заключалось первоначальное назначение церковных владений, являлось, разумеется, необходимой предпосылкой и для этой группы наказов. Последняя в свою очередь делится на наказы, стремившиеся выпустить на рынок только определенную *часть* церковных владений, и другие, хотевшие распродать *все количество* их.

[1] Ch. du T. E. du bail. de Bapaume, art. 61; Lefriquet I стр. 77.—de Soissons, V, p. III, стр. 61.—Cah. General du T. E. de la ville de Paris; rub. „Religion", art. 17; Doc. de Paris, III, стр. 352 и A. p. V, стр. 287.

[2] Documents de Paris, III стр. 171.

[3] „ . . . Les députés demanderont, que les biens immeubles possedés par les gens de main morte soient aliénés et rendus aux communes, par les motifs également puissants, que les biens ainsi possedés et exploités toujours par des fermiers étant de faible rapport par le défaut nécessaire d'entretien et de culture d'un vrai pere de famille, deviendraient d'autant plus intéressants pour les habitants, pour la province et pour l'Etat". Ch. de la communauté de Vaux; A. p. VI, стр. 363.—„Que les biens-fonds qu'il possede, en main morte, et qui pour la plupart sont incultes, passent dans le commerce... l'agriculture et la population y gagneront infiniment—Ch. de la com. de Saint-Chamas; ibid., стр. 412. Ср. также Ch. de la nobl. de la sénéch. d'Aix, § 8 Clergé; A. p. I, стр. 597.—Ch. du T. E. de la sénéch. de Guéret, art. 2. III, стр. 685. Ch. des habitants de bourg de Wissignay, art. 3e; VI, стр. 223.

Первые преобладают и направляют свои нападки прежде всего на владения капитулов, аббатств, монастырей и вообще всех более богатых духовных обществ. При этом они отчасти имеют в виду закрытие монастырей, при числе членов, не достигающем установленной законом нормы, требуя продажи владений, как уже расчищенных, на основании этого постановления, так и подлежащих роспуску корпораций [1]). Но еще чаще в соответствии с принципиальным требованием уничтожения всех монашеских орденов, наказы добиваются продажи всех принадлежащих орденам владений. Статьи, высказывающие подобные требования, выдержаны в тоне беспристрастном, я сказал бы даже, напоминающем программу, как будто не стоило обосновывать справедливость таких громадных требований: „Que tous les ordres religieux soient supprimés... que leurs immeubles soient vendus, pour le prix en provenant être employé à l'acquit de la dette nationale".—такова с немногими изменениями их формула [2]). Но и это еще не наиболее радикальные пожелания. В 1789 г. положение, что все церковные владения принадлежат нации, считалось совершенно естественным и не требующим никаких подтверждений. Литература предшествующих десятилетий расчистила для этого мнения городу и требовала уже планов отчуждения всех церковных владений: эти радикальные пожелания также перешли в наказы 1789 г. Насколько деятельной была литературная пропаганда вплоть до самого последнего момента, показывает одна из статей сохранившегося наказа-образца: она предлагает продажу всех церковных земель во всем королевстве, независимо от того, находятся ли они во владении белого или черного духовенства или какой бы то ни было категории духовных конгрегаций, и сверх того также и отчуждение всех их земельных рент с тем, чтобы государство освободилось по крайней мере от наиболее тяжких долгов [3]). Целый ряд cahiers действительно ставил перед

---

[1]) „Il sera donné aux Etats-Généraux un détail exact de l'emploi [illegible] des ordres religieux supprimés et de ce qui en reste encore en nature, pour [illegible] vendus, ainsi que ceux des ordres religieux et menses abbatiales que les Etats-Généraux jugeront à propos de supprimer et dont les fonds seront versés dans la caisse nationale etc". Ch. de la Noblesse du bailliage d'Auxerre et Dépendances, art. 47; A. p. II, стр. 117.—В своем роде: Ch. du T. E. du village, corps et communauté de Chevilles, art. 18 и 19; de la sénéch. de Forez-Lyon, отд. „Clergé": des communes de la sénéch. de Lesparre, art. 47 III, стр. 198, 332 и 496.—Ch. de la par. de Montreuil-sur-Vincennes, art. 21 и 22; IV стр. 736.—de Paclay, art. 16; Ch. du T. E. de la prévôté et vicomté de Paris hors les murs, art. 4; de la sénéch. de Ponthieu, отд. „Clergé", art. 2, 5 и 6; du bailli. d'Andelys, art. 13; V, стр. 65, 242, 438—439 и 615.—Ch. de la par. d'Entrains, art. 14; de Fontaines, отд. „Du fait de l'Eglise"; Ch. de la ville de Varzy, art. 22 и 23; Bulletin de l'Y [illegible] XXXVIII, стр. 259, 289 и XL, стр. 369.

[2]) Ch. de la Noblesse du bailli. d'Alençon, art. 12; du T. E. d'Alençon, chap. 6, art. 7; du bailli. de Vermeil, art. 28; A. p. I, стр. 715, 719 и 731.—Ch. du T. E. du bailli. de Blois, отд. I, art. 18 и 19; отд. „Clergé" art. 1—3; II, стр. 485.—de Gien, 4-me dev. art. 3 и 4; III, стр. 407.—Ch. de la Noblesse du bailli. de Montargis, chap. 9, art. 1 и 2; du pays de Foix, art. 16; de la par. de Fontenay les Louvres, art. 7—11; de Marcil-en-France, art. 4; des habitans et communauté d'Ozoir-la-Ferrière, art. 18; IV, стр. 23, 281, 559, 673 и 782.—Ch. du T. E. de la province de Périgord, art. 37; du bailli. Vermand, art. 10.—de la sénéch. de Saintes, отд. „Abus Généraux", V, стр. 343, 423 и 679.—Ch. de la paroisse de Colombier, art. 17; Duval, Cls d'Alençon, стр. 102.—Ch. du T. E. de la sénéch. de Quercit, art. 2; de la ville de Chénérailles, art. 17; Duval, Ch. de la Marche, стр. 96 и 130 и т. д.—Ср. также „Cahier du Solitaire. Patriae utilitati". Doc. de Paris III, стр. 185.—Ch. de Courpiac, art. 36; Arch. Hist. de la Gironde XXXVI, стр. 465—466.—Doléances des aubergistes de Limoges, art. 12—13; Arch. Hist. de la Marche et du Limousin I, стр. 97.—Chs des communes d'Anjou (Angers 1789), стр. 20.

[3]) См. Documents de Paris II, стр. 89.

Генеральными Штатами эту крайнюю цель [1], и впоследствии Законодатели Собрание и Конвент, пытаясь осуществить ее, могли с полным основанием опираться на „желания народа". Даже то необычайное недоверие, которое питают позднейшие революционные правительства по отношению к двум высшим сословиям, в зародыше намечается уже в этих cahiers: напр., третье сословие в Авене выставляет требование, чтобы церковные владения продавались только в пользу третьего сословия, причем никакое другое сословие не должно быть вправе иметь права на приобретение их [2].

Едва ли нужно упоминать о том, что и во всех этих cahiers, наряду с требованием покрыть при помощи вырученной от продажи церковных земель суммы государственный дол, постоянно подчеркивается сознание обязанности государства по отношению к бедным, больным, безработным и прежде всего молодежи. Требования конфискации и отчуждения церковных владений, как видно, показало предшествующее изложение, вытекали столько же из религиозных и социальных, сколько из политических, экономических и чисто финансовых мотивов [3]; провести между ними строгую границу, особенно в эпоху таких крупных переворотов, вообще едва ли возможно. Но, что в отдельных личностях действовало как религиозный мотив, в массе народной органически являлось, может быть, только смутной потребностью освободить свои лучшие духовные и экономические силы, чтобы удержаться и усилиться в борьбе за власть; и требования уничтожения и обновления исторических форм опять-таки коренились отчасти в социальных стимулах отдельных групп и классов народа.

Нам остается рассмотреть еще несколько пунктов в пожеланиях и наказах. Отнимая у духовенства экономическую основу его положения в государстве, нужно было, разумеется, создать совершенно новую церковную организацию. Из предложений наказов в этом направлении мы упомянем лишь пункты, касающиеся использования церковных владений. Духовные лица должны были, конечно, как того требовали и брошюры, сделаться государственными чиновниками на жалованье; для служения религии считались нужными только еще

[1] Ch. de T. L. de la Ville d'Avray, отд. „Clergé" и Robineau: A. p. I. pp. 405—407. de la Ville le Dame, art. 22; III, стр. 349. du bail. de Versailles (ville) Ch. de Paris, de Bruloy, art. 16; IV, стр. 160 и 180. de Versailles, art. 20; de Viarmes, art. 20; V, стр. 179 и 190. Ch. du L. E. de Versailles, art. 20 и 66.—de la sénéchaussée d'Arpajon, art. 27; de Carrière et Rouen, art. 25; de Grisolles, art. 24; de Lagny, art. 27; de Marizy-sur, art. 28; de Mirecourt, отд. „Du Clergé": Résumé des cahiers du bailliage de Perche, отд. „Clergé", art. 3; Ch. de la sénéchaussée de Rennes; VI, стр. 134, 237, 285, 294, 316, 341, 354—356, 372 и 396.—Статьи общин Carrière, Rouen, Gonesse и Montfermeil буквально совпадают.—См. также Ch. des notaires de Limoges, art. 2; Arch. Hist. de la Marche I (1887), стр. 4 и ...

[2] „... on les chemins et propres inaliénables ait [illegible] employés [illegible] au soulagement de l'Etat et pour temps le dédommagement [illegible] autre ordre puisse le acquérir". Ch. du T. L. du bailliage d'Auxerres, art. 18; V, стр. 154.

[3] Именно Лагард: „Не забудем, что церковная кровать церковных владений была только финансовым мероприятием" (Les origines [illegible] 1888) стр. 29) и Boutaric Mirabeau: „Насколько мне известно, эта [illegible] (наказов), главным образом, преследует финансовые цели" (Du Nouveau [illegible] Versammlung стр. 38) подлежат таким образом исправлению: Sybel, [illegible] почти не знаком с наказами; ср. Gooch, A. Rose-Zeit (Studies, 1897) I стр. 34. [illegible] также почти не останавливается на них, и, читая его описание [illegible] 1789 г. (la Revolution I гл. I), можно подумать, что во Франции в то время [illegible] главным образом, голодные нищие и бродяги-грабители, а не тем, распространение идей, которые должны были повернуть старую Европу на [illegible] путь.

[illegible] [illegible] [illegible] [

любовью, торговля расширяться, промышленность всех отраслей промышленности удвоится, и государство обретет прежнюю мощь. Тут не придется больше разбирать пропасть между природными их устремлениями и стремлениями их нижних; не придется больше слышать о стольких теориях из уст духовенства и упрекать последнее в том, что оно отвлекается от стремления бедных и хлеба обездоленных: лишь тогда оно станет полезным установлением религии и не служителю, повинному добрые нравы и будет восстановлено благо государства" [1].

Я привожу эти слова cahier'а Орлеанского дворянства, чтобы показать, какие важные выводы, которые еще не сделаны, касательно истинных причин и характера французской революции, готовы были сделать Генеральные Штаты. Государственные и частные финансы, торговля, промышленность, земледелие, мореплавание и сельское хозяйство должны были одновременно извлечь от своих же и исполнителей своих новой жизни. Для Франции должно быть так же свободно, как ветру, не наталкиваться ни на какую преграду, которую поставил себе французский народ в 1789 году: уничтожение внутренних и внешних пределов должно было положить конец всякой войне.

Первое Национальное Собрание сформировалось!

Умы всех теорий должны были теперь получить возможность применения этих действительностью никогда еще духовные силы и крепкая надежда вновь воспламенили в целом народе такого напряжения, как в то время французской нации. Некоторым же, каковы были результаты этих стремлений

[1] Прим. ред.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Разрешение вопроса о праве собственности на церковные владения первым Национальным Собранием.

23 июня 1789 г. нация одержала победу над королевской властью, а вместе с тем и над привилегированными сословиями: сословный государственный строй, продолжавший несмотря на все усилия абсолютной монархии существовать в своем пестром многообразии, отныне должен был пасть перед идеей единого национального государства. Если дворянство и духовенство в тот момент, когда они объединились с собранием третьего сословия, еще считали возможным продолжать свое существование в качестве обособленных политических сословий, то в скором времени они были вынуждены сознать свою ошибку и спустя несколько недель сами сложить свои сословные привилегии на алтарь отечества. Источником всякого суверенитета должна была стать отныне только нация: никакая корпорация не должна была иметь власти, не исходящей от нации [1]). Вообще нация и индивидуум должны были являться единственными элементами, из которых слагалась государственная жизнь: их „естественные" правовые взаимоотношения предполагалось записировать в непреходящих формулах для всех времен и народов.

Исходя из этой идеи, Мунье 9 июля, а Лафайет 11 го предложили декларацию прав человека, которая вызвала дебаты о свободе и безопасности личности и собственности, заполнившие собой заседания Национального Собрания вплоть до середины августа.

Рассматривая в предлагавшихся в течение этих недель проектах декларации прав человека статьи, касающиеся собственности, мы найдем, что в них нигде не требуется гарантий корпоративного владения, что вообще там не встречается и намека на то, как и в какой мере люди могут владеть собственностью сообща. Определения понятия „собственность" всегда относятся только к имуществу индивидуальному, т.-е. принадлежащему отдельному лицу [2]), так как господствовало убеждение, что право корпоративного владения относится к сфере гражданских законов и видоизменяется вместе с ними и поэтому

[1]) „Le principe de toute souveraineté réside dans la nation. Nul corps, nul individu ne peut avoir une autorité qui n'en émane expressément",—говорится в Лафайетовском проекте прав человека. A. p. VIII, стр. 222. Собрание приняло эту формулу 12 авг. по предложению Мунье в качестве третьего пункта; ibid. стр. 463.

[2]) Ср. Projet de Target, art 15 (27 июля 1789); Projet de Thouret § 5 (1 авг.); Projet du comité Мирабо), art. 11 (17 авг.) A. p. VIII, стр. 288, 326 и 439. – См. также Second rapport contenant le résumé des cahiers Клермон-Тоннера (27 июня). Ibid. стр. 284.

не имеет отношения к декларации вечных и неизменных прав человека. Благодаря этим воззрениям корпоративное владение лишалось самой прочной опоры для существования, а именно, морального убеждения всей нации в справедливости его неприкосновенности и нерушимости, которое как раз теперь нашло самое яркое выражение в применении к собственности отдельного лица. Таким образом, корпоративным владельцам угрожала крайняя опасность [1]). Никто не был больше этого в большей степени, чем владелец наиболее крупной корпоративной собственности—духовенство. В течение целого столетия ему приходилось выдерживать почти непрерывный натиск новых идей на „собственность религии"; многие из его собственных представителей перешли на сторону его сильных противников, и со дня на день это дезертирство росло: борьба за его владения угрожала ему проигрышем, и поэтому в первые месяцы Национального собрания оно вступило как бы в дипломатические переговоры, чтобы спасти хотя путем из своих владений все, что было возможно. Уже 27 июня духовенство, объединившись, наконец, по приказанию короля с собранием третьего сословия, постановило, „исходя из необходимости соединить также и светские интересы служителей религии с интересами их братьев и сограждан", подчинить свои владения общим налогам и предложить их в качестве обеспечения [illegible] покрытия национального долга [2]).

В Национальном собрании это предложение сначала не встретило отклика, так как оно еще не нашло времени заняться финансами. Только отставка Неккера (11 июля) опять сразу выдвинула финансовую нужду государства на первый план. Все остатки доверия к правительству в финансовом мире должны были, казалось, исчезнуть с этого момента: государственное банкротство стояло на пороге. Однако coup d'état придворной партии потерпел позорную неудачу, и Неккер был через несколько дней вновь призван в кормилу правления. Но следствием этой реакционной попытки было, как известно, чрезвычайное возбуждение в Париже и во всей стране. В дни 14 июля органы старой монархии во Франции были почти уничтожены, а вся страна была охвачена новой безудержной самопомощи.

Хотя после взятия Бастилии было бы, по мнению Марата, весьма подходящим моментом для конфискации церковных владений, для „возвращения их бедным", как он говорил, но „драгоценный момент" был упущен, и нужно было ждать это возврата, на который он, правда, твердо надеялся [3]).

Но косвенным путем крупные народные волнения в последних числах июля действительно выдвинули вопрос о церковных владениях перед Национальным Собранием. В значительной степени под давлением этих восстаний привилегированные сословия отказались в ночь на 4 августа от св их прав: энтузиазм к благу отечества и всепрощающая любовь к народу заслонили в этот знаменательный момент перед собравшимися все частные интересы, и даже духовенство как будто позабыло на мгновенье о своих священных правах. „Будь я владельцем участка земли, я был бы рад возвратить его в руки населения", —

[1]) В подробном проекте декларации прав человека, составленном Кондорсе для собрания, церковные владения уже прямо называются собственностью нации: Art. 1, № 8, Oeuvres IX, стр. 199.

[2]) „2. Que les propriétés de l'Eglise, soumises comme les biens laïques au payement des taxes nécessaires pour la dépense et la prospérité de l'Etat, serviront également à l'hypothèques et de gages de l'acquittement de la dette nationale lorsqu'elle aura été reconnue et dûment vérifiée". Séance du 27 juin 1789. A. p. VIII, стр. 162.

[3]) „Cette heureuse réforme aurait pu s'effectuer sans commotion et en quelques heures, le lendemain de la prise de la Bastille. Le moment était précieux: mais il n'est pas perdu sans retour". Marat, La Constitution ou la déclaration des droits de l'homme стр. 59, прим.

восьмика: епископ Отёнский [1]; священники жаловались об отказе от своих льгот [2]; епископы вносили предложение обратить сумму, [вырученную] от выкупа феодальных прав в церковных владениях, не в пользу отдельных лиц, а в пользу бедных [3].

Но такая готовность в жертвам все же была лишь [...] меньшего духовенства; при трезвом отношении к [...] с выкупом десятины оно сомневалось, так как сюда никто [...] была бы в состоянии взимать ее с крестьян! [4] Но даже в том [...] 6 августа у части духовенства обнаружилось „щепетильное [...]", по выражению Вентона [5]: они начали задержи[вать] [...] десятины; тогда Бюзо, как известно, вторые [...], [...] Собрание, зажигательные слова: „Церковные [...] [...]!"

Возгласы одобрения на одной стороне, [...] на другой. [...] зов, какое чувствительное место [...] [...] Но Бюзо, не смущаясь, пожал[...] [...] и бросил затем духовенству [...] положения, чтобы сохранить [...] [...] льгот все те жертвы, к которым [...] [...]

Епископ Лангра и Лижон [...] являл, что духовенство [...] многих тысяч населения, [...] призывы сами искать выхода [...] Национальном Собрании [...]

13 июля Собрание [...] было побудить его вновь [...] нации является обеспечением государственных [...] праве даже произносить „подлое слово" банкротство" [6]. 7 августа [...] предложил Собранию осуществить [...] нужда не терпела отлагательства: настоятельная [...] признанием безнадежнейшего бессилия правительства [7].

Неккер, как известно, хотел предпринять [...] Но [...] об этом споры, вновь раздалось предложение [...]

---

[1]) Однако он осторожно [...]: „Но мы получили [...] права из рук нации, которая одна только имеет право их уничтожать". [...] стр. 315. — Его позднейшее отношение к проекту Талейрана лучше всего [...] что его слова вообще являлись лишь результатом временного [...]

[2]) Duveyrier, curé de Villefranche; Goulard, curé de Reanne; Matthias, [...] Neuve, стр. 349.

[3]) См. речь епископа [...], стр. 345.

[4]) „D'ailleurs il paraît sûr que la nation ne [...] aucune force sur la terre ne pourra l'y contraindre..." Guiffroy, Le Toesin, стр. 89.

[5]) A. p. VIII, стр. 354.

[6]) „ ... et je soutiens, que les biens ecclésiastiques appartiennent à la nation [...]

[7]) Ibid. — В этом же духе говорил впоследствии духовенству и Талейран [...] вопросу об отказе от церковных владений: „Все требует этого. Общественное мнение провозглашает всюду закон справедливости вместе с законом необходимости. Еще несколько мгновений, и мы потеряем в неравной и унизительной борьбе честь великодушного отказа". A. p., стр. 654. (Запись речи 2 ноября, которая не была произнесена по недостатку времени).

[8]) A. p. VIII. стр. 354.

[9]) VIII, стр. 230.

[10]) „Достаточно было услышать из уст главного министра такие слова: „ ... ныне правительство ничего больше не в состоянии сделать, и у вас один только есть еще кое-какие средства, чтобы сопротивляться буре". VIII, стр. 362.

владения. На этот раз маркиз де-Лакост предложил декрет, уже содержавший в себе главные элементы всех позднейших проектов по этому вопросу, а именно: церковные владения принадлежат нации; конфискация бенефициев по смерти владельцев; определение содержания епископов и священников, являющихся единственными служителями культа, провинциальными собраниями, повышение жалованья священникам и, наконец, уничтожение монашеских орденов и назначение их членам пенсий [1]). Александр Ламет с воодушевлением поддержал это предложение, указывая на „большую разницу", существующую между собственностью отдельных граждан и собственностью корпораций, и доказывая право государства уничтожать последние, изменять их и употреблять их владения на пользу государства. Он называл оскорблением мысль о том, что представители высшего духовенства хотят воспрепятствовать обсуждению этих вопросов; им хорошо известно,—он не без умысла повторяет при этом слова Вольтера,—что священники только духовные чиновники и не имеют бо́льших прав, чем чиновники судебные или военные [2]).

Но ответом со стороны духовенства явились угрожающий ропот и резкие возгласы, заглушившие его речь. Тем не менее Деландин уже на следующий день снова попытался вернуться к этой щекотливой теме, хотя и подошел к ней с совершенно иной точки зрения [3]). Правда, он также назвал духовенство „мудрыми пользователями церковных владений, полученных ими от нации", но он не потребовал их обратно, а высказал лишь пожелание, чтобы они ежегодно облагались налогом в 20 миллионов ливров для уплаты процентов по государственному долгу и его амортизации [4]).

Епископы горячо приветствовали этот план и выразили желание немедленно приступить к обсуждению наилучших способов, какими можно было бы обеспечить этот государственный заем церковными владениями. Но на этот раз их противники остались недовольны предложением и объявили несовместимым с честью нации принимать от отдельного сословия залог в обеспечение займа [5]).

Вопрос о церковных владениях в то время, повидимому, еще недостаточно созрел [6]), и духовенство еще могло выставить в Национальном Собрании требование, чтобы капиталы, которые должны были получиться в результате выкупа десятин, были обращены в земельные владения, так как в интересах государства и религии, чтобы церковь не оставалась без собственности [7]).

Но рознь, царившая в его собственной среде по наиболее важным вопросам, слишком определенно обнаруживала слабость его позиции. В то время, как одни, напр., как епископы Дижона, Лангра и Родеза объявили церковные десятины собственностью духовенства и „священной собственностью", священники и даже перпиньянский епископ вполне соглашались с утверждением Мирабо, что

---

[1]) Ibid, стр. 369—370 (Заседание 8 августа 1789).

[2]) Ibidem.

[3]) 8 августа „Nouvelles Ephémérides de l'Assemblée nationale № 4" (Kgl. Bibl. Berl. Pièces curieuses K. 3614. V, Stück 4) упоминают еще о словах Клермон-Тоннера, которые в Arch. parl. передаются лишь частично: „Я не вхожу здесь в обсуждение того, является ли великой Истиной, что церковные владения принадлежат нации. Существуют идеи, которым достаточно быть предложенными, чтобы быть принятыми". стр. 60.

[4]) A. p. VIII, стр. 375 (Заседание 9 авг.).

[5]) См. речи Ламета, Крансе, герцога де-Лианкура, Баррера, де-Вьесака и Клермон-Тоннера, стр. 375—376.

[6]) „Было бы преждевременно поднимать вопрос о владениях духовенства", так начинает Клермон-Тоннер свою речь, стр. 376.

[7]) См. речи дижонского епископа, Демонтье де-Меренвиля, и аббата Грегуара в заседании 10 авг., стр. 385.

десятина есть национальное достояние [1]). При таких обстоятельствах Дюпор решился в вечернем заседании 10 августа заявить, что нация имеет самую широкую власть над церковными владениями [2]); но еще больше духовенство было раздосадовано выступлением младшего Гара. Когда он, опираясь на ненавистные учения энциклопедистов [3]), снова попытался доказать, что существует глубокая разница между индивидуумами и корпорациями, что последние существуют лишь по воле общества, первые же черпают свои права из природы и из своего труда, духовенство пришло в такую беспримерную ярость и произвело такой продолжительный шум, что Национальное Собрание должно было в этот день разойтись без всякой резолюции [4]).

Духовенству и теперь, как и в течение всего столетия, недоставало идейного оружия против своих врагов. Аббат Плюке или Сенак-де-Мельян, пытаясь защищать церковные владения, не выходили за пределы общих мест о выгоде церковного землевладения для государства или нескольких сильных выражений по адресу „фальшивой, бесчеловечной и варварской политики“, пытающейся нападать на владения церкви [5]).

Но теперь, когда тучи все грознее сгущались над духовенством, защитником его и его владений, наконец, выступил боец, который сам помог раздуть тлеющие искры революции в яркое пламя: это был аббат Сиейс.

Мы должны несколько задержаться на его рассуждениях [6]), так как почти все доводы, впоследствии приводившиеся духовенством в пользу сохранения своих владений, взяты именно у него.

Уже первые фразы его „суммарных замечаний“ обнаруживают в нем умного логика. Вместо того, чтобы останавливаться на определениях противников, считавших свободное распоряжение владением и возможность его отчуждения существенным элементом понятия собственности, он вообще обходит определение этого понятия, заявив, что нет ничего проще той идеи, что владение принадлежит тому, кому оно подарено или кто его приобрел. Церковные же владения подарены не нации, а духовенству и при том на известных условиях, налагающих определенные обязанности; если оно не отказывается от выполнения этих условий, то его нельзя лишать владений [7]).

---

[1]) Стр. 383—387.

[2]) „ .... il reconnaît la toute-puissance de la nation sur la disposition des biens ecclésiastiques“, стр. 387.

[3]) Философские споры не нужны“,—насмешливо кричали ему из рядов духовенства; см. стр. 394.

[4]) Ibidem.

[5]) Ср. Abbé Pluquet, Traité sur le luxe (1786) II, стр. 22—23 и Sénac de Meilhan, Considérations sur la richesse et le luxe (1787), стр. 248 сл.

[6]) Сиейс не мог изложить их в заседании 1 авг. во всей их полноте. Поэтому он опубликовал их как можно скорее: „У меня нет даже времени перечесть то, что я написал,—говорит он сам,—враги духовенства наступают с такой поспешностью и данный момент столь благоприятен для удовлетворения движущих ими чувств, что мои замечания, вероятно, запоздают, если вообще на них обратят хоть малейшее внимание“, стр. 20 „Observations sommaires sur les Biens Ecclésiastiques“. Du 10 août 1789; Paris (Chez Baudouin, Impr. de l'Ass. Nat.) 1789; 31 pag. in 8°. Я цитирую по этому отдельному оттиску, экземпляр которого находится в Берлинской Корол. Библ. (Pièces R. 3614, Bd. VI Nr. 5) Arch. parl. ошибочно воспроизводят в качестве речи аббата Монтескью (VIII, стр. 389) и приписывают аббату Сиейсу только вторую часть (в оттиске: Opinion de M. l'abbé Sieyès sur l'Arrêté du 4, relatif aux Dîmes, prononcé le 10 août à la Séance du soir“, стр. 22 — 31. — Также ошибочно отнесена к 10 авг. речь аббата Гутт; ее мы находим на ее настоящем месте (13 окт.). XI, стр. 431—434).

[7]) Стр. 3.—Сиейс говорит очень умно: „Если оно не отказывается от выполнения обязанностей“. Применяя честную логику, он должен был бы сказать себе, что здесь важен не отказ от выполнения обязанностей, а самое выполнение; мы до-

Он показывает далее, что духовенство может, в качестве „corps politique“ или „corps moral“,—мы сказали бы теперь, в качестве юридического лица,—подобно городам, госпиталям и коллегиям, иметь собственность. Утверждение, что только физические лица могут быть действительными собственниками, он пытается опровергнуть указанием на то, что противники сами вполне признают возможность быть собственником за абстрактным же лицом—нацией.

Правда, нация, по его мнению, имеет безусловное право уничтожить политическую корпорацию или изменить ее устройство; но, пока корпорация еще существует, она является собственницей своих владений. „Уничтожьте же ее!“—восклицает Спейс, обращаясь к противникам, и в его словах: „Подождите смерти бенефециариев и тогда вы получите все!“ [1]), слышится уверенность в невозможности подобного шага.

Эти общие принципы Спейс развивает еще далее [2]) и останавливается затем на „мотивах и природе дарений“, которые были сделаны духовенству; они исходили, как он пытается показать, только из стремления благочестивых жертвователей должным образом обеспечить служение алтарю: они считали, что лучше посвятить „produit net“ какого-нибудь имения общественному служению, чем предоставить праздному собственнику бесполезно истратить его. Спейс выводит затем из этой своеобразной подстановки, что нация таким путем ничего не лишалась, а лишь освобождалась от тяжести налогов; в тонком расчете на нелюбовь к налогам, он прибавляет, что, благодаря этому, народ был освобожден от налога в 120 миллионов и даже более [3]). В дальнейшем его соображения становятся все своеобразнее и звучат почти как социалистические идеи.

Он считает счастьем, что благодаря дарениям церкви часть земельных владений устранялась из сферы действия права первородства, лишавшего младших детей наследства в пользу старших. Прошлые поколения сливаются для него с настоящими в одну большую семью; духовенство рекрутируется из числа младших сыновей; последние, принимая сан, получают свое наследство не безвозмездно (gratuitement), как первенцы; правительство, до известной степени весь народ, назначает им через короля часть из этого выделенного комплекса владений в меру их добродетелей и талантов [4]). Спейс видит в походе на церковные владения почти попытку старших сыновей вновь ограбить своих младших братьев [5]): „но они не видят“, по его словам, „что из зависти к братьям они отнимают владения у своих же собственных детей“ [6]).

Спейс рассматривает также часто обсуждавшийся вопрос о различии между собственниками и пользователями и приходит к выводу, что собственник, ко-

---

статочно видели, что духовенство упрекали именно в невыполнении обязанностей, принятых им на себя вместе с церковными владениями. Но мне нет нужды возражать здесь Спейсу; мы увидим впоследствии, как реагировали его противники на его аргументы.

[1]) Стр. 3—4.—Но и после смерти бенефициариев нация не является с точки зрения Спейса собственником; в этом случае возникает вопрос: „Должно ли государство унаследовать бенефиций, или же последний должен вернуться в семью дарителя?“, стр. 5.

[2]) На стр. 18—19 он еще раз возвращается к ним.

[3]) Стр. 7—9.

[4]) Стр. 10—12.—„Le Roi ne donne point de Bénéfice, il y nomme“,—разъясняет он на стр. 19, чтобы из неточности выражения не заключали о праве собственности короля.

[5]) ... „parce qu'ils ont hérité gratuitement de la presque totalité de leur biens, ils en déduisent qu'à eux seuls aussi devroit appartenir le patrimoine ecclésiastique, que nous considérons, dans le moment, comme l'héritage de puînés“ стр. 12 и 13.

[6]) Стр. 13.

торый не желает продавать своего владения совершенно равен пользователю, который не может продать своего владения; что для государства нет никакой выгоды в том, чтобы кто-нибудь стал „свободным собственником“, и что последний в сравнении с пользователем пользуется разве только бо́льшей свободой в дурном употреблении своих владений [1]). Все эти рассуждения составляют стройный ряд подкупающих силлогизмов. Затем он пытается подобным же образом защитить бессемейных от преувеличенной оценки отцов семейств и, наконец, выдвигает против переоценки [2]) самостоятельного крестьянского хозяйства физпократическую теорию о том, что главные интересы государства заключаются в самом землевладении, а не в том или другом виде собственников: дельные хозяева, большие вложенные в сельское хозяйство капиталы и хорошо обработанные земли,—вот в чем благо народа! Идеал землевладельца Сиейс вообще видит в клирике, который сверх того выполняет еще и общественные обязанности, тогда как, напр., дворянство не только оставило службу, с которой было связано пользование его поместьями—военными ленами, но к тому же еще узурпировало и эти последние в свою полную, личную собственность [3]).

В качестве последнего аргумента в защиту церковных владений Сиейс апеллирует к „первой статье всех наказов“, которая гласит: „Собственность должна быть священна и неприкосновенна“ [4]). Но не забудем прибавить, что в разных местах своего памфлета он постоянно предлагает, точно в насмешку, действовать последовательно и уничтожить духовное сословие, прежде чем лишать его собственности. Это по крайней мере значило бы честно указать на цель, к которой стремятся.

Проницательный аббат прекрасно знал, к какой силе он апеллирует. Уничтожение духовенства для народа было равносильно уничтожению религии [5]). Но его удар тем не менее пришелся в пустую, потому что „уничтожить корпорацию духовенства“ в 1789 г. еще не значило вообще устранить духовенство из организации государства, а лишь уничтожить его как политическое сословие, уплачивая его членам, после конфискации церковных владений, содержание из казны. С этим же, как мы знаем, была вполне согласна бо́льшая часть народа. Но в Национальном Собрании в споре о церковных владениях покамест наступил перерыв; сильные волнения, вызванные предложениями Бюзо, Лакоста, Гара и других, показали, что „драгоценный момент“, на который твердо надеялся Марат, еще не наступил. Но это спокойствие было только перемирием, в продолжение которого оба противника готовились к новому бою. Клерикалы изучали записку умного аббата Сиейса, антиклерикалы опровергали ее в ряде брошюр [6]) и создавали этим почву для новых волнений. Финансовое же положение самого государства обеспечивало жгучий интерес к вопросу: тридцатимиллионный заем потерпел полную неудачу, новый восьмидесятимиллионный, утвержденный Национальным Собранием 27 августа,

---

[1]) Стр. 14—16.

[2]) „Преувеличенное мнение представляет свободных собственников наиболее важным сословием в государстве“ и т. д., стр. 17.

[3]) Стр. 18.

[4]) Стр. 19.

[5]) Сиейс сам замечает при этом с тонкой иронией: „Одной из наиболее характерных черт времени и страны, в которой я пишу, является то абсолютное молчание, которое я могу и должен хранить по отношению к довольно значительной на мой взгляд трудности обойтись в большом государстве без религии или же сохранить установленный культ, уничтожив в то же время его служителей. Господа реформаторы говорят, что они много размышляли над этим вопросом, и они берут все на себя; но мы все же позволим себе, рано или поздно, немного поговорить об этом, как будто бы они ничего на себя не взяли“ стр. 7, прим. 1.

[6]) См. Приложение I № 20, 26, 27, 28, 30, 36 и 37-а.

также не давал повода к радужным надеждам: в три недели подписка дала едва 16 миллионов [1]).

Но вопрос был снова поставлен на очередь уже по другому поводу. Национальное Собрание предложило королю на утверждение постановления от 4 августа; вместо того, чтобы без обиняков санкционировать или отклонить их, Людовик XVI обусловил свое согласие рядом оговорок к отдельным пунктам и вызвал этим сильное недовольство Собрания. В дебатах, завязавшихся 18 сентября по поводу ответа короля, Мирабо указал на желательные перемены в отношении духовных лиц к государству, назвав их „почтенными, но простыми *чиновниками*“ [2]); а вслед затем герцог Ларошфуко с полной определенностью осветил этот щекотливый вопрос. Он прямо вернулся к предложению маркиза Лакоста, предложив Собранию вынести относительно него постановление [3]). Свое утверждение о бесспорной (sans contredit) принадлежности нации владений мальтийского ордена подобно владениям всех корпораций, он опять таки подкрепляет ссылкой на теорию об ограниченном праве владения последних; воля нации имеет, по его мнению, неоспоримое право конфисковать церковные владения, чтобы сразу получить таким путем средства как на поддержание культа, так и на облегчение тягот, вредно отзывающихся на общественном благосостоянии [4]).

Возгласов на этот раз не было слышно; возражений не последовало и тогда, когда Собрание вскоре после этого одобрило отчет Комитета по духовным делам, [5]) в котором высказывалось требование конфисковать ряд бенефициев и монастырских владений для покрытия издержек на поддержание культа. Комитет получил даже разрешение произвести в целях подготовки этих мероприятий перепись всех церковных владений, вызывавшую столь острую ненависть и борьбу со стороны духовенства в течение целого столетия [6]).

Спокойствие, сохранявшееся духовенством во время этих предложений и постановлений, показывало, что оно либо вовсе не верило в реальную опасность, либо твердо надеялось предотвратить ее. Нападки комитета по духовным делам направлялись, правда, главным образом, на монастырские владения, а, как известно, белое духовенство мало было склонно защищать их.

Жертвуя частью церковных богатств, оно, может быть, надеялось даже спасти целое и, вероятно, из этих соображений оно больше чем когда-либо старалось в течение последующих недель притти в финансовом отношении на помощь государству. В ведомстве Неккера нужда, действительно, дошла до крайних пределов: „Затруднения в финансовых делах... достигли кульминационного пункта“,—такими словами начал сам министр финансов свой отчет

---

[1]) Точная цифра 15 828 000 ливров; см. речь члена финансового комитета Норисара 19 сент. A. p IX ст. 45.

[2]) „Vous déclarez le service des autels trop cher, et leurs ministres de respectables mais simples salariés, comme officiers de morale, d'instruction et de culte“ и т. д. A. p. IX стр. 33.

[3]) „Вы еще не вынесли постановления по поводу предложения, сделанного за несколько времени перед этим г-ном маркизом Лакост; вы, вероятно, примете его в соображение, прежде чем вынести постановление о прекращении уплаты десятин“. ibid. стр. 34.

[4]) Ibid. стр. 34—35. Dusquenoy нашел принципы герцога „весьма мудрыми“ и поддержал его предложение.

[5]) Образование этого Комитéта было постановлено 12 августа (A. p. VIII, стр. 399); число его членов равнялось 15-ти: Ланжюинэ, д'Ормессон, Гранден, Мартино, Делаланд, князь де Робек, Салле де Шу, Трельяр, Легран, Вано, Дюран де Мельян, Клермонский епископ, Депати де-Куртейль, епископ Люсона и Бутилье (ibid. ст. 461).

[6]) Вечернее заседание в среду 23 сент., доклад Трельяра, A. p. IX, стр. 125.

от 24 сентября, [1]) развернув вслед затем картину жалкого и стесненного положения королевской казны при полном отсутствии доверия к французскому правительству со стороны финансового мира, как внутри страны, так и за границей.

Открыть государству источники дохода, которые положили бы конец всякой нужде, взялся в этот день Дюпон-де-Немур. Он ответил на речь Неккера очень обстоятельным изложением, в ясной форме резюмировавшим, значительно дополнявшим и даже углублявшим все, что до сих пор говорилось и писалось по вопросу о церковных владениях. В дополнение к теоретическим доказательствам прав нации на церковные владения он пытается доказать притязания государственного финансового управления на собственность духовенства, еще при помощи научных исчислений. Он высчитал, какие налоги духовенство должно было бы уплачивать в соответствии со своими богатством, и насколько невзнос этих налогов отразился на обложении государства. Он пришел при этом к следующему результату: духовенство задолжало государству с 1706 г. более 2 миллиардов 700 миллионов ливров; [2]) следовательно, церковные владения являются залогом за накопившийся тем временем национальный долг. Без фактических преувеличений и ненависти к церкви, он спокойно связал доказательства в стройную логическую цепь: он доказал все „до очевидности", как любили выражаться физиократы, присоединил к отрицательной критике церковных владений ряд положительных проектов реформы и возбудил, прежде всего, благодаря своим цифровым данным, в Национальном Собрании надежду, что в богатствах церкви заключается верное спасение для стесненного государства. Дюпон показал, что если его финансовый план будет осуществлен, то за погашением 1300 миллионов государственного долга останется еще 5 миллиардов ливров, которые можно будет употребить на прогрессивное улучшение государственного хозяйства [3]). Он рисовал Собранию самую заманчивую картину: „К 1-ому января 1791 г. вы покончите с дефицитом, уплатите выкуп за судебные должности, увеличите фонд общественного воспитания на 5 миллионов; вы освободите народ от 55 миллионов самых ненавистных налогов, 35 миллионов издержек по их взиманию, ведению процессов и всем мытарствам, с ними связанным; вы обеспечите 6 миллионов для поднятия торговли и сельского хозяйства; будете иметь фонд для погашения долгов в 25 миллионов; у вас будет запасный фонд в 10 миллионов на непредвиденные расходы, военный фонд в 48 миллионов, который должен увеличиваться с каждым годом,—и из 189 миллионов нового дохода у вас останется еще 80 миллионов, для которых у вас еще нет употребления" [4]).

---

[1]) Rapport sur l'etat annuel des finances. IX, стр. 139—146.

[2]) Точная цифра 2 770 773 942 ливра; Documents de Paris, IX, стр. 156—165 воспроизводят таблицы расчетов.—Дюпон, впрочем, не первый произвел подобный расчет; брошюры и здесь явились его предшественниками. Автор брошюры „De la Différence" etc. уже в первой половине 1789 г. пришел к выводу, что духовенство задолжало государству в продолжение столетия 3 миллиарда (стр. 34—35) а Леблан подсчитал еще в 1788 г. „недоимку" духовенства по отношению к государству в 12 768 584 574 ливра. Le Clergé dévoilé, см. Doc. de Paris IX, стр. 197.

[3]) „Et, cependant, vous n'aurez encore remboursé ou reconstitué que pour treize cent millions de dettes nationales, et il vous restera près de cinq milliards de capitaux libres à employer à l'amélioration progressive du bon état des finances". A. p. IX, стр. 164.

[4]) Эти 80 миллионов Дюпон хотел употребить на освобождение от налогов „поденщиков в деревнях, подмастерьев и мелких ремесленников в городах, всех, кто, живя в чужом доме, занимает помещение, плата за которое не превышает определенной суммы... Sacerrima res homo miser! Жестоко требовать налогов с человека, для которого сама жизнь является тяжким бременем, с которым он с трудом справляется". IX, стр. 167.

Что могло быть радужнее этих надежд?

Какое ликование должны были возбудить у всякого, кто любил свое отечество, заключительные слова Дюпона о том, что нация, обладающая умом, честью, мужеством, заключающая в себе 27—28 миллионов душ на территории 27000 квадратных миль, никогда не может погибнуть; что только невежество, неспособность и слабость могут отчаиваться в ее прогрессе; что, наконец, они—представители нации—вознесут Францию на небывалую высоту, хотя теперь они застали ее в небывалом же унижении [1]).

И ключем ко всему этому благополучию, ко всей этой мощи являлась конфискация церковных владений!

Понятно, почему Национальное Собрание тотчас же постановило напечатать и распространить речь Дюпона [2]), и понятно также, почему, еще до напечатания этой речи, со стороны клерикалов появилась направленная против нее брошюра [3]).

Рассуждения Дюпона являлись для противников духовенства тем же, чем были „общие“ замечания Сиейса для самого духовенства: они дали оружие для октябрьских дебатов.

Однако прямым следствием речи было, что с этих пор вопрос о собственности церковных владений почти беспрерывно поднимался в заседаниях Национального Собрания, и что духовенство больше, чем когда-либо стало выказывать готовность предложить свою помощь государству.

При обсуждении нового предложения Неккера относительно налогов оно вновь заявило через аббата Монтескью о своей готовности предоставить земельные владения церкви в качестве залога за государственные займы; [4]) оно пошло даже дальше. Когда 26 сентября барон де Жесс предложил употребить серебряную утварь из церквей и монастырей, стоимость которой он оценивал минимум в 140 миллионов ливров, на устранение финансовых затруднений, духовенство почти с радостью согласилось на это, и парижский епископ тотчас же велел предложить через Трельяра декрет, конечно, не о *конфискации* серебряной утвари, а о „предложении, сделанном духовенством“ (sur l'offre par M. M. du clergé) [5])! Духовенству возражали, что оно не имеет права распоряжаться тем, что ему вовсе не принадлежит [6]); но тем не менее 29 сентября был составлен декрет, „*приглашавший*“ [7]) епископов, священни-

---

[1]) Ibid. стр. 168.

[2]) Ibid.—Она вышла под заглавием: „Discours prononcé à l'Assemblée nationale, le 24 septembre 1789, par M. Dupont sur l'état et les ressources des finances, imprimé par ordre de l'Assemblée“, in 8-e de 218 pag. Versailles (Beaudouin) 1789.

[3]) Дюпон говорит в примечании: „Говорят, что некий приор Сен-Габриэля, очень сведущий в вопросе о ценности церковных владений, сделал мне честь, опубликовав брошюру, направленную против моей речи, раньше чем я сам смог отдать ее в печать“. A. p. IX, стр. 155, прим. 1.—Я не мог разыскать этой брошюры.

[4]) „ . . . décretons qu'un gage particulier sera sur-le-champ attribué à un emprunt de toute la somme qui pourrait encore être nécessaire; que ce gage sera en biens-fonds; et ne doutons pas que le clergé ne s'empresse de vous offrir une valeur foncière de 5, 10, 12 plus encore s'il le faut“ etc. (26 sept.) A. p. IX стр. 191.—Подобные же предложения делаются в „Vues sur la liquidation de la dette publique, sans aucune charge pour la Nation, présentées le 2 oct. par M. Argentré, évêque de Limoges, député; impr. par l'ordre de l'Assemblée nationale et renvoyées au comité des finances“. Ibid. стр. 269—286.

[5]) Séance du samedi 26 sept. 1789 au matin; речи барона де Жесс, Леклерка де Жюинье, Пелока, Трельяра и др.; ibid. IX, стр. 192—193.

[6]) „Les evêques et le clergé n'ont pas le droit d'en disposer, parce qu'elle ne leur appartient pas“. Disc. de Glezen; стр. 193.

[7]) Относительно „inviter“ или „ordonner“ завязались дебаты. Ibid. стр. 213.

ков, монастыри и церковные управления приносить в ближайшие монетные дворы серебряные вещи, которые не были им необходимо нужны при богослужении [1]).

Указание на то, что духовенство не в праве дарить того, что ему не принадлежит, имело своеобразным последствием то, что несколько дней спустя оно было использовано самим духовенством, чтобы объявить недействительным предложение монахов Сен-Мартен-де-Шан, принесших нации в качестве доброхотного даяния свои владения и владения всего Клюнийского ордена [2]). Собрание постановило, разумеется, на этот раз, что оно „приняло с чувством удовлетворения это доказательство любви к отечеству“ [3]).

Дебаты этого дня дали Мирабо повод точнее определить свою позицию по отношению к вопросу о церковных владениях. Аббат Грегуар высказал опасение, что вышеупомянутое одобрение по адресу монахов Сен-Мартена-де-Шан, может, благодаря своей широкой редакции, предвосхитить решение „великого вопроса“ о собственности на церковные владения. В ответ на это Вольней потребовал открытия дебатов по этому вопросу: чтобы прийти к определенной цели следует, наконец, сорвать окутывавшее его до сих пор таинственное покрывало. Прежде всего нужно выяснить, кому принадлежат церковные владения; тогда легко будет рассуждать о правах их владельцев. Мирабо „вполне сочувствовал этой доктрине, но считал ее не относящейся к делу“ [4]). Очевидно, он считал момент недостаточно благоприятным для окончательного разрешения этого важного вопроса.

Он только что блестящей речью заставил Собрание принять финансовый план Неккера [5]); цель, которую он при этом имел в виду, без сомнения, заключалась в усилении правительства. Успех общего налога мог только способствовать этому; что же касается конфискации церковных владений, то она неминуемо повлекла бы за собой усиление власти Национального Собрания и уменьшение власти правительства, которое все же не могло от души приветствовать конфискации.

Но общественное мнение уже слишком расшатало устои церковной собственности, чтобы даже Мирабо мог надолго задержать их падение.

Он, как мы скоро увидим, и не пытался сделать этого. Но духовенство делало огромные усилия, чтобы по крайней мере отсрочить грозившую опасность. 1 октября оно резко протестовало против обсуждения выпуска государственных бумажных денег [6]); его терзал страх, что бумажные деньги могут оказаться гибельными для его владений, Мирабо сам указал ему на это [7]), и, действительно, именно благодаря Мирабо страх духовенства оправдался через несколько месяцев.

---

[1]) Ibidem.

[2]) Lettre des religieux de Saint-Martin-des-champs, à Paris (28 Sept.) ibid. стр. 197.— Как показывает „Lettre des supérieurs, vicaire général et procureur général de la congrégation de Cluny“ от 27 сентября, дар монахов был принесен не от имени всего ордена, как говорили они. Приоры берут его обратно и в самых резких выражениях порицают „поведение молодых людей, соблазненных молодостью, дурными советами и подстрекателями со стороны“, стр. 213.

[3]) Ibid. стр. 201—202 (Séance du 29 sept., au matin).

[4]) Ibid. стр. 202; там же речи Грегуара и Вольнея.

[5]) „Мы не станем пытаться,—говорит отчет о заседании 27 сент.,—передать впечатление, произведенное на Собрание этой импровизированной речью. После почти судорожных рукоплесканий был издан очень простой декрет“. Ibid. стр. 196.

[6]) „... le clergé s'y oppose, en demandant à la presque unanimité de ses membres et avec violence la clôture de la discussion“. Ibid. стр. 228.

[7]) „Le clergé craint-il que l'établissement de quelque papier-monnaie future ne porte sur ses biens?“ Ibid.

2 октября принесло Собранию широкий финансовый план, также исходящий отчасти из предпосылки, что церковные владения принадлежат нации [1]). Но решительный поворот наступил только 10 октября.

Мы уже не раз имели случай отмечать разногласие в рядах духовенства. Еще 6 октября церковный совет в Ок (Auch) прислал королю протест против отмены десятины, решительно подчеркнув в нем, что право собственности на духовные владения принадлежит только французской церкви [2]).

Четыре дня спустя отэнский епископ Талейран-Перигор заявил в Национальном Собрании, что духовенство не является *собственником* в том смысле, как это слово прилагается к другим собственникам, и что нация, особенно в ее теперешнем затруднительном положении, может распоряжаться церковными владениями, не нарушая этим справедливости [3]). Талейран развил затем систему погашения государственного долга при помощи церковных богатств, которая опиралась во многих пунктах, очевидно, на изучение плана Дюпон-де-Немура, и, хотя и не стремилась возбудить чрезмерных надежд, все же обещала надежное освобождение от тяжести налогов и расцвет всего народного организма в короткое время. Успех предложения Талейрана [4]) был обусловлен помимо его авторитета, как высокого сановника церкви, прежде всего и той краткой и чисто деловой формой, в которую он облек свое изложение. Он кратко резюмировал права нации располагать церковными владениями, в общих чертах обрисовал финансовую реформу и представил затем все это на обсуждение Собранию в форме двух разработанных декретов: первый касался конфискации и использования церковных владений, второй — их продажи [5]).

Только один пункт остался у него недостаточно ясным; он, повидимому, намеренно остерегался прямо назвать церковные владения собственностью нации. Этот вывод, пожалуй, можно было сделать из его предпосылок, но сам он

---

[1]) Motifs et précis de la Motion de M. le baron d'Allarde sur un nouveau régime des finances, Arch. parl. IX, стр. 286—342. По постановлению Нац. Собрания напечатан, роздан и передан в финансовый комитет, см. Séance du vendredi 2 oct. 1789, au matin; ibid. стр. 238.—Ср. особенно „Troisième objet", стр. 328. сл.—Проект 3 октября, желавший предоставить провинциальным врачам возможность подавать бедным безвозмездную помощь, также опирался на конфискацию церковных владений, см. „Projet du décret pour procurer dans les provinces des secours aux pauvres malades" présenté à l'Assemblée par M. Frémont, art. 14 и 15; ibid. стр. 341.

[2]) „.... les bénéficiers ne sont qu'usufruitiers; ils ne peuvent renoncer qu'à leur propre jouissance: la propriété des biens appartient a l'église et non à eux; il est évident que le corps de l'Eglise de France n'a fait aucune renonciation" etc. Très humbles et très respectueuses supplications de la Chambre Ecclésiastique d'Auch à sa Majesté, le 6 oc. 1789 (Kgl. Bibl Berl. Pièces cur. K 3616, Bd. VI, Nr 7) стр. 7.—Весь этот документ интересен по манере, которой высшее духовенство,—составившее это прошение,—пользовалось для воздействия на короля: все сводится к „уничтожению религии".

[3]) Motion sur les biens ecclésiastique de Talleyrand; A. p. IX, 398—404.—Утверждение Зибеля: „В этой связи *впервые* Талейран сделал 10 октября важное по своим последствиям предложение обратить церковные владения на нужды государства", само собой опровергается вышесказанным.

[4]) Собрание выразило ему живое одобрение и постановило напечатать предложение и раздать каждому депутату по 2 экземпляра A. p. IX стр. 404.

[5]) Материал для характеристики Талейрана дает то своеобразное обстоятельство, что в 1784 г. он доказывал в качестве „Перигорского Аббата" в записке, направленной против герцога Савойского, нападавшего на владения лионских целестинов: 1) что церковь действительно является собственницей своих владений и притом в самом строгом смысле слова; 2) что это право собственности еще священнее, чем право собственности прочих граждан; 3) что дом лионских целестинов принадлежит церкви и т. д. Талейран пытался несколько затушевать этот факт в примечании к своей речи от 10 окт. (A. p. IX, стр. 390), но аббат Мори 13 окт. энергично поставил ему это на вид (ibid, стр. 429, 2 столб. и прим.).

отказался прямо провозгласить принцип,— мудрый политик знал, конечно, почему он так поступил [1]).

Этот вопрос, однако, был выдвинут Мирабо.

Еще за несколько недель перед этим казалось, что он хотел избежать решения вопроса о церковных владениях или по крайней мере отсрочить его. Но на его глазах положение государства становилось все безнадежнее, налоги поступали все в меньшем и меньшем количестве. Его неустанно работающий ум искал новых средств к спасению страны от „hideuse banqueroute", и он нашел их в создании государственных бумажных денег [2]). Сказанные им 1-го октября слова [3]) о страхе духовенства перед бумажными деньгами показывают нам, что мысль о них уже связывалась у него с церковными владениями: он, очевидно, имел в виду использовать последние в качестве основы для своей новой финансовой системы. Поэтому для него было не столь важно провести в Национальном Собрании какой-нибудь из ранее предложенных финансовых планов, опиравшихся на церковные богатства, или хотя бы предложение Талейрана продать земли; гораздо важнее всего для него было добиться надежной основы для *своей* финансовой реформы; он считал церковные земли подходящим для этой цели объектом и потребовал поэтому 12 октября *объявить в принципе*, что церковные владения являются собственностью нации. С мудрым расчетом пользуясь расколом в среде духовенства, он тотчас же присоединил в качестве второго принципа обеспечение каждого священника содержанием минимум в 1200 ливров [4]).

Национальное Собрание, действительно, постановило на следующий день поставить на обсуждение не предложение Талейрана, а предложение Мирабо *относительно права собственности на церковные владения* [5]).

Духовенство сделало еще одну тщетную попытку помешать обсуждению: потерпев неудачу, оно с жаром бросилось в бой. Оно никоим образом не чувствовало себя в положении „священного жертвенного животного", о чем говорил Снейс, и выступило против врага со всеми наличными средствами [6]).

---

[1]) На то, что его сдержанность была замечена и обществом, указывают следующие слова Гюффруа: „ ... он (Талейран) не почувствовал, что нельзя желать добра только наполовину, и что огромная масса, которая перемещается, ломая все прежние отношения, может быть соизмерена и закреплена только на основании новых данных". Le Tocsin, стр. 89—99 прим.—После октябрьских дебатов Талейран захотел 2 ноября наложить свои основания в пользу справедливости этого принципа; ему не пришлось произнести свою речь, но он распространил ее в печатном виде, см. A. p. IX стр. 649—651.

[2]) По Зибелю (Gesch. der Rev.-Zeit [Ed. 1897] I, стр. 145), его внимание на выпуск ассигнатов обратил швейцарец Clavière.—Мысль об этом была, однако, в то время очень распространена. Ряд проектов выпуска бумажных денег был уже предложен Национальному Собранию, так, напр., уже упоминавшиеся проекты Argontre и Allarde. „Вам со всех сторон предлагают",—говорил Дюпон 24 сент.,— создать бумажные деньги или государственные билеты... Но вы понимаете, г.г., что сам по себе этот рессурс иллюзорен". IX, стр. 158.

[3]) См. стр. 421, прим. 2.

[4]) „... Je demande donc qu'on decrète deux principes" etc A. p. IX, стр. 409.— 23 окт. он снова подчеркивает: „On ne peut pas attaquer ma motion, car je n'ai parlé que d'un principe qui doit être fixé dans votre Constitution", стр. 484, и свою большую речь 30 окт. он заканчивает словами: „Qu'ai-je donc, M. M., voulu montrer? Une seule chose: c'est qu'il est, et qu'il doit être de principe que toute nation est seule et véritable propriétaire des biens de son clergé. Je ne vous ai demandé que de consacrer ce principe" etc, стр. 609.

[5]) A. p. IX, стр. 415.

[6]) Аббат Морн, напр., начал свою речь словами: „Если бы гибель белого и черного духовенства была заранее решена в этом Собрании; если бы нам пришлось бороться здесь с несокрушимой силой решения, нам не оставалось бы в на-

13, 23 и 24, 30 и 31 октября и в день окончательного решения 2 ноября, произошли великие дебаты о праве собственности на церковные владения [1]). Наиболее выдающиеся люди обеих партий мерялись силами и, если взять эти речи в целом, то они являются непреходящим памятником высокого духовного уровня первого Национального Собрания и большой серьезности, с которой оно трактовало этот важный вопрос.

В общем можно различать три большие группы ораторов.

Левую занимают Мирабо, Талейран, Дюпон, Туре и ле-Шапелье, Трельяры, Барнав, Петион, Дюран де-Мальян, Ларошфуко и другие [2]); в своих речах они ставили себе целью доказать полноту прав собственности нации на церковные земли и требовали, при условии обеспечения религиозного культа,— возможности свободно располагать ими для государственных нужд.

За ними следует группа, важнейшими представителями которой являются Малуэ, аббат Гутт, Клермон-Тоннер, аббат Грегуар и Мюлозье: одни из них не признают права собственности на церковные владения ни за духовенством, ни за нацией, признавая, однако, за последней право располагать ими, но компенсации теперешних владельцев; другие объявляют собственником частью духовенство, частью нацию и соглашаются только на право нации располагать излишком церковных доходов, т.-е. суммами, которые не представляются необходимо нужными для выполнения первоначального назначения церковных имуществ [3]).

Против всех их на правой боролись защитники „вековых прав“ духовенства. Рядом с аббатами Морн, Монтескью и д'Эймаром, епископами d'Uzès, Э и Нима стояли миряне, как, напр., ученый Камюс, а из дворян виконт Мирабо и графы Лапарк и Галлиссоньер [4]).

Если мы станем искать у представителей этой группы единства мнения относительно права собственности на церковные владения, какое объединяло их опаснейших врагов, то мы найдем у них как раз обратное. У них представлены все возможности, какие только мыслимы в этом вопросе, за исключением одной: мнения, что церковные владения принадлежат нации.

Если любитель споров аббат Морн был клерикальнее всех клерикалов и говорил: собственники—мы, а не нация и не церковь вообще [5]), то аббат

стоящее время ничего, кроме смирения и молчания; но если нам приходится нынче бороться только с силой рассуждения, т.-е. только с принципами и расчетами, нам не приходится опасаться дебатов, только что открытых г-ном отэнским епископом“. ibid, стр. 424.

[1]) Arch. parl. передают речи по записям ораторов и распространявшимся ими оттискам гораздо подробнее, чем „Moniteur“, „Journal des Débats“ или „Point du Jour“; здесь прежде всего можно найти по большей части очень интересные и очень важные примечания ораторов к своему изложению, а также и несколько речей, не произнесенных за недостатком времени, но напечатанных и розданных депутатам; это—речи Клермон-Тоннера, Дюран-де-Мельяна, Мильон-де-Монтерлана, де-Вьефвилль Дезессара и Талейрана.—Эти речи занимают в IX томе стр. 415—438 (13 окт.), 484—495 и 496—514 (23 окт.); 517—519 (24 окт.), 601—611 (30 окт.), 613—629 (31 окт.), 629—651 (2 нояб.).—Речь священника Майе ошибочно присоединена в качестве приложения к отчету 23 окт.; она относится к периоду после 2 ноября; отдельный экземпляр этой „Opinion de M. Mayet, curé de Rochetaillée, dép. de Lyon, sur l'emploi des biens eccl“ находится в Bibl. Nat. Le 29/516

[2]) В качестве ораторов следует еще упомянуть об аббате Дильоне, Жалле, кюре из Шеринье, Шассэ, Гара младшем, Лапулье, Дарце, Эннэ.

[3]) Сюда относятся еще: Мильон-де-Монтерлан, Вьефвиль, Дезессар, Лебрен и Эстурнель.

[4]) Кроме того следует отметить Бриэ-де-Бомеца, Пеллерена, Бешереля и священников Бесса и Ру.

[5]) Как строго он понимает при этом понятие „собственник“, показывают такие выражения: „Когда я говорю „собственность“, господа, я беру это слово в самом

Гутт, напротив говорил: мы только пользователи, а земли принадлежат духовенству, как корпорации; если Галиссоньер [1]) также примыкает к этому последнему мнению [2]), то Камюс, Эймар и епископы Э и Нима занимают противоположную точку зрения, утверждая, что не духовенство в целом, а отдельные учреждения, отдельные церкви являются собственниками пожертвованных им владений [3]); но Бесс и Бешерель не признают собственником ни их, ни духовенство, ни нацию, а ту цель, которой должны служить пожертвования: поддержание культа, помощь бедным [4]). Если прибавить к этому, что, по мнению епископа гор. d'Uzes, истинное отношение духовенства к церковным владениям должно быть выражено в двойном слове „propriétaires usufruitiers“ [5]), то легко увидеть, что защита церковной собственности стояла на ногах не очень твердо.

Познакомимся вкратце с главнейшими из аргументов и контр-аргументов.

По словам Камюса, нападки на церковные владения можно разделить на прямые и косвенные. Первые исходили из верховных принципов, из которых затем делались выводы, оружием для вторых служила критика злоупотреблений, в которых провинились духовные управители церковных владений [6]).

С этим последним способом нападения мы уже познакомились во всех подробностях при рассмотрении брошюр и наказов. Все, что говорилось в них о несправедливом происхождении церковных владений и неканоническом употреблении их доходов, о растрате имущества бедных, унижении, которое представляет для духовенства светское богатство, о нарушении монастырских правил и порче религиозной жизни; все исторические примеры, привлекавшиеся раньше в качестве подтверждения справедливости и пользы конфискации церковных владений,—все это с удвоенной силой было вновь выдвинуто в октябрьских речах. Духовенство черпало возражения у Сиейса: оно указывало, что эти злоупотребления дают основания не для отнятия у духовенства его владений, а разве только для реформ,—аргумент довольно слабый для противников, утверждавших, что духовенство утратило свои права на владения именно вследствие этих злоупотреблений, и к тому же не веривших в реформу духовного сословия, пока этому будут препятствовать его светские богатства.

Но решающее значение имел „гораздо более страшный“—прямой способ нападения: „Холодно, спокойно, опираясь на сильную диалектику, он развивал свои основные принципы, с математической точностью делая из них выводы“ [7]).

строгом смысле. Действительно, собственность также священна для нас, как и для вас. Наша собственность обеспечивает вашу... Мы сделались собственниками, как и вы, г.г., путем дарений, путем приобретений, путем распашки, и закон обеспечил нам нашу собственность так же, как санкционировал вашу...“ и т. д. (13 окт.) A. p. IX, стр. 428.

[1]) „ ... Tout le monde sait que nous ne sommes qu'usufruitiers des biens que nous possédons; que ces biens appartiennent au clergé en général et non à chaque individu en particulier etc“. (13 окт.). Ibid., стр. 432.

[2]) Ibid, стр. 634.

[3]) Ibid, стр. 415, сл., 421—422, 616—617 и 626—627.

[4]) Ibid, стр. 631.

[5]) „Nous sommes donc, M. M., vrais propriétaires usufruitiers; nous possédons de bonne foi et de temps immémorial“ и т. д. (25 окт.). Ibid, стр. 489.

[6]) „La propriété des biens du clergé a été attaquée de deux manières: par une voie indirecte, en insistant sur les abus dont ceux qui les administrent se sont rendus coupables; par une voie directe, en posant des principes dont on a tiré des conséquences“. Ibid. стр. 417.

[7]) „L'attaque directe,—говорит Camus,—a été plus formidable parce qu'elle a été froide, tranquille et appuyée sur une forte dialectique. La discussion de M. Thouret a été la demonstration d'un géomètre qui conduit à l'évidance, pourvu que la vérité du premier principe, du principe générateur sera reconnu“. Ibid.

Теория о владельческих правах абстрактного лица (corps moral), о способности корпораций быть самостоятельными собственниками, уже выставленная Тюрго, Кондорсе и другими дореволюционными писателями, получила теперь у антиклерикальных ораторов дальнейшее развитие и сделалась наиболее устойчивой точкой опоры для выставленного Мирабо принципа. Аббат Морн был до известной степени прав, говоря своим противникам, что ему лучше было бы отвечать статье Энциклопедии, чем им [1]). Но и сами они нисколько не скрывали первоисточников своих идей, и Тюрго, „один из величайших государственных мужей современности", как называл его Мирабо, особенно усердно привлекался в качестве лучшего авторитета для подтверждения справедливости их взглядов [2]).

Что касается самой теории, то она, как и все правовые и конституционные проблемы XVIII века, опиралась, в конечном счете, на естественное право.

Указывалось, что корпорации не являются „элементами социального порядка"; в тот момент, когда люди объединялись для создания гражданского общества, корпораций еще не существовало. Отдельные люди создали „первую и величайшую из абстрактных и политических корпораций"—государство и вместе с ним гражданский закон. Если впоследствии внутри государства создавались „корпорации низшего порядка", то это могло произойти лишь при условии, оговоренном или предполагавшемся, что они соответствуют благу всего государства и всегда будут иметь своей целью только его пользу. Создавать корпорации, вредные государству, было бы покушением на него само.

Индивидуумы, существовавшие независимо от государства и закона и раньше их, имеют права, проистекающие из их природы и их собственных способностей, права, не созданные законом, а лишь признанные им, права, которые закон защищает и не может уничтожить, точно так же как не может он уничтожить и самих индивидуумов; напротив, корпорации существуют лишь благодаря закону и не имеют реальных прав от природы. Они вообще не имеют собственной независимой природы; они—только фикция, только абстрактное создание закона, который может дать им какие угодно права и возможности, модифицировать их, если ему это покажется нужным, и даже уничтожить их вовсе, если они окажутся вредными для целого.

Способность быть собственником есть гражданское право; общество в целом, государство может поэтому по своему усмотрению определять, могут ли корпорации быть собственниками или нет; так как не существует, согласно вышесказанному, ни одного законодательного акта, которого нация не могла бы изменить или отменить; если ей это покажется нужным, то она может уничтожить и самые корпорации тою же самой общей волей, которая призвала их к жизни. Тогда право собственности, дарованное им нацией, снова возвращается к ней [3]).

Что духовенство есть „corps moral et politique", „доказал" сам Спейс, и его друзья в большинстве случаев принимали это положение. Вышеизложенную теорию применили к духовенству и заявили: церковные владения

---

[1]) Ibid. стр. 610 (30 окт.).

[2]) Ср. напр. в речах Мирабо, стр. 607 (30 окт.); Ларошфуко, стр. 514 (31 окт.); ле-Шапелье, стр. 639. „Цитировать этого министра,—говорит Шапелье 2 ноября,—это значит подтверждать саму добродетель". Брошюры Польми и Шисегюра также называются обеими сторонами, см. Мирабо, стр. 642 (2 нояб.). Лебрен, стр. 603—604 и 603 прим. 1 (30 окт.); Морн, стр. 610 (30 окт.).

[3]) Ср. речи А. Ламета, VIII, стр. 970 (8 авг.); Ларошфуко, IX, стр. 34 и 35 прим. и 614 (18 сент. и 31 окт.); Дюпона, стр. 152, прим. 3, 157 прим. 1 и 517 (24 сент. и 24 окт.); Турэ, стр. 485—487 и 611 (23 и 30 окт.); Трельяра, стр. 491—492 (23 окт.); Мирабо, стр. 607 и 640—641 (30 окт. и 2 нояб.); ле-Шапелье стр. 639 (2 ноября).

всегда предназначались для общественного служения, даже в тех случаях, когда они проистекали из частных пожертвований; нация поэтому всегда сохраняла по отношению к ним всю полноту прав; она вручила эти владения духовенству не в качестве собственности, а в качестве „dépôt“ для поддержания культа и помощи бедным; духовенство не выполнило этих обязанностей, и, так как господствовавший доселе порядок причиняет государству вред, нация дает духовенству другое устройство, она уничтожает его, как политически самостоятельную корпорацию, и имеет полное право отобрать у него владения, которыми оно до сих пор управляло и располагало как своею собственностью [1]).

Таков был этот принцип! Если духовенство выставляло против него аргумент аббата Спейса, что нация также является „абстрактной корпорацией“ и поэтому также не может иметь собственности [2]), то это означало полное непонимание характера общественного договора и хода мыслей противников. По их воззрениям государство, покоившееся на общественном договоре, заключало в себе сумму прав всех отдельных лиц; поэтому, оно являлось единственной справедливой корпорацией, имеющей юридические основания в себе самой. Они не говорили, что корпорация не может иметь собственности, а утверждали лишь, что в пределах этой крупной и первоначальной корпорации (т. е. сплотившейся в государство нации) никакая другая не имеет никаких прав, в том числе и прав собственности, которые не исходили бы от нее (нации) и не могли бы быть изменены или даже совершенно отменены ею.

Когда защитники церковных владений действительно соглашались с этим выводом, они либо становились, подобно Камюсу, по ту сторону господствовавших тогда воззрений на естественное право и утверждали, что по отношению к проистекающим из закона правам, нет различия в отношении к лицам физическим и абстрактным (юридическим) [3]), либо, искажая нереальное в историческом смысле представление об общественном договоре, они выставляли, подобно аббату Морн и аббату д'Эймару, в качестве аргумента тот факт, что корпорация духовенства существовала уже *ранее* образования французскаго государства и поэтому получила свои права не от него, составляя необходимый элемент его строя („une portion intégrante de son existence constitutionelle“ [4]).

Эти аргументы не помогли духовенству [5]).

Его заявление, что ни один наказ не требует конфискации церковных

---

[1]) Лакост, VIII, стр. 369 (8 авг.); Дюпон, IX, стр. 153—154 (24 сент.); Талейран стр. 398 и 399 прим. (10 окт.); Барнав, стр. 423 (13 окт.); Малуэ, стр. 434 (13 окт.); Дюпор, стр. 485 (23 окт.); Турэ, стр. 486 (23 окт.); Трельяр, стр. 492 (23 окт.); Гара младший, стр. 518—519 (24 окт.); Мирабо, стр. 608—609 и 643 (30 окт. и 2 нояб.).— Ср. также предыдущее примечание.

[2]) Бетизи, епископ d'Usèz, стр. 487 (23 окт.); Буажелен, архиепископ, стр. 616 (31 окт.); граф де-Галлиссоньер, стр. 632—634 (2 нояб.).

[3]) „Les corps légitimement admis dans l'Etat sont capables d'être propriétaires par la même raison que les citoyens en sont capables; savoir parceque toutes les personnes qui composent l'état, personnes morales aussi bien que personnes physiques sont capables de tous les droits qui dérivent de la loi“, стр. 416 (13 окт.).

[4]) Стр. 422 (13 окт.) и стр. 610 (30 окт.).—То же у Boisgelin, стр. 615: „Il est des possessions de l'Eglise dont l'origine remont par des titres incontestables avant l'établissement de la monarchie“.

[5]) Дальнейшие аргументы и возражения недостаточно значительны, чтобы подвергать их детальному рассмотрению. Те из них, которые касаются определения понятия собственности и опираются при этом на Спейса, также обнаруживают слабые стороны клерикальной аргументации; см. Дюпор, стр. 484, Трельяр, стр. 490 и Мирабо, стр. 607 и 642 с одной, Камюс, стр. 416, Эймар, стр. 414 и Ла Галиссоньер, стр. 634 с другой стороны.

владений, также было отвергнуто Дюраном-де-Мальян и Эннэ, как не соответствующее действительности [1]).

Оно обратилось к другим средствам: Мори и виконт Мирабо угрожали восстаниями провинций [2]); собрания духовенства протестовали против всякой попытки лишить церковь ее владений, поставить под вопрос содержание священников, предоставить религиозный культ игре случая и сделать королевство Хлодовеха, Карла Великого и Людовика Святого добычей ереси и безверия [3]). Духовенство не остановилось даже перед распространением протеста-образца для бедных, в котором последние должны были возражать перед Национальным Собранием против лишения их „неоспоримых прав“ на церковные владения [4]).

Но никакие средства больше не помогали. Уже 28 октября Национальное Собрание приостановило постриги и тем самым, по мнению нимского архиепископа, предрешило вопрос [5]).

Вольтер некогда воскликнул, обращаясь к клирикам: „Вы правы, захватывайте землю; она принадлежит тому сильному или умному, кто ею завладел: вы воспользовались временами невежества, суеверия и безумия, чтобы лишить нас наших наследий, наступить на нас ногами, а самим жреть от хлеба несчастных. Дрожите, как бы не наступил день разума!“ [6]).

Для светских владений церкви—этот день наступил 2 ноября 1789 г.

Сильная речь Мирабо и под конец замечание ле-Шапелье, что духовенство не будет уничтожено, как политическое сословие, пока за ним будут оставлены его владения, побудили большинство собравшихся принять выставленный Мирабо принцип в качестве закона [7]).

На деле Собрание неожиданно пошло еще дальше. Мирабо подчеркивал в своей речи, что он предлагает лишь принципиально признать право собственности нации на церковные владения [8]); но, когда незадолго до голосования он еще раз прочитал свое предложение, он внес при чтении в него

---

[1]) Стр. 501—502 (23 окт.) и стр. 631 (2 нояб.).—Характерно для воззрений эпохи заявление появившегося в это время „Résumé général des cahiers“ (par Prudhomme et Laurent de Mezieres in 8°, 1789, 3 т.), что наказы третьего сословия единогласно требуют продажи церковных владений, а наказы духовенства единогласно высказываются против; см. Chassin, Cahiers des curés, стр. 344.

[2]) Стр. 426 (13 окт.) и стр. 605 (30 окт.).—„Нечего опасаться,—возражал на это Гюффруа,—восстания провинций, которым аббат Мори с присными как будто угрожает Франции, нечего опасаться действия тех приемов, которые они, надо думать, применяют в своих кантонах; они в своем отчаянии надеются разделить общественное мнение и скрепить наши оковы“. Le Tocsin, стр. 118.

[3]) Déclaration du clergé de la Ville de Toulouse, du 17 Oct. 1789 (Kgl. Bibl. Berl. Pièces R. 3615, т. VI, № 7), стр. 20—24.—Mémoire du clergé de la province de Hainaut, contenant des réclamations contre la motion qui vient d'être faite à l'Assemblée Nationale pour la vente des biens ecclésiastiques.—A. p. IX, стр. 411 (21 окт.).

[4]) Avis aux Pauvres. Modèle de protestation à faire pour les pauvres. См. Doc. de Paris IX, стр. 182—183.— Это произведение кончается словами: „Nous... les pauvres de la paroisse de... département de... protestons contre toute vente des biens appartenant au clergé et tendant à nous dépouiller des droits incontestables que nous avons à ces biens. Signé... Faite à...“.

[5]) A. Aulard, La Révolution française et les Congrégations, стр. 45—47.

[6]) Voltaire Dict. phil. I, стр. 39.

[7]) „M. le Chapelier,—говорит об этом Галиссоньер в оттиске своей речи,—„avança encore que laisser au clergé la propriété de ces biens, ce serait faire renaître la distinction des ordres... le sophisme cependant fit impression et fit changer d'avis à beaucoup des députés, à ce que j'ai appris de quelques députés mêmes“. A. p., стр. 635, прим. 1.

[8]) „Au lieu d'entrer dans ces dédales de difficultés, je vous ai proprosé un parti plus convenable et plus simple. Déclarez, vous ai je dit, que ces biens de l'Eglise appartiennent à la nation. Ce seul principe etc“. Ibid., стр. 640.

ряд поправок [1]), и Национальное Собрание возвело в закон не этот чистый принцип, а сделало, как я уже сказал, и дальнейший шаг и постановило, что церковные владения *находятся в распоряжении нации* [2]).

Таким образом, финансовому плану Мирабо открылись все пути.

Ипполит Тэн упрекает Национальное Собрание за то, что оно не приняло предложения духовенства покрыть государственный дефицит собственными средствами, ибо для него важнее было не покрыть дефицит, а применить принцип [3]).

Я не понимаю этого упрека. Прежде всего мне представляется признаком высокого уровня развития парламентаризма, когда он кладет в основу всего законодательства принципы, стоящие над отдельными вопросами, ибо эти принципы являются зрелыми плодами духовных и материальных интересов, защищаемых политической партией, или по крайней мере должны были бы быть ими.

Но оставим это и снова оглянемся назад.

Вопрос о праве собственности был связан с тысячью вопросами общественного блага в целом [4]). Ближайшая задача заключалась, правда, в покрытии огромного государственного долга и уничтожении невыносимого дефицита. Ряд выдающихся людей считали, что разрешить ее удастся лишь в том случае, если будут конфискованы церковные владения, являвшиеся, с их точки зрения, собственностью нации; исходя из этого, они составляли свои финансовые проекты, предлагавшиеся ими Собранию. Наиболее выдающийся из них, Мирабо, настаивал сначала на том, чтобы церковные владения были в принципе объявлены собственностью нации, имея при этом в виду разрешить финансовую задачу и создать новую здоровую основу для государственного хозяйства.

Можно ли упрекать этих людей,—если вообще это можно назвать упреком,—в том, что „они хотели только применить принцип“?

Но мало того. Как я говорил, дело шло о благе целого народа. Мы видели, какое множество пожеланий, какие светлые надежды связывались в течение полувека с новым способом использования или полным расщеплением комплекса церковных владений; мы видели, как весною 1789 г. эти пожелания и надежды превратились во всех частях Франции, во всех классах населения в могучие требования; дело шло не об одном только покрытии дефицита и смягчении тяжести налогов. Целые классы народа требовали политического освобождения, целые слои нации добивались социального подъема [5]). Помощь бедным и больным, свобода труда, возможность заработка, воспитание юношества, освобождение земли, создание новых семейств, исправление нравов и обновление религиозной жизни,—вот идеи, неразрывно свя-

---

[1]) „M. le comte de Mirabeau réclame la priorité pour sa motion...; il la lit et y fait successivement des corrections“. Ibid., стр. 649.

[2]) Большинством 568 против 346 голосов, при 40 воздержавшихся.

[3]) Les Origines ([16] 1888) I, стр. 220 сл. „Mais pour nos politiques nouveaux, il s'agit biens moins de combler le déficit que d'appliquer un principe“ (стр. 221).

[4]) „Один этот принцип,—восклицал Мирабо 2 ноября,—приведет к тысяче полезных реформ и благодаря одному этому все препятствия будут преодолены“. A. p. X, стр. 640.

[5]) Как сильно было социальное чувство у ораторов октябрьских дебатов, показывают между прочим следующие слова Малуэ: „Бедные—наши кредиторы как в моральном, так и в социальном и политическом отношении. Первый зародыш порчи в большом народе—бедность; самый большой враг свободы и добрых нравов—нужда; и последняя степень унижения для свободного человека после преступления—нищенство. Уничтожьте этот бич, унижающий нас, и пусть в результате всех наших рассуждений о правах человека закон о помощи страждущему человеку будет одною из религиозных статей нашей Конституции“. A. p. IX, стр. 435 (13 окт.).

ставшейся с упразднением духовных корпораций и конфискацией церковных имуществ.

Он считал всю партию к выполнению всех своих сил в рамках самого крайнего государства. Мечты великой нации о торжестве своего труда под знаменем свободы [illegible] на которой вырастет „принцип“: своего рода [illegible] в течение [illegible] того времени мы читали, что он [illegible] становился все яснее и сильнее и как он, наконец, сорвал [illegible] благодаря лучшим людям.

Мне [illegible] что в статье, которая не вполне [illegible] с точки зрения [illegible] что в этой [illegible] было хорошо и что дурно. Он [illegible] наконец, [illegible] исторических действий из самого этого понятия. И ниже в [illegible] мы познакомились с основаниями, на которых [illegible] Все это [illegible] в конце концов [illegible] с убеждением, что [illegible] за собой подъем национальных сил [illegible] в экономическом [illegible] Какие же средства [illegible] для [illegible] своих надежд, [illegible] по словам [illegible] земель?

Быть может [illegible] ли же [illegible] декретом от 2 ноября 1789 г. Таким образом [illegible] в осуществлении религиозных [illegible] с [illegible] Реформу [illegible] земледельческой [illegible] и сельского хозяйства вообще, в интересующем нас прежде всего, относится к эпохе [illegible] французской революции.

Некоторые руководящие точки зрения, которые легли в основу этого [illegible] еще до 2 ноября, я разъясню здесь в связи с прениями в Национальном Собрании, как я это сделал при рассмотрении брошюр и наказов. Говоря о [illegible] Англии, [illegible] и [illegible] земли, как средство выйти из [illegible] Мори отстаивал [illegible] о новых [illegible] земли по [illegible] уже [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible].

В [illegible] наказах и [illegible] мы видели, часто [illegible] желание увеличить число земельных собственников.

Дюпон де Немур [illegible] Национальному Собранию [illegible] пожелания, исходя из своих [illegible] точки зрения. По его мнению, [illegible] и „[illegible]“ не связанные ни с какой [illegible] [illegible] должны [illegible] [illegible] труд и желание [illegible] труд им, ибо он является для них наиболее [illegible] [illegible] существовать в интересах всей страны [1]. Поэтому [illegible] не [illegible] и составить [illegible] число земельных собственников [illegible] [illegible] [illegible]

не бедноте и безземельным крестьянам, а богатым капиталистам, и, прежде всего туземным и иностранным спекулянтам [1]).

Их рассуждения направлялись прежде всего против надежд, высказанных Талейраном, относительно того, что продажа церковных владений сохранит деревне большее число собственников. Исходя из этой идеи, последний внес предложение делить и дробить владения еще до аукционов [2]).

Туре и Ла Цуль, двое из наиболее ожесточенных противников духовенства, также защищали эту точку зрения с большой энергией.

Они рассматривали духовные корпорации, как „большие бесплодные семьи", владения которых были обречены на вечную неподвижность, которые препятствовали распределению земли среди новых семейств и поэтому противоречили основным принципам здоровой политики.

Страна с большим населением была, по их мнению, особенно заинтересована в возможно более широком дроблении частной земельной собственности: с одной стороны, в моменты нужды и волнений безземельные всегда становились опасными для общества, почему всегда необходимо заботиться об умножении их численности. С другой стороны, повышение производительности земли, „самого крупного источника богатства страны", представлялось возможным лишь при увеличении числа земельных собственников. Поэтому для земледельческой Франции было, по словам Туре, чрезвычайно важно, чтобы столь многочисленные и обширные владения не предоставлялись „мнимым собственникам", являвшимся естественными врагами собственности, или же незаинтересованным управляющим, а были распределены между настоящими собственниками, „распространяющими в всей стране то усердие и ту любовь к собственности, которых ничем нельзя заменить" [3]).

Таким образом, и здесь мы снова встречаемся в Национальном Собрании с теми мнимыми ожиданиями, которые народ уже в течение целых десятилетий связывал с уничтожением церковного землевладения [4]). Показать, насколько практическое законодательство оправдало эти ожидания, и привело ли освобождение земли, остававшейся в течение долгих веков неподвижной в руках духовенства, к тем успехам, которых ждали от него крестьянин и горожанин, политик и философ,—является, как я сказал, задачей истории аграрно-политических стремлений следующей эпохи. С описанием конфискации церковных владений по постановлению Национального Собрания от 2 ноября 1789 г. поставленная мною в этой главе задача заканчивается: если я действительно разрешил ее, то мне, надеюсь, удалось показать, что и по отношению к этому важному вопросу революция, говоря словами Редерера [5]), не была вызвана в в определенный день и час, в определенном месте, определенными лицами или событиями, а совершилась в умах и нравах раньше, чем обнаружилась в законах!

[1]) Ср. Bethizy, стр. 490 (23 окт.); Vic. de Mirabeau, стр. 603 (30 окт.); Boisgelin стр. 620 (31 окт.); Pétion de Villeneuve, стр. 625 (31 окт.); Briois de Beaumetz, стр. 630 (2 нояб.); Malouet, стр. 647 (2 нояб.).

[2]) Ср. его речь от 10 окт. Стр. 401 и 403.

[3]) Thouret, стр. 485—486 (23 окт.); De la Poull, стр. 670 (2 нояб.). Леопен также желает создать новых земельных собственников, но не путем продажи церковных владений, а путем употребления части церковных доходов на покупку земли, которая должна распределяться между бедными и трудящимися гражданами.

[4]) Принятое Кареевым утверждение Авенеля: „...Ни в речах, произнесенных по этому поводу (по поводу церковных владений), ни в принятых декретах мы не находим ни одного слова в пользу безземельных" (Кареев, Les paysans (1899), I, стр. 519), является следовательно ошибочным.

[5]) Roederer, L'esprit de la Révolution; Oeuvres (Ed. A. M. Roederer, Paris 1834) III стр. 7 и 8.

ПРИЛОЖЕНИЕ II.

Брошюры 1789 г. за секуляризацию церковных владений и против нее, вышедшие до 2 ноября.

А. ЗА СЕКУЛЯРИЗАЦИЮ.

(В скобках указано, где находятся самые брошюры или выдержки из них).

Автор неизвестен:

1) Avis aux pauvres aux Etats-Généraux 1789. (Doc. de Paris II, crp. 389).
2) De la Différence qu'il y a entre les Etats Généraux et les Assemblées nationales ou Principes Radicaux de la Constitution. Эпиграф: Les Etats-Généraux ne sont pas de notre Constitution primitive. 1789 (до 2 мая) (Arch. Bill. Berl. Pièces sur. el rer. R. 2610 r. I № 3).
3) Doléances aux électeurs, soudoyés et prêtres des paroisses de Paris 1789 (Lichtenberger, Le Socialisme et la Révolution, crp. 241).
4) Des droits du clergé sur les domaines publiques. 1789. (Bibl. Nat. L. b 39 (1616).
5) Les besoins de l'Agriculture. 10 Avril 1789 (B. N. Lb. b 39 1077). Эта брошюра признает за церковью право собственности только на одну треть церковных владений.
6) Observations sur les cahiers du Tiers de Paris. 1789 (B. N. Lb. 39 1377 и Doc. de Paris, IV crp. 110).
7) Le Père Pacifique, 1789. (B. N. Le. 2 174).
8) Pièces du procès au crimes et formais de la noblesse et du clergé, 1789. (B.-N. Le. 29 760; Chassin. Cahiers des curés, crp. 150).
9) Principes ou sentiments remplies, 1789 (B.-N. Le 29 769; Chassin, op. cit., crp. 178).
10) Projet d'une instruction remise par M. Turgot, quand il fut nommé contrôleur général des finances à présenté de nouveau à l'Assemblée des Notables en 1787. Paris 1789 B.-N. Le. 29 34; Doc. de Paris Le crie. 1561.
11) Lettres du curé à ses paroissiens aux Etats-Généraux, 1789 (Lichtenberger, op. cit. crp. 242).
12) La trompette du jugement dernier. Tuba sonum mirum sonans. Ad solis Ecliptic. premier sept. 1789 (Arch. Bill. Berl. Pièces 617 VI № 8).

Автор известен, но брошюры по большей части изданы анонимно.

13) Bérenger de Hauterive, Haut sur la Loire (Bibl. Berlin. Le 30 482; Chassin, op. cit. crp. 44 и 155).
14) Bertrand de la Suppression de tous les droits féodaux par un gradu 1789 (Doc. de Paris IX, crp. 199).
15) Le Bois. Le cahier [illegible] humain reprenant vrai 1789. (B. N. Lb. 39 5072).
16) De Bonneville. Le Tribun du Peuple. 1789, chez Le Jay fils. Эпиграф: „L'homme ne me paraît plus qu'un. Roi détrôné. Des droits et devoirs du citoyen: Le. (Arch. Bibl. Berl. Pièces R. 611, t. II, crp. 25 29).
17) Bonvier. De la [illegible] du clergé. 1789. (B.-N. Lb. 39 1018; Chassin, op. cit. crp. 52).
18) Clergé, Cri de la Raison, de justice 1789. (Chassin, Les paysans, crp. 209).
19) S.-R. de Condorcet. [illegible] Assemblée des Patriotes, Etat. Généraux. B. N. Lb. 39 1190.
20) Abbé Désodoards. Considérations sur les moyens à concilier [illegible] ment des finances en vendant pour deux milliards de biens du clergé. 1789, (Buchez et Roux, hist. parl. III crp. 348).
21) Augustin Duraste[illegible]. Le Grand Coup de Filet des Etats Généraux 1789 (марш. (B. N. Lb. 39 1313). Doc. de Paris IV crp. 25 cf. Chassin. Les cahiers financiers, II, crp. 219.
22) Abbé Le Pauvre, Les droits de l'homme et du citoyen ou [illegible] aux journaliers, ouvriers, artistes, présentée aux Etats-Généraux par S. A. Mgr. le duc d'Orléans, 1789 (B.-N. Lb. 39/7879).
23) Gambier, Essai historique sur la rentrée des biens tant [illegible] qu'à la noblesse; avec des réflexions sur la nature de ces biens. 1789.
24) Abbé Gouttes, Considérations sur l'injustice des prétentions du clergé [illegible] la noblesse (1789) Chassin, op. cit. crp. 155—157).

Покровский М. — Русская история в древнейшие времена. Том I. 310 стр.

Его же. Русская история в древнейшие времена. Том II. 306 стр.

Его же. — Русская история в древнейшие времена. Том III. 315 стр.

Его же. — Русская история в древнейшие времена. Том IV. 302 стр.

Рожков, Н. — Учебник истории всеобщей и русской. Курс систематический. Для II ступени и для самообразования. Вып. I. Древняя история. 134 стр.

Его же. Учебник истории всеобщей и русской. Вып. II. Новая история. 125 стр.

Его же. — Учебник истории всеобщей и русской. Вып. II. История средних веков. 112 стр.

Его же. Учебник истории всеобщей и русской. Вып. IV. Новейшая история. 125 стр.

Сеньобос, Ш. — Политическая история современной Европы. Том I. 232 стр.

Суи, А. — История революционного движения в России. 284 стр.

Тюменев, А. И. — Очерки экономической и социальной истории древней Греции. Том I. Революция. 170 стр.

Его же. — Очерки экономической и социальной истории древней Греции. Том II. Расцвет и кризис демократии. 304 стр.

Его же. — Очерки экономической и социальной истории древней Греции. Том III. Упадок. 185 стр.

Шиковский, Д. — Люди и нравы французской революции. Перевод с немецкого.

Вольтере — Исследование по аграрной истории Франции.

Документы по истории крестьянского движения в России (Центрархив.) Вып. I.

Жорес — История социализма.

Пичета. Источник и историография русской истории.

Стороженко. — Декабристы.

РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА — всех поименованных изданий производится в московских и петроградских книжных магазинах **ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА.**

ОПТОВАЯ ПРОДАЖА — в Торговом Складе Госиздата в Москве и Петрограде.

I-HC298

60 -

585.00

KC182
B71